

ВИТАЛИЙ
ПОЛУПУДНЕВ

ВИТАЛИЙ
ПОЛУПУДНЕВ

МИТРИДАТ

МИТРИДАТ

Scan Kreyder - 06.07.2014
STERLITAMAK

серия
**ИСТОРИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ**

ББК 84Р7
П 53

Текст печатается по изданию:
В. М. Полупуднев «Митридат»
М., «Советский писатель», 1979 г.

Роман «Митридат» повествует о событиях далекого прошлого. Время действия — с 80 по 63 год до нашей эры. Эта книга завершает собою историческую трилогию, начатую автором двумя романами «Великая Скифия» и «Восстание на Боспоре». Однако «Митридат» — вполне самостоятельное, сюжетно обособленное произведение.

П $\frac{4702010200 - 28}{Э28(03) - 94}$ без объявл.

ISBN 5-85464-103-8

© Изд-во «Посылторг».
Оформление, 1994.

ВИТАЛИЙ
ПОЛУПУДНЕВ

МИТРИДАТ

«ПОСЫЛТОРГ»
Екатеринбург
1994

Часть I

ФИАС ЕВПАТОРИСТОВ

I

Не первый раз Пантикапей торжественно встречает заморских победителей как дорогих гостей. Принимал и чувствовал он в прошлом удачливого воеводу царя понтийского — Диофанта, который сначала разгромил полчища скифского царя Палака, а потом кровью залил страшный пожар рабского бунта. Диофант пленил рабского царя Савмака и положил конец его успехам. И поныне рассказывают о подвигах и военных хитростях жестокого воеводы, кто с восторгом и восхищением, а кто с досадой и горечью. Но друзья и враги согласны в одном — Диофант был достойным исполнителем воли своего владыки Митридата Евпатора Диониса, величайшего из царей Востока, обожествленного при жизни. Тогда вся Таврида склонилась перед понтийским деспотом. Херсонесские и боспорские греки, а вслед за ними и степные скифы признали Митридата своим повелителем, присягнули ему в верности, стали его данниками.

И стоило свободолюбивым боспорцам отколоться от Митридатовой державы, пользуясь ее затруднениями и неудачами в войне с Римом, как возмездие не замедлило. Тень грозного Митридата вновь упала на Боспор и заслонила солнце его независимости. О! У честолюбивого царя длинные руки, они, как и тридцать лет назад, протянулись через море и собрали в одну горсть северных эллинов и скифов!.. Для этого ему было достаточно передышки после второй войны с Римом. Отвлечшись от

римских дел, Митридат обратил взор на север и указал перстом на Боспор Киммерийский. И Неоптолем, опытный наварх, ранее уже побывавший в Тавриде совместно с Диофантом, отплыл на боевых кораблях из порта Синопы. Он пересек Понт Эвксинский поперек и ступил тяжелой ногой на таврическую землю. Боспорцы после неудачных попыток сопротивления принуждены были сложить оружие. Неоптолем сумел в короткое время положить предел временному своеволию боспорских греков и вновь подчинил Боспор Митридату. Он вернул северных эллинов под тяжкую десницу царя понтийского, подобно тому, как заблудшую овцу возвращают в хозяйское стадо. Боспорцы повторили клятву верности грозному царю-воителю и устроили Неоптолему пышный прием с приветственными гимнами, льстивыми речами и дорогими подарками.

Но Митридат не доверял клятвам и заверениям боспорских греков. Знал, что стоит ему отозвать Неоптолема и флот, как строптивые и вероломные боспорцы опять отколются от его империи. И повелел наварху оставаться в Тавриде в качестве временного наместника и обеспечить как покорность Пантикапея, так и доставку продовольствия и денежной дани в Синопу.

Теперь, когда Неоптолем сообщил великому царю о полном умиротворении Пантикапея и соседних городов, царь направлял на Боспор достойного правителя.

Уже были замечены далекие сигнальные огни, извещавшие о приближении кораблей нового ставленника Митридата к берегам Тавриды. Неоптолем приказал готовить торжественную встречу. Пантикапей ожил и преобразился по-праздничному.

На улицах снуют шумные толпы нарядных людей, ибо по приказу грозного наварха и совета города никто не смеет появиться вне дома в бедном, поношенном платье... Медленно движутся шествия юных дев, одетых в белоснежные хитоны, увенчанных душистыми розами. Всюду сверкают доспехами рослые воины, стражи порядка, вооруженные копьями и мечами. На улицах и площадях чистота и порядок. Рабы с метлами и лопатами работали всю ночь, жгли мусор, выносили его за городские стены.

Толпа раздалась. Появились стройные ряды воинов Неоптолема, черномазых и курчавоголовых южан, что

располагались лагерем за городом и сейчас дружно вступили в ворота столицы. Они должны составить почетный эскорт великому гостю и будущему правителю Боспора, прибывающему сюда по повелению самого Митридата.

Пантикапей готовился встретить Махара, сына Митридата, назначенного на Боспор царским ставленником с правами монарха. Все знали, что Махар — старший сын понтийского царя, наследник его царственной диадемы. Сейчас Митридат занят подготовкой новой войны с Римом, а Махар должен заменить его на Боспоре, почувствовать себя самостоятельным владельцем земель и народов, привыкнуть к власти и государственным делам.

Неоптолем в богатом убранстве, облаченный в сверкающий панцирь и увенчанный высоким гребнистым шлемом, выглядит воинственно и гордо. С его плеч красивыми складками ниспадает широкий плащ. Но из-под шлема предательски выглядывают клочья рано поседевших волос, да в глазах, уже подернутых мутию, таится усталость. Стоит ему на миг забыться, и спина даже под плащом выступает горбом. Но воевода старается держаться прямо, пытаюсь скрыть следы времени и недугов, полученных в бесчисленных походах. С подчеркнутой легкостью и живостью он ходит по каменным плитам, отдает приказания, взмахивая сухой рукой, вглядывается в лица окружающих колючим, испытующим взором — манера, свойственная всем, кто служит царю, известному своей подозрительностью и недоверием к людям.

Наварха окружают архонты города, военачальники, свои и боспорские, почетные граждане владельцы богатств, гости из Скифии, выделяющиеся своими нечесаными бородами и вызывающими взглядами. Они одеты в расшитые замшевые шаровары, прихваченные широкими кожаными поясами с медными бляхами и кинжалами.

Неоптолем успевает шутить с одними и вгонять в дрожь других, заметив неисправность. Безбородое морщинистое лицо его покрыто потом, губы запеклись от жажды, что мучила после вчерашнего веселого пира, устроенного в его честь богачами из рода Ахаменов. Все знали, как тщеславен храбрый воевода, как он любит почет и пышность. Умиротворив строптивый Боспор и одер-

жав две победы над варварами, сначала на море, а потом на льду пролива, он возгордился, стал держаться с важностью триумфатора, требуя торжеств и празднований в честь своей особы. Он принимал богатые приношения как должное. Любил, когда певцы прославляли его подвиги, а шумная толпа льстецов превозносила его, именую любимцем богов. На пирах его окружали легко одетые танцовщицы; красивые рабы подавали угощения на золотых блюдах и разливали заморские вина в египетские чаши с магическими знаками. Вчера в разгаре пира в облаках курений благовонного дерева стиракс появилась летающая богиня Ника, дарующая победу. Потом богиня оказалась на коленях Неоптолема. Это была статуэтка, отлитая из золота, копия произведения знаменитого мастера Пэония. Богиня победы была представлена в образе крылатой девушки с венком в руках.

— О Неоптолем! — вскричал глава рода Ахаменов Парфенокл. — Ты удостоен внимания и награды от богини смелых и сильных! Ты — герой!..

Вспоминая это, наварх испытывал двойное чувство. Удовлетворенное тщеславие рождало приятную легкость на душе. Но тут же словно облачко набегало на сияющее солнце его успехов. Его власть на этом кончалась, и даже золотая Ника была всего лишь прощальным подарком. На Боспор ехал другой, более знатный и близкий Митридату человек, его сын и наследник! Отныне он будет стоять над этой толпой, ему будут курить благовония и вручать дорогие подарки. А тому, кто воевал и вынес на своих плечах все заботы по умиротворению Боспора, придется уйти в тень, а то и вообще оказаться отстраненным от дел! Разве предугадаешь поступки и капризы царей, этих земных богов?..

И невольно приходили в голову события не столь далекого прошлого. В минувшей, второй по счету войне Митридата с Римом два брата полководцы Архелай и Неоптолем были близкими людьми у понтийского трона. Но страшные поражения, которые последовали за столь же разительными победами, изменили все!.. Архелай, старший брат, вошел в немилость и, боясь царского гнева, бежал к римлянам. А Неоптолем, после досадного поражения его флота под Тенедосом, когда Лукулл разгромил его, также перестал пользоваться благосклонностью Митридата. Правда, Неоптолем отрекся от брата-

изменника и принес царю страшную клятву, заявив, что в случае поимки или пленения Архелая он лично казнит его!.. Этим наварх сохранил место в войске царя понтийского. Но уже не получил должности главноначальствующего над царским флотом, а был послан в далекую Тавриду, усмирять боспорцев. Здесь он постарался показать себя и заслужил царскую милость — был оставлен временным правителем в Пантикапее. Но не надолго, на какие-то полтора года!.. Теперь он, видимо, будет принужден возвратиться в Синопу, чтобы получить новую должность! Какую?.. Льстивые боспорские архонты намекали ему, что он опять станет навархом царского флота, и просили его быть их надежным проксином — представителем в понтийском царстве. Обещали немалые подношения. И золотая Ника явилась как бы залогом их дружбы. Но одни боги да царь Митридат знают, что ждет его в недалеком будущем — почет и слава или испытания и унижения... Жаль терять власть! Кто однажды вкусил от ее плодов, тот уже никогда не примирится с уделом маленького, подчиненного человека!

Жарко. Голуби купаются в прозрачной голубизне летнего неба, солнечный свет и тепло льются на возбужденную, смеющуюся толпу. Всем интересно поглазеть на торжество, увидеть сильных и богатых боспорского мирка, а главное — не упустить случая взглянуть на нового повелителя Боспора, сына легендарного Митридата. Кораблей еще не видно, но уже поданы крытые экипажи, запряженные ретивыми конями. У жертвенника толпятся жрецы в белых балахонах, с зелеными ветвями в руках, готовые предложить прибывшему владыке принести благодарственную и умиловительную жертву богам.

Всюду чувствуется хозяйский глаз. Многоцветные толпы горожан, как шумные волны моря, ограждены стальными рамками лучших воинов, образовавших широкую дорогу от порта к акрополю. Молодые рабыни пришли с корзинами свежих цветов и стали разбрасывать их по мостовой, пятась задом.

Неоптолем потеет под жаркими лучами солнца и окидывает заботливым взглядом все вокруг, стараясь вовремя заметить и устранить непорядок.

Жертвенные животные приготовлены? спрашивает он глуховатым голосом Левкиппа, старшего жреца

Зевса Спасителя, признанного главу жреческих кругов города.

Левкипп сухой старичок, его белоснежная голова украшена золотым обручем. Он славится мудростью и странностями, внушающими всеобщее уважение, воспринимаемыми народом как признак его близости к богам. Преклонный возраст и внешняя отрешенность от обыденных дел не мешают ему быть одним из самых влиятельных людей Пантикапея, осуществляющих гармонию отношений между богатой и властной верхушкой общины и всегда недовольным демосом. Замечательной особенностью его внешности могут считаться ясные, как у младенца, лучистые глаза, которые все видят и примечают, хотя большую часть времени обращены в сумерки храма, где он ведет беседы с изваянием всесильного бога. Его маленький, сморщенный рот, окруженный пожелтевшей растительностью, умеет говорить слова, к которым все прислушиваются. Сейчас жрец шепчет что-то невнятное, делая в воздухе жесты узловатыми руками, напоминающими куриные лапы.

— Смотрите, смотрите, Левкипп советуется с богами, говорят люди, показывая на него пальцами.

Левкипп на миг прекратил свои бормотания и устремил острый взгляд на Неоптолема, словно вдумываясь в его вопрос.

— Животное одно,— отвечает он высоким, чистым голосом, шевеля крючковатыми пальцами,— и алтарь один! Вот он! Богохранимый наместник после того, как ступит ногой на священную землю Тавриды, сразу будет окроплен водой источника Кибелы и принесет жертву богам...

— Жертва — это хорошо, вздыхает Неоптолем озабоченно,— но долго все это. Ведь времени впереди достаточно, царевич еще не раз посетит храмы и воскурит богам жертвенный дым и фимиам! А сейчас, на жаре...

— О Архистратег! — проникновенно и настойчиво возражает жрец,— как можно нарушить обычаи, данные нам свыше? Царевич впервые встретится с нашими богами и должен немедленно уверить их в своей любви и уважении к ним!.. Без жертвы этого не сделаешь, боги обидятся, а гнев богов чреват нежелательными последствиями!

— Ну ладно!.. Только не тяни этого дела, а посکو-

рее! Эй, Митраас, куда это молодежь разбежалась! Кто будет петь гимн? Не я же со жрецом Левкиппом!.. Тьфу ты, черный демон! Собери их и прикажи не расходиться!

Увидев в руках Парфенокла изрядный свиток папируса, он сморщился. Почтенный архонт из рода Ахаменов, который вчера вместе с ним был пьян, сегодня готовился выступить перед Махаром с приветственной речью.

— Послушай, Парфенокл,— с дружеским видом обратился к нему наварх,— не надо слишком длинных речей! Я знаю, ты одарен по ораторской части, и вижу, что твой свиток имеет не менее пяти локтей длины! Не много ли?.. Видишь сам, какой зной, царевич растает под солнцем, пока выслушает тебя, да, чего доброго, разгневается! Подумать только — сперва жертва богам, потом пение гимна и крики народа, да еще твоя длинная речь! Получится затяжка!.. Успеешь наговориться, предстоят пиры и встречи, там тоже понадобится что-то сказать!

И, не слушая, что ему ответит оратор, Неоптолем круто поворачивается навстречу своему подручному Митраасу и грозно предупреждает его, подняв палец:

— А ты смотри, чтобы на улицы не хлынули черные люди — рабы и всякие там, кто может своим мерзким видом оскорбить взор владыки!.. Начали кормежку рабов?

— Нет, еще не начали,— спокойно отвечает Митраас, взглянув на свои красивые руки с покрашенными ногтями, потом переведя взор на красоток в розовых венках.— Если мы сейчас начнем кормить рабов, они сразу все съедят, выпьют вино и пьяные кинутся гурьбой к порту. Обед начнется в час прибытия кораблей!

— Ага, это верно, пожалуй. Действуй так, чтобы потом у меня голова не болела!

Неоптолем сам придумал устроить для рабов и нищего люда хороший обед, приурочив его начало к торжественной встрече Махара. По его замыслу, это должно было отвлечь черный люд от церемонии и обеспечить общий порядок и благоприличие.

Митрааса он приблизил к себе за смекалку и расторопность, а также за его внешний блеск и знание дворцовых обычаев. Дело в том, что Митраас раньше служил при дворе Митридата, сначала простым стражем, а

потом проявил таланты во владении оружием и оказался на завидной должности гоппломаха, обучающего царевичей и сынов больших вельмож фехтованию. Здесь он усвоил правила угождения сильным мира сего, вошел во вкус сладких вин и дорогих нарядов, не раз был замечаем молодыми женами престарелых придворных и, осмелев, стал появляться возле царского гинекея. Однако ему не повезло, он попал в руки евнухов и был брошен в яму, как преступник, посягнувший на царское достояние. Ему грозила смерть или черное рабство. Но он извернулся, заявив, что на честь царских наложниц не посягал, а хотел увидаться с рабыней-служанкой, с которой действительно имел тайную связь. Рабыню заковали в цепи, а искателя любовных приключений избили палками и по велению царя сослали на край света, в Пантикапей.

Мастер рукопашного боя, он отличился в сражении, был замечен Неоптолемом как brave развитой воин и оказался в свите старого, недужного наварха, нуждающегося в исполнительных подручных. Получив звание десятника, а потом сотника, Митраас чувствовал себя неплохо, однако продолжал вздыхать с сожалением о блестящей жизни при дворе. Сейчас он питал тайную надежду попасть на глаза прибывающему царевичу и добиться его милости.

Митраас первый увидел столб дыма, который появился вдали и, подобно грозовой туче, разлился в синеве неба. Это означало, что корабли близко. Тысячи глаз с жадным любопытством обратились в сторону моря, горя желанием увидеть красные паруса флотилии Махара, снаряженной в самой Синопе, великолепной столице Митридата.

II

В толпе стоял уже немолодой человек с рыжей колючей бородкой и блестящей лысиной, покрасневшей на солнце. Он вытягивал худую шею, стараясь через плечи воинов, ограждающих порт сплошной стеной, разглядеть все происходящее. Его живые прищуренные глаза с какой-то особенной внимательностью следили за Парфеноклом, часто останавливались на свитке, который тот держал в руках.

Лысый человек понимающе усмехался и оглядывал толпу с видом самодовольства и собственного превосходства. Он был одет в добротную суконную накидку с нашитыми блестками и узором по краю и казался одним из состоятельных горожан, владельцем мастерской или преуспевающим торговцем.

Лицо его отразило неудовольствие, когда он внезапно увидел в толпе молодого щеголя в войлочном широкополом петазе и военной хламиде с медной пряжкой на правом плече. Щеголь опирался на резную трость и всем своим видом выражал беспечность и благодушное настроение празднующегося, веселого бездельника. Он бросал в рот лесные орехи, громко разгрызал их и выплевывал шелуху под ноги. Когда он жевал, его губы, красные и толстые, выпячивались с вызывающей развязностью, казалось, готовые в любой миг раскрыться в веселом смехе. Но в его задорной позе чувствовалась наигранность, нарочитость, словно он не столько был весел, сколько хотел казаться веселым, беспечным.

— Это он, жалкий фигляр, базарный мим,— пробормотал лысый в досаде.— Что ему здесь надо?.. Он ломается, как портовая гетера, желающая обратить на себя внимание!

В свою очередь щеголь поднял голову, повернулся и перестал грызть орехи. Они встретились глазами, оба неприятно пораженные, озадаченные.

Щеголь протолкался сквозь толпу и, приблизившись, свирепо сдвинул белесые брови.

— Это ты, задавала, хозяйский пес?! — вскричал он, угрожающе поднимая трость.

— Поди прочь, кривляка, сочинитель глупых песен! Тоже вырядился, как будто и впрямь что-то путное! Не хочу с тобой говорить.

— А ну, все же поговори! — издевательски оскалился щеголь, оглядываясь с целью убедиться, что вблизи его лысого недоброжелателя и врага нет двух рабов-телохранителей. «Завидный случай расплатиться за старое»,— подумал он. От его взгляда не укрылось, что лысый завертел головой и сделал движение, как бы намереваясь втиснуться в толпу и бежать. Он быстро шагнул вперед и размахнулся. Лысый зажмурился и загородился рукой.

— Чего тебе надо? — огрызнулся он. — Отойди!

Получив тростью по голове, попытался бежать, но удары посыпались градом.

— Ой-ой! — вскричал он не столько от боли, сколько от обиды. Кинулся на обидчика, но тот встретил его сильным ударом кулака в живот.

— Вот тебе, чесоточный кобель, получи должок!

Окружающие, в большинстве поселяне, приехавшие в город по своим делам, расступились и со смехом стали глазеть на драку двух горожан, подзадоривая их шутивными выкриками.

— Посмотрите, посмотрите, — говорили они, толкая друг друга локтями, — пантикапейские форсуны разодрались, как деревенские парни!.. Хо-хо-хо! Такое не всегда увидишь!

Шум и сумятица усилились, когда появились двое астиномов, наводивших порядок среди толп праздного люда. Их возглавлял третий — Митраас. По его знаку астиномы разняли драчунов. Но лысый сумел увернуться и скрылся в толпе, оставив в руках блюстителей порядка свою новую накидку. Щеголь же и не думал убежать, он солидно и решительно отстранил рукой астиномов и, обращаясь к Митраасу, сказал:

— Протри глаза, служивый. Пусть твои люди не мнут мою одежду! Преславный Парфенокл не любит, когда его люди появляются в мятых плащах!

— Парфенокл? — недоверчиво переспросил Митраас. — Ты из свиты Парфенокла?

— Да, я его секретарь и свободный человек!

— Но ты учинил драку и должен платить пеню!

— Какую драку? Одумайся, достойный воин! Я наказывал раба того же Парфенокла! Или ты не знаешь, что рабам запрещено появляться нынче в порту?.. Вот я и хожу, кого замечу, того тростью по задку — и прочь отсюда! А этот благодаря тебе убежал!.. Ну, ничего, на тебя я не донесу, а этот лысый вечером получит кашу из ясеневых палок!

Митраас озадаченно хмыкнул. Астиномы смущенно рассмеялись, их дубленые лица сморщились, но недоверие еще светилось в глазах всех троих, когда они ощупывали взглядами чистую одежду говорившего и его нагло-уверенную физиономию. Так выглядят доверенные слуги, фавориты хозяев.

— Если хотите, я сделаю знак Парфеноклу, и он подойдет сюда!

— Нет, нет, что ты, почтеннейший!.. Только не шуми так, когда будешь выдворять из порта своих рабов! Лучше позови нас, мы поможем!

— Это иная речь, которую и слушать приятно,— усмехнулся щеголь снисходительно.— Идите. Будет надо — я покличу вас!

И, повернувшись спиной, он с независимым видом стал следить за движением в порту, продолжая грызть орехи и сорить шелухой.

Астиномы удалились. Поселяне переглянулись, они уже не смеялись, но с уважением поглядывали на такого властного и нарядного мужа, который состоит в свите самого Парфенокла и приказывает астиномам.

Очень жаль,— прошептал тот, обратив взор в морскую даль, куда смотрели все.— Надо было выбить ему передние зубы! Помешали эти три мерина!.. А Митраас надушился дешевыми духами и воображает себя важной персоной!.. Хорошо, что меня не опознал!

Кто-то коснулся его руки. Он вздрогнул и повернул голову в невольном испуге.

Перед ним стоял один из астиномов.

— Ч...чего тебе? — с трудом выдавил щеголь, меняясь в лице.

— Господин, твой раб потерял накидку. Возьми ее! Накидка-то праздничная!

— Накидку?.. Фу-ты! — Он перевел дух с облегчением.— Давай ее сюда. Раб пожалеет, что обронил ее! Он узнает, как терять хозяйские вещи!

III

В большом старом доме, бывшем когда-то рабской мастерской, а теперь лишь частично занятом под жилье, шло веселое столованье.

Здесь собрались друзья, мужи не старые, но уже перешагнувшие беспечный возраст юности. Шрамы на бородатых и выбритых лицах свидетельствовали о том, что большинство гостей побывало на войне и в походах. Небогатые одеяния, обветренные лица и далеко не холеные руки подтверждали их принадлежность к самым низам боспорского общества. Это были люди, которые,

не располагая достатком, добывают кусок хлеба наемным трудом у богачей, морской службой, войной, а также не гнушаются и черной работой.

Всклопоченные головы и мешки под глазами у некоторых выдавали их слабость к горячительным напиткам. А немытые, запыленные одежды — их образ жизни, именуемый бездомностью. Но здесь все держались уверенно и с достоинством, говорили смело, пили и ели дружно, поглядывая на хозяина без приниженности, однако с уважением, как воины на своего дядьку.

Хозяин, тридцатилетний холостяк, отличался от гостей внешней опрятностью, чистыми руками и умением держаться дружественно, но с сознанием своего превосходства. На груди его красного хитона было вышито изображение трезубца. Его гладкое, сухощавое лицо было неправильным, нос слегка искривлен, волосы в живописном беспорядке по эллинской моде того времени. Широко расставленные глаза, веселые и внимательные, отражали живость характера и остроту мысли. Все поведение этого человека выражало одухотворенность наряду с некоторой артистической приподнятостью и молодцеватой манерой, явно рассчитанной на грубоватые вкусы друзей.

Он бражничал наряду со всеми, но пил умеренно и, по-видимому, следил, чтобы не перепились остальные. Показав на опечатанные амфоры, что стояли в углу на земляном полу, он сказал:

— Эти сосуды с лучшим вином мы раскупорим в последнюю минуту! А пока, эй, Антигона, принеси того бочкового кислого вина, которое у нас еще сохранилось!

Друзья, окружившие стол, встретили слова хозяина веселыми возгласами. Только один, сумрачный высокий человек с лицом помятым и заспанным после вчерашнего перепоя, зевнул и заметил ворчливо, не в такт с другими:

— Как бы не пришлось нам, о Асандр, наполнить пустые амфоры своей кровью!.. Не к добру видел я во сне, будто меня обняла черноволосая сирена!

Черноволосая сирена?

Все притихли в раздумье, уставившись глазами на хозяина, словно задавая ему молчаливый вопрос: как он растолкует этот сон?

— Эге, друзья! — ответил тот с беспечным видом. — Разве когда-нибудь Флегонт предсказал нам хорошее? И перед битвой на льду он сулил нам гибель, а мы восторжествовали над врагом и живы поныне! Так и сейчас — пусть Флегонт видит свои зловещие сны, а мы будем думать об успехе нашего дела, а не о смерти!.. Все жертвы богам принесены, мы вправе надеяться на лучшее!

— А что дал нам успех на льду? — возразил Флегонт, почесываясь. — Старый Неоптолем все лавры и награды забрал себе, а о нас забыл!

— Это верно, — поддержали другие, отодвигая пустые кружки, — нас забыли, словно не мы пролили кровь за свободу священного города Пантикапея!

— Не оглядывайтесь на прошлое слезливо и не пугайтесь будущего! — возразил Асандр. — Вы же не беременные женщины, которые боятся оступить! Нам не пристало трусить. Мы — воины, это знают все! А то дело, которое мы задумали, не противоречит ни законам Пантикапея, ни замыслам великого Митридата!

— Так-то так, — не унимался Флегонт, — да ведь мы не спросили согласия совета города! А старый хрыч Неоптолем тоже может косо взглянуть на такое своеволие!

— Какое же это своеволие? Совету известно, что мы образовали общество, именуемое братством эранистов. Совет уже утвердил наше братство и внес его в списки! Чего еще?

— Ты прав, это так. Но мы готовимся сегодня объявить совсем другое!

— Другое?.. Хотел бы я знать: почему мы не можем воздать хвалу великому Митридату и поклониться новому владыке Боспора — Махару, посланцу богоравного Митридата?

— Смотри, Асандр, ты втянул нас в опасную игру, — заключил Флегонт.

— Я могу освободить того, кто боится! — вскричал Асандр. — Только запомните — боги не любят робких! Они награждают смелых, способных на риск!.. Давайте поделимся: кто со мною, тот останется за столом, кто против — переходит вот к этому окну! Согласны?

Все участники предстоящей церемонии, задуманной Асандром, взглянули на белые жреческие хитоны, раз-

вешанные по стенам. Их взял Асандр в храме Афродиты Пандемос напрокат. Зеленые венки и жезлы, обвитые стеблями лавра, заготовлены сообща и свалены у дверей пиршественного зала. Тут же прислонены к закопченной стене шесты с круглыми щитами наверху, расписанными наподобие огромных монет, с изображением головы бога Диониса и надписью: «Митридат Евпатор Дионис, великий царь и живой бог».

Эти щиты-монеты изготовила для Асандра юная золотоволосая художница Икария в городе Нимфее, где Асандр бывал и пользовался уважением общины. Он любил этот уютный приморский городок, расположенный южнее Пантикапея, привязался душой и к юной художнице, жившей в маленьком домике над морем. Свободная женщина, Икария не была гетерой, она не принимала гостей, источником ее существования было искусство. Икария расписывала стены в храмах, лепила бюсты нимфейских богачей, писала картины на сюжеты греческих мифов. Она пользовалась при этом методом энкаустики — писала горячими восковыми красками — и говорила, что является скромной последовательницей некогда жившего Апеллеса из Колофона. Этот знаменитый художник жил и творил во времена великого Александра, он писал восковыми красками портреты царя-завоевателя. Говорят, он изобразил Буцефала, коня прославленного полководца, с такой силой, что живые кони при виде этой картины поднимали головы и издавали призывное ржание!..

Асандр, заказав художнице щиты-монеты, помогал ей разогревать восковые краски, а когда она работала, любовался движениями ее тонких рук, испытывая при этом небывалое душевное умиротворение. Икария сидела у большого окна, лучи солнца падали ей на голову, причем золотистые волосы казались окруженными сияющим ореолом. Все в домике нравилось ему. Даже казалось, что там, среди цветов, в провинциальной тишине, можно отказаться от суровой и безалаберной жизни, какую он вел в столице, перестать вести бесплодную борьбу за богатство и знатность, уйти от ненависти сильных пантикапейского мира, забыться от всего в маленьком домике! И когда он уезжал обратно в столицу, то взял своими сильными руками ее розовые пальцы и приложил к губам.

— Оставайся здесь,— просто сказала она, смотря ему в лицо любящими глазами,— я буду для тебя если не Аспазией, то и не Ксантиппой!.. Я буду — твоей Икарисей!

— Увы,— ответил он, поддавшись чарам этой слабой и болезненной на вид, но обладающей невидимой силой женщины,— увы!.. Я далеко не Перикл и совсем не Сократ!.. Но если вернусь — а я мечтаю об этом,— то стану просто твоим Асандром! А сейчас — я должен вернуться в Пантикапей, там меня ждут дела, поджидают друзья и враги!

Конечно, он мог бы не ездить в Нимфей и заказать щиты в Пантикапее, благо здесь нетрудно найти недорогих художников, как свободных, так и рабов. Но дело было тайное, Асандр всячески скрывал его от преждевременной огласки. Простившись с художницей, он ночью с преданными друзьями доставил щиты в столицу.

И вот теперь, когда все готово и день настал, находятся сомневающиеся, которые могут испортить задуманное.

— Итак? — повторил он свой вопрос, указывая жестом руки на окно в противоположном конце зала.— Кто поражен страхом, да перейдет туда! Кто имеет мужественное сердце, верит мне и жаждет успеха, останется за столом!

Друзья уже под хмельком, ибо пир приближался к концу. Асандр хотел, чтобы эранисты были слегка навеселе, это придавало бы им решительности. Но только слегка! Пьяная компания — комос — уже не может успешно выступать на площади с торжественными песнопениями.

На столах пустые блюда. Тут же куча костей от двух козлов, заловленных самими участниками пира, остатки дешевой рыбы и много ракушек от съедобных мидий, служивших обычной пищей для бедных рыбаков и малосостоятельных боспорян.

И вино уже выпито, пузатый пифос опустел. Его горлышко наклоняли все ниже, пока вместо розовой струи не потекла коричневая гуща осадка.

Но Антигона уже в дверях. Она с трудом несет еще два кувшина кислого дешевого вина. Ее встречают веселыми возгласами. И хотя вино по вкусу напоминает уксус, его пьют охотно, заедая лесными орехами.

— Что ж,— философски замечает Асандр, усмехаясь с добродушным лукавством,— отступить от клятвы тоже нужна смелость! Но, повторяю, братство наше добровольное, и неволить вас я не собираюсь. Я только утверждаю — боги любят отважных!.. Еще раз говорю вам — разделимся! Кто смел — остается за столом, кто боится — переходит к окну!

— Что ты, что ты, Асандр! — зашумели эранисты.— Не обращай внимания, если мы порою скулим, как собаки перед грозой! Мы готовы идти за тобою все как один!.. Веди нас опять на лед пролива, и мы пойдем! Да и Флегонт только бурчит, а предан тебе и твоему делу.

— Я знал, что вы так ответите,— удовлетворенно отозвался Асандр,— ибо тогда, на льду, вы доказали, что сердца ваши тверды, как железо! Я горжусь вами!.. Мы — «ледовые братья», и разлучить нас может лишь смерть!

— Истинно так! — хором ответили все, поднимая кружки.

— А Гиерон где? — спросил Асандр через плечо, обращаясь к рабыне.

— Где же еще ему быть,— ответила толстая Антигона,— трется среди толпы в порту!

— Если его заметят, не миновать ему порки на рыночной площади,— спокойно заметил Асандр.— Неоптолем приказал устроить рабам пир, но запретил им появляться в порту!

— Он скользкий, как морской угорь, его не так просто схватить!

— К тому же,— добавил со смехом один из присутствующих, обладатель курчавой черной бороды,— как я заметил, он надел твои плащ и петаз!

— Да?.. Ах, всыплю я ему за эти проделки!

— Он сказал,— поспешила вмешаться Антигона,— будто ты, господин, разрешил ему побывать на пиру рабов там, на рынке!

— Это так, но я же настрого наказал ему не ходить в порт, где он рискует попасть в руки городских стражей. У меня нет денег на выкуп!

— Да ведь, господин,— постаралась смягчить ранее сказанное Антигона,— может, он и не в порту, это я говорю так, по своей глупой догадке. Он был что-то невесел!

Асандр подумал: возможно, раб в обиде и дуется на него. Ведь утром он получил палкой по спине в ответ на непрошенные советы. Раб вздумал советовать хозяйину! Разве способен раб рассуждать здраво и быть дальновиднее господина!?! «Но очевидно, что Гиерон предан мне,— усмехнулся про себя Асандр,— если с таким жаром отговаривал от затейного дела! Вот и Флегонт тоже ворчит и предупреждает. Может, они в сговоре?.. Нет, просто Флегонт слишком мрачно смотрит на жизнь. А Гиерон хотя и раб, а душой желает мне добра!.. Преданный раб — это не лишнее в хозяйстве!»

Обратившись к курчавобородому соседу, Асандр шлепнул его дружески по каменному плечу.

— А ну, Панталеон, выйди наверх и посмотри, каковы дела в порту! У тебя глаза орлиные!

— Иду,— ответил тот.

Это был приземистый, плотный детина с лицом морщинистым и обветренным, как у большинства моряков. И когда он встал и пошел по направлению к лестнице, ведущей на второй этаж дома, то широко расставлял крепкие кривые ноги и раскачивался так, словно под ним был не пыльный земляной пол, а палуба корабля. Выйдя на верхнюю галерею дома, он глубоко втянул ноздрями запахи моря, приносимые сюда ветром. Море!.. Он прежде всего увидел его и залюбовался им. Да, неплохо бы сейчас отчалить от пристани на хорошем судне, ударить еловыми веслами по волнам Понта Эвксинского и направиться вдаль, к неведомым берегам!.. Панталеон был моряк, любил море и знал его повадки. Его зоркие глаза разглядели там, где сходятся вода и небо, красные лоскуты, кажущиеся отсюда неверными бликами в голубой дымке.

— Э-гу! — крикнул он вниз хриплым басом.— Вижу слева по борту красные паруса!

Десятки голосов ответили ему дружным эхом, слышался грохот отодвигаемых и падающих на пол скамей, звон потревоженной посуды и перестук многих ног.

— Тем, в порту, еще не видно, они стоят внизу,— сказал Панталеон Асандру, который был на голову выше его,— отсюда, с горы, виднее!

Подвыпившие, оживленные эранисты сгрудились на верхней галерее и блестящими глазами уставились вдаль. Море полыхало дымчатыми отсветами и застила-

ло глаза. Лучше были видны улицы города, они ступенями спускались к морю. Людские потоки красочными водопадами валились с уступа на уступ по направлению к порту, переливались на солнце всеми цветами радуги. Огненно вспыхивали панцири и шлемы воинов.

А, вот теперь и я увидел! — воскликнул Асандр протянув вперед руку.

IV

Ликование и крики в порту означали, что приближающаяся флотилия замечена. Навстречу ей вышли сторожевые суда. На передовом судне находился Неоптолем. Он встретил царевича первый, перешел к нему на корабль и доложил, что в городе порядок, все спокойно высадка может быть произведена в безопасности.

И когда наконец корабли вошли в гавань и приблизились к причалу, все увидели невысокого человека с большим армянским носом, одетого в пурпурный плащ, накинутый поверх позолоченного панциря. Он был без шлема. Смоляные кудрявые волосы свободно падали до плеч.

Царевич стремительно сошел по скрипящим сходням на берег и как бы удивленно оглядел черными глазами празднично одетые толпы. Раздались приветственные крики, хор девушек тонкими голосами исполнял хвалебный гимн. Встреча оказалась богатой и многолюдной, чего могло и не быть, поскольку Боспор бы приведен под Митридатову руку мечом Неоптолема.

Махар, сын Митридата, молча выслушал приветственную речь Парфенокла и, даже не взглянув на оратора, прошел к передвижному алтарю для принесения благодарственной жертвы богам.

Эта сухость и холодность прибывшего повелителя несколько озадачили улыбающихся архонтов, особенно тех, которые были из рода Ахаменов, считавших себя лучшими людьми царства. Зато на лицах Гераклидов, стоявших на втором месте после Ахаменов, появились злорадные усмешки.

Атамб, сын Саклея, глава Гераклидов, насмешливо оскалил желтые зубы и понимающе переглянулся с окружающими его сородичами. Щелкнул пальцами около уха. Это означало, что глава рода возжаждал. Услужли-

вые руки достали из-под полы кувшин и налили полный кубок душистой влаги.

— Парфенокл хотел, чтобы его сразу заметил и отличил царевич! А наткнулся на его надменность, как на копье! — шептали советники, пока Атамб долгими глотками тянул вино.

Выпив и отдышавшись, он сделал знак рукой, по которому Гераклиды раскрыли рты и неожиданно оглушили всех дружным криком:

— Слава Махару, сыну и наследнику богоравного Митридата! Слава владыке Боспора!

Это получилось куда убедительней скучной речи, составленной для Парфенокла его домашним рабом логографом по всем правилам ораторского искусства. Царевич поднял голову, и угрюмое выражение его лица вдруг смягчилось. Он встретился глазами с Атамбом, тот не замедлил отвесить ему глубокий поклон. Поклонились низко и все Гераклиды, растекаясь в приветливых улыбках.

— Царевич бросил на Гераклидов благосклонный взгляд, — заметил кто-то в толпе. — А Ахамены чуть не лопаются от злости и зависти!

Позади стояли менее знатные роды Эвиев и Килидов, оттиснутые на третье место. Они с едким вниманием наблюдали соревнование старших родов перед новым повелителем. На усердие Атамба и неудачу Парфенокла они ответили сдержанным шумом, однако не преминули согнуть спины в общем долгом поклоне, когда Махар проходил мимо них.

В толпе слышались смех и колкие замечания. Все знали, что Парфенокл и Атамб враги. Оба втайне претендуют на диадему Спартокидов. А пока, в чаянии лучших времен, не гнушаются борьбой за первое место около Махара. Их низкопоклонство сейчас возмутило многих, особенно тех, кто недавно держал в руках оружие, пытаясь грудью отстоять независимость Пантикапея.

— Вот они, льстивые души, — говорили они, — все эти Ахамены и Гераклиды! Давно ли они вместе с народом клялись положить головы за свободу нашего царства, а сейчас готовы целовать сандалии заморскому тирану!

Некоторые злорадствовали. Они были довольны тем, что прибыл сын Митридата, что он будет править Бос-

пором, а не кичливые Ахамены, представленные развратным и лицемерным Парфеноклом, или грубые Гераклиды в лице пьяницы Атамба!..

Пока жрецы возились с белым бараном и высекали огонь для жертвенника, Махар вымыл руки и был окроплен подсоленной водой из источника Кибелы, матери богов. Взяв в руки жертвенный нож и положив в рот лавровый листок, царевич приступил к делу.

В это время смуглые рабы стали выгружать с кораблей какие-то тюки и вывели белых заморских коней. Красавцы скакуны пугливо храпели, ступая по колеблющимся сходам. Потом дюжие воины из отряда «несгибаемых» общими усилиями выкатили позолоченные боевые колесницы и тут же запрягли лошадей по четыре в каждую.

Царевич не захотел воспользоваться крытой колымагой боспорских царей. Он желал показать себя воеводой, намереваясь въехать в Пантикапей как завоеватель, стоя на боевой колеснице.

Издали Махар напоминал нахохлившуюся птицу с выставленным вперед клювом. Но был легок на ногах, по-военному стремителен, подвижен. Вся тяжеловесная церемония встречи выглядела в контрасте с его живостью как нечто громоздкое, неповоротливое. Он не задержался для ответного приветствия лучшим людям города, легко вскочил на колесницу, открытую сзади, и сам взял в руки пучок красных вожжей.

Новый властитель Боспора тронул лошадей и двинулся по широкому коридору из воинов, образовавших две блестящие стены, за которыми пестрела и волновалась толпа.

На вторую колесницу взобрался Неоптолем, как главный военачальник. Он ухватился ревматическими руками за край кузова, предоставив править упряжкой смуглому вознице, одетому в полосатый бурнус. На третьей колеснице оказался совсем черный, крючконосый советник царевича Фрасибул, назначенный на эту высокую должность самим Митридатом. Он ворочал выпуклыми восточными глазами, оглядывая неприязненно толпы пантикапейцев, которые сразу обратили внимание на его необычную внешность: длинный персидский балахон — кандий — и пестрый головной убор, вытянутый вверх. Многие сдержанно засмеялись и стали показывать на него пальцами, говоря:

— А это что за выходец с того света? Хитон бабий, а морда как у злого демона! Глазами, кажется, и то всех съел бы!.. А черен! У-ух!..

Следом двинулись воины рядами по шести человек. Это была гвардия «несгибаемых», именуемых еще просто «медными щитами». Общее внимание привлекали их одинаковые доспехи и добротное вооружение. Их копья были окованы железом, а за спинами висели луноподобные щиты из начищенной меди. Парни были подобраны высокие, широкоплечие, их крепкие ноги уверенно ступали по пантикапейской мостовой, а агатовые южные глаза смотрели вызывающе по сторонам. Кажется, сделай царевич сейчас один решительный жест — и эта слаженная человеческая машина заработает с быстротой и четкостью, мечи, копья и дротики сразят любого, на кого укажет повелитель.

Боспорцы чувствовали, что царевич прибыл как грозный и строгий властелин и смотрит на них не как на друзей, но видит в них покоренный народ. Вздохнули удрученно. Что ж, этого следовало ожидать! Нужно думать, что он будет управлять жестко, без снисхождения! Тем более что впереди опять мерещится новая война, самая решительная и страшная, в которой будет решен главный вопрос: кому владеть миром — Риму или Понту с Митридатом во главе?

Горожане с тайным страхом и сомнениями взирали на наместника, разглядывали его коней и удивительные упряжки. В северной стране скифов и оскифившихся эллинов было больше принято ездить верхом, сидя в седле.

Простодушный виноградарь из Мирмекия, один из тех, кто подрезает лозы с двумя-тремя рабами и имеет мозолистые руки, с изумлением смотрит на невиданную колесницу и ее ездока. Он крутит головой и оглядывается на стоящего рядом щеголя в войлочном петазе и новой хламиде.

— О господин,— обращается он, делая приличный жест корявой рукой,— что же это такое?.. Четыре коня, а тележка на двух колесах! Неужели так тяжела? Тут и одного коня, кажется, хватило бы!

Щеголь снисходительно кривится, всем своим видом выражая превосходство горожанина над деревенским простаком.

— Зато посмотри, почтенный,— говорит он тоном насмешки, очевидно желая порисоваться своими знаниями,— колеса этой тележки, как ты ее назвал по-деревенски, окованы железом, а оси ее из стали. Таким колесом переедет — как ножом разрежет! Это же боевая колесница, понятно? За морем на таких мчатся в бой!

— А что это за скобы у втулки колеса?

— К ним прикрепляются длинные острые серпы, которые крутятся и рассекают в бою врагов на куски!

— Ух, как страшно! От одного вида таких серпов убежишь!

— А вот римляне не очень их боятся. Римские воины умеют вовремя расступиться и пропустить такие упряжки, а потом расстреливают лошадей и возниц стрелами и свинцовыми маттиобарбулами из пращей. Это такие шары для метания.

— Да?.. Как они смелы и мудры, эти римляне! И хорошие вояки!.. Но все же мне кажется, если убить одного коня, то вся упряжка запутается и станет!

— Не совсем так! Пока целы две средние дышловые лошади, колесница не станет! Пристяжные же запряжены каждая отдельно! Могут обе упасть — возница отцепит построжки на ходу! Боковые лошади как бы защита для средних от стрел и дротиков врага! Понял?

— Ой-ой! Теперь мне понятно, почему так много коней везут такую маленькую тележку!

— Именно! Чем больше пристяжных, тем надежнее защищены средние лошади, тем живучее упряжка!.. Говорят, Митридат управляет шестнадцатью лошадьми сразу!

— Запряженными в такую вот тележку?

— Да!

— Да что он, великан или страшный силач, что может управлять целым табуном и сдерживать его, если кони понесут?

— Он силен, как Геракл! К тому же волшебник. Умеет проникать в мысли людей. Разгадывает изменников с одного взгляда!

— О боги, вот это царь! Недаром ему поклоняются, как богу!

— Поклоняются, да не все. Римляне воюют с ним, и вот уже в двух войнах он терпит от них большой урон!.. А сейчас собирается опять начать большую войну, последнюю. Победить хочет!

— Тсс!..

Собеседники боязливо оглянулись и стали осторожно отступать в глубь толпы, видя, что на них смотрит десятник из оцепления.

Но щеголя пугало как будто что-то другое. Он увидел, как из боковой улицы показалась группа людей в белых хитонах, со странными щитами в руках, прикрепленными к шестам.

— Это хозяин,— прошептал он, сразу теряя самоуверенный вид,— он не внял голосу разума, не послушал меня и полез в самое пекло!.. Он будет схвачен на горе себе и... мне! Не иначе как пора бежать!

И, надвинув шляпу на глаза, поспешно устремился в противоположную сторону.

V

Махар искусно управлял четверкой заморских жеребцов, не давая им пуститься вскачь, но заставляя их упруго плясать и круто изгибать лебединые шеи. Они грызли удила, роняя на мостовую пену, окрашенную кровью.

И как только он миновал пестрое скопление «лучших» граждан, которые приветствовали его, как странное молчание воцарилось вокруг.

За спинами угрюмых воинов, охраняющих широкий проезд, уже не возглашали славу Митридату и его сыну Махару, там стояла настороженная толпа простого люда, мелких ремесленников и земледельцев.

Чем дальше он продвигался в глубь городских улиц, тем это молчание становилось враждебнее. Простой народ, носитель огня свободы и независимости, неприязненно встретил заморских хозяев, зная, что ему придется гнуть спину на них, не получая за свой труд заслуженной оплаты и отдыха. Не столь давно народ шел с оружием в руках против власти Митридата, а теперь встречал его ставленника тысячами холодных взоров и красноречивым молчанием.

«Хмуро смотрят, исподлобья... Проклинают в душе и меня, и моего царственного отца,— раздраженно думал царевич, бросая по сторонам надменные взгляды.— Ничего, я заставлю их если не смеяться, то служить делу Митридата, платить ему дань хлебом и золотом! И вели-

кий царь не будет гневаться на своего сына-наместника за то, что он не взнуздал строптивых эллинов!.. Я запрягу их в колесницу понтийских дел и интересов, как впряжены вот эти лошади, и столь же твердо и умело буду держать в руках бразды власти!»

Дорога пошла в гору. Уже высятся впереди неприступные и несокрушимые стены и башни акрополя, вон и царские ворота, ведущие в жилище Спартокидов — царей боспорских, династия которых угасла в страшную ночь рабского восстания. Вот уже более тридцати лет дворец пуст. Но что это?

Царевич натянул вожжи, взор его стал вопросительно строгим. Или Неоптолем и преданные граждане устроили ему еще одно неожиданное зрелище?.. Кони остановились и в нетерпении перебирали ногами.

Навстречу по живому коридору медленно двигалась процессия, состоящая из мужчин в белых одеяниях, с венками на головах. Некоторые несли в руках амфоры с вином, другие высоко поднимали на длинных шестах круглые щиты-монеты с изображением Митридата Диониса и надписями, которые ясно говорили о сущности этого нового представления. Это было шествие фиаситов-евпатористов, хорошо известных Махару там, в Синопе, где давно уже существовали общества, поклоняющиеся Митридату, как богу.

— Вот это для меня новость! — произнес изумленный Махар, не зная еще, как ему держаться с этими людьми. — Выходит, на Боспоре есть фиас, поклоняющийся батюшке, а я никогда не слыхал об этом! И это после боспорского мятежа, направленного против власти Митридата!.. Странно!

Крепче натянув вожжи, царевич оглянулся все с той же вопросительной миной. Обеспокоенный Неоптолем пожал недоуменно плечами и затряс головой, не понимая, что, собственно, произошло. Он положил руку на плечо смуглого возницы и, когда тот остановил четверку, соскочил с колесницы, причем упал на левое колено и почувствовал боль в суставе. Прихрамывая, преисполненный нарастающего гнева, он кинулся вперед, спеша преградить дорогу незваным и неизвестным ему евпатористам. Следом бежал Фрасибул, делая какие-то знаки царевичу, видимо опасаясь за его безопасность.

Неоптолем поднял руку, воины справа и слева устре-

мились в проход и отгородили царевича копьями от странного шествия, дабы предупредить возможное покушение на его жизнь.

— Кто такие?! — вскричал глухим, скрипучим голосом Неоптолем и сразу же закашлялся от сухости в горле. — Кто повелел?..

И еще более изумился, увидев перед собою знакомое лицо Асандра, обедневшего, не претендующего на знатное происхождение боспорца, который отличился в битве с варварами на льду пролива, стоя во главе пешей фаланги. А потом чуть не потерял голову, обвиненный своими же в неуважении к мертвым.

— Это ты, Асандр? — вскричал он, обливаясь потом. — Или демоны затемнили тебе голову, или ты неумеренно предаешься пьянству в обществе гетер, что не сознаешь; на чью дорогу вышел, кому преградил путь?..

Фиаситы было смутились, видя, что их окружают острия копий, а вместо торжественной встречи царевича получился скандал.

— Ну, теперь мы пропали! Это будет похуже, чем битва на льду, — не удержался от замечания сомневающийся Флегонт. — Вот она, черная сирена!

— Полно! — повернулся к нему Асандр. — Мне кажется, что я не знал тебя раньше, Флегонт! Ты каркаешь, как ворона! Вот если мы струсим, то действительно навлечем на себя беду!.. Не робейте, ребята, как зайцы в облаве! Вы же воины!.. А ну, запевайте гимн!

Друзья приободрились. Флегонт замолк. И, хотя хмель быстро улетучивался из голов, фиаситы еще выше подняли шесты с изображением царя и запели, правда, не очень стройно:

Митридата Евпатора славим!
Митридата Диониса славим!
Как бога живого и близкого,
Мощью и мудростью всех превосходящего!

И когда дошли до слов: «Да низвергнешь ты в Аид врагов своих», то с грохотом разбили о камни мостовой пустые, заранее заготовленные амфоры. Кони шарахнулись, но были усмирены сильной рукой Махара.

Все совершилось так, как бывало и в Синопе. Рассказы бывалого Панталеона о шествиях евпатористов в столице Понтийского царства были претворены в явь.

Даже гимн фиаситов звучал почти так же, как в Синопе. Только слова немного разнились. Царевич не мог знать, что гимн этот сочинил досужий раб и слуга Асандра Гиерон, большой выдумщик и сочинитель, неплохой кифариот и песенник, одаренный приятным голосом.

Совсем смущенный, Неоптолем растерялся. Славил Митридата, того самого, которому служил и он, которому подчинился Боспор и от имени которого будет править Боспором его сын и наследник Махар!.. Допустимо ли творить наследие над «евпатористами»?

Подумав, сделал знак войнам. Те расступились. Царевич выплюнул полуразжеванный лавровый лист и почувствовал жажду.

— Что такое? — спросил он ломаным греческим языком, однако без гнева, скорее благожелательно. И в то же время держался настороже, как бы опасаясь подвоха.

Асандр в одежде жреца выступил вперед и с поклоном протянул наместнику амфору сладкого вина с печатями.

— Прими этот символический дар, справедливейший правитель, сын и наместник великого и непобедимого царя понтийского! Тебя приветствует фиас евпатористов!..

— Фиас евпатористов?.. Разве в городе есть такой?

— Теперь есть и всегда будет! Ранее он существовал тайно, под видом братства эранистов. Хотя в тайных молениях обращался к Митридату, нашему покровителю и земному богу!

— Слушай, Асандр, — не утерпел Неоптолем, считая все это выдумкой, недопустимой вольностью, — да ведь покровителем эранистов был оглашен Дионис! Я это хорошо помню!

— Верно, великий наварх, верно — Дионис!.. А кто же такой Митридат, как не Дионис?.. Его и зовут Митридат Евпатор Дионис! Конечно, есть еще Дионис небесный, но он самый близкий покровитель и сподвижник Митридата! И под именем Диониса мы разумели сразу двух богов — земного и небесного!

Неоптолем не был искушен в хитроумных спорах, привык действовать силой. И сейчас не знал, что сказать в ответ. Утверждения Асандра звучали правдоподобно, возразить на них было трудно. Очевидно, хитрый боспорец все продумал заранее.

Махар был рад этой затяжке, ибо получил возможность сообразить, подумать. В любом случае — существовал ли раньше фиа́с евпатористов, или он только что образовался — его возникновение следовало признать вполне уместным, даже желательным, как проявление преданности Митридату какой-то части населения Пантикапея. Через фиа́с можно влиять на умы горожан, с его помощью, возможно, удастся создать ядро людей, фанатически верящих в дело понтийского царя. И было бы нелепо, даже ошибочно сейчас, среди опущенных голов и враждебных взглядов, отвергнуть такое благое начинание. Появление фиа́систов именно в самый момент въезда его, Махара, в акрополь нужно считать добрым предзнаменованием. К тому же Митридат покровительствует синопским и всем прочим евпатористам, так как любят, когда его сравнивают с богом.

Махар принял из рук Асандра амфору. Углы его рта дрогнули, шевельнулись смоляные усы, блеснули крупные зубы.

— И ты, Асандр, как назвали тебя, жрец и глава этого фиа́са?

— Я только пастух этих овечек, что преградили тебе путь! — ответил тот с поклоном. — А хозяин этого преданного стада и жрец бога живого Митридата Диониса — другой! Ему мы подчиняемся, он наш благодетель и судья во всех случаях! Если он пожелает, фиа́с будет расти, действовать и славить земного бога Митридата, если нет — может и распустить нас!

— Да?! — воскликнул озадаченный Махар. — Такой всесильный у вас хозяин? Назови его, если устав фиа́са позволяет тебе произнести его имя вслух. И почему он не вышел сейчас во главе шествия?

— Кто же может быть хозяином и жрецом евпатористов, как не сам наместник Евпатора, сын Евпатора и наследник его диадемы! Только ты и никто другой, о великий Махар!.. Ты волен утвердить и возглавить наш фиа́с или распустить его!

Это была неожиданность, даже дерзость. От нее несло на сто стадиев грубейшей лестью и низкопоклонством. Неоптолем почувствовал, как волны смущения мурашками побежали по его спине. Асандр проявил такую беззастенчивость и наглость, что казалось, сейчас над его головой соберется черная туча и боги поразят его

молнией. Но ничего не произошло. При дворах владык лезть обычная приправа ко всем встречам и разговорам, ее так много, что она перестает быть замечаемой. Видя, что наместник не разгневался, более того — вполне благосклонно и милостиво воспринял заявление Асандра, Неоптолем стал успокаиваться и подумал даже, что все получилось не так уж плохо. Выходка Асандра, конечно, дерзость, но дерзости бывают всякие. Есть такие, которые действуют вернее приниженных и подобострастных поклонов и благоприличных восхвалений. В ответ на вопросительный взгляд царевича старый наварх ответил:

— Асандр добрый воин и умеет водить рати в бой! В сражении на льду пролива его меч был не последним!

Для Махара этого оказалось достаточно. Асандр не смутьян какой-нибудь, он человек полезный для дела Митридата и уже показал себя с хорошей стороны. Он поможет воздействовать на боспорян через свой фias. А что носит на груди изображение трезубца, стараясь подчеркнуть свое родство с бывшими царями Боспора, тоже не беда! Неоптолем успел шепнуть, будто это родство — спорное!.. Это значит, что Асандр не настолько утвержден в своем благородстве, чтобы быть опасным, к тому же беден и, по словам Неоптолема, любит больше всего вино и веселую компанию. Его можно признать и использовать!.. Если же он станет почему-либо неудобен или слишком навязчив, его всегда можно заменить другим или убрать совсем, как это делает в таких случаях Митридат.

Великий царь говорил сыну, направляя его наместником на Боспор:

— Не гнушайся никем, даже грязным рабом или злым демоном, если он тебе нужен, если он служит тебе!.. Но и не жалеяй того, кто станет лишним для тебя, а тем более мешает и противодействует тебе! Старайся из каждого выжать каплю того сока, которым питается власть царя, а оставшийся жмых пойдет на удобрение твоих полей!

И Махар всеми силами и помыслами готов был следовать этим мудрым советам. После недолгого раздумья он вскинул голову и сдвинул брови, готовясь изъяснить свою волю. Неоптолем выпрямился и стал серьезен, как воин перед боем.

— Что ж,— молвил Махар, глядя в упор в лицо Асандра,— я согласен стать жрецом и покровителем фиаса, поклоняющегося моему отцу! Да будет так!

— Слава Митридату, слава Махару, наместнику его и нашему предстоятелю! — вскричала толпа людей в белых одеяниях, изрядно посеревших от уличной пыли.

— Но с одним условием,— добавил царевич, натягивая красные вожжи.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил Асандр, с трудом сдерживая радость.

— С условием, чтобы вы посторонились и дали мне проехать в ворота акрополя!

Уже перед дворцовой галереей, соскочив с колесницы и передав воинам лошадей, Махар взглянул на толпу знатных людей, встречавших его, потом обратился к Неоптолему и Фрасибулу:

— Фиас евпатористов узаконить и не чинить препятствий его действиям!

— Не верь хитрому человеку с трезубцем на груди! — поспешил предупредить Фрасибул, зловеще вращая глазами.— Я увидел на лице его предательство и ложь!

— Кто поклоняется Митридату, как богу, тому и наша милость! А дальше боги знают, что делать, и нам подскажут!

Оба приближенных молчаливо склонили головы в знак повиновения.

— А самого Асандра пригласить на пир во дворец!

VI

Проворный щеголь углубился в просветы пантикапейских улиц, сейчас почти пустых, так как хозяева ушли в порт, а слуги сидели дома. Ни торговли, ни работ не производилось. Мягко ступая сыromятными постолами по мостовой, он миновал рынок, на котором орудовали воины и рабы-уборщики, готовя пир для рабов и нищих. Там же в стороне уже сгрудилась многотенная толпа бродячего люда, ставшего в последние годы настоящим бедствием большого города.

«Сюда я еще успею» — сказал себе щеголь и, пройдя несколько поворотов, оказался перед калиткой в каменном заборе. Он стукнул кольцом и затейливо засвистал,

как дрозд. В ответ слышались тяжелые шаги, низкий голос спросил:

— Кого боги присылают?

— Не боги, а подземные демоны! — весело ответил молодой мужчина и опять засвистал по-птичьи.

Послышалось бормотание, скрежет засова, калитка осторожно приоткрылась, и оттуда показалась голова привратницы, повязанная грязным платком. Было странно видеть на суровом, почти мужском лице накрашенные брови, а на могучей шее бусы из египетской пасты. Женщина строго взглянула на гостя и спросила настороженно:

— Ты один, Гиерон?

— Ты не ослепла, Дидона? Чего спрашиваешь? Кому быть со мной? Да и не такой у вас дом, чтобы вы брезгали случайными посетителями. Или что случилось?.. Дома ли госпожа?

— Дома, но она сегодня не принимает, решила отдохнуть. Пользуется тем, что народ в порту!

— А ну, отстранись,— сказал он, втискиваясь в калитку.— Ого, ты еще и вооружена?

Он заметил в руке Дидоны вертел, на котором жарят дичь.

Привратница усмехнулась. Она была сложена как портовый грузчик и смогла бы с успехом применить это кухонное оружие. Но Дидона хорошо знала пришедшего, друга и завсегдатая их дома. При всей внешней суровости она чувствовала расположение к этому веселому и бесцеремонному парню. И со снисходительным видом уступила ему дорогу.

Гиерон, насвистывая что-то веселое, прошел во двор, сорвал цветок с пышной клумбы и, толкнув плечом дверь, оказался внутри уютного домика, столь хорошо ему знакомого.

В небольшом покое с расписными стенами курился ароматный дым. На кушетке возлежала молодая женщина, босоногая, полураздетая. Ее русые мягкие волосы были завязаны на затылке лентой. Она подняла лицо, продолжая лакомиться ягодами, беря их с тарелки розовыми пальцами.

— А, Гиерон! — с ленью в голосе встретила она гостя.— Видимо, твой хозяин сильно пьян, если ты оказался не занят и пришел ко мне среди дня? Или он

тоже толчется в порту, глазеет на встречу заморского царевича?

— Ни то, ни другое,— ответил Гиерон, сбрасывая хламиду и снимая петаз.

— Так где же он?

— Сидит в башне, в самом глубоком ее подвале, под землей! И ждет суда!

— Опять в башне? — оживилась женщина.— Это интересно! Ты, кажется, немного развлечешь меня!.. Так за что же его повергли в темницу?

— За излишнюю смелость и дерзость! Он посмел преградить дорогу царевичу, тот приказал схватить его и нарядить в ржавые цепи!

— Ты видел, как его схватили?

— Нет, но уверен в этом!.. Вообще Асандр легкомыслен, как мальчишка, и, о боги, сколько раз мне приходилось с трудом удерживать его от пагубных намерений! Я и тогда, перед ледовым походом, старался отговорить его, зная, что, кроме копья в брюхо, он в награду ничего не получит!.. Почти то и вышло! Завистники поспешили упрятать его в подземелье, и только чудом удалось спасти его от смерти!.. Ты же помнишь, я зарабатывал деньги тем, что пел песенки на улицах, а потом покупал хлеб и тайком передавал в темницу!

— Это мне известно! Но что же теперь ждет тебя, если Асандр опять угодил в тюрьму?

— Ты еще спрашиваешь! Сегодня я бегу из города и из неволи!

— Не в пираты ли опять собираешься? — усмехнулась хозяйка.

— Да!.. Ты не смейся, Евпория! На этот раз — бесповоротно! Знаешь, я стану разбойником и, вот ты посмотришь, с верными людьми буду переправлять тебе то, что награвлю! Ты будешь торговать, разбогатеешь, выкупишь себя на волю, расстанешься с этим противным Жабой-Клитархом!

Она рассмеялась и поднялась с ложа, опустив босые ноги на коврик.

— Мне нравится твое расположение ко мне!.. Но что-то не верится ни в твое пиратство, ни в добычу! Ты слишком любишь мягко спать и сладко есть, а твой хозяин плохо следит за тобою, ты разленился! Какой из тебя пират!

— А вот посмотришь! Только позволь мне побыть у тебя дотемна, а потом я...

Он свистнул и указал пальцем куда-то вдаль.

— Собственно, я пришел к тебе проститься и... обнять тебя перед разлукой.

— О, хитрец и повеса!.. Знаю, что никуда ты не денешься! Просто тебе нечем отблагодарить меня за любовь! Вот и выдумал эту историю с пиратством. Не в первый раз!

— Постыдись, Евпория, так говорить! Дай мне глоток вина, и я спою тебе новую песенку. Я сочинил ее про противного Микста, который совершил на меня нападение с двумя рабами! Но я отбился от них.

— Опять врешь, Гиерон. Всем известно, что рабы Микста избили тебя палками, ты и не думал защищаться!

— Гм... Допустим, молва сохранила лишь то, как меня били, но умолчала о том, что делал при этом я!

— Нет, почему же? Молва передала и то, что делал ты!

— Что же?

— Ты кричал диким голосом!

— От ярости, Евпория, от ярости! Но сейчас, на площади у порта, я сам избил Микста палкой и дал ему под ребра кулаком!.. Я обманул астиномов и этого красавчика Митрааса! Сказал им, будто я свободный человек и наказываю раба по поручению хозяина!

— Асандра?

— Нет, Парфенокла!

Оба рассмеялись. Евпория повеселела, ей нравилась болтовня этого легкого душой человека, он умел веселить ее своими рассказами.

— И они поверили тебе?

— Еще бы! Они даже поклонились мне и обещали помощь и поддержку!

— Если это правда,— ответила она, смеясь,— то я кланяюсь тебе, веселый болтун и хитрый лис!.. Подойди ко мне, выпьем вина, споешь потом!

Она бросила щепотку порошка в курильницу, комната наполнилась дурманящим синим дымом. Звякнули фиалы, и оба, хозяйка и гость, утолили жажду.

— Хороший ты, молодой,— прошептала Евпория, поправляя волосы.— Ты живой телом и мыслью. И хотя часто лжешь, вот и сейчас выдумал больше половины, но уже то хорошо, что сердце у тебя доброе и ты желаешь мне добра.

Полог на двери зашевелился, слышался низкий голос Дидоны:

— Хозяйка, у калитки твой повелитель Клитарх!

— О,— вздохнула Евпория,— пришел этот вонючий пьяница, эта куча грязи, этот немытый свиной хвост! Недаром весь город зовет его Жабой!

— Горе рабыне,— ответил ей в тон Гиерон,— она должна ласкать хозяина, даже вонючего!

— Не то, Гиерон, не то.. Клитарх уже давно никого не ласкает. Сперва он забыл женщин ради кошель с деньгами, а когда разорился, то самой большой его страстью стало пьянство. Ему нужны деньги на вино, вот он и пришел узнать, что я заработала! А у меня, как нарочно, ни одного посетителя! Грязных и грубых моряков я не принимаю! А ты вот пришел как друг, но у тебя нет ни гроша за душой!.. Иди!.. Уже вечереет, скоро тебе бежать в пираты! Дидона выведет тебя запасным ходом. Будь здоров!

Евпория сразу стала отчужденной и такой же вялой и скучной, как и в момент его прихода.

— Прощай, Евпория, прощай!.. Зря насмехаешься надо мною. Сейчас я — прямо на место сбора! Друзья уже ждут меня!

— Нет, ты и взаправду в пираты?

— А куда же?.. Хозяина схватили, а меня продадут, быть может, тому же пьянице Клитарху!

— Не дай-то боги! Выпей на дорогу фиал хорошего вина, на счастье!

Она достала небольшую амфору и налила полный фиал. Он сделал возлияние богам и выпил.

— Спасибо. А что я пришел к тебе с пустыми руками, неверно! Возьми, заткнешь рот своему пьянице!

Гиерон бросил на пол накидку, доставшуюся ему от Микста, и вышел через заднюю дверь. В домик уже входил, переваливаясь, Клитарх. Он отдувался, как кузнечный мех, распространяя вокруг густой дух винного перегара.

VII

Парфенокл был вне себя от досады после неудачного ораторского выступления перед царевичем. Он в бешенстве смял рукой свиток, старательно исписанный предан-

ным рабом. Микст обладал ученостью, ясным умом и умел составлять речи. И, нужно признать, содержание речей всегда оказывалось удачным. Парфенокл с неизменным успехом выступал с ними на собраниях общины, в храмах и на судилище.

Он благоволил за это к своему рабу-логографу и даже обещал ему свободу, если тот заслужит ее усердием и верностью. В счастливом волнении Микст падал на колени и говорил, источая слезы надежды:

— О повелитель мой! Сам видишь, что я телом слаб и в хозяйстве не приношу пользы. Единственное, за что ты кормишь меня хлебом,— это мои письменные труды. Если же ты освободишь меня, то тебе уже не придется кормить меня. Более того — я из чувства благодарности всегда буду писать для тебя, не требуя вознаграждения. Ибо высшая награда для меня — это милость твоя, свобода, полученная из твоих рук!

— Чем же ты будешь жить? — посмеивался Парфенокл, оглядывая с головы до ног тщедушного логографа.— Ты же умрешь с голоду, если тебя не будет кормить хозяин!

— О мудрый и проницательный! Ты же знаешь, что я могу составлять надгробные надписи, хвалебные гимны к праздникам, а может быть, и речи купцам и землевладельцам, выступающим с тяжбами. Каждый, кто судится, ищет человека, который знал бы законы и владел бы логикой и риторикой! И кто этим располагает, тот всегда прокормится, да еще и бывшему хозяину принесет подарок в день его радости, будь то исполнение урочного возраста, рождение дитяти или праздник его рода!

— Речи торговцам и тем, кто роется в земле? — хмурился Парфенокл.— Нет, погоди, ты еще нужен мне. Не спеши, вот нужда минует, я скажу тебе... Терпи и жди!

Такие разговоры повторялись время от времени, в часы, когда у хозяина не было срочных дел и он находился в благодушном настроении. Раб терпел и ждал. Несмотря на тщедушную внешность, Микст носил в себе неугасающий пламень стремления к свободе, который разгорался все больше и, казалось, грозил спалить его. Он задыхался при одной мысли об обещаниях хозяина и жил мечтой о том счастливом дне, когда на площади будет оглашено решение Парфенокла снять с его

шей рабский ошейник. И с тройным усердием служил хозяину, ловил его взгляды, предугадывал его желания. Рвение было оценено, Микст стал доверенным ключарем в доме Парфенокла, тенью строгого хозяина. Из хозяйских подачек кое-что скопил на будущее, даже обзавелся двумя собственными рабами-слугами.

— Не слишком ли ты возвысил своего писаря? — говорили друзья Парфеноклу за чашей вина. — Он может зазнаться, облениться!

— Нет, — самодовольно усмехнулся Парфенокл, считающий себя знатоком управления рабами, — этого не будет!.. Микст — раб-умник, он боится ручного труда, ибо телом слаб и имеет мягкие ладони! Знает, что стоит ему провиниться — и он окажется в каменоломне! Страх перед киркой и лопатой удерживает его, как удила коня!.. И еще — он ждет моей милости, надеется на освобождение, а я поддерживаю эту надежду, ибо знаю, что обещания иногда действуют на мозг раба, как бич на тело! Увеличивают его рвение!.. И Микст верит мне и не изменит мне!

Когда раб-писарь составлял и переписывал начисто приветственную речь, с которой Парфенокл собирался выступить в порту перед царевичем, ему показалось, что желанный миг освобождения близок. Загадочные намеки хозяина и какое-то особое выражение его лица — не то скрытая насмешка, не то желание чем-то поразить раба в скором времени — наполняли впалую грудь Микста радостным предчувствием.

«Он хочет внезапно сказать мне: «Ты свободен!» — думал раб, и сердце его билось, как птица, готовая покинуть тесную клетку. — Когда же ему сделать это, как не сейчас?.. Такая речь и в такой торжественный день заслуживает награды!»

Нужно сказать, что Микст вложил в текст речи все свои способности, отточил каждую фразу и заранее предвкушал успех. Царевич услышит эти изысканные и умные обороты речи, эти пышные сравнения его с богами и будет приятно поражен! Он убедится, что ученость и ораторское искусство на Боспоре цветут ярким цветом, ни в чем не уступая ни Элладе, ни окружению самого Митридата!

Но, как было сказано, Махар очень рассеянно прослушал чересчур витиеватую речь Парфенокла, а его

спутники и совсем не вникли в слишком длинные фразы и туманные сравнения. Да и Парфенокл читал свиток, как надгробную молитву, весьма монотонно. И дикий приветственный крик Гераклидов произвел на Махара куда большее впечатление, он был понятен и краток. Впрочем, дело было не в недостатках речи, а в тех целях, с которыми Махар прибыл сюда. Не речи были ему нужны, а подчинение и дань.

Перед пиром Парфенокл заглянул в свой дом, чтобы переодеться. Он вошел так быстро, что его заметил лишь раб-привратник.

Хозяин открыл двери и, пройдя во внутренние покои, оказался в ванной, где его ожидал сюрприз. Сафо, его добродетельная супруга, обнаженная, возлежала на ложе перед бассейном, а перед нею склонился всклокоченный и толстошей верзила Евлупор, дворовый раб. Сафо вызывающе хохотала, ей, видимо, нравились смущение и простота раба. В смехе сотрясалось белоснежное тело, такое ослепляющее белое, какого Евлупор никогда не видывал. Женщина первая заметила входящего мужа и окаменела на мгновение, вперив в него остеклевшие глаза. И в следующий миг издала пронзительный вопль, полный возмущения и ужаса, который был слышен даже на улице. Она поспешно схватила дрожащими пальцами покрывало, дабы прикрыть им свою наготу.

— Прочь!.. Прочь отсюда, подлый раб! — завопила она на весь дом.— Ты посмел войти сюда, пользуясь отсутствием хозяина и моей беззащитностью!

И, обратившись к Парфеноклу, вся в слезах, протянула к нему свои красивые руки:

О, Парфенокл, дорогой муж мой!.. Поспешి огради меня от подлых притязаний твоего раба! Он дошел до того, что осмеливается поднимать глаза на хозяйку и домогаться моей любви!.. Боги, как мы низко пали! Ты распустил, Парфенокл, рабов, и скоро они обесчестят жену твою и растащат твоё имущество!

Она зарыдала, забилась в припадке, вьющиеся волосы упали до пола, шпильки рассыпались у ног ошеломленного Евлупора. Он только ворочал круглыми, странно голубыми глазами, смотря попеременно то на хозяина, то на хозяйку. Прекрасная Сафо сама позвала его и приказала носить в ванную горячую воду, так как в бассейне

вода не подогревалась. А потом, игриво изгибаясь, сбросила с себя одежды и голая легла на ложе для потения, заявив, что он будет поливать на нее воду, хотя имела для этой цели девушек. При этом как-то особенно смеялась и раздувала ноздри, словно молодая кобылица. «Чего это она?» — думал раб, стоя перед нею с ведром, далекий от мысли преступить грань, отделяющую раба от господи. И не понимал, почему прекрасная Сафо от смеха сразу перешла к слезам, от игривой снисходительности к обвинениям в покушении на ее честь. А таких преступлений рабам не прощают!.. Раб стоял растерянный и продолжал бросать вокруг недоуменные взгляды. Ему хотелось что-то объяснить, но в голове медленно ворочалась мысль, что попытка оправдаться лишь усугубит его положение. К проступку будет добавлено еще одно обвинение — в преднамеренной клевете на достойную свободную женщину, жену господина, одного из самых сильных людей Пантикапея!

Парфенокл кликнул стражу, которая была уже наготове, как только стали слышны истошные вопли хозяйки. Рослые надсмотрщики, недавние друзья преступника, схватили незадачливого собрата и скрутили его веревками.

— Так-то ты, лукавая свинья, ценишь хозяйскую милость? — обратился к нему раздраженный Парфенокл, убедившись, что раб не может шевельнуть могучими, жилистыми руками. — Ты осмелился обратить свой подлый взор на благородную женщину и даже угрожать ее чести?.. Раньше ты знал мою милость, теперь узнаешь мой гнев! Под замок его!

Когда провинившегося увели, Парфенокл презрительно взглянул на Сафо и, не обращая внимания на ее рыдания, сказал:

— Удались к себе и оставайся там! Мне некогда!

Домовые рабыни раздели хозяина, выкупали в ванне, смыли с его упитанных телес клейкий пот и уличную пыль, после чего умастили кожу благовониями и стали наряжать его в парадные одежды.

Все слуги ходили на цыпочках, зная, что хозяин разгневан и готов обрушить на каждого из них громы и молнии, куда более страшные, чем небесные. Шепотом переговаривались о том, что теперь Евлупору грозит не простое наказание, а жестокая пытка и, возможно, смерть.

Тут появился Микст с необычно сияющим лицом. Он спешил попасть на глаза хозяина, уверенный, что тот уже приготовил ему подарок. Он забыл о драке в порту, забыл обо всем, кроме солнечной мечты о желанном миге освобождения.

Правда, из-за ссоры с Гиероном и уличной драки он не слышал, как слова его произведения прозвучали перед лицом заморского повелителя. Но был убежден, что речь поразила всех своей красотой и мудростью.

Одна из рабынь, проходя мимо с золотой цепью, которую пожелал надеть на шею Парфенокл, сочла не лишним подслужиться к хозяйскому подручному и шепнула ему на ухо:

— Не лезь, Микст, ибо хозяин не в духе!

Но Микст отмахнулся от непрошеной советчицы. Он не знал о том, что случилось в ванной, и не допускал, чтобы хозяин мог быть не в духе после столь великолепного ораторского выступления.

Парфеноклу как раз завязывали сандалию на правой ноге. Микст выставил свою жидкобородую физиономию из-за полога и расплылся в сладкой улыбке, ловя взгляд хозяина.

Тут произошло нечто неожиданное. Микст почувствовал лишь, как на него пахнуло ароматом хозяйских одежд, увидел, как вскинулись складки узорчатого хитона и мелькнула волосатая нога в желтой сандалиии. Страшная мгновенная боль пронизала живот и огненной стрелой прошла через грудь, выйдя в горло вместе с непроизвольным стоном.

Когда он очнулся, то сначала не мог понять, что произошло. Ни хозяина, ни слуг около не было. Сам он лежал на плиточном полу в луже крови, что натекала изо рта. Кровь уже остыла, над нею кружились мухи. Рядом валялась смятая бумага-папирус. Раб хотел протянуть к ней руку, но глухо застонал от боли внутри. Ему показалось, что его внутренности лопнули и превратились в месиво из окровавленных обрывков.

Пытаясь встать, он упал и почти задохнулся от острой боли. «За что!..— думал он.— За что хозяин ударил меня пинком?» Ответ пришел сам собою. В смятом папирусе он узнал написанную им речь. Тут же, на полу, блеснул плевок.

— Не угодил! — простонал раб-логограф, чувствуя,

как вместе с болью комок обиды подступает к горлу. Слезы разочарования и горечи хлынули сами собой. Микст бессильно опустился на пол и не желал больше ни вставать, ни жить. Было очевидно, что ни о каком освобождении теперь не может быть и речи.

Его собственные рабы осторожно вошли, оглядываясь в опаске. Приблизившись к хозяину, участливо и с сожалением поглядели в его лицо, приветливо заулыбались, видя, что он уже пришел в себя и смотрит на них.

— Хозяин, ты жив?.. Мы рады!

— Нечего болтать,— тихо, но строго прервал их Микст,— лучше помогите мне подняться на ноги!.. Ой-ой, осторожнее, остолопы! Отнесите меня в постель!

И когда его, полумертвого, подняли с пола, он, превозмогая боль подумал: «Какой несчастливый день!.. Дважды бит, лишился накидки, а главное — потерял расположение хозяина и надежду на его великую милость!»

Потом его рвало кровью. Он плакал горькими слезами униженного, страдающего физически и нравственно. И вместе с этими слезами и пролитой кровью за недолгие мгновенья утратил то божественное чувство преклонения перед хозяином, которое вынашивал в себе на протяжении жизни. Наивная вера в возможность заслужить у строгого господина желанную награду, получить из его рук долгожданное освобождение — вдруг исчезла, погасла, как свет перед глазами внезапно ослепшего человека. Он почувствовал себя как бы на дне мрачного ущелья, выхода из которого нет. Все обещания, что давал ему Парфенокл, как оказалось, были насмешкой, глумлением над его самыми дорогими мечтами и чаяниями!.. Никогда Парфенокл всерьез не собирался освободить его! Он, Микст, вечный раб, и не для него существует греческое, такое красивое слово элѣѣтерия — свобода!

Миксту показалось, что он умирает, пинок хозяина разбил ему печень, а в печени — средоточие жизни!.. И он умрет рабом!.. Одна мысль об этом леденила его. Нет, нет!.. Если умереть, то только свободным, сорвав с шеи позорный ошейник с именем хозяина-обманщика!

Было темно, когда Микст почувствовал себя лучше и смог подняться с постели. Он не хотел лежать дольше. Какое-то новое чувство придавало ему сил, ходило ходу-

ном в груди и толкало вперед. Он уже знал о Евлупоре, обреченном на смерть из-за каприза развращенной хозяйки. И сейчас думал о нем, о таком могучем, сильном человеке, так же страдающем невинно. Если раньше он считал себя неизмеримо выше черного раба, который спит в конюшне на навозной куче, то теперь ему стало очевидно, что разницы между ними нет. Оба бесправны и оба должны умереть!.. Микст прекрасно понимал, что случай с Евлупором уже стал достоянием рынка и весь город смеется над Парфеноклом, обманутым мужем. Поэтому независимо от того, верит Парфенокл жене или нет, он должен будет жестоко наказать раба, казнить его лютой смертью, дабы удовлетворить требованиям закона чести свободного человека. Раб, покусившийся на жизнь или честь свободной, — жить не может!

Следуя внезапно возникшей мысли, Микст, стиснув зубы и преодолевая слабость во всем теле, спустился во двор из своей чердачной конурки и обратился к привратнику с вопросом:

— Где ключи от темницы, в которой сидит Евлупор?

— Хозяин приказал охранять его строго, — ответил тот угрюмо.

— Знаю! — оборвал его брюзгливо Микст с заносчивостью доверенного раба, которому не впервой исполнять ответственные приказы хозяина. — Дай ключ от темницы, мы с господином будем пытаться узника!.. Пора разжигать жаровню и калить щипцы!

Получив стальной ключ, он, кряхтя от боли, опираясь на палку, как старик, направился к дверям темницы, расположенной около конюшни. Луны не было. Он исчез во тьме, заполнившей углы двора.

VIII

В час встречи наместника, прибывшего из Синопы, произошло как бы разделение пантикапейского люда на две неравные части. «Лучшая» его часть устремилась в порт, а «худшая» собралась на рыночной площади по приказу Неоптолема, подтвержденному городскими архонтами и подкрепленному обещанным даровым угощением.

Торговли не было. На рыночных лотках и длинных прилавках были расставлены глиняные миски и плошки для питья. Шумная толпа уже сгрудилась около пуза

тых бочек с дешевым вином, изрядно разбавленным водою. Это было так называемое «косское» вино, обычно употреблявшееся самыми бедными горожанами. Иногда оно попадало и в желудки рабов. Впрочем, не всех рабов. Рабы, что обслуживали богатые дома, ключники, управители имений, хозяйские фавориты и доверенные нередко пили лучшие вина, обкрадывая хозяев. Те же, которые вращали силой своих рук мельничные жернова или долбили камень в каменоломнях, не видели никаких, питаясь чашкой полбяной каши, запивая ее мутной водой из грязного колодца.

Рабы не были ни однородной, ни сплоченной массой. Единение для них становилось возможным лишь в некоторых случаях. Таким случаем явился страшный рабский бунт, возглавленный Савмаком.

Были рабы чистые, которые пользовались милостями хозяев,— их называли «смеющимися рабами». Были рабы черные, они работали на полях и в эргастериях. Эти стонали под хозяйским ярмом, отупевшие и озлобленные. Одни рабы подгоняли других бичами. Вооруженные рабы охраняли покой своих хозяев, чем уподоблялись цепным псам, готовым броситься на всякого, на кого укажет хозяин. Такой вооруженный раб смотрел с презрением на грязного чистильщика мусорных ям или на кузнеца, прикованного цепью к наковальне. Нередко рабы верхнего слоя сами владели рабами и наказывали их жестоко, не думая, что те такие же бесправные «говорящие орудия», как и они!..

И если одни рабы трудились от зари до зари, получая в награду лишь удары бичей от своих же собратьев, то были и такие, которые бродили без дела по городу, занимаясь воровством и нищенством. А хозяева были рады этому, ибо с упадком ремесел не могли дать им работу, не могли и продать их самих, а тратиться на их прокормление не хотели. В таких случаях рабы-мужчины становились ворами и попрошайками, а молодые рабыни шли в порт торговать собою, образуя целые толпы так называемых «козочек», узнать которых было легко — каждая носила под мышкой рогожу, убогое ложе уличных встреч. Многочисленность «козочек», их доступность порождали чудовищное падение нравов, почти неприкрытое бесстыдство, пресыщение и извращения, неслыханные в былые времена. И пьяные гуляки уже

не довольствовались обществом женщин, но тянулись к иным ощущениям. Это породило еще одну разновидность уличного гетеризма — женоподобных юношей-содомитов, наряжающихся в женское платье. Бывало, женская половина уличных возлюбленных пыталась избивать конкурентов-мужчин. И блюстители порядка с трудом прекращали кровавые побоища, вынося за городскую стену мертвых и искалеченных.

Сейчас, к закату солнца и с наступлением темноты, эти бесправные затопили рыночную площадь. Хохот и песни, пьяная ругань и визг женщин, топот танцующих пар, звон посуды и чавканье жадных ртов напоминали римские сатурналии — праздники рабов. И хотя косское вино еще было в чанах и бочках — его раздача началась с большим опозданием, — на площади все были пьяны. Пользуясь отсутствием хозяев, дворовые рабы очистили их продуктовые и винные склады, надеясь сослаться потом на грабителей. Сюда тащили все. Даже шел шумный обмен. Кто-то продавал похищенные у хозяина сандалии за глоток вина, другой соблазнял красотку куском остывшего пирога и наполненной флягой.

Гиерон толкался в толпе, пробираясь к столам угощений. Но там была такая давка, что получить что-либо едва ли удалось бы. Да и стоило ли мять бока ради постной каши и жидкого вина?.. Пусть за это рабское угощение дерутся те, кто спит на соломе и работает лопатой. Он же искал другого. Время шло, солнце закатилось, и ночной мрак быстро наступал, оттесняя отблеск уходящего дня. А Гиерон все еще бродил среди толпы. Он вздрогнул, когда тяжелая рука опустилась ему на плечо.

— Кто это? — обернулся Гиерон и озадаченно выпучил глаза, увидя фигуру, закутанную в плащ.

— Тсс... — Фигура сделала предостерегающий жест. — Это я, Евлупор! Ты как будто кого-то ищешь?

— Почти что так, — ответил неопределенно Гиерон и опасливо оглянулся. Приблизившись к другу, он прошептал ему на ухо: — Кажется, мой хозяин поражен безумием, сегодня он потерял все, даже голову!.. Я же твердо решил бежать в пираты и вот ищу одного человека, который проведет меня к киликийцу. Он вербует таких, как я, в свою шайку!..

В этом заявлении прозвучало желание Гиерона показать себя с лучшей стороны перед другом, человеком

решительного характера, который иногда подсмеивался над его осторожностью. Евлупора должны были поразить такие смелые слова. Тот подумал, взял его под руку, отвел в сторону и сказал просто:

— Ты хочешь стать пиратом? Оставить долю слуги и раба?.. Если это не очередная шутка, мне с тобою по пути!.. Ты только решил бежать, а я, брат мой, уже бежал из-под стражи!.. Если я не сумею выбраться из города в эту ночь, завтра утром Парфенокл хватится меня и учинит сыск по всему городу, тогда мне несдобровать!

— Как, Евлупор! И ты решился на такое опасное дело?

— Говорю — уже бежал, ибо терять мне нечего!.. Сегодня хозяин заключил меня в темницу, чтобы завтра забить кнутом до смерти!

— За что же?

— Застал меня в ванной со своей женой Сафо! А я ее пальцем не тронул!.. Но Парфенокл был не в духе и не стал разбираться. Ему не повезло в порту! Царевич не ответил на его речь и поклоны. А Гераклиды, наоборот, удостоились милостивого взгляда нового наместника! Парфенокл и своего логографа ударил ногой в брюхо и что-то повредил ему внутри.

— А любимца-то за что?

— За то, что речь ему плохо сочинил и надоедал с просьбами о вольной. А может, еще почему. Разве хозяева объясняют рабу, за что казнят его?

— Ну, Миксту туда и дорога, не будет зазнаваться!

— Не говори так. Он теперь против хозяина, возненавидел его и решил от него бежать!

— Как бежать?.. Это Микст-то, хозяйский пес?

— Бывает, и псы кусают хозяев!.. А Микст теперь мой друг — мы с ним вместе убежали! Это он и помог мне — отворил дверь темницы и развязал узы на моих руках... Сейчас нам надо выбраться из города!

— А где же Микст?

— А вот он, со мною!

Евлупор посторонился, из-за его спины выглянула фигура, напоминающая старика, еледвигающего ногами. Из-под соломенной шляпы глядели два страдальческих глаза, еле различимых при свете пылающих смоляных бочек, зажженных по сторонам площади.

Гиерон смутился. Вид его недруга был жалок, чувст-

вовалось, что он испытывает боль и слабость. «Куда же он вздумал бежать, когда ему место в постели!» — подумал Гиерон.

Гиерон вспомнил, как он втайне завидовал этому остролицему полугреку, который сумел в рабстве достичь приличной жизни и хорошего положения возле всесильного хозяина. К тому же Микст не удостаивал его своим вниманием, проходил, гордо подняв голову да еще в сопровождении двух рабов-телохранителей. Появляться вне дома без охраны он боялся, так как, угождая хозяину, снискал ненависть других рабов и побаивался их мести. Имея острую голову, он был слаб телом и неспособен к самозащите. Получив должность доверенного слуги, он возомнил себя подобным легендарному Мису, который по преданию являлся правой рукой Эпикура. Сравнивая Парфенокла с Эпикуром, называя его в глаза «мудрейшим человеком нашего времени», Микст грубо льстил ему. Ибо сам, так же как и весь город, знал Парфенокла как тупицу, знаменитого лишь своим богатством и благородным происхождением.

Тогда Гиерон сочинил песенку про «хозяйского пса», который носит палку хозяина и рычит на посторонних, умеет визжать и лаять кстати, за что и пользуется правом доедать хозяйские объедки. Имя собаки — Микст!.. Парфенокла не любили, и колкая песенка о его рабе скоро стала известна всему Пантикапею.

Но Микст за свою грамотность и таланты получал хорошую жизнь и жирную пищу. А Гиерон за сочинение песенки получил удары палок — и от кого?.. От рабов того же Микста! Они остановили его на дороге с рынка, опрокинули корзину с овощами, повалили его самого и долго молотили палками. А Микст стоял в стороне и от души смеялся. За этот поступок Микст получил поощрение от Парфенокла, а Гиерон неделю не мог выйти из дома.

Да, Асандр неплохой хозяин, но, бедняк, он не дал своему рабу ничего за острый язык и умение сочинять колкие песни! Вот и сейчас Гиерон не удостоился хозяйской награды за тот гимн, который он сочинил для фиаситов. Правда, ему не попало ногой в живот! Но нужно ожидать чего-то худшего!.. О боги!.. Гиерон вздохнул сокрушенно. Его уже не радовало несчастье, что постигло Микста. Слишком непрочное благополучие

раба, благодетельствованного хозяином. Вчера — по-
дачки и обещания свободы, сегодня — пинок под ребра!

И все же казалось невероятным, чтобы такой преданный слуга, как Микст, решился на побег, оставив теплое место у хозяина, и превратился в беглого!.. Ведь беглый — это затравленный зверь, которого каждый не только может, но обязан пырнуть в брюхо копьем. Беглый раб считается вне закона, уподобляется взбесившейся собаке, которую следуют безжалостно уничтожить. И вдруг Микст расстался со своими ключами и пергаментом, сменил перо на дубинку разбойника!.. Уж не сошел ли он с ума?

Какой пират из Микста, подумать смешно!.. Вот Евлупор — другое дело. Это человек большой силы и смелости, к нему сам ночной демон пойдет в дружки! Хотя и он оказался совсем не таким зверем, как можно было подумать, глядя на его вывороченные ноздри, колючую бороду и бычью шею, покрытую могучими складками.

Сын северного племени, он мальчишкой был продан в рабство грекам, стал воином-рабом. Охранял караваны купцов, привык жить у костра в степи. Плавал и на судах. Его заметил Парфенокл на танаисском базаре, куда ездил по делам торговли. Угрожающий, «звероподобный» вид раба-воина понравился Парфеноклу, и он за немалые деньги купил его у караванщиков.

Раб получил завидную обязанность быть телохранителем хозяина. Но после степных просторов на берегах Танаиса ему показалось тесно и душно в городском дворе. Он стал тосковать и был замечен в пристрастии к кружке вина. Даже оказался пьяным во время ночного караула, уснул на ступеньках крыльца. Хозяин нещадно высек его и поставил надсмотрщиком над черными рабами в эргастерии.

Однако напористый и дерзкий в других обстоятельствах, вновь назначенный надсмотрщик стал проявлять непростительную мягкость. И хотя постегивал рабов, но не так основательно, как требовалось. Парфеноклу донесли, что в эргастерии непорядок, рабы стали поднимать головы и ленивее работать.

Не оправдав хозяйского доверия, Евлупор, получив еще две дюжины палок, стал конюхом. Он катился все ниже. Гиерон встретил его уже возничим. Он вез на паре быков мешки с полбой и остановился около погребка,

намереваясь истратить медную монету на кружку плохого вина. У Гиерона было поручение Асандра — сблизиться с кем-нибудь из рабов Парфенокла, подкупить его, сделать тайным соглядатаем при хозяине. Гиерон разгадал слабость Евлупора, пригласил его выпить вина получше. Тот согласился. Но когда в разговоре узнал, что от него требуется, то усмехнулся и ударил Гиерона по шапке, словно полусушня, со словами:

— Что ты угостил меня вином, благо тебе. А в соглядатаи я не гожусь, не такой я человек! Не люблю подслушивать и подсматривать. Вот голову кому-нибудь оторвать при случае — это по мне!.. Скажи, кто тебя хочет обидеть, — заступлюсь! А в соглядатаи — нет! Поищи другого!

— Хозяин тебя палками наказывает, а ты его покрываешь?.. Хочешь верность соблюсти или выслужиться?.. Так скажу тебе — у Парфенокла не выслужишься!

— Знаю и ничего не жду! Хозяин — всегда обидчик. Думаю, твой тоже не милует тебя, если провинишься?

— Верно. Но мой хозяин лучше!.. Хотя бывает... того...

Гиерон почесал рукой пониже спины. Евлупор расхохотался басом.

— Вот видишь, тебя хозяин тоже палками потчует, а ты для него стараешься! Я же для Парфенокла стараться не буду, то и тайного вреда ему делать не хочу!

Гиерон угадал в этих словах то самоуважение и несколько наивную добропорядочность, которые нередко встречались у невольников из числа плененных на войне воинов, сохранивших воспоминания о своем племени и его обычаях. Они способны на побег и пролитие крови, но не хотят ронять своего достоинства участием в делах, унижающих их понятие о чести. Такой был и Евлупор, — раб-воин, он сумел сохранить в невольничестве чистую душу.

Соглядатай из Евлупора не получился так же, как и надсмотрщик. Но с Гиероном он стал встречаться, дружить. Это не осталось тайной для Парфенокла, который рассвирепел, узнав, что неисправный раб связался с подручным его врага Асандра. Евлупора опять наказали ясеновыми палками. Предполагалось отправить его в деревню, на полевые работы, с цепью на шее. Но супруга хозяина прекрасная Сафо, проявила неожиданную мяг-

кость, вступилась за раба. Благодаря ее заступничеству он был оставлен при дворе как уборщик мусора, носильщик тяжестей и водонос.

Как уже известно, милость хозяйки впрок не пошла. Попадись на месте преступления, Сафо свалила вину на раба, чем обрекла его на суд и расправу жестокого Парфенокла.

Гиерону было ясно, что Евлупору другого выхода нет — только бежать! Но, сообразив, что и он сам вдруг оказался в компании беглецов, уже перешедших роковой рубеж, ощутил беспокойство. Правда, он тоже собирался сегодня ступить на тернистый путь беглого и стать пиратом, но одно дело — собираться, другое дело — стать!.. Не слишком ли поспешно получается? Подумав, однако, об Асандре, уже схваченном властями за дерзость, он вздохнул и решительно тряхнул волосами. Эх, будь что будет!

Откуда-то вынырнула юркая фигурка мальчишки-подростка, который дернул Гиерона за рукав и шепнул условленное слово: «Свобода». Он и провел всех троих в конец рынка, где чернели ряды заколоченных досками пустующих лавок, хозяева которых разорились и прикрыли торговлю. Гиерон огляделся. Они стояли перед полуразрушенным строением с провалившейся крышей. Кругом рос черный бурьян, метелки его в свете факелов и пылающих бочек казались золотыми. По трухлявым стенам волнами пробегали кровавые отсветы огня.

— Это здесь, — сказал проводник шепотом

IX

Необычное одушевление блестело в глазах рабов-заговорщиков, собравшихся в пустой лавке на краю рынка. Они знали, насколько опасно находиться здесь, но смело шли на риск, полагая, что никому в голову не придет искать их в гуще городской суеты да еще в часы праздничного гулянья. В трех шагах отсюда проходили пьяные ватаги, явственно доносились смех и голоса. Однако глаза и уши тайного собрания были направлены к тому, кто сидел на бочке с кружкой в руке, еле освещенный плоской, дающей больше нефтяной копоти, чем света.

Человек одет как деревенский житель, прибывший в город по делам,— просто и серо. Но лицо его покрыто шрамами и словно застыло в жестокой и насмешливой гримасе. Замечательными были его глаза, настороженные и внимательные. В них угадывалось не то злое веселье, не то издевка и жестокость. Каждому думалось, что муж этот видел много крови и часто смотрел в глаза смерти, как смотрят в лицо возлюбленной. Это подкупало слушателей. Они чуяли в этом человеке бесшабашную смелость и дерзкий вызов тому миру, который сами ненавидели,— миру хозяев! Такой может стать вожаком беглых, вывести их на широкую ниву, политую кровью, и научить собирать жатву, посеянную другими, теми же хозяевами!

— Наш корабль разбило у скал в ту бурю, которая пронеслась над морем и достигла Боспора,— говорил он с нарочитой откровенностью, словно подчеркивая, что ничего не скрывает и хочет показать жизнь морских удалцов без прикрас.— А почему? Потому, что наш капитан был пьян и некому было удержать остальных, все перепились! А вина были какие!.. Таких не пьют даже ваши хозяева! Эти вина предназначались для Тиграна, царя Армении, а мы захватили их!.. Хо-хо-хо!

Все зашумели одобрительно и изумленно. Подумать только — царские вина!

— Да, друзья мои,— продолжал пират, наливая себе из амфоры полную кружку и прихлебывая из нее с большим удовольствием, хотя вино это было и не царское, а похищенное одним из рабов у своего хозяина-торговца.— Да, друзья мои, пират не пьет плохих вин, он выливает их в море!

Все ахнули, многие с сожалением:

— Зачем же выливать-то?

— А затем, что пират богат удачей. Он плавает над бездной моря, он сражается со всеми, он живет сегодняшними радостями, не думая о будущем! Зато живет хорошо! Так хорошо, как вам и не снилось! Но не хочу морочить вам голову — доля пирата не всегда веселье и царское вино! Только тот, кто не боится смерти, может пойти в пираты! Возможно, он погибнет в первой схватке, или утонет в пучине моря. Но пока жив — он свободен, наедается до отвала, напивается вдрызг и спит, сколько хочет! Он всегда пьян или спит, пока капитан

и вожак не кликнет его на палубу. Тут не медли, чтобы не получить кличку труса! Хватай меч и беги наверх! Зато после боя получи во всем свою долю — и в золоте, и даже в женской ласке!

— Да ну?.. Откуда же у вас женщины?

— Как вы молоды и серы! Хе-хе!.. Так ведь на кораблях везут красивых рабынь, едут куда-то свободные люди с женами и дочерьми! Все они, попав нам в руки, становятся нашими возлюбленными!

— Куда же вы их деваете? С собою возите?

— Это смотря по обстоятельствам, — уклончиво ответил пират, хлебнув вина. — Когда будете пиратами, узнаете!.. Впрочем, скажу вам, есть и у нас свои города, где живут только пираты, — например, Киликия!.. Там они имеют жен и детей! Вот разбогатеешь, не получишь стрелы в грудь — сойдешь с корабля и поселишься в таком городе! Заведешь семью — и никаких над тобою хозяев и властей!.. Хорошо! Я сам родом из Киликии..

Евлупор слушал с жадностью, глаза его загорелись.

— Да, — продолжал киликиец, — неплохо быть свободным, а пират волен, как птица!

— Неужели вы никому так и не подчиняетесь? — не удержался горячий Евлупор.

— Ну, не то что не подчиняемся, есть у нас выборные вожаки, а на кораблях капитаны! Но вот хозяев у нас нет, это главное!

— А если пират провинится в чем-нибудь?

— В чем он может провиниться?.. Провинность у нас одна — отказ от участия в битве, трусость! Одно и наказание — дубиной по голове и в воду, рыбам на корм!

— Ага!.. Значит, и у вас есть власть и наказания!

— А как же! Среди пиратов должно быть единение. Пираты — братья, даже больше, чем братья, — они срослись сердцами. И кто попытается оторваться от нашего братства, тот изменник и ему одно наказание — смерть!

— Ты слышишь? — обратился Евлупор к Гиерону. Тот посмотрел на него задумчиво и без большого восторга.

— Слышу, — ответил он с усилием. — Ясно, что пираты, подобно воинам, подчинены начальнику! И так же знают, что за непослушание и неисправность будут наказаны, даже казнены! Какая же это свобода?

— Но пират свободен, он не раб, он не продается на рынке и не спит в навозе, как я!.. Его не бьют палками!

— Зато — дубиной по голове и в воду, к рыбам!

— Это же трусов и изменников!.. Кто храбр и верен, тот сыт, пьян и берет добычу!

— И получает стрелу в бок или копье в сердце во время схватки!

— Уж не боишься ли ты? Лучше умереть в бою, чем жить в рабстве!

— Так-то так...

Гиерону пришло в голову, что там, в каморке под лестницей хозяйского дома, он оставил ложе из душистого сена и спрятанную в углу амфору, подарок Антигоны. Добрая толстуха, она и поесть принесет что-нибудь с хозяйского стола, и сама останется до утра. Впрочем, можно и к Евпории пойти, та моложе!.. А днем не так уж трудно сопровождать хозяина в его прогулках по городу или сходить на рынок за покупками. Уборка в доме, топка очага и чистка хозяйского платья — дело привычное. И если иногда попадает, то лишь тростью по спине, а не дубиной по темени!

Но это уже в прошлом, это вчерашний день! Сегодня все стало иначе!.. Асандр с друзьями сидят в подвале и ждут своей печальной участи. Теперь его, Гиерона, вместе с Антигоной продадут за хозяйские долги, а новый хозяин заставит его мять кожи или чистить помойные ямы, будет кормить гнилой рыбой и держать ночью в конюшне на привязи! А чуть что — пинком в живот!.. Нужны ли будут новому хозяину его песенки и умение играть на арфе? У веселого и разгульного Асандра его таланты были как нельзя кстати. Разве плох получился гимн фiasитов, хотя и не принес пользы и успеха ни хозяину, ни его друзьям!.. Ай-ай! Все пропало!

С неожиданной силой вспыхивает в груди жаркое чувство буйства, страстное желание порвать узы невольничества и бежать в пираты. Там можно забыться в пьянстве и грабежах, а воинскому делу ему учиться не надо, он ежедневно упражняется с хозяином на мечах и копьях. Он участвовал в битве на льду, находился в одном ряду с хозяином! Он видел смерть и ужас и до сих пор удивляется, как остался живым после этого побоища! Пожалуй, и там, в пиратских сражениях, не будет большой радости... Но лучше погибнуть в бою, чем попасть в руки нового жестокого хозяина!

Его мятежные, противоречивые мысли были прерваны появлением раба-разведчика, который был лучше других одет и смог побывать в порту. Там, втершись в толпу, раб наблюдал за встречей Махара и видел удивительную сцену появления евпатористов на его пути в акрополь. Раб-разведчик с жаром рассказывал, как, вместо того чтобы схватить Асандра с друзьями, царевич оказал ему милость. И все в толпе говорили, что Асандр не так легкомыслен, опрометчив, каким его считали. Он сыграл опасную игру и выиграл!

Кровь бросилась в лицо Гиерону. О боги, если сейчас хозяин торжествует победу и вместо темницы вернулся домой в окружении друзей, он уже заметил, что слуги нет!.. Нет и новой шляпы и добротного плаща! Не обвинит ли он своего раба в воровстве, не догадается ли о его намерении бежать и не решит ли вгорячах продать его в каменоломни?.. О, это было бы страшным несчастьем! Тем более, что худшее, чего он боялся, уже позади, впереди же брезжит рассвет надежды! Жизнь продолжается!.. И место его, Гиерона, не здесь, среди будущих разбойников, а около хозяина, в доме которого есть возможность ежедневно быть сытым и отдыхать под лестницей, когда хозяин пьян и отсыпается после гулянки.

А там, глядишь, хозяин разбогатеет, ведь ему предсказаны богатство и власть! И Гиерон может оказаться управляющим хозяйскими домами и старшим над слугами!.. И, кто знает, возможно, Асандр оценит его верную службу и отпустит на свободу! Такие случаи бывали!.. Правда, отпускают обычно старых, изможденных рабов, которые не в силах отработать свой кусок хлеба. Но Гиерон не стар, и если получит вольную, то за заслуги! Авось ему повезет больше, чем Миксту!

Гиерон сразу преобразился. Сладостные мечты захлестнули его, пиратские подвиги уже не казались заманчивыми, как полчаса назад. Вскочив со скамьи, он поспешил к выходу.

— Куда ты, Гиерон? — окликнул его Евлупор.

— К хозяину, — ответил тот. — Раз он не в темнице, значит, дома и ждет меня с палкой в руке!

Наутро стало известно, что ватага рабов, пользуясь праздником и отсутствием хозяйского надзора, совершила грабежи и бежала в море на одном из торговых кораблей, стоявших в гавани.

Парфенокл быстро дознался, что Микст, обиженный им накануне, проявил неожиданную прыть. Это он открыл темницу, выпустил Евлупора, а затем вместе с освобожденным узником бежал!.. Выяснилось и то, что беглецов увел бывалый пират, который тайно пробрался в город с целью соблазнить рабов веселой жизнью морских разбойников. Этот ловкач и проныра добился своего — он оказался главарем вновь созданной шайки пиратов и капитаном корабля!

Весь город говорил об этом происшествии.

Х

Когда Митридат направлял Неоптолема с флотом против мятежного Боспора, то повелел наварху привести к покорности всю Тавриду, включая Херсонес и Скифию.

Одновременно он двинул сушей, через Колхиду, отборное войско, имея целью захватить все кавказское побережье, до самого Боспорского пролива. Он хотел соединить свои южные земли с северными, установить непрерывность понтийских владений от Синопы до скифских степей.

Но если морской поход Неоптолема был победоносным, то сухопутная кампания не удалась. Она оказалась плохо подготовленной и окончилась неудачей. Много людей погибло в горах, было занесено снежными буранами, перебито меткими стрелками врага. Военственные гениохи, зиги и ахейцы, чьим пределам угрожал Митридат, не пропустили его войск. Они объединились и отбросили пришельцев с огромным уроном.

В то время как Неоптолем укреплял власть Митридата в Панктикапее, по ту сторону пролива, в мятежной Фанагории, раздавались воинственные выкрики и угрозы. Фанагорийцы и не думали склониться перед Митридатом. Вдохновленные успехом горных племен, они стали вооружаться, заключать союзы с кочевыми соседями и тайно получили обещание помощи из далекого Рима. Почувствовав силу, они решили не ждать, когда Неоптолем попытается ударить на них через пролив, но сами двинулись против него. Они надеялись не только выгнать Неоптолема из Тавриды, но и разгромить ненавистный Панктикапей, дабы выйти из-под его власти навсегда.

С воинственным пылом Фанагория снарядила боевой флот и призвала к участию в войне пиратские племена. К флоту присоединились быстроходные суда ахейцев, зигов и гениохов, тех самых, которых не смогла одолеть в горах пешая рать Митридата. Эта плавучая армада двинулась через пролив, распевая боевые песни и потрясая мечами.

Небывалая опасность нависла над Пантикапеем. Неоптолем почувствовал, что решается его собственная судьба. Он повелел вооружить корабли горожан, а свои оснастил метательными снарядами и греческим огнем. Его боевые суда имели медные носы, которыми можно было топить вражеские корабли.

Тогда Ахамены взяли на себя дорогостоящую литургию по вооружению нескольких триер, чем расположили к себе Неоптолема.

И вот был поднят на мачту сигнальный щит, заревели боевые трубы. К великому изумлению противника, заранее торжествовавшего победу, значительно меньший флот Неоптолема смело вышел из гавани и решительно устремился навстречу многочисленной, но разномастной армаде врага.

После жестокого морского боя фанагорийцы и пираты принуждены были в большом беспорядке отступить. Много их судов пошло ко дну, немало подожжено «греческим огнем». Враг был отброшен, продолжать войну не осмелился, несмотря на подстрекательство римских посланцев, обещавших помощь. Неоптолем был восславлен как герой. Митридат прислал ему серебряный венок.

Пантикапей праздновал победу, возглашал славу Митридату и воздавал почести Неоптолему, который на пиру выпил с Парфеноклом чашу дружбы. Однако всем было ясно, что фанагорийцы и союзные с ними воинственные племена не успокоились и готовят мщение.

С наступлением зимы пронесся слух, что конная и пешая рати сарматов, при деятельном участии фанагорийцев, подошли к берегу пролива и ждут, когда лед покроет Боспор Киммерийский и станет возможным двинуться через пролив, как посуху.

Войск у Неоптолема было мало. На помощь из-за моря сейчас, когда навигация закончилась, надеяться было бесполезно. Да и едва ли Митридат послал бы войско на Боспор после поражений прошлой зимы, а

особенно в чаянии нового похода против Рима. Набор воинов среди свободных горожан шел совсем плохо. Дух сопротивления Митридатову господству продолжал волновать сердца боспорских общинников. Никто не хотел умирать за дело Митридата. К тому же всем казалось, что предстоящий зимний набег из-за пролива будет губительным лишь для Неоптолема, а Пантикапею большой опасностью не грозит.

— Пусть Неоптолем со своими черномазыми вояками сам встретит врага! Авось сарматы собьют ему гордыню-то! — говорили боспорцы с тайным злорадством.

— Да и варвары будут ослаблены! Они не пойдут на нас, ибо знают, что стены города неприступны!

— А если и пойдут, отсидимся!.. Не однажды варвары бросались на твердыни Пантикапея и всегда терпели поражения!

Эти настроения были известны Неоптолему и крайне раздражали его.

Выступая на городской экклезии, собранной по случаю предстоящей войны, наварх говорил хриплым голосом, дыша морозным паром:

— Вы, боспорцы, кажется, хотите, чтобы варвары и фанагорийцы ворвались в город, разрушили ваши дома и храмы, а вас самих перебили или продали в рабство?.. Вооружайтесь, говорю вам!

Но его призывы большого успеха не имели.

В те дни Асандр продолжал проводить время в веселых встречах с друзьями. Было трудно понять, откуда он берет деньги на угощение собутыльников. Казалось, никакие перемены в жизни Пантикапея не трогали и не могли взволновать этого человека. Он не участвовал в восстании против Митридата, а теперь не спешил чем-то помочь его воеводе. Да и чем помогать-то? Он был человек разорившийся, хотя и не из тех, кто родился в бедности. Его мать имела собственный эргастерий — мастерскую с рабами. Мужа она потеряла давно и жила одиноко, хотя была красива, умела одеваться в греческом вкусе и вести себя в обществе. Говорили, что она была близка последнему Перисаду и считает Асандра царским сыном, хотя и рожденным вне брака. Ее состояние рухнуло в дни восстания Савмака, когда Асандр был еще ребенком. Оба они чудом спаслись от страшного пожара, в котором сгорела половина Пантикапея. Их

дом остался целым, но был разграблен повстанцами. В этом доме и вырос Асандр, в обстановке далеко не роскошной. Но мать внедрила в его сознание гордость царского отпрыска, которому боги готовят необыкновенную судьбу. И сама верила, что это будет так!.. Поэтому в воспитании сына следовала известному указанию Аристотеля, что излишнее углубление в науки «делает тело и разум людей негодными для потребностей и дел добродетели». Она готовила его к роли человека, призванного повелевать. И обучала кроме гимнастики и фехтования умению держаться с достоинством и парить над делами будничными, предоставляя их людям более низким.

Сознание того, что он царский сын, стало основой поведения Асандра и после смерти матери. В этом не было бы большой беды, если бы он унаследовал от матери богатство. Но в нужде и недостатках требовалось нечто более практичное, что обеспечивало бы кусок хлеба насущного. Этого Асандр не имел и к этому не стремился. Не будучи в состоянии жить, как подобало его происхождению, от отверг обычные нормы жизни, не пожелал, да и не умел трудиться или торговать, как другие. Поэтому не нашел места ни среди богатых, поскольку сам был беден, ни среди людей дела, ибо считал себя выше ремесленников и торговцев.

И вот, оказавшись в обществе отверженных и гуляк, таких же, как он сам, Асандр сумел окружить себя ореолом известной исключительности, как человек необыкновенный, сошедший в низы из неких высших сфер. Здесь он получил то признание, в котором ему отказала лучшая часть боспорского общества. Его многочисленным друзьям-гулякам было лестно иметь такого вожака, который был знатнее всех архонтов и богачей Пантикапея и который наверняка на примете у самых больших богов. Они поддерживали его с большой убежденностью, уверенные в непогрешимости его поступков.

Даже люди состоятельные, что с презрением взирали на нижний этаж пантикапейского общества, задумывались над судьбой Асандра. И, следуя неясным предположениям, открывали для него свои кошельки, заранее зная, что он все раздаст окружающей его бездомной братии на пропой. Его независимое поведение, дерзкие притязания на высокое происхождение раздражали Аха-

менов и Гераклидов, которые относились к нему с нескрываемой неприязнью.

Неожиданно для всех этот человек явился к Неоптолему и заявил:

— Я сколочу немалый отряд из городской голытьбы, которая меня знает и за мною пойдет! Но ты должен накормить моих парней, дать им кафтаны, оружие и по кружке вина перед боем! Клянусь, богами, ты убедишься в их мужестве! Они будут драться как барсы, я сам поведу их!

— Ох ты какой воевода! Да не разбегутся ли твои вояки?

— Не разбегутся! Они знают, что им все равно придется умереть от холода и голода!

Неоптолем подумал и решил принять предложение Асандра. Тогда господствовало убеждение, что лучшие бойцы — это люди бездомные и обиженные судьбой. Собственно, у него не было другого выхода, ему нужны были воины. Время не ждало. Зима оказалась холодной, рано подули пронизывающие северные ветры, вся поверхность пролива покрылась плавучим льдом. Скоро ледяной мост будет перекинут через пролив, и тогда...

Асандр, гуляка и, по мнению многих, беспутный человек, был признан вожаком «драного войска», как его называли, и был назначен на время войны сотником. Он принес клятву на верность Митридату, а потом привел к присяге набранных бездомных парней, что ютились в стенах города, ночевали в полуразрушенных строениях, заброшенных владельцами со времен рабского бунта.

Богатые горожане, обеспокоенные появлением на улицах вооруженных толп, собранных из числа тех бродяг, которыми Пантикапей так тяготился, возмущались:

— Это же готовая шайка разбойников... Они завтра начнут грабить нас!

— Асандр со своими бродягами хочет выслужиться у Неоптолема!

Говорили разное, даже выкрикивали в лицо Асандру оскорбления и насмешки. Но тот лишь дерзко смеялся и отвечал с необычной напыщенностью:

— Горе вам!.. Вы не поняли, что вчера Неоптолем был победителем боспорцев, а сегодня он защитник наш! Слава ему!.. Я и мои друзья поможем Неоптолему

и ляжем костью, но не пустим варваров под стены города! Боги слышат меня и одобряют!..

На многих эти слова подействовали как призыв. К войску Асандра стали присоединяться горожане с рабами. Приносили еду для воинов. Богатые забивали быков и поставили на рыночной площади котлы, в которых варили мясо по-скифски. Новообращенные гоплиты ели, пели песни, точили ржавые мечи и вострили копья.

Асандр преобразился и сразу стал выше на целый локоть.

Тут к нему явился курчавобородый, по-медвежьи неуклюжий Панталеон со словами:

— Я уже дрался с варварами летом на море! Был проревсом на корабле, моряк я, всю жизнь плавал, пока не остался без работы! Море — душа моя!.. Но сейчас я готов пойти за тобою и в пешем строю! Дай мне копье!

Асандру понравился этот широкоплечий крепыш с твердым и честным взором. Они обнялись и подружились. Их свела общая судьба на долгие годы.

Патриотический порыв части горожан был замечен. Ахамены и Гераклиды также стали вооружать отряды в помощь Неоптолему. Парфенокл сам возглавил конный отряд, чем еще больше укрепил свои отношения с навархом.

К этому времени ударили морозы, и пролив покрылся ледяной корой. Лед быстро креп и становился толще. Перебежчики с того берега рассказывали, что несметная рать врагов готова ринуться через пролив и что римляне доставили в Фанагорию оружие и деньги.

Осторожные архонты советовали полководцу запереться в стенах города и ждать. Варвары не умеют вести осады, да и морозы заставят их отойти от стен Пантикапея и рассеяться по деревням в поисках теплого ночлега.

— Вот тогда вылазками ты разобьешь их по частям!

— Полно! — возразил Неоптолем. — Когда это варвары-степняки боялись зимней стужи? Они всю жизнь живут под открытым небом!.. Нет, врага надо встретить в открытом бою на льду!

Он настоял на своем. Битва произошла на льду пролива ранним утром, под покровом густого морозного тумана. Слава о ней сохранилась в истории. Воины Асандра заняли центральное место в боевой фаланге. Под-

крепившись вином, они почувствовали прилив сил и храбрости. Увидя противника, сплотились, оцетинившись бесчисленными копьями. Властный голос Асандра и его личная отвага сделали свое дело. Пешая рать устояла под градом стрел и дружно встретила воющую конницу сарматов. В этом первом ударе заключалась вся военная наука степняков. Нужно было выдержать стремительный натиск, отразить его.

Половина пешего войска была сразу уничтожена. Но и вражеская конница потеряла свою целостность и устремленность. Это позволило Неоптолему нанести боковой удар силами «медных щитов» и ошеломить врага. Сарматы начали поспешное отступление к восточному берегу пролива, оставляя много убитых и покалеченных. Конница Парфенокла преследовала бегущих.

В пылу сражения никто не замечал быстротекущего времени, хотя прошла половина дня и северный ветер сменился южным, теплым. Курчавобородый Панталеон разыскал Асандра и сказал ему, как бывалый моряк, хорошо знакомый с нравом и коварством Понта-Эвксинского:

— Стратег! Подул теплый ветер, как бы молодой лед не дрогнул. Тогда все мы провалимся в пучину моря!

Они вдвоем кинулись искать Неоптолема, но того трудно было найти.

— Ты ищи воеводу,— сказал Асандр,— а я буду собирать наших парней!

Лишь к вечеру разгоряченные преследователи заметили, что лед заметно почернел, ветер усилился и стал слышен отдаленный грохот. С юга наступали ревущие волны, ломая лед.

Неоптолем, получив известие о грозящей опасности, велел трубить в рога и немедленно отходить к западному берегу. Он меньше всего заботился о судьбе городского воинства, торопясь вывести из беды свою рать. К тому же полагал, что Асандр уже принял меры к спасению ополченцев-горожан.

Асандр увидел, как дружно побежали назад «медные щиты», шлепая и скользя по лужам. До хрипоты кричал своим людям, приказывая собирать раненых и убитых, чтобы успеть вынести их на берег. Но ополченцы, опьяненные победой и содержимым походных фляг, увлеклись грабежом убитых врагов и отвечали на призывы вожака лишь веселыми криками и смехом.

Мимо проскакали всадники, среди которых был и Парфенокл. Асандр взмолился к нему, указывая на многочисленных раненых и трупы:

— Парфенокл, помоги! Нам не простят, если мы оставим раненых и погибших на съедение рыбам!

— Что ты! — отмахнулся Парфенокл, еле сдерживая горячего коня. — Вы пешие, вас лед выдержит! А мы с конями первыми провалимся и утонем! Спасайтесь сами и выносите раненых на плащах!

Ночью лед взломало. Раненых успели вынести, но убитые были поглощены морем. То есть обрели самую страшную участь, как она представлялась грекам. Ибо нет худшей доли, как найти свой конец в морской пучине! Исчезнуть в волнах без погребательного обряда, обеспечивающего мертвым возможность проникнуть в царство теней!.. Кто умастит их тела, кто положит каждому в рот монету для уплаты за перевоз, через Стикс, кто даст им в руки медовые лепешки, дабы они могли бросить их страшному Керберу, охраняющему вход в страну мертвых?.. Никто! Их съедят рыбы, а души их будут метаться по лику земли и мстить живым за то, что те не сумели предать мертвые тела земле по закону отцов!

Виновниками столь страшного преступления оказались двое — Асандр, что не успел вынести трупы на берег, и Парфенокл, отказавшийся помочь ему. Гераклиды воспользовались этим в целях борьбы с Ахаменами. Не забыли и Асандра. Представлялся случай одним ударом убить двух зайцев — опорочить слишком спесивого Парфенокла и устранить Асандра, который, несмотря на бедность, казался опасным для сильных людей Пантикапея.

Произошел шумный скандал. Подставные лица, получив мзду от Гераклидов, старались возбудить народ, кричали на всех углах:

— Вот как поступают нерадивые и нечестивые граждане!.. Асандр и Парфенокл оскорбили мертвых, оставили их на съедение рыбам! За это страшное преступление они должны быть казнены! Если преступники останутся в живых, боги покарают нас всех!

И это были не пустые угрозы. Никто не был застрахован от гнева общины, влияние которой с утратой царской власти на Боспоре значительно возросло. Даже гордые своими богатствами и силой, властные фамилии

Ахаменов и Гераклидов опасливо поглядывали на городскую общину, боясь потерять ее уважение и как-то уронить свое достоинство перед лицом народа и всемогущих богов.

Парфенокл выступил на площади и заявил, что на льду остались трупы не его воинов, а ополченцев Асандра. Это беспутный Асандр попрал священные обычаи предков, бросил неубранными на поле боя тела погибших героев! Почему же за это должен отвечать он, Парфенокл?.. Ведь его конница потерь не понесла, все раненые удержались в седлах и благополучно вернулись в город!.. Асандр — святотатец, ему и отвечать головой!

В ответ люди, подосланные Гераклидами, подняли крик, требуя публичного суда над «нечестивцами», то есть над Асандром и Парфеноклом, ссылаясь на пример из истории Эллады. Они напомнили о том, как афиняне одержали победу над пелопоннесским флотом при Аргинусских островах, но афинские военачальники оставили непогребенными тела убитых воинов. И боги разгневались — эта победа оказалась последней!.. И хотя шесть стратегов из десяти были казнены по решению суда, это не смогло смягчить гнева богов. Почему?.. Потому лишь, что четыре виновника остались живы! Нужно было казнить всех! И сейчас произойдет то же самое если предать казни одного Асандра, а Парфенокла оставить в живых. Боги не простят этого!

В ответ на такое требование Парфенокл усилил свою дружину рабами, обещав им свободу, и окружил свой дом стеной вооруженной охраны. И в свою очередь пустил слух, будто Гераклиды тайно держат руку римлян и готовятся предать интересы Боспора!

Асандра некому было защитить, несмотря на то, что он показал себя героем в ледовой битве. Его пешая рать выдержала первый удар врага, решив этим исход сражения. Неоптолем даже намеревался наградить его дубовым венком. И был немало удивлен, когда узнал, что Асандр схвачен, закован в цепи и сидит в темнице.

— За что это вы его? — изумленно спросил он городских архонтов.

— Он совершил великое святотатство, оставил на съедение морским чудовищам тела павших воинов-боспорцев, чем навлек на город несчастья и беды! Боги гневаются!

— Что же вы хотите сделать с ним?.. Ведь он не плохо воевал!

— Он будет казнен, по закону отцов! Иначе боги не простят нам великого прегрешения!

— Удивительные люди эти боспорцы,— говорил Неоптолем в кругу ближайших соратников.— Сейчас они пекутся о душах погибших в бою, о их покое в царстве теней!.. А когда те были живы, то никому не было дела до того, сыты ли они и имеют ли кров над головой!.. Ведь Асандр набрал свою рать из самых голодранцев! Только звание, что боспорцы, а за душой не имели и медного обола!..

Не желая ссориться с общиной и знатными родами, наварх отменил награды Асандру, однако высказал мнение, что тот заслужил помилование своим героизмом и распорядительностью в бою.

Дело затянулось. Асандр сидел в темнице, подкармливаемый Панталеоном и Гиероном через подкупленных стражей. Верные друг и раб собрали участников ледового сражения и решили сообща добиваться освобождения своего старшего. Поползли слухи, что Ахамены и Гераклиды в равной мере тайные противники Митридата, если преследуют людей, которые воевали за дело царя. И столь же плохие члены общины, если ради своих целей готовы казнить людей, проливших кровь за интересы города.

До ушей Неоптолема дошло, что и нем говорят плохое. Пантелеон и Гиерон умело распространяли слухи о неблагодарности понтийского воеводы. И многие воины-боспорцы стали разбегаться из отрядов Неоптолема, заявляя, что больше не обнажат мечей по его призыву, так как боятся, что с ними поступят так же, как с Асандром.

— Скуп Неоптолем на награды и допускает несправедливости! Кто же захочет служить ему!

Неоптолем спохватился и вызвал к себе архонтов. После краткого разговора Асандр был помилован и выпущен на свободу. Ему даже вернули помещение старого эргастерия — наследство матери, отошедшее к городу как имущество преступника. Неоптолем одарил его трофейным оружием и этим ограничился. Наварх не хотел раздражать сильные роды Боспора.

Вот тут-то, по предложению Асандра, и был создан союз молельщиков бога Диониса, называющих себя

эранистами, а также «ледовыми братьями», местом сбора которого стал дом Асандра. Эранисты ходили сообщая на охоту, ловили рыбу, работали в порту, что-то продавали на рынке и, наконец, образовали общую кассу.

Совет города утвердил союз, так как его существование не противоречило законам государства. Объединений подобного рода, именуемых фиасами, синодами и братствами, в Пантикапее было немало. Каждое имело своего бога-покровителя, которому устраивало моления-оргии с принесением жертв. Братство эранистов имело одну цель — взаимную поддержку его участников, людей малоимущих или совсем бездомных.

Теперь в доме Асандра всегда были люди. Многие здесь и жили, охраняя кассу и алтарь Диониса. Соглядатаи, проникшие в среду эранистов, не смогли обнаружить в их поведении ничего опасного для вольностей города. Эранисты были безоружны, занимались больше сидением за пиршественным столом, распивая скифскую брагу или плохое вино, купленное по дешевке. И заедали нехитрыми блюдами вроде вареных мидий, которых добывали из моря сами.

— Братство Асандра скорее сборище пьяниц и лентяев, нежели объединение богомолков! — с презрением заключили архонты на совете города.

Тем более неожиданным оказалось преобразование скромной артели бедняков в фиас, поклоняющийся Митридату Евпатору, как богу. Все поразились проворству и хватке Асандра, проявившего не только таланты воина и вожака толпы, но и способность к хитроумной, честолюбивой интриге.

XI

Смелый побег рабов, захвативших хозяйский корабль, оказался еще одной новостью для пантикапейцев. Пока хозяева встречали нового правителя и пировали в акрополе, рабы совершили страшное, соблазнительное дело!

— Позор и горе, — кричали рабовладельцы, — ибо мы показали себя слабыми перед собственными рабами!.. Теперь мы должны не спать ночами, чтобы уберечь свое достояние от расхищения, охранить его от лукавых рабов!

— Это виноват Неоптолем! — вторили им купцы-навклеры, опасливо оглядываясь. — Он выдумал некстати гулянку рабов и бродяг и дал им возможность снюхаться и совершить преступление! Они угнали лучший корабль! Завтра угонят другой!

Был учинен сыск. Десятки рабов, которые вчера плясали около чанов с косским вином, были схвачены и закованы в железа. Многих просто связывали веревкой, как баранов, которых везут на рынок, и бросали в яму. Число схваченных росло. Уже слышались раздирающие крики, исполненные боли и страдания. Начались пытки.

— Вот оно, похмелье после хозяйского угощения, — с горечью и страхом перешептывались рабы, не разгибая спин и стараясь не обратить на себя подозрительных взоров надсмотрщиков, вооруженных бичами.

Парфенокл, как владелец двух ценных рабов, бежавших в эту ночь, был особенно взъярен. Побег рабов, да еще такой удачный, — большое унижение для хозяина-рабовладельца в глазах общества. И враги его уже смеялись над ним.

— Подумать только, — говорили всюду, — Парфенокл метит стать царем Боспора, а сам не в состоянии удержать в подчинении не только царство, но даже свой двуногий скот!

Распаленный неудачными розысками сообщников побега, Парфенокл направил на улицы воинов с приказом хватать всех бродяг и нищих, независимо от того, рабы они или свободные. Он не раз высказывал убеждение, что обедневшие общинники не лучше беглых рабов и нередко помогают одни другим. Давая указания старшему уличных отрядов Кратеру, он добавил особо:

— У этого гнусного интригана Асандра есть злоязыкий и подлый раб Гиерон! Всем известно, что он якшался с Евлупором. Нужно взять его во что бы то ни стало!.. Ибо закон гласит, что любой раб, замешанный в заговоре или соучастии в побеге, должен быть пытаем и казнен! Без возмещения стоимости его нерадивому хозяину!

— Будет исполнено! — ответил с поклоном Кратер и намеревался уйти, но хозяин остановил его движением руки.

Подумав, Парфенокл доверительно наказал своему подручному: коли он встретит где-либо в укромном месте Асандра, «человека, противного богам», то... никто

не будет в ответе, если тело этого «святотатца и вероотступника» окажется выброшенным в городской ров! Сыска по такому случаю не будет, а он, Кратер, получит награду!

Сам Парфенокл не занимался сыском и допросами. В пыточных застенках трудились его братья и подручные. Земля стонала от воплей пытаемых. Горелым мясом пахло даже на рынке. Люди ходили с опаской и говорили шепотом, хотя и были согласны с тем, что после побега заговорщиков рабы города нуждаются в острастке. Ахамены творят благое дело — оберегают порядок и блюдут законы Пантикапея!.. Но в поисках крамолы их люди не щадят никого и даже нарушают неприкосновенность очагов свободных граждан. Они ворвались было в кварталы, где царили Гераклиды, но те встретили их копьями и заявили, что сыск среди своих рабов проведут сами, без чьей-либо помощи. И тоже хватали кого попало и сажали в яму.

После праздничных гуляний в честь прибытия Махара горожане отсиживались у домашних очагов, прислушиваясь к шуму и крикам, которые доносились с улицы. Даже готовились к самозащите от нападения слишком ретивых радетелей пантикапейских законов. При этом говорили:

— Похоже, Ахамены хотят показать царевичу, что город в их руках! Вот, мол, какие мы властные, никого не щадим, и все нас боятся!

— Испугаешься, когда скрутят арканом и бросят в яму! А там сиди и жди, пока разберутся, что ты человек свободный и сам имеешь рабов и рабскую мастерскую!

— А Гераклиды тоже стараются показать силу! Гляди, как бы не началась потасовка между теми и другими!..

XII

Проспавшись после пира, Асандр сидел с друзьями в домашней трапезной, напротив закопченного очага. Смочив горло вином, он рассказывал, как был принят царевичем.

Все внимательно слушали и жестами выражали восхищение удачами своего вожака.

— Я пил из чаши, которую послал мне царевич со слугой, — говорил Асандр оживленно, — а Ахамены и Гераклиды пухли от досады!

Друзья дружно гоготали, поднимая глиняные кружки.

— Из речей Махара я узнал, что Митридат повелел ему подчинить не только всю Тавриду, но и привести к покорности и уплате дани Фанагорию! А потом Танаис и все земли за проливом!.. Говоря об этом, он поглядел на меня!

— О!..

— Да. Я понял, что мы должны создать отряд лучших! И мы создадим его! Первыми ворвемся во Фанагорию и первыми возьмем добычу!..

— Создадим! Возьмем добычу! — как эхо ответили все.— Пусть Махар примет нас в свою дружину, даст нам оружие, обеспечит едой и питьем на первый случай!.. Сегодня же начнем набор добровольцев!

Вошла, вернее — вбежала толстая, неповоротливая Антигона и со слезами на глазах упала в ноги господину. Она, причитая и всхлипывая, сообщила, что Гиерон отлучился на рынок, купить рыбы к обеду, но был схвачен людьми Парфенокла.

— О, хозяин, они убьют его!.. Спаси раба своего от беды и смерти!

Асандр нахмурился, потом решительно встал и приказал друзьям вооружиться. Они вышли на улицу, блестя обнаженными мечами и шлемами. Люди Парфенокла, увидев вооруженную толпу, подскочили с вопросами, но наткнулись на мечи и копья, наставленные в упор.

— Прочь! — вскричал Панталеон, выходя вперед и выставя курчавую бороду.— Идет глава фиаса великого Митридата!..

— Фиас должен богу молиться, а не ходить по улицам с оружием! — ответил яростно Кратер, появляясь из переулка с десятком воинов.

— Раб и собака! — обозвали его евпатористы.— Ты смеешь раскрывать рот?!

— Ткни его в брюхо железом!

— Эй, Кратер! — обратился Асандр.— А ну отдай мою собственность!

— Какую собственность? — спросил насмешливо тот.— Разве у тебя была когда-нибудь собственность?

— Моего раба и слугу Гиерона!

— Гиерон бунтовщик, он якшался с беглецом Евлупором! Его будут пытать и казнят на площади!

Началась перепалка, звякнули мечи. «Ледовые братья» сомкнулись и дружно отбросили людей Кратера. Сам Кратер был ранен в грудь, его унесли на плаще. Евпатористам удалось захватить двух воинов Парфенокла.

— Этих — в залог! Когда вернут мне Гиерона, получат заложников! — сказал Асандр.

Большая толпа оборванных людей хлынула из переулка. Это были собранные Кратером бездомные жители города. Сейчас они воспользовались перепалкой и смяли охрану, вернув себе свободу. Обступили Асандра с криками:

— Асандр, защити нас!.. Ведь мы вольные люди, хотя и впали в нищету!

Многие были вооружены палками и булыжниками. Откуда-то появилось подкрепление отряду раненого Кратера. Драка возобновилась. Но теперь на стороне евпатористов сражались бывшие пленники Кратера, не желающие опять попасть в руки людей жестокого архонта.

Шум, крики и необычная сумятица в городе привлекли внимание Махара, который приносил утреннюю жертву богам. Он стоял в клубах жертвенного дыма, со священным рогом в руке. Фрасибул и жрецы помогали ему с торжественным видом.

— Что творится в городе? Что за шум? — спросил царевич появившегося Неоптолема.

— Облава идет, государь, — ответил тот. — Ночью бежали рабы Парфенокла! Угнали корабль!.. Теперь Парфенокл совместно с властями города хочет очистить город от всякого сброда, да и выявить заговорщиков, искоренить рабскую смуту!

— Ага!.. Это хорошо. Но почему допустили побег? — Махар нахмурился, его глаза стали строгими.

— Рабы воспользовались праздником, — ответил несколько смущенный Неоптолем, который чувствовал себя виноватым, поскольку сам устроил гулянку рабов и нищих. — А я проглядел рабский сговор!

— А кому было поручено наблюдать за порядком?

— Сотнику Митраасу.

— Это бывшему дворцовому гопломаху, что провинился перед царем?

— Ему самому!.. Понадеялся я на его быстрые ноги и острые глаза.

— Напрасно!.. Наказать Митрааса, перевести в простые войны за город!.. А тебе — упрек, ибо ты доверяешься людям, которые уже были наказаны царем!

Неоптолем сдержанно засопел, досадуя на самого себя. Он понимал, что царевич щадит его за возраст и заслуги, свалив вину на второстепенное лицо. И проклинал себя в душе за нераспорядительность.

Махар передал рог с вином для возлияния Фрасибулу. Его внимание привлекли громкие голоса у входа. Появился Парфенокл в шлеме и при мече. Его красное лицо блестело от пота, он был возбужден, как после рукопашной схватки.

— Что случилось? — скривился Махар, предчувствуя неприятности.

Парфенокл опустился на одно колено и протянул к нему пухлые руки, как бы умоляя о милости. Хриплым голосом поведал, что «худшие люди», оборванцы и нищие сплотились вокруг Асандра и сейчас оказывают сопротивление властям города, мешают вести розыск заговорщиков и наводить порядок на улицах.

— Это негодный и ненадежный человек! — почти кричал архонт. — Ты напрасно приблизил его к себе и даже пригласил на пир! Он возомнил себя равным с архонтами и лучшими людьми общины и творит беззаконие!.. Он ранил моего слугу, освободил задержанных злоумышленников и полонил двух моих воинов! Это неслыханная дерзость!

— О преславный царевич, — вмешался Фрисабул со зловещей миной на лице, — теперь ты убедился, что Асандр человек вздорный, он может поссорить тебя с городской общиной. Прикажи схватить его!

— Да, да! — поддержал Парфенокл. — Вели взять его на допрос!

Однако Махару не очень понравилось, что Парфенокл нарушил торжественность утреннего жертвоприношения, да к тому же пытается обсуждать его поступки. Он холодно скользнул взглядом по распаренному лицу боспорского богача и, пожевав губами, ответил сдержанно:

— Понял тебя, архонт, помолчи! А ты, Фрасибул, распорядись позвать сюда Асандру!

И, отвернувшись, кивнул головой жрецам, чтобы те продолжали обрядовые действия у жертвенника. Гнусавые песнопения возобновились, потянуло дымом бензоя,

царевич стал почти невидимым в синих облаках жертвенных курений. Парфенокл поднялся на ноги и отошел в сторону с угрюмым видом.

Асандр явился через полчаса в сопровождении Панталеона. Оба преклонили колена перед царевичем, ожидая его властного слова.

Махар поднял голову и взглянул на Асандра неодобрительно.

— Отвечай: что творишь и по чьему повелению?

— Повеление одно — твое, правителя Боспора! — отвечал бесстрашно Асандр. — Ты же сказал, что впереди походы и первый из них — поход на Фанагорию!

— Но при чем здесь походы, когда на улицах беспорядок!

— А при том, государь, что для походов нужны преданные люди, которые пошли бы на смерть за твое дело!

— Это верно. Что дальше?

— Я с утра начал собирать отряд — в него вошли лучшие евпатористы, потом самые сильные и смелые из участников ледовой битвы! Но Парфенокл почему-то именно этих нужных людей хватает и сажает в яму! Боится, как бы в городе не оказалось большей силы, чем у него!

— Да? — переспросил настороженно Махар, отыскивая глазами Парфенокла.

— Не слушай этого бродягу, о царевич! — вскричал вне себя Парфенокл, выступая вперед с возмущенным видом. — Заткни рот этому пьянице, он обманывает тебя!.. Разреши, я заставлю его умолкнуть!

Он сделал воинственный жест, как бы хватаясь за меч. Но перед ним оказался кривоногий крепыш в медном панцире, который угрожающе выставил вперед курчавую бороду, держа рукой рукоятку секиры.

— Панталеон, отойди, — тихо, но внушительно сказал Асандр. И, обращаясь к Махару, заговорил почти-тельным тоном: — О правитель, заступник за тех бедных и оборванных, что собрались у моего дома, ибо они — лучшие воины! Они не боятся смерти, из них я создам отряд, который первым ворвется в Фанагорию или другой город по твоему повелению!.. Дай им кров, лепешку и оружие — они вернут тебе все сторицей!

Махар испытующе посмотрел на спокойного, уверенного в себе Асандра, потом на Парфенокла, багрово-

красного от гнева. Рядом с ним Асандр казался испытанным, его сухощавость выглядела как телесная слабость. Только широкие плечи и выпуклая грудь говорили о ином. Он пришел без оружия и доспехов, одетый в красный хитон. На груди его красовалось изображение трезубца — родовой знак Спартокидов. Сейчас царевичу и впрямь показалось, что этот человек может быть носителем благородства бывших царей. Рядом с ним распаленный Парфенокл, тоже претендующий на родство с царской династией Ахеменидов, выглядел как рассерженный мясник из рыночных рядов.

«Что ж,— подумал Махар,— это не противоречит тому, как поступает великий Митридат. Мудрый царь имеет склонность брать в войско случайных людей, даже возвышать их, ибо такие люди остаются преданными до конца. Асандр ради своего возвышения готов проявить усердие. Он уже проявляет его. Тогда как Парфенокл имеет свои цели — он рвется к большой власти! Не он ли был в недавнем прошлом одним из главарей боспорского неподчинения?.. Сейчас он старается показать верность тому, кому уже изменял, а завтра опять изменит, если подвернется подходящий случай!»

После краткого раздумья Махар изрек свою волю:

— Сыск и обвалы продолжать, но всех людей, пригодных для отряда Асандра, освободить!

— Да куда ты их денешь, царевич? — не удержался Парфенокл.— Ведь это пьяницы и бездельники, они будут рады сесть тебе на шею, это не воины, а нахлебники!

— Дело найдется. Неоптолем!

— Жду твоих приказаний!

— Назначить начальником отряда Асандра! Составь список в сто человек и положи им корм и одежду, как подсобным воинам! Готовить отряд для похода! Мы не замедлим с наступлением на Фанагорию! Вот это и есть настоящее дело! До зимы Фанагория будет нами разгромлена и приведена к присяге!

Покидая дворец, Асандр испытал чувство удовлетворения и внутреннего торжества. Парфенокл после низких поклонов царевичу вышел через другую дверь. Он кипел от распирающей его досады.

Оставшись наедине с Неоптолемом, Махар поднял брови и сказал:

— Ты спрашиваешь меня, почему великий Митридат оставляет тебя здесь, хотя я прибыл, чтобы заменить тебя? Не так ли?

— Так, преславный царевич!.. Спрашивал, но единственно из желания участвовать в грядущей войне! Хочу сразиться с римлянами, пока старость не отняла у меня силы и боевую смекалку!

— Понимаю и ценю! И великий родитель мой тоже ценит твою преданность! Он возлагает на тебя большую задачу — готовить войско здесь, на Боспоре! Это дело более важное, чем простое участие твое в боях с римлянами! Ибо войско это, в которое войдут и греки и варвары, также направлено против Рима!.. Это будет великое войско для похода на Рим через Скифию! Кто знает, может, именно ты и возглавишь великий поход!

— О, как милостив ко мне великий Митридат!

— Так вот! Я займусь государственными делами Боспора, а ты — подготовкой великого похода! Надо строить лагеря и заселять их воинами! Нужно обучить воинов штурмовать крепости, драться в сомкнутом строю, сооружать полевые укрепления!.. В общем, старина, дел много, пусть боги дадут нам силы их свершить!

— Все это потребует денег, продовольствия, рабов для рытья земли и возведения построек!

— Верно. Будем повышать налоги, заставим всю эту толпу бродяг и бездельников, которых сейчас вылавливают по всему городу, работать! Кто силен, пойдет в войско. Кто слабее, поработает лопатой. А кто богат, поможет деньгами для оснащения войск! Известно ли тебе, что не только Фанагория, но и Нимфей, и Феодосия не платят дани в пользу царства?..

— Известно, хотя я подтянул многих, предупредил!

— Плохо подтянул, здесь нужна крепкая рука!.. Готовь отряд Асандра, вооружи его, одень и пошли собирать недоимки с ближних городов!

— Города воспротивятся, ворота закроют, не пустят!

— Не посмеют! А посмеют — двинемся против них с огнем и железом! Уже сейчас надо готовить поход против Фанагории!

— Понимаю и повинуюсь!

— Вот и хорошо! Я рад, что ты сразу понял меня!

ХІІІ

Несмотря на удачную выдумку с образованием фиа-са и получение должности сотника, Асандр не попал, да и не мог попасть в число аристопилитов, то есть властных людей царства.

Он был беден, а потому и оказался всего лишь исполнителем приказаний наместника, его подручным, мало чем отличающимся от обыкновенного наемника. Он попал в ту серую толпу подчиненных, которые обслуживали и охраняли царевича, были у него на посылках. Он встречался с Махаром куда проще, чем старший жрец храма Зевса или представитель совета города. Но не смел и подумать о том, чтобы стать утром перед «царскими воротами», плечом к плечу с теми, кто составлял вторую ступень государственной власти, после друзей правителя. Хотя Махар и не имел царского титула, но, по велению отца-государя, его, как и самого Митридата, каждое утро встречали вельможи и знатные люди, через которых он осуществлял власть над страной. Отсюда и название их «аристопилиты» — «лучшие у ворот» дворца. Аристопилитами могли быть лишь такие, как Парфенокл или Атамб, люди богатые, вожаки сильных родов, владельцы обширных земель и многолюдных эргастериев, хозяева тысяч рабов.

Поэтому, несмотря на то, что на оргиях фиа-са Асандр сам наливал чашу Махара заморским вином, рассказывал ему смешные истории или приводил к нему молодых женщин на выбор, сам он не мог преступить ту роковую черту, которая отделяла его от правителя и властной верхушки боспорского общества.

Асандр сумел сочетать в себе внешнее достоинство царского отпрыска с непринужденной манерой и услужливостью слуги-фаворита, которому многое дозволено. Он сумел привлечь к себе сердце Махара, тот относился к нему с большей снисходительностью. Скучающий на чужбине царевич нашел в обществе обаятельного боспорца и его разгульных фиаситов ту среду, в которой можно забыться от будничных дел и туманных речей боспорских архонтов, сегодня таких льстивых, но лишь вчера бунтовавших против власти Митридата.

И нужно сказать, что Махар не ошибся в выборе. Асандр оказался не только веселым собутыльником, но

и способным вожаком вооруженного отряда. Его люди отбывали в другие города царства и возвращались с караванами, нагруженными хлебом, мясом, винами и деньгами.

Махару было выгодно, чтобы налоги и дани взимались с городов руками самих боспорцев, а не чужеземцами, дабы не навлекать на заморскую власть ненависти народной. Зато вооруженные евпатористы вскоре снискали всюду славу людей жестоких и отчаянных, которые угоняют скот и отбирают хлеб, не обращая внимания на вопли обиженных, на их косые взгляды и глухие угрозы.

Богатые и властные боспорцы смотрели на Асандра как на дворцового прихлебателя, презирали его как наемника, продавшегося иноземному властителю.

— Асандр потерял облик боспорца, — говорили они, — приказчиком стал у Махара!

— А что ему оставалось делать? — отвечали более умеренные и снисходительные. — Ведь он гол и беден, как беглый раб!.. К тому же ни роду, ни племени!

— Ого, он считает себя сыном царя Перисада!

— Это выдумка его матери, которая была в связи с последним Спартокидом!

— Кто знает, может, это и правда!

Особый разговор произошел в храме Зевса Спасителя, расположенном в стороне от акрополя. Храм этот, высоко почитаемый горожанами как место чудесных откровений свыше, был обычным местопребыванием Левкина. Здесь собирались жрецы города, образовав нечто вроде тайного совета под главенством старого жреца. Они обсуждали дела боспорские и сообща влияли на их ход, используя свою близость к богам. Жрецы пристально следили за возвышением Асандра. И сейчас хором порицали его за низкопоклонство перед Митридатом и Махаром.

— Никогда пантикапейцы не преклоняли колен перед иноземными богами! — говорили они горячо. — А тем более перед живыми!.. Асандр первым осмелился сделать это, признал Митридата богом! Нечестивец, он оскорбил этим весь пантеон нашего города!.. Да и олимпийские боги не простят ему этого!

Седовласый Левкин выслушал эти осуждения с обычной рассеянной улыбкой, потом, когда все утихло, изрек:

— Асандр одним прыжком достиг ворот пантикапейского акрополя! Раньше он был замечен как герой, а теперь готов стать государственным мужем! Его шествие с зелеными венками возвысило его не менее, чем ледовая битва. Его фиа́с не вызов богам города, он подсказан Асандру богами! Ибо, как мы ныне убедились, Асандр не только храбрец, но и имеет голову на плечах. Он может принести пользу городу и царству в годину неудач, особенно теперь, когда мы стали бедны способными людьми! Ведь Асандр пантикапеец, он должен послужить общине!.. Такие люди нужны!

Этого было достаточно, чтобы отношение жреческих кругов к Асандру резко изменилось. Вместо осуждения Асандра было решено не чинить препятствий его действиям, даже поддержать его, если это окажется выгодным для города и царства в целом.

XIV

Прибыв на Боспор как правитель и наместник отца, Махар не собирался заниматься благоустройством Пантикапея и других городов царства. В хозяйственную жизнь их вообще вмешиваться было излишне. Она шла по заветному кругу, имела вековые традиции, управлялась своими внутренними законами.

Задачей наместника было обеспечить целостность царства, а также сколачивать войско для грядущего северного похода против Рима, давно задуманного Митридатом, а главное — собирать налоги и дани.

И молодой правитель с превеликим усердием стал помогать отцу в подготовке новой войны, отправляя в Синопу морские караваны с хлебом, рыбой, солониной и другими грузами, столь необходимыми для огромного понтийского воинства.

Две предыдущие войны, которые пожаром пронеслись по просторам Анатолии, изрядно истощили эту страну. Они разорили его города, опустошили нивы, испортили водоснабжение и усеяли берега теплого Термодонта развалинами, печальными в своем мертвом молчании. Население поредело.

Поэтому Митридат настойчиво требовал присылки не только продовольствия и денег, но и воинов для пополнения своих ратей. Через боспорские порты отправля-

лись за море отряды вооруженных северян — местных греков, скифов и сарматов, даже рабов, если они были молоды и сильны телом и духом.

В сыновнем рвении Махар не стеснялся опустошать закрома боспорных хлеборобов, резать скот и отбирать у хозяев молодых рабов с целью сделать из них воинов.

И результаты не замедлили сказаться. Рынок Пантикапея быстро оскудел, торговля нарушилась, торговать стало нечем.

Торговать стало не с кем!.. Как только Боспор вновь оказался под властью Митридата, римский флот, возглавленный навархом Сервилием, появился у северных берегов Понта Эвксинского. Он перерезал торговые пути, соединявшие Тавриду с богатым заморьем. Римляне топили корабли боспорских навклеров — морских торговцев, — в чем им рьяно помогали многочисленные пираты.

Теперь, чтобы отправить очередной караван судов в Синопу или Амис, Махар принужден был отдавать ему охрану из десятков военных кораблей, которые могли бы противостоять вражеским нападениям.

Торговые корабли гибли в пути, и пантикапейские судовладельцы, стремясь избежать полного разорения, стали уклоняться от повинности по перевозке царских грузов через море. Придумывали разные отговорки, ставили суда на ремонт.

— Кому хочется, чтобы его корабль был потоплен или оказался в руках пиратов! — говорили судовладельцы между собою.

— А ведь дохода никакого! — сетовали люди торговые. — Было бы для чего рисковать. Уже сколько погибло кораблей с людьми и грузами!

До ушей Махара доходили эти суждения и приводили его в ярость.

— Низкие люди! — кричал он в бешенстве. — Они не понимают, что все делается для великой победы моего отца, а их повелителя и государя! Он сторицей вернет их потери! А кто погибнет ради дела Митридата, тот будет восславлен в веках! А его потомки будут пользоваться неизменной свободой торговли в царстве Митридата!.. Чего же еще?..

Но и груженные корабли стояли в гавани без надежных экипажей. Сервилий и пираты отпугнули самых

смелых. Моряки предпочитали бродить по рынку и спать под городскими стенами, перебиваясь нищенством и воровством, чем плыть на верную гибель.

Здесь опять выдвинулся Асандр, который готов был рискнуть головой ради собственного успеха и возможности пополнить пустующий кошелек. Он решил обратиться к Махару с предложением своих услуг, но сначала уединился с Панталеоном, желая посоветоваться с ним, как с верным другом и опытным моряком.

— Мы, Панталеон,— сказал Асандр,— одними оргиями евпатористов и даже службой в отрядах по сбору налогов не поправим наших дел!

— Это так. Но уже то хорошо, что мы ежедневно сыты и даже пьяны!

— Стоит разгневаться Махару — и все это полетит вверх ногами!

— Ты что-то задумал?

— Задумал, друг! Хочу возглавить флотилию кораблей, которые идут в Синопу с грузами для Митридата! И охрану тоже взять на себя!..

— Ого!.. Это дело опасное, может, даже безнадежное! Сервилий сейчас силен и нападает смело! Да и экипажи ненадежны!

— Но другого пути показать свое рвение и получить награду нет!.. А мы ведь никогда трусами не были! К тому же надо сделать это в удачный миг, когда пантикапейские мореходы трусили, а судовладельцы заявили, что корабли, мол, они дали бы, да вот хороших экипажей нет!.. Мы-то и дадим эти экипажи! Сейчас Махару преданные и смелые люди вот так нужны!.. Тебе моряки поверят, если ты поговоришь с ними, посулишь хорошую оплату!.. Скажешь им, что во главе каравана будем мы! Ты, Панталеон, и я!

— Ты и я?.. Это дело серьезное,— покрутил головой Панталеон.— Но как ты себе это представляешь? Рассчитываешь остаться живым и получить награду от Махара?

— Не только это. Я думаю договориться с некоторыми купцами, мы повезем их товары и за морем продадим за выгодную цену! Привезем купцам их выручку и получим свою долю!

— Это было бы неплохо! Сейчас в Понте дороговизна, и каждый, кто прибудет туда с продовольствием, получит большую прибыль!

— Именно так. Значит, ты согласен?

— Пожалуй, да!

— Ты будешь моим проревсом. А по возвращении получишь ненамного меньше меня. Только набери ребят надежных... Я же выберу лучших из фиаситов!

— Я согласен, ибо верю, что боги споспешествуют тебе. Верю в твое счастье! Да и не только я, за тобой пойдут все — моряки и «ледовые братья»!

— А я уверен в твоих талантах флотоводца!.. Благо за собою их не чувствую. Итак, принесем жертвы Афродите Судоначальнице и Аполлону Дельфинию, укротителю бурь и спросим их милости!

— Да будут боги милостивы к нам, я готов!.. Дерзай!

В это время Махар ломал голову, думая, как обеспечить отправку очередного каравана кораблей и их неуязвимость в пути. И кипел от негодования. Его возмущали хитрость и двоедушие боспорских судовладельцев, равно как трусость моряков, что боятся пуститься в плавание.

— Они еще пожалеют об этом! — угрожающе говорил он, сжимая волосатый кулак.

Предложение Асандра показалось ему дерзким. Но когда тот резонно изложил свой замысел, рассказал, что набирает преданных людей, верных Митридату, которые пойдут на любой риск, наместник задумался.

— Иди, потом получишь ответ, — сказал он надменно.

И тут же подумал, что, пожалуй, этот Асандр несколько не хуже тех, на кого он мог рассчитывать. Преданность Асандра и его незаурядный талант вожака, за которым охотно идут смелые и сильные люди, были вне сомнения.

На другой день Пантикапей облетела весть, что Асандр вновь оказался впереди других, что его новая выходка принесла ему удачу. Он получил должность наварха, хотя лишь на одно плавание и ценою огромного риска.

— Вот теперь-то он сломает шею, — обрадовались недоброжелатели из числа Ахаменов и Гераклидов, — живым ему не вернуться!

— Кто знает, — качали головами горожане победнее. — Боги капризны и иногда помогают очень смелым, бесшабашным людям!

Собираясь в дальнее плавание, Асандр сказал Гиерону:

— Готовься стать моряком. Да приоденься получше. Вот, возьми, я купил тебе хорошую накидку, и недорого! Какой-то пьяный купец продал ее старьевщику, а тот мне!..

Гиерон с изумлением узнал ту самую накидку, которая досталась ему от Микста и была позже оставлена в домике Евпории. «Пьяный купец» был не кто иной, как Клитарх по прозвищу Жаба. Это он продал накидку и пропил деньги!

Гиерон с внутренним содроганием думал о предстоящем путешествии. Ему грезились страшные бури и не менее страшные встречи с пиратскими судами, а то и римскими быстроходными либурами.

«Видно, от судьбы не уйдешь,— подумал он с тайным воздыханием.— Я хотел стать пиратом, но побоялся!.. За это боги решили посмеяться надо мною, они устроили все так, чтобы я попал-таки на море и испытал на себе его гнев!»

Ему сильно захотелось побывать у Евпории, оправдаться перед нею за невыполненное намерение бежать в пираты. «Теперь-то она уже не будет смеяться, ведь не своей волей отправляюсь я в плавание. Причем наверняка и бесповоротно!.. Боги что-то задумали!»

Опоясавшись коротким мечом, Гиерон накинул на плечи старый плащ, а подарок хозяина аккуратно свернул и взял под мышку. Через полчаса он был у калитки Евпории и засвистал дроздом, давая знать о себе.

— Тсс...— встретила его озабоченная и заплаканная Дидона, приложив палец к губам.— Послушай!

Из глубины домика, окруженного цветочными клумбами, доносились глухие звуки ударов попеременно с грубой бранью и женскими воплями.

— Это хозяин Клитарх наказывает Евпорию!

Гиерон отстранил служанку и приблизился к дверям дома.

— Зазналась, подлая, зазналась! — слышался гневный голос Клитарха.— Отказываешь выгодным гостям, жрешь и пьешь хозяйское, а что даешь мне?

— О Клитарх! — отвечала Евпория, рыдая.— Но эти

гости — грязные матросы, деревенские скотоводы, не умеют сказать приличного слова и дышат луком и чесноком! Они противны мне!

— Они несут деньги — это главное! А что они тебе противны, меня не касается!

— Пойми, Клитарх, после этой неумытой оравы портовых пьяниц и пастухов уже ни один горожанин не зайдет ко мне посидеть у очага и послушать мою игру на кифаре!.. Всякий скажет, что не приятная женщина живет здесь, а грязная уличная гетера, которая не брезгает медными деньгами матросов!

— Да, но твои горожане сидят и слушают, а матросы и пастухи приносят хотя и медные, но деньги!

— Не буду я принимать матросов!

— Нет, будешь!

Послышались удары и брань.

— Слушай,— сообразил Гиерон, обращаясь к плачущей Дидоне,— утри слезы, не тебя бьют. Мы сейчас прекратим это!.. Иди скажи, что в воротах ждет приличный гость!

Служанка, утирая слезы, робко поднялась по ступеням крылечка и вошла в дом. Через минуту крики и звуки побоев прекратились. Дидона вышла и сказала:

— Как ветром сдуло! Вышел через заднюю дверь! И наказал, что, если к его возвращению не будет денег, отправит Евпорию, а с нею и меня на рынок с рогожками в руках!

— А, пират, добытчик! — встретила Гиерона хозяйка дома с досадой в голосе.— Так это ты и есть тот «приличный гость», который ждал в дверях?.. О боги, не миновать мне опять хозяйской палки! Ну, говори, как твой хозяин прославился на весь город и вошел в милость к Махару! Говорят, он отправляется в плавание?

— Мы вместе отправляемся, Евпория!

Женщина не удержалась от смеха, одновременно хватаясь руками за избитые плечи.

— Ха-ха-ха!.. О Гиерон!.. Ты уже не пират, а царский моряк? Поразительно! Ты неплохой парень, весельчак, но я не верю тебе больше — ты лгун и трус!

— Я трус? — возмутился Гиерон.— Нет, Евпория, я не трус, просто у меня в голове есть немножко мозгу!.. Что толку в опрометчивости и глупой отваге? Да, я отказался от пиратства, так как мой господин пошел в гору!..

Я опять сыт и каждый день пью вино!.. Что еще надо?.. А сейчас я взойду на корабль не по своему желанию, а по приказу хозяина. И буду не матросом и не пиратом, а личным телохранителем господина! Мне все будут кланяться, как приближенному наварха!.. За что же ты обзываешь меня лгуном и трусом?.. Не ожидал я этого от тебя! А я пришел сказать, что все добытое в плавании принесу тебе! Вот ты назвала меня трусом. Да не я ли сидел в яме у Парфенокла и смеялся в глаза палачам, когда они потащили меня на дыбу и начали крутить зубчатое колесо? Жаль, ты не могла видеть меня в тот страшный час!

— Да? — Евпория широко открыла глаза, невольно содрогнувшись. — Ты был в руках палачей и не испугался?

— Ты еще будешь сомневаться в этом!

— Как же ты остался цел и жив?.. Парфенокл помиловал тебя?

— Ого! Парфенокл содрал бы с меня кожу! Он не простил мне песенку, которую я сочинил о нем и о Миксте! В ней я использовал твои ругательства... Ты мастерица ругаться!

— Мои ругательства?.. А я-то при чем?

— А при том, что ты мастерски ругаешь своего Жабуклитарха! За глаза, конечно!.. Мне такого не придумать. И я твои словечки, словно стрелы, измазанные навозом, пустил как бы в Микста, а на самом деле в Парфенокла. Это все поняли. Свиная утроба, кошачий кал!.. Как думаешь, трусливый посмел бы так ругать архонта?

— Это верно, — притихшим голосом ответила Евпория. Она уже не смеялась над своим гостем, а смотрела на него с любопытством и уважением. «Нет, — думала она, — этот Гиерон совсем не такой уж нарцисс и сделан не из сырой глины!.. Действительно, песенку пели всюду, к великой досаде Парфенокла. Кто же осмелился сочинить такое?.. Все он же, Гиерон!»

— Как же ты был спасен? — переспросила Евпория, потирая ладонями ушибленные места.

— А так, что у хозяина оказались два заложника, лучшие воины Парфенокла. О, Асандр знал, что я стою не меньше двух воинов! И произошел обмен — Парфенокл получил своих воинов, а я остался жив и готовлю новые насмешки против Ахаменов!

— Ой, как страшно!.. Не сносить тебе головы, друг мой!

— Вот теперь ты сама убедилась, что я играю опасностью как мячом!.. Может ли такое делать трус?

— Нет, нет, мой дорогой Гиерон! Ты не трус, ты герой и мой единственный настоящий друг!.. Иди ко мне, забудем о неприятностях, только не будь груб, ведь я вся избита!

Уходя от Евпории, Гиерон сказал:

— Чтобы твой хозяин не очень гневался, скажи, что гость оставил вот это!

И развернул узорчатую накидку, уже знакомую Евпории. Та ахнула, огонек суеверного испуга вспыхнул в ее глазах.

— Опять та же накидка!.. Она один раз выручила меня. Но кто подсунул тебе ее вновь, как это получилось?

— Клитарх продал, а хозяин купил и отдал мне, вот и все!

— Нет не все, Гиерон, в этом есть какое-то предзнаменование, но какое?

— А такое, что я вернусь из плавания и приду к тебе с подарками!

— Да хранят тебя боги, друг мой!

Евпория осталась одна и погрузилась в глубокое раздумье, разглядывая накидку.

«Что бы это могло означать?»

Часть II

«ХВАРНО! ХВАРНО!..»

I

Караван боспорских кораблей вез Митридату хлеб, соленое мясо, вяленую рыбу и возбуждающий скифский корень.

Конечным местом плавания должна была стать Синопа — столица Понтийского царства.

Это было весною семьдесят четвертого года до нашей эры, то есть перед самым началом третьей войны Митридата против Рима.

Благополучно избегнув встречи с рыскающими судами пиратов, флотилия не могла миновать борьбы со свирепыми бурями, когда моряки становятся игрушкой страшных волн. Но распорядительность Асандра и опытность Панталеона счастливо сочетались с добросовестностью набранных матросов. Ни один корабль не пострадал. Караван был близок к цели своего назначения.

Слева в дымке показывался и исчезал каменистый берег Анатолии. Южное солнце осыпало бирюзовые волны сверкающими бликами лучей. Было видно, как лопасти длинных весел погружаются в прозрачную воду, захватывая белые кружева пены, и вновь вскидываются в такт насвистыванию флейтиста, сидящего на носу корабля.

— Скоро мы увидим мыс, вдающийся в море, — говорил бывалый Панталеон, прикрывая глаза ладонью, — на этом мысе и стоит Синопа, прекрасный город!

— Погляди, что это? — протянул руку Асандр. Словно красные цветы, покрывающие степь, показались

многочисленные багряные паруса десятков кораблей, казалось, усеявших море. Они появились внезапно и шли с большой быстротой, их подгоняли попутный ветер и дружная работа гребцов. Сомневаться не приходилось, краснокрылые корабли заметили боспорский караван и спешили окружить его.

— Трубить сигнал к бою! — зычно крикнул Асандр и обернулся, намереваясь приказать Гиерону принести его доспехи и меч. Но вспомнил, что Гиерон с первого дня плавания свалился с ног замертво, мучимый морской болезнью.

— Зря взял я с собою этого дармоеда! — сказал он в сердцах. — Толку от него никакого! Не выкинуть ли его за борт?

— Что ты, господин, что ты! — слышался слабый голос, приглушаемый икотой. — Сейчас, перед битвой, выбросить за борт верного слугу и телохранителя?.. Я же здесь, около тебя!

Бледный, словно растерзанный, Гиерон выбрался из-за свертка каната и, держа ладони на животе, кинулся за оружием.

— Это я дармоед? — бормотал он с горечью. — Я всю дорогу ничего не ем!.. Теперь я узнал, что такое муки Тантала, когда видишь пищу и не можешь взять ее в рот!

— Кажется, мы угодили в самое сердце пиратского флота! — озабоченно обратился Асандр к Панталеону.

Действительно, к ним приближались полуторки и двухъярусные биремы, на которых уже видны были воины, одетые пестро. Они махали мечами и готовили багры с крючьями, намереваясь зацепиться ими за борта боспорских судов.

«Ледовые братья», составлявшие большую часть экипажей грузовых судов, поспешно вооружались, надевали шлемы, брали в руки копья и топоры.

— Прочь с нашего пути! Именем Митридата! — басовито вскричал Панталеон, приложив ладони ко рту. — Мы везем царский груз! Если вы разграбите царское имущество, ваши головы будут торчать на шестах в синопском порту!.. Слава Митридату!

В ответ слышался язвительный хохот, яростные крики и ругань. В воздух взметнулись стрелы. Не долетев, они с легкими всплесками исчезали в волнах.

— Кажется, не угадал,— тряхнул головой Панталеон.— Это пираты Сервилия, а не Митридата! С ними один разговор — топором по темени!..

— Друзья! — громко обратился Асандр к своим войнам.— Не уступим наглým пиратам, покажем им, как дерутся «ледовые братья»!.. К оружию, побратимы!

Но что-то произошло. Гиерон опять появился на палубе, бросил на доски охапку оружия, подбежал к борту и стал кричать, неистово размахивая руками.

— Что такое, Гиерон? — обратился к нему Асандр, берясь за оружие.

— Боги шутят с нами! — продолжал кричать Гиерон в неожиданном веселье.— Эй ты, Евлупор, Евлупор!.. С каких пор на своих нападаешь? Это же мы — хозяин Асандр и я, твой друг Гиерон! Ты стал пиратом, так и нападай на других, а нас оставь в покое! Мы слуги — Митридата!.. Эге-гей!

— Мы не пираты! — слышался трубный голос с пиратской биремы.— Мы царские воины и тоже служим Митридату! Но мы не любим, когда нам угрожают!

— Он, это он! — хохотал Гиерон.— Это его голос, он и быка перекричит! Горластый демон!.. Слушай, Евлупор, зачем же вы нас окружили? Мы везем хлеб Митридату!..

Теперь и другие распознали Евлупора. Его всклокоченные волосы развевались по ветру, бородатый лик ощерился в смехе. Он был и остался тем «звероподобным рабом», каким его купил Парфенокл в Танаисе. Только могучая грудь блестела чешуей металлического панциря, с плеча ниспадала хламида воина. Он сразу выделялся среди окружающих его соратников и выглядел гордым военачальником. Взяв сильной рукой деревянную колотушку, он ударил в гонг, укрепленный на рее. Это был сигнал отбоя.

— Ай-ай! — с непередаваемым в словах чувством покрутил головой Гиерон, зажмурившись, как бы от яркого света. Он увидел, что его друг не только свободен, но возвысился и стал не просто пиратом, а одним из важных людей во флоте Митридата!.. Да когда же это он успел?

Приступ мучительной тошноты прервал эти размышления, напомнив Гиерону, что он на море. Евлупор и его корабль раздвоились. Асандр едва успел схватить

его за шиворот и удержать, иначе он свалился бы за борт вслед за содержимым своего желудка. Однако, падая, Гиерон хорошо расслышал мужественный голос бывшего дружка, который возвестил:

— Продолжайте путь в Синопу!.. Мы будем сопровождать вас и не дадим в обиду другим!.. Слава Митридату!

— Да возлюбят тебя боги, Гиерон, — облегченно вздохнул Асандр. — Первую битву на море выиграл ты! Это тебе зачтется, ты заслужил награду!.. А пока отправляйся вниз и лежи, скоро ступишь на твердую землю!

Перекидываясь словами с Евлупором и его людьми, боспорцы узнали, что Митридат решил немедленно начать великую войну. Сейчас царь вывел флот в море, желая лично посмотреть, как он будет выполнять боевые сигналы.

II

Огромные, многовесельные пентеры с пурпурными парусами и позолоченными бортами покачивались на морских волнах. Они походили на сказочные плавающие дворцы. На самом большом корабле высилось нечто напоминающее узорчатый шатер. Ветер пригибал и вздувал многоцветные полотнища. Там на коврах возлежал бородатый человек. пышные серебристые волосы его были повязаны сверкающей самоцветами диадемой. Он говорил тихо, едва шевеля губами, надменно выпяченными из-под усов, окрашенных хной. Но выразительные восточные глаза его горели внутренним возбуждением, той неумемной страстью, которая всю жизнь сжигала этого человека. И его тихие, многозначительные слова звучали оглушительно громко для тех, кто стоял перед ним, склонившись, как бы не вынося остроты его пронзающего взора.

— Эта война — третья война с Римом — решающая и последняя! — говорил бородатый владыка. — Мы обрушимся на Рим, как град на спелую ниву! Мы потопчем его рати на суше, сожжем его города! А на море опрокинем римские флоты и штурмом овладеем гаванями! Действовать надо решительно, всеми силами, и горе тому, кто замешкается, отстанет!.. Лучше бы ему не родиться на свет!

— Ты победишь, государь! — нестройным хором ответили приближенные, мужи оранистые и важные, одетые в воинские доспехи.

Удары гонгов и пискливые звуки сигнальных рожков заставили его прислушаться, повести в сторону смоляные глаза. Один из подчиненных выскочил из шатра и вскоре вернулся, сообщив с поклоном, что с востока приближается вереница кораблей, не иначе караван с продовольствием из Пантикапея.

— Его сопровождают легкие корабли пиратов из флотилии твоего пресветлого сына Фарнака, — добавил вошедший. — Слава тебе, великий Митридат!

— Добрый знак, добрый знак! — молвил царь, отстраняя волосатой рукой златотканый занавес, и, прищурившись, посмотрел на море, усеянное судами. — Передайте, чтобы они шли в Армену, но не разгружались. Боспорские суда с грузом будут двигаться со всем флотом на запад. А старшего их ко мне на берег! И обеспечить охрану, чтобы никто не мог протянуть руку к боспорскому хлебу!

Асандр издали увидел царские корабли и поразился их богатству и аляповатой многокрасочности. Ему передали приказ Митридата двигаться в гавань Армены и там стать на якорь не разгружаясь. Армена считалась предместьем Синопы и являлась ее морскими воротами, так как сама Синопа была труднодоступна со стороны моря и своей большой гавани не имела.

Царские корабли первыми вошли в гавань и заняли ее. Со стороны моря было видно, как матросы опускали алые паруса на огромных пентерах и как человеческий поток хлынул навстречу царю, сходящему на берег. Копьеносцы разделили толпу народа, дабы дать царю и его свите проход.

К самому борту боспорского корабля подошла большая ладья с десятком гребцов. В носу ладьи стояли двое: один — впереди, в зеленом кафтане, другой — позади, в нем легко было узнать Евлупора, хотя он и прикрыл косматую голову блестящим шлемом.

— Э-гой! — кричал Евлупор, поднимая руку. — Асандр! Сойди к нам, будешь следовать за царевичем к царю Митридату!

Асандр оставил за себя Панталеона, а сам в сопровождении слуги спустился в зыбкую ладью, которая

сразу устремилась к берегу. Человек в зеленом кафтане повернулся. Он был широк в плечах, тонок в талии, носил персидские сапоги с острыми каблуками и остроконечную шапку, отороченную мехом. Его закрученные усы были окрашены в красный цвет по персидской моде. Широкий пояс и тяжелый меч сверкали золотом и самоцветами.

— Это царевич Фарнак, приветствуй его,— быстро вполголоса сказал Евлупор.

Асандр поклонился и, прижав руку к сердцу, произнес слова приветствия.

— Великий Митридат милостив к тебе и желает видеть тебя! — сказал царевич низким голосом.— Государь любит смелых!

Здесь Асандр заметил, что облик царевича грубоват, как у воина, руки шершавы, а лицо опалено солнцем и морскими ветрами. Его расшитый кафтан был в пятнах и даже прожжен в нескольких местах, словно царский сын спал в нем у костра на голой земле. Сразу можно было догадаться, что царевич не избалован придворной жизнью и не привык к роскоши. Позже Асандр узнал, что Фарнак славился как неутомимый охотник и мужественный воин, который не любит нежиться в прохладных залах царского жилья. Дни, а часто и ночи он проводил верхом на коне, гоняясь за дикими козлами или обучая войска сложным поворотам и стремительным атакам в сплоченных рядах. Он покидал седло лишь для того, чтобы ступить крепкими ногами на палубу боевой триеры и возглавить быстроходную флотилию пиратских кораблей, где его доверенным и помощником был Евлупор, бывший беглый раб и пират. Этот прирожденный воин сам явился к Митридату и палниц, умоляя принять его в войско вместе с подчиненными ему пиратами, а корабль его включить в состав царского флота. Митридат проявил милость, оставил его капитаном корабля в составе флотилии, подчиненной Фарнаку. Царевич приблизил его к себе за бесстрашие, силу и честность, разгадав характер этого человека по смелым поступкам и открытому, благожелательному взгляду странно голубых глаз.

Подплывая к берегу, царевич спрыгнул прямо в воду и двумя прыжками достиг сухой песчаной полосы. Его красные сапоги намокли и оказались перепачканными илом и морской зеленью.

Медведеподобный Евлупор поступил так же, он выскочил на берег даже раньше Фарнака. Асандр не мог не усмехнуться, глядя на его широкое лицо, заросшее бородой, и раздувающиеся ноздри. «Звероподобный раб!» — воскликнул он мысленно, вспомнив кличку, под которой в Пантиканее знали Евлупора.

Сообразив, что ему неловко оставаться в лодке и ожидать, пока она стукнется носом о берег, Асандр подобрал полы плаща и тоже выпрыгнул из ладьи и поспешил за Фарнаком, чувствуя, как вода быстро проникла в его чувяки.

III

Асандру предстояло явиться к царю в момент, когда тот стоял у походного жертвенника на холме, окруженном войсками и народом. Митридат готовился принести жертву богам и испросить у них поддержки в предстоящей войне. Тут же сгрудилась пестрая толпа царских друзей, стратегов и жрецов.

Солнце припекало по-южному, куда жарче, чем в Пантикапее. Боспорец обливался потом, стараясь не отстать от Фарнака, которого за резвость ног называли «быстроногим Ахиллом». Фарнак считался вторым по значению царским сыном, первым был Махар, как старший по возрасту и более проявивший себя в делах государственных.

Царевич шагал легко, держался прямо, как тренированный гимнаст. Он не замечал жары, которую испытывал ежедневно. Невольно напрашивалось сравнение его с Махаром, тоже быстрым в движениях, но мешковатым и обремененным преждевременной полнотой. И если глаза Махара всегда поблескивали хитрецей и затаенной подозрительностью, то Фарнак смотрел более просто и прямо. Возможно, у Махара было больше способностей к делам государственным, тогда как Фарнак с головы до ног был воином, для которого выше всего являлся закон пролитой крови.

Сзади вполголоса переговаривались Евлупор и Гieron. Последний испытывал слабость и пошатывался, как пьяный, хотя уже покинул неустойчивую палубу корабля и шагал по каменистой, раскаленной солнцем земле Анатолии.

— Ты стал большим начальником и, как видно, любимцем царевича? — спросил Гиерон, икая и непрестанно утирая рукавами пот, стекающий по бледным щекам.

— Я служу великому государю, — ответил Евлупор с достоинством, — а это уже счастье! Теперь я не раб, а воин! И это счастье! Ты тоже можешь стать воином Митридата, я найду тебе место на моем корабле. И хозяин не воспротивится, так как здесь законы иные, чем на Боспоре!

— На корабле? — испуганно переспросил Гиерон, испытывая в желудке судорогу, предшествующую началу рвоты. — Я что-то не очень хорошо чувствую себя на море. Уж если воевать, то на суше!

— И то дело! Обратись к Фарнаку, он даст тебе копье, и ты станешь воином подсобной пехоты. Отличисься — получишь место десятника, добудешь богатство, а после войны приобретешь участок земли, а может, и рабов, которые будут на тебя работать! А?

— Я подумаю, друг мой, — ответил Гиерон неуверенно и как бы в раздумье. — Но я рад за тебя, ты нашел свою долю! А главное — обрел свободу!

— Ну, свободу найти труднее, чем поймать белую ворону. Конечно, обратно к Парфеноклу я не пойду! Я ношу оружие и повелеваю людьми. А вот свобода ли это — точно не скажу!.. Одно чувствую — теперь я стал человеком, как другие... Но перед царем — раб!

— Понимаю, царь тот же хозяин!.. Но ты мог остаться пиратом и быть свободным, как ветер моря!

— Ого!.. Ты плохо знаешь пиратов и их обычаи. Там есть один закон — это закон сильного, и одна свобода — убивать и быть убитым!

— Но ты же подружился с киликийцем, который возглавил ваш побег. А с таким дружкой можно быть сильным!

— Подружился?.. Как раз нет!.. Мы не поладили, скрестили оружие.

— Из-за добычи?

— Нет... Он хотел выбросить за борт больного Микста, поскольку тот в пираты не годился. Микст лежал и охал, проклиная Парфенокла, который разбил ему печень пинком. Киликийца это бесило, но я вступился за Микста!

— И что же?

— Киликиец оказался на дне моря, а я вот здесь, в войске Митридата.

— А Микст?

— Умер, бедняга. Я похоронил его на острове Левка, там, где когда-то, по приданию, пребывал Ахилл после смерти... Боги воскресили Ахилла, а Микста не захотели. Да и едва ли смогли бы. Крепко бьет Парфенокл, лягается, как жеребец! Хотел бы я воткнуть ему копье в брюхо!

— Эй, потише! — сурово окликнул их Фарнак. — Мы приближаемся к великому государю! Готовьтесь пасть ниц!

Асандр невольно поправил на плече фибулу, скрепляющую края хламиды, и широко раскрыл глаза, рассматривая в волнении величайшего из царей, поднявшего руку на римское владычество.

— Вот он, повелитель Востока, сам Митридат Евпатор Дионис, — прошептал боспорец, испытывая неожиданную робость.

И тут же ему пришло в голову, что это не тот Митридат, которого он представлял себе по изображениям на монетах. Тот был моложавый человек с бритым лицом и выглядел культурным греком. Этот, с его крашеной бородой, одетый в негнущиеся ризы, избыточно затканые золотом и драгоценными камнями, да еще увенчанный большой китарой — башенной золотой шапкой, казался настоящим персом или вавилолянином. Спустя короткое время Асандр узнал, что Митридат был артистом в жизни и умел перевоплощаться в зависимости от поставленных целей, государственных или военных. Сейчас подчеркнуто персидская внешность как бы символизировала его враждебность к западному миру эллинов и римлян.

— Падай ниц, — подсказал Фарнак.

Асандр, как подкошенный, упал на пыльную каменистую землю, упершись носом в пучок верблюжьей колючки.

Заметив своего сына-воина и наварха боспорской флотилии, Митридат повелел им встать. Асандр поднялся, запачканный белесой пылью, но отряхнуться не посмел, сетуя в душе на царский обычай, повергающий людей в прах. Встретившись глазами с огненным взором Митридата, невольно потупился. Однако почувство-

вал, что царь милостив и ничего страшного не предвидится.

Царь снял с пальца золотой перстень с изумрудом и одарил боспорца.

— Ты прибыл в самый раз,— произнес он неожиданно простым, как бы дружеским голосом, без подавляющей надменности и напыщенности.— Будь при мне, наблюдай и запоминай, что увидишь. После поведаешь обо всем там, на Боспоре!

Митридат прищурил восточные выпуклые глаза с какой-то обжигающе острой и вместе подкупающей усмешкой, словно встретил старого товарища, готовый поболтать с ним за чашей вина. Асандра это поразило. Ему показалось, что среди всех этих варварских спесивых и властных на вид людей Митридат проще, понятнее других и, возможно, тяготится тяжеловесной, режущей глаз роскошью царских облачений и многолюдством окружающей его свиты. Он ли это?.. И если это он, всесильный Митридат, то слава ему, он велик и недосыгаем в своей внутренней простоте, он прост, как воин, и, наверное, поймет воина! За таким хочется пойти на смерть не раздумывая, лишь бы получить в награду один вот такой взгляд, каким он сейчас встретил маленького незнакомого человека!

Тут Асандр заметил, что Фарнак уставился на отца влажным взором, исполненным страстной преданности и благоговения. Да, царевич походил на отца, но его облик был грубее, ему недоставало той строгости и правильности внешних черт, которые отличали Митридата. Нос, губы, глаза казались искаженной и опрошенной копией царского лица. И только пылкое преклонение перед гением отца-государя одухотворяло внешность царевича, придавало его усатой физиономии выражение более возвышенное, чем у простого воина.

Боспорец, утомленный палящими лучами южного солнца, переполненный новыми чувствами и необычными впечатлениями, ощутил внезапную слабость. Ноги сами подкосились, он вторично пал ниц перед понтийским властелином.

— Встань,— сказал тот негромко.— Умелому кораблеводителю зачтутся его преданность и послушание, но не робость! Подойди!

Асандр сделал шаг вперед и передал царю письмо-

свиток от его лучшего сына Махара. Свиток взял не царь, а благообразный грек с близорукими глазами и приятно-тонким лицом. Царь назвал его Каллистратом. Асандр догадался, что это и был тот выходец из Афин, который прославился умом и ученостью. Он служил у Митридата и являлся царским секретарем, поверенным во всех тайных делах государства.

Каллистрат сломал печать и пробежал глазами свиток. Царь пытливо взглянул на него и, видимо, понял, что на Боспоре все в порядке.

— Потом,— коротко сказал он, делая жест рукой.

Каллистрат с поклоном спрятал письмо в складки широкого плаща.

IV

С холма виднелось море, усеянное разноцветными парусами.

С другой стороны расстилалась равнина, занятая разноплеменным воинством. Войско на море, войско на суше!.. Это выглядело внушительно, захватывало дух своим размахом не только у Асандра, но и у многих, кто оказался на холме. Ближе других стояли стройные квадратные колонны тяжеловооруженной пехоты, «несгибаемых», медные начищенные щиты которых сверкали, как золотые.

В прошлые войны тяжелая пехота являлась эллинизированным войском. Она создавалась под руководством выходцев из Эллады и напоминала фалангу греческих гоплитов. Тогда и сам царь любил играть роль просвещенного «филэллина». Он насаждал греческую культуру в своем окружении и греческие порядки в войсках. Он дерзко бросил вызов римскому гиганту, полагая, что обретет великую победу, соединив боевую страсть восточных народов с греческой военной наукой. Но легионы Суллы оказались более сплоченными, лучше вооруженными и обученными. Они нанесли тягчайшие поражения разноплеменным ратям Митридата, принудили гордого царя к малопочетному миру.

Испив чашу горького опыта, Митридат уже не видел образца для подражания во всем греческом. Он отказался от наигранного «филэллинства», однако не превратился и в «филоромея», преобразовав свой двор на ста-

роперсидский лад. И сам стал охотно облачаться в мишурно-цветистые одежды, какие носили в прошлом персидские цари — Кир или Дарий. Зато лучшую часть войска переустроил и вооружил по-римски, потратив на это половину государственной казны. Он создал боевые силы, внешне подобные римским легионам, и полагал с успехом использовать их для сокрушительного удара против Рима.

Эти преобразования очень мало коснулись выучки и вооружения легкой пехоты и других вспомогательных войск, расположенных сейчас за «медными щитами» в виде нестройных скоплений, вооруженных и снаряженных по старинке. А дальше волновалось беспокойное море конницы, пестреющее яркими одеждами. Это было ополчение племенных царьков и князей, выглядело оно красочно и дико, а вооружено было так же, как и во времена Александра Македонского. Самобытные рати воинственных племен не знали иной тактики, кроме одновременного натиска, сопровождаемого неистовыми воплями, свистом, грохотом некованных копыт и дребезжанием бесчисленных побрякушек на седлах и доспехах всадников.

Отдельно располагались в живописном развороте сотни боевых колесниц, запряженных самыми ретивыми конями. Митридат с горделивой миной говорил друзьям и стратегам, что римские копьеносцы дрогнут от одного вида этого страшного воинства.

Асандр загляделся на сказочную панораму, открывшуюся его взору. Фарнак толкнул его в бок, прошептал:

— Смотри сюда, не зевай по сторонам! Сейчас наступит час молитв и жертвоприношений!

Толстый подвижный человек с накладной бородой, одетый в расписной балахон персидских магов, подошел к жертвеннику.

— Ну, Гермей,— обратился к нему царь,— совпал ли ход времени со звездными приметами? Готов ли ты принести жертву?

— Приметы вошли в круг времени, пора принести жертву,— ответил жрец, причем стало видно, что его зубы покрыты позолотой.

Боспорец оказался свидетелем обряда принесения жертв богам, как греческим, так и восточным, включая и таинственного Митру, бога света и правды.

С обрыва в море были сброшены белые кони с путами на ногах — в дар Посейдону.

Курились жертвенники, невнятно бормотали жрецы, царь воздевал руки к небу. Тысячи воинов, обступивших холм, молчаливо взирали на его моление о победе.

Царевич Фарнак шепотом называл имена тех, кто окружал царя. Асандру стало известно, что со стороны моря стоял наварх Гермократ, человек с черным лицом и горбатым носом. Он походил на ассирийца. Предводительствующий сухопутными ратями Таксил занимал место по другую сторону от Митридата. Выделялся высоким ростом, имел гордо посаженную голову и вызывающе дерзкие глаза. Эти два военачальника как бы олицетворяли собою две могучих руки царя Митридата, которыми он готовился внезапно схватить за горло римского великана.

— Великие воеводы, храбрейшие витязи и знатоки военного дела! — восхищенно шептал Фарнак, видимо упоенный отцовскими приготовлениями к победоносной войне, уверенный в грядущей победе.

«Молод еще царевич, — заключил мысленно Асандр, — много ел сладкого и еще не морщился от горькой пищи неудач».

Но и сам ощутил необычный подъем духа, внутреннюю готовность вместе с Фарнаком устремиться туда, куда укажет царь, желание стать участником и свидетелем великих событий.

Гордые и чопорные стояли представители испанского бунтаря Квинта Сертория, того, который бросил вызов Риму, хотя сам был римлянином. Будучи римским наместником в завоеванной стране, он поднял против завоевателей народы всей Испании — иберов и кельтиберов, — рассчитывая с их помощью подчинить себе «вечный город». Он уже провозгласил начало новой эпохи в истории Рима — эпохи торжества своего собственного военного и государственного гения. После удачных сражений в минувшие два года, выигранных у таких выдающихся полководцев, как Метелл и Гней Помпей, он настолько уверился в окончательной победе, что заключал союзы с государствами и давал обещания народам так, словно уже восседал на Палатинском холме.

Испросив совета у волшебной лани, с которой он появлялся перед войском и народом, Серторий вошел в

союз с Митридатом, надеясь этим облегчить себе вступление в ворота Рима и сокрушение всех, кто этому препятствовал. Вот его представители — сенатор Марий Одноглазый и легаты Луций Фанний и Луций Магий. Первые двое в гребнистых римских шлемах с золотыми орлами и панцирях, украшенных затейливыми фибулами и пряжками. Их доспехи выглядят ново и как-то особенно, по-римски, доброту. Эти люди являлись не просто послами, но военными советниками, воеводами, которые должны были преподать варварам искусство вожделения войск, всемерно способствовать успеху войны. Марий Одноглазый даже носил звание «верховного стратега» и на совете говорил вторым после Митридата. На их каменных лицах не отражалось ни восхищения парадом Митридатова воинства, ни душевного возбуждения. Они были уравновешенны и бесстрастны. Смотрели на всех свысока, как бы вскользь, словно не считали окружающих людей достойными более пристального внимания. Асандр вгляделся сначала в мужественный облик Луция Фанния, моложавого красавца, и решил, что это воин, человек действия, прямой и смелый. Рядом с ним странно выглядел Марий — морщинистый, безбородый. Несмотря на воинский наряд, в нем было что-то старушечье. Даже черная повязка на левой стороне лица и властные огоньки, что поблескивали в уцелевшем глазу, не снимали этого впечатления.

«Стар и, видимо, тщедушен,— подумал Асандр,— а попади ему в костлявые лапы — не пощадит!»

Луций Магий, который ранее вел с Митридатом переговоры и склонил великого царя к союзу с Серторием, ныне оставался советником как для Мария, так и для Митридата в делах государственных. Одетый в мягкую тогу, лысый и преждевременно располневший, этот человек чем-то напоминал сатира. Однако держался с величием римского патриция. Его водянистые глаза не имели металлического блеска, свойственного людям военным, в них вспыхивали искры лукавства и фальшивого благодушия, той наигранной мягкости, которая чаще встречается у жрецов и дипломатов. Пухлое, румяное лицо свидетельствовало о привычке к житейским удобствам, чувственные губы кривились усмешкой.

«А это хитрая лиса,— определил Асандр,— ему пальца в рот не клади — откусит!»

Особо, в стороне от этих людей, держался Гай, предводитель немалого отряда римских перебежчиков, которые по разным причинам порвали со своей родиной и оказались в стане ее врагов. Гай возглавлял дело обучения понтийской пехоты, проявил себя в прошлых войнах как мужественный и способный военачальник. Был известен как человек, навсегда связавший свою судьбу с антиримской борьбой Митридата, пользовался доверием последнего. Он уже в летах, его правильное, гордое лицо окаймляют кудри, тронутые сединой. В блестящих доспехах и шлеме с оранжевыми перьями, он выглядит в сравнении с Марием подлинным Фебом и Марсом одновременно, красивый и воинственный.

Сейчас Гай беседовал с невысоким, уже немолодым, но ловким в движениях кавказцем, увенчанным малой диадемой, что свидетельствовало о его царственной принадлежности.

Асандр с любопытством взгляделся в благообразный и по-восточному лукавый лик этого человека. Перед ним был царь дандариев Олтак, который спас боспорскую царицу от руки повстанцев в ту роковую ночь, когда Савмак отсек голову Перисаду. Изгнанный из своей столицы соперниками, он нашел приют у Митридата, служил ему верой и правдой.

Митридат обратился к угрюмому мужу в багряной мантии, подозвав его жестом руки.

— Не успеет солнце трижды совершить свой путь по зодиаку,— сказал он с торжественностью,— как ты по воле богов, переданной нам в откровении, вступишь на трон Вифинии!

— Кто это? — не удержался Асандр, повернув лицо к Фарнаку.

— Сократ, брат царя Никомеда Вифинского, по прозвищу Благой! Никомед завещал царство Риму, ибо много задолжал римским трапезитам. Расплатиться было нечем!.. А Сократ — враг Рима, наш друг, хочет сам управлять Вифинией, стать ее царем!.. Государь помогает ему в этом!

После слов царя потухший взор Благого на миг зажегся внутренним огнем и тотчас погас. Казалось, человек этот намного старше своих лет и никакие события и войны не в состоянии воспламенить его охладевшей души.

«Не трон тебе нужен, а мягкое ложе, как больному! — подумал Асандр.— Ты моложе Митридата, но он юноша перед тобой!»

Боспорец почувствовал, что его мозг как бы отрезвляется после мгновенного опьянения. Окружающее предстало перед ним в более будничной окраске.

«Вот те люди, которые хотят повергнуть Рим,— продолжал он свои мысленные рассуждения.— Их не так много. Где знаменитый воевода Архелай, который, наверное, не уступал в уме и доблести Таксилу? Его нет, он побежден Суллой, изменил своему царю и бежал в стан врагов... Нет и брата его Неоптолема, он стареет на Боспоре, ибо неприятен царю, как кровный родственник изменника!.. Нет и многих других прославленных соратников Митридата! Новая война — новые люди! А впереди боевые дела, что они сулят Митридату?.. Новые победы или старые поражения?»

Асандр встряхнулся, отгоняя предательские мысли.

V

Морской орел на дельфине — таков герб древней Синопы, лучшего и богатейшего города на южном берегу Понта Эвксинского. Синопцы гордятся своим прошлым, когда их город, как корабль, управляемый опытным кормчим, оставался целым и невредимым, пройдя сквозь бури войн и кровавых нашествий. Они считают Гомера своим земляком, а о синопце Диогене говорят так, словно он жил вчера. Даже показывают приезжим черепки той глиняной бочки — пифоса,— что служила убежищем для мудреца и около которой застал его великий Александр.

Дед Митридата Фарнак, а затем сам Митридат не случайно избрали Синопу своей столицей. Город был богато обстроен, обладал, мощным рабовладельческим хозяйством, отливал сталь, славился первосортным корабельным лесом, оливковым маслом и рыбой, а также рынком, где продавались рабы и скот. Здесь было все, что требовалось для царского двора и царского войска. И хотя в минувшие войны все эти богатства значительно отощали, город и ныне продолжал жить деятельно и шумно.

В эти дни Синопа кишела войсками. Можно было подумать, что коренных горожан вокруг стало мало, их

вытеснили или заслонили вооруженные пришельцы из разных углов царства. Отовсюду доносилась тяжелая поступь пехотинцев, обремененных доспехами, грохотала копытами царская конница, слышался рев верблюдов и надсадные крики погонщиков.

Оказавшись в обществе Фарнака, всемогущего царского сына, Асандр лишь с его помощью смог познакомиться с городом, в котором все — высокие храмы и частные дома, многолюдство и кипение жизни — превосходило своими масштабами Пантикапей. Они пробирались по улицам на добрых конях. Впереди бежали смуглолицые воины и криками, подкрепляемыми ударами ясневых палок, разгоняли толпу, расчищая путь высокопоставленным царским людям.

— Ты обливаешься потом,— смеялся Фарнак, лицо которого блестело, как полированное сандаловое дерево,— ибо ты гипербореец и привык к снегам Скифии! Ты и храбрость показал на льду пролива!

— Тебе известно это, преславный царевич? — не удержался от удивления Асандр.

— А ты думал, что мы не знаем, кто живет на том берегу моря и в чем его доблесть?

— Нет, я просто полагал, что я слишком ничтожный человек, чтобы мною мог интересоваться ты или твой богоравный отец!

— Ты не так ничтожен, как говоришь. Ты смелый военачальник, создал фиас евпатористов и к тому же находишься в родстве с бывшими царями боспорскими — Спартокидами!

— Так, но все это лишь вспышки тлеющего угля, они еле видны, когда сияет солнце славы и могущества великого Митридата!

— Ты хорошо говоришь и заслуженно удостоен милостивого внимания государя!.. А вино ты пьешь, женщин любишь? Судя по рассказам — да!

— Разве есть боспорец, который не пьет вина и не любит женщин?

Оба рассмеялись. Почувствовали взаимную приязнь, дружеское расположение. Возможно, это чувство и предопределило их будущую дружбу, рожденную в круговороте необыкновенных событий, выпавших на долю этих незаурядных мужей. Но тогда они еще не знали, да и не могли знать о тех испытаниях, которые ожидали

их в грядущем, настолько же ярком, насколько и трагическом.

После посещения прохладного погребка настроение улучшилось. Продолжая осмотр города, Асандр побывал в храме Автолика, покровителя Синопы. С достоинством вручил его жрецам посильные дары. Был поражен совершенством изваяния Автолика, созданного рукой знаменитого Стенида.

А вечером, после бани и переодевания, они прибыли во дворец Митридата, где готовился богатый пир, посвященный началу великого похода. Асандр заранее отослал Гьерона на корабль с вощенной дощечкой, на которой было нацарапано приказание Панталеону. Расторопный слуга вернулся вовремя с душком вина и в хорошем настроении.

— Все выполнил? — спросил хозяин.

— Все, господин! — ответил раб.

Войдя в пиршественный зал, боспорец изумился при виде его величины и роскошного убранства. Ничего подобного он доселе не встречал. Казалось, мраморные своды и ряды рубчатых колонн уходили куда-то вдаль и терялись в голубой полутьме, чему способствовал синий дым, струящийся из курильниц, расставленных тут и там. Столов еще не вносили, но в зал вливались толпы разряженных людей. Полководцы, телохранители, сатрапы, евнухи, племенные царьки, слуги и господа, скомоорохи в дурацких колпаках и певцы с арфами — все смешались в пестром круговороте.

Асандр подумал, что появился сам царь, увидев позолоченные носилки, на которых возлежал мужчина в золотом головном уборе. Но это оказался один из сатрапов, тоже царских кровей, пользующийся старинной привилегией — появляться в царской трапезной на плечах десятка черных рабов-носильщиков.

— Тирибаз!.. Тирибаз! — слышались возгласы вокруг. — Он богат, как Крез, и знатен, как сам Митридат!

С носилок сошел вялый отпрыск древнего рода, поддерживаемый приближенными. Лицо его было неподвижно, а глаза пустые, как у статуи. Он проследовал вперед и стал в один ряд с теми, кто имел право первым приветствовать царя.

С появлением Митридата все заняли подходящие места. Знатные и богатые оказались впереди, они приветствовали царя, подняв руки. Слуги исчезли в коридорах,

готовясь вернуться с накрытыми столами и пиршественными ложами. Развлекатели отхлынули в сторону и ждали сигнала, чтобы показать свое искусство, когда царь этого пожелает. Во время пира Митридату прислуживали малые цари, такие, как Олтак и Благой или женоподобный Феникс, впоследствии изменивший ему. И Тирибаз имел почетную должность царского виночерпия.

Ораторы захлеб произносили длинные хвалебные речи-тосты. Все в один голос предрекали Риму близкую гибель, а Митридату — трон владыки вселенной.

— С запада Риму грозит меч Сертория, этого Ганнибала наших дней! А с востока твои непобедимые рати! Рим угодил в тиски, как орех между зубами! Риму — конец!.. — возглашали одни.

— А орех-то с гнильцой!.. В Капуе взбунтовались гладиаторы и рабы, но римские стратеги не могут разгромить их, как ты разгромил боспорийских рабов! Позор! Бунт ширится, он, подобно гнилой горячке, разъедает и сжигает внутренности римского чудовища. Рим слаб и болен, ему не по силам одолеть даже собственных рабов!.. Так добей же его! — вторили им другие, поймав благосклонный взгляд царя.

Льстивые ораторы знали, что, по мнению Митридата, рабский бунт, поднятый фракийцем-гладиатором Спартак, произошел кстати. Это удар по Риму изнутри! Он поможет понтийским ратям скорее закончить победоносную войну. Упоминание же о разгроме боспорского царства рабов сейчас вдвойне приятно царю, как подтверждение его превосходства над римлянами.

Многим памятно, как привезли в Синопу закованного в цепи рабского вожака Савмака, царя рабов! Гордый рабский царь отказался стать воином Митридата, как ему было предложено, и принял смерть...

Обсуждая ныне рабское восстание Спартака, придворные мудрецы полагали, что оно в ходе войны выдохнется само собою, рабы разбегутся. Если же продлится, то будет подавлено железной рукой Митридата, когда он станет хозяином Рима. И Спартак разделит участь Савмака.

Пир продолжался. Поэты обращались к царю с хвалебными стихами, соревнуясь с ораторами в грубейшей лести. Сравнивали Митридата с Александром Македонским. Предлагали собрать всех носильщиков царства,

чтобы те смогли унести добычу, которая ожидает Митридата в ближайшем будущем.

Ораторов и поэтов одаривали по-царски, как бы в счет неслыханных трофеев предстоящей войны.

Пытаясь разглядеть царя, возлежавшего на пиршественном ложе, Асандр заметил, что лик Митридата суров и исполнен надменного высокомерия, совсем не такой, как утром на холме. Выждав, когда водопад льстивых слов, обращенных к царю, несколько приутих, боспорец мигнул Гиерону. Тот мгновенно исчез и вскоре возвратился во главе процессии боспорских евпатористов. Они были одеты в белые накидки и размахивали зелеными ветвями, высоко вздымая щиты с изображением Митридата. По знаку Гиерона фiasиты запели гимн, восхваляющий Митридата как «бога живого и милостивого».

Появление боспорских евпатористов произвело впечатление. На лице Митридата появилось нечто напоминающее улыбку. Весь зал принял это за одобрение и подхватил его неистовыми криками и звоном посуды.

— Велик ты, государь,— говорили Митридату окружающие его высокопоставленные льстецы,— если преклонение пред твоим величием и божественностью нашло благодарную почву в стране грубых скифов и диких сарматов!.. Ясно что боги не случайно приняли тебя в свой круг и распространяют веру в тебя! Они решили вознести тебя на вершину мировой славы и власти! Ты — победишь!

Потом выступил Гиерон с только что составленным дифирамбом, обращенным к Митридату. Он стал в позу римского оратора и, картинно подняв руку, произнес нараспев:

Я хотел ступить ногой на землю, но не нашел где!
Ибо вся обозримая земля занята твоими войнами!..
Им тесно на просторах от Понта до Средиземного моря!
Я хотел услышать гром во время грозы, но его заглушили
боевые крики твоего войска!
Я не смог увидеть молнию — ее затмили отблески на
оружии и доспехах твоих воинов!
Я думал, что тысячи лун упали на землю, но это были
медные щиты твоих «несгибаемых»!
Где та сила, которая могла бы противостоять тебе?..
Ее нет, о великий!

Митридат, признанный знаток и покровитель искусств, одобрительно кивнул головой и молвил:

— Не очень изысканно, но напоминает песни воинов перед боем!.. Кто этот человек?

Узнав, что Гиерон раб и слуга Асандра, царь повелел:

— Отныне да будет он свободным человеком и воином нашей конницы.

Все участники процессии вышли из зала с дорогими подарками в руках. Асандр шлепнул Гиерона по плечу и сказал, усмехаясь:

— Твой язык — твое счастье! Теперь ты удостоился стать в ряды войска великого царя и будешь иметь случай умереть за его дело!

— Умереть? — вскинул брови Гиерон, еще не зная, как воспринять царскую милость. — Но я же отличился не в сражении, а в поэзии!

— Видно, царю сейчас нужны воины, а не поэты. Поэтов у него много, хоть пруд пруди!

— Так ведь и воинов много!

— А вот болтунов таких, как ты, еще не было!.. Раз великий царь повелел, то какие еще могут быть разговоры... Готовься стать в строй!

— Что ж, пойду получать коня и копье!

— Вот это разговор мужчины.

Асандр повернулся к Гиерону спиной, и тот вместо радости ощутил невольный страх. Усилием воли он стряхнул это чувство, пытаясь весело взглянуть на будущее. Пусть впереди война, зато он теперь свободен, как бог!.. Все говорят, что поход будет легким, вроде большой воинской прогулки. А добычу сулят большую! Выпадает удача и на его долю! После войны он вернется на Боспор богатым и независимым человеком!

Появился жрец Гермей с накладной бородой, испачканной соусом. Он был под хмельком и что-то жевал. С улыбкой обнял Асандра и увел его. Они прошли в особый покой, вроде внутренней дворцовой молельни. Здесь, в полумраке, под расписными сводами, оба в благоговении остановились перед восьмифутовой золотой статуей Митридата — Обожествленного Повелителя!..

— Ты, как жрец боспорских евпатористов, удостоился великой милости, — промолвил Гермей вполголоса, дыша винным паром. — Государь утверждает тебя в этом жреческом звании на всю жизнь! Молись!

Утром Асандр проснулся с тяжелой головой. Ему сообщили, что Митридат повелел ему следовать за цар-

ской ставкой во время похода... Он уже знал — царь хочет, чтобы он стал свидетелем великих событий и мог по возвращении на Боспор рассказать о величии и непобедимости понтийских войск. Это входило в расчеты Митридата. И не вызвало в душе Асандра ни удивления, ни возражений. Он сам испытывал любопытство и был доволен, что станет очевидцем решающей схватки двух гигантов.

VI

В это утро было объявлено начало похода, сохранившегося в истории под именем Третьей Митридатовой войны.

Царь предстал перед войском на том же холме. Сейчас он явился в доспехах и шлеме, опоясанный драгоценным мечом, за ним несли круглый золотой щит, равный по красоте щиту Ахилла, воспетому Гомером. Митридат выглядел как живой и великолепный бог войны, подобный Аресу, ему не хватало лишь крыльев за спиной. Его встретили криками и звоном оружия тысячи воинов. Царя-полководца приветствовали на двадцати языках.

Как и вчера, вокруг толпились военачальники. Но собраны они были не для молений и не для совета, то и другое уже миновало. Настал час действовать. Все смотрели на царя воспламененными взорами, ожидая, когда он поднимет руку и, указав перстом направление похода, скажет одно слово: «Вперед!»

Митридат обратил взор ввысь, а потом на землю у ног своих, символизируя этим обращение к богам небесным и подземным, потом снял шлем и надел золотую китару. Воздев руки вверх, он обратился к воинам с речью, слова которой передавались из уст в уста, а поэтому доходили до самых дальних:

— Волею богов и при их помощи я, царь ваш, веду вас на великую и справедливую войну против жадного и разбойного Рима! Рим хочет отнять у вас свободу и имущество, согнать вас с наследственных земель и превратить в рабов! Я же, царь ваш, собрал под своей властью племена и народы, пекусь о их благоденствии, охраняю их святыни и обычаи отцов! Боги покровительствуют мне,— вы видите, как растет и крепнет мое цар-

ство, созданное предками моими и преумноженное мною во сто крат!.. А Рим смердит, как гнилой труп, ибо боги отвернулись от него!.. У Рима нет подданных, есть лишь рабы. Но и рабы восстали против него; в римских землях идет междоусобная война, рабы воспользовались раздорами и взбунтовались. А я говорю: кто был рабом у римлян — да будет свободен!.. Кто был должен римским трапезитам — освобождается от долгов! Каждое племя, каждый город да живут по законам своим, признавая меня как царя и ставленника богов!

Войско ответило на эти слова криками, тысячи рук подняли над головами оружие, взметнулись вверх шапки. Митридат переждал, пока не улегся восторженный шум, потом продолжал:

— У Рима нет друзей, нет союзников ни на земле, ни на небе!.. Его лучшие люди, как великий Серторий, восстали против него, теперь они единомышленники и помощники наши!.. Посмотрите, вот они, лучшие умы и таланты, они ненавидят Рим и вместе с нами идут в поход против Рима!

Митридат величественным жестом показал на Мария Одноглазого и двух советников рядом с ним. Те молча склонили головы.

— Я поведу вас к победам, ибо боги предрекли мне успех в войне! Я отдам вам на разграбление города, если они не покорятся без боя! И каждый воин вернется домой со славой, как победитель, и с добычей, какую только сможет унести на плечах или увезти на своем коне!

Новый взрыв восторга заглушил голос царя. Воины пришли в неистовство, слышались требования немедленно идти в поход.

Когда крики утихли, Митридат опять надел шлем и, указывая обнаженным мечом в направлении предстоящего похода, произнес зычно:

— Так добьем же римскую ядовитую змею, дабы она больше никогда и никому не угрожала своим жалом! Вперед, на запад!

Все пришло в движение. Заиграли рожки, засуетилисьдесятники и сотники, затопотали тысячи ног, грянули копыта нетерпеливой конницы. Окрестности огласились ревом верблюдов и быков, скрипом возов и бряканьем колокольцев на шеях животных. Тучи пыли заволокли

небо, стало тускло и мрачно, как в час солнечного затмения.

Великий поход против Рима и римского владычества начался. Таксил, главный стратег Митридата, заранее продумал порядок общего движения. Бесчисленные полчища сразу разделились на несколько потоков соответственно нескольким дорогам, ведущим на запад. Главные силы после прохода через земли Вифинского царства должны были выйти на «царскую дорогу» — древний путь из Месопотамии к Эгейскому морю, проложенный руками тысяч рабов еще во времена Дария.

Асандру показалось, что движущим началом общего стремления вперед было какое-то странное возбуждение. Оно охватило всех, от полководца до простого воина. Нечто сверхчеловеческое чувствовалось в лавинообразном движении необозримой массы вооруженных людей. Пешие почти бежали, задыхаясь в клубах едкой пыли, словно боясь опоздать. Они с завистью смотрели, как летучие отряды конницы обгоняют их, волнами перекачиваясь через холмы и с грохотом устремляясь в долины.

— На запад!.. На запад!..

Вот двигаются левкосуры в белых колпаках и обуви из сырой воловьей шкуры. Они шарахаются в сторону, уступая дорогу всадникам пустыни в полосатых бурнусах, вооруженным причудливым оружием — метательным железом. Грозно выглядят халибы — мастера выплавлять и ковать сталь. Они закованы в кольчуги, все с секирами и кривыми ножами. А вот и мешковатые соотечественники — таврические скифы на мохнатых лошадках.

Поражают воинственным видом бастарны, бесстрашное кельтское племя, прославленное умением прорывать вражеские укрепления. Даже тавры, полудикие обитатели гор, нашли свое место среди пестрого потока вооруженных племен, собранных воедино волею Митридата, воспламененных ненавистью к Риму и жаждой добычи.

Боспорец пытался задавать вопросы воинам, присоединяясь к их колоннам. Он сопровождал их на скакуне, предоставленном ему как важному военачальнику из свиты Митридата. Но воины плохо понимали его греческую речь или отвечали недоуменными, ошалелыми взглядами. Непривычный размах событий, неразбериха

в передвижении разноплеменных отрядов, надсадный грохот, слепящая пыль и раскаленные лучи солнца, видимо, застилали сознание этих людей одуряющей муťou.

Темнота вооруженных толп, их неслаженность были поражающими. Их ничто не связывало воедино, кроме личности царя да смутных представлений о целях войны. Только воля Митридата и его огромные богатства могли объединить это разноязыкое скопище первобытных племен в некое подобие войска, направить их силу и страсть в русло общего дела — сокрушения Рима. Как-то оно получится?..

Чувство неуверенности в странное раздумье вновь стали проникать в душу боспорца. И только обращая взор на «несгибаемых», вооруженных на римский манер, любясь стройными рядами рослых парней, бодрых, грозных в своей сплоченности, он отгонял невольное сомнение. Пропуская мимо слаженные колонны тяжелой пехоты, сверкающей шлемами и луноподобными щитами, Асандр опять почувствовал воинственный подъем духа.

— Вот с такими бойцами можно надеяться на успех! Это другое дело! — сказал он вслух с облегчением.

VII

Топот копыт заставил Асандра обернуться и натянуть поводья. Он увидел в клубах пыли панцирного всадника с длинным копьем в руке, приближающегося валким галопом. Громоздкие доспехи коробились и дребезжали на плечах воина, а тяжелое копье нелепо раскачивалось из стороны в сторону.

— Это что за чучело? — невольно спросил себя боспорец, но тут же решил, что воин пьян и догоняет свой отряд.

— Привет тебе, хозяин! — слышался сдавленный голос, из-под шлема выглянули знакомые глаза.

Асандр не мог удержаться и расхохотался.

— Это ты, Гиерон, царский воин и свободный человек?.. Тебя не узнаешь в новом наряде!

— Ух, господин, жарко в этой железной шубе!.. Да и копье мне попало слишком тяжелое, это же копье для богатыря. Мне дали его в насмешку! Теперь я стал бойцом тяжеловооруженной конницы!

— Куда же ты спешишь?

— Как и все — на войну!.. Да вот увидел тебя. Дай, думаю, переговорю с хозяином, может, в последний раз!

— Что ж, говори. Но почему в последний раз? Или ты предчувствуешь, что будешь убит в сражении?

— В сражении?.. Не знаю. А вот этот лохматый демон, на котором я сижу, сбросит меня на камни, это наверняка!.. Дикарь, повода не слушает, мчится куда глаза глядят. Я и решил, пока он не убил меня, сказать тебе важное.

— Говори, я слушаю.

— Хозяин, дадут ли мне боги удачу в походе, мне неизвестно. Но обещаю, что заберешь меня с собою, когда решишь отправиться с кораблями обратно!.. И добычу, если она у меня будет, позволишь погрузить в трюм!

— Что ж так? Или здесь хуже, чем на Боспоре?

— Здесь люди чужие и боги для меня непривычные, а солнце огненное!.. Да и пища какая-то грубая. А там все знакомое и близкое, родные места!

— Но там ты был рабом, а здесь свободен!.. К тому же стал воином царя понтийского, получил от него коня и копье.

— Это верно, хозяин!.. Там ты был моим господином, а здесь им стал Митридат, а точнее — десятник, которому я подчинен. Он уже угрожал мне палкой!.. Может, после войны я отведаю того кушанья, которое называется свободой. Но уже сейчас убедился, что сохранить и использовать свободу бедному человеку очень трудно! Неимущему так же плохо, как и рабу!.. Вот я и хочу добычу взять боевую и с этой добычей вернуться в Пантикапей, где моим покровителем будешь ты!.. Тебе служил рабом, за тебя буду держаться и свободным!.. Так обещаешь?

Закон требовал, чтобы вольноотпущенник имел покровителя — простата — из уважаемых граждан. Чаще всего им оказывался прежний хозяин, который, как член общины, защищал интересы бывшего раба перед законом. Освобожденный раб продолжал жить на положении метека — иностранца, человека без роду и племени, не получая гражданства и полных прав, но обязуясь нести изрядный груз повинностей и налогов. Богатый метек торговал или имел мастерскую, опираясь на милость простата — защитника, не скупясь на поклоны и подарки своему благодетелю. А бедный становился

поденщиком, исполнителем самой грязной, тяжелой работы и стоял в одном ряду с черными рабами.

Асандр подумал с усмешкой и, оглядев всадника от шлема до копыт лошади, не спеша ответил:

— Не знаю, отдаст ли тебя Митридат, ты же его воин! Но если отдаст, захвачу тебя с собой на корабль и обещаю быть твоим простатом!

— Спасибо, господин, спасибо!.. Да стой ты, проклятый!

Лошадь, которую атаковали тучи слепней и мошек, замотала головой и, закусив удила, рванулась с места в галоп. Седок не мог справиться с нею. Через мгновение он исчез в пыли, мокая копьем, напоминающим мачту рыбацкого судна во время бури. Асандр рассмеялся, потом покачал головой. «Если в тяжелой коннице Митридата,— подумал он,— много таких вот плохо обученных, сырых вояк, то им не помогут ни доспехи, ни длинные копья!»

Увидев, что дорогу намеревается пересечь длиннейший караван верблюдов, привязанных один к другому, Асандр опередил его, подняв коня в галоп, и помчался туда, где полыхало нечто красочное, блестело и переливалось на солнце. Там же пыль вздымалась особенно густыми клубами. Это был царский кортеж, который выглядел издали гигантским многоцветным драконом, ползущим по раскаленной почве Анатолии.

VIII

Свобода, богатство!.. Эти два слова ослепили Гиерона, они сильнее всяких приказов толкали его вперед по опасному, неизведанному пути.

Он изменил своей обычной осторожности, готовый рискнуть головой ради достижения желанной цели — стать после войны состоятельным человеком.

Опьяненный новым положением вольноотпущенника, он с большой самоуверенностью оглядывался вокруг с высоты деревянного седла, словно желая крикнуть всем:

«Поглядите, я такой же независимый человек, как и вы!»

Да, это звучало как сказка: раб, собственность хозяина, существо бесправное, обреченное на неволю,— вдруг стал свободным!

Гиерон попал в десяток воинов, из которых двое были рабами, снаряженными хозяином взамен собственного сына. Трое именовали себя «эллинскими наемниками», но говорили на каком-то тарабарском языке и выглядели теми молодцами, для которых родная сторона — большая дорога да темная ночь. Они лихо ездили верхом, хорошо владели оружием, но, как убедился Гиерон, примкнули к войску ради даровых хлебов и возможности пограбить при случае. Остальные трое, не считая десятника Филона, были каппадокийскими крестьянами, взятыми в войско по жребию. Эти держались обособленно, говорили между собой негромко и, как видно, очень тосковали по родным местам.

Что объединяло всех — это инстинкт подчинения великому царю, смутная надежда на военную добычу и палка десятника. Последний, уже немолодой царский воин, полугрек, побывал во многих сражениях и тянул свою лямку с добросовестностью старого служаки. Он был один из тех закаленных службой воинов, которые были распределены в качестве «дядек» среди наспех набранного воинства и должны были обучать новобранцев и поддерживать в них боевой дух. И делал это старательно, не останавливаясь перед ударами палкой. Попало как-то и Гиерону за плохую чистку коня и привычку крепко спать, не слушая сигналов тревоги.

«Ничего! — подбадривал себя Гиерон, трясаясь на жестком седле, — ничего! Война не затянется, не вечно мне быть в походе!.. Надо терпеть!.. Глядишь, и я останусь целым да еще добуду кое-что и вернусь на Боспор вольным мужем, бывшим Митридатовым воином!»

Опьяненный мечтами, Гиерон готов был примириться со всеми неудобствами походной жизни. Даже со своим норовистым конем, который был высок и шаркался, когда всадник подходил к нему. При этом старался укунить или ударить копытом. Обремененный доспехами и оружием, Гиерон взбирался на седло при помощи копья. На древке копья была ременная петля, в которую он вставлял левую ногу, а правую закидывал на спину коня. Но и это было не так просто. Конь крутился на месте, доспехи мешали, а тяжелая панцирная рубашка из воловьей ссохшейся кожи, покрытая металлическими бляхами, не давала повернуться.

Сидя в седле со свободно свисающими ногами, Гие-

рон чувствовал себя большой неуклюжей куклой, которая сохраняет равновесие лишь благодаря собственной тяжести. При этом удивлялся неудобству и несовершенству защитных доспехов. Они прикрывали грудь и живот, но оставляли незащищенными бедра и голени — обстоятельство, которым успешно пользовались коварные римляне, направляя удары копий именно в эти части тела. К тому же всадник был лишен возможности разить вправо и влево, он сидел, как истукан, выставив вперед тяжелое копье. В случае уклона противника не было никакой возможности к нему повернуться.

На вопросы по этому поводу десятник косо поглядел на Гиерона и ответил:

— Умен очень!.. И простого не понимаешь. Если противник уклонился, его сразит твой сосед!.. А бедра твои защищены тоже соседом. Ибо мы сражаемся не в одиночку, а скопом, конной лавой! Ты срази того, кто против тебя, а о том, кто сбоку, не думай, его сразят другие! Слева от тебя Нихтарион, а справа каппадокиец Лайм!.. Помни свое место в бою!

На привале Гиерон отстегивал боковые завязки доспехов и, стащив панцирную рубашку, бросал ее на землю. Потом, уперев копье в землю, неуклюже съезжал с седла. Помогал товарищам развести костер. Пятерка воинов вела коней на пастьбу, используя копья как приколы. Остальные добывали воду и пищу, шли в деревни и грабили жителей. Запасов не имели. Только в малонаселенных местах получали куски мяса и муку от фуражиров, которые пригоняли скот и привозили провизию на вьюках из дальних селений.

Сначала Гиерон совсем не мог есть полусырых, горелых шашлыков и хлебных комов, испеченных пополам с золой. Но, оставшись несколько раз голодным, стал, как и другие, хватать то, что попадало под руку, и совать в рот, пачкаясь сажей и обжигая губы.

В первые дни похода люди и лошади еще не измотались, настроение было боевое. И Гиерон переживал все это как приключение, о котором интересно будет потом вспомнить. Он был молод, силен, а ощущение внезапно обретенной свободы и надежда на обогащение поддерживали его душевную бодрость.

— Вот я и воин,— в сотый раз с гордостью повторял он,— свободный человек!.. И не хуже других!

Он сочинил песенку о том, как десять богатырей пошли на войну и добыли свое счастье. Вечером у костра спел ее, побрякивая в такт удилами своего коня вместо музыки.

— Да ты, я вижу, певец и музыкант,— пробурчал Филон, усмехаясь.

— Ого, я пел перед самим Митридатом и за это получил свободу и коня!

— Молодец! Теперь покажи себя в бою!

— Покажу!.. Но где же противник?

— Будет противник, не спеши! Не зови солнце — оно само взойдет и без твоих просьб пропарит тебя своими лучами!

— Солнце меня уже пропарило. А с врагом сразиться я всегда готов, как воин великого Митридата!

— Да будет он жить вечно!.. Язык у тебя гладкий и подвижный. Владей и мечом так же, станешь героем и получишь награду!

IX

Митридат ехал на войну как на праздник. Вначале он находился в одном из крытых экипажей, в обществе любимых жен, потом его видели верхом на лихом коне впереди конницы, но больше всего он любил возглавлять гулкую громаду боевых колесниц, сейчасдвигающуюся без страшных, смертоносных серпов.

Колымаги с женами и наложницами царя стучали окованными колесами по камням, вздымая удушливую пыль. И хотя под ткаными пологами были набросаны подушки, на которых возлежали женщины, тряска и болтание неуклюжих экипажей чувствовались чем дальше, тем сильнее. Пыль и жара делали путешествие вначале неудобным, затем утомительным, а когда дороги стали совсем плохими — мучительным. Женщины задыхались, глотая пыль, обливались потом, румяна и белила на щеках расплывались, вызывая зуд кожи. Даже ручные обезьянки на золотых цепочках и пушистые кошки с бубенчиками начали страдать чем-то вроде морской болезни.

Женщины все время просили пить. Бакх, главный царский евнух, гневно кричал на рабов, которые бегали в изнеможении с кувшинами, разыскивая воду. Обнару-

жив источник, они ссорились, отталкивая один другого, спеша наполнить медные сосуды. Чаще всего здесь уже прошли войска и в водоемах оставалась лишь грязная жижа. Бывало, что вода пахла гнилью или навозом. Но в палящий зной жажда мучила всех, и привередливым быть не приходилось. Сам Митридат не брезгал хлебнуть из вонючего бурдюка, не интересуясь, какого качества его содержимое. Водоносы подбегали к царскому каравану, где проворные руки в браслетах выхватывали у них кувшины. Женщины пили с жадностью. Плохая вода вызывала боли в животе, слышались стоны и сетования, а затем и новые поспешные требования, в ответ на которые рабы подавали в колымаги емкие посудины иного назначения.

Сопутствуя царскому окружению, Асандр стал свидетелем и участником придворной жизни, которая в пути, на колесах и спинах вьючных животных, а вечерами у костров продолжала свой круговорот. На привалах около позолоченных колымаг с царскими красавицами суетились слуги и повара, скоморохи и певцы, появлялся и сам Митридат. Но караван-гарем — место запретное для посторонних, если только они не допущены самим Бакхом с целью развлечения его подопечных. Поэтому средоточие бурливой жизни находилось несколько в стороне. Там, где Митридата окружали военачальники, малые цари, сатрапы и князья племен, советники и телохранители.

На обедах-пирах среди каменистой степи или на ночлегах у рек, обрамленных кудрявыми кустами, гремела музыка. Хоры певцов распевали хвастливые песни, заглушаемые топотом танцоров и звуками бубнов и гонгов. Вино лилось в жадные рты, которые, оторвавшись от чаши, начинали извергать потоки чудовищной лести и приторно-сладкой лжи, восхваляя царя и его чудесную судьбу. Голова шла кругом от всего, что приходилось слышать и видеть.

Из походного театра появилась юная красавица, одетая как Ника, богиня победы. Она простерла к царю белоснежные руки и пела сладким голосом:

— О величайший царь и лучший мужчина в мире, возьми меня!

Это оказалось самым удачным из всех выступлений, так как царь был падок до женской красоты и никогда

не упускал случая умножить численность своих жен и наложниц.

Люди объедались и опивались, засыпали — кто в шатрах, около красивых женщин, а кто просто на земле, в одиночку, положив голову на камень вместо подушки.

Ночами вокруг царского становища можно было видеть дивное зрелище: окрестности как бы пылали в огнях бесчисленных костров. Это ночевало несметное войско.

А с восходом солнца тысячная толпа праздных придворных господ и слуг, артистов и музыкантов, вооруженных и безоружных — опять пила и ела. После чего спешила сесть верхом на коней, взобраться на спины верблюдов или найти место в экипажах, чтобы продолжать это карнавальное шествие на запад, навстречу еще более шумным празднествам крови и победы.

Царь любил показать свою силу и ловкость. Ежедневно ради этого устраивались лихие военные ристания. Митридат был силен телом, любил захватывающую скачку на боевых колесницах, тщеславно стараясь вызвать восторг зрителей. Его могучая рука крепко держала пучок красных вожжей, натянутых, как струны арфы. И полтора десятка полудиких коней никогда не выходили из-под его власти и не уносили его в сторону от намеченной цели. Он делал рискованные повороты у края обрыва, сбрасывая колесами в провал лавину камней. Ловко срезал крутящимися серпами расставленные на пути ряды соломенных чучел, увенчанных шлемами римских легионеров. Или, передав вожжи вознице, брал в руки лук и сыпал стрелами на ходу, попадая в чучела-мишени, а то и в привязанных к столбам злоумышленников, осужденных на смерть. Не оказывалось злоумышленников — к столбам тащили провинившихся рабов.

На царские выступления смотрели не только придворные и высшая знать, сопровождающая царя в походе, но и простые воины. Они восторгались ловкостью царя-воителя, выражая свои чувства восторженными криками, ударами в щиты ножами мечей и подбрасыванием шапок.

Царская рать двигалась по цветущим долинам среди гор, то выходя на каменистое плато со степной расти-

тельностью, то оказываясь среди виноградников и возделанных полей. Места встречались богатые, и войско не испытывало затруднений в снабжении продовольствием. За минувшие с последней войны восемь лет города и села обширной страны ожили, залечили тяжкие раны. Но как бы ни были велики запасы в закромах крестьян, как бы ни размножились стада быков и овец, все было немедленно и полностью истребляемо двигающимися полчищами. Скот резали, опустошали птичники, выгребали из амбаров золотое зерно. Позади блестящего воинства оставались изуродованные копытами поля, потоптанные посевы, сожженные рощи и обиженные, разоренные труженики.

— Обрато войско не пройдет,— говорили советники в окружении царя,— ему нечего будет есть!

Но Митридат только усмехался в ответ на такие замечания.

Он не собиpался поспешно возвращаться, а тем более той же дорогой. Кроме того, учтя ошибки прошлого, заготовил в разных местах царства до двух миллионов медимнов хлеба. И знал, что в случае неудачи и вынужденного отступления всегда будет иметь по пути строго охраняемые тыловые склады.

В дополнение к таким мерам и соображениям, караван кораблей с боспорским хлебом, который следовал по морю вместе с боевым флотом, поддерживал уверенность царя в том, что голод не может угрожать его войнам.

К тому же война, по убеждению Митридата, не должна быть длительной. Римский полководец Лукулл хотя и выступил против него, но оказался на диво медлительным стратегом. Видимо, он нерешителен и уже оробел перед мощью и многолюдством понтийского воинства, а после первого удара будет искать спасения в бегстве.

— Лукулл подобен муравью из басни, который хотел выпить реку! — говорили льстивые придворные.— Он упадет в море твоих воинов и утонет в нем!.. Он уже трепещет, сознавая свою неизбежную гибель!

Царь не возражал против таких высказываний, видел в них магический смысл, они привлекали гениев войны и тех добрых демонов, что служат богине победы.

И награждал льстецов и предсказателей щедрой рукой.

Решительное столкновение с войсками сенатора Марка Аврелия Котты, римского правителя Вифинии, произошло под стенами Халкедона, расположенного на азиатском берегу Боспора Фракийского. Здесь Асандр увидел всю страшную мощь царского войска и ту неразбериху, которая творилась в нем и немало его ослабляла.

Кто знает, чем окончилась бы эта битва, если бы Котта обладал большими полководческими способностями. Возможно, тогда он уклонился бы от открытой схватки со свежими, полными боевого духа войсками Митридата, предпочел бы подождать подхода Лукулла, который высадился на западном берегу Анатолии значительно южнее.

Уже немолодой правитель Вифинии считал себя забытым в этой отдаленной от Рима стране и горел желанием напомнить о себе великими делами, свершение которых заставило бы заговорить о нем по ту сторону двух морей. Ему мерещились победные лавры и триумфальное шествие по площадям Рима. Охваченный пагубной страстью к славе и величию, седобородый сенатор поспешил выйти навстречу лавине Митридатовых полчищ, чтобы успеть до подхода Лукулла сорвать золотой цветок победы.

В распоряжении Котты оказались местные, вифинские ополченцы, малоопытные в ратном деле, да еще к тому же смущенные слухами о неисчислимых ратях Митридата. Многие считали понтийского царя непобедимым. У них не было уверенности в своих силах и горделивого презрения к врагу, как у римлян. Что же касается римского гарнизона, то он был развращен карательными грабительскими походами против местных племен и обленился в обстановке безопасности и сытого безделья.

Воспылав жаждой военного счастья, Котта не колеблясь вывел войска за город и построил их по правилам римской военной науки, заранее предопределив направление главного удара и пути преследования разбитого врага.

Его помощник наварх Нуд также пережил пору молодости и тоже не отличился в прошлом военными талантами. Но с возрастом стал осторожен. Учтя явный перевес вражеских сил, он попытался отговорить Котту

от решительных действий. Однако Котта отмахнулся от его советов.

— Ты моряк,— сказал Котта с некоторым высокомерием,— и мало смыслишь в приемах и правилах сухопутного боя!.. Твое дело — обеспечить безопасность Халкедона с моря, если пиратский флот посмеет сунуться в гавань!

Узнав, что вифинские войска вышли из города, Митридат выехал вперед, желая осмотреть поле предстоящего сражения. Он сразу разгадал ошибку Котты и решил атаковать его войско с хода, не тратя времени на перестроение своих ратей.

С громоподобным гулом сокрушающим потоком ринулись вперед серпоносные колесницы, сверкая под жарким солнцем крутящимися лезвиями. Митридат сам возглавил эту великолепную в своей стремительности атаку. Неповоротливые вифинцы не ожидали столь скорого и решительного удара, они ступевались и сгрудились в излишне уплотненную массу, нарушив правильность боевого построения. Они не знали, что и как следует противопоставить этому всеуничтожающему вихрю смерти и разрушения.

Еще не достигнув передовой линии вифинских войск, лихие лучники с колесниц осыпали противника градом стрел. Сразу началась сумятица и бестолковщина, предшествующая паническому бегству. В оробевшие ряды защитников города врезались бешено скачущие кони, за которыми грохотали и подпрыгивали окованные сталью боевые колесницы. Лошади топтали людей, а страшные серпы косили их, как спелую ниву, разбрасывая вокруг куски многократно рассеченных тел. Кровавые брызги летели вверх от этой неумолимой мельницы смерти. Колесницы и кони, возницы и лучники были залиты кровью, их нельзя было узнать, когда они возвратились на место сбора.

Белоснежные скакуны Митридата потемнели, стали красно-пегими. От них шел пар, они тяжело дышали. Митридат, как бог войны, с бородой, окрашенной кровью врагов, сошел с колесницы, опьяненный победой.

Асандр был потрясен той стремительностью, с которой Митридат разделался с главной колонной вифинской рати, принудив ее правое и левое крыло к беспорядочному бегству. И хотя ему было очевидно, что рим-

ские легионеры составляли в ней меньшинство, а большая часть состояла из вифинцев и местных варваров,— увиденного им было достаточно, чтобы уверовать в непреодолимую силу и непобедимость Митридатовых полчищ.

Узрев царя, сходящего с колесницы, он преисполнился чувства восторга и благоговения. Но, подойдя ближе, вместе с толпой придворных, взгляделся в изменчивый лик Митридата и поразился его необычным выражением. Асандр уже видел царя милостивым и простым, как воин. Видел и надменно-величавым во время пира. А сейчас перед ним предстал хищник, забрызганный кровью, с волчьим взглядом и неприятно оскаленными зубами. Растрепанная борода казалась омерзительной от висевших на ней сгустков крови, а сбившийся набок золотой шлем как-то неприлично нарушал царственное благочиние. Митридат был утомлен битвой и, видимо, испытывал жажду. Он отдувался и облизывал языком сухие губы, что опять-таки покорило боспорца. Мелькнула хулительная мысль, что царь сейчас похож не на земного бога, избранника небесного Олимпа, а на сказочного андрофага, только что упившегося человеческой кровью.

— Слава великому Митридату! Слава владыке мира! — вопили в исступлении приближенные. — Слава победителю!..

Жаркие чувства, с которыми Асандр устремился было к царю, сменились чем-то напоминающим испуг. В душевном смятении он остановился и даже сделал шаг назад, лицо его вытянулось, глаза широко раскрылись. Почудилось, что этот лихой рубака не воитель, а мясник, и не стремление к власти над миром обуревают его, а единственно страсть к уничтожению, убийству! Неужели эта отталкивающая звериная маска — первообраз того, кто в глазах народов выглядит отцом-благодетелем и любимцем богов?..

Возбужденный, запыхавшийся царь принял из рук верного евнуха мех с легким, утоляющим жажду вином. Обвел вокруг испытующим взглядом. Асандру показалось, что царь заметил его замешательство и даже подозрительно прищурил глаза. Зная, как ревнив Митридат к почитанию его особы, боспорец похолодел, чувствуя, что сейчас, возможно, решается его судьба. Почва поплыла под ногами. Он с усилием превозмог себя, стрях-

нул мгновенное оцепенение. «Как поступить? Что сказать?» — лихорадочно думал он. И тут же нашелся, поспешил опередить других, упал на колени у самой колесницы и протянул вперед руки.

— Боги управляли твоими боевыми конями! — вскричал он в тон со всеми. — Они решили увенчать тебя золотым венком победы!.. О богоравный Евпатор Дионис!.. Теперь я знаю, что ты станешь владыкой мира, ибо я увидел сияние вокруг твоей головы и был ослеплен им!

Эти пылкие слова прозвучали громче всех кличей и привлекли внимание царя. Асандр рассчитывал, что они должны объяснить его поведение, оправдать заминку в момент всеобщего ликования. Но его громогласное возгласие заставило всех остановиться и умолкнуть. Асандр испугался, почувствовал себя в центре внимания. Раскаленный взор Митридата словно копьем пронзил его, и ему показалось, что царь благодаря своим колдовским способностям разгадал его истинные чувства. Он ощутил зябкую дрожь во всем теле и замер в позе молящегося, стоя на коленях с протянутыми к царю руками.

— Хварно!.. Хварно!.. — прошел горячий шепот среди приближенных, который перешел в громopodobный вопль: Хварно! Он увидел хварно!.. Это откровение богов! Ты подлинный бог, о Митридат!.. Ты окружен божественным ореолом!

Взор Митридата смягчился, лик стал менее заостренным, жесткие морщины расправились. Царь узнал того, кто был ослеплен исходящим от него особым сиянием — «хварно» — и так громко предрекал ему владычество над миром. Им оказался не искушенный придворный льстец, но боспорец, человек с далекого северного берега Понта Эвксинского. Один из тех, кто уже изменял ему в прошлом из боязни его поражения и последующего римского возмездия. И этот человек ныне уверовал в него, убедился в его мощи и преклонился перед ним!.. Пусть же все узнают об этом и сами укрепятся в своей преданности царю и вере в его сверхъестественные качества.

— Боги внемлют! — сказал царь, отрываясь от меха и переводя дух.

Его слова прозвучали с подчеркнутой простотой, даже скромностью. Однако каждый понимал, что это

простота необычная, она проявление истинной божественности, а скромность — выражение уверенности в данной богами неограниченной власти.

Асандру подумалось, что царь опять становится самим собою, таким, какого он встретил там, на холме, — обаятельным и милостивым. Эта мысль принесла ему душевное облегчение. Он вздохнул, ощутив под коленями твердую почву.

— Боги внимлют, — продолжал царь, как бы в раздумье. — А слова и видение этого человека внушены ему богами же! Так воспримем их как откровение!.. Ты прав, Асандр, мы победим, ибо настало время взыскать с Рима за все преступления, которые он совершил!

И наградил боспорца по-царски, как награждают лишь варварские восточные цари, не знающие меры ни в жестокости, ни в поощрении. Асандр после этого случая неожиданно оказался владельцем дорогих украшений и одежд, золотых монет и серебряных кубков, чеканенного оружия и немалой толпы смуглых южных рабов и рабынь, которые несли все эти дары. Митридат пожаловал его званием тысячника тяжелой конницы и пожизненной должностью советника своего сына Махара.

— Тому, кто верно служит делу моему, — почет и богатство! — заключил царь.

И приказал выдать всем боспорским морякам, доставившим хлеб из Пантикапея, по пригоршне серебряных монет и по красной хламиде.

XI

Царская конница к началу атаки колесниц вышла вправо для удара по левому крылу противника. Она развернулась широким полукругом и двигалась крупной рысью, наполовину скрытая зарослями колючих трав и кустарников.

Гиерон находился в первом ряду. По общему сигналу он склонил копье вперед и крепко зажал его под мышкой. Атаку колесниц, устремленную в гущу вражеского войска, он увидел издали и не мог ничего разобрать, кроме облака пыли да мерцания доспехов и страшных серпов. Левое крыло вифинцев потеряло свою стройность и шарахнулось в сторону, из чего можно было заключить, что первый удар решил исход битвы.

Но это было не совсем так. Отряды римлян образовали ядро, вокруг которого сплотились вифинские воины, остановленные военачальниками и усилиями самого Котты, появившегося верхом на коне. Началось перестроевание, защитники города становились в сплоченные ряды, готовясь к сопротивлению.

Начальник Митридатовой конницы сообразил, что настало и его время. Нужно было не дать противнику восстановить пешую фалангу, которая смогла бы не только отразить натиск конной лавы, но и перейти в наступление. Он поднял руку и дал сигнал к атаке.

Затрубили рога, закричали истошно десятники и сотники. Старшой, находившийся рядом с Гиероном, круто повернул голову, выпучил налитые кровью глаза и, широко раскрыв рот, обросший колючей щетиной, хрипло возгласил:

— Ну, сынки, теперь покажем, крепка ли наша рука и быстры ли наши кони! Вперед!!

Грохот копыт повис в жарком воздухе, пыль затмила солнце, земля дрогнула, словно сотрясенная горным обвалом. Всадники с гиком устремились вперед. Сухие стебли трав хлестали по ногам, знойный ветер полыхнул навстречу. Панцирная конница Митридата сокрушающей лавиной пошла в атаку. Враги не успели перестроиться, но, видя, что бегство бесполезно, сами собою становились плечом к плечу и направляли копья навстречу яростной волне башнеподобных всадников. Это было мужество отчаяния, оно не могло остановить атакующих. Тяжелая конница в боевом единодушии не остановилась бы даже перед лучшими легионами Рима. С устрашающими воплями мчались азиатские всадники, пригнувшись к гривам коней, устремив вперед отточенные копья.

Гиерон различал впереди лишь неясные серые тени, застилаемые клубами пыли. Над головой пропела стрела, по шлему скользнул брошенный из пращи камень. Почувствовав мгновенную оглушенность, он крепче сжал обеими руками древко копья, держа его как рогатину. Чуть не вылетел из седла, когда копье ударилось в панцирь бегущего воина. Сраженный враг упал под копыта коня. Битва происходила в какой-то суматохе, пыль затянула все вокруг серой мглой, различить фигуры отдельных вражеских бойцов стало невозможно.

Но вот вновь загремели рога. Всадники стали натягивать поводья, поворачивать назад и съезжаться туда, где маячило пестрое знамя, изображение дракона. Оно то надувалось от порывов ветра, то опадало. Это был обычай, заимствованный у парфян, — возить впереди конного войска летучего змея, сшитого из разноцветных лоскутов. Позже его переняли и римляне, а спустя века эти тряпичные драконы дали имя кавалерийским войскам — драгуны.

Сигнал сбора означал, что преследования врага не будет, дабы не приближаться к стенам города и не попасть под обстрел его камнеметов.

— Все целы? — окликнул десятник Филон. — Коня не посечены, не захромали?

Заметив, что конец копья Гиерона окровавлен, он усмехнулся одобрительно и проворчал:

— Добро, добро! Неплохое начало! Ты, певец и скорморох, станешь хорошим воином, если сохранишь голову!

Воины спрыгивали с седел и, передав поводья товарищам, неуклюже бежали к трупам врагов, спеша обыскать и ограбить их в пользу своего десятка. Нередко ссорились с воинами других десятков, даже хватались за мечи.

Филон оставил Гиерона при себе, сказав, что его доля не пропадет. Пусть поработают те, кто вернулся на сборный пункт с сухим копьем.

После дележа добычи Гиерону досталось не много — серебряная монета и коралловые бусы, очень яркие, тоже, по-видимому, снятые вражеским воином с чьего-то трупа.

«Так мало? — подумал Гиерон с удивлением. — Это за смертный бой — бусы и серебряная денюга?.. Много придется воевать, чтобы стать богатым!»

Невольно вспомнился царский пир, на котором Митридат раздавал золото горстями, только не тем, кто прибыл с поля боя, а льстецам, что славословили его и сумели попасть ему на глаза в удачный час!

Сбор оружия, ловля вражеских коней продолжались. Но это уже была особая добыча — она принадлежала большим военачальникам и самому царю.

XII

Марк Аврелий Котта под прикрытием римских легионеров поспешил укрыться за стенами Халкедона. Он был потрясен молниеносным натиском Митридатовых

ратей, терзался сознанием совершенной ошибки, которую ему едва ли простят там, в Риме.

То, что произошло далее, лишь усугубило его безвыходное положение.

Медноносые корабли Митридата атаковали Халкедон с моря. Они дружно ворвались в гавань, разорвав заграждение из бронзовых цепей. В гавани произошло неслыханное избиение защитников города. Пираты с воем и визгом перепрыгивали со своих быстроходных судов на халкедонские корабли, залили их палубы кровью, завалили трупами вифинских моряков. Много полегло и римских легионеров. Пал, сражаясь, соратник Котты сенатор Маллий.

Под стенами города и в водах гавани нашли скорую смерть более четырех тысяч защитников Халкедона. Четыре лучших корабля пылали, охваченные пожаром. А шестьдесят малых судов оказались во власти ревущих и торжествующих пиратов, соратников Митридата. Понтийский флот возглавлял сын царя, воинственный и мужественный Фарнак, отныне получивший всеобщее признание как способный военачальник. Ему помогал опытный моряк и воевода Исидор, способный сдерживать порывы запальчивого царевича и подсказать, как нужно действовать в решающий час.

Митридат был упоен успехом. Его восхитили горы вражеских трупов, в то время как понтийские потери были невелики. В сухопутном сражении погибло что-то около полутысячи человек. А при штурме гавани героически пало двадцать бастарнов, этих неистовых в битве витязей, сынов воинственного племени. Получил тяжелое ранение Луций Фанний, легат и соратник Мария Одноглазого. Это были первые издержки на пути к великой победе над Римом, предсказанной Митридату оракулами и жрецами всех богов.

Отрезанный с суши и моря, охваченный кольцом понтийских войск, Халкедон закрыл все ворота и готовился к отражению вражеского приступа. Сенатор Котта успевал всюду, он выглядел сошедшим с облаков быстроногим Меркурием, к ногам которого прикреплены крылья. Его видели на стенах города вооруженным, но без шлема, ветер развеивал его седые кудри. Он обратился к греческой общине города с призывом обнажить мечи против варваров. Котта не пал духом, как это про-

изошло с навархом Нудом. Тот после потери гавани почувствовал слабость и утратил способность руководить войсками. Беспомощного наварха под руки увели в безопасное место, где он и пребывал, обливаясь старческими слезами.

Оставшись без таких помощников, как Нуд и сенатор Маллий, Котта один руководил подготовкой к обороне. Кричал до хрипоты, призывая всех мужчин города, способных держать в руках оружие, выйти на стены для встречи врага. Правитель надеялся, что успешной обороной города он хоть частично загладит свою вину. И готов был сам принять смерть в неравной борьбе. Он спешил, понимая, что, если Митридат не замешкается и начнет штурм, городу не устоять. Сейчас можно было рассчитывать лишь на неповоротливость варваров, которые охотнее предаются грабежам и победному ликованию, нежели воинским трудам, особенно когда нужно взбираться на каменные стены под градом стрел и камней.

— Поспешим, поспешим, братья и граждане! — взывал он. — Если мы продержимся хоть недолго, мы спасены!.. С юга двигаются непобедимые легионы Лукулла, они разгромят нестройные рати Митридата!.. Лукулл выручит нас!

В это время в лагере Митридата раздавались победные крики, царя окружили толпы придворных, военных и невоенных, певцы, декламаторы и полуголые танцовщицы. Эти люди взирали на битву издали и теперь охрипли от приветственных кличей, обращенных к царю-победителю. Прямо на земле расстилали ковры и скатерти, тащили амфоры с вином и угощения. Для царя соорудили возвышенное место из трофейных седел и доспехов, покрыли его мягкими кошмами и дорогими коврами. Митридат взошел на этот пьедестал и со снисходительной усмешкой обвел взором бушующее море людей, освещенное косыми лучами вечернего светила. Сама собою началась чудовищная вакханалия, безудержное расточительство запасов вина и продовольствия из царских обозов.

«Боги мои, что творится?» — с почти суеверным чувством спрашивал себя Асандр, увлекаемый круговоротом мятущихся в танце людей. Он сразу оглох от грохота бубнов, дребезжания струн, хохота, пения и выкриков, исполненных ликования. На какой-то миг в поле его

зрения оказался странный человек, который изо всех сил пытался пробиться к царскому месту. Он взмахивал костлявыми руками, как утопающий, захваченный водоворотом, и показывал крючковатым пальцем на стены Халкедона. По старушечьему лицу и черной повязке на одном глазу Асандр узнал Мария Одноглазого. Ему показалось, что старик хочет сообщить царю что-то важное, предупредить о возможной опасности. И даже вознамерился помочь сенатору пробиться сквозь толпу. Но в следующий миг тот был подхвачен человеческим потоком и исчез.

Неистовое варварское празднование продолжалось всю ночь. При свете костров и смоляных факелов оно выглядело призрачно, как горячечный сон. Это странное всеобщее возбуждение превратилось под влиянием винных паров в подобие массового помешательства. Распаленные дневным жаром и одурманенные вином головы утратили способность мышления, как это было видно по искаженным лицам и судорожным телодвижениям, напоминающим уже не танец, а скачку бесноватых.

Более сдержанно вели себя ближайшие сподвижники царя, они стояли с чашами в руках вокруг возвышения, на котором восседал Митридат.

— Завтра мы ворвемся в город, овладеем его твердынями! — заявил царь, уже изрядно хмельной как от крепкого вина, так и от горделивого сознания одержанной победы.

Его шумно поддержали. Стратеги говорили, что в Халкедоне нет хлебных запасов, а его защитники немногочисленны и утратили боевой дух. Халкедонцы сами принесут покорность великому царю, дабы предотвратить разрушение города и сохранить свою жизнь!

Но с восходом солнца все увидели, что на стенах города стоят плотные толпы вооруженных людей с копьями и щитами. В утреннем воздухе синими струями взвивался дым от жарких костров, разожженных под котлами со смолой, «горячим завтраком для Митридата», как со смехом говорили халкедонцы, воодушевленные надеждой на близкую помощь Лукулла. Котта времени не терял. За ночь он подготовил город к обороне и решил держаться до подхода римских легионеров.

Митридат выехал из лагеря на белом жеребце, сопровождаемый всеми воеводами. Кавалькада медленно про-

следовала вдоль стен города на расстоянии, недостижимом для смертоносных стрел врага. Царь спешил выбрать главное направление приступа, которым намеревался в течение дня решить судьбу Халкедона.

Противником такого намерения оказался Марий Одноглазый, уже получивший сведения от перебежчиков, что Котта после первого ратного неуспеха проявил небывалую предприимчивость в подготовке города к осаде и уже направил гонцов в Кизик с призывом о помощи.

Марий, этот желчный, сухой человек, держался обособленно от приближенных царя и не стеснялся высказывать независимые суждения. На частых пирах сидел трезвым, не дотрагиваясь до вина и пищи. С презрением и брезгливостью смотрел на пирующих одиноким глазом и, казалось, ненавидел всю эту ораву бездельников, царских прихлебателей, видя, как они используют тщеславие Митридата, равнодушного к льстивым речам.

Сейчас, сидя в седле, он резонно и прямо заявил царю, что вчера Халкедон был подобен больному человеку, не способному к решительному сопротивлению. Город был потрясен, надломлен. А сегодня он выздоровел, набрался сил, надел боевые доспехи и крепко держит в руках оружие. И то, что накануне могло быть свершенным до заката солнца, теперь потребует долгих дней утомительной осады. Задерживать здесь все неисчислимы рати было бы безумием. Ибо город продержится долго, а царские войска через три дня начнут голодать, так как продовольствие кончается!.. Подвоз затруднен, войска оказались очень далеко от запасных складов, отделенные от них разоренной походом страной.

— Что же ты советуешь мне? — спросил Митридат надменно.

— Я не советую, а требую, как верховный стратег, назначенный сюда не для веселых пиров, а для завоевания Анатолии и подчинения ее истинному повелителю Рима — Серторию! Требования мои таковы: оставить под стенами Халкедона малую часть войск, остальные рати повернуть к югу и двигаться во Фригию, где места богатые, неразоренные. Там мы найдем питание для воинов!

— Ты хочешь рыскать по стране в поисках сытных постоев? Мы начали великую войну, а не поездку в гости! — повысил голос царь.

— Не в гости и я зову тебя! — ответил Марий, причем молниеносным взглядом своего одинокого глаза заставил умолкнуть царских подпевал, едва они раскрыли рты, спеша подхватить слова царя. — Я зову тебя на бой с главным врагом — Лукуллом! Он двигается с юга и намерен отрезать нам пути в богатые места!

— Пусть двигается, мы встретим его! — ответил Митридат спесиво, под одобрительные возгласы всей свиты.

— Не тот полководец побеждает, который ждет врага сидя на месте, а тот, который его ищет и находит! Пока наши воины сыты и полны сил, надо искать боя!.. Но при этом важно иметь за спиною не опустошенную страну, а богатые села и города!

Марий сумел настоять на своем. Митридат после раздумья решил уступить, не желая ссориться с полноправным представителем Сертория, с которым они заранее поделили Анатолию. Сейчас царь действовал на землях, которые по уговору должны были отойти под власть будущего римского диктатора. Правда, у Митридата были на сей счет особые тайные замыслы, но сейчас еще не настало время для их осуществления. Война только началась, и Митридат вынужден был считаться с Марием Одноглазым, даже в какой-то мере подчиняться его решениям.

XIII

Халкедон был оставлен на попечение малых воевод, а неисчислимы полчища, послушные воле властелина, устремились на юг, в направлении Фригии, местности многолюдной и богатой.

По пути были получены известия, что у Лукулла всего тридцать тысяч легионеров. Малочисленность вражеских войск изумила всех и стала мишенью бесчисленных острот и насмешек.

Но римский стратег не проявил смущения или признаков страха. Узнав о приближении Митридата, он построил лагерь на равнине и, не теряя времени, стал занимать перевалы через горы, перекрывая единственный путь, ведущий в область, богатую хлебом и тучными стадами.

Марий Одноглазый, Таксил, Менофан и другие стратеги настаивали на немедленном сражении с Лукуллом,

чтобы захватить перевал, пока римляне не укрепились на нем.

Увлекающийся, пылкий Митридат не внял голосу здравого смысла. Рассудочные доказательства военачальников всегда казались ему слишком приземленными, будничными. Они связывали крылья его воображения, ограничивали свободу его решений, являлись попыткой подчинить его каким-то внешним обстоятельствам. Тогда как он горел одной страстью — диктовать всем свою волю. Мгновенные побуждения повелителя, его царственные желания — вот главные и определяющие обстоятельства, сообразоваться с которыми должны все!

Сейчас царь воззрелся на древний, сказочно богатый город Кизик на южном берегу Пропонтиды. Считалось, что город располагает сокровищами, которые могли бы обогатить даже Креза.

Выйдя из походного шатра, Митридат обвел взором зубчатые стены города и направил послов с предложением городу покориться без боя.

Архонты города устроили совет, принесли в жертву покровительнице Кизика Персефоне черную корову и после жертвенных гаданий ответили царю-завоевателю: «Пока город не покинули его боги, а прекрасная богиня Персефона покровительствует его жителям, — Кизик будет свободен».

Уязвленный Митридат решил начать штурм города незамедлительно, не тратя времени на подготовку. Он воспылал желанием сбить гордыню кизикийцев и заодно наказать их за поддержку, которую они ныне оказывали осажденному Халкедону.

— Падет Кизик — падет и Халкедон! — изрек царь на совете стратегов. К его досаде, противником штурма оказался все тот же Марий Одноглазый.

— Великий царь, — заявил сенатор, — Кизик не уйдет от нас! Он сам сложит оружие, как только ты разобьешь легионы Лукулла!.. Но если ты обратишь острие меча против Кизика, Лукулл будет иметь время на постройку укрепленного лагеря на перевале! И мы потеряем доступ в богатую Фригию!

Мнения разделились. Придворные вельможи-советники в стремлении угодить царю поддерживали его намерение осадить Кизик. Стратеги, включая Таксила

и Менофана, хотя и осторожно, но соглашались с неистовым одноглазым римлянином.

— Обратившись к городу лицом, ты подставишь спину под удар Лукулла! — говорили они царю, склоняя головы.

Возможно, царь и согласился бы с мнением военачальников, всем была известна изменчивость его настроений. Но неожиданно вмешался Луций Магий. Он с вкрадчивой усмешкой отвесил поклон в сторону царя и, окинув глазами советников и стратегов, произнес многозначительно:

— Тем, кто боится Лукулла, я напомним сказку о том, как лиса хотела откусить хвост льву! Чем кончила лиса?

— Попала льву на зубы! — весело подхватили царские подголоски.

— Верно! — продолжал Луций. — То же будет и с Лукуллом! Великий царь, как всегда, мудр и видит дальше нашего!.. Осаду Кизика подсказали ему боги!

Марий с удивлением направил на говорившего свой единственный глаз. Он был озадачен и раздосадован. Луций Магий и раньше любил подчеркнуть независимость своих мнений, стараясь показать свое превосходство над Марием в делах государственных, но не вмешивался в решения чисто военные. Его высказывания перед Митридатом всегда носили осторожный и несколько туманный характер. Тем удивительнее было, что он вдруг столь решительно примкнул к тем, кто поддерживал замысел Митридата, противопоставив себя и Марию и стратегам. «Выступает против меня! Хочет выслужиться у варвара и получить в награду горсть золота!» — подумал Марий раздраженно.

В этот час ни Марий, ни другие не знали, что в одну из минувших ночей Луций Магий принял тайного посланца от Лукулла и передал ему письмо, в котором торжественно клялся служить Риму до последнего дыхания. И умолял о помиловании после полного разгрома Митридата и Сертория. Он и ранее колебался, на чью сторону стать, но был увлечен личностью римского бунтаря, и было время, когда верил в его окончательное торжество. Но ошибки Сертория, устойчивость «вечного города», долгие размышления о грядущем охладили мятежные страсти Луция. А его впечатления от нестрой-

ных полчищ Митридата и той опрометчивости, с которой понтийский царь принимал боевые решения, окончательно убедили его в том, что у понтийского гиганта глиняные ноги, которые рассыплются от первого сильного удара.

Луций Магий разуверился в действенности антиримского союза, впереди ему мерещилось страшное поражение, в огне которого сгорит и он сам, как ночной мотылек, угодивший в пламень костра. И поспешил установить тайную связь с Лукуллом, заверить его в готовности до конца служить Риму и любой ценой искупить свою ошибку. Сейчас он действовал по указанию Лукулла.

Митридату замечание Луция Магия показалось удачным, он милостиво кивнул головой. Согласие римлянина с его решением утверждало его в правильности намеренных действий. Видно, не одному ему легионы Лукулла представляются горстью безумцев, которые, пытаясь преградить путь великому войску, заранее обрекли себя на уничтожение.

— Смеху подобно, что Лукулл, этот медлительный и трусливый полководец, думает препятствовать мне! — оживился царь, презрительно усмехаясь. — Вы говорите, что он сейчас карабкается на горные кручи, с целью закрыть проход во Фригию?.. Нет, он ищет надежного укрытия от стрел и мечей моих воинов!.. После того, как падет Кизик, воздадим и Лукуллу!

— А может, Лукулл решил бежать на небо и торопится подняться ближе к облакам? Там ведь безопаснее! — наперебой острили приближенные, зная, что Митридат ценит крылатые шутки и не скупится на их оплату.

Но Марий Одноглазый, несмотря на тщедушную внешность, обладал железной настойчивостью. Еще раз он убедился как в варварской надменности Митридата, так и в первобытной простоте его души. Подобно младенцу, царь хватался за блестящие безделушки, какими являлись лживые речи его подручных, а ценные советы опытных стратегов отвергал. Сенатор переждал, когда льстецы утихнут, и снова обратился к Митридату:

— Лукулл будет рад затяжке, ибо знает, что через три дня наши воины начнут жевать ремни своих доспехов! А он, воспользовавшись нашей медлительностью, соорудит неприступные лагеря и не пустит нас в хлеб-

ные места! Пока этого не случилось, нужно напасть на римлян и сбросить их с перевала! А потом преследовать до полного разгрома!.. И послать во Фригию фуражиров для заготовки зерна и скота!

Митридат, после уступки Марию под Халкедоном, теперь хотел настоять на своем. И не потому, что не мог понять доводов Мария и других стратегов, но его мучило самолюбивое стремление все делать по-своему. Как это так, он всемогущий царь, а идет на поводу у воевод!.. Получается, что войну ведет не он, а какой-то Марий или Таксил! Нет, уступить — значит упасть в глазах всего войска, унижить имя непогрешимого, мудрейшего Митридата!

— Будем штурмовать Кизик! — решительно сказал он, стукнув кулаком по дорожному раскладному столу.— Идите, действуйте!

XIV

Марий Одноглазый при всем его презрении к шумной, многоплеменной орде, возглавленной не всегда дальновидным, запальчивым царем, был честен и искренне желал Митридату победы.

Он знал, что эта победа была бы решающей. Она положила бы путь к власти его господину и другу Серторию, ожидающему в Испании его донесений. Он разгадал причину медлительности Лукулла, который прекрасно знал и учитывал слабые стороны Митридатových ратей. Понтийские воины уже съели все припасы, ограбили жителей окрестных селений и стояли на грани голода. Для Лукулла решение Митридата начать осаду Кизика явилось находкой. Царь сам шел навстречу грядущим неудачам.

Встретившись с Луцием Магием наедине, Марий корил его за легкомыслие, обвинял в желании выслужиться перед Митридатов:

— Как мог ты стать подпевалой царской прихоти?.. Ты же видишь, что Митридат поддался соблазну легкой победы! Он хочет разграбить сокровищницу Кизика, раздать голодным воинам по пригоршне золотых и этим поднять их боевой дух! Но он ошибается, полагая, что его осадные машины с одного удара разрушат стены города! Ведь Халкедон и тот стоит доселе, а Кизик будет

покрепче и стены его потолка! И ты, поддерживая царский замысел, рискуешь головой в случае неудачи!

Отмахнувшись от сбивчивых объяснений советника, старик поспешил в расположение своего отряда, который состоял из рослых иберийцев, уроженцев далекой Испании, вооруженных по-римски. Приказал готовиться к бою.

С малыми силами, но полный решимости настоять на своем, старый сенатор выступил из лагеря, послав к Митридату нарочного с уведомлением:

«Иду на Лукулла!»

— Он с ума сошел! — изумился Митридат, озадаченный такой решительностью.

Однако задумался. Позвал Таксила и Менофана, с важностью посмотрел на них и огладил бороду.

— Штурм Кизика не отменяю, — сказал он сурово. — Осадные машины готовить!.. Но малым ратям пехоты и конницы повелеваю выступить вслед за Марием и поддержать его ради сохранения нашего союза с Серторием!.. Поможем Марию разгромить Лукулла, а потом разом ударим на Кизик!

— Ты мудр, как всегда, великий государь! — обрадовались стратеги, понимая, что Митридат вновь уступил Марию, но хочет выдержать характер, создать впечатление, что в его намерениях ничего не изменилось.

С душевным подъемом стратеги появились перед войском и объявили волю царя.

Под звуки сигнальных труб войско зашевелилось, пехота на ходу облачалась в доспехи, конники вели коней с пастбищ и поспешно седлали.

Марий двигался к лагерю Лукулла и был уже далеко, когда ему доложили, что позади поднялась страшная пыль, которая застлала половину неба.

Сенатор оглянулся, и его единственный глаз сверкнул торжествующе.

— Что это? — с усмешкой спросил он своих военачальников, указывая назад крючковатым пальцем.

— Может быть, степной вихрь? — предположили они.

— Нет, это боги просветили Митридату! Он движется вслед за нами против Лукулла!

Небывалая суэта происходила в это время в стане римлян. Лукулл уже получил тайное известие от Луция

Магия о том, что Митридат твердо решил штурмовать Кизик и отказался от немедленного нападения на римский лагерь.

И вдруг вся равнина к северу от горной гряды оказалась занятой войсками, спешно продвигающимися в сторону римского расположения.

Оживление в римском лагере было замечено понтийскими разведчиками и было расценено как начало паники. Узнал об этом и Митридат, приближенные которого хором предрекали царю новую победу, а Лукуллу бесславный конец. Однако царь своим неучастием в набеге на лагерь врага как бы подчеркивал малозначительность этого предприятия. Он полагал, что Лукулл не примет вызова, не имея достаточно войск для решающей битвы. Постарается отсидеться в хорошо укрепленном лагере, а может, отступит в горы. В том и другом случае Лукулл измотает войско Мария, и тот принужден будет вернуться ни с чем. Ну, а если римляне разгадают, что перед ними малая часть понтийских войск, и примут бой?.. Тогда Митридат сам выступит в поддержку Мария и десятикратным численным превосходством своих ратей обеспечит и закрепит победу.

Между тем отряд Мария, усиленный царской пехотой, конницей и боевыми колесницами, приблизился к расположению римлян и стал разворачиваться для боя. Предполагаемого бегства Лукулла в горы не произошло. Римляне вышли из лагеря стройными колоннами и без излишней торопливости, но и не теряя времени, начали занимать открытую местность против разномастных рядов противника.

Гиерон оказался на левом крыле, состоящем из конницы, которая должна была нанести врагу боковой удар. Но не сразу, а после того, как смертоносные колесницы ворвутся в гущу римских когорт и расплещут их, как нога скачущей лошади расплескивает лужу на дороге.

Всадники рядом с Гиероном хохотали, глядя на малочисленного врага. Пускали остроты и высказывали сожаления, что поживиться опять будет нечем, ибо от Лукуллова войска останутся лишь грязь да окровавленные тряпки.

Гиерон был развитее и острее большинства сотоварищей. Как зачарованный смотрел он на дружное развер-

тивание римских ратей, изумленный их единодушием и слаженностью. Казалось, не тридцать тысяч Лукулловых легионеров двигаются по равнине, но шевелится и изгибается сказочный дракон, сверкая на солнце чешуей щитов и шлемов, угрожающе выставляя вперед щетину копий.

Вот и вражеская конница. Сильные, широкогрудые кони и ловкие всадники, похожие один на другого, как близнецы. Все в начищенных шлемах, позолоченных кирасах, с копьями, правда, не такими длинными, как у понтийцев. Вот они враз поднимают коней в галоп, приближаются стройными рядами и мгновенно останавливаются, достигнув исходного рубежа. Их кони, кажется, тоже думают и сознают важность единения и сплоченности.

— Ну, Гиерон,— послышался сдавленный голос уса- того Филона,— это тебе не виффинское ополчение под Халкедоном, где ты впервые окунул копье в кровь врага!.. Здесь придется поработать! Эй, сынки, довольно зубы скалить, прочтем молитву богам и сплотимся в единую силу, чтобы никакие римляне не разъединили нас! Запомните: пока мы вместе — мы непобедимы!

Что-то грозное прозвучало в этом предупреждении. Воины стали оглядываться и осматривать товарищей, словно желая спросить их: «Вы не кинетесь в стороны, не оставите меня одного среди вражеских мечей и копий?»

И уже не смеялись, взирая на блестящую стену римского войска, продолжающего без шума и суеты готовиться к бою, видимо, уверенного в своих силах.

— Римляне будут драться насмерть! — переговаривались понтийцы, крепче сжимая в руках древки копий.

XV

Однако сражение не состоялось.

В решающий миг, когда обе стороны изготавились к схватке и сигнальщики уже подняли трубы, готовясь дать сигнал к началу боя, произошло событие, также запечатленное пером историка того времени.

Странное беспокойство вступило в грудь Гиерона, ему показалось, что он задыхается под невидимой тяжестью, вдруг опустившейся ему на плечи. «Что это такое? — спросил он себя.— Неужели предчувствие близкой смер-

ти?» Оглянувшись, заметил, что тревога охватила и его соратников. Они тоже испытывали небывалое душевное томление, как перед страшной грозой, когда воздух становится тяжелым, движение ветра прекращается, солнце меркнет в черных, зловещих тучах. Еще мгновение — и сверкнет первая молния, грянет гром и ураган поднимет ввысь столбы крутящейся пыли.

И... молния действительно сверкнула, ослепительная, сине-зеленая, страшная!.. Тысячи людей вскинули головы и зажмурились, ослепленные. Они увидели то, что заставило их забыть о предстоящем сражении. Небесный огонь вдруг вспорол непорочную голубизну неба, напоминая собою огненный меч или гигантскую раскаленную стрелу, готовую вонзиться в земную твердь и повергнуть недружных обитателей ее в хаос чудовищного пожара.

С быстротой, немыслимой для смертных, огненное острие приближалось к земле. Теперь все увидели, что это было расплавленное сияющее тело, которое «по виду более походило на бочку, а по цвету — на расплавленное серебро». Смотреть на него прямо никто не мог, оно обжигало глаза. Казалось, кусок солнца оторвался и падал с высоты небес. Он сыпал искрами и тянул за собою огненно-дымный хвост.

Перед взорами ошеломленного воинства страшный небесный пламень вдруг пыхнул, не долетев до земли, и рассыпался на тысячу ярчайших звезд с оглушительным грохотом. Потом все погасло, оставляя на небе лишь фиолетовую, быстро блекнущую полосу.

Пораженные небесным знамением, не зная, что оно означает, воины той и другой стороны, после минуты молчания, словно очнулись, зашевелились, зашумели, убежденные, что боги гневаются и не случайно начали метать огненные стрелы.

Сигнальщики опустили свои трубы, военачальники стояли растерянные, не решаясь что-либо предпринять, пехота смешала ряды, всадники подняли по-походному тяжелые ратища. Послышались громкие голоса, утверждающие, что боги воспротивились намерению смертных начать сражение и разъединили противников небесным огнем. А раз так, то надо покориться, ибо, когда говорят и действуют боги, люди должны молчать и повиноваться.

Митридат с царедворцами выехал заранее на высокий холм, намереваясь издали наблюдать за разворачиванием своих и вражеских ратей. Низвержение на землю небесного огня заставило его схватиться за сердце от внезапного испуга, который он попытался подавить, но безуспешно. Приближенные окаменели от ужаса, потрясенные величием и грозным видом небесного явления.

— Что это, что это?.. — шептали побелевшие губы тех, кто только что взирал на поле предстоящего сражения, прищурившись, с глубокомысленным выражением на лице.

— Что означает этот пламень? — обратился взволнованный Митридат к жрецу Гермей. Но тот стоял раскрыв рот и не более других понимал, что произошло.

— Что означает?.. — переспросил растерянно жрец вместо ответа. Встретившись глазами с обеспокоенным взором царя, он постарался овладеть собою, поспешно соображая, как и что ему следует сказать.

— Боги! — изрек он вещим голосом, поняв руку к небу, и замолк, словно прислушиваясь. — Боги!..

— Я понимаю, что всюду боги, — заворчал Митридат недовольно, — но что говорят нам боги этим небесным огнем? Что предрекают?

— Боги... — Гермей продолжал лихорадочно соображать, наконец нашелся: — Боги не одобряют этого боя с Лукуллом! Ибо они уже внушили тебе благую мысль — сначала покорить Кизик! Но дурные советники и горячие головы настояли на своем! Марий, вопреки воле богов, решил выйти на бой с Лукуллом, и вот разгневанный Зевс послал свою стрелу, чтобы разъединить войска!

Все, кто стоял на холме, слышали эти слова, сказанные жрецом по мгновенному наитию. Но лица прояснели, взоры потеплели и обратились в сторону Митридата. Тот сосредоточенно уставился глазами в лицо Гермей и, казалось, пытался проникнуть в суть его толкования.

— Истинно, — вздохнул царь с неожиданным облегчением, — истинно!

— Гермей разгадал смысл Зевса! Он достойный служитель богов, он обладает даром прорицания! — заговорили придворные, видя, насколько удачным оказалось его разъяснение.

— Истинно! — грянули все хором, поймав на лице Митридата удовлетворенную улыбку. Царь выпрямился,

обвел всех орлиным взором, расправил грудь и вновь почувствовал себя тем великим и непогрешимым владыкой, мысли и решения которого неоспоримы, единственно правильны, да еще и освящены самим Зевсом через откровение. Самолюбие, уязвленное строптивостью Мария, было удовлетворено.

— Погляди, погляди, великий царь! — воскликнули около. — Римляне начали отходить в лагерь! Они признали превосходство твоего оружия и поняли, что страшный огонь угрожает им, а не тебе!

— Да, да! — подхватили все. — Небесный огонь предупреждает римлян, угрожает им, он напугал их!

Митридат, а за ним вся свита подняли руки вверх, обращаясь к богам.

Но не только римляне начали покидать поле несостоявшегося сражения. Понтийские войска также смешались в шумную толпу и самовольно отхлынули назад в наивном убеждении, что следуют указаниям богов.

— Моя воля совпала с волею небес! — потрянул головой Митридат. — Нужно погодить с решительным ударом против римлян... Завтра — на Кизик!

Вечером был собран совет стратегов для обсуждения плана осады города.

Луций Магий, ныне вошедший в большую милость, находился справа от Митридата. Он был оживлен, его лысина блестела от пота при свете глиняных светильников, развешанных под сводами большого шатра. Когда Митридат объявил о завтрашнем приступе на твердыни города, он восхищенно закрыл глаза, потом протянул руки к царю.

— О государь! — проникновенно заговорил он. — Сверши то, что предначертано богами, ибо все приметы и откровения свыше гласят об этом! И великий Серторий, будь он сейчас здесь, одобрил бы твой план! Так направь же свои рати против Кизика, проломи его ворота, захвати его гавань! Через эту гавань ты получишь египетскую пшеницу и фессалийскую баранину для пропитания войск!

Луций хотел еще что-то сказать, видя, как милостиво внимлет его словам понтийский царь. Но его прервал скрипучий голос у самого входа в шатер. Все повернули головы и увидели Мария Одноглазого, который, задыхаясь от гнева, старался протолкаться ближе к царскому месту.

— Великий Митридат! — вскричал он. — Я не знаю, что предрекли тебе жрецы и как они истолковали падение небесного огня!.. Едва ли боги так жестоки, чтобы толкнуть тебя на Кизик, когда сзади стоит вражеский лагерь, а горный перевал в руках Лукулла! Твоему войску угрожает голод, ибо подвоза нет! Луций говорит, что ты получишь хлеб и мясо из-за моря! Подумай, когда это будет!.. Нужны долгие месяцы, пока купцы или пираты привезут провиант на кораблях! А войско что будет есть — камни?.. Ведь в Кизике ты хлеба не найдешь!.. Не слушай Луция, он человек не ратный и мало смыслит в снабжении войск!.. А ты, Луций, не сошел с ума?.. Ведь войско уже начинает голодать!.. Сейчас один путь ведет к победе — это разгром Лукулла и захват горных дорог!

Все зашумели. Трудно было сказать, что означает этот шум. Митридат покраснел, глаза его загорелись недобрым огнем.

— О государь, твоему войску не угрожает голод! — поспешил возразить Луций. — Марий стар, он плохо видит одним глазом. И у него разлита черная желчь. Позволь, я напому ему о нетронutom запасе боспорского хлеба! Вот завтра мы возьмем Кизик и сразу примем боспорские суда прямо в гавань! Здесь их разгрузим и накормим воинов! А потом, после короткого отдыха, повернем копьа против Лукулла!.. И возьмем перевалы!

Напоминание о боспорском хлебе смягчило гнев царя. Он ответил примирительно:

— С богами не спорят, Марий. Ты уже попытался сделать это и потерпел неудачу! А я не хочу искушать долго терпение всесильного Зевса!.. Ты, Луций, прав! После взятия Кизика мы атакуем лагерь Лукулла! И тебя, Марий, я назначу начальствующим над главной колонной войск! Лукулл будет ошеломлен численностью и вооружением наших ратей!.. Его постигнет участь того, кто увидел голову Горгоны!.. Эй, Асандр!..

— Я здесь, государь, жду твоих повелений! — отозвался боспорец, появляясь перед царем с низко опущенной головой.

— Где твои корабли? Стоят под грузом вблизи осажденного Халкедона?

— Как ты повелел, о великий!.. Они охраняются твоими войсками на суше и военными кораблями

с моря! Там верный тебе человек — пиратский вожак Евлупор!

— Так вот!.. Поспеши туда и веди корабли в гавань Кизика. Не теряй времени. Пока ты с этим справишься — мы уже будем пировать на площади побежденного города!.. Эй-ла!

— Эй-ла! — подхватили военачальники и советники, за исключением Мария, который стоял, упрямо склонив голову.

Асандр почувствовал, что на его шею опустилось что-то металлическое. Это была золотая цепь, милостивый дар царя.

XVI

Сборы Асандра были бы недолгими, если бы в его шатре находился расторопный и верный слуга, каким всегда был Гиерон. Но Гиерон сменил хозяина на десятника Филона, а кухонный вертел на боевое копье. Асандр чувствовал, что сейчас ему недостает сметливого и заботливого раба. Он хватал руками что попало и совал в переметные сумы. Два невольника из числа подаренных Митридатом могли быть носильщиками, но не слугами. Они были так бестолковы, что раздраженный Асандр прекратил сборы и, схватив плетъ, замахнулся на неповоротливых подручных. Те покорно пали ниц и лежали неподвижно, пока гнев хозяина не утих.

— Седлайте коня! — приказал раздосадованный Асандр, обдумывая, как ему лучше и скорее проехать туда, где около рыбацкой пристани, южнее осажденного Халкедона, стояли в бухте его корабли. Их охраняла флотилия Евлупора.

Неожиданно явился жрец Гермей с двумя воинами. Асандр насторожился, ожидая неприятной новости. Но Гермей был любезен, скалил позолоченные зубы и с удовольствием выпил с Асандром чашу дружбы. Говорил при этом, что они, как жрецы великого Евпатора, должны собраться по общему делу.

— Не спеши со сборами, — елеинным голосом протянул Гермей, закатывая под лоб восточные лукавые глаза. — Великий Митридат милостив к тебе! Он опять вспомнил о тебе и пожелал видеть тебя!.. Ай, как тебе везет!

— Служить великому государю — счастье! Спешу исполнить веление бога живого! — ответил Асандр, стараясь угадать, что случилось. И стал развязывать шнурки дорожного мешка, чтобы достать новый яркий хитон и парадную хламиду.

Государь оказался занят. Оба жреца в душеприятной беседе прогуливались по особому царскому лагерю, укрепленному двумя рядами острых кольев. Внутри лагерь выглядел как сказочный город, созданный из огненно-красных шатров, между которыми земля была скрыта под узорчатыми коврами.

На каждом шагу встречались дюжие телохранители, сновали слуги и молодые рабыни. Повара несли блюда, прикрытые крышками, виночерпии спешили с амфорами и чашами, наполненными прохладительными шербедами, в которых плавали кусочки льда.

Прием в заповедной царской ставке был делом необычным. Сюда не допускали никого, кроме избранных, которые составляли ближайшее окружение царя. Встречи с военачальниками Митридат устраивал в общем лагере, где стоял его грубый шатер, отличавшийся от других походных жилищ лишь величиной да навершием с гербом Ахеменидов. Там Митридат жил простой и суровой жизнью ратника, чем привлекал к себе сердца тысяч вооруженных людей. И каждый понимал, что если сам богоравный властелин стойко переносит все тяготы походной жизни, не отделяя себя от войска, то рядовому бойцу стыдно жаловаться на грубую пищу или на неудобный ночлег под проливным дождем. Митридат умел играть на чувствах простых людей, влиять на их души, появляясь среди войск в полинялом суконном плаще, выставляя напоказ свои спартанские привычки и суровую неприхотливость.

Но то было за пределами красочного лагеря, скрытого от посторонних глаз высоким двойным частоколом. В лагере же царили тяжеловесная роскошь и расточительное изобилие. Взор утомляли невиданные цвета восточных нарядов, блеск золотых украшений, драгоценного оружия и утвари. Здесь рабы были одеты богаче сатрапов, носили на себе дорогие ткани и бесценные золотые фибулы, из которых каждая во много раз превышала стоимость самого раба. Все горело, переливалось огнями в лучах южного солнца. Блестящие браслеты

и запястья накалялись и жгли кожу смуглых рабынь, как бы напоминая о том, что вечером эти украшения должны быть сданы хранителю сокровищ, желтолицему, морщинистому евнуху. И что потеря хотя бы пары сердоликовых серег может стоить жизни нерадивой служанке.

Под пологами раскупоривали пузатые амфоры с ароматными винами. Тут же расторопные слуги раскладывали на серебряные и золотые блюда фрукты и сладости, отгоняя тучи мух, которые мало считались с неприкосновенностью царских угощений. Слугам и поварам часто доставалось за то, что в рисе, заполняющем обжаренные фазаньи тушки, и в бульоне, подаваемом в электрических чашках царским женам и наложницам, оказывались сваренные мухи.

Прогуливаясь по лагерю, Асандр и Гермей приблизились к обособленной его части, где шатры выделялись еще большей яркостью и высокими наверху. Шатры были соединены крытыми переходами из расписных войлоков. Острое ухо боспорца уловило женский смех, звуки музыки, сбивчивые разговоры вперемежку с мяуканьем кошек, тьяканьем ручных собачек, звяканьем бубенчиков и побрякушек.

Здесь и охрана была особая, она состояла из самых рослых и тупых на вид «безбородых», то есть евнухов. Они держали наготове кривые наточенные клинки. Встретили двух мужчин острыми, встревоженными взглядами. Один ударил рукоятью меча в медный щит. Полы ближнего шатра зашевелились, появилась странная приземистая фигура, закутанная до пят в пестрое восточное одеяние. Это был еще один «безбородый», похожий на немолодую, располневшую женщину.

Женоподобный евнух не выглядел сурово, — наоборот, на его пухлом, бело-румяном лице словно застыла слащавая улыбка, а водянистые глаза смотрели пристально, с какой-то фальшивой приветливостью, сквозь которую чувствовалась привычка повелевать.

Гермей взял Асандра под руку и незамедлительно увлек прочь от красивых шатров, одновременно делая успокаивающие жесты в сторону улыбчивого евнуха.

Прежде чем удалиться, нужно было сделать поворот перед воротами, противоположными тем, через которые они вошли в лагерь.

— Мы оказались перед царским гинекеем, — сказал Гермей вполголоса, — место священное, царское, запретное! А этот пухлолицый, с накрашенными щеками — сам Бакх! Ты не слыхал о Бакхе?.. О, это важная особа, доверенный раб Митридата, страж и попечитель его жен! Мне сказали... — Гермей оглянулся, и его голос перешел в шепот: — Мне сказали, что он совместно с придворным лекарем сейчас изгоняет из сердца царской жены Монимы демона тоски и строптивости. Да, бывают строптивыми и царские жены!

Говоря это, Гермей уже не выглядел слащавым жрецом, в его усмешке и хитро прищуренных глазах можно было угадать придворного сплетника и большого любителя альковных секретов царского гинекея.

Гермей хотел еще что-то сказать о красавице Мониме, простой девушке, удостоенной царского внимания, а теперь тоскующей по свободе, подобно птице, посаженной в золотую клетку. Но их разговор был прерван самым неожиданным образом. Послышался конский топот и стук в ворота. Воины-евнухи засуетились, загремели запорами. Ворота распахнулись, и в лагерь въехал верхом на взмыленном коне юный черноглазый всадник, размахивая плетью. Это казалось тем более странным, что въезд сюда на лошадях был настрого воспрещен кому бы то ни было. Сам Митридат входил в лагерь пешком.

— Дороги! — высоким голосом потребовал нарушитель царской воли. — Дороги!

И не успел Асандр посторониться, как получил крепкий удар плетью. Он не почувствовал боли, так как был в шлеме, легком, парадном панцире и плаще. Однако поспешил отскочить в сторону. Всадник с визгливым смехом спрыгнул с седла и оказался совсем небольшим мальчишкой в красной шапке и персидских шароварах.

— Что, достойный витязь, получил? — звонким девичьим голосом спросил он, продолжая смеяться. — В следующий раз будешь поворотливее!

И с этими словами вприпрыжку побежал к царскому гинекею, миновал Бакха, не обратив внимания на его почтительный поклон, и исчез под пологом шатра. Асандр запомнил большие глаза, черные сросшиеся брови и вызывающий блеск зубов, обнаженных в задорном смехе.

Рабы схватили лошадь за повод и поспешно вывели за пределы лагеря. Ворота со скрипом захлопнулись, загремели запоры, и все сразу утихло. Казалось, странное видение мелькнуло и растаяло в жарком воздухе.

На вопросительный и озадаченный взгляд Асандра Гермей ответил с таинственным выражением на лице:

— Боги решительно споспешествуют тебе! Ты узрел любимую дочь Митридата Клеопатру и сам удостоился ее внимания! Ай-ай!

— Не только внимания, но и плетки!.. Но скажи, Гермей, я слышал, что дочь Митридата Клеопатра стала женой армянского царя Тиграна? Так ли это?

— Так, друг мой, это правда. Но та — другая Клеопатра, старшая! Она уже мать трех сыновей. А этой всего тринадцать лет! Царевна похожа на отца, очень смела и подвижна. Сам видел, скачет на лошади, как амазонка! Она и Фарнак — родные сестра и брат, их мать — кроткая царица Береника!.. Но поспешим, друг мой, государь вспомнил о тебе, и посмотри, нам уже делают знаки приблизиться к его шатру. Да восславят его боги!

Асандр невольно оглянулся на шатры гинекея. Ему показалось, что полы одного из шатров заколебались и послышался тот же пронзительный смех. Возможно, на него смотрела украдкой и потешалась над ним озорная царевна-наездница.

Не без душевного трепета Асандр вошел в царский шатер с низко опущенной головой. В нос ударили запахи восточных благовоний и влажный дух горячей бани. Посреди шатра стояла дубовая кадка с ручками — переносная ванна государя, в которой он отмывал походную грязь и пот. Робко подняв глаза, боспорец увидел за кадкой, сквозь клубы пара, двух голых рабынь, тела которых блестели от пота. Они наливали на ладони пахучее масло с лавандой и умащивали распаренное тело бородатого мужчины, что возлежал на деревянном ложе, покрытом красной тканью.

— Подойди ближе, — раздался хрипловатый знакомый голос.

Приглядевшись, Асандр в изумлении узнал самого Митридата. И тут же заметил, что царь, несмотря на немолодой возраст, обладает мускулистым телом атлета-богатыря. Мышцы играли под эластичной кожей, смазанной бальзамической смесью. Упав на колени, боспо-

рец хотел растянуться лицом вниз на мокрых тряпках, разбросанных около ванны. Но царь приказал ему встать и, не меняя позы, спросил:

— Ты получил мое повеление немедленно отбыть, не так ли?

— Я уже хотел сесть на коня, о великий владыка, но жрец Гермей передал мне твою волю — явиться пред твои очи! Твой раб ждет повелений!

— Так вот... Не спеши, побудь здесь. Завтра ты увидишь штурм Кизика и, возможно, его падение. Я хочу, чтобы ты рассказал Махару об этом сражении. И не только Махару, но и всем боспорцам! Они должны знать, как могуществен их повелитель!

— Повинуюсь, счастлив быть близ тебя, великий!

Митридат повернулся на бок, подставляя спину под заботливые руки рабынь. Кивком головы отпустил боспорца.

Асандр знал, как нетерпелив Митридат и сколь легко впадает в гнев, когда медлят с выполнением его приказаний. Поэтому тотчас послал верхового гонца к Панталеону с письмом, в котором давал указания готовиться к скорому отплытию в Кизик. Добавил, что поведет корабли сам, для чего прибудет сушей сразу после падения города и захвата гавани флотом Митридата.

XVII

Кизик был окружен десятью лагерями, их дым застилал небо и внушал защитникам города ужас перед неисчислимыми полчищами страшного царя. С моря городу угрожали вражеские корабли, на палубах которых уже изготовились для высадки тысячи пиратов.

Жители Кизика помнили расправу Митридата с римлянами и всеми, кто их поддерживал, в первую войну. Тогда в городах Западной Анатолии было уничтожено более восьмидесяти тысяч человек. В страхе думали, что и сейчас, ворвавшись в город, дикие войны Митридата не пощадят ни римлян, ни греков. И поклялись перед храмом Персефоны, покровительницы города, умереть с оружием в руках.

Утром следующего дня царь приказал выставить перед стенами Кизика около трех тысяч кизикийцев, захваченных в плен в окрестностях города, где они работали

на полях или проводили время в своих виллах. Пленников заставили пасть на колени и простирать руки в сторону города, умоляя защитников его прекратить сопротивление и сдаться на милость Митридата.

— Иначе все мы примем мучения и лютую смерть! — взывали они.

Но стратег города Писистрат, мужественный воин, уверенный в скорой помощи Лукулла, ответил им, стоя между зубцов стены:

— Боги повелели нам через откровение, чтобы мы сопротивлялись врагу всеми силами и надеялись на успех! Мы будем сражаться!.. А вам, если вы оказались в руках врага, следует терпеливо перенести свою участь! Крепитесь!

Впрочем, Митридат и не рассчитывал на бескровную победу, желая лишь поколебать дух защитников города, которые среди пленных увидели друзей и близких родственников. Он был убежден, что возьмет город приступом.

Но первый штурм окончился неудачей, несмотря на то, что к стенам города двинулись бесчисленные рати, поддерживаемые осадными машинами.

Когда загрохотали вереницы тяжелых камнеметов на катках, поползли вперед тараны, увенчанные бронзовыми бараньими головами, закрипели надсадно деревянные башни, влекомые усилиями тысяч рабов, Митридат стоял на возвышении, исполненный боевой страсти. Он был в восторге от осадной техники, сооруженной большим умельцем, фессалийским выходцем Никонидом. Царь забавлялся этими громоздкими игрушками, как большой ребенок, верил в их силу. Ему казалось, что сейчас городские стены рухнут, не выдержав удара таранов, а защитники города будут погребены в развалинах или падут под градом каменных ядер. «Да, — словно говорили веселые и жестокие глаза царя, — я раньше не имел таких машин, это было плохо!.. Теперь я имею их — это великолепно! Ни Кизик, ни другие города не устоят передо мною, а римляне дрогнут и отступят в страхе перед моей мощью!»

Но он не учел, что дикие горцы и степные пастухи, которые составляли большую часть его войска, не привыкли к осадам городов и не понимали действия осадных машин. Самостреляющие катапульты и эвтитоны,

предназначенные для метания зажигательных стрел, представлялись им оружием злых демонов, с которыми Митридат вошел в связь. Эти люди имели свои традиционные представления о войне, как о междуплеменной распре, в которой способствуют победе боги, а не бесовские приспособления, плюющиеся камнями и огнем!.. Они не были трусами, эти вооруженные мужи. Среди них было немало признанных богатырей, прославленных удалцов, героев малых войн и грабительских набегов. Здесь же, в сумятице осадных действий, под стенами незнакомого города, они робели и терялись. На осадные башни их приходилось загонять почти силой. Подвижные крепости из бревен казались им непрочными. Непривычная обстановка подавляла их мужество, порождая смятение и испуг.

Асандр оказался свидетелем того, как одна громоздкая башня была придвинута к стенам города и вдруг выкинула вперед штурмовой мостик, по которому смелые воины должны были перебежать из башни прямо на крепостную стену. Однако неожиданное появление мостика поразило воинов, показалось им чуть ли не наваждением злых духов. Лишь несколько самых отважных, подгоняемых десятниками, ступили на шаткий настил, остальные окаменели и не двинулись с места. Кизикийцы использовали эту заминку, перебили смельчаков, потом подожгли башню и толкнули ее баграми так, что она рухнула и погребла под пылающими обломками несколько десятков воинов.

После такой неудачи штурм сразу прекратился, войска отхлынули от стен, сопровождаемые улюлюканьем и насмешками защитников города. Замечательные осадные машины, сооруженные в короткий срок, оказались настолько же совершенными, насколько и бесполезными без людей, которые могли бы ими управлять и правильно использовать их. Грохот катков, скрип и удары таранов, крики людей и хлопанье камнеметов — все, что вселяло в темные головы понтийских ратников страшные мысли и образы, внезапно сменилось зловещей тишиной.

Несмотря на неудачу штурма, Митридат не двинул против города основное ядро войск — «медные щиты», приберегая их до решительной схватки с «настоящим противником» — римскими легионами Лукулла. Он лишь

повелел кликнуть клич по всем войскам, призвать самых смелых, которые первыми бросались бы в сечу, бесстрашно прыгали на стены с высоты осадных башен и не боялись ступить на непрочные штурмовые мостики. Им давалось разрешение грабить горожан первыми и брать себе все самое ценное. А тех, кто особо отличится и покажет образец воинской доблести, царь наградит своей рукой. Они получают после войны наделы пахотной земли с рабами, по пригоршне золота, а кто способен — станет старшиной в одном из покоренных селений. Не говоря уже о том, что они и их дети до конца дней своих останутся свободными, никто не смеет поработить их!

Эти заманчивые обещания взволновали многих, дошли и до ушей Гиерона. Бывший раб только что вернулся из очередного разъезда и был измучен тряской в неудобном седле. Сейчас конники несли службу охранения и целыми сутками гоняли коней по степи около царского лагеря. Перекрывали все подступы и дороги, которыми мог бы воспользоваться коварный враг.

Сбросив снаряжение, Гиерон стал в очередь с деревянной плоской в руках и получил немного мутного варева с обрывками мяса. Он знал, что это мясо той лошади, которая сломала ногу и была прирезана. Проглотив похлебку, он хотел растянуться на потнике, но голос глашатая заставил его прислушаться.

Царские обещания взбудоражили воображение Гиерона. Разочарованный в звании царского конника, он с жадностью слушал перечисление всех благ, которые уготованы отважным. С горькой усмешкой достал из сумки серебряную монету и алые кораллы, добычу первого боя. Кораллы горели огнем, и все же сейчас, когда приходилось питаться дохлятиной, за них никто не дал бы и куска хлеба. А тут еще надо не спать целыми ночами, оберегая лошадь. Голодные пехотинцы под покровом мрака подкрадывались и уводили коней, чтобы зарезать на мясо. А за потерю лошади нерадивого всадника ожидало суровое наказание, даже смерть.

В груди шевельнулось то дерзкое чувство, которое толкает людей, не обладающих большой храбростью и мужеством, на отчаянные поступки. Это чувство человека, которому непосильно постоянное соседство с опасностью и который хочет выпить огненную чашу риска одним духом, собрать все силы и решительность для единст-

венного рывка, стремясь разом достигнуть цели. Иногда такие люди слынут удалцами, побратимами смерти. Хотя их отвага — всего лишь мгновенный порыв, после которого они выдыхаются, и если остаются живыми, то с дрожью ужаса вспоминают собственный подвиг.

Таков был и Гиерон. С трепетом в сердце он поглядел на спокойно-грозные укрепления города, реющие в небе своими зубцами и башнями. Подумав, потрянул головой и направился прямо к десятнику Филону. Нашел его у костра. Суровый воин, раздетый до пояса, вытряхивал над огнем поношенный хитон. Слышалось потрескивание, знакомое каждому бывалому ратнику.

— Как вы надоели мне, проклятые! — ворчал Филон. — Все тело изъели!.. Чего тебе, Гиерон?

Гиерон заявил, что слышал царский призыв и хочет испытать судьбу, пойти штурмовать город.

— Против царского повеления возражать не могу, — ответил Филон, надевая на плечи хитон и пристально взглянув на воина. — Но вижу, что ты решил укоротить свою жизнь. А жаль! Я думал, что возьму тебя в подручные, ибо ты смышлен и мы сообща сколотим за войну кое-какие деньжонки и поделимся. Но раз боги вразумили тебя, иди, пытай счастье!.. Коня и седло сдай мне!

— Если останусь целым, — сказал Гиерон, — я вернусь к тебе, дядя Филон!.. А вот это возьми, мне не надо.

Вложив в жесткую ладонь старшего серебряную монету, он бодро направился на сборный пункт уже пешком, испытывая облегчение, что избавился от норовистого жеребца и тяжелых доспехов.

На месте сбора ему дали короткое копье, меч и щит, удобные для рукопашного пешего боя. Вместо тяжелых, неуклюжих сапог он обернул ноги сырой воловьей кожей, чтобы легче было карабкаться на стены города, прыгать и сражаться грудь с грудью.

Сначала его в числе других назначили на самую высокую башню в сто локтей, уже подготовленную для штурма. Потом всех вернули назад и повели к берегу моря. Здесь было приказано садиться в лодки.

— Зачем в лодки? — спрашивал Гиерон товарищей, неприятно удивленный. Один вид моря и качающихся на волнах судов вызывал у него головокружение и ощущение тошноты.

— Не разговаривать! — слышался сердитый окрик. — Или не видите — башня на кораблях стоит!.. Там ваше место!

Гиерон ахнул, взглянув на высокую пирамидальную постройку из плохо отесанных бревен, которая своим основанием опиралась на палубы двух кораблей, глубоко осевших в морские волны. Покачивались корабли, колебалась и деревянная пирамида с усеченной вершиной. Первым побуждением Гиерона было желание убежать обратно к Филону и снова стать всадником хоть на всю войну, только бы не испытывать морской качки. Но было поздно. Кто-то толкнул его в спину, он оказался в лодке рядом с другими и греб веслом. Потом карабкался по веревочной лестнице, ощутил под ногами неверный настил палубы. Здесь выстроились все храбрецы, подняв копья. По сигналу старших воинов устремились к низкому входу в башню.

— Боги, помогите мне сохранить жизнь и стать богатым! Я принесу вам щедрые жертвы! — шептал Гиерон, боязливо ступая мягкими постолом на скрипящие опоры, что вели на верхнюю площадку башни. Пахло свежеструганым деревом и горячим потом воинов, возбужденных близостью смертельной схватки с врагом.

— Скорее! Скорее! — торопили десятники.

Башня заколебалась сильнее. Воины уцепились за поперечные брусья-опоры, чтобы не сорваться вниз. Гиерон почувствовал головокружение и противную испарину на теле, предшественницу неудержимой рвоты.

— Чего испугались? — сердито подгонял снизу старшой. — Это же башня двинулась к стене! Спешите наверх, сейчас штурмовать будем!

Вверху что-то ухнуло и с грохотом покатилося вниз, башня вздрогнула, слышались крики ярости и боли. Те, которые первыми взобрались на верхнюю площадку, уже вступили в драку с врагом. Гиерон поднял голову и увидел, что сверху каплет кровь, ее струйки, алые, яркие, ползут по желтоватым бревнам. Откуда-то пыхнуло огнем, в лицо ударили клубы едкого горячего дыма, посыпались обломки горящего дерева. Опоры дрогнули, несколько воинов сорвались и с криками полетели вниз. Гиерон задыхался от дыма. Но деваться было некуда, выше и ниже теснились воины, они замешкались, пытались сохранить равновесие и не свалиться. Башня

явно кренилась набок. Сдавленные голоса старших тонули в нарастающем грохоте, от которого все непрочное сооружение сотрясало и трещало.

— Скорее, скорее наверх! — надрывались десятичники.— Помните о награде!.. Сейчас сам Митридат смотрит с берега на штурм! Он увидит вас и наградит за отвагу!.. Вперед, сынки!

Башня с ужасающим грохотом стала оседать и все больше кренилась набок. Толстые бревна выворачивало из гнезд, лестница рушилась и давила людей. В отчаянии Гиерон сделал нечеловеческое усилие и вырвался из-под навалившихся на него сотоварищей, делающих тщетные попытки зацепиться за сосновый сруб. С лихорадочной мыслью о том, что настал последний миг его жизни, он ухватился за край бреши в стене, где бревна разошлись. Глянул вниз и оцепенел от ужаса. Башня искривилась и висела над морем. Верхняя часть ее пылала, как гигантский факел, искры и дымящиеся брусья падали в волны. Сквозь завесу удушливого дыма едва можно было различить еще барахтающиеся в волнах или недвижные тела злосчастных смельчаков, которые погнались за царской наградой.

Впереди же, совсем рядом, высились незыблемые стены Кизика, на две трети каменные, а выше деревянные. Между зубцов, в бойницах мелькали шлемы и копья вражеских гоплитов, которые продолжали метать камни и пылающие горшки с нефтью, разить стрелами понтийских ратников, если те показывались в амбразурах подожженной башни.

Страшный скрежет, уханье машин и гомон людей оглушили Гиерона. Он повел выпученными глазами в сторону моря, увидел, что на смену им приближаются два таких же корабля с другой башней, на верху которой уже стоят наготове воины и с криками размахивают оружием.

«Они займут наше место, когда мы вместе с обломками бревен окажемся в заливе,— мелькнуло в голове.— Они победят — им и награда!»

Обида и сожаление стиснули сердце не меньше, чем страх смерти. Последнее, что он ощутил,— удар, искры из глаз! Вокруг сразу потемнело, наступила тишина. Все перестало существовать.

Не лучше обстояло дело и на суше. Высокая башня на катках усилиями сотен рабов была придвинута к сте-

не настолько, что обе стороны стали обмениваться метательными копьями и кусками гранита. И здесь зажигательные снаряды и струи пылающей смолы и нефти сделали свое дело. Башня загорелась внизу. Воинам наверху не оставалось ничего другого, как покинуть башню, прыгая на вражеские стены, чтобы в рукопашной схватке отстоять свою жизнь и добыть победу. Но когда на колеблющиеся штурмовые мостики посыпались стрелы и копья, то, как и накануне, никто не решился на них ступить, а тем более перебежать по ним на стену, прямо на подставленные копья кизикийцев.

Митридат пришел в неописуемую ярость, но его крики и проклятья не помогли. Воины прыгали с башни, только не на стены, а вниз, и разбивались. Оставшиеся гибли в пламени с раздирающими душу воплями. Это была страшная картина, она поразила понтийское войско настолько, что, когда загорелись, а потом рухнули главные городские ворота, никто не захотел лезть в пылающую брешь, откуда сквозь дым и огонь летели навстречу свинцовые шары и губительные стрелы. Ободренные кизикийцы воспользовались этим и быстро завалили ворота камнями.

Тараны, что били по другим воротам, изобретательные греки отклоняли петлями длинных арканов, спущенных сверху, или подставляли под удары бронзовых бараньих голов тюки шерсти, которые также спускали со стен на веревках.

Даже природа, казалось, была против Митридата. Его флоту, для успешного штурма гавани, был выгоден умеренный северный ветер, называемый «понтийским горнистом». Но в середине дня ветер повернул. Теперь с юга подул сильный и жаркий «ливийский флейтист». Он раздул пожары на осадных башнях, повалил те из них, которые стояли наготове в отдалении от стен, и смешал в кучу корабли царевича Фарнака. Воины зароптали, стали громко вспоминать падение небесного огня как свидетельство немилости богов. Многие высказывали убеждение, что боги не одобряют дьявольских сооружений и сами рушат их.

Буря усиливалась, перевертывала на море корабли, а на суше вздымала гигантские смерчи песка и щебня, хлестала ими по глазам воинов. Войско само собою стало отходить от стен осажденного города. Несмотря на

неистовые выкрики и повеления Митридата, штурм прекратился.

Оберегая лицо от ветра краем плаща, Асандр направился к своему шатру, озабоченный, полный тревоги. Его беспокоила судьба каравана. Представлялось, что буря потопила корабли с драгоценным продовольствием. «Да, да,— досадливо повторял он,— я приказал Панталеону готовиться к скорому отплытию! И тот, видимо, так и сделал, вывел корабли из укрытой бухты, и они стали игрушкой волн и ветра!»

— Гонец не вернулся? — спросил он сердито нового слугу-раба. Тот ответил отрицательно.

Только к позднему вечеру Асандр уловил стук копыт приближающейся лошади. Выскочил из шатра и с волнением увидел гонца, который спрыгнул со взмыленного скакуна и, передав повод рабу, побежал к шатру хозяина.

«Беда, несомненно что-то случилось!» — подумал Асандр с болью в сердце.

Гонец протянул ему свернутый трубочкой пергамент.

— От наварха Панталеона,— сказал он запекшимися губами.

— Ты выехал из рыбацкого селения до начала бури? — нетерпеливо спросил Асандр.

— Так, до начала. Но рыбаки говорили, что буря будет!

— Ага. Иди отдыхай.

Развернув свиток, Асандр пробежал его глазами и не мог не рассмеяться от радости. Он был приятно поражен предусмотрительностью своего помощника, хотя тот сообщал о действиях, которые шли вразрез с полученными указаниями.

Спрятав письмо, он позвал раба и приказал подать поздний ужин и приготовить постель. Через час он уже закрыл глаза, готовясь заснуть сном человека, у которого все благополучно. Но поспешный топот чьих-то ног и грубые голоса заставили его вскочить на ноги.

XVIII

Ночью в шатер царя привели перебежчика из числа людей, близких к Лукуллу. Его позолоченный панцирь, покрытый изображениями драконов, с головой Горгоны

посредине, был измазан землей, а пышный султан на шлеме измят. Моложавое лицо римлянина поросло небритой щетиной, покрасневшие глаза свидетельствовали о переживаниях, которые, по-видимому, и привели его в стан врагов.

Митридат испытующе оглядел его и спросил:

— Имя твоё?

— Публий.

— Почему покинул римский лагерь и пришел ко мне?

— Бежал от казни!.. А приговорен за то, что не разведать заранее о скором нападении твоём на лагерь Лукулла. Ибо я вел скрытое наблюдение за врагом. И получил письмо от нашего соглядатая в твоём лагере! Он утверждал, что ты будешь штурмовать Кизик! Лукулл успокоился — и вдруг Марий Одноглазый с великим войском оказался перед лагерем!.. Только боги спасли Лукулла от вероятного разгрома, они послали небесный огонь! Но мне это не помогло, я был обвинен в преступном нерадении и осужден на казнь. Друзья упростили Лукулла отсрочить казнь на несколько дней для выяснения причин моей ошибки. Но я знал, что помилован не буду! И вот сумел бежать! Теперь я твой!.. Я знаю науку войны, правила тайного изучения врага, знаю много и о Лукулле и буду служить тебе верой и правдой!.. Не веришь — казни меня! Обратного пути мне нет!

Далее он рассказал, как Лукулл наблюдал за неудачной осадой города с высоты нагорья, а затем сумел переправить в город отряд лучших воинов в помощь осажденным.

— Это,— добавил перебежчик,— посоветовал Лукуллу Архелай, твой бывший стратег!.. А людей переправил в город на рыбацких лодках верный Архелаю человек — Демонакт!

— Изменники, вероломцы! — зарычал Митридат, услышав имена людей, которые недавно пресмыкались перед ним, а ныне служили врагу.— Они не избегнут лютой казни!

— А еще,— продолжал Публий,— могу сказать тебе, что человек, который пребывает около тебя как советник, изменил тебе! Он действует по тайной указке Лукулла. Он и подсказал тебе неверную мысль об осаде Кизика!

— Неверную? — скривился царь в досадливой гримасе.— Я сам решаю, что делать, и советуюсь только

с богами! Но кто же тот предатель, о котором ты говоришь?

— Луций Магий.

Митридат испытующе уставился на говорившего, не простого легионера, но военачальника, имевшего доступ к секретам римского командования. И в душе готов был поверить его словам. Он сжал кулак, хотел что-то сказать присутствующему Таксилу, но сдержался, подумал и, подняв глаза, спросил:

— А ты можешь доказать то, что говоришь?

— Вот письмо, написанное Луцием Лукуллу. Я принимал все его письма и хранил их. Это последнее, я сумел утаить его и вот доставил тебе!

Митридат внимательно прочел свиток папируса и, передав его Таксилу, усмехнулся с недобрым видом.

— Увести римлянина,— коротко приказал он,— охранять!

Оставшись наедине с Таксилем, прищурился хитро.

— Ну? — спросил он.— Что ты думаешь об этом?

Таксил с обычной смелостью и быстротой тряхнул волосами и ответил:

— Готов поверить словам этого беглеца! Может, Луций Магий и предатель, но он человек Сертория, особа неприкосновенная, так же как и Марий Одноглазый и Луций Фанний!.. И неизвестно, сам ли он стал изменником или выполняет чьи-то тайные указания. Судить его ты не можешь, это обидело бы Сертория!

— Что же ты советуешь?

— Отправить Луция Магия к Серторию вместе с этим письмом. Письмо повезет особый гонец. Пусть Серторий разбирается! Если он не казнит предателя, значит, сам замешан в это предательство!

— Те-те-те! Серторий не так прост. Он родного отца казнит, если потребуется. Казнит и Луция Магия, чтобы все было гладко. И мы ничего не узнаем!.. Но не в этом суть!

— В чем же, великий?

— А в том, что не в моих правилах выпускать из рук предателей! Да и хочется дать урок другим!.. Горе тому, кто замыслил обмануть меня!

Царь впал в раздумье. Таксил, затаив дыхание, стоял рядом с вопросительной миной на лице.

— Вот что...— сказал царь медленно.— Пригласи сюда Мария и этого... предателя!.. Обоих с почетом!..

Еще приведи Гермократа, Менофана и всех стратегов! На совет!

После ухода Таксила царь ударил в ладони и приказал вошедшему телохранителю доставить к себе Бакха. Через несколько минут женоподобный евнух стоял перед царем на коленях, ожидая приказаний.

— Приготовь две одинаковых чаши смерти!

— Повинуюсь, великий! Обе с ядом?

— Обе!.. Внесешь их на подносе, когда я ударю в гонг!.. Иди!

Появился Таксил и доложил, что все собраны, ждут у входа в шатер.

— Пусть войдут.

Утомленные дневными ратными трудами, едва успев сомкнуть глаза после сытного ужина и чаши вина, стратеги и советники вошли молчаливой толпой и замерли в общем поклоне, с согбенными спинами. После разрешающего слова все распрямились и вопросительно уставились в бледный от внутреннего напряжения лик царя. Последний обвел соратников взглядом, не таким веселым, как перед штурмом, но не лишенным той надменной спеси и язвительной снисходительности, печать которой не оставляла его лица никогда. Он и сейчас держался с величавым спокойствием сверхчеловека, непобедимого полководца, дух которого не могут поколебать неудачи одного или двух дней, ибо его окончательное торжество предрешено свыше.

— Только глупец полагает, что города берут голыми руками! — с едкой миной молвил царь. — Вы сами убедились, что осада городов — тяжелый труд! Да и воины наши еще не освоились с осадными машинами. Завтра, после отдыха и сытного завтрака, они увереннее и смелее пойдут на приступ! Кизик падет!

— Истинно так! — не очень дружно ответили воеводы.

— Но от вас я потребую личной доблести и напряжений всех сил! Тех военачальников, которые потеряют власть над воинами и побегут вместе с ними с поля сражения, буду казнить! Завтра Кизик должен пасть до заката солнца! Без победы — не являйтесь ко мне!

— Слава Митридату! — отозвались все.

Только Марий Одноглазый, как и следовало ожидать, нарушил это единодушное общее согласие. Он смело выступил и брюзгливо, скрипучим голосом повторил

свои утверждения. Он опять требовал снять осаду города и повернуть силы против Лукулла.

Все насторожились, ожидая со стороны Митридата взрыва гнева. Но, к удивлению, лицо царя не изменилось, он только усмехнулся.

— Ты верный друг и великий стратег,— сказал он милостиво.— И мы всегда высоко ценили твои мысли!.. Но исполним волю богов, это они повелели нам штурмовать город! В этом велении заложен глубокий смысл. Возможно, осада нужна для того, чтобы укрепить дух наших воинов и полководцев, приучить их к тяготам настоящей войны и только потом направить против Лукулла! Тем, кто штурмовал стены Кизика, будут ли страшны палисады римского полевого лагеря?.. Скажи, Луций Магий, ты согласен со мною?

Лысый советник с заспанными глазами кинулся вперед и протянул белые, как у женщины, руки.

— Твои слова, государь, божественное откровение! — в восторге промолвил он.— С ним не согласится лишь глупец или тайный враг, желающий победы римлянам, а не тебе!

Намек был слишком прям и вызвал некоторое смущение в толпе царских сподвижников. Марий Одноглазый стоял в стороне, бесстрастно глядя мимо лысины недавнего друга и соратника.

— Я всегда выслушивал, Луций Магий, твои советы. Ибо верил, что ты предан своему господину Серторию и верно служишь нашему союзу!.. Но сейчас ты говоришь не то, что думаешь! На твоём языке мед, а в душе яд!.. Плохо, очень плохо!..

Все замерли от неожиданности, почувствовав близкую грозу. Луций Магий покраснел, его лысина покрылась крупными каплями пота. Он с недоумением обвел всех глазами, как бы не понимая сказанного царем. Потом изобразил на пухлом лице мину сожаления и принял достойный вид посла и советника, личность которого неприкосновенна.

— Всегда готов,— заявил он смело,— держать ответ в словах и делах своих перед моим возлюбленным господином Квинтом Серторием! Ибо только он волен признать или не признать мои заслуги перед ним! Он же прислал меня к тебе, великий царь, он и отзовет обратно, когда найдет нужным!..

Луций поглядел вокруг спокойным и насмешливым взглядом. Его выпуклые, водянистые глаза не отражали и тени неуверенности, хотя капли пота стекали с лысины на лицо, падали росой на помятую тогу.

— Нет, Луций,— ответил Митридат,— Сертория ты уже не увидишь!.. Изменников, кто бы они ни были,— я казню сам!

— Изменников? — вскричал высоким голосом Луций Магий.— О великий Митридат, если ты ценишь союз с Серторием, не говори того, что его может разрушить! Посол Сертория не может быть изменником!..

— А это что?!!

Царь показал всем письмо, полученное от перебежчика.

— Подлог,— ответил быстро и решительно Луций.— Это происки врагов!

Письмо было зачитано, и всем стало ясно, что оно подлинное. Ибо в нем говорилось о том, как Луций Магий старается удержать Митридата под стенами Кизика и дать Лукуллу время укрепиться на перевале.

Письмо пошло по рукам, каждый рассмотрел его. Марий взглянул и отвернулся.

— Скажи, Марий,— спросил Митридат,— это рука Луция?

— Да, это его рука или ловкая подделка его почерка.

— А ты, Луций, упорствуешь и не признаешь себя предателем?

— Не предатель я и не изменник! — ответил тот.— Это происки моих недоброжелателей и завистников!

— Позовите перебежчика!

Ввели Публия, но очная ставка ничего не дала, так как Публий никогда не видел Луция Магия. Он лишь подтвердил, что поддерживал с последним тайную связь, как с соглядатаем. И стал перечислять полученные от Луция сведения о войске царском, его снабжении и замыслах царя. Присутствующие сдержанным ропотом выразили свое возмущение.

— Э, государь! — ответил бесстрашно Луций.— Эти сведения известны всем, кто окружает тебя. И передать их Лукуллу мог кто-то другой! А я чист и невиновен! Письмо это — гнусная подделка!.. Свидетели боги!

— Ты кстати упомянул богов, Луций,— ответил Митридат спокойно.— Только они знают правду... Так передадим же это спорное дело на суд богов! Согласен?

— Боги знают правду! Боги придут на помощь! — скороговоркой заговорил обвиняемый, поспешно соображая, достаточно ли он был щедр к Гермею, от которого, видимо, потребуют испросить волю богов через жертвенное гадание.

— Раз ты согласен — приступим! — с тем же зловещим спокойствием молвил царь и ударил в гонг.

Вошел Бакх, известный как царский наперсник и безжалостный исполнитель тайных приговоров царя. Всем стало ясно, что дела Луция совсем плохи. В руках евнуха был поднос с двумя золотыми чашами, на которых, подобно каплям крови, мерцали рубины.

— Что... что это? — спросил Луций, отступая назад.

— Это две чаши с вином, — заявил Митридат бесстрастно. — Одна из них — с сильным индийским ядом, против которого нет противоядия! Он действует мгновенно!.. Да вдохновят тебя боги, Луций. Бери любую из двух и пей! Боги не позволят умереть правому!

Луций сделал усилие, пытаясь справиться с охватившим его волнением. Ему отчасти удалось это. Он выглядел спокойным, только грудь вздымалась высоко да ноздри подергивались от внутреннего возбуждения. Он выпрямился и поправил тогу на плече.

— По обычному условию таких судов, — произнес он глухим голосом, — вторую чашу одновременно пьет другая сторона, дабы все могли убедиться, что не обе чаши с отравой!..

— Верно, — кивнул головой Митридат, чуть усмехнувшись, — другая сторона в этом деле — я! И вторую чашу одновременно с тобою выпью я сам!.. Серторий будет знать, что я не просто казнил его посла, но призвал мудрость богов и боги рассудили!.. Если ты останешься жив, а я умру, Серторий озолотит тебя и возвысит, как честнейшего и преданного слугу, за которого поручились боги!

С этими словами он протянул руку, готовясь взять одну из чаш.

— Не делай этого, государь! — раздались голоса.

Менофан выступил вперед и сказал взволнованно:

— Остановись, государь! Нельзя тебе унижаться до поединка с низким человеком! Если бы это был сам Серторий — другое дело... Но ведь это слуга его, а ты — великий царь, избранник богов! Все мы против того,

чтобы ты ставил свою жизнь под удар случая. Возможна ошибка, и тогда твое царство, и твое войско, и все подвластные тебе народы останутся сиротами! А мы, избранные тобою, лишимся благодетеля и утратим самый смысл жизни, и кто возглавит борьбу, начатую тобою? Кто преградит дорогу Риму?.. Разреши, другую чашу выпью я!

— Истинно справедливо! — вскричали стратеги и советники. — Воздержись, великий Митридат, не искушай судьбу! Чашу выпьет любой из нас! Только не ты!..

Царь с удовлетворением поглядел на лица приближенных, предлагающих отдать жизнь за него, но особо отметил порыв Менофана, который первым заявил об этом. После этого случая мешковатый и не самый блестящий из стратегов быстро пошел в гору и вскоре занял одно из ближайших мест возле царской особы.

Митридат успокоил всех жестом руки и заявил негромко, но строго:

— Боги не ошибаются! И вы будете свидетелями их справедливого суда!.. Другую чашу выпью я!

Все были поражены столь необыкновенным решением Митридата.

Пока Луций, теперь уже не красный, но смертельно бледный, смотрел на роковые чаши, стараясь угадать, в которой из них таится смерть, Митридат отвлекся и обратился к Таксилу обыденным деловым тоном:

— Прикажи утром боспорцу Асандру выехать из лагеря к месту стоянки его судов, перегрузить хлеб с кораблей на выюки и доставить продовольствие сухим путем!

— Слушаю и повинуюсь! — ответил стратег.

— Увы! — раздался каркающий голос Мария Одноглазого. — Увы! «Ливийский флейтист» перевернул корабли Асандра! Я только что получил об этом известие!

— Что? — переспросил встревоженный царь. — Корабли с хлебом перевернуло?.. Привести сюда Асандра! Сейчас же!..

XIX

Расторопные царские телохранители ворвались в шатер Асандра, когда последний стоял возле еще не остывшего ложа, полураздетый, в легком хитоне. Не говоря ни слова, они схватили его за руки и почти волоком потащили к выходу.

«К царю ведут!.. Но почему так грубо, как преступника?» — мелькнула молниеносная мысль, одновременно с предчувствием большой беды. В страхе он увидел высокое наверху царского шатра с эмблемой Ахеменидов, мрачно чернеющей на белесом ночном небе.

Полы шатра распахнулись, в лицо ударили запахи гари от многих светильников, теплый дух потных тел в смеси с благовониями, употребляемыми самим царем. Толпа сановников расступилась, Асандр узнал многих, в том числе главных военачальников и царских советников, в стороне от которых стоял в бесстрастной позе Марий Одноглазый. Боспорец едва успел окинуть глазами это ночное собрание самых больших людей войска, как оказался перед лицом Митридата. Его толкнули в спину, он упал на ковер, стараясь понять, что случилось.

— Я здесь, великий государь, жду твоих повелений! — пробормотал он, лежа ниц на пыльном ковре.

Он не видел жеста, сделанного Митридатом, после чего его подняли и оттащили в сторону, где поставили на колени в позе обвиняемого перед судом. Теперь он мог приподнять голову и исподлобья видеть Митридата и тех, кто стоял около. Лик царя был спокоен, но словно иссечен из белого камня, только глаза, острые и страшные, горели куда ярче светильников, стоявших по сторонам. Царь смотрел испытующе на человека, в котором Асандр узнал Луция Магия. Римлянин был необычно прям, как бы готовясь произнести речь. Его мясистое лицо отражало душевное напряжение, отуманенные глаза неподвижно уставились на небольшой столик, на котором стояли две чаши, украшенные самоцветами. По раздувающимся ноздрям и серой бледности щек можно было догадаться, что Луций находится в затруднительном положении, что сейчас решается нечто важное для него и все присутствующие ждут его слова.

Эта сцена, освещенная блеклым светом мерцающих плашек, навсегда запечатлелась в памяти Асандра. Его собственное положение было таково, что он с повышенной остротой воспринимал виденное здесь, ибо чувствовал, что после Луция в центре высочайшего внимания окажется он и это внимание будет далеко не милостивым. Он пытался угадать, в чем его могут обвинить, но мысли путались, сердце стучало, обычная выдержка и самоуверенность изменили ему.

И все же он замер в пытливом ожидании, когда услышал слова Митридата, обращенные к Луцию:

— Итак, Луций Магий, если ты не изменял мне, тебе нечего бояться, боги помогут тебе и ты возьмешь чашу без яда! Тогда мне достанется чаша с ядом, и все, кто здесь присутствует, окажутся свидетелями смерти Митридата, после чего царем станет мой сын!.. Который — узнаете позже, ибо моя воля на сей счет записана на пергаменте. Если же ты виновен, умрешь ты!

«Вот оно что!» — подумал Асандр в изумлении.

После мучительной внутренней борьбы Луций поднял на Митридата глаза и заявил с достоинством:

— Я не изменял тебе, Митридат Евпатор, невинен я! А посему прошу тебя — прикажи подать третью чашу, вдвое большую!

— Зачем?

— Я солью в нее вино из обеих судных чаш и выпью до дна... Ибо не хочу твоей преждевременной смерти, а она неминуема по условию! Я сказал!

Заявление было столь неожиданным, что поразило самого царя. Решение Луция свидетельствовало о его уме и мужестве, а также о том такте, который высоко ценился в придворных кругах. И хотя присутствующие были убеждены, что он предатель и заслуживает смерти, все оценили его самообладание и находчивость.

Даже Марий Одноглазый изменил своей бесстрастной манере, и на его лице появилось что-то напоминающее одобрение.

«Ого, этот римлянин ведет себя как подобает гордому мужу!.. Ай да Луций! — воскликнул мысленно Асандр, устыдившись собственного малодушия. — Я, кажется, испугался, а вот Луций умеет смотреть в глаза смерти!»

Митридат, видимо, не ожидал такого жеста со стороны человека, осужденного им на смерть. Его лицо вдруг стало задумчивым, выражение язвительности и пронизывающей остроты смягчилось. Он ударил в гонг. Явился Бакх и по знаку царя унес обе чаши. Царь окинул всех прищуренными глазами и, обратившись к Луцию, изрек:

— Иди в шатер свой, ты свободен!.. Завтра решу твою судьбу после совета с богами.

Отпустил и всех советников, кроме самых близких, в числе последних оказался и Менофан.

Все происшедшее произвело на присутствующих столь большое впечатление, что, уходя, они переговаривались, сначала шепотом, а за дверями шатра довольно громко. Обсуждая вину Луция, старались предугадать, какая судьба ждет изменника. К удивительной решимости Митридата выпить чашу смерти относились с суеверным чувством, полагая, что царь воистину близок к богам и оберегается ими незримо.

Лишь немногие, такие, как Бакх, знали, что царь ничем не рисковал, так как его привычка к ядам, которые он глотал ежедневно, делала его невосприимчивым к их действию. Именно подозрительность царя, его недоверчивость к людям, постоянная настороженность, боязнь умышленного отравления заставили этого крайне мнительного монарха ежедневно пить ядовитые смеси, чтобы стать к ним нечувствительным. И он добился своего. Но хотя почти всем было известно, что царь пьет яды, большинство полагало, что он делает это для каких-то магических целей... Сейчас же все слышали, что яд индийский необычный, против которого нет ни защиты, ни лекарства. И не сомневались в честности Митридата, тем более что в качестве судей были призваны боги, а с богами не шутят!..

Асандр слышал, как затихли голоса, и ощутил на себе тяжелый взгляд Митридата. Однако после того, как он увидел суд над Луцием, его страх прошел и он почувствовал, что в состоянии держать ответ перед кем угодно.

«Будь что будет!» — сказал он мысленно, стиснув зубы.

Митридат без явного гнева, в пренебрежительной манере, брезгливо скривившись, обратился к нему, одновременно отведя глаза в сторону:

— Это ты, лукавый раб, обласканный моими милостями, обманул мое доверие, чем и решил судьбу свою!.. Я ошибся в тебе, полагая, что ты умен и расторопен! А ты преступно ленив и беспечен и за моею спиной творишь подлое!.. Не так ли?

— Не знаю, не ведаю, о великий владыка, мой бог живой, в чем вина моя? — ответил Асандр неожиданно громким голосом, без признаков смущения.

Это заставило царя бросить на обвиняемого быстрый взгляд. Царь продолжал:

— Ты не позаботился спасти хлеб, который прислал мне сын мой возлюбленный — Махар! Твои корабли перевернуло бурей, и продовольствие, столь необходимое войску, погибло! Это из-за твоей нерадивости голодают воины, и я принужден отрубить тебе голову и выставить ее перед лагерем: пускай все видят, кто повинен в нехватке провианта!.. Эй, воины!

Вбежали рослые исавры с каменными лицами, держа наготове обнаженные мечи.

«Теперь ясно,— подумал Асандр без страха, даже с неожиданным облегчением,— в чем вина моя!.. Кстати твое письмо, Панталеон, друг!»

И, подняв руку, произнес спокойно:

— Разреши молвить, государь!

— Говори, да покороче!

— Я знал, что кораблям угрожает опасность шторма! Все приметы говорили, что ветер переменится. И заранее послал гонца с приказанием весь хлеб с кораблей выгрузить на берег! Мешки с зерном и бочки с солониной были перенесены в хижины рыбаков. Поставлена надежная охрана. А рыбаков заставили уйти в шалаши, которые они построили на берегу. Им надо заплатить!.. А вот письмо моего помощника и проревса Панталеона, подтверждающее, что все сделано как надо! Разреши вручить его тебе!

Асандр протянул письмо. Его взял грек Каллистрат и быстро пробежал глазами.

— Все верно, государь,— сказал он.

Трудно было уловить выражение лица Митридата, когда он обратил взор в сторону приближенных. В нем странно сочетались разноречивые чувства. Еще не улегшееся раздражение готово было смениться мальчишеским задором. Ноздри озорно подрагивали, а угол рта, доселе надменно опущенный, шевелился в нарождающейся усмешке. Асандра изумила быстрая смена настроений всесильного царя, непостоянство его душевных порывов. Он казнил и миловал сплеча, решал судьбы людей по наитию мимолетных побуждений, часто в артистическом стремлении поразить всех необычностью своих поступков. Однако сквозь игру царского лица Асандр разгадал обеспокоенность Митридата нехваткой продовольствия для войск и то, что он возлагает немалые надежды на боспорский хлеб.

— Хороший слуга не ждет приказаний господина, он предугадывает их! — промолвил Митридат, оглядывая Асандра острым и вместе поощрительным взглядом. — Возьми тысячу вьючных коней и пятьсот рабов да еще двести воинов и отправляйся за хлебом!.. Те корабли, что сохранились после бури, и другие, которые я дам тебе, нагрузишь для отправки обратно!.. Чем? Дорогим грузом для сына моего Махара. Он будет знать, как им распорядиться. Тебе я вручу письмо, ты передашь его Махару! Исполни!

Уходя, Асандр благословлял предусмотрительного Панталеона, который, не ожидая беды, спас весь продовольственный груз, а вместе и голову самого Асандра. «Уже дважды я чуть не потерял жизнь из-за южного ветра, — подумал он с суеверным чувством, вспомнив свои злоключения после ледовой битвы, — но, видно, боги хранят меня!»

За пологом шатра боспорец задержался, желая лучше расслышать, что говорил царь приближенным.

— Я не могу сейчас снять осаду, — рубил стальной голос, — весь мир будет смеяться надо мною, скажут, что Митридат отступил от Халкедона, отменил сражение с Лукуллом и не взял Кизика! Нет, на войне так не поступают! Пока я выслушиваю разноречивые советы, время идет, войско топчется на месте, я терплю неудачи... Повелеваю — покончить с городом в грядущий день! Как взойдет солнце — возобновить штурм!.. Идите действуйте!

Люди, появившиеся у царского шатра, чуть не сбили Асандра с ног. Ему удалось узнать еще одну новость, так как тканые стены царского шатра хорошо пропускали звуки. Он услышал, как доверенный евнух распростерся перед Митридатом и сообщил ему:

— О великий государь!.. Твой советник Луций Магий упал грудью на меч! Он лежит мертвый в своем шатре!

— Вот он, справедливый суд богов! — заключил царь вещим тоном провидца. — Идите, оставьте меня, я принесу жертву Фемиде!

XX

«Ливийский флейтист» ослабел, он уже не имел силы перевертывать корабли и выбрасывать их на берег, как несколько дней назад. Его теплое, умиротво-

ренное дыхание наполняло паруса, и боспорская флотилия весело пенила воды Понта Эвксинского, распростившись с Анатолией, страной южного солнца и разрушительных войн.

В тесной каюте стоит стол, на который падают игральные кости. Панталеон скребет бороду толстыми пальцами и глубокомысленно щурит глаза на партнера. Евлупор вытряхивает кувшинчик, весело скаля зубы. Сегодня ему везет, он выигрывает уже шестой раз подряд.

— Фортуна польстилась на твою силу, о витязь! — говорит Панталеон, одной рукой бросая на стол медную монету, а другой наливая вино в турий рог.

— И на красоту! — рассмеялся Евлупор, причем глаза его совсем спрятались под мохнатые брови, а нос казался единственным местом на лице, не покрытом ключьями колючих волос.

— Может, и на красоту, — соглашается Панталеон, пожимая плечами, — ибо сам злой дух не поймет, что именно нравится женщине у мужчин... А тебя, такого небритого, большого, с корявыми руками, женщины любят! Вот и Фортуна удостоила тебя своим вниманием!.. Скоро ты будешь навархом Митридата!

Евлупор смеется добродушно. Он с десятью боевыми кораблями сопровождает боспорский караван в обратном плавании. Предусмотрительность не лишняя. Асандр заполнил опустевшие трюмы объемистыми тюками тканей, связками позолоченного оружия и глиняными бочонками, очень тяжелыми; содержимое их не было известно Асандру. Судя по сильному конвою из боевых триер, в бочонках было немалое богатство, отправляемое дальновидным Митридатом на Боспор, в распоряжение Махара. Море кишело пиратами, для которых суда с царскими сокровищами явились бы лакомой добычей.

Все матросы-боспорцы счастливы, что возвращаются домой, оставив позади грохочущий ад великой войны. Они получили завидное жалованье, одарены царем и имеют основание быть довольными.

— Теперь да помогут нам боги добраться до Пантикапея без большой беды! — говорят они, стоя на палубе и опасливо поглядывая на море. И хотя Понт Эвксинский безмятежно спокоен, все знают, как обманчиво это спокойствие. Оно таит в себе угрозу страшных бурь и пиратских нападений.

Асандр с капитанского мостика вглядывается в даль, испытывая ломоту в глазах от оранжевых бликов предзакатного солнца, прыгающих по ленивым волнам. Доволен и он, так как выполнил возложенное на него трудное дело, испытал милость и ласку царя, счастливо избегнул царского гнева, получил немалые награды. Среди кораблей — два его собственных! На них погружены дары, полученные от Митридата, и кое-что выменинное у жителей чужой страны на хлеб, который стал здесь большой ценностью. На тех же кораблях находятся и рабы, также дарованные Митридатом взамен освобожденного Гиерона. Еще две таких поездки — и Асандр мог бы стать в один ряд с наиболее состоятельными гражданами Пантикапея.

Только вот добраться бы до дому благополучно!

И, словно в ответ на эти опасливые мысли, на горизонте появляются рыскающие суда пиратов. Тех пиратов, которые не пошли на службу к Митридату и не связали своей судьбы с судьбой воинственного царя, предпочитая оставаться свободными хищниками голубых просторов.

Впрочем, это не первое их появление, видели их и накануне. Тогда они кружили, высматривали, подобно стае волков, преследующих отару овец. Сейчас их значительно больше, они смело идут на сближение, развертываются в широкую линию, как бы намереваясь окружить караван.

Взяв в руку деревянный молоток, Асандр ударил в гонг. Такие же звуки раздались и на других судах. На палубах поднялась суматоха, замелькали копья, вспыхнули на солнце медные шлемы. Игроки прислушались, оставили кости на столе, схватились за оружие и поспешили на палубу.

— Это те же, что и вчера, — спокойно произнес Евлупор, прикрывая глаза ладонью, — но есть и другие, покрупнее! Возможно, хотят попытать счастья!

Евлупор, пройдя школу морского пиратства, хорошо изучил повадки бывших собратьев. Подумав, выпрямился, его глаза сверкнули отвагой.

— Разреши, Асандр, я отгоню их! Нападать первым — это самое лучшее, когда имеешь дело с морскими разбойниками!

— Кому знать это, как не тебе! — рассмеялся Асандр. — Попробуй!

XXI

Узники сгрудились в темном трюме, задыхаясь от тесноты и спертого воздуха. Хуже всего было то, что трое заболели и просили не говорить об этом жестоким хозяевам, которые не замедлили бы выбросить их за борт. Здоровые не выдавали больных, но и не проявляли к ним особого внимания. Каждый думал о себе. При слабом свете подвешенного на цепочке светильника можно было разглядеть всклокоченные головы и вспыхивающие отчаянием глаза.

— Пить! — просили пересохшие губы больных.

— Нет воды! — раздраженно отозвался басовитый голос из темного угла. — Мы все скоро умрем от жажды!

Все они пленники, вместе оказались случайно, были озлоблены, так как видели впереди лишь смерть или позорное рабство.

— Стать рабом плохо, но все же лучше, чем умереть! — говорит кто-то негромко.

— Ты уже раб! — почти с яростью отвечает могучий бас. — Вот когда прикуют тебя к веслу и заставят скоблить море да еще бичом пройдутся по спине, — узнаешь, что такое жить в рабстве!

— Или запрягут, как осла, крутить мельничный жернов! — добавили сразу несколько.

— У меня в Канпадокии жена и дети! — уныло заявил бородатый пленник с окровавленной повязкой на голове. — Митридат взял меня в войско насильно. А теперь ему все равно, что со мною, он даже не знает, жив ли я и другие из нашего племени! Моя жизнь загублена!.. Теперь я добыча пиратов!

И, уронив голову на широкие ладони, замер в этой позе.

Пленник, страдающий от качки корабля, корчился в углу в судорогах. Переведя дух, вдруг сказал с горечью:

— А говорили, что пираты рабов делают свободными! Почему же они нас хотят продать в рабство?

— Это как кому повезет, — ответил бас. — Бывает, беглые рабы сами становятся пиратами, а другие, свободные, как я, например, получают железный обруч на шею или копье в грудь!.. А тебе не быть ни моряком, ни пиратом. Слаб ты!

— Крепись! Три брюхо ладонями, — советует сосед.

— Ох, не могу, все нутро перевернуло!

Невидимый в углу мученик морского недуга старался преодолеть бунт своего желудка, но безуспешно. Ему казалось, что смерть была бы избавлением от невыносимого страдания. И тут же в голову лезли воспоминания, проходили картины удивительных событий недавнего прошлого. «Все рухнуло,— в отчаянии думал он,— и свобода, дарованная царем, и мечты о военной добыче, и надежды вернуться в свой город хотя бы слугой при хозяине!»

Послышался треск, громыханье, словно от падения на палубу чего-то тяжелого. Гулко забарабанил топот многочисленных ног. Неясно доносились ругательства и окрики старших. Потом весь корабль дрогнул от тяжкого удара в борт, доски затрещали, пленники повалились один на другого. Казалось, судно перевернулось и падает куда-то в бездну.

— Ой-ой!.. Днище расселось, вода пробивает! — истошным голосом вскричал тот, который считал рабство предпочтительнее смерти.

Далее начался кошмар. Трюм заливало холодной водой. Пленники пытались закрыть отверстие чем попало, но раздался еще удар — и ледяные фонтаны хлынули со всех сторон. Все вскочили на ноги и, стоя по колено в воде, кричали дикими голосами и били кулаками в низкий потолок:

— Откройте, откройте!.. Корабль тонет!.. Погибаем!..

Но наверху их не слышали. На палубе продолжалась лихорадочная возня с криками и перестуком оружия. Там дрались! Кто с кем?.. Догадаются ли открыть люк?.. Теперь и убежденным поборникам свободы было все равно, что их ожидает после плена, лишь бы не оказаться пищей для морских рыб.

Но вот на палубе все утихло. Только в трюме не прекращались отчаянные вопли и призывы о помощи. Вода уже не журчала, врываясь в бреши, она бесшумно заполняла внутренность корабля и сейчас достигала до пояса.

Люк открылся со скрипом. В лица обезумевших от страха людей глянули спокойные звезды ночного неба.

— Вылезай! — крикнул кто-то на ломаном греческом языке, понятном большинству.

Толкаясь и мешая друг другу, обитатели трюма стали выбираться на палубу. Откуда-то появился факел, в

его неверном свете выступили лица воинов, окровавленные мечи и трупы, наваленные на палубе. Пираты были уничтожены, победители стояли, тяжело дыша, еще распаленные битвой. Совсем близко покачивался на волнах, как черный призрак, корабль победителей.

— Вылезай быстрее! — крикнул высокий воин без шлема. Его жесткие волосы и борода торчали во все стороны и в свете факела казались огненными. — Или хотите пойти на дно моря, вместе с этой дырявой посудой?

Пленников переправили на другой корабль. Здесь при свете огней выстроили перед тем же высоким воином, который задал общий вопрос:

— Кто такие?.. Купцы? Воины? Рабы?.. Как попали к пиратам?

Возможно, среди освобожденных были и рабы, но сейчас все заявили, что они люди свободные, воины Митридатовой рати. А попали в плен к пиратам случайно, после неудачного штурма Халкедона, а кто и под Кизиком.

— Ага, значит, все царские люди, воины?

— Да, да! — хором отвечали бывшие узники.

— Будете пока на моих кораблях матросами. А потом высажу вас на берег. Дорогу к своим отрядам сами найдете!

Все радостно зашумели, благодарили бородато о витязя, даже падали перед ним на колени.

Последними оказались трое больных, которые не могли стоять, их перенесли из лодки на руках. Потом появился еще один, он еле передвигался, схватившись за живот.

— Больным дать вина, — распорядился старшой. — Выживут — их счастье! Умрут — выбросим за борт!

— Нет, нет! — слабым голосом запротестовал четвертый, икая и охая. — Я не хочу умирать!.. О Евлупор, ты спас меня от плена, спаси и от морской могилы! Это боги не пожелали моей гибели и прислали тебя на помощь!..

— Это кто такой?! — воскликнул бородатый витязь, не удержавшись от смеха. — Уж не для тебя ли одного я и мои люди сражались с морскими разбойниками? Откуда ты знаешь меня?

Вокруг захохотали.

— Это я, Гиерон!

— Гиерон?.. Ох ты! Привет тебе, друг!.. Ты прав, здесь без богов не обошлось! Видно, там, наверху, знают тебя! Иначе мы не встретились бы!

Спустя полчаса они сидели в уютном трюме за столом, на котором еще лежали игральные кости. Гиерон жадно глотал из рога вино и постепенно приходил в себя. Он выглядел глубоко несчастным человеком, вид у него был жалкий, помятый, небритая борода старила его.

— Да восславят тебя боги,— слабым голосом говорил он Евлупору,— ты спас не одного меня, но всех, кто погибал в пиратском трюме! Скажи, где мой господин Асандр?

— Какой господин? — рассмеялся Евлупор.— Ты же свободный человек и воин Митридата! У тебя один господин — царь! Я знаю, что ты сражался хорошо, и замолвлю за тебя словечко Фарнаку-царевичу! Ты будешь награжден и станешь десятником в коннице. На море ты не годишься, эка раскис! Завтра поутру я расстанусь с боспорцами, поверну назад! Митридат повелел мне возвратиться с половины пути. Вот и ты — со мною!

— Нет, нет! — испуганно замахал руками Гиерон.— С меня хватит! Сражался я на коне, и мое копье было во вражеской крови! Штурмовал Кизик — увидел цвет собственной крови! После того, как рухнула штурмовая башня, я оказался в море и хлебнул морской водицы! Спасся на обгорелом бревне, оно плыло мимо, но ветер отнес меня прочь от берега!.. И в награду за все испытания я оказался подобранным пиратами, которые посадили меня в вонючий трюм и хотели продать в самое что ни на есть черное рабство! И это те пираты, у которых я когда-то вместе с тобою, намеревался искать свободы!.. Нет, хватит! Я хочу увидеть своего бывшего хозяина Асандра и напомнить ему о том, что он обещал мне!

— А каково было его обещание?

— Он клялся взять меня обратно в Пантикапей!

— Что же ты хочешь делать в этом городе господ и рабов?

— Хочу остаться при хозяине слугой!

— Как? — изумился Евлупор.— Ты хочешь отказаться от звания воина и опять получать оплеухи от хозяина и питаться его объедками? Ты же снова станешь рабом!

— Не стану, не раб я! Я получил вольную при тысяче свидетелей, на царском пиру, да еще от кого — от

самого Митридата!.. Но я убедился, что нет настоящей свободы для маленького человека, а тем более для бывшего раба! Его свобода — это свобода зерна, падающего под жернов! Его превращают в муку, из которой цари и князья испекут себе хлеб, замешенный на крови человеческой. Вот и все!.. Ты прав был, когда говорил, что свобода — это белая ворона, ее трудно найти! Теперь и я уверился в этом!

— Верны слова твои, Гиерон,— отозвался Евлупор в раздумье,— свободу обрести трудно, зато неволю — легко! Неволя всегда рядом, только оступись — и она тут как тут!.. Но ведь неволя неволе рознь! Одно дело — быть рабом у царя и носить оружие. И другое — у Парфенокла!.. Нет, друг, не спеши на Боспор, вот отвоюемся, тогда посмотрим, что дальше делать. Думаю, что лучше остаться воином, чем слугой.

— Мне не привыкать обслуживать хозяина... Я всегда был слугой!

— А если он не признает твоей вольной, как тогда?

— Боги не допустят этого...

— Э, друг, боги и не то допускают! До тебя ли им!

— Все равно другой дороги мне нет! А Боспор — моя родина!

— Одумайся, Гиерон! Неужели ты говоришь это всерьез! Может, ты просто измучен, устал, переболел морской болезнью?.. Отдохнешь — все пройдет, и ты останешься воином!.. Подумай!

— Нет, Евлупор, друг,— вздохнул Гиерон,— я уже все обдумал там, в трюме, ожидая смерти или железного ошейника... Мне бы отыскать хозяина!

— А его нечего искать,— он здесь!

— Где?

— Вот он!

Гиерон оглянулся и увидел вошедшего в каюту Асандра. Тот отстегивал на ходу меч и взглянул на бывшего раба и слугу со снисходительной усмешкой.

Часть III

ЯНУС ДВУЛИКИЙ

I

Асандр уехал из Пантикапея малоуважаемым и бедным человеком, прислужником заносчивого наместника. А возвратился богачом и вельможей, соратником самого Митридата, отмеченным его царственным вниманием и милостью.

Он сошел на берег в окружении вооруженной стражи. Друзья устроили ему восторженную встречу. После дружеских объятий последовал беглый обмен новостями, местными и заморскими.

— Побеждает царь Митридат кичливых римлян?

— Боги помогают ему. А как дома, все в порядке?

— В твоём доме все благополучно. А вот Неоптолем отряд твой разогнал, а «ледовых братьев», что слонялись по городу без работы, похватал, в железа одел и, как рабов, послал за город землю копать!

— Да?

Асандр остановился на мгновение как бы в раздумье. Но тут же коротким жестом дал понять, что обсудит это позже. С приветливой улыбкой оглядел людей на пристани и знакомый облик города.

После шумной Синопы и циклопического круговорота римско-понтийской войны Пантикапей показался ему захолустным и тихим.

Толпа горожан собралась на берегу посмотреть, как рабы и матросы переносили с кораблей Асандра узорчатые тюки, плетенки из ивовых прутьев, увесистые ящики, сотни опечатанных больших и малых амфор.

Думая, что весь этот груз принадлежит Асандру, горожане завистливо и удивленно чмокали губами, показывали пальцами, крутили головами.

Асандр, весело смеясь, крикнул дружественным тоном: — Приветствую вас, о боспорцы!

По его знаку вперед вышел Гиерон, еще бледный после морской болезни. Он стал разбрасывать горстями медные деньги, которые были подобраны с радостными возгласами. А потом роздал более десятка малых амфор с вином.

— Слава богатому и счастливому Асандру! — слышалось в ответ.

И когда Асандр проследовал мимо, то простые люди провожали его приветственным поднятием рук. Говорили:

— Нет, как хотите, а Асандр знает тайную науку чародейства! Ему служат демоны!

— А может, его счастье в острой голове и бесстрашном сердце?.. Он далеко видит и ничего не боится. Этот человек мог бы стать одним из архонтов нашей общины, ибо умен и удачлив!

Греки всегда преклонялись перед удачниками, помеченными рукой богов. И старались выбирать в совет города таких людей, которые носят за плечами невидимый мешок, полный удачи и счастья. Они верили, что, вручая власть счастливому и сильному, они косвенно могут рассчитывать на долю его успехов. Кому же не хочется урвать в свою пользу кусочек чужого счастья!

Примечательно, что Асандр не кинулся немедленно во дворец, чтобы пасть ниц перед Махаром и доложить ему о благополучном завершении плавания, как полагается исправному слуге. Но в сопровождении вереницы рабов, нагруженных пестрыми свертками и тяжелыми сосудами, окруженный празднично одетыми друзьями, не спеша направился к храму Зевса Спасителя. Это означало, что он теперь богат, почувствовал силу и считает себя вправе поступать как один из знатных людей Пантикапея.

Увидев жреца Левкиппа, спускающегося навстречу по ступеням храма, он с достоинством приветствовал его.

— Прими, отец, посильные приношения мой великому богу в благодарность, по обету! — сказал он, подняв кверху мускулистые руки, украшенные золотыми браслетами.

Затем воскурил перед ликом бога привезенные из-за моря индийские благовония и совершил благодарственное жертвоприношение. Заморские дары были приняты самим Левкиппом и под его присмотром внесены иеродаулами в храмовую кладовую.

За принесением жертв последовало посещение бани. После освежающей ванны Асандр вошел в свой дом и в компании друзей вкусил от блюд, приготовленных искусными руками Антигоны. Преданная рабыня вручила ему папирус, свернутый трубочкой.

Это было письмо Икарии — художницы из Нимфея, написанное и присланное много недель назад.

Икария сетовала на одиночество и ухудшение здоровья в связи с длительным и печальным ожиданием того, кто люб ее сердцу. Звала его в Нимфей. Пыталась заинтересовать его делами виноградаря, ранее купленного для нее Асандром, но теперь за отсутствием хозяина-мужчины пришедшего в упадок. «Приезжай, я жду тебя!» Этим призывом заканчивалось письмо.

Асандр вздохнул, задумался. Нет, сейчас он не мог покинуть Пантикапей ради встречи с Икарией. Это будет несколько позже. Обратившись к Панталеону, попросил его съездить в Нимфей, отвезти художнице ответное послание, подарки, привезенные издалека, произвести осмотр имения и уплатить долги.

— Захвати с собой двух лучших рабынь, из тех, что я получил в подарок от Митридата. Пусть они служат ей. Сделаешь все — возвращайся немедленно!

— Что передать прекрасной Икарии на словах?

— Скажи, что я занят делами! Освобожусь — приеду!.. И что я всегда помню о ней!

II

Одетый в чистые одежды, пахнущие благовониями, Асандр явился во дворец и направился к царским воротам. Здесь, как всегда, толпились аристократы в ожидании приема. Словно не замечая пристальных взглядов боспорских вельмож, он подошел к Неоптолему и, сделав приветственный жест рукой, обратился к нему с непринужденностью старого знакомого:

— О почтенный и непобедимый стратег, у меня есть к тебе дело, о котором скажу после приема у наместника!

Лицо старого флотоводца покрылось краской, он не знал, как вести себя с этим удивительным человеком, который сумел воспарить из бедности к богатству и знатности и сейчас держался с достоинством человека, знающего себе цену.

— Что ж,— ответил он сдержанно,— я готов выслушать тебя!

Асандр подошел к царским дверям, и все увидели в его руках пергаментный свиток со свисающей восковой печатью, на которой виднелся оттиск полумесяца и солнца — прославленного герба Ахеменидов. И каждый понял, что это послание самого Митридата. Асандр получил его из рук великого царя и привез, чтобы вручить Махару...

Словно по команде, аристократы одновременно преобразились, сбросили маски надменности и спесивой сдержанности. Они обратили к Асандру дружелюбные взоры и улыбки и склонили головы в знак глубокой преданности повелителю, от имени которого явился сюда этот предприимчивый и смелый человек.

Двери распахнулись. Асандр первым оказался в покоях наместника. Аристократы переглянулись, но никто не нарушил молчания каким-либо замечанием.

Асандр преклонил колена перед Махаром и вручил ему свиток. При этом сказал, что его богоравный отец здоров и полон сил, милостив к преданным людям, доволен присланным караваном продовольствия.

Теперь Махар уже не смотрел на Асандра свысока. Асандр стал отличившимся кораблеводителем, с успехом осилил важное и опасное поручение, а главное — лицеизрел самого Митридата. Наместник встретил его с известной торжественностью и объявил, что утверждает его в высокой должности наварха, ведающего кораблями, отправляемыми в Синопу.

Оставшись наедине с удачливым мореплавателем, Махар с дружеским смехом положил ему на плечо мягкую руку.

— Да сопутствуют тебе боги, Асандр,— сказал он, ты оказался на высоте! На тебя упал взор моего венценосного родителя, твои уши слышали его голос, ты дышал одним воздухом с ним! Ты удостоился присутствия на его пиру! Честь тебе и слава!.. Ты стал лучшим из пантикапейских греков! Отныне бывай во дворце всег-

да, когда захочешь! Твое место — за моим столом, его никто не займет! Не придешь ты — оно будет пустовать!.. Давай выпьем вина!

Наместник хлопнул ладонями и приказал безмолвному как тень рабу принести вина. Взяв с подноса блестящий кубок, сказал, лукаво прищурив выпуклые глаза:

— Может быть, это не такое старое вино, какое ты пил за столом моего отца, и не столь сладкое, как то, что ты привез на двух кораблях из-за моря!.. Но все же неплохое!

Асандр рассмеялся непринужденно. Он не чувствовал смущения в присутствии наместника и держался уверенно и смело. Махар теперь казался ему одним из многих, которые раболепно толпятся у трона Митридата, на лету ловят его приказания и селятся хоть чуточку походить на своего державного владыку. Что Махар — сын и наследник Митридата, не меняло дела. Царь был строг к детям и менее всего подвержен родительским слабостям. Все знали, что Ариарата, родного сына, он отравил, а другого, Митридата-младшего, казнил по подозрению в измене. Он раздавал дочерей, так же как и перстни, царям и вождям варварских племен, используя их в своих далеко идущих целях. И Асандр не сомневался: если Махар ошибется, ему несдобровать.

Ведя беседу об отце-государе, Махар был ясен и милостив и не проявлял и тени неудовольствия в ответ на непринужденное поведение боспорца.

— Ты побывал в Понте на редкость удачно, — говорил он, смакуя вино. — Сумел доставить груз, привез сокровища, которые отец переправил на Боспор в мои казнохранилища. Да и сам не остался внакладе — стал собственником двух кораблей, толпы невольников и немалых богатств!

Асандр поперхнулся, закашлялся, пораженный осведомленностью наместника в его делах. Ему не было известно, что, прежде чем он явился к царевичу, тот уже принял соглядатаев, которые сопровождали Асандру в его путешествии, наблюдали за каждым его шагом. Махар и в этом следовал примеру отца. Митридат содержал сотни тайных осведомителей и даже убийц, приставленных на всякий случай ко всем важным лицам в государстве.

— О великий наместник, — ответил Асандр с поклоном, — ты знаешь о событиях раньше, чем они произой-

дут! Твой глубокий ум и божественная проницательность недоступны моему пониманию!

— Скажи,— спросил Махар, смеясь удовлетворенно в ответ на лесть боспорца,— что же ты будешь делать с тем старым заморским вином, которое выменял на зерно у виноградарей Синопы? Торговать?

— Видят боги, не спешу с этим! Да и не для продажи приобрел его, а для того, чтобы внести по обету в храмы города, а главное — для фиаса евпатористов! Фиас должен располагать запасом вина, по качеству достойного имени твоего великого, божественного отца! А так как ты отражение отца и глава фиаса, то, значит, и вино это твое!.. Уже сегодня вечером, если соблаговолишь, я наполню твой кубок этим вином на тайном собрании лучших евпатористов! И ты выпьешь его под звуки нашего гимна!

Это было сказано так естественно и просто, что не вызывало сомнения в искренности похвальных замыслов и намерений Асандра. Хотя он лишь сейчас мгновенно обдумал это, заподозрив, что Махар завидует ему, владельцу такого количества прекрасных вин. Видимо, местная кислятина надоела царевичу.

— Да? — раскрыл широко глаза Махар.— Но ты спрятал вино в подвалы своего дома!

— Именно так! Иначе твои ключники и дворцовая челядь прежде тебя самого разопьют его! Известно, что цари не выпивают и тысячной доли того, что расхищается жадными слугами!

— Это верно, ты предусмотрителен, Асандр! Ты достоин стать хранителем царских сокровищ! Так, значит, подвалы — твои, а вина в подвалах — мои?

Он расхохотался, Асандр поддержал его.

— О великий Махар, ты мудр и проницателен. Ты не мог сомневаться в этом!.. Я хорошо помнил, что боспорские вина тебе не по вкусу, а заморские стали редки, привоза нет!

Асандр продолжал держаться в той развязной и одновременно почтительной манере, которую Махар и раньше терпел. Теперь эта манера даже нравилась ему. Так надоело скучать одному среди раболепно согбенных спин, слушая медоточивые речи из лукавых уст. Наместник еще не миновал того возраста, когда хочется окружить себя не только вельможами и слугами, но и

веселыми друзьями, провести время за чашей, отбросив утомительные и однообразные церемонии. И сейчас слушал вкрадчивый говорок Асандра с добродушной усмешкой.

— Ты угадал,— кивнул он головой,— мне многое не по вкусу здесь, многое надоело. И плохие вина, и одни и те же «козочки» из храма Афродиты Пандемос!.. Тесен Боспор, нет в нем того простора, как в Понте! Вот сейчас отец с воеводами ведет победоносную войну, а я принужден сидеть здесь, томиться и даже терпеть строптивость какой-то Фанагории! А почему?.. Все потому, что следую замыслам великого Митридата — снабжаю его войско питанием, пополняю воинами... Но я разделаюсь с Фанагорией, и вы, боспорцы, хотите или не хотите, поможете мне в этом!

— Истинно так, о великий Махар! — произнес с чувством Асандр, опускаясь на колени.— Ты же знаешь, что я и евпатористы готовы к походу хоть сейчас! Только разреши мне собрать их в один отряд. Пока я был в отлучке, наварх Неоптолем отряд распустил, многих добрых воинов послал на земляные работы. Разреши вернуть их и создать отряд вдвое больший, который будет тебе предан до смерти!

— Разрешаю, действуй, я верю тебе! — ответил Махар милостиво.

Они допили вино, постояли перед открытым окном, из которого хорошо были видны прибывшие из-за моря корабли. Люди, что толпились у причалов, казались отсюда совсем маленькими.

— А теперь расскажи подробно, что ты видел у отца и каким показалось тебе его окружение.

— Окружение великого царя блестящее, войско его способно разбить хотя бы армию Александра! Оно превратило в грязь отряды Котты копытами коней и стальными косами колесниц! Я был потрясен стремительностью и мощностью атаки!

— О! — не удержался впечатлительный, горячий Махар.— Как я хотел бы в тот час быть на твоём месте!

— А когда государь вернулся с поля боя, то его белые кони стали наполовину красными, его колесница была залита кровью врагов! А сам он был покрыт кровавыми брызгами, как рубинами, и походил на страшного в своем могуществе Ареса! И, клянусь богами, я

ясно и отчетливо видел вокруг его головы и за его спиною божественное сияние! Это было сияние победы!

Махар стал серьезен, его глаза остановились в наивном изумлении, как у ребенка.

— Ты... ты это в самом деле видел или тебе показалось?

— В самом настоящем! Не могло мне показаться, я не был пьян. Ведь не показалось же мне сияние за спиной Таксила, он стоял рядом, или у Менофана, который помогал царю выйти из колесницы!

— Это хварно, хварно! — вскричал царевич.

— Что такое хварно?.. Прости, великий наместник, я второй раз слышу это слово и не знаю, что оно означает.

— Ты не знаешь, что такое хварно?.. Достаточно, что ты его видел! Это священное сияние, окружающее великого бога Агурамазду! Оно исходит также и от его избранников, посланных на землю управлять людьми. Хварно означает, что на отца снизошли божественная сила и благодать! Хвар — по-персидски солнце!

— Ага, понимаю, — протянул Асандр и вспомнил, что видел в восточных храмах изображение Агурамазды в центре сияющего, крылатого солнца.

— Это великое откровение, Асандр! Это знамение богов! О нем должны услышать все в городе, знатные и незнатные, военачальники и простые воины! Пусть и в Скифии узнают, что боги пометили Митридата сиянием, чем уподобили его самим себе! Это знамение гласит...

— Оно гласит, — подхватил Асандр вдохновенно, — что наш живой бог и царь Митридат Евпатор Дионис — победит!

— Да исполнится! — в суеверном восторге прошептал Махар.

Его щеки стали серыми от волнения. Он взялся рукой за сердце. Асандр поспешил поддержать его под локоть.

— Где ты оставил лагерь отца моего? — спросил царевич.

— Под Кизиком, в разгаре осады. Думаю, что Кизик уже пал и царь воздвиг трофей победы!

— Несомненно!.. Так вот, в честь победы отца моего да будет праздник на Боспоре на протяжении двух дней! — сказал Махар в упоении. — А теперь оставь меня, я буду беседовать с богами! А затем прочту и обдумаю послание отца и государя моего!

III

Конские ноги скользили по глинистому грунту. Жирная грязь смачно чавкала под копытами, брызгая жижей прямо на свисающие с седел плащи богатых всадников. После ночного дождя земля парила под солнцем.

— Ты не прав, достойный муж! — говорил Неоптолем, трясаясь в седле. — Я не повелевал хватать евпатористов и участников ледовой битвы!

— Как же они могли оказаться на земляных работах за городом? Это свободные-то боспоряне?

— Так ведь и свободным, если они нищие, надо что-то есть! И я уверен, что многие из них были рады работе, надеясь получить за нее чашку полбяной каши!.. Заметь, Асандр, Пантикапей был переполнен бездельниками, которые валялись целыми днями по углам рыночной площади, не желая работать! Чем они жили? Воровством, нищенством и ночным разбоем! Хорошо ли это?.. А сейчас улицы и площади города опустели, по ним ходят лишь приличные люди, имеющие свой дом и доходы! Всю рвань и нищету я устроил на земляные работы и кормлю их!

— Вместе с рабами? Как ты унизил честь свободного человека!.. И главное — распустил отряд лучших евпатористов и героев ледовой битвы, той битвы, которая принесла тебе славу и награды! Без этих людей ты не одолел бы варваров на льду!

— Оставим это, — сморщился Неоптолем, едва не свалившись с лошади, когда та споткнулась о камень посреди лужи. — Пусть боги решат, кто настоящие герои этой битвы! А твой отряд после твоего отъезда за море сам разбежался! Твои молодцы больше любят спать, пить вино и играть в кости, а нести тяготы службы не хотят. А кто же будет кормить бездельников?.. Пришлось собрать их в разных местах и послать на постройку лагерей!

— Но ты уравнил их с рабами! И приказал бить бичами! Хорош кормилец!

— Не говори так! Ты не вправе забывать, что я спас тебя от смерти. Твои сограждане вместо награды за геройство хотели казнить тебя.

— Верно! Ты спешил покинуть лед, желая спасти свою жизнь, и оставил меня с ранеными и убитыми на

произвол морской бури, которая взломала лед... Вот из-за тебя я и был обвинен! Значит, мы квиты!

— Согласен! — примирительно ответил Неоптолем, кося нечистыми, заросшими старческим студнем глазами. — Теперь ты советник правителя, ставленник Митридата, и спорить с тобою невыгодно!

Они обменялись взглядами, усмехнулись каждый своим мыслям. Дорога свернула направо и пошла вдоль рва, на дне которого в грязи копошились бесчисленные землекопы, работая лопатами и кирками. Это были совершенно черные от грязи и загара рабы, казалось, слепленные из той земли, которую рыли. Большинство голые, даже без тряпок на поясе. Они поднимали головы, желая взглянуть на всадников, и тогда белки их глаз сверкали странно, как перламутровые. Обросшие волосами, бородатые, чумазы, они напоминали сказочных пещерных обитателей. Трудно было поверить, что их сердца могли испытывать человеческие чувства или трепетать в надежде на лучшую участь. На возвышенном месте, среди лопухов и полыни, стояли надсмотрщики и стражи с мечами и копьями. Увидев Неоптолема, они засуетились, защелкали сыромятными бичами. Послышались хлесткие удары по голому телу, приглушенные стоны, исторгнутые невыносимой болью.

— Здесь не ищи, — равнодушно произнес Неоптолем. — Среди этих нет свободных!

В числе сопровождающих был и Гиерон. Одетый в скифские штаны и кафтан, он чувствовал себя на спине спокойной лошади куда уютнее, чем на борту корабля среди взбесившихся волн. Но сознание благополучного исхода недавних злоключений омрачалось новыми заботами. Взглянув на толпу рабов, он невольно вздрогнул, поежился, как от холодного ветра. Ему показалось, что перед ним разверзлась земная твердь и открыла его взору страшный подземный мир, населенный злосчастными душами умерших, осужденных богами на муку и вечное прозябание. Мир без солнца, без надежд, без радости! Одно неизбывное горе и нескончаемое страдание!.. Гиерон ощутил мгновенную дрожь во всем теле, но не от жалости к несчастным, ибо сам всю жизнь был рабом. Это был мимолетный приступ страха, мучительной боязни за собственную судьбу, одного поворота которой достаточно, чтобы потерять равновесие и скатиться туда,

вниз, оказаться среди обреченных... Сам собою возник вопрос: надежно ли он защищен от черного рабства милостью хозяина и действительна ли та свобода, которую он получил от Митридата? Чем он может подтвердить и защитить ее?.. Это было неясно и рождало болезненное беспокойство.

Однако Гиерон был по натуре человек веселый, унывать не любил, старался цепляться за жизнь любой ценой и выжимать из нее те капли радости, которые делали ее сносной. И сейчас попытался встряхнуться и больше не смотреть на земляных невольников. Но другие мысли пришли в голову и опять-таки не порадовали его. Они были обращены к Евпории, которую он не нашел в ее домике.

Пользуясь временем, пока Асандр посещал дворец, Гиерон успел сбегать на знакомую улочку в надежде встретиться с подружкой и вручить ей заморский подарок — коралловое ожерелье, его единственную военную добычу. Он ожидал, что в ответ на его условный свист и стук, как всегда, выйдет верная Дидона и скажет с сонной усмешкой, что госпожа дома и готова его принять. Но был неприятно поражен, когда из калитки высунулась угрюмая физиономия плечистого раба-кавказца, который сдерживал за ошейник лохматую овчарку, готовую броситься на незнакомого гостя.

— Я хочу видеть почтенную хозяйку дома Евпорию, — с некоторой робостью заявил Гиерон.

— Нет, здесь никакой Евпории! — грубо ответил привратник, ломая греческую речь. — Уходи, пока я не спустил собаку! Ищи свою потаскуху в другом месте!

Озадаченный Гиерон поспешил отойти прочь, оглядываясь опасливо на оскаленную песью морду и мысленно проклиная чересчур ретивого слугу. «Что-то случилось!» — решил он, но никак не мог представить, что именно.

Сейчас он испытывал тревогу за судьбу Евпории, мучаясь догадками о ее местопребывании.

Они миновали ров с рабами, направившись через пустырь к следующему участку, где также производились работы по возведению зимнего лагеря для размещения войск. Лагерь должен был находиться в кольце земляных укреплений, рва и частокола из сосновых бревен. Здесь кирки стучали громче, каменистый грунт плохо поддавался усилиям тысяч рук.

— Эй, Флегонт, это ты? — вдруг вскричал Асандр, сдерживая лошадь.

Один из землекопов поднял голову. Он был одет в рваную экзому и мало чем отличался от черных рабов.

— Я самый!

— Выходи сюда!

Тот немедленно бросил кирку и, обтирая рукой со лба грязный пот, выбрался из ямы.

— Как ты попал сюда, доброй волей или насильно?

— Кто пойдет в это пекло по доброй воле! Вот она, воля, посмотри! — Он повернулся спиной и показал кровоточащие рубцы.

— Выходит, тебя поработили?

— Нет!.. Сказали: работы кончатся — отпустим! А кому ведомо, когда они закончатся?

Асандр повернулся к Неоптолему, тот пожал плечами, усмехнулся.

— Возьми его! Только тебе придется кормить его, он гол как сокол!

Постепенно были отобраны те, кого искал Асандр. Несколько десятков евпатористов и «ледовых братьев», опустившихся до уровня рыночных бродяг и насильно завербованных на работы. Получилась изрядная толпа грязных и оборванных людей.

— Видно, очень богатым стал ты, Асандр, если берешь всю голытьбу. То их кормил наместник, а теперь это твоя забота. Пьяницы и бездельники, толку от них чуть!

— По воле наместника они станут воинами и отправятся в поход за пролив, — ответил Асандр, вспоминая разговор с Махаром. — Там дело назрело!

— Ой ли! — с насмешкой сказал Неоптолем. — А я знаю другое — поход на Фанагорию отложен до лучших времен! Такова воля Митридата, изложенная в его письме! В том, которое ты привез из-за моря!

Асандр невольно посмотрел на Панталеона, тот недоуменно пожал плечами. Панталеон особенно ратовал за освобождение друзей от земляной каторги и включение их в войско. Тем более что воины были нужны и Махар дал милостивое согласие на восстановление отряда с целью отправки его на штурм Фанагории. Но то было до прочтения царевичем отцовского послания. Теперь обстановка менялась, и это озадачило Асандра.

Освобожденные спросили, куда они должны идти. Асандр достал из кошелька несколько серебряных монет и дал Флегонту с наказом купить для всех хлеба и луку.

— Идите в город, к моему дому! — приказал он.

IV

Всадники обогнули бугор и оказались около каменоломни, имеющей вид глубокого грота, откуда валили клубы пыли и доносились удары кайл. Кандальные рабы, звеня цепями, выламывали и дробили серые глыбы. Им помогало до полусотни женщин, одетых в тряпье, одинаково серое от пыли и грязи. Они наполняли камнями плетенки из лозы и волоком тащили их в низину.

— Пантикапейские «бродячие козочки», — сказал кто-то со смехом. — Преславный царевич и их заставил строить лагеря!

Женщины закрывали головы и лица платками, стараясь сохранить волосы от выгорания, а лица от загара.

Гиерон с любопытством рассматривал еле прикрытые плотные бедра и округлые руки женщин, испытывая сожаление, что их поставили на такую тяжелую и грязную работу.

И тут среди незнакомых фигур заметил одну, которая выглядела стройнее других. Женщина обматывала тряпками ладони, чтобы не натереть их о шероховатый камень.

— Кто это?.. Боги, не сплю ли я? — воскликнул он, натягивая поводья и отделяясь от других всадников.

Он подъехал ближе, боясь ошибиться. Но сомнения рассеялись. Это она, — но какая! Полураздетая, запыленная, немытая! Кто надел на нее эти старые кожаные скифские шаровары и постолы с мужской ноги?.. А руки, ее белые руки были обветрены, опалены солнцем, покрыты ссадинами!

— Евпория, это ты? — дрогнувшим голосом окликнул он.

— А кто же еще! — ответила женщина неприветливо, откидывая рукой волосы, упавшие на лоб.

— Как ты попала сюда?

Она поглядела на него отчужденно и неприязненно, как на человека, задающего праздные вопросы. Ответила язвительно, с горечью:

— Благодаря твоему подарку — накидке, которая принадлежала Миксту, рабу Парфенокла!

— Как так?

— Очень просто. Микст бежал, а хозяин мой Клитарх появился в его накидке. Подумали, что он помогал рабу бежать, а накидку взял в уплату за это!

— Ай-ай!.. Ну, что же дальше?

— Дальше? Жабу-Клитарха схватили и бросили в темницу. Хотели казнить, но пощадили. Лишили гражданства на время.

— Жаль, что не навсегда! Но при чем ты?

— А при том! Когда заимодавцы узнали, что Клитарх схвачен, то кинулись делить его добро! За долги! Мой домик разграбили, служанку Дидону увели, а меня заставили таскать камни. Теперь я черная рабыня!.. Тьфу!

Она отвернулась от нарядного и сытого Гиерона и сплюнула в сердцах. Ей было невыносимо чувствовать на себе его взгляд, ее мучили стыд за свою внешность и обида на безжалостную судьбу, которая низвергла ее в бездну беспросветного горя. Что ему надо, этому противному, самодовольному слуге, преуспевающему около хозяина? Не он ли повинен в том, что она оказалась в каменоломне? Не его ли подарки приносят несчастье?.. Краска залила ее лицо. Гиерон заметил, что она выглядит не хуже, чем раньше. Видимо, тяжелый труд, недоедание и скотские условия рабской жизни еще не успели сломить ее сильной натуры.

Неясные мысли замелькали в голове сметливого слуги. Неожиданно он рассмеялся.

— Ты что, насмехаешься? — досадливо огрызнулась женщина, оправляя свой неприглядный наряд. — Блюдолиз хозяйский! Что тебе до черной рабыни!..

Но Гиерон не слушал ее. Следуя внезапному решению, он хлестнул коня и поскакал вперед. Поравнявшись с хозяином, зашептал ему торопливо:

— Господин, утром ты говорил, что царевичу надоели «козочки» из храма Афродиты Пандемос?..

— Ну, говорил, а ты подслушал?.. Чего тебе?

— А вот вернись назад, посмотри, как воспитанную и прекрасную Евпорию заставили таскать тяжелые камни!.. А она за свою красоту и здоровье заслужила лучшей участи! Если ее вымыть в бане и нарядить в заморское платье, она сойдет за наложницу самого Митридата!

Гиерон хитро сощурился, глядя в глаза Асандру.

— Ну, и что тогда? — спросил тот.

— Ты угодишь царевичу, и благо тебе будет за это!

— Гм...

Оба отстали от кавалькады и опять оказались у каменоломни. Асандр посмотрел на рабыню в кожаных рваных штанах и хотел обругать слугу за неудачную шутку. Но женщина выпрямилась и посмотрела на них ясными глазами. Асандр невольно остановил взор на свежем, красивом лице и пушистых волосах, оттеняющих молочную шею.

— Погляди на ее стан,— подсказал Гиерон.— Пряма, как кипарис!

— Кто она? Откуда?

— Рабыня пьяницы Клитарха, прозванного Жабой! Он берег ее как зеницу ока!.. Хотел продать за большие деньги и поправить свои дела!.. Но когда он был схвачен за связи с беглыми рабами, она попала в каменоломню, вместо того чтобы украшать собою дом богатого хозяина! Это все равно как если бы взять драгоценный камень и заткнуть им дырку в полу дома!

— Ты говоришь мне правду?

— Сущую правду, господин, смею ли я врать тебе?

Они удалились. Но Евпория заметила, что Гиерон что-то предпринял для улучшения ее положения. И почти не удивилась, когда ее бывший дружок появился опять, теперь в сопровождении двух вооруженных всадников.

— Волею наместника! — важно сказал он, поднимая руку.— Рабыня по имени Евпория отныне взята служанкой во дворец! Эй, Евпория, бросай лопату и следуй за мной!

Теперь он разглядел начальника стражи, видного детину, в котором узнал ранее знакомого ему Митрааса. Бывший сотник отбывал здесь наказание, ночевал в мазанке, обедал с воинами у костра, рассказывая им о своей жизни при дворе великого царя. Он наметил Евпорию себе в подружки на следующую ночь и, услышав голос Гиерона, заупрямился, требуя отложить исполнение приказа на завтра. Гиерон скривился с надменностью и спросил многозначительно:

— Ты, доблестный воин, как я вижу, соскучился по деревянной кобыле и ясеневым палкам! Изволь, ты полу-

чишь то и другое еще до заката солнца! Или ты глух и не расслышал, что я действую именем царевича-наместника Махара?

Евпория послушно размотала тряпки на руках и пошла рядом с конем Гиерона, сопровождаемая завистливыми взглядами толпы невольниц. Раздосадованный Митраас изругался им вслед, но перечить не посмел.

«Гиерон стал важный, как военачальник,— подумала смягченная Евпория.— Он не забыл нашей дружбы!.. Напрасно я обидела его!»

И взглянула на него с уважением и надеждой, поражаясь его изворотливости и умению использовать обстоятельства.

V

Послание Митридата, написанное искусными переписчиками на дорогом пергаменте, явилось неожиданно, оно сразу изменило обстановку.

До этого покорение Фанагории и Танаиса вкупе со всеми землями, к ним прилегающими, было основным требованием Митридата и входило в его замысел подчинения всего северного побережья Понта Эвксинского. Теперь он повелевал прекратить воинственные речи и бряцание оружием. Более того — он приказывал установить дружественные связи с этими городами, так же как и с воинственными племенами, обитавшими к востоку от пролива. И развивать торговлю с ними. При этом не требовать за товары высоких цен, дабы привлечь сердца греков и варваров. А князей племен и лучших людей за проливом одарить ценными подарками, используя для этого те сокровища, которые отправлены на Боспор в трюмах кораблей Асандра.

Хлебную дань с Боспорского царства царь велел взыскивать в прежнем размере — сто восемьдесят тысяч медимнов пшеницы в год, что составляло четыреста пятьдесят тысяч пудов! Да еще двести талантов серебра в слитках!.. Это была тяжелая повинность, выполняемая с трудом. Она истощала хозяйство Боспора и легла очень тяжким грузом на плечи боспорских хлеборобов. Недовольство год от году разрасталось, ропот подневольных пахарей и стоны обездоленных рабов становились громче с каждым днем. Махару неоднократно на-

мекали, что он должен считаться с настроениями черного люда и нуждами городов. Но он отмахивался с досадой. Для него Боспор был всего лишь понтийской колонией, взятой Митридатом на меч. Побезжденные должны молчать и терпеливо трудиться на благо победителя!.. Ему грезились впереди великие победы над Римом, власть его отца над миром, которая в будущем перейдет по наследству в руки достойного!.. Это он, Махар, унаследует великую империю Митридата, станет царем над царями и будет обожествлен, подобно отцу-государю! Ради этого Боспор должен потерпеть. Боспорцы потом получают свою долю привилегии в могущественной державе Ахеменидов, властелином которой предстоит быть ему, Махару!

И сейчас, стоя перед аристокритами с письмом Митридата в руках, он говорил возмущенно:

— Слепы и глухи боспорцы, если проявляют недовольство! Или они не хотят получить кусок шкуры, которую великий родитель мой готовится содрать с римской волчицы?.. Рим будет сокрушен очень скоро! Он уже получил первую кровавую рану в Вифинии. После взятия Кизика наступит очередь Лукулла, ему не удастся спрятаться в горном лагере. Это будет вторая рана, уже смертельная...

Аристокриты склоняли головы, умащенные маслом, поднимали холёные руки в знак полной убежденности в победе Митридата. Наиболее усердные заглядывали в глаза наместнику и восхищенно чмокали губами.

— Тем более странно,— продолжал Махар, сдвигая мохнатые брови,— что не все города боспорские радеют душой за дело Митридата! Они забывают, что великий царь взыщет со строптивых старые долги! Тогда как верным за каждый медимн зерна после победы отдаст талант чистого золота!..

На почтительные предупреждения о том, что скопление рабов за городом, на земляных работах, отсутствие хороших ночлегов и уменьшение содержания рабов, могут привести к рабским волнениям, Махар ответил, смеясь:

— Вы боитесь, что найдется новый Савмак, который попробует захватить власть в свои руки?.. Этого нечего опасаться, восстание рабов не будет! Создавая сильное войско, мы берем в него не только свободных, но и лучших из рабов. Это мудрость Митридата! Он всем сильным и беспокойным рабам дает возможность не

только стать свободными, но и взять военную добычу! Он рабское недовольство направляет в единый поток своего дела — великого дела покорения Рима и всей ойкумены! Нет, сейчас рабского бунта не может быть! Покажите мне самого сердитого из рабов! Я дам ему меч и щит и отправлю за море к отцу! Там его ждет удача, свобода, добыча!

— Но, отнимая рабов у хозяев, мы ухудшаем работу на полях и в мастерских!

— После победы у нас будет рабов больше, чем надо! И хозяева получают по десятку за каждого отданного сейчас! Пусть потерпят! Победа окупит все!.. Нет большего счастья, чем служить великому царю, который щедр на награды и озолотит после войны всех вас!..

Отпустив аристократов, Махар продолжал перечитывать и обсуждать послание Митридата наедине с Неоптолемом. При этом ерошил волосы и хмурился, пытаясь понять сокровенное значение отцовских предначертаний. Говорил с недоумением:

— Государь приказывает одаривать золотом тех самых племенных царьков и даже фанагорийцев, которые в не столь далеком прошлом воевали против него. И мы собирались идти против них всеоружно... Или он решил подкупить их золотом, проявить милость, вместо того чтобы наказать? Какая нужда в этом сейчас, когда одержаны неслыханные победы и сам Рим трепещет перед понтийской мощью?

Неоптолем почтительно внимал словам царевича и ответил с поклоном:

— Замыслы великого государя так глубоки и видит он так далеко, что сейчас трудно предположить, что именно он задумал!.. Но полагаю — все это он велит делать тебе не зря! А как он приказывает поступить с теми лагерями, которые мы достраиваем? И набирать ли войска?

— Набранные войска повелевает обучать всем видам боя! Лагерь строить! А когда будут готовы, начать большой набор пеших воинов!.. Для чего — не пишет!.. Может, для отправки за море?.. Войск у него там много! Неужели он продолжает лелеять давний замысел двинуться на Рим через Скифию? Это после того, как он занял берега Пропонтиды и Эгейского моря, разбил Котту, осадил Кизик и загнал Лукулла в горы!.. Осталось сделать предпоследний шаг — вторгнуться в Элладу и

готовить флот для высадки на римские берега! Рим ныне слаб, как никогда, он не сможет отразить натиск великого войска! Какой же смысл теперь готовить северный поход, как ты думаешь?

— Думаю, что великий царь, невзирая на успехи, хочет оградить себя от каких-либо неожиданностей. Рим — сильный враг, и в борьбе с ним всегда надо иметь запасные войска на всякий случай!

И, подумав, добавил с осторожностью, выбирая слова:

— Не испросить ли тебе, царевич, волю богов и не оставить ли часть присланного золота про запас?.. Приберечь на черный день?..

— На черный день? — нахмурился Махар, испытующе взглянул на воеводу. — Нет, черного дня не будет! Указания Митридата должны быть выполнены!

Вскоре боспорцы узнали, что поход против Фанагории отложен на неопределенное время. Купцы вострепнулись, предчувствуя оживление торговли с азиатским берегом. За пролив были направлены послы, которые встретились с фанагорийскими архонтами и сообщили им о великих победах Митридата и о том, что царь милостив. Он требует от фанагорийцев немногого, в том числе восстановления торговли через пролив.

С великой осторожностью и оглядкой фанагорийцы восприняли неожиданные миролюбивые речи послов, опасаясь тайной каверзы. Но как бы то ни было, щедрые подарки и начало выгодной торговли оказались действеннее угроз. Отношения с азиатскими городами и племенами улучшились. И впоследствии, когда Митридату пришлось двигаться на север вдоль кавказского побережья с целью проникнуть на Боспор, дорогие подарки Махара племенным вождям дали свои всходы, как зерно, брошенное в жирную почву. Они облегчили поход, оказавшийся более успешным, чем предпринятый ранее, ибо тогда Митридат полагался лишь на силу оружия. Но это произошло в конце великой войны. Сейчас же, в начале ее, Махар старательно выполнял предписания отца, не всегда понимая их скрытый смысл.

VI

Все было готово к вечернему таинству евпатористов, обычно начинавшемуся с пения гимнов и жертвоприно-

шений, за которыми следовала общая трапеза с распитием вин. Ожидали царевича, поэтому участниками могли быть лишь избранные.

Антигона, набрав полный рот булавок, наряжала Евпорию в заморские наряды, делала ей какую-то сложную прическу, вплетая в волосы нити жемчугов. Евпория после земляных работ чувствовала себя воскресшей. Она вымылась в горячей бане, умастила тело елеем, а главное — наелась и выспалась, после чего стала выглядеть как знатная женщина, жена богача или князя.

— Будешь прислуживать наместнику во время трапезы,— говорил Асандр, оглядывая ее со всех сторон, как призовую лошадь перед скачками.— Смотри не зевай, не урони чашу с вином и не скажи какой-нибудь глупости! Больше молчи... Имя тебе да будет Клео!

Появился улыбающийся Гиерон. Обождав, когда хозяин выйдет, он приблизился к Евпории с хитрым видом, довольный своей удачной выдумкой.

— Прекрасная Евпория! — обратился он к ней торжественным тоном.— Видишь, боги любят тебя и не дали тебе сгинуть в каменоломне!.. Я же хочу надеть на твою шею вот это ожерелье, добытое мною в бою под Халкедоном!

Он протянул ей кроваво-красные кораллы. Подарок был неплохой, каждая бусина горела, как огненная. Но женщина вздрогнула и попятилась, изобразив на лице суеверный страх. Потом перевела взгляд на самодовольную физиономию Гиерона, словно в нерешительности. Сделав молитвенный жест и прошептав заклинание, сказала:

— Страшусь, Гиерон, твоих подарков, в них всегда скрыто тайное значение! Не смейся, ты и сам этого не знаешь! Боги или демоны незримо используют тебя в своих целях! Поэтому я хотела бы отказаться, но не смею... Давай твое ожерелье, будь что будет!

С опаской протянула белую руку, как бы боясь обжечься. Антигона первая взяла кораллы, рассмотрела их, восхищенно прищурилась и надела ей на шею.

— Красиво! — сказала рабыня, любясь украшением.

Асандр после осмотра нарядов Евпории пришел в хорошее настроение. Спустившись в погребок, нашел здесь Панталеона, недавно вернувшегося из Нимфея. Кривоногий моряк был уже навеселе, так как смешивал

в большом кратере вина и пробовал их чаще, чем требовалось.

Асандр взглянул и усмехнулся. Делая вид, что не замечает блуждающей улыбки на лице друга, предупредил:

— Не забудь сделать для царевича отдельную смесь из лучших вин с добавкой малого количества воды! А остальным наоборот! А то наши евпатористы к хмельному жадны и перепьются на глазах Махара, чем вызовут его неудовольствие!

— Все будет сделано как надо! — весело ответил моряк, сверкая глазами. — Вот это вино, в кратере, — для царевича!.. А то, другое, в деревянном жбане, — для друзей!

— Не спутай, кому и в какую чашу наливать!

— Что ты, что ты, Асандр!

— Я пойду в трапезный зал, посмотрю, как накрыт стол. — Асандр направился к двери, но Панталеон остановил его:

— Подожди, у меня есть дело!

— Какие сейчас дела! Может, потом?

— Нет, его надо обсудить до прихода Махара.

— Говори, но недолго!

— Хлебни вина. Вот этого, из чаши Махара. Послушай, Асандр, ты владелец двух кораблей, не так ли? Это же богатство!

— А что я буду делать с этим богатством? Торговли-то нет!

— Корабли могут принести доход!

— Какой доход, Панталеон? Ты просто пьян!.. В плавание их не пошлешь — Сервилий потопит! А в гавани они бесполезны.

— Не обязательно в дальнее плавание. Я, будучи в Нимфее, кое-что обдумал!

— Выражайся яснее, — рассмеялся Асандр, смакуя душистое вино. — Что ты задумал? Или хочешь купить у меня оба судна?

— Купить не могу, денег нет, — вздохнул Панталеон. — Я хочу дать тебе совет — использовать примирение Махара с Фанагорией и взять в свои руки переправу через пролив! Скоро пойдут товары туда и обратно, скот начнут переправлять, рабов... Дело выгодное, поверь мне!

Асандр поднял брови с удивлением:

— Так ведь перевоз в руках рыбаков-перевозчиков!

— Не беда! На кораблях перевозить людей и грузы скорее, а главное — безопаснее, чем на утлых рыбацких барках! Все будут рады этому!.. Правда, ты отобьешь заработок у рыбаков. Но они прокормятся рыбной ловлей, это их основное занятие.

— Странные слова говоришь ты, — покачал головой Асандр, однако задумался.

— Ты сейчас в милости у Махара, и он тебе не откажет! Тем более что и для самого Махара твоя переправа окажется кстати! А вдруг в Фанагории опять вспыхнут волнения? Ты на двух кораблях сразу перебросишь войско на ту сторону!

— Мысль неплохая, — ответил Асандр в раздумье. — Но скажи, почему ты так горячо убеждаешь меня, словно и тебе в этом деле есть какая-то выгода?

Панталеон усмехнулся, разведя широкие ладони.

— Нет, Асандр, для меня выгоды в твоём перевозе нет! Но если бы так случилось, мы смогли бы устроить на корабли гребцами и матросами тех голодных «ледовых братьев», которых ты освободил от земляной каторги!.. Сам видишь — лагерных ратников из них не получилось, воевать не с кем, а потеть на учениях и строить палисады они не хотят! Но на кораблях ходить будут! И тебе не придется раскошеливаться на раздачи им хлеба и чечевицы... Да и рабов твоих заморских надо посадить за весла. Тоже дармоеды! Право!

Асандр поднял голову, веселые искры мелькнули в его глазах. Он был тронут заботой Панталеона о друзьях и о его собственном кошельке.

— Ты, как всегда, добрый друг, и я ценю твои советы! Но не думаешь ли ты, что кто-нибудь раньше нас перехватит это выгодное дело?

— Нет, не думаю! Переправа отдана на откуп общине рыбаков-перевозчиков, и сам город не нарушит их прав. А богатые судовладельцы мечтают больше о крупной хлебной торговле с заморьем, чем о таком мелком деле, как перевоз!.. Сам Махар тем более не займется перевозом, ему корабли нужны для отправки Митридату очередного каравана с хлебом!

— Что ж, я подумаю!

— А я и капитана подобрал, старшего!

— Кого же?

— А Флегонта!.. Он хоть и мрачно настроен, но человек верный и голову имеет острую!

Махар явился на трапезу фиаситов не один. Его сопровождали наварх Неоптолем и обычно державшийся в тени молчаливый Фрасибул, распорядитель дворцовых дел и советник царевича. Асандр знал, что Фрасибул его ненавидит, как выскочку, внезапно оказавшегося в милости и даже волею Митридата возведенного в равное с ним звание. «Зачем эта ворона пожаловала сюда? — подумал Асандр, скользнув взглядом по смуглому лицу перса.— Старику здесь тоже делать нечего!» Оба спутника царевича не были членами фиаса и по уставу не могли присутствовать на его тайнствах. Да и по выражению лица царевича можно было заключить, что он больше жаждет вина и веселья, чем скучных жертвоприношений и гимнов. Смекнув это, Асандр отменил тайнства и ритуальные песнопения, сразу объявив начало ужина.

На улице толпились воины из личной охраны царевича. Отсюда были видны ярко освещенные окна Асандрова дома, а через короткое время стали слышны выкрики и хохот, заглушаемые пением застольных песен.

Фиаситы и сам Махар не очень стеснялись в выражении своих чувств, вели себя свободно, чему способствовали крепкие заморские вина. Поэты выступали со стихами. Прочел и Гиерон хвалебную оду в честь Митридата и его наследника-сына. Ода была составлена им самим и изобиловала лестными сравнениями. Опьяневший Махар велел увенчать поэта лавровым венком и наградил его чашей вина, того самого, которое находчивый слуга и так пил ежедневно, пользуясь дружбой с ключницей Антигоной.

Потом появились танцовщицы из храма Афродиты Пандемос. Они хорошо исполнили групповой танец с вуалями, но большого успеха не имели, царевич хорошо знал каждую из них. Даже молодая чернявая красавица меотка Итона, что недавно появилась в храме и сейчас всеми силами старалась обратить на себя внимание наместника, не тронула его сердца. Он не удержался от зевка. Тогда Асандр хлопнул в ладоши, и из дверей заднего покоя вышла Евпория-Клео с чашей вина на подносе. Все умолкли, уставившись глазами навстречу красивой рабыне, одетой в пышные одежды. На ее молочно-белой шее горели алые кораллы, подарок Гиерона.

Никто не знал этой женщины или постарался выглядеть незнающим. Махар поднял голову, его глаза сверкнули. Евпория подошла к нему с поклоном, потупив томные очи, протянула ему поднос. Он взял чашу и, отпив половину, предложил женщине выпить остальное.

Все были свидетелями того большого впечатления, которое произвела Евпория на женолюбивого Махара, и решили, что теперь Асандр еще выше поднимется по лестнице успехов. Особо остро почувствовал это Фрасибул, но постарался скрыть гримасу досады, припав к чаше с веселящим вином. Итона поглядела на неожиданную соперницу с чувством неприязни, крайне обескураженная своей неудачей.

VII

Прибрежный городок Парфений был известен как место наилучшей переправы через пролив, на азиатском берегу которого также был городок — Ахиллий.

Привилегией Парфения было закрепленное законом право на перевоз людей и грузов. Правом этим владела община рыбаков-перевозчиков, которая платила условленный налог и сама следила за тем, чтобы кто-либо не нарушил ее монополии и не вздумал перехватить прибыльное дело.

Привилегия эта была дана общине после разгрома рабского царства, возглавленного рабом-бунтарем Савмаком. Пантикапейские власти высоко оценили поведение рыбацкой общины в грозное время войны с рабами.

На вопрос, за что они получили такое право, рыбаки отвечали с гордостью:

— Мы люди свободные, среди нас нет рабов, мы не держим их! В рабском мятеже мы участия не принимали!.. Более того — наши отцы в роковую ночь восстания благополучно и быстро перевезли царицу Алкмену с дандарийским царевичем Олтаком на ту сторону, когда они спасались от расправы мятежников! Мы переправили и свиту царицы, ее охрану и слуг вместе с лошадьми и тюками царского имущества!.. После восстания нам это зачли как подвиг!.. Тогда же был создан фииас перевозчиков, который избрал покровительницей Афродиту Судоначальницу! Никто не смеет отнять у нас перевоз или заменить нас!

И вот пришла весть, что заморский правитель Махар даровал своему любимцу, хитрому человеку Асандру такое же право на перевоз!.. Рассказывали, как во время пира Асандр вывел из тайного покоя красавицу рабыню, привезенную из Синопы, и пленил ею царевича. Царевич расчувствовался и в обмен на новую наложницу отдал Асандру выгодную переправу.

Сначала этому не поверили, перевозчики даже смеялись, считая это пустым слухом. Но вскоре в гавань Парфения пришли два быстроходных корабля, не очень больших, но многократно превосходящих своей емкостью самодельные барки рыбаков. Корабли были удобнее и безопаснее барок. На них можно было перевезти одновременно столько людей и грузов, сколько рыбаки-лодочники могли перебросить с берега на берег за целый день.

Такое событие вызвало бурю возражений со стороны общины перевозчиков. Но их припугнули, объяснив, что это сделано по велению самого Митридата!.. И разъяснили, что они могут продолжать переправу своими средствами, если пожелают. Но всем было понятно — едва ли кто захочет плыть на утлой барке, держась руками за мокрые борта, если можно спокойно сидеть на палубе корабля. Раздраженные рыбаки грозили расправой. Тогда по приказанию Махара в Парфений прибыли на постой заморские гоплиты числом более сотни. Их задачей была охрана царского перевоза.

Рыбаки-перевозчики притихли на время, продолжая глухо роптать. Потеряв источник привычных доходов, они принуждены были расширять рыболовецкое дело.

— Вот и хорошо,— отозвался Махар,— пусть поработают сетями. Благо нам потребно много-много копченой рыбы для войск отца!

Это было расценено услужливыми придворными как проявление мудрости и государственной зрелости царевича.

Но Асандра многие осудили, особенно недоброжелатели с Парфеноклом во главе.

— Возвысился Асандр и обнаглел! — злорадствовали они.— Он дурно использует свое счастье, это его и погубит!.. Боги не любят тех, кто зазнается!

Парфенокл попытался использовать дело с перевозом, желая поссорить Асандра с городской общиной и

добиться его всенародного осуждения. Он даже заявлял, что Асандра следует проклясть перед храмами, как вероотступника и нарушителя законов! А потом лишить «огня и воды», то есть изгнать из города навсегда. Но народ ждал, что скажут жрецы, а те что-то медлили, выжидали.

Асандр обращал мало внимания на происки злопыхателей. Он спешил укрепить свое положение и увеличить состояние, понимая, что Митридатовы дары скоро растают, как снег под солнцем, и он опять окажется в рядах неимущих и презираемых. А пока держался с достоинством человека состоятельного, хорошо зная, что богатому многое прощается. Во все храмы приносил дары, а Левкиппу вручил золотой кораблик в благодарность богам за перевоз. Участвовал в жертвоприношении и молениях, как и подобало благочестивому гражданину.

На задаваемые по этому поводу вопросы Левкипп отвечал примирительно:

— Асандр не так уж плох, он не забывает ни интересов народа, ни богов своего города! А что он захватил перевоз, то это не его дело, а Махара, который хочет наладить надежную связь с тем берегом!.. Зато Асандр, взяв на откуп перевоз, дал работу многим беднякам-общинникам, из тех, кто участвовал в битве на льду! Это уже благо!

— Он стал слугой Махара, увивается перед ним в чаянии стать еще богаче и знатнее! — не сдавались недоброхоты.

— Это так!.. Но разве другие, лучшие люди Пантикапея не стали слугами Махара и разве они не увиваются перед ним? Все хотят богатства и власти!

VIII

Злые языки передавали неясные слухи о странной затяжке войны Митридата против Рима. Говорилось об этом шепотом, с оглядкой, люди не знали — верить ли?.. Многие считали это просто сплетней. Но тяжелая зимовка Митридата под Кизиком после такого сокрушающего удара по войскам Котты прошлым летом оставалась необъяснимой.

А слухи ползли, разрастались. Получалось, что Кизик доселе не взят, войско царское от голода разбре-

лось. А сам Митридат, поверить страшно, бежал на пиратском корабле сначала в Синопу, а затем в Амис! А свое распадающееся войско оставил под началом римского изменника Мария Одноглазого!..

Потом пришли вести с далекого запада. Союзник Митридата Серторий, затеявший войну на захват власти над Римом, убит в Испании своим бывшим другом и соратником Перперной! А войско его развалилось, как сырая глина под дождем! Испанская угроза Риму, как называли восстание Сертория, оказалась не такой уж большой и серьезной.

— Видимо, та волшебная лань, которая подсказывала Серторию смелые решения, не помогла ему на этот раз! — изрекли боспорцы с нескрываемой насмешкой.

А вот и рабский бунт Спартака, угрожавший спалить Рим в огне сражений, оказался подавленным! Рим преодолел внутреннюю немощь, избавился, хотя и с большим трудом, от разъедающей его кровавой междоусобицы.

И непобедимый, божественный Митридат Евпатор остался глаз на глаз с римским могуществом и терпел одно поражение за другим.

Толки и тайные разговоры среди греческой общины усиливались. Росло и крепло убеждение, что Митридату приходит конец. Римляне сломили его гордыню в третий раз, разгромили его войско и вот-вот двинут флот к берегам Тавриды с намерением высадить на них свои непобедимые когорты. А это значило, что Боспор принужден будет расплачиваться собственной кровью и свободой за дела Митридата! Можно ли такое допустить?

Смуглолицый перс Фрасибул, как тайный советник, приставленный к Махару самим Митридатов, пытался смягчить воздействие печальных известий на царевича. Он ободрял последнего и говорил с подчеркнутой уверенностью:

— Велика военная мудрость Митридата! Заманивает он Лукулла в разоренные, обедневшие области, старается ослабить римское войско непрерывными переходами, голодом!.. А потом, как лев из засады, ринется на врага и уничтожит его!

Однако Фрасибул и все льстецы, окружающие Махара, прикусили языки после того, как один вернувшийся из пиратского плена боспорец привез важное известие.

Митридат потерпел решительное поражение под крепостью Кабирами и налегке бежал к своему зятю, царю Армении Тиграну Второму. А жен и сестер, которым угрожало пленение врагом, приказал умертвить, что и было выполнено его подручным, евнухом Бакхом.

— Слух этот важный, но непроверенный,— сказал Махар приближенным.— Не нужно болтать, народ не должен знать о временных неудачах моего отца!..

— Поздно! — смело и просто ответил Асандр, стоявший в толпе приближенных.— Уже каждый раб в вонючих кожевнях знает, что и как произошло! На рынке женщины во весь голос обсуждают победы римлян и неудачи царя понтийского!

— Что? — вспыхнул Махар.— Рабы и женщины? Да как они смеют!.. Всех, кто клеветает на имя моего отца, хватать и допрашивать под пыткой, откуда эта клевета, кто сеет слухи... Я не позволю!..

Лишь самым близким людям, в том числе и Асандру, было известно, что под маской самоуверенности и надменности Махар скрывает мучительные сомнения. Он был потрясен неудачами отца и уже заглянул с замиранием сердца в ту бездну, которая вдруг разверзлась перед ним. Эта бездна неожиданно преградила ему путь к царской диадеме. Более того — поражение Митридата означало конец его боспорскому наместничеству, так как римский флот Сервилия не замедлит высадить на таврический берег войска Лукулла.

— Что будет тогда? — спрашивал себя царевич в сотый раз.— Неравный бой?

Ответ был прост: нет, никакого боя не будет!.. Ему, Махару, придется отступить с преданными людьми куда-нибудь в степи. Ибо оставаться в Пантикапее бессмысленно. Хитрые греки не захотят сражаться с римлянами, они сразу же перейдут на их сторону! Они и так ропщут и задорно поглядывают на дворец, где живет Митридатов сын. И думают, как лучше захватить понтийского ставленника, расправиться ли с ним своей рукой или выдать римлянам!..

Ну, а если бежать в степи? Можно ли рассчитывать на гостеприимство и поддержку скифского царя Фарзоя? Какой смысл скифам драться с римлянами? Тому же Фарзою и его многоумной супруге Табане куда выгоднее пойти на мировую с Римом и выдать

изгнанника или беглеца!.. Боги, какое падение!.. Что же делать?

Наместник пытался сохранить позу гордой уверенности в окончательном торжестве своего отца. И, собрав жрецов и членов совета города, объявил всеобщие моления о ниспослании скорейшей победы Митридату. Потом вместе с ними отправился в храм Зевса Спасителя, спеша лично принести жертву богу и обратиться к нему с молитвой. Внешне это выглядело как стремление с помощью богов ускорить гибель Рима и испросить для Митридата победный триумф. Но скрытая суть его обращения к божеству сводилась к вопросу, полному душевной тревоги:

— О всемогущие боги и ты, Зевс-громовержец, дайте хоть намек на то, что вы задумали и предрекли?

Но боги молчали, не выдавали своих тайн. Жертвенный дым бесследно рассеивался в воздухе, оставляя лишь запах горелого мяса, от которого щипало в горле.

Пока Махар пребывал в храме один на один с Зевсом, Левкипп предпринял большое жертвенное гадание. Он обнажил до локтей сухие старческие руки, вооружился каменным ножом и сам рассекал туши жертвенных животных. Вместе с другими жрецами склонялся пытливо, стараясь в рисунке внутренностей и по расположению печени найти разгадку тайны будущего, получить указания богов.

Лишь на пятом баране жрецы остановились. Левкипп вынул окровавленную печень, еще дымящуюся, и с многозначительным выражением на лице показал всем окружающим. Ее углубления и борозды необычно изгибались, напоминая буквы греческого алфавита.

— Смотрите, смотрите! — заговорил он строго. — Чтобы потом не было споров и деления мнений! Вы видите?

— Видим! — как эхо отозвались жрецы, еще не уразумев, куда клонит Левкипп.

— Здесь то, чего я опасался! — вздохнул главный жрец, зловеще оглядываясь. — Вот они, начало и конец!.. Имеющий уши да слышит, а кто не слепой, тот видит!

Неожиданно жрецы расступились и дали проход Махару, который вышел из храма. Наместник выглядел утомленным, сосредоточенным. Уставившись с любопытством на печень барана, спросил:

— Ну что, Левкипп, нашел ты приметы будущего?

— Нашел, царевич! Вот здесь альфа и омега всех дел! Закончился круг событий, начинается другой!

— Как это понимать? — сморщился обеспокоенный Махар.

— Боги не дают прямых указаний владыкам и царям. Они лишь намекают и предупреждают. Это — предупреждение тебе и всем нам, идущим за тобою!

— Идущим за мною?.. Гм... В чем это предупреждение?

— В том, что закончился день и начинается ночь, а за ночью настанет новый день! Большие, большие испытания! Перелом событий, смена людей и решений!.. Большого не знаю, говорю то, что вижу!

— Да?.. — Царевич оглядел толпу жрецов хмурым и подозрительным взором. Круто повернулся и ушел, окруженный свитой.

Левкипп завернул печень в кусок холста и унес в задний отдел храма. Там его ждали Парфенокл и Атамб, как представители самых сильных и к тому же враждующих родов, от взаимоотношений которых сейчас зависело многое. Тем более что они были выборными архонтами города, стоявшими у кормила власти.

— Совершилось, — прошептал он проникновенно, как авгур, передающий волю богов, — совершилось! Теперь никто не смеет говорить, что круг не замкнулся! Змея взяла в рот хвост свой!

И запачканными кровью пальцами развернул холст, показывая жертвенную печень.

— Думайте, как быть! — сказал он архонтам. — Надо на что-то решаться! Ибо Боспор оказался между двумя гигантами, готовыми столкнуться, подобно плавающим скалам... Речь пойдет не о личных делах и успехах, а о спасении нашего священного города и всего царства Боспорского! Быть им или не быть!.. Погибнет Боспор — погибнем и мы вкупе с нашими мелкими страстями и соперничеством!.. Объединитесь, братья, сплотитесь вокруг алтарей города, забудьте взаимные раздоры! Так велят боги!

Левкипп указал узловатым пальцем на изваяние Зевса. Седой, в белых одеждах, жрец напоминал собою странствующего пророка, прорицателя тайн грядущего. Его по-юношески живые глаза испытующе скользили

по лицам именитых боспорцев, словно пытаюсь прочесть их скрытые мысли.

Полное красное лицо Парфенокла, выбритое и лоснящееся, отражало выжидание. Ему не хотелось выступить первым, рядом стоял Атамб в позе раздумья. Пусть сначала он скажет, что думает.

— Это очевидно! — пробасил Атамб с грубоватой простотой. — Митридат допел свою песню. Рим одолел его! Завтра за нас возьмется!

— Ты говоришь так, словно рад этому! — не удержался от колкости Парфенокл. — Еще неизвестно, какой хозяин окажется лучше, понтийский или римский!

— Тсс... — остановил его Левкипп, видя, как лоб Атамба становится багровым. — Если Рим побеждает, то волей-неволей мы должны с ним считаться! И если удастся — предотвратить его вторжение на Боспор!..

— А для этого, — продолжал Атамб, косясь неприязненно на Парфенокла, — надо сейчас же отколоться от империи Митридата и сделать заверение Риму в нашей к нему дружбе!

— Ой, какой бойкий! — заметил пренебрежительно Парфенокл. — В Пантикапее сидит Махар, он сегодня силен как никогда! Вокруг города — лагеря, а в лагерях сотни молодых парней обучаются рукопашному бою! Да еще есть понтийский отряд с медными щитами!.. Южане истосковались по настоящему делу и с радостью прольют нашу кровь, если Махар прикажет! А боспорцы едва ли захотят штурмовать дворец — отвыкли жертвовать своими животами!

— Как так отвыкли?! — вскричал хриплым голосом воинственный Атамб, распространяя вокруг винный дух.

— Я сразу же выставлю до трех сотен боевых ребят, они не побоятся скрестить мечи с понтийцами!.. Это не трусливые Ахамены!

Сказав это, Атамб почувствовал жажду и хлопнул в ладоши. Появился молодой раб с кувшином вина и кружкой. Хозяин от кружки отказался, взял кувшин в обе руки и стал пить долго, без передышки.

Парфенокл повернулся с яростью во взоре, готовый ответить бранью и угрозами на обидные слова. Но Левкипп сморщился и замахал руками:

— Не то, не то говорите!.. Ай-ай! Где же ваше единение перед лицом великих событий? Вы готовы пере-

драться! Какое уж тут восстание!.. Да и не о восстании идет разговор! Времена не те!.. И не в том выход, чтобы устраивать новую резню в Пантикапее! Махар совсем не худший из правителей Боспора, и едва ли боги одобрили бы нас, если бы мы вздумали восставать против него!.. Не заговорщики же мы! И не на ваши мечи рассчитывал я, приглашая вас сюда, а на ваши головы!

Атамб оторвался от питья, поднял брови, выражая недоумение. Он хотел задать вопрос, но Парфенокл опередил его, заявив:

— Верно, справедливы твои слова, Левкипп! Не восстанием мы решим судьбу Боспора, как того хотел бы Атамб! Но умом и хитростью!.. Но скажи, Левкипп, как ты собираешься поклониться римлянам и не тронуть Махара, наследника престола, верного своему отцу?..

— Я еще не получил всех откровений свыше,— осторожно ответил жрец,— и буду ночью вопрошать богов... Но уже сейчас знаю, что боги не одобряют ни восстания против Махара, ни его убиения! Боги еще не исчерпали своего благоволения к Махару, который уже ряд лет сохраняет для нас мир, тогда как за морем стервятники объедаются человеческим мясом!.. Потеряв Махара, мы сразу потеряем внутреннее равновесие. Боспор распадется на отдельные города и станет добычей если не Митридата, как ныне, то скифских и сарматских орд! Ибо начнутся раздоры между городами, да и сильные роды не дружны!..

Сказав это, он красноречиво посмотрел на Атамба и Парфенокла.

— Так зачем ты созвал нас? — спросил прямо Атамб.— Только для того, чтобы возгласить здравицу Махару?

— Нет, не затем. Но я хочу призвать вас к единению перед лицом грядущих испытаний! Нужно прекратить споры и действовать по уговору! А уговор простой — кто-то должен взять на себя опасное дело, склонить Махара к разрыву с Митридатом и заключению дружбы с Римом!

— Ого! — одновременно воскликнули архонты, широко открывая глаза. Предложение жреца оглушило их неожиданностью и казалось нелепым. Все знали, насколько предан Митридату наместник, да и как можно склонить сына к измене родному отцу и благодетелю?

— Только так,— спокойно заключил Левкипп.

— А если он откажется? — спросил Атамб возбужденно.— А он наверняка отвергнет такой совет как предательский! Тогда полетят наши головы!

— Вот тогда-то мы и выступим с оружием в руках! Другого выхода не будет!.. Но для этого требуется единение, которого так не хватает нашим сильным родам! Однако это крайняя мера, и, я полагаю, до нее не дойдет. Махар неглуп и должен согласиться с нами!

— Кто же возьмется сказать Махару слова измены?.. Пусть это сделает Парфенокл, у него чешется умная голова! А я воин, буду точить меч!

— Я не настолько близок к Махару, чтобы он внял моим увещаниям! — поспешно возразил Парфенокл. Его лицо и шея покрылись краской и каплями пота. Он не ожидал такого оборота дела и вопросительно уставился на жреца.

Тот сделал рукой успокаивающий жест.

— Ни ты, Атамб, ни ты, Парфенокл, не должны делать столь опасных шагов! Повторяю: вы, как архонты города, обязаны объединиться в час испытаний и быть готовым ко всему! А для переговоров с Махаром я уже нашел достойного мужа!

— Кого, кого? — с любопытством спросили оба архонта.

— А вот!..

Из глубины опистодома показался человек с закрытым лицом. Он откинул край плаща, и архонты издали одновременный возглас удивления. Перед ними стоял Асандр. Он был богато одет и смотрел смело, чуть насмешливо. Его сухощавое лицо при слабом свете казалось изваянным из мрамора, как у статуи Зевса.

Парфенокл после мгновенного замешательства издал вызывающий смешок.

— Явился! — сказал он с язвительной гримасой.— Явился! Где бы коза ни бегала, она вернется в свой хлев! Так и ты, Асандр! Видно, защемило сердце, когда узнал, что твой бог и покровитель подхватил полы плаща и бежал из-под Кабир, потеряв на горных перевалах и диадему и все войско!..

— Видят боги,— спокойно ответил Асандр с тем внешним достоинством, которое он умел сохранять в любых условиях, что всегда бесило завистливого Парфе-

нокла,— не сам я пришел сюда и не ради счастья видеть твою противную толстую рожу! Позван я жрецом Зевса — почтенным Левкиппом. А вот ты и твои прихлебатели впрямь засуетились, как крысы во время пожара!

— Ты смеешь появляться в храме Зевса, которого ты оскорбил, создав этот богопротивный фiasco евпатористов! Ты нарушил законы полиса, ты сделал много вреда Боспору!

— Я еще не все сделал, Парфенокл! Мои дела будут закончены, когда я увижу твою могилу!

— Свидетель Зевс, этого тебе не дожидаться! — вскричал Парфенокл, хватаясь за меч.

— Это мы сейчас проверим! — ответил Асандр, делая тот же угрожающий жест.

— Прекратите, прекратите! — досадливо прервал их Левкипп, укоризненно качая седой головой.— Не оскверняйте храма дерзкими словами, а тем более насилем! Сейчас речь идет о судьбах Пантикапея и всего царства, а не о ваших спорах!

— Вот ради священного нашего царства я хочу показать Асандру свой меч!

— Смотри, как бы я не показал всем сейчас твою печень! Я всегда был предан городу, его общине, его богам!.. А что служу Махару, так и вы делаете то же! Но моя душа чиста перед народом!..

— А как перевозчики из Парфения, которых ты обидел?

— Не обидел я их! А вот общинников-бедняков устроил, теперь они при деле и сыты! А рыбаки издревле живут рыбной ловлей, прокормятся и ныне!.. И торговать вам стало удобнее, при хорошем-то перевозе!.. Нет, почтенные архонты, моя совесть чиста! А вот вы испугались и не знаете, что делать и как. Восстать против Махара боитесь: а вдруг он побьет вас!.. Продолжать служить ему — тоже опасно: ан придут римляне и вздуют вас за приверженность к сыну Митридата!.. Не хватает ума, как поступить, что предпринять!.. А я вот предан городу и царству и знаю, что делать для их пользы!

— Скажи, что же?

Асандр осмотрел испытующе недружественные лица архонтов, переглянулся с Левкиппом и начал:

— Я верен общине, но так же верен и правителю Боспора Махару!.. Да, да!.. Ибо Махар уже десять лет правит нами и он один достоин стать царем Боспора!.. Мы искали царя, которому подчинились бы все города, теперь мы нашли его — это Махар!.. Вот и все!.. Горе Боспору, если он потеряет правителя Махара и не приобретет царя Махара! Перегрызутся его архонты за царскую диадему!

Парфенокл и Атамб с возмущенными возгласами схватились за мечи.

Левкипп поднял руку. Авторитет его был велик. Архонты ограничились бурчанием и угрожающими взглядами, которые очень мало трогали Асандра. Он знал, что каждый из архонтов в отдельности согласен с ним. Ибо думает: лучше иметь царем Махара, чем уступить трон сопернику. А дальше время покажет, что делать!..

— Слышали тебя, Асандр! — заключил своим высоким голосом Левкипп, — и верим, что ты благорасположен к общине и боспорской державе. Действительно, Махар достоин остаться нашим правителем, а может, и царем... Но боги изрекли свою волю, осудив Митридата на поражение! Пора Боспору сбросить со спины этого всадника и вернуть свободу!.. Ты, как близкий к Махару человек, должен сказать ему правду и спросить его: с кем он и против кого?.. Если он хочет сохранить власть над Боспором, пусть порвет с отцом и заверит римлян в своей дружбе к ним! И этим отвратит от нашей земли и народа римский гнев и римское оружие!.. Согласен ли?

Асандр задумался, продолжая скользить взором по лицам архонтов.

— Что ж, — наконец ответил он, как бы рассуждая. — Если моя голова не скатится с плеч, я сохраню свое положение и имущество!.. Но, великий жрец Левкипп, ты должен взять клятву у архонтов, что в любом случае меня не будут ни в чем обвинять, ибо я не уверен в успехе! Махар может и не согласиться со мною!.. Но в случае удачи обещаю закрепить за мною право на должность стратега города, ибо народ знает, чего я стою на бранном поле! И не только это... Я хочу получить на откуп соляные налоги со всех городов! Соляные сборы запущены и не попадают в казну Пантикапея! Я хочу наладить их для блага города!

— Не многого ли захотел? — с той же язвительностью спросил Парфенокл. — Из пьяниц да в стратеги! Проси стратегии у Махара, ибо его милостью живешь!

— Пьянство — порок, но мало чем хуже врожденной глупости! — отпарировал Асандр, чем вызвал одобрительную усмешку на лице Атамба. — Если ты не согласен, то сам обратись к Махару и предложи ему изменить родному отцу!.. Не хочешь?.. Тогда не преграждай мне дороги как к смерти, так и к славе! Ибо ни по уму, ни по благородству предков я не ниже тебя, хотя и не имею твоего богатства и многолюдного рода!

— Твои родичи — бродяги с рыночной площади!

— Довольно, прекратите! — опять вмешался Левкипп. — Рано делить почет и должности!.. Но скажу — ради великой цели — спасения Боспора мы должны чем-то поощрить Асандра: он идет на опасное дело! И можно клятвенно обещать ему признание его заслуг и полное забвение былых проступков!.. Не так ли, архонты? Остальное обсудим после завершения задуманного дела!

— Нет, — начал торговаться Асандр, — вы должны твердо обещать мне соляной откуп! И стратегию...

После препирательств было решено закрепить за Асандром соляной откуп. А от стратегии воздержаться. Архонты без большого подъема произнесли формулу клятвы перед изваянием Зевса. Атамб был равнодушен к соляному делу, считая его бездоходным. Парфенокл злорадствовал в душе, так как был почти полностью убежден, что Асандру теперь не сносить головы. Ибо Махар отцу не изменит!

— Иди, сын мой! — произнес Левкипп торжественно, обращаясь к Асандру. — Иди и действуй на благо родины! Если ты погибнешь — мы похороним тебя за счет города и поставим памятник с твоим именем...

— Но для успеха дела мне нужны деньги и десяток амфор лучшего вина!

— Деньги и вино ты получишь!

IX

Пристрастие к обильной пище и сладким винам вкупе с однообразным времяпрепровождением способствует излишней полноте. Махар чувствовал это по нарастанию тяжести в теле и по поясам — они становились узкими,

их приходилось время от времени менять. А тут еще появилась сонливость, лень ума и тела.

Царевич пытался растряссти жир ежедневными упражнениями в палестре, но это быстро надоело ему. Он даже приказал разыскать провинившегося Митрааса, намереваясь брать у него, как когда-то, уроки гопломатии. Митраас возликовал, полагая, что его опала кончилась, и явился перед царевичем в чистой одежде, с завитыми волосами. Однако был разочарован, когда царевич после первого урока отослал его обратно, ссылаясь на утомляемость и одышку. Да и к ударам и ссадинам, неизбежным при фехтовании, изнеженный правитель стал слишком чувствительным. Бегать он также не мог, испытывая болезненное сотрясение в отвисшем животе. Оставалась верховая езда на спокойной лошади. Слуги втаскивали его в седло, и он в сопровождении свиты выезжал на гон зверья. Возвращался измученный, но удовлетворенный.

Однажды после удачного полевания царевич возвратился в Пантикапей и тяжело сполз с седла. Десяток сильных рук приняли его набухшее тело. Потный и усталый, он с вождением предвкушал удовольствие оказаться в скифской паровой бане с римским бассейном. Появился сухопарый Фрасибул, который подхватил его под локоть, спеша торопливым говорком рассказать новости.

Перс доложил о новых подробностях разгрома Митридатова войска и бегства самого царя в Армению. Заметил про себя, что царевич уже не возмущался, услышав новые подтверждения неудач своего отца! И тут же стал убеждать его не верить боспорцам.

— Ложь и предательство,— горячо доказывал он,— вот что вижу я в глазах этих коварных полуэллинов!.. Ты и сам знаешь это не хуже меня, ибо взор твой и ум острее моих! Не жди хорошего от них, когда твой царственный родитель переживает небывалые трудности в войне!.. Они уже подготовили кинжалы и держат их под плащами, чтобы в решительный час обнажить против тебя!

— Что же ты советуешь?

— Надо усилить дворцовую охрану, подчиненную мне, твоему верному рабу! Я с воинами буду еженощно обходить улицы города и хватать бунтовщиков, буде

они появятся! Сейчас настало время опасаться не рабов, а свободных и знатных боспорцев. Я слежу за боспорскими архонтами, этими шакалами, что кружат около тебя!.. А Асандру не верь! Это лисица имеет два хвоста — одним пытается заслонить тебе глаза, а другим щекочет под мышками у жрецов и архонтов!.. Он двулик, как Янус!.. И служит не столько Митридату и тебе, сколько тайной измене!..

— Ты насторожен и зол, это хорошо! — кивнул головой Махар.— Продолжай надзор и розыск!.. А пока иди, не мешай мне отдохнуть в бане и смыть с себя пыль и пот!..

— А еще, великий царевич,— добавил Фрасибул, готовясь уйти,— мне известно, что архонты собирались в храме Зевса Спасителя и что-то обсуждали с этой хитрой вонючкой Левкиппом!.. И Асандр был приглашен! Выходит, что Асандр на виду у всех соперничает с Парфеноклом и Атамбом, а втайне обнюхивается с ними, как пес!.. О чем они говорили, пока не известно!

— Ага!.. Иди действуй, узнавай и сообщай мне!

Махар допускал, что Асандр обманывает его, так же как и другие боспорцы. Но у него не было веских подтверждений их измены. Однако слова Фрасибула усилили его подозрительность и недоверие. Он и так старался лучших людей города — Ахаменов, Гераклидов, Эвиев и Килидов — держать поближе к себе, дабы всегда иметь их перед глазами. Он хотел таким образом затруднить их предполагаемые заговорщицкие действия, внушить им страх, а при необходимости мог дать начальнику стражи сигнал, по которому их перебили бы тут же за пиршественными столами.

Во дворце каждый вечер гремели застольные песни, шел нескончаемый пир, лились вина и произносились здравицы в честь наместника и его отца. А с наступлением темноты, когда пьяные и объевшиеся боспорские главари возвращались домой, на улицах появлялись многолюдные отряды понтийских воинов в тяжелом вооружении. Всю ночь ходили дозоры по опустевшим улицам, поглядывая на двери домов, прислушиваясь к каждому звуку. Схватывали запоздалых прохожих, допрашивали тут же, на мостовой.

— Кто такой?.. Куда идешь?.. По чьему повелению?

И если это оказывался раб или слуга, его сразу же

отправляли на земляные работы по постройке лагерей или на починку каменных береговых укреплений.

В готовых, уже построенных лагерях всегда были начеку сотни воинов, набранных из рабов и неимущих. Они ненавидели Боспор и боспорских богатеев и готовы были по слову Махара начать разгром и разграбление Пантикапея и других городов царства.

Отныне в ночных обходах решил участвовать сам Фрасибул.

Х

Толстый и красный, заросший черными волосами, Махар вышел из бассейна. Отдуваясь, принял простыню из рук любимой рабыни Евпории.

— Клео! — обратился он к ней. — Дай напиться и приготовь елей!.. Умасти меня, а потом принесешь что-нибудь поесть!

Евпория-Клео обнажила до локтей пышные, белоснежные руки и, пока господин тянул из фиала кислое вино, налила в плошку масло и смешала его с благовониями.

Теперь она стала подлинной хозяйкой в уютных покоях наместника. Он засыпал и просыпался согретый ее вниманием.

И все же она не вошла в круг избранных наложниц боспорского правителя, хотя Махар ради нее забыл о других сожительницах. Они надоели ему, эти заспанные, тупые девки, одуревшие от безделья и затворнической жизни. Они ничего не знали, ибо нигде не бывали и ни с кем не встречались. Красавицы зажирели, облепились, утратили живость чувств, это наскучило царевичу. Стоило ему прийти в дворцовый гинекей, как зевота и сонливость овладевали им.

Совсем иной оказалась деятельная, живая душой и телом Евпория-Клео. С ее появлением во дворце повеяло свежим ветром. Подметив в ее характере властность и склонность к наведению порядка, почувствовав ее заботу о себе, Махар не включил ее в число наложниц, полагая, что в одуряющей скуке гинекея она быстро утратит эти ценные качества. Он оставил ее «при себе» в спальнях покоях, как хозяйку-распорядительницу, старшую над слугами.

Евпория вступила под своды царского жилища с внутренним трепетом, еще не зная, что ее здесь ожидает. Она слыхала о великолепии дворцовых палат. И в первые дни была подавлена мрачной полутьмой и безлюдьем каменных коридоров. Приглядевшись, испытала странное чувство недоумения, даже усомнилась на миг — туда ли она попала? Закоптелые потолки, обрывки черной паутины в углах, обгорелые факелы в бронзовых кольцах, ввинченных в облупившиеся колонны, и выщербленный каменный пол, местами покрытый старыми цветными кошмами, — все это как-то не вязалось с ее представлениями о дворце Спартокидов. Поражали запустение и нежилой дух, воцарившиеся в палатах, когда-то прославленных своими украшениями и настенными росписями, ныне поблекшими от пыли и копоти. «Великая Кибела, мать богов! — воскликнула мысленно Евпория. — И здесь живет повелитель всего Боспора, самый большой человек в царстве, почти царь!»

Она сморщилась брезгливо, увидев засаленные цилиндрические подушки, на которых отдыхал царевич, его помятое ложе, неуютное и холодное. И пахло в его покоях не то конюшней, не то псарней. Одежды Махара пропитались конским потом, а в углах возились собаки, выкусывая блох. Псы, как и рабская дворцовая челядь, встретили новую фаворитку сердитым ворчанием.

Пользуясь благорасположением сластолюбивого властелина, женщина сразу показала свой норов, что крайне не понравилось обленившимся спальникам. Она быстро освоилась в новой обстановке, сама определила свои обязанности, найдя в них возможность утолить снедавшую ее жажду деятельности, тягу к самостоятельной роли в жизни.

Она начала с уборки покоев наместника, для чего вооружила обленившихся слуг тряпками и ведрами с водой. Тех, которые вздумали огрызаться и проявили строптивость, усмирила угрозой отправить завтра в каменоломни.

Пока ее голос слышался лишь в ближайшем окружении Махара, остальные слуги мало тревожились, даже одобряли ее деятельность. Все видели, как мало порядка в личных покоях царевича. Но женщина проявила смелость и напористость в своих требованиях, которые коснулись и других дворцовых служб.

Любимым блюдом Махара была степная дрофа, начиненная пряностями, посыпанная миндалем. Бывало, он обедал один. Тогда в его покой являлся главный повар Дракон, куда более важный, чем сам Махар. Выпячивая вперед огромный живот и тройной подбородок, он нес аппетитное блюдо и ставил его на стол с поклоном. За ним следовала вереница молчаливых и торжественных стольников с винами, соусами и сладкими угощениями.

Евпория вмешалась в этот церемониал, стала осматривать каждое блюдо и своими руками передавать его господину. Такое рвение, может и напускное, однако, понравилось и самому Махару и Фрасибулу, отвечающему за безопасность царевича. Оба стали доверять ей больше, ее положение упрочилось. Однажды она заметила, что дрофа плохо обработана, ковырнула ее ножом и обнаружила обрывок кишки с естественной начинкой. Она в гневе схватила блюдо и опрокинула его на голову остолбеневшему повару. А потом гнала его до самых дверей ударами бронзового блюда. Махар хохотал до слез, его сонливость и скука слетели, он с удовольствием окончил трапезу и, вытерев руки о полотенце, поглядел на Евпорию смеющимися глазами.

— Я приказал бы высечь неисправимого кухаря, но ты его так отделала, что нужды в этом нет! Поступай так же и впредь!

После чего завалился спать и огласил своды опочивальни затяжным храпом.

Дракон считался среди дворцовой челяди большим вельможей. Его все боялись, заискивали перед ним. Из-за тучности он ходил не спеша, был всегда потен, отдувался шумно, как кузнечный мех. Говорил с хрипотой, не глядя на собеседника, если тот был по должности ниже его, причем надменно кривил широкий рот, выпячивая влажные, отвисшие губы. Его окружали угодники, все раболепствовали перед ним. Одни спешили вытереть ему чистым рушником мокрый лоб и дряблые щеки, опаленные жаром очага, другие услужливо протягивали кувшин с питьем, зная, что его всегда мучает жажда. Купался он дважды в день, отдыхал во дворике, развалившись на кошме. Его фаворитка и доверенная Крато стояла около с амфорой и наливала ему в кружку крепкое вино, которое подавалось к столу Махара. Опьянев, Дракон начинал бахвалиться, подняв кверху толстый палец.

— Во дворце есть два человека, которым боги вручили власть,— говорил он.— Первый — царевич Махар, ему подвластно все, что находится за пределами дворца!.. Второй — я, хозяин в стенах дворца!.. У меня ключи от всех кладовых и винных погребов!.. И даже... от тайной двери!.. Тсс... Это подарок богов, великая тайна!..

— Ах! — угодливо шептала Крато.— Даже боги благоволят тебе!

Женщина изображала на смазливом лице восторг, смешанный со страхом, прижимала руки к груди. Она была простая, невежественная рабыня, но за молодость, чистое дыхание и крутые бедра оказалась очастливленной Драконом, стала его возлюбленной. Теперь она не выгребала из топок золу и угли, не выносила на мусорную кучу медные кувшины с кухонными отбросами и не получала шлепков от всех, кто постарше. Стала следить за чистотой рук и всегда была одета в опрятный хитон. Ее обязанности, помимо обслуживания всесильного повара, состояли в том, что она подавала ему ножи, посуду, а потом научилась украшать блюда зеленью и маслинами. Мечтала о нарядах и блестящих безделушках, в которых видела подлинное счастье. О своем рабском состоянии не думала, ибо родилась от рабыни, выросла в рабстве и не ведала иного.

И вот в жизнь этих людей неожиданно вторглась колючая и самонравная Евпория, которая пришла в дворцовую жизнь со стороны, никому не известная ранее.

Вначале она заставила повара насторожиться, потом, после случая с жареной дрофой, испытать тревогу и беспокойство за свое положение. Он стал думать, как ублаготворить ретивую служанку, а если это не удастся, то опорочить ее в глазах царевича.

До появления Евпории хозяйственный дворик при дворце и кухня являли собою замкнутый мирок, нижний этаж дворцовой жизни, его сумрачный подвал, куда не спускались не только Махар, но и его приближенные. Даже Фрасибул, непосредственный распорядитель жизни дворца, считал ниже своего достоинства бывать на кухне. Там царил Дракон с друзьями и раболепными подручными. И если до дворцовых верхов доходили слухи о разврате среди слуг и рабов, то сановные вельможи только пожимали плечами. Известно было, что рабы — скоты, и требовать от них человеческих добро-

детелей было бы смешно. Бывало, однако, что на конюшне секли обнаглевшую девку, подтягивали на колесе проворовавшегося раба, а то и рубили ему голову. Однако такие случаи ничего не меняли. Все шло своим чередом, тем более что сами властители были не намного добродетельнее рабов.

Заглянув в трапезную для слуг, Евпория поразилась тому, что увидела. Здесь с каким-то свинским обжорством и бесстыдством поглощались припасы и даже вина дворцовых кладовых под видом остатков со стола царевича. Невольно вспомнились «земляные» рабы, которые изнемогали от тяжелого труда на постройке лагерей. Там ячменная лепешка и луковица были единственной пищей несчастных, а мутная вода — их питьем!.. Рабы рабам рознь! Одни падают от непосильной работы и голода, другие объедаются и опиваются под крылышком самой высокой власти!.. Впрочем, и в дворцовой кухне были свои униженные и презираемые — те, что таскали воду, рубили дрова, чистили котлы, выгребали мусор из ям. Они не участвовали в пиршествах, устраиваемых Драконом с определенной целью, питались отбросами и спали на земле, возле ящиков с нечистотами.

Дракон прикармливал ораву друзей и подручных, среди которых были не только повара, конюхи и возничие, но и стражи из дворцовой охраны. Дюжие воины любили поиграть с поварихами, напивались вдрызг и валялись под столы. Они храпели, облепленные мухами, до того часа, когда их старшие приходили сюда за тем же, а их прогоняли прочь.

Дракон сделал попытку втянуть Евпорию в этот мутный водоворот. Но она отвергла его посулы с негодованием, проявила явное пренебрежение к поварским знакам внимания, а также и к угрозам, которые дошли до нее.

— Гетера, рыночная потаскуха! — поносила ее заглазно Крато, обращаясь к женской половине кухни. — А вот вошла в силу!.. Надолго ли?

— Ненадолго! — подхватывали поварихи. — Ведь в наложницы царевича она не попала!

— У нее и надеть-то нечего! Великий наместник не балует ее!

Непосредственная и недалекая, Крато с самого начала испытывала мучительные опасения и ревность. Ей казалось, что Дракон готов изменить ей ради Евпории.

Причем не сомневалась, что стоит Дракону пожелать — и новая рабыня явится ночью в его каморку. Но была буквально потрясена поступком этой женщины, которая отдубасила ее повелителя бронзовым блюдом, осмелилась поднять руку на ее божество. Ей казалось, что возмездие вот-вот обрушится на голову дерзкой, и она была крайне удивлена явной медлительностью Дракона. Теперь она уже не ревновала, зато и простить Евпории ее проступка не могла. пылая жаждой отмщения, Крато решила опередить события и вмешаться в это дело. Она полагала как нельзя более угодить этим нерешительному повару.

Выждав момент, когда Евпория появилась в коридоре близ кухни, Крато неожиданно выскочила из каморки повара и преградила ей путь с воинственным видом. Евпория знала повариху, но сейчас невольно остановилась при виде бледного, искаженного лица, не обещающего ничего хорошего.

— Наконец ты попалась мне, бешеная сука! — завизжала Крато, вцепляясь ей в волосы. — Сейчас ты получишь сполна за все!.. Мщу тебе за почтенного Дракона!

Ошеломленная таким наскоком, Евпория чуть не упала, но удержалась, опершись спиной о стену. В следующий миг Крато почувствовала такие удары кулаками, что повалилась со стоном на каменный пол.

— Ты что, дурного медухватила? — спросила Евпория, переводя дух и оправляя волосы. — Или хочешь попасть туда, где дробят камни?

Крато поднялась с пола такая же взъяренная, но полученный отпор охладил ее наступательный пыл.

— Ах ты! — с дрожью в голосе вскричала она, надеясь, что будет услышана на кухне, откуда могла ждать подмогу. — Сперва ты оскорбила царского повара, ударила его, а теперь меня?

— Провинился твой повар, за то и ударила, да и не один раз! А ты сама напросилась, дура!

— Ты заплатишься за это!.. Кто ты такая? Гетера из порта!.. Да знаешь ли ты, подлая, что почтенный Дракон отмечен богами?

— Чем же они отметили его? Толстым брюхом?

— Тьфу, мерзкая!.. Пусть твой язык съедят черви!.. Боги вручили Дракону ключ от тайной двери, вот что!

Евпория не желала продолжения скандального пирательства с глупой кухонной работницей и хотела одного — поскорее уйти. Но последние слова Крато озадачили ее. К тому же она была не чужда любопытства.

— А, испугалась! — вызывающе рассмеялась Крато. — Поняла, на кого подняла руку!.. Поздно! Скоро тебя выбросят из дворца в навозный ров!

— Какой ключ? От какой двери?.. Где он?.. Не врешь ли ты? — спросила Евпория с обидным недоверием, как бы издеваясь.

Это взорвало Крато.

— Я вру?.. Ах ты собачья отрыжка! Я вру?.. Сейчас увидишь!

Глупая служанка вгорячах поспешила в каморку повара, вернулась обратно запыхавшись. В руках она держала изогнутый бронзовый ключ со змеиной головкой и ременной петлей, прикрепленной посредине.

— Вот, видала? — торжествующе спросила она, переводя дух. — Теперь ты уразумела, кто такой Дракон?..

Евпория не растерялась, проворно выхватила из рук хвастливой рабыни ключ и, оттолкнув ее, исчезла, погрозив пальцем. Крато сначала остолбенела, потом с воплем кинулась в поварню, спеша пожаловаться Дракону на самоуправство наглой девки из спальных покоев.

XI

Овладев ключом, Евпория сумела узнать правду о тайном выходе из акрополя. Она была удивлена тем, что акрополь, охраняемый сотнями стражей, был в действительности незащищен перед лукавством хитрого повара.

Запасной выход располагался около кухни и был замаскирован дощатым сарайчиком для дров и кустами дикого шиповника. Имел две дубовых, окованных медью двери: одну — со стороны дворика, другую — наружную. Между ними оставалось пространство, соответствующее толщине каменной стены. Нужно сказать, что выходом этим не пользовались со времени последнего Спартокида и о нем почти забыли. Старинный запор так заржавел, что сам начальник стражи не мог открыть его. А потому и не пытался пользоваться выходом.

Однажды, зайдя в подвал-трапезную для слуг, начальник разговорился с поваром и под хмельком рас-

сказал ему о тайной двери, показал бронзовый ключ. Хитроумный повар насторожился и велел принести еще вина.

Когда болтливый воин свалился с лавки под стол, Дракон отвязал от его пояса бронзовую змейку, осмотрел ее, задумался. Потом позвал одного из подручных, большого мастера на все руки, спросил его: может ли он сделать другую, такую же?

— По отпечатку на глине смогу! — ответил тот с готовностью услужить повару.

Выспавшись, начальник стражи покинул трапезную, а Дракон через несколько дней получил в свое распоряжение второй ключ, точную копию первого. Совместно с умельцем он открыл потайной лаз, смазал «желуди» внутри допотопного замка, налил масла в медные «башмаки», на которых двери вращались, и отныне мог выходить из акрополя в город, минуя стражу, причем бесшумно.

С того времени вина и съестные припасы из царских кладовых потекли на рынок, туда же выносили украденные вещи. Дракон многих вовлек в это грязное дело. И всегда напоминал, что если кто проболтается, то сядет на кол, ибо при допросе ему, главному повару, поверят, а болтуну — нет!.. И все молчали, были немые, как те рыбы, которые поступали на кухню прямо с рыболовецких судов.

Спустя год повар превратился в богача и самого влиятельного человека в своем кругу. Все смазливые рабыни стали доступны ему. Он устраивал с ними ночные оргии в опустевшей кухне, около погасших очагов. Дракон еще больше разжирел, в его взгляде появилось что-то нагло-властное, бессовестное и вместе низкое, как у преуспевающего мошенника.

Взбалмошная выходка Крато и потеря ключа взбесили повара. Он избил свою возлюбленную, сорвал с нее подаренный хитон и отлучил от своей особы. Новой фавориткой его стала молодая рабыня, которая недавно появилась на кухне. Теперь Крато опять оказалась в самом низу кухонной иерархии, подавленная и согбенная, одетая в рваную экзомиду. Она вернулась к прежнему уделу — грязной тряпке и кувшинам с вонючими отбросами. Считала виновницей своего падения Евпорию и ненавидела ее так же, как и счастливницу, новую наложницу Дракона.

Повар хотел заказать третий ключ, но умелец отказался, так как не помнил точных размеров его и расстояний между выступами. Дракон изругался и плюнул мастеру в лицо. Как бы то ни было, а потаенный лаз из акрополя в город оказался закрытым, поток людей и краденого добра через него прекратился.

Евпория проведала, что Дракон строит козни против нее, а Крато грозитя облить ее кипятком. Но использовать ключ как улику против повара не решалась, считала это преждевременным. Стала осторожнее, почувствовала нужду в друге, который поддерживал бы ее. Вспомнила о Дидоне, стала наводить справки о ее местопребывании. Разыскала свою бывшую привратницу и служанку за городом, где та месила глину ногами. Появлению бывшей хозяйки Дидона обрадовалась, ее малоподвижное лицо отразило теплоту. На вопрос, как она себя чувствует, ответила низким, простуженным голосом:

— Еды мало, а ночью зябко!.. А работа ничего, не тяжелая.

Евпория рассмеялась. Действительно, этой могучей девке, способной померяться силой с портовым грузчиком, трудно было дать работу, которая показалась бы ей тяжелой.

Вскоре рядом с Евпорией в дворцовых коридорах появилась эта могучая женщина-воин, готовая вступить за свою госпожу против любого обидчика. Так как ножей и кинжалов она не любила, то под полой всегда носила дубовый кистень, окованный железом.

И все же, несмотря на преданность Дидоны и милость наместника, Евпория чувствовала себя все более одинокой. Для Махара она являлась всего лишь временной забавой, источником некоторых удобств. Стоит ему разгневаться — и он не замедлит оттолкнуть ее. Тогда она, бесправная и беззащитная, сразу будет затоптана ногами Дракона и оравы его приспешников!

Об этом она думала сейчас, наливая в ладонь масла и легкими движениями растирая его на жирных телах всесильного владыки. Тот, убаюканный ласковыми прикосновениями, задремал, посапывая носом.

Сзади слышались осторожные шаги. Евпория быстро оглянулась. Из-за колоннады вышел празднично одетый Асандр с двумя амфорами под мышками. Следом шел Гиерон, как всегда самодовольный, с лосня-

щейся физиономией. Он нес на голове большое блюдо, покрытое салфеткой.

Махар открыл глаза и медленно повернул голову. Асандр приветственно поднял руку с амфорой и обратился к наместнику довольно развязно:

— Да хранят тебя боги, великий! После купания выпей вот этого старого синопского вина!

— А, это ты, ясновидец и предсказатель! Ты что, пришел угостить меня хорошим вином и еще чем-то вкусным?

— Именно так! О преславный сын бога живого!

— Бога живого?.. Хотел бы я знать, увидел бы ты сейчас за его спиною то сияние победы, которое ослепило тебя когда-то?

— Ты намекаешь на временные неудачи великого государя?

— Временные?.. Гм...

Царевич повел глазами, Асандр сделал жест рукой. Евпория и Гиерон немедленно исчезли. Осталось лишь блюдо под салфеткой и открытый амфориск с елеем для натирания.

XII

Слуги остановились за колонной. Молча окинули друг друга взглядами.

— Ох, и разъелась ты, Евпория, отоспалась в царском дворце! — начал первый Гиерон, смотря с невольным восхищением на румяное лицо женщины, на ее белую шею и обнаженные руки. — Живешь в счастье и холе!

— А ты все такой же, — прищурилась Евпория, не разделяя его благодушного настроения.

— Какой?

— Все меришь сытной едой и возможностью поспать, когда другие работают!

Они прислушались к говору хозяев и, чтобы не быть обвиненными в подслушивании, удалились на цыпочках в чуланчик, где стояли глиняные горшки с мыльной глиной и амфориски с душистыми натираниями. Тут же грудой белели льняные покрывала. Пахло свежим бельем и лавандой. Гиерон покрутил носом, осмотрелся и протянул руку к амфоре с вином, которую заметил в углу.

Евпория предупредила его, взяла сосуд и налила две плошки. Он выпил, она пригубила.

— Похоже, что ты недовольна? Видимо, жалеешь о том веселом времени, когда таскала камни и получала удары бича?

— Не жалею... Но и невелика радость натирать жирное тело хозяина, питаться его объедками и не видеть солнца иначе как в окно!.. А его ласки мало трогают мое сердце!

Гиерон вопросительно уставился на нее и покачал головой.

— Чего же ты хочешь, почтенная? Царской диадемы?

— Свободы хочу я, хотя и не ведаю, как обрести ее. Человеческой свободы!

— Человеческой? — озадаченно переспросил Гиерон. — А разве есть такая? Уж не бредишь ли ты?.. Я побывал за морем, получил свободу из рук царя, а какой ее вкус, так и не разобрал!

— Трус ты... Я всегда знала это! Ты променял звание свободного воина на место прислужника при хозяйне! Потому и не разобрал...

— Свободного воина?.. Да думаешь ли ты, о чем говоришь? Я был воином, испытал голод и получал удары палкой от десятника! Делал то, что мне прикажут, лез в огонь, попал в пучину моря, чуть не захлебнулся в соленой воде! Сидел в трюме у пиратов, как черный раб, которого везут на продажу!.. Вот и вся моя свобода! Спасибо, Евлупор спас меня, и, слава богам, я опять дома!

— И опять слуга, тот же раб! А твой друг и спаситель Евлупор не вернулся же!.. Он храбр, как лев, и не страшится умереть с оружием в руках! Он отстаивает свободу мечом!.. Жаль, я его не видела!

— Муж достойный, это верно! Смерти не боится. Но заметь — он бежал от пиратов, не обрел среди них свободы. И сейчас он свободен, пока в бою. А после боя живет милостью царевича Фарнака. И лезет на рожон, только бы сохранить эту милость! Вам, бабам, куда лучше, вас господа любят, балуют!..

— Мне рассказывали о жене Митридата Мониме, которая потоптала диадему и хотела повеситься, сбежать в мир духов от постылой жизни взаперти! Разве это жизнь — сидеть в гинекее, как в тюрьме, всегда чув-

ствовать, что за твоей спиной, как тень, везде и всегда ходит противный евнух?

— Я слышал больше!.. Монима умерла от руки евнуха по приказу самого Митридата! Царь боялся, что Лукулл ляжет спать с его женами!.. Но то — дело царское, не нам о нем судить! Чего же ты хочешь?

— Убежала бы, право! — вздохнула Евпория.

— Куда?.. В степи?.. Там тебя полонит грязный скиф и заставит сидеть в его юрте и отжимать кислый творог!

— Не знаю, куда бежать, так говорю!.. Но я хочу жить с человеком, которого любила бы, хочу иметь детей и чувствовать себя настоящей хозяйкой в доме!

Гиерон поднял нос и присвистнул.

— Понимаю: тебе хочется быть не только свободной, но и богачкой!.. И жить как богачка!.. Хотя и та жизнь, как мне кажется, не дала бы тебе полной радости: ведь в каждом доме хозяин тот же царь, а его жена сидит в гинекее!

— Я хочу жить не с повелителем, а с другом!

— Ай-ай! Станные слова говоришь ты, Евпория!.. Но все равно ты любя моему сердцу, хотя и считаешь меня трусом и обжорой!..

Женщина, смягчившись, улыбнулась и наполнила плошку вином.

— Выпей!.. И не обижайся на меня!

XIII

Оставшись без свидетелей, Махар и его гость продолжали разговор. Асандр услужливо раскупорил одну из принесенных амфор. Аромат старого вина ударил в нос.

Махар отведал прекрасного вина, удивляясь в душе, как сумел Асандр сохранить его со времени плавания в Синопу. Ему было неизвестно, что вино это принесено из храмовых тайников.

— Ты говоришь — временные неудачи, — словно в раздумье, произнес он. — Нет, великий Митридат терпит самые настоящие поражения и покинул без славы уже не одно поле боя!

— Сейчас это так, — вздохнул Асандр, снимая салфетку с блюда. — Но, великий Махар, ведь и солнце не всегда сияет в безоблачном небе, его застилают тучи, и все

же от этого божественное светило не становится менее ярким. Оно появляется вновь, такое же прекрасное, лучезарное!.. Так и в великих войнах! В борьбе с сильным врагом от побед до неудач совсем близко — как от Пирея до Афин!.. Зато для такого могущественного царя, как Митридат, достаточно сделать усилие — и поражения сменяются победами! Так оно бывало не однажды!.. Отведай этого кушанья, приготовленного искусным поваром!

— Что-то не верится в это усилие!.. А ты веришь?

Асандр молча пожал плечами и стал накладывать в тарелку царевича куски холодной стерляди с пряностями.

Уже то, что Махар так просто и без обычной заносчивости заговорил о разгроме Митридатовых ратей, означало многое. Ясно было, что он потрясен событиями, выбит из колеи, потерял самоуверенность. Асандр протянул ему второй наполненный ритон. Царевич рассеянно выпил его до дна и улегся на ложе, потный и тучный.

— Чтобы верить, нужно знать, — уклончиво ответил Асандр. — А я не оракул и не предсказываю судеб великим царям!

— Тут и предсказывать нечего! — воскликнул Махар с горечью. — Отец бежал к царю Армении Тиграну, потеряв все — и царство, и войско!.. Теперь Тигран колеблется — выдать его римлянам или нет! Война за морем близка к концу!.. А мы, наоборот, стоим на пороге войны, ибо Лукулл, воздвигнув трофей победы в Синопе, не замедлит пожаловать к нам, на Боспор!

— Не совсем так, Махар, — смелее возразил Асандр. — Война еще не кончена, Синопа держится, римские войска измотаны и требуют у Лукулла передышки. Римский сенат недоволен Лукуллом за затяжку войны!.. Даже завершив победу, Лукулл едва ли будет в состоянии сразу начать поход на Боспор! Для подготовки такого похода потребуется время!..

— Ты хочешь сказать — он съест нас не сегодня, а завтра? Плохое утешение!

— Возможно, это завтра наступит лишь через год! Срок достаточный, чтобы подготовиться!

— Мы располагали не годом, а десятилетием! А разве мы готовы воевать с Римом?.. Твои сограждане лукавят, не надежны они! Нет, Боспору мериться силой с

Римом не по плечу!.. Вот и подумай, каково мое положение!

— Выход есть,— заметил Асандр как бы вскользь, нехотя.

— Какой? — нетерпеливо спросил наместник, разгоряченный ванной и вином.

В бане становилось жарче. Рабы-банщики за стеной, куда выходили топки печей, усердствовали, зная, что владыка любит часами потеть в струях горячего, сухого пара. Асандр, чувствуя, что пот заливает его, стал сбрасывать с себя лишнюю одежду.

— Царственной особе,— ответил он просто, но многозначительно,— приличествует царственный же выход из любого обстоятельства!

— Царственный?..

Махар испытующе уставился черными глазами в благообразное лицо своего советника, сейчас покрытое росой пота, сбегающего струйками по бритым щекам.

— Да, милостивый владыка, царственный! Ибо лишь натурам великим, способным на подвиги и жертвы, непосильные простым смертным, доступны великие решения! Именно в час испытаний проявляется величие и богоравность души тех, кто избран богами!

— Слова твои красивы, но темны, как ночь!.. Не пойму, куда клонишь!

Асандр поднял брови с улыбкой.

— О Махар, ты все понимаешь, куда лучше, чем я! Но играешь со мною, прикидываешься простаком!.. Однако, Махар, ты должен уже изучить меня и знать, что я тоже не так прост и твоя игра в непонимание не введет меня в заблуждение. Уж кто-кто, а я знаю, чего стоят ум и проницательность Махара, унаследовавшего характер и размах мысли своего отца!.. Да будут милостивы к нему боги в час испытаний!..

Слова эти, сказанные с нарочитой непринужденностью, польстили самолюбию царевича. Он ощутил вновь утраченную уверенность в себе. И остро взглянул в лицо Асандру.

— Что ж,— сказал он снисходительно,— я знаю, что ты умеешь разгадывать мои скрытые мысли. Такой, как ты, достоин служить великому государю! А вот попробуй угадать мои мысли сейчас!.. Разрешаю говорить прямо, без обиняков!

Говоря это, Махар думал: «Интересно, что задумал этот двоедушный боспорянин?.. И какой выход он может предложить мне?..» При этом вспомнил о тайном совете жрецов и архонтов, о котором говорил ему Фрасибул.

Асандр с той же улыбкой и беззаботным видом налил вина в рог и начал смаковать его маленькими глоточками, думая при этом: «Неужели он пронюхал о том, что говорилось в храме?.. Возможно, он заманивает меня в ловушку? Или сам дошел до мысли о разрыве с отцом и хочет, чтобы я произнес эту мысль вслух?»

Асандр понимал, что наступил решительный миг. И как только он допьет последнюю каплю этого сладкого, красного, как кровь, вина, пустой рог наполнится вновь — настоящей кровью... его собственной.

Но отступать было некуда. Вино убывало и наконец кончилось. Рука с рогом опустилась. А Махар все смотрел черными, как маслины, глазами и был в этот миг похож на ястреба, нацелившегося на добычу, готового ринуться на нее. Его большой горбатый нос казался хищным клювом, а приподнятые плечи сложенными крыльями.

— Я не колдун и не смогу отгадать твои мысли, — медленно начал Асандр. — И недостаточно мудр для их разума. Не требуй от меня невозможного.

— Да?.. А я думал, что ты все знаешь через гадания Левкиппа, — с усмешкой заметил царевич.

Асандр понял намек, но только пожал плечами.

— По нашим законам гадать на царственную особу нельзя! Левкипп же не брат мой, и я не знаю, что он делает. Но мне известно, что все жертвенные гадания говорят одно: все преходяще, только Пантикапей будет жить в веках и главенствовать над другими городами царства!

— Что ж, гадание неплохое!.. Как ты мыслишь, имеет оно какое-либо значение для меня?

— И это ты знаешь лучше, чем я!.. Я же скажу: если хочешь быть впереди других и не свалиться в яму, выбирай коня крепкого и нестарого, который не изъезжен и не хромает!.. А с того коня, что запален и вот-вот рухнет на землю вместе с всадником, надо вовремя сойти!

— Ты полагаешь, что Пантикапей — это крепкий конь? А мне кажется, конь этот недостаточно выезжен, норовит сбросить седока! Брыкается, глазом косит!

— Страшен ли опытному наезднику норовистый конь? Наоборот, удалец находит удовольствие в укрощении ретивых скакунов! Ты сам говорил это!.. Зато на лихом, горячем скакуне ты умчишься далеко, и тому, кто загнал свою лошадку, не догнать тебя!

— Допустим, что это так. Но есть еще один всадник — Рим! И, пожалуй, тоже не на плохом коне!.. Как уйти от него?

— Опять-таки я недостаточно просвещен и затрудняюсь ответить тебе! Боюсь, что, услышав мои слабые суждения, ты просто рассмеешься и прогонишь меня! А мне не хотелось бы этого!

— Ничего, говори!

— Я убежден,— начал Асандр с глубокомысленным видом,— что дело Митридата — великое дело, угодное богам,— должно победить! Даже в случае полного поражения и смерти Митридата, когда он из земных богов перейдет в сонм богов небесных и будет взирать на дела наши из-за облаков.

— Да?.. Как же понимать твои слова? Уж не боги ли продолжают дело Митридата после его кончины? Боги не любят прямо вмешиваться в дела земные, у них много своих забот!

— Нет, великий Махар, не боги! Но у Митридата есть сыновья, и среди них первый и избранный — ты! Значит тебе и продолжать!

— Но что продолжать? Войну и отступление перед сильным врагом?

— Я сказал: продолжать дело, но не войну! Это разные вещи! Дело Митридата было в том, чтобы создать великое царство, он создал его! Вторым его шагом было завоевание мира! Этот шаг оказался преждевременным, Митридат споткнулся и упал! Он потерял половину своих владений и сам стал беглецом... Другая половина — в твоих руках! Это Боспор и вся Таврида! Это согласные с тобою скифы и сарматы! Это огромные земли, богатые, многолюдные! Так сохрани эту половину для себя, удержи ее от гибели и римского рабства!.. Ты наследник отца, так наследуй ему, ибо завтра наследовать будет нечего! Сегодня же судьба всех замыслов Митридата зависит только от тебя! Для этого требуется решение, не простое, но достойное сына великого Митридата!.. В этом решении лучшие люди Боспора поддержат тебя!..

Махар нервно поднялся с ложа с легкостью, которую, казалось, давно утратил. Он понимал, куда клонит Асандр, разноречивые чувства закипели в его душе. Он уже хотел сказать резкие, осуждающие слова этому двуличному человеку. Но сдержался, зная, что Асандр был на тайном совете в храме не случайно и сейчас ведет речь не только от своего имени. В ней отражается мнение больших людей Боспора. И все, о чем сейчас говорилось, завтра будет им известно и может вызвать их ответные действия. Какие?.. Царевич понимал, что, проявив большое рвение в служении отцу, когда тот разбит и спасается в горах, он ухудшит свое положение, приблизит опасность разрыва с пантикапейской общиной. Боспорские архонты и жрецы сразу убедятся в том, что он полон решимости поддерживать Митридата до конца и готов разделить его печальную участь, увлекая за собою в бездну и Боспорское царство!.. Это было бы опрометчиво и могло ускорить развязку. Но и пойти навстречу лукавому советнику, так легко и просто согласиться с ним, казалось нелепым, оскорбительным!

— Ты был бы во многом прав,— ответил он, сдерживая волнение,— если бы моего царственного родителя не было в живых! Тогда я принужден был бы принять самостоятельное решение. Но государь жив, а я его наместник, связанный с ним клятвой верности!.. Наконец — я его сын и наследник! Как же я могу пойти на вероломство, отделиться от него, объявить себя самостоятельным правителем Боспора?.. А ведь ты к этому ведешь свои крамольные речи! Ты предлагаешь мне измену, не так ли?..

Асандр почувствовал, как волосы оживают на его голове. То, чего он так боялся, готово было свершиться. Он постарался овладеть собою и с беззаботным видом застарелого гуляки стал наливать вино в ритон, говоря:

— Тонок ты, Махар, тонок, как острие вот этого кинжала, что лежит на ковре! Не завидую я врагам твоим!.. Но, прости меня, сыновние чувства в тебе одолевают государственную мудрость! Да, Митридат жив как человек, но он умер как царь и полководец! Подстреленная птица не сразу падает на землю, она еще пытается лететь, хотя это ее последние попытки!.. Вероятно, и Митридат понимает это и, я думаю, в глубине души надеется, что ты поступишь именно так, как мы

сейчас говорим!.. Ибо, удержав Боспор, ты сможешь стать могучим государем и, кто знает, возможно, еще высадишься на берег Анатолии и вернешь отцовские владения! И тогда Митридат, уже с того света, благословит и восславит тебя!

Махар подскочил к Асандру с пылающим, потным лицом и схватил его за грудь волосатой рукой. Он задышался от возбуждения и переполнявших его чувств.

— Да пойми ты, скользкий налим, что Митридат жив и как человек и как царь!.. Он собирает новое войско и еще вернет то, что утратил!.. Ты уже трижды изменил моему отцу, пока говоришь со мною, и втягиваешь меня в богопротивное дело! Чего ты вертишь хвостом, как лиса?.. Говори, от чьего имени пришел сюда, что решили архонты на тайном совете, или я кликну стражу!

Они встретились глазами, но Асандр не увидел в воспаленном взоре царевича подлинной решительности, убежденности. Несмотря на горячность, Махар явно был смущен и испытывал душевное смятение перед неизбежностью выбора. Асандр уяснил это и почувствовал себя увереннее.

— Говорю с тобою от своего имени, никто меня к тебе не посылал! — ответил он. — Я сам пришел, ибо желаю твоего успеха и торжества! Охлади свое сердце и выслушай меня до конца!..

— Говори, — мрачно согласился царевич, опуская руки, — я слушаю.

— Это не измена, Махар, это царственный ход в большой игре! Его надо сделать еще при жизни Митридата. Сейчас Рим тебе поверит, так как боится Митридата и будет рад найти в тебе неожиданного союзника! В случае же смерти Митридата твое обращение к Риму будет понято как проявление слабости! Тогда на тебя поглядят не дружелюбно, не как на союзника, а свысока, как на побежденного, валяющегося у ног победителя!

— А я не собираюсь обращаться к Риму! Я не предатель отца моего!

— Тогда тебе придется воевать с римлянами! А эта война не под силу Боспору, и боспорцы сделают все, только бы ее избежать! Пойми это, мудрый Махар!

Царевич остановился перед Асандром, окруженный клубами банного пара. Мокрая простыня свисала с его

голого плеча, на распаренном лице отразилось не то раздумье, не то мгновенное оцепенение. Все сказанное оглушило его, ослепило. Пред ним как живое предстало грозное лицо Митридата с огненными глазами, в которых можно было прочесть не только гнев и презрение, но и укор. «И ты думаешь изменить мне? — казалось, спрашивал пронзительный взор. — Или ты забыл судьбу изменников в прошлом? Все они казнены после пыток. То же ждет и тебя, хотя ты и наследник мой!..» Да, страшно и дико изменить отцу и государю!

Впрочем, Асандр не сказал чего-то нового, он только произнес вслух то, что так или иначе уже рисовалось в голове Махара, но было отвергаемо им с негодованием. И весомость сказанного заключалась не в том, что лукавый боспорец выполнял тайное поручение совета, а в том, что он как бы подсказал оправдание измены, обосновал ее целесообразность и государственную необходимость! А что если он прав?.. Как старые деревья умирают и падают, уступая место молодым, так и Митридат должен уйти в небытие, в сумрак забвения, оставив за себя его, Махара, если хочет грядущего торжества Понта над Римом! Грядущего, ибо сейчас торжествует Рим! И, чтобы одолеть римского великана в будущем, надо сегодня склониться перед ним, протянуть ему руку преданности и дружбы!

И все же такое можно принять головой, как суровую неизбежность, но не сердцем!.. Сердце бушевало в груди, протестовало, не соглашалось! Махар стал ходить по мокрому полу, шлепая босыми ногами. Потом опять остановился перед Асандром и, устремив на него пристальный взгляд агатовых глаз, сказал с усилием и сдерживаемой угрозой:

— Уходи отсюда!.. Так-то ты служишь великому Митридату, отцу моему!

XIV

Амфоры были двух родов: одни узкогорлые, с осмоленными пробками, другие с широким горлом, наподобие кувшинов. В первых булькало старое вино, созревшее за много лет хранения в храмовых тайниках, во вторых, — впрочем, их было всего две, — блестели золотые деньги.

Это был неожиданный дар жрецов и архонтов из запасов города. Махар получил его вскоре после беседы с Асандром.

Война сильно истощила не только Понтийское царство, но и Боспор, подорвала и личную казну Махара. Жизнь дворца значительно оскудела. Сладкие, пьянящие вина перестали поступать в подвалы акрополя из Диоскуриады и Синопы. На море продолжали шнырять триеры Сервилия, они не пропускали купеческие суда, идущие на Боспор или с Боспора.

И вдруг храмы города дают заморскому наместнику золотой заем сами, без принуждения, добавив к золоту несколько десятков амфор хорошего вина!.. Этим Пантикапей как бы хотел показать, что городская община видит в Махаре нечто большее, чем ставленника гибнущего Митридата. Эти деньги и вино — предварительный взнос города в счет оплаты того решительного шага, которого сейчас ждали от Махара.

— Понимаю, понимаю ваши замыслы! — усмехнулся царевич, задумчиво рассматривая дары города. — Хитры вы, но и я не младенец! Оторвавшись от отца, я сразу становлюсь игрушкой в руках пантикапейских властедержателей, а это мне не очень по нутру!.. Если я и стану самодержавным правителем Боспора, а может, даже царем, то не по милости таких, как Левкипп, Парфенокл или Асандр! К тому же неизвестно, не ловушка ли это?.. Может, стоит порвать с отцом, как те же низкопоклонные архонты заговорят со мною другим тоном!.. Нет, я должен быть уверенным в том, что после измены отцу царское кресло для меня будет обеспечено!

И наместник предпринял встречные меры. Вино и золото принял, но стал держаться совсем иначе. Фиас евпатористов уже не собирался в обычные дни, храмовое вино прошло мимо рта Асандра и его друзей — евпатористов. Последние недоумевали и переговаривались, пожимая плечами:

— Что-то случилось с преславным царевичем!.. Скажи, Асандр, может, он заболел?

Но Асандр знал не более других. Попытался пройти во дворец, как обычно, и вдруг натолкнулся на скрещенные копья стражей. В ответ на окрик посторонился, уступая дорогу десятку воинов, сопровождавших важную персону. Это был высокомерный перс Фрасибул,

который, поглядев на Асандра, оскалился с явной издевкой.

— Да, царевич Махар что-то задумал и хочет сделать это без меня! — вздохнул Асандр, возвращаясь домой. Тут его ждал Гиерон, который через Евпорию узнал, что готовится новый караван судов для отправки хлеба Митридату.

— Какому Митридату? — воскликнул Асандр, удивленно взглянув на слугу. — Кто может сказать, где сейчас Митридат? В какой порт пойдут корабли?.. В том-то и дело, что отправлять хлеб некому, его захватят римляне!

— Хлеб пойдет в осажденную Синопу, — поправился Гиерон. — Ведь город продолжает держаться и ждет возвращения Митридата, который снимет осаду!

— Это другое дело! Кто же поведет корабли? Как видно, не я!

— Евпория сказала, что корабли поведет Фрасибул!

— А-а... — протянул Асандр, начиная что-то понимать.

— Есть еще новость, — добавил Гиерон после краткого молчания.

— Говори, что же ты молчишь?

— Фрасибул не только добился размолвки между тобой и Махаром и захватил в свои руки навархию. Он отстранил от царевича Евпорию, считая, что она тайно служит тебе!

— Отстранил Евпорию?.. Жаль, теперь мы не все новости будем узнавать раньше других!.. Куда же ее спровадил Фрасибул?

— Ты сам знаешь, господин, как Махар привязался к Евпории, хотя ее молодость миновала. И не захотел ее обидеть. Он дал ей должность старшей жрицы Афродиты Пандемос! Она уже перебралась из дворца в храм, туда, к порту!..

— Ну, это не так плохо!

— Совсем не плохо, господин!

Гиерон был очень доволен этим перемещением своей давней подружки, которое давало ему возможность чаще и проще посещать ее.

XV

Отвергнув услуги Асандра, отстранив его от дел и закрыв перед ним двери дворца, Махар полагал, что поступает именно так, как учил отец. Да, человек ну-

жен царю, пока он приносит пользу, а как только он утрачивает это качество, его устраняют.

Устранять полагалось не только ненужного, лишнего человека, но и такого, который оказался слишком полезен, сделал чересчур много для своего владыки. Такие люди склонны зазнаваться, начинают приписывать себе большую долю царских успехов и даже считают себя творцами царского могущества. Они легко впадают в недовольство, им кажется, что их мало возвеличили, что они вторые после царя, а при случае могли бы и сравняться с ним... Так зарождается гордыня в сердцах больших военачальников, ближайших советников и сподвижников царских, а от гордыни один шаг к заговору против государя, к покушению на его жизнь и диадему! Поэтому хорошо, если возвеличенные и возгордившиеся друзья, так же как и зазнавшиеся полководцы, неожиданно уходят в страну теней!

Правда, Асандр казался Махару слишком мелкой сошкой, чтобы его следовало отправлять так далеко. К тому же он пантикапеец, член той общины, с которой сейчас не выгодно портить отношения, а также муж деятельный и расторопный, могущий еще понадобиться. Поэтому удел его — временная опала. А дальше видно будет...

Слух о внезапной немилости царевича к Асандру мгновенно стал достоянием всего Пантикапея. Недоброжелатели, и среди них первый Парфенокл, возликовали, но Левкипп и его окружение были встревожены. Им показалось, что попытка Асандра склонить Махара к измене провалилась, царевич разгневан и, возможно, завтра прикажет отправить злополучного советника в пыточное подземелье. А зубчатое колесо и дыба страшные вещи, они развязывали языки и не таким, как Асандр! А если это так, то на пытке будут выявлены истинные вдохновители и сторонники измены Митридату.

Но Асандр появился на улицах города такой же самоуверенный, как всегда, в окружении толпы друзей. Казалось, он не понимал опасности своего положения. Он всем своим поведением старался показать, что опала его мало беспокоит.

— Или он хочет выглядеть счастливым в беде, или мы чего-то не поняли, — изрек Левкипп, когда ему сооб-

щили об этом. По его указанию с Асандром встретились верные люди из числа младших жрецов. Они попытались открыть ему глаза на его незавидные обстоятельства.

— Смотри, Асандр,— говорили они,— как бы тебе не угодить в колодки!

— Не бежать ли тебе, Асандр, в Фанагорию?

Но Асандр только смеялся в ответ на эти предупреждения. Он с друзьями вышел на пристань посмотреть, как готовится уйти в море очередной караван судов, груженных продовольствием, теперь уже без его участия. Здесь встретился с Панталеоном, тоже отправляющимся в плавание. Фрасибул не без основания полагал, что успех, который сопровождал Асандра на море, в значительной степени зависел от мореходных талантов Панталеона и крепкой сплоченности матросов, а потому оставил опытного моряка и преданных ему людей на кораблях.

— Да будет милостив к тебе Посейдон Кораблеспасатель! — сказал Асандр, обнимая друга на прощанье.

Караван покинул порт. Асандр остался на берегу и, несмотря на показную самоуверенность, почувствовал себя обиженным, одиноким. И хотя никто не угрожал ему прямо и не искал его с целью заковать в колодки, ему показалось, будто неведомая опасность стала ближе, как бы нависла над ним.

XVI

Отвлечшись от дел, Асандр пожелал увидеть прекрасную художницу Икарию, которая уже не раз робкими письмами напоминала о себе. Приказал Гиерону седлать коней и выехал из города, оставив дом на попечение Антигоны.

Дом без хозяина замер, словно уснул. Окна перестали сверкать огнями, в большой зале против закопченного очага уже не собирались фiasиты для ночных песнопений и уютной трапезы.

— Куда мы едем? — спросил Гиерон, когда они миновали городские ворота и оказались на дороге, уходящей на юг. Слуга был опечален необходимостью покинуть Пантикапей, где оставалась Евпория.

— В Нимфей! — коротко ответил Асандр, неохотно отрываясь от своих мыслей.

— Надолго?

— Там видно будет!..

Слуга понял, что хозяин не в духе, и замолчал. Конники копытами, унося всадников все дальше от городского шума и многолюдья. Каждый из всадников думал о своем. Асандр почему-то вспомнил черноглазую, смуглую дочь Митридата, как она удостоила его своим вниманием, наградив ударом плети, и усмехнулся. Что она ему, дочь владыки восточного мира, ныне терпящего поражения, но еще сильного и страшного для врагов своих. Пусть царица и поглядела на него с озорным любопытством, но это мгновенный каприз. Ни любви, ни союза с нею быть не могло. И показалось странным, что вот идут годы, а он, Асандр, не имеет семьи, потомства!

Следуя каким-то внутренним побуждениям, он понукал лошадь, поднимая ее в галоп. Гиерон не отставал, они молча мчались навстречу соленому морскому ветру. Асандру показалось, что там, впереди, его ждут счастье и уют тихой жизни. Да и что ему надо, в самом деле? Теперь он достаточно обеспечен и мог бы завести жену, детей... Что он оставил в Пантикапее? Ненависть Парфенокла, борьбу, тревоги! Друзья устроены, они теперь сыты и без него! А сам он сослужил службу городу и стал не нужным никому!.. Странно!..

В душе крепло желание остаться в Нимфее, стать членом местной общины, жить личными радостями в кругу семьи. Видимо, боги указуют ему эту долю!

Однако, прибыв в Нимфей, Асандр убедился, что боги отнюдь не заинтересованы в его благополучии. Раньше боги покровительствовали ему, создали ему ореол удачника. Теперь — отвернулись от него!.. Стало ясно, что ящик Пандоры открыт и то, что случилось, только начало потока неудач, сменивших временные успехи.

Та, ради которой он прибыл в Нимфей, не встретила его в дверях маленького домика, увитого виноградными лозами. Спрыгнув с седла, он быстро вошел внутрь скромного жилища и нашел Икарию лежащей на ложе. Около сидела рабыня, ранее подаренная ей Асандром, с печалью в глазах. Икария приветствовала его слабой улыбкой и мановением иссохшей руки.

— Вот и я! — сказал он приветливо, протягивая руки. — Прибыл к тебе!

— Ты опоздал,— прошептала она запекшимися губами.— Моя земная жизнь кончается!..

Неумолимый недуг, который раньше Асандр принимал за томление одиночества, оказался роковым. За время, пока он плавал в Синопу и занимался делами в Пантикапее, Икария увяла, как цветок. Она умирала.

— Наше счастье не сбылось,— с печалью продолжала она,— но спасибо, что ты вспомнил обо мне и приехал!

— Теперь я независим и свободен от дел,— сказал он, но в ответ получил лишь беззвучное движение бескровных губ.

С невольными слезами он сел у ложа умирающей и смотрел на ее все еще красивое, тонкое лицо с печалью и нежностью. На лбу ее выступали капли холодного пота и скатывались по бледным вискам, как слезы.

Так он сидел и смотрел на нее, пока она не уснула вечным сном.

Тогда он поднялся со скамьи и объявил окружающим:

— Дорогая мне Икария умерла, как законная моя супруга!

После чего нанял искусных мастеров, которые возвели пирамидальный памятник у моря над родником, где она часто грустила, ожидая Асандра. На памятнике была высечена надпись, идущая как бы из уст каждого, кто в жаркий день остановится отдохнуть и утолить жажду:

Здесь, у могилы твоей, о Икария,
Здесь, о супруга Асандра!
Зноем томимый, я к влаге студеной приник!
Смерть не затмила твоей добродетельной жизни,
Слава о ней не иссякнет, как этот родник!

Гиерон, составивший эту надпись, получил золотую монету. Асандр приказал ему заниматься хозяйством в оставшемся после Икарии маленьком имении, а сам коротал время, бродя вдоль берега моря или сидя у памятника в горестном раздумье. Чувство одиночества и пустоты овладело им.

XVII

Предаваясь печальным размышлениям, Асандр не заметил, как в гавань Нимфея вошел корабль с разорванными парусами и следами пожара. Это был один из

его двух кораблей, прибывший из Парфения. Асандр вздрогнул от неожиданности, когда его окликнул грубый голос. Он поднял голову и увидел приближающегося Флегонта. Глава перевоза был ранен, хромотал. Его левая рука, обмотанная тряпками, висела на перевязи.

— А, это ты? — спросил безучастно Асандр, словно не замечая растерзанного вида неожиданного гостя.

— Это я! Очнись, Асандр!.. Соболезную твоему горю. Гиерон рассказал мне о смерти твоей возлюбленной. Отвлеки сердце от сожалений, умершую не вернешь!

— Ты прав, Флегонт. К сожалению, я не Орфей и не могу спуститься в царство мертвых с целью вернуть в этот мир покойную!.. Но у тебя, как я думаю, есть ко мне дело?

— Дела наши совсем плохие!.. Как я и ожидал, произошло несчастье!

— Говори, я слушаю, пусть будет одним несчастьем больше!

Флегонт сел на ступеньку памятника, отвязал от пояса кружку, напился холодной воды, вытер губы, после чего рассказал все. Рыбаки-перевозчики проведали о том, что Асандр впал в немилость, сочли это за благоприятный случай и обратились к Махару с просьбой восстановить их монопольное право на перевоз через пролив.

— Ну, и Махар принял их милостиво? Отдал им перевоз?

— Да, в том-то и дело! Он выдал им охранную грамоту. А гоплитов, охранявших перевоз, отозвал!.. Мы остались одни!

— Рассказывай дальше, — кивнул головой Асандр, несколько оживляясь.

Флегонт поведал ему, как рыбаки подговорили рабов на кораблях и те подняли бунт в ночное время.

— Это те рабы, которых тебе подарил Митридат, они очень тосковали по родине... Им помогли какие-то бродяги или беглецы, которые появились неизвестно откуда, тоже, как я думаю, не без участия рыбаков. Я подал сигнал к бою, и со своими людьми начал расправляться с бунтарями, и конечно, преуспел бы в этом. Но на берегу загорелось много факелов, собралась толпа рыбаков с копьями и баграми. Я приказал рубить якорные канаты. Мы поспешили выйти в море, но рыбаки пре-

следовали нас на лодках. На передней лодке было знамя! Оказалось, они привязали к наконечнику копья охранную грамоту Махара! Размахивали ею с криками: «Сдавайтесь!.. Сдавайтесь!..» На моем корабле начался пожар. Пока мы доставали бадьями морскую воду и заливали пламя, на другом корабле рабы восторжествовали!.. Они перебили наших людей, подняли паруса и ушли в море!

— Бежали, значит?

— Бежали при поддержке рыбаков!.. А этот корабль мы отстояли, рабов перекололи и выбросили за борт! Но должны были сами сесть за весла и спасаться, ибо нас осталось мало! Считаю, половина наших людей погибла!.. Тебе надо обратиться к Махару и с его помощью наказать Парфений!

Асандр усмехнулся и отрицательно покрутил головой:

— Нет, Флегонт! Если боги против нас, то как мы можем противиться их воле?..

Задав еще несколько вопросов, Асандр приказал поставить корабль на якорь, а команду после расчета распустить до лучших времен.

В нимфейском порту появилось несколько десятков шляющихся без дела матросов. Они горланили песни, пропивая полученные деньги.

В числе их оказался и Флегонт, который быстро спустил заработанное и ночевал в порту, не имея пристанища.

— Нет счастья для меня! — говорил он друзьям хриплым пропитым голосом. — Воевал я под знаменем Асандра на льду пролива — получил одни раны, а награды никакой! Ходил на пиры к Асандру в числе евпатористов, но изгнан за злой язык и дурные предсказания! Был назначен старшим на перевозе, кое-что скопил, но мои деньги оказались на том корабле, который угнали рабы! Опять неудача!.. Что же дальше? Неужели так всю жизнь?.. Нет, видно, один путь неудачнику — в разбойники на большой дороге или вместе с беглыми рабами в пираты!

Голодный и злой, он направился к домику художницы, где сейчас жил Асандр. Здесь увидел Гиерона, как всегда чисто одетого, сытого.

— Процветаешь, раб? — молвил с сердцем моряк, проходя мимо.

— Я не раб, мне дарована свобода самим Митридатом! — ответил с досадой слуга. — А ты куда пробираешься? Хозяина нет!

— Где он? Мне нужно с ним поговорить.

— Ты расчет получил, и говорить тебе с хозяином не о чем!

Изругавшись, Флегонт повернулся и побрел прочь. Гиерон остановил его.

— Слушай, Флегонт, — сказал он с покровительственным видом, — ты всегда был лучшим матросом, и преславный Асандр ценил тебя!.. Тебя погубило твое карканье, ты языком навлекаешь духов несчастья! Да!

— Говорю, что думаю, вот и все!

— Глуп ты, вот что!.. Но мне жаль тебя, право. Я сейчас управляю имением, которое осталось после Икарии. Оно по закону принадлежит Асандру, ибо он купил его для художницы!.. Так вот, приходи работать — я поручу тебе подрезать лозы на винограднике!.. Платы не проси, ибо имение бесприбыльно. Скажи спасибо, что накормлю!

— Как же это, без платы?.. Я же не раб!

— Не хочешь — дело твое! Ты не раб и можешь умирать с голоду под забором!.. Никто даром кормить тебя не будет! А я говорю тебе — приходи, поработаешь, накормлю! Жалею тебя!.. А настанут лучшие времена, получишь больше.

— Хорошо, Гиерон, приду! Видно, никуда не денешься. Только дай мне обол опохмелиться, очень голова болит!

XVIII

Время шло, миновало лето, был собран урожай, желтые листья кружились по ветру и падали на каменные мостовые Пантикапея. Архонты уже не получали приглашений на пиры к наместнику. Об Асandre никто не вспоминал, никто и не разыскивал его. Евпатористы не устраивали ночных оргий. Махар уединился во дворце. Весь ход жизни акрополя стал сдержанным, таинственно-скрытым.

— Что-то произошло, но что?.. — гадали горожане, поглядывая на темные окна дворца, где некогда вели блистательную жизнь гордые Спартокиды.

Все выяснилось лишь после возвращения каравана судов из заморского плавания, оказавшегося не вполне благополучным. Панталеон, сойдя с корабля, направился в городской дом Асандра, но, узнав, что хозяина нет, добыл коня и поскакал в Нимфей. Здесь они встретились как добрые друзья, уединились в уголке домика за очагом, с кувшином подогретого вина.

— Все рассказывай по порядку! — сказал Асандр.

Оказалось, Фрасибул повел корабли не в Синопу, как это было объявлено в день отплытия, а в Армену, уже захваченную римлянами. По пути их атаковали легкие биремы синопцев, причем несколько кораблей с продовольствием было отбито и уведено в осажденную Синопу. Остальные добрались до места назначения и выгрузили хлеб для римлян!.. В Армене Фрасибул встретился с Лукуллом и вручил ему подарок от Махара — драгоценный венок, покрытый тысячью золотых монет!

— Ого! — усмехнулся Асандр. — Видимо, на этот венок ушло все золото, полученное Махаром от города!

К венку была приложена грамота, в которой Махар ставил свои условия: если Лукулл признает его пожизненным правителем Боспорского царства, а также другом и союзником Рима и Рим станет опорой власти Махара, как римского ставленника, то он, Махар, будет всемерно содействовать победе римского оружия над Митридатом!

— Каково задумал? — округлил глаза Панталеон, ожидая, что Асандр возмутится вероломством царевича.

— Я догадывался, что Махар задумал именно это, — спокойно ответил Асандр с видом человека, не причастного к совершенной измене, но и не осуждающего ее строго.

— Как мне удалось узнать, — продолжал несколько озадаченный Панталеон, — Лукулл якобы так оценил этот шаг Махара на тайном совете военачальников: «Однажды изменив отцу, Махар уже не сможет повернуть назад. Митридат не милует изменников, даже если бы они и раскаялись! И Махар знает это! Отсюда можно быть уверенным, что до конца войны искренность Махара вне сомнений! А это то, что нам надо!»

— Что ж, Лукулл прав, — так же спокойно заметил Асандр. — Ну, а насчет Боспора что сказал Лукулл?

— Пантикапейцы, как и все греки, по словам Лукулла, хитрецы, сосуды, наполненные обманом и

ложью! Сегодня они будут за римлян, а завтра опять поклонятся Митридату, если это будет им выгодно! И хотя боспорские города не всегда дружны, только крепкая рука может удержать их в подчинении Риму!

— И здесь Лукулл не далек от истины! Ты мастер узнавать секреты, склоняю перед тобой голову!

— Другка нашел в Армене старого, он подкупил кое-кого из рабов Лукулла. Они многое подслушали, остальное узнали по расспросам! Может, что и не так.

— Как бы то ни было, но свершившееся надо приветствовать!

— О боги! — вскричал изумленный Панталеон, роняя кружку. — Это измену-то приветствовать?.. Ты не пьян, Асандр?

Асандр успокоил его жестом руки.

— Махар изменил отцу — это их семейное дело! Но Махар не изменял Боспору! Наоборот, он выводит Боспор из-под удара римского кулака! За это ему слава и честь! Сегодня Махар выгоднее для Боспора, чем недружные роды Ахаменов и Гераклидов, которые готовы перехватить друг другу глотки ради захвата верховной власти! Так уж пусть остается Махар, хотя бы римский!..

— Так-то так! — протянул неуверенно Панталеон. — Но есть слушок, хотя и взятый с ветру, — Митридат жив и пытается сколотить войско в горах!

— И этому можно поверить. Пока царь жив, он будет бороться. Но едва ли много достигнет. Рим силен! А с изменой Махара стал еще сильнее. Наше дело сейчас — кричать здравицу Махару... А дальше видно будет.

Панталеон потер лоб мясистой ладонью, пытаясь осмыслить услышанное. Вдохнул и поглядел на Асандра с укоризной.

— Ты вот славись Махара! — возразил он. — Но ведь Махар перестал доверять тебе. Он отлучил тебя от всех благ! Почему?.. Он полагает, что ты верен Митридату, как главный жрец фиаса евпатористов! Если это так, он закует тебя в цепи!

Асандр невольно рассмеялся, к вящему удивлению Панталеона, не понимающего игры событий.

— Не удивляйся моему смеху, я не пьян! — сказал он. — Я верен Боспору! Но знаю, что стоит прийти к власти Ахаменам или Гераклидам — они снимут с меня голову! А при Махаре, хоть он и дуется на меня, не

посмеют!.. Вот я и рукоплещу Махару, пою ему славу! Ибо сам Махар меня не тронет, скорее призовет опять во дворец!

— О боги, ты мудр и все предвидишь заранее!

— Пытаюсь предвидеть, желая сохранить голову на плечах! Это прежде всего!.. А потом — я не хочу, чтобы за ошибки царей и правителей был разрушен Пантикапей, в котором я родился!.. Но погоди немного, скоро все поймешь! А теперь я должен побывать в Пантикапее! Надо увидаться с Левкиппом, получить кое-какой должок с города!.. Эй, Гиерон, вели седлать коней! Поедешь со мною, а за домом и виноградником присмотрит Флегонт!

XIX

Когда Асандр появился в Пантикапее, уже весь город говорил о потрясающей новости, измене Махара отцу и переходе Боспора под высокую руку Рима.

Найдя Левкиппа в храме Зевса Спасителя, Асандр приветствовал старца с сыновней почтительностью, после чего обратился к нему со словами:

— Почтенный отец! Опасное поручение, которое ты и тайный совет дали мне, выполнено успешно!.. Не так ли?

— Так, сын мой,— ответил жрец мягко, но сдержанно.— То, что было замыслено нами, совершилось. Римский меч отведен от сердца нашей державы!

— Надеюсь, совет не забыл, что самую опасную литургию, именно переговоры с Махаром, выполнил я?

— Да, да,— подтвердил Левкипп с некоторой заминкой.— Но архонты утверждают, что Махар принял это решение сам, независимо от твоих усилий. Даже считают, что ты говорил ему что-то совсем другое, он не захотел слушать тебя, даже был разгневан! Иначе откуда эта его немилость к тебе?

— Это происки врагов моих, они хотят унижить меня, боятся моего возвышения! А что Махар отстранил меня — в этом его хитрость! Он принял мои советы, но не захотел показать, что порывает с отцом под чьим-то влиянием! Ему хочется сохранить видимость самостоятельности, независимости! Только глупцу это не понятно!.. Мне кажется, что архонты просто не хотят отдать в мои руки соляные откупа, не так ли?.. А ведь дана клятва, и ты

эту клятву скрепил именем Зевса! Как же можно теперь отступить от нее?

— Не только это, Асандр. Для меня совершенно очевидны твои заслуги и рвение!

— Так в чем же дело?

— А в том, что Митридат снова поднял голову! Он набрал войско и спустился с гор, намереваясь дать Лукуллу решительное сражение! Вот архонты и говорят, что мы поспешили с переходом в римский лагерь!

— Почему мы? Махар поспешил, а не мы!.. Если царевич принял решение самостоятельно, как утверждают архонты, значит, я и тайный совет, который меня посылал, не замешаны в измене Махара! Более того — Махар прогнал меня, поверг в опалу! За что?.. Не иначе как за то, что я жрец фиаса, поклоняющегося Митридату!.. Теперь я чист перед грозным царем, так же как и совет города! Перешел Махар к римлянам — слава ему, да будет он нашей защитой перед Римом!.. А если Митридат побьет Лукулла, слава и ему, ибо наше дело — сторона!.. Махар в своей гордыне взял на себя всю тяжесть измены отцу, а раз так, ему и отвечать!.. А мне, жрецу евпатористов, недолго созвать всех поклонников Митридата и вознести гимны, восславить его!.. Пойми, Левкипп, в случае победы Митридата Пантикапей будет ой как нуждаться во мне!.. Пусть и архонты подумают об этом!

Левкипп поднял на Асандра удивленные глаза, словно впервые видел его.

— Я всегда верил в силу твоего разума — произнес он совсем другим тоном. — Но сейчас убеждаюсь, что ты достойный сын нашей общины и видишь многое впереди, что заслонено от других из-за их близорукости!... Иди, сын мой, я постараюсь, чтобы ты получил обещанное!

Через два дня Асандру была вручена грамота, дающая право на взыскание соляных сборов со всех городов Боспора.

Однако от назначения его на высокую должность стратега города совет архонтов воздержался.

— Ничего, — бурчал под нос Асандр, возвращаясь домой, — вы еще сами предложите мне это место!

Он с большим аппетитом пообедал у очага, на котором Антигона жарила мясо на спицах и подавала на стол в горячем виде. Хотел было отдохнуть, но слышались

тяжелые шаги и вошел, отдуваясь, возбужденный Панталеон. Его борода была растрепана, на лбу залегла глубокая складка.

— Э-гой, Асандр! — раздался его громоподобный голос. — Вчера ты радовался обороту дела, а сегодня упало первое яблочко с червивой яблони!

— Говори, я слушаю.

— Я и все «ледовые братья» списаны с кораблей и согнаны на берег!... Махар имеет новых друзей — римлян!.. Римляне берут в свои руки дело хлебных перевозок, а мы больше не нужны!.. А возглавлять караваны будет не Фрасибул, а помощник наварха Сервилия — Цензорин!

— Что ж, — с философским видом ответил Асандр, — и это меня не удивляет! Раз Махар прогнал меня, то и друзьям моим возле него места нет!

— Как ты можешь спокойно говорить об этом? Ведь сотни наших людей опять пошли шлаться по базарам — кто воровать, кто нищенствовать!.. Махар лишил их куска хлеба!

— Я только что получил папирус, утверждающий за мною откуп на соляные сборы по всем городам! Дело большое, и потребуется много людей. Ты человек дела, берись за откуп так, чтобы нас не ругали! Вот нашим людям и дело, и кусок хлеба!.. А ты — старшой!

Изумленный Панталеон сделал магический жест рукой и сотворил молитву.

— Да услышат нас боги! Ты — первый человек в государстве! Ты мудр и удачлив! Прости за резкие слова... Я сейчас же возьмусь за дело! Но нужны деньги!

— Сундук мой открыт для тебя. Бери, но после и наполни его!

— О Асандр, если дело пойдет хорошо, набьем доверху!

— Мало того — корабль, что стоит в нимфейской гавани, тоже твой. Садись и плыви в любую гавань Боспорского царства! Собирай соляной налог!

— Ну, а если города откажутся платить сборы, что тогда? Будет трудно заставить их растрясти мошну!

— Все знаю! Но времена изменились. Сейчас наш хозяин — Рим! Вот от имени Рима и будем действовать, пусть кто-то попытается возражать! Ведь Боспор должен будет платить Риму дань. А где он ее возьмет?..

У городов, путем сбора налогов!.. Стоит доложить Махару, что города противятся сборам, и Махар натравит на виновных Сервилия с флотом... Разумеешь?

— Разумею, Асандр, восхищаюсь твоим разумом. Но скажи, хозяин, если это не тайна, а что ты сам думаешь делать?

— Опять уеду в Нимфей. Там буду ждать ясной погоды. Да и тянет меня к источнику, где я впервые встретил Икарию! Мне надо о многом поразмыслить!.. А ты — делай дело и сообщай мне обо всем, что творится в мире!

— Слушаю, господин и друг мой!.. Да сохранит тебя Афродита Апатура! Она поможет тебе обойти врагов и недругов!

XX

Изменив отцу и перейдя на сторону Рима, Махар уже не спал так сладко, как до этого. С болью нарастало в душе сознание совершенной ошибки. Вначале, когда приходили известия, что Лукулл преодолел свою медлительность и двинулся на Армению с целью принудить гордого царя Тиграна Второго к выдаче Митридата, казалось, что война близка к концу и победа римлян обеспечена. Но прошло немало времени, а конца войны не видно! Стало известно, что в римских войсках неполадки. Войско не любит Лукулла за его чрезмерную осторожность. Лукулл не сумел достать до сердца простого римского воина, редко появлялся на сходках легионеров, держался высокомерно, в аристократической манере. Затяжка взятия многих городов, а особенно Синопы, также не говорила в его пользу. Очередной караван с боспорским хлебом для римлян был атакован синопскими судами, часть кораблей была разгромлена, и хлеб пошел на прокормление осажденных. Повторилось то, что уже испытал Фрасибул. Но Фрасибул, потеряв несколько кораблей, все же остался жив. А Цензорин, назначенный Сервилием главой каравана, был убит в морском бою с синопцами. Раздраженный дерзостью Синопы, Лукулл сумел наконец сломить упорство этого города, Синопа пала. Это был последний оплот Митридата на понтийских землях. Но победа была не полной. Синопские военачальники Клеохар, Селевк и Леонипп избегли рим-

ского плена. Ограбив святыни города, они бежали в Колхиду на нескольких кораблях. Это тоже было поставлено в вину Лукуллу и усилило брожение в его войске.

В довершение всего, Митридат, этот демон войны, разгромленный под Кабирами и нашедший прибежище у своего зятя и союзника Тиграна Второго, опять вынырнул из неизвестности. Он спустился с гор с небольшим войском и разгромил авангарды Лукулла, которыми командовали Фабий и Триарий. Говорили, что войско Лукулла в смятении и готово начать позорное отступление обратно к Эгейскому морю, а царь Митридат намеревается вернуть себе наследственные земли.

Ночами, лежа на одиноком ложе, Махар испытывал непреодолимый страх, представляя себе разгневанного отца. Словно кинжалом пронзала мысль: а что, если отец, воспользовавшись неладями между Лукуллом и войском, в самом деле восстановит свое могущество и власть?.. От такого предположения бросало в жар и холод. И насколько раньше Махар мечтал о грядущих победах Митридата и его всемирном триумфе, настолько сейчас жаждал его поражения и смерти... Ибо понимал, что отец не простит ему измены, возврата к прошлому не будет! Одиночество и безысходность терзали душу. Чтобы не коротать в одиночку долгих ночей, он послал за Евпорией, жрицей Афродиты Пандемос. Только в присутствии этой уверенной в себе женщины он несколько успокаивался.

Слушая ее речи, держа в ладонях ее руку, он словно приходил в себя, даже шутил, а потом, умиротворенный, засыпал. Евпория смотрела на него и замечала про себя, что он за короткое время обрюзг и постарел. Его лицо покрылось морщинами, щеки отвисли, левый глаз непрерывно подергивался. Казалось, царевич подмигивает им, не то шутя, не то готовясь заплакать.

А время тянулось. Из-за моря известий не поступало, война как бы замерла. И лишь поздней осенью пришли новости, оживившие всех. Боспорцы узнали, что Лукулла уже нет, его сменил более способный военачальник Помпей. Последний уже стяжал себе славу великими победами над средиземноморскими пиратами и захватом их опорных крепостей в Киликии. Но ему было мало этих побед над разбойниками, он мечтал о великом триумфе. И вот ему были вручены судьбы

третьей войны с самым страшным врагом Рима — Митридатом!

Помпей прибыл на арену военных действий и стал на место Лукулла. Война сразу вспыхнула, как потухающий костер, в который подбросили сухого хвороста.

Наконец-то!.. Махар пал ниц перед статуями богов и умолял их даровать римлянам победу, а Митридата поразить небесными молниями.

Видимо, молитвы царевича были услышаны. В пантикапейский порт пожаловал сам Сервилий с частью флота. От него все узнали, что произошло долгожданное решающее сражение под Дастирами, городком в Западной Армении. У реки Евфрата войско Митридата было разгромлено, уничтожено. Это был удар более сильный, чем поражение под Кабирами, после которого Митридат бежал в горы с горсткой телохранителей. Сейчас он якобы покончил жизнь самоубийством, не выдержав превратностей судьбы. Другие говорили, что царь предательски убит своими же приближенными. Как бы то ни было, Митридата не стало!

— Совершилось желанное, благодарю вас, о боги! — шептал Махар, обливаясь слезами радости.

Он воскурил жертвенные благовония во всех храмах, вручил жрецам немалые дары и объявил по городу большое торжество.

Опять праздные, нарядные толпы затопили главную площадь Пантикапея. Опять боспорцы пели и плясали в угоду правителю и его хозяевам из далекого Рима.

Все помнили, как несколько лет назад Махар ликовал по случаю победы Митридата над войском римского сенатора Котты. Тогда богам были вознесены моления и воскурен жертвенный дым в благодарность за их помощь восточному царю-владыке! А сейчас боги приняли великие подношения и выслушали пламенные гимны по случаю поражения и смерти того же самого царя!..

Оба праздника так походили один на другой, то же всеобщее ликование, всенародное торжество. Только теперь Махар радовался не победе отца, а его разгрому и гибели.

На улицах города вперемежку с победными кликами шли толки и пересуды. Всех занимал один вопрос:

— Куда девался Митридат? Неужели и впрямь погиб?

И тут же высказывались сомнения в достоверности этого:

— Едва ли, едва ли! Митридат хитрая бестия, к тому же занимается колдовством!.. Он живуч, изворотлив, удачлив. Вот увидите, он еще объявится там, где его никто не ждет, и доставит римлянам немало хлопот!

XXI

В разгар общегородских торжеств, после принесения благодарственных жертв всем богам, как греческим, так и римским, во дворце наместника начался великий пир.

Желая угодить вкусам новых покровителей, представленных навархом Сервилием и его свитой, Махар приказал вынести из трапезного зала скифские скамьи и греческие дифры, заменив их пиршественными ложами. Ныне гости бражничали и угощались уже не сидя плечом к плечу по-братски, как это было принято в полускифской стране, но по-римски возлежали за столами. Одним это понравилось, другие с трудом скрывали неудовольствие.

Атамб с кряхтением взобрался на ложе, он был уже изрядно выпивши и боролся с дремотой. Толкнув локтем своего соседа Парфенокла, он, забыв об их соперничестве, которое с прибытием римлян как бы утратило остроту, пробурчал невнятно:

— Слушай, Парфенокл, если я засну, а тем более начну храпеть, разбуди меня!

Странно и непривычно выглядел пиршественный зал с лежащими гостями. Это напоминало ночлежный дом, только вместо бездомных бродяг и нищих здесь собрались люди богатые и знатные, блистающие златоткаными хитонами и варварски яркими скифскими кафтанами. Атамб надсадно икнул. Послышался сдавленный смешок. Что-то неприличное было в этой толпе богатейших мужей боспорских, лежащих вповалку.

Сервилий возлежал рядом с Махаром, оглядывая стены трапезной надменным взглядом человека, привыкшего к власти. Он пережевывал мясо и фрукты, не раскрывая рта.

Еще в порту, куда сбежалась тысячная толпа поглазеть на римские корабли, все обратили внимание на сутулого человека, который размеренно и неторопливо

сошел на берег и поглядел на боспорцев с безразличием, словно не видя их. Зато боспорцы во все глаза смотрели на его гордый шлем с невиданными страусовыми перьями, зеркальный позолоченный панцирь и широкий плащ, волочащийся по земле. Несмотря на осеннюю непогоду, его руки были обнажены и поражали мощной мускулатурой, как бы олицетворяющей римское могущество. Он и его свита уверенно ступали по боспорской земле широконосими желтыми сандалиями, прикрепленными ремнями к голым ногам. Римский наварх проследовал во дворец, никак не ответив ни на приветствия одной части горожан, ни на насмешливые выкрики другой.

— Он что, не видит нас? — перекликалась молодежь с чувством уязвленного самолюбия.

— Этот римлянин не считает нас достойными его внимания!

— А когда топил наши корабли, то глядел, как они гибнут в волнах?

И сейчас его внешнее равнодушие к лучшим людям Боспора многих корбило. Не нравилось оно и Махару, но царевич сохранял на обрюзгшем лице подобие улыбки радушного хозяина, принимающего за бранным столом лучших друзей. Приподнявшись на локте, Махар взял свободной рукой чашу, в которую проворный виночерпий налил вина.

— Испросив волю богов, я счел за благо, — начал он, поглядывая попеременно на гостей-боспорцев и римлянина с его свитой, — порвать связи с богопротивным царем Митридатом еще при жизни его и вошел в союз и дружбу с великим Римом! Рим поддержал меня, назвал своим другом, а теперь, после смерти Митридата, признал пожизненным правителем Боспора! Отныне я управляю Боспором под покровительством могущественного Рима!.. Я намерен строго выполнять требования Рима, взыскивать в его пользу условленную дань! Но, как правитель Боспора, всегда буду отстаивать права боспорских граждан перед римским сенатом!

Он кивнул головой в сторону Сервилия, который ничем не проявил интереса к речи боспорского правителя, продолжая жевать.

— Цель моего правления, — уточнил Махар, — сохранить единство и целостность Боспорского царства, достичь процветания его городов, защитить права и иму-

щество его свободных граждан, обеспечить безопасность от происков варварских племен! Но я буду жестоко карать всех, кто нарушит порядок в государстве или посмеет вступить в противозаконные заговоры против власти нашей, освященной богами! Боги благоволят ко мне, а римляне поддерживают меня!.. Имеющие уши да слышат!

— Ждем твоих повелений! — прозвучало в ответ.

Большинство в изумлении всматривалось в усталое лицо царевича, все еще не будучи в силах понять, как мог сын и фанатический последователь Митридата, его наследник, сразу и неожиданно для всех стать другом ненавистного Рима и врагом собственного отца...

Со времени измены Махара это было первое публичное заявление его о содеянном. Возможно, царевич приберег его именно к приезду Сервилия, дабы не остаться без опоры в тот ответственный миг, когда он во всеуслышание возвестит о полном и бесповоротном переходе на сторону Рима. Оттолкнувшись от понтийского берега и почувствовав себя одиноким и беззащитным перед грядущими опасностями, он вновь ощутил твердую почву под ногами лишь после того, как Сервилий своим монотонным голосом заверил его в римской поддержке.

— Я поднимаю эту чашу с искристым вином в честь и за здоровье нашего гостя, доблестного наварха Сервилия, и его соратников! — возгласил Махар.

Все с криками одобрения подняли чаши и выпили до дна.

И вот в этот торжественный час, когда Боспор и его властители ликовали по случаю победы римского оружия и окончательного падения и гибели Митридата, произошло нечто странное.

Все видели, как Фрасибул был вызван и поспешно покинул место за пиршественным столом. Это было бы не удивительно, ибо ему был поручен надзор за общим порядком во дворце. Но он через короткое время вернулся и, подойдя к ложу Махара, закрыл рот краем одежды и склонился к уху повелителя.

Что сказал Фрасибул, никто не слышал. Но все увидели, как наполненная чаша в руке царевича дрогнула, вино выплеснулось на его праздничный хитон. Махар поставил чашу на стол и обвел стены и потолок зала каким-то отрешенным взглядом. Так смотрят слепые. Дей-

ствительно, он не видел в этот миг никого вокруг себя. Перед ним опять с ужасающей отчетливостью выступило коварное и жестокое лицо Митридата, который прожег его насквозь своими демоническими глазами. И усмехнулся язвительно.

Махар с усилием поднялся, свесил ноги и болтал ими, ища табуретку. Не найдя опоры, грузно соскочил на пол, пошатнулся и чуть не упал. Его поддержал Фрасибул. Всем стало ясно, что произошло нечто важное и неприятное.

Ход веселья, и так не очень бурного, нарушился. Гости недоуменно переглядывались, улыбки сошли с их лиц. Махар, опираясь на плечо верного советника, вышел в боковую дверь, ведущую во внутренние покои.

— Правитель почувствовал себя плохо! — сказал Фрасибул, повернув голову. — Он сегодня долго охотился и переутомился!

Через несколько минут Фрасибул вернулся и объявил:

— Правителю уже лучше! Он повелел продолжать пир под главенством наварха Сервилия! Как только головокружение пройдет, он возвратится на свое ложе за столом и примет участие в общем веселье!

Пир продолжался, но о большом оживлении не было и речи. Гости перешептывались, тянули вино без заздравных кликов и речей. Сервилий, казалось, не замечал пантикапейцев. Переговариваясь со своими людьми, он не брезгал чашей. Слушая шепот за столами, презрительно выпячивал нижнюю губу. Эта двусмысленная мина задевала архонтов за живое, казалась им оскорбительной.

— Похоже, он считает нас варварами? — пробурчал Парфенокл.

— Что ж, он недалек от истины, — кивнул головой совсем хмельной Атамб. — У каждого из нас течет в жилах немало скифской или сарматской крови!

Парфенокл недовольтно засопел. Он счел замечание Атамба за колкость. Все знали, как гордится род Ахаменов чистотой своей милетской крови, сдобренной какой-то долей крови персидских царей. Но заглазно подшучивали над Парфеноклом и его родичами, считая это неправдой.

Махар, удалившись в свои покои, приказал ввести того, кто привез страшную вестъ. Фрасибул вышел и

возвратился с купцом, который лишь чудом избежал кинжала пиратов, спасался от гибели на обломке корабля среди моря, был прибит к берегу волнами, обогрелся у рыбаков и добрался до Пантикапея на верховой лошади. Он был сильно измучен, еле стоял на ногах, проворачивая конским потом и морской тиной.

— Повтори то, что ты говорил полчаса назад! — коротко приказал Махар.

Купец упал на колени и протянул вперед дрожащие руки. Заявил, что, видно, боги для того спасли его от неминуемой смерти, чтобы он смог привезти великому правителю Боспора важную весть!

Далее он сбивчиво поведал, что римляне потерпели неудачи, а царь Митридат жив, полон сил и боевой страсти. Он окружен преданными людьми, с которыми отдыхает сейчас в Диоскуриаде, наблюдая, как его стратеги набирают новое войско.

— В Диоскуриаде? — почти выкрикнул Махар. — Что же, он хочет продолжать войну?

Последний вопрос вырвался произвольно. Он не имел смысла, так как купец едва ли мог что-либо знать о замыслах и намерениях Митридата.

— В Диоскуриаде! — подтвердил купец, несколько удивленный тревогой, которую Махар не сумел скрыть. — А хочет ли он продолжать войну, мне не ведомо! Но, как известно, войска набирают и снаряжают обычно для войны, а не для охоты!

XXII

Не один Махар ощутил холодок в груди, когда стало известно, что Митридат не только жив, но и приблизился к Боспору. Логика событий подсказывала, что бегство страшного царя в Диоскуриаду не случайно. Он бежал туда, где еще сохранились подвластные ему земли и народы. И если придется отступать дальше, ему останется один путь — на Боспор!

— Выходит, что отец опять избежал решительного разгрома, сохранил часть войск и богатств, занял подвластную ему Колхиду, а главное — сберег свою голову!

Повторяя эти слова, Махар метался по дворцовым палатам, не находя места. Самые жуткие предположения, как призраки, преследовали его.

— Что же Помпей, этот новый римский герой?! — восклицал он в раздражении. — Почему Помпей медлит?

Этот вопрос мучил всех, кто боялся победы Митридата и со страхом думал, что удачливый царь не замедлит появиться на берегах Боспора Киммерийского. Он награждает верных и покарает предателей.

Лишь самые рассудительные сохраняли относительное спокойствие. Или старались показать это. Среди них и Фрасибул. Он успокоил Махара, резонно доложив ему, что приближается суровая зима, которая приостановит войну. Уже дождь и снег смешались в серых облаках и падали на землю мокрой кашей. А на юге сейчас ветрено и дождливо. Кто же начинает походы в эту пору года?.. Зима, как и ночь, время отдыха для любого войска, будь оно римским или понтийским!

— Да, ты прав, Фрасибул, — согласился царевич, вздохнув облегченно.

Навигация, и без того вялая, прекратилась совсем. Ее остановили холодные ветры, бури на море. Перестали поступать и новые слухи о делах заморских. Но всем мерещился страшный старик, что сидит в Диоскуриаде с мечом в руке и многозначительно поглядывает в сторону Боспора, готовя ему к весне новые испытания. Флот Сервилия ушел на зимовку. Но не в ближайшие порты, как того хотел бы Махар, а на юг, к теплым берегам Вифинии.

— Ничего, — убаюкивали Махара друзья и советники. — Пусть Митридат зимует на кавказском берегу, около горной речушки Харес! Место скучное, бедное хлебом! Весной Помпей пожелует к нему в гости и заставит его плясать!

— Говорят, — докладывал Фрасибул, как-то добывавший свежие новости, — что в войске Митридата голод и полный разброд! Местные племена и греки Диоскуриады не дают ему провианта. Воины едят умерших! И даже вшей, там это принято! Недаром тамошних горцев называют фтейрофагами — вошеедами!

Часть IV

У ПРОМЕТЕЕВОЙ СКАЛЫ

I

У впадения реки Харес в Понт Эвксинский стоит город Диоскуриада, основанный милетцами. Это один из ранних очагов греческой колонизации на Кавказе, населенный потомками переселенцев из Эллады.

Расторопные греки-колонисты ведут торговлю со всеми племенами, живущими на побережье и в горах. А племен мало, что-то около семидесяти! Каждое носит свою отличительную одежду, говорит на особом языке и поклоняется племенным богам.

В условленные дни года в окрестностях Диоскуриады устраиваются огромные торжища. Племена обмениваются изделиями своих мастеров и плодами своей земли. Здесь же местные греки и заморские купцы скупают то, что им понравилось, и предлагают туземцам товары, привезенные из-за моря или сделанные в Диоскуриаде.

Фтейрофаги, одетые в шкуры диких козлов, приносят в кожаных мешках орехи здешней сосны, вернее — северного кедра, маслянистые, вкусные. Их покупают даже сирийские и египетские купцы. Известно, что орехи южного, ливанского кедра несъедобны.

На многолюдном торжище можно увидеть воинственных иберов, жителей гор, а также иберов с равнины, более мирных. Первые своими одеждами и вооружением напоминают скифов, вторые — армян или мидийцев. Иберы делятся на четыре больших рода: первый — это царствующий род, второй — жреческий, третий состоит

из воинов и земледельцев, а четвертый — чернолюдые, которому богами указано гнуть спину на остальных.

Совсем дикими выглядят гептакометы, племя воинственное и темное. Говорят, что они живут на деревьях, как птицы. Их товар — дикий мед в дуплянках, обмотанных лыком. Мед горьковат, но из него получается хорошая пьяная брага.

Как торговые гости заглядывают сюда халибы или халдеи с изделиями из железа, тибарены, умеющие чеканить по серебру, и много странствующих купцов, среди которых немало и пиратов, сбывающих награбленное.

Но гордыми хозяевами здешних гор нужно считать многочисленных соанов, они господствуют над землями восточнее Диоскуриады. Соаны — сильное племя. Оно возглавлено царем, окруженным белобородыми советниками, которые представляют все роды и имеют право говорить царю правду в глаза. В случае войны соаны могут сразу выставить двести тысяч хорошо вооруженных воинов!

Соаны привозят на обмен и продажу тонкую овечью шерсть, мясных баранов и крупницы желтого металла — золота. Они добывают золото, промывая песок быстротекущих рек. При этом пользуются корытами с продырявленным дном и косматыми овчинами, на которые оседает драгоценный металл. Овчины высушивают и руками выбирают из шерсти золото. Рассказы о соанском «золотом руне» дошли до далекой Эллады и превратились в чудесную сказку.

II

Греки из Диоскуриады стараются дружить с соанами, на них и опираются в достижении порядка и безопасности на шумных торжищах.

Те и другие были встревожены, когда с юга показались нестройные, но многочисленные отряды отступающего войска. Иззубренные секиры, прогнутые шлемы, растерзанные дорогие кафтаны, залитые кровью и грязью, странная смесь роскоши с рваными лохмотьями, осунувшиеся лица и встревоженные, одичалые взоры, в которых отразились ожесточение и ужасы войны, — все это выглядело как-то по-разбойничьи и вселяло страх в сердца местных жителей. При виде того, как

всадники в лихорадочной спешке преодолевают каменистые гребни прибрежных высот, каждому казалось, что обозленное неудачными сражениями, разгромленное и голодное воинство с остервенением кинется грабить и убивать, срывая досаду на мирном населении.

Все местные племена, равно как и Диоскуриада, были данниками Митридата, признали ранее его власть над собою. Но это было формальное подчинение. Откупаясь ежегодными данями, кавказские греки и горцы жили по своим законам, мало интересуясь судьбами империи Митридата.

Появление понтийского войска во главе с самим царем вызвало замешательство и растерянность. Гадали: как поступить? Как встретить Митридата, хоть и разбитого римлянами, но еще способного нанести поражение слабым отрядам греков-колонистов и даже соанам, не изготавившимся к внезапной войне?

Городская община Диоскуриады поспешно собрала общий сход и решила на всякий случай вооружиться. Сотни рабов и свободных готовились завалить ворота города камнями. На зубчатых стенах появились отряды воинов, готовых к отражению вражеского штурма. С гор спустились конные разъезды горцев, пытающихся разгадать намерения ратей Митридата.

Простым людям хотелось увидеть среди этих мрачных вооруженных толп, так не похожих на царское войско, самого царя и его блестящую свиту. Предполагали, что Митридат появится под охраной лучших дружин перед стенами города или двинется горными дорогами в глубь соанских земель, дабы найти там безопасное убежище, удобное для обороны.

Но никто не обратил большого внимания на сотню всадников в бурках и косматых шапках, отделившихся от войска и занявших деревушку на склоне горы. Это было селение бедных горцев, состоящее из каменных и земляных хижин, закопченных и тесных. Одну такую хижину освободили, вручив хозяину и серебряную монету. Передовой всадник легко спрыгнул с армейского жеребца и, наклонив голову, вошел в жилище. Здесь около тлеющего очага он сбросил черную бурку и снял с головы папаху. Это был сам Митридат, теперь выглядевший стариком, с седой бородой и нависшими бровями. Седина волос и сухость выступающих скул, следст-

вие забот и бессонных ночей, как-то не вязались с его быстрыми движениями и пристальным взглядом огненных глаз.

Он присел на затертые нары и отстегнул пряжку широкого пояса, сверкающего золотом и рубинами. Молодой красивый воин подскочил проворно и принял из его рук драгоценный меч.

— Здесь будет моя ставка! — сказал царь резким и звучным голосом, окинув глазами стоящих перед ним спутников. — Не на отдыхе мы, а в походе! И не пировать в обществе женщин пришли сюда!.. Помните — в Диоскуриаде наш временный привал! Идите к войскам, устраивайте биваки, следите, чтобы воины не грабили жителей! Мародеров — сразу на кол!.. Три дня отдыха — и за работу!.. Точите мечи, острите копья, оперяйте стрелы, учите воинов преодолевать горные перевалы и драться сплоченно! Иных дел и потехи не разрешаю!

— Слушаем и повинуемся, великий государь! — хором ответили все, кто стоял перед ним.

— Трифон!

— Я здесь, у ног твоих, повелитель! — упал на колени воин, звеня доспехами.

После земного поклона он поднял голову. При слабом свете его безбородое, морщинистое лицо выглядело как страшный череп, угловатый, застывший в жестоком оскале. Это был доверенный евнух царя, глава его личной охраны.

— Сам отнесешь две золотые вазы с серебряными монетами в дар городским храмам. Архонтам передашь, что я жду их к себе немедленно, зачем — узнают, когда придут! Отправляйся!

Царь остановил взгляд на стоящих справа соратниках, столь не похожих один на другого, — величественного Гая и сутулого, но уверенного в своем спокойствии Менофана.

— Ты, Менофан отвечаешь за размещение войск и порядок в лагерях. А ты, Гай, не теряя времени, сооружай учебные поля и городки и начинай обучение молодых воинов горной войне и штурму крепостей!.. Идите оба!

Менофан склонил голову и вышел из хижины бочком, вслед за статуеподобным Гаем, который умел держаться с достоинством даже перед Митридатом.

— Тебе, Тирибаз,— продолжал царь свои распоряжения,— приказываю тотчас же направить верного человека к соанам. Жду их стариков, хочу напомнить им, что соанская держава обязана мне союзом и помощью, о чем есть клятвенная запись!.. Ты знаешь.

— Понял, выполняю! — склонил голову Тирибаз, который еле стоял на ногах после утомительного перехода. Перс был изнежен и к походным трудам непривычен. Однако старался держаться бодро, зная, что царь не жалует слабых.

— Действуй!

— Отец! — раздался негромкий, но решительный голос Фарнака, теперь могучего мужа с курчавой бородой. Его бурка была залита грязью, красные сапоги стоптаны и облеплены глиной. Было видно, что в минувших походах он не чурался воинских трудов и, как всегда, старался быть среди бойцов.

— Знаю, что ты намерен сказать,— отозвался царь с мягкостью.— Хочешь идти с Менофаном к войску, не так ли?

— Ты мудр и всеведущ, государь!.. Хочу проследить, как будут лагерь укреплять, да и за коней боюсь, припотели они, голодны. Чтобы воины не опоили их!

— Да, да, сын мой, иди!

Красивый воин повесил оружие Митридата на сучок сухого дерева, стоящего среди хижины, а сам, припав на колени, стал раздувать огонь в очаге, вытягивая трубочкой розовые губы. Пламя вспыхнуло и с треском охватило сухой хворост, заготовленный еще хозяевами. За дверью стемнело, зато в хижине стало светлее, потеплело.

III

Около царя осталось трое самых молодых из его свиты. Красивый воин хлопотал, устанавливая над огнем треножник с котлом. Другой, черноглазый, с острым девическим лицом, снял походную одежду, оказавшись девушкой-смуглянкой, живой и веселой, видимо совсем не утомленной горным переходом. Она приблизилась к царю и уселась у его ног на земляной грязный пол, пачкая фалды узорчатого хитона.

— Отец и государь! — сказала она высоким голосом,

смеясь и заглядывая в глаза царю.— Только я никуда не прошусь, я хочу быть около тебя!

— Но я передохну и отправлюсь осматривать лагеря!

— И я с тобою!

— Жаль, что ты родилась девушкой, Клеопатра! — рассмеялся Митридат.— Тебе надо было обменяться местами с Эксиподром. Тогда ты была бы не дочерью, а сыном моим и ездила бы верхом на коне рядом со мною! А Эксиподр завивал бы локоны в гинекее. Он только и мечтает, как бы из полевого стана попасть под своды дворца!

— Нет, великий государь! — смело возразил белокурый, синеглазый Эксиподр, прозванный за свою внешность «красавчиком».— Хоть я и люблю блестящие вещи и великолепие твоих дворцов, но я готов по одному твоему слову сесть на коня и поскакать в битву. Прикажи, батюшка!

Юноша сбросил с плеча бурку и схватился за рукоять позолоченного меча. Он сделал шаг вперед, олицетворяя собою силу и задор молодости. Его блестящие глаза, раздувающиеся ноздри и воинственная осанка выражали решительность. Только все это выглядело слишком картинно и не вязалось с мрачным хаосом и кровавой сумятицей настоящих сражений.

— Придет время — прикажу,— насмешливо прищурился Митридат.— Впереди много-много сражений, успеешь отличиться! А тебе, Клеопатра, все же не место среди лагерных костров, как и в этой хижине. Ступай к Бакху!

— К Бакху? — Девушка сделала капризную гримасу.— Опять в гинекей? Да ведь и гинекея-то нет, все женщины сидят в седлах!

— Все женщины будут жить в городе, и ты с ними. Там лучше, удобнее! Пойми, дочь моя, твое лицо не должно чернеть на ветру, как у пастушки, тебе нельзя портить руки о поводья! Сохраняй самое сильное оружие женщины — свежесть и красоту! Дай срок, и ты понадобишься мне и тогда сможешь показать, на что ты способна!

Он провел богатырской рукой по ее спутанным пушистым волосам.

— Но вот Гипсикратия тоже женщина, но она всегда с тобою!

Клеопатра кивнула головой в сторону красивого воина, который, сдержанно улыбаясь, размешивал серебряной ложкой кипящее варево.

— Гипсикратия — мужчина, случайно оказавшийся женщиной! Ее место около меня!

Речь шла о совсем особой роли наложницы Гипсикратии, достойной дочери отважного племени исавров, замеченной царем на празднике племени, где она показала себя настоящей амазонкой, неутомимой наездницей, владеющей мячом и пращей. Смуглая девушка-воин стала телохранителем царя, сопровождала его во всех походах и даже в сражениях. Для Митридата она была самым близким и необходимым человеком, в ней так удачно сочетались беспрекословность рабыни, сила и верность воина с преданностью любящей женщины.

Она не выпускала из рук оружия, охраняла сон владыки, когда тот, усталый, ложился на походное ложе, приготовленное ею же. Она умела запекать в горячей золе желудок барана, наполненный кровью и кусками хрустящего сала с чесноком и орехами, — блюдо исавров, полюбившееся Митридату. А по утрам кипятила горячий отвар из душистых возбуждающих трав, выпив которого человек чувствует себя бодрым и веселым на протяжении всего дня. Митридат все чаще прибегал к этому питью, и не только утром, но и в обеденное время.

Царь никогда не был спокоен, его мучил демон подозрительности, внушал ему тревожные мысли об измене близких людей, о подготавливаемом втайне покушении на его жизнь. Но, чувствуя рядом Гипсикратию с ее неусыпным вниманием, он засыпал сладким, освежающим сном. И казалось, сквозь сон слышал ее дыхание, шорохи ее одежды, ощущал теплоту ее тела. Если бы он, проснувшись, увидел, что Гипсикратии рядом нет, что он один, то сразу вскочил бы в тревоге и схватился за кинжал. Но верная спутница была всегда около, то готовила пищу, то осматривала его одежду — цела ли, не отсырела ли, не заползло ли в ее складки ядовитое насекомое. Царь верил немногим, а из немногих только Гипсикратии. Лишь из ее рук он принимал и спокойно выпивал кубок вина, зная, что оно не отравлено.

Когда Клеопатра и Эксиподр удалились, Гипсикратия подула в черпак, отведала сваренную пищу и повернулась в Митридату.

— Разреши, господин, я приготовлю тебе постель,— сказала она просто и ласково.— Поешь горячего, а потом я раздену тебя, и ты уснешь!.. Ты утомлен!

Митридат действительно чувствовал, как по всему телу идут волны усталости. Но преодолел это чувство, прислушался к звукам за стенами хижины. Легко вскочил на ноги и, подойдя к дверям, распахнул их. Холодный ветер ударил в лицо, из проема двери глянула ночь.

— Как быстро стемнело,— сказал он и насторожился.— Нет, Гипсикратия, спать рано, я слышу шаги людей! Они идут сюда!

— Ничего, стража задержит их.

Из темноты вынырнул Трифон. С его шлема капала вода.

— Ты еще здесь? — подозрительно скривился царь.

— Здесь, великий государь, я уже вернулся из города!

— Так скоро?.. Или тебя не пустили в ворота?

— И в ворота пустили, и все сделано, как ты повелел! Архонты ждут твоих приказаний за третьей линией охраны!

— Проворен ты, Трифон, проворен!.. За то и ценю тебя! Веди их сюда!

Трифон не случайно выдвинулся на высокую должность главного царского «соматофилака» — телохранителя. Его умение распорядиться, правильно расставить людей, заставить их «летать по-птичьи и ползать по-змеиному», исполняя приказания, нравилось Митридату. Трифон был одарен способностью повелевать людьми, жаждал власти, охотно пускал в ход костлявые кулаки, не останавливаясь, при надобности, и перед ударом кинжала. В нем жил и действовал демон смерти и уничтожения. Он ходил следом за царем, держа наготове кривой меч — «махайру». Царь охотно поручал ему те дела, где надо было проявить быстроту и жестокую решительность. Чаще всего это касалось неугодных Митридату лиц. Где появлялся Трифон с отрядом безбородых головорезов, там всегда исчезали люди. Трифон во всех случаях шел напролом, не давая опомниться тому, за кем охотился. Действуя от имени царя, он держался высокомерно, нетерпеливо. Набрасывался на жертву внезапно, как ястреб. На протесты и вопросы отвечал грубыми оскорбительными ругательствами. Его взгляд разил, как камень, пущенный из пращи. По его условленному же-

сту дюжие стражи схватывали обреченного, сбивали с ног, скручивали веревками, волокли по земле, избивали, увечили, а если приказано, то и убивали на месте.

Получив приказ, Трифон исчез во тьме. Через несколько мгновений слышались торопливые шаги группы людей, подгоняемых гортанными выкриками. Представители города вошли в хижину запыхавшись, осмотрелись с тревогой. Они мало чем отличались от местных горцев. Сняв лохматые бараньи шапки, склонили курчавобородые головы перед царем, втайне пораженные, что великий Митридат не побрезговал заночевать в этой дымной норе.

Разговор был короткий. Царь смотрел строго, а говорил мягко, милостиво. Он пристально рассматривал лица диоскуриадских старшин, и каждому казалось, что царь интересуется именно им. Все вышли из хижины вспотевшие, но удовлетворенные, что так легко отделались, даже получили подарки.

— Хитры и корыстолюбивы! — сказал Митридат, когда дверь захлопнулась и он опять остался наедине с Гипсикратией. — Но трусливы и готовы служить мне.

— Теперь отдохни, — робко напомнила рабыня.

— Отдых, — ответил Митридат, нахмурившись, — это расслабление души и тела, право людей низких, подобных скотам, которые если не тянут ярмо, то дремлют у кормушки! Удел царей — бодрствовать, ибо цари отягощены бременем власти, окружены лукавыми людьми, которые ждут, чтобы их господин заснул и не мешал им обделывать свои грязные дела!.. Кругом тайные и явные враги!

Однако взял из рук Гипсикратии чашку с горячим мясным варевом и выпил его. После чего не раздеваясь завернулся в бурку и прилег на нары.

Женщина-воин бесшумно прошла по хижине, прислушалась у дверей и, только услышав храп повелителя, решила утолить голод остатками царского ужина. Потом осмотрела кинжал, попробовала пальцем, остер ли, и заняла свое место на полу у входа в хижину.

IV

Греческая община Диоскуриады просила Митридата не вводить войска в город, но расположить их в окрестных селениях. Самому же царю было предложено раз-

меститься с женами и наложницами в храме Кибелы, матери богов. Восточная богиня, как известно, покровительствует любовным парам, дает им убежище под своей крышей. И сейчас через жрецов дала согласие приютить жен великого царя при условии внесения в храмовую казну золотых монет. За этим дело не стало. Митридат от предложенного гостеприимства не отказался. Утром посетил город, принес жертву перед ликом Кибелы, воскурил ей благовония и пополнил ее казнохранилище щедрыми дарами. Потом сделал богатые приношения в другие храмы, включая и святилище Диоскуров — близнецов Кастора и Полидевка, именем которых был назван город. Этим он привлек к себе милость городских богов и умилил сердца отцов города. Вместе с военачальниками и сыновьями, после молений и жертв, царь пировал вечером в обществе диоскуриадских архонтов и богачей.

Однако, войдя в полутемное капище Кибелы, недовольно дернул бровью. Здесь было неуютно и тесно. Ему даже показалось, что он опустился в мрачный, сырой склеп, усыпальницу для умерших. «Что это? — подумал он. — Могила или жилище для тех, кто отрешился от радостей жизни и общения с живыми людьми?»

И, предоставив храм женам и наложницам, а надворные постройки многочисленным дочерям, Митридат остался за городом, сказав, что ему надо быть ближе к войску. Его раздражали глухие стены, что обступили храмовый двор и сам город. Тяжелые городские ворота запирались на ночь двойными железными засовами!.. Запирались не им, а хозяевами!.. Он воспринимал это как унижение, но сдерживал буйное сердце, понимая, что времена изменились не в его пользу.

Пестрый букет красивых женщин сразу привлек внимание всего города. И несмотря на то, что царский гинекей жил обособленной, скрытой жизнью, охраняемый евнухами, на рынках Диоскуриады можно было услышать самые подробные описания его быта и нравов. Остроумцы немедля дали гинекею название «курятник», которое быстро распространилось всюду и дошло до ушей Митридата.

Женщины в самом деле походили на диковинных птиц, посаженных в золотую клетку. Царский гинекей являл собою подобие тюрьмы, населенной неправными

узницами, единственный смысл бытия которых заключался в том, чтобы украшать жизнь царственного владыки, услаждать его.

Старшим над «курытником» был доверенный евнух Бакх, который и здесь, в убогой обстановке, оставался усердным слугой царя, стражем его живой сокровищницы. Пользуясь царским благоволением, евнух, однако, знал, что за малейший недосмотр с него сдерут кожу. Поэтому всегда был настороже. И в то же время старался угождать царским любимцам и старшим женам, был терпелив к их капризам и колкостям.

Постоянно вращаясь среди женщин, Бакх умел вести непринужденный разговор, знал много смешных историй и сказок. Неплохо пел высоким голосом, подыгрывая на арфе. Умел играть в забавные игры. По его требованию город присылал в гинекей не только фрукты и сладости, но и искусных мимов и фокусников, которые устраивали представления.

Однако большинство женщин испытывали в обществе обходительного евнуха чувство страха и тщательно скрываемой неприязни. Но льстили ему, старались не портить с ним отношений, помня, что Бакх близок к царю и пользуется его доверием. Втайне передавали одна другой, что Бакх — отравитель!.. Будто он умело подмешивал в сладкие печенья и вина ядовитые смеси и таким образом отправлял на тот свет неугодных Митридату людей!.. С содроганием слышали, что не кто иной, как Бакх, умертвил старших жен, сестер и лучших наложниц царских, когда Митридат потерпел поражение от Лукулла и не хотел, чтобы его женщины попали в руки римского полководца. Но об этом вслух не говорили.

Бакх знал о своей репутации и втайне гордился ею. Утратив способность к любви и дружбе, он все внимание сосредоточил на самом себе. Его холеное лицо не имело ни одного пятнышка, только обилие мелких морщин и характерная бабья безбородость, вялость и расплывчатость черт выдавали его скопческое преждевременное увядание.

Любимым развлечением женщин стали прогулки по городу. Десятки носилок с опущенными пологами составляли многоцветную процессию, охраняемую сплошным заслоном безбородых вооруженных стражей. Их

пластинчатые панцири и круглые шлемы тускло поблескивали от зимней сырости.

Такие многолюдные шествия были развлечением и для города. Жители сбегались со всех концов, желая поглазеть на красочную вереницу носилок, из которых только одни были открыты. На них возлежал расплывшийся от тучности царский доверенный, улыбаясь накрашенными губами. Стараясь разглядеть его богатые наряды и слащавую физиономию, многие принимали евнуха за пожилую молодящуюся женщину, чем-то похожую на тех восточных гетер, которые любят появляться на шумных базарах, привлекая мужчин яркими одеждами и нарумяненным лицом.

— Погляди, погляди! — говорили изумленные греки. — Неужели эта старая баба с намалеванными бровями царица?

— Тьфу ты! — поправляли их более осведомленные. — Какая же это баба! Это сам Бакх, приближенный царский скопец! Око и ухо государево! Пастух Митридатовых жен и наложниц! Это он убил царицу Беренику, Мониму-красавицу и сестер Митридата, чтобы они не попали к Лукуллу на ложе!

— Ай-ай! А посмотреть со стороны — баба бабой!

V

После Гипсикратии ближе других к царской особе стояли два самых преданных евнуха — жестокий и бесстрашный Трифон и молчаливый лекарь Тимофей, который лечил царя и спас его от кровотечения из раны. Царя ранил пленный римлянин во время битвы при Зеле, где войска Митридата разгромили римские когорты Триария.

Вместе с этими людьми Митридат оставался за городом, пренебрегая удобствами городской жизни. Кто видел варварскую пышность царских дворцов и ослепительные в своем богатстве одеяния самого царя в недавнем прошлом, тот поражался его непритязательности теперь. Царь спрыгивал с коня прямо в грязь, лично наблюдал за обучением войск, прикасался руками к пахучим бортам строящихся кораблей, продолжал ютиться в продымленной хижине, питался тем, что приготовила Гипсикратия.

Воины ежедневно лицезрели царя-воина, внимали его речам, и это поддерживало их бодрость.

Митридат рассылал во все стороны гонцов, спеша установить дружественные связи со всеми племенами. Послов, прибывших с гор, угостил заморским вином и одарил трофейными римскими мечами доброй стали. А царю соанскому послал дорогую сбрую да боевого коня, белого, как морская пена.

И здесь обаяние этого человека сыграло свою роль. Он сумел убедить горцев и греков-колонистов в том, что они должны объединиться с ним против римлян. Жестоким Рим страшил свободолюбивых кавказцев, боялись его и жители Диоскуриады. Те и другие согласились довольствоваться понтийское войско и поклялись помочь Митридату оружием, если он призовет их.

Севернее Диоскуриады начинается земля прибрежного племени гениохов, занимающихся, кроме прочего, морским разбоем. Митридат и к гениохам направил посланцев с богатыми подарками, предлагая клятвенный союз и вечную дружбу. Он добивался согласия гениохов пропустить его с войском через их земли, если придется отступать дальше на север. За зиму согласие было получено, союз заключен. Зато в походной сокровищнице сразу поубыло, а две царские дочери оказались женами родовых царьков гениохов.

— Он своих дочерей раздает варварам наряду с золотом и самоцветами! — удивлялись диоскуриадские греки.

— В самом деле, — смеялись остряки, — царь дарит их, как кур перед праздником!

Советникам царским, которые когда-то сидели на кипарисовых скамьях слева от трона, казалось, что царь поступает несправедливо. Они испытывали обиду и горечь, видя, что царь мало считается с ними, не награждает за лишения. Тогда как грязным варварам щедрой рукой сыплет золото, принимает их посланцев с почетом, даже роднится с их царьками, как с равными!..

Советники «левой руки», в отличие от стратегов, сидящих справа от царя, ведали делами гражданскими, помогая царю управлять государством. Сейчас они оказались почти не у дел, понтийские земли и населяющие их народы остались в руках римлян. А войском царь управлял через стратегов и многочисленных военачаль-

ников, среди которых было много бывших пастухов и даже пиратов, отличившихся храбростью и военной смекалкой. И это раздражало родовитых сановников, таких, как Тирибаз, наполняло их сердца досадой. Они видели, как людишки с натертыми ладонями оказывались в числе царских витязей. Более того — рабы, в нарушение обычаев предков, получали копье и свободу, а за доблесть и отвагу назначались десятниками, а то и сотниками в царевом войске.

Недовольные сплотились вокруг Тирибаза, который в землянке у дымного очага продолжал красить и полировать свои красивые ногти и никогда не касался ногой дорожной грязи, пользуясь носилками, опирающимися на плечи десятка рабов. Его хижина была устлана коврами, на нарах устроено пышное ложе, на котором он возлежал большую часть времени, выслушивая сетование собратьев на горькую долю.

Митридат не слышал упреков, но читал их в глазах Тирибаза и ему подобных и, сдерживая внутреннее раздражение, делал вид, что не замечает ничего. Лишь однажды на совете, отвечая на вопрос Тирибаза, почему он так щедр на милости местным царькам, сказал с язвительностью:

— Когда сеятель разбрасывает по полю горсти отборной пшеницы, человеку со слабой головой это может показаться расточительством. Не лучше ли эту пшеницу смолоть в муку, испечь из нее лепешки и съесть их за семейным столом, запивая кислым молоком?.. Но умный сеятель знает, что каждая горсть зерна даст в десять раз больше, когда созреет урожай! Так и я — не поклоняюсь мешкам с золотом, но использую их как семена моего будущего торжества! Помпей встретился на Кавказе с ненавистью и смертью, а я на том же Кавказе умножаю друзей! Я сею золото, а сниму победу!..

— Бывают и неурожайные годы! — многозначительно возразил Тирибаз, ибо лишь он один имел право делать замечания в ответ на речи царя.

— Кто боится сеять и ждет неурожая, — ответил раздельно Митридат ледяным тоном, — тот трус и слепец! Нет, мудрый сеятель не опасается неурожая, не опасуюсь и я! Боги с нами, мы победим!.. А верные, достойные пойдут за мною и будут вознаграждены!

Царь проявлял неутомимую деятельность. И большинству казалось, что этот неистовый неугомонный человек действительно победит, хотя и претерпел в недавнем прошлом тяжелые поражения. Он сумел сохранить уверенность и величие даже после разгрома его ратей. При виде его бодрой фигуры и гордого лица можно было подумать, что не он бежал от римлян из-под Дастир, а римляне побеждены и в панике отступают куда-то на юг!..

VI

Серые, холодные волны с шумом набегали на каменистый берег. Большая туземная ладья с треском ударилась о мель. Это была камара, одна из тех лодок, которые удивили древних эллинских мореходов своим полукруглым днищем. Современники аргонавтов плавали на плоскодонных судах. И только у кавказских берегов встретились с круглодонными быстроходными ладьями, рассекающими волны, как ножом.

Камара имела течь, люди, что сидели за веслами, были мокры по пояс. С радостным гомоном они покидали утлое судно, наполовину наполненное водой, и брели к берегу, спеша ступить ногой на твердую землю. Все были измождены, оборваны, многие с повязками на ранах, еще кровоточащих.

— Добрались, слава богам! Не сгнули в пучине моря!

— Это нам покровительствовали Диоскуры — божественные помощники воинов и моряков!

Их сразу же окружили бородатые сторожевые копьеносцы, дюжие воины, тепло одетые в бараньи шкуры.

— Откуда, люди? Кто такие? Куда пробираетесь?

— К царю своему пробираемся, к Митридату! Все мы царские люди, воины! Бежали из римского плена!

— А кто поручится, что вы воины царева, а не посланы римлянами?

— А вот, взгляни!..

Прибывшие стали показывать свои раны, потом задрали рубахи и оголили спины, покрытые еще свежими рубцами.

— Вот они, метки от римских батога!.. Чего еще надо?

Рослый детина вышел из камары последним. Взглянув на него, воины насторожились. Им показался

странным вид этого человека, заросшего буйными патлами волос, из-под которых смело и весело поблескивали водянисто-голубые глаза. Его борода торчала во все стороны, закрывая рот. Можно было подумать, что это волосатое страшилище вышло из глубин моря, чтобы пугать людей. Он не спеша, по-хозяйски, укрепил на берегу причальный канат. Подойдя к стражам, сказал спокойно и внушительно, металлическим басом:

— Я — Евлупор! Был старшим над десятком кораблей и ходил по правую руку царевича Фарнака! Я попал в плен под Дастирами. Вместе с другими был продан римлянами в рабство. Но собрал вот этих смелых ребят и с ними бежал из римской неволи. Охрану мы перебили, захватили эту ладью. Не томите людей, нет среди них римских лазутчиков... Накормить их надо, место у костра дать, чтобы осушились и согрелись!

После паузы крикнул и сказал значительным тоном:

— А меня, как старшого, ведите прямо к богоравному государю! Я привез ему вести!

Беглецы смешались с воинами, слышались веселые возгласы, смех. Каждому казалось неслыханным счастьем вырваться из тисков римского рабства, самого страшного рабства в мире. После него полевые лагеря Митридата, где бывшим рабам дают меч и место у котла, могли сойти за прибежище справедливости и вольной жизни!..

Почти каждый день войско Митридата пополнялось за счет прибывающих с юга беглецов, которые сумели пробраться через горы, а то и морем, к берегам Колхиды. Сказочная кавказская страна привлекала их не золотым руном, как легендарных аргонавтов, а той призрачной свободой, которую давало звание царского воина.

Тот, у кого нет ничего, кроме пары рук да смелого сердца, не может мечтать о иной свободе, кроме свободы воина, который веселится в обнимку со смертью!.. Он думает при этом: хоть час, да мой! Лучше бить других, чем быть битым! Лучше умереть от меча, будучи воином Митридата, чем жить в римском эргастуле с кандалами на ногах!.. А победит Митридат — тогда можно опять вернуться в родные места, уже не презираемым издольщиком или рабом, а ветераном великой войны, человеком независимым, которому положен кусок земли и право распоряжаться ее плодами!

Жесток и деспотичен был царь Митридат, не жалел людей, посылая их в горнило войны. Он никогда не был поборником всеобщей свободы или освободителем всех угнетенных. Для него рабство и рабы были явлением естественным, освященным богами. Он подавил восстание боспорских рабов кровавой рукой, а их вожака Савмака казнил. Но он же приветствовал бунт римских рабов и готов был поддерживать их вождя Спартака, пока это способствовало его войне против Рима.

В стремлении сломить Рим он не пренебрегал ничем и ничем, не скупился на посулы и жгучие слова, которые доходили до сердца как свободных, так и рабов. Митридат использовал недовольство греческих азиатских городов, задавленных римскими налогами, привлёк на свою сторону туземные племена, с которыми римляне поступали как с полурабами, направил их ненависть к Риму в общее русло антиримской войны. Богатым и знатным он обещал славу и почести, беднякам — богатство и освобождение от долгов, а рабам, если они оказывались мужественными и сильными, — свободу!.. Не всем рабам, а тем, которые геройскими подвигами заслужат ее!.. Отбирали сильных и молодых, снимали с их шеи позорный ошейник и говорили: «Бери меч, спеши в бой, и тебе воздастся!..»

Бывало такое и в прошлом. Римский диктатор Сулла опирался на гвардию корнелиев — освобожденных им рабов. Их было что-то около десяти тысяч. А греки освобождали рабов, когда их городам угрожал сильный враг. Они посылали рабов в бой — иди, добывай свое счастье, защищай свою свободу, а одновременно и нас!.. Но у римлян и греков не было того размаха, как у Митридата, который впервые создал из рабов многотысячное войско, обещая каждому долю в военной добыче и обеспеченную жизнь после войны. И хотя большинство этих рабов-воинов остались на полях битв, призрачная надежда на лучшую долю не ослабевала. Каждый думал, что он будет счастливее других! Митридат получил неисчерпаемый источник для пополнения своего воинства отчаянными людьми, которым после рабского ошейника и кнута надсмотрщика было все нипочем. На место десятка убитых рвалась сотня живых, готовых принять участие в кровавом празднике сражений.

Не диво, что Митридат даже в поражении сохранял обаяние для многих тысяч людей, которые спешили любой ценой вернуться под его боевое знамя, избегнув горчайшей участи римского рабства.

VII

Представ перед Митридатом, Евлупор взглянул в его лицо, теперь сухое и заостренное. Заметил про себя, что время и заботы не щадят и царей. Не выдавая своих чувств, упал ниц. Царь приказал ему встать. Евлупору показалось, что и голос Митридата стал другим, словно бы дал трещину, в нем появились незнакомые высокие нотки.

Митридат узнал бывшего воина и пирата. Эта львиная грива всклокоченных волос и колючая борода, вывернутые ноздри и голубые мальчишечьи глаза еще в начале войны привлекли внимание приметливого царя. Он вспомнил о смелых действиях косматого северянина, находившегося тогда под началом Фарнака.

Сверля его испытующим взглядом, сказал с оттенком снисходительности:

— Помню тебя, раб из Танаиса, пират и храбрый военачальник! А вот имя твое забыл. Чего тебе?

— Евлупор имя мое, великий государь. Был я рабом твоим и остаюсь им до последнего вздоха... Вернулся к тебе из римской неволи, верю в твою победу и жажду ее!.. Предан тебе, как богу живому! Возьми жизнь мою! Хочу идти на врагов твоих! Не откажи, великий!

Такое вступление понравилось Митридату, его нависшие брови дрогнули, чуть шевельнулся седой ус.

— Что же ты не вернулся обратно к пиратам? Разве разбойничать хуже, чем воевать?

— Бывает, и разбойничать неплохо, только ради чего? Ради вина и добычи?.. Горькая та добыча, да и попадает она больше в руки пиратских вожakov и царьков, которые берут дань со всех пиратов!

— И у пиратов есть цари?

— Есть, государь, только самозванные, противные богам! И деяния их направлены против богов и людей!.. Я же хочу жить и умереть по твоим законам, освященным богами и любым сердцу народа! Великое твое царство, великое твое дело, велик и ты сам, счастье служить тебе, счастье и умереть за тебя!.. Разреш!

— Так... Говоришь ты складно и дерешься неплохо, я помню!.. Ты видел, на берегу конопатят и оснащают новые биремы?

— Видел, государь, и возликовал душой! Хорошие будут суда!

— Флот готовим для великого похода!

— Прими меня хоть простым матросом!

— Принимаю! Отправляйся туда, к корабельщикам, договорись о постройке новой биремы, когда будет готова — получишь ее под свое начало! Иди!

— Разреши, государь, слово молвить?

— Что еще?

— Скажу кстати!.. Услышал я там, в Амисе, откуда бежал, будто Помпей твои тайные склады в Новой Крепости раскопал и богатства выгреб, пустил их на оплату воинам и на раздачи своим воеводам! Да и в Рим отправил немало!

Синюшняя краска залила лоб и скулы царя, когда он выслушал эти простые слова. Он сделал усилие, пытаясь сохранить спокойствие, ибо тут же стояли его военачальники и советники. Но лицо его исказилось, и все поняли, что новая весть поразила царя в самое сердце.

Кто-то дернул Евлупора за полу и шепнул: «Уходи».

Он не помнил, как оказался далеко от прокопченной хижины, в которой говорил с царем. Уже сидя в кругу воинов у костра, он словно видел перед собою искривленные губы царя и его пристальные, страшные глаза. И думал, что Митридат постарел, что походы и военные неудачи иссушили его. А теперь, когда узнал, что его тайная сокровищница разграблена, наверное, совсем поседеет! Однако Евлупор был доволен, так как опять оказался под властью настоящего повелителя, благословенного богами, который совершает великое — избавляет народы от всевластия жестоких римлян, дает таким, как Евлупор, малым людям звание царских воинов и обещает награду после войны!..

VIII

Прошлым летом, отступая из-под Дастир, Митридат успел заглянуть лишь в Синору — пограничную крепость в Малой Армении, где находился один из его

тайников. В Синоре он взял шесть тысяч талантов золота и другие ценности, которые сейчасгодились.

Посетить Новую Крепость ему не удалось, надо было спешить укрыться в горах от вражеского преследования. В крепости его сразу окружили бы, и тогда Помпей постарался бы не выпустить его из каменной ловушки. Это было досадно, так как в Новой Крепости главенствовала Стратоника, его любимая жена, которой он доверял.

Уже будучи в горах, Митридат узнал, что римляне захватили Новую Крепость и, нужно думать, полонили Стратонику. Но был уверен, что Стратоника не выдала тайну сокровищницы. Да и едва ли у того же Помпея мог возникнуть вопрос об этой тайне. Никто не мог предположить, что в такой захолустной крепостце может храниться большая часть Митридатовой казны.

И вдруг оказалось, что тайник разграблен... Это была незаменимая утрата. Митридат рассчитывал рано или поздно возвратиться в пределы своего царства и использовать спрятанные сокровища. Кто выдал тайну? Неужели Стратоника?.. Горечь нового разочарования отравляла сердце царя. Может, ее пытали? Или все произошло как-то по-другому?.. Это надо узнать!

С такими мыслями Митридат провел остаток дня. Он решил послать ловкого лазутчика, который проник бы в расположение врага и все разведать бы. Но кого?.. Может, того же Евлупора?.. Нет, он слишком замечен, да и был уже в руках римлян, его опознают. Такого трудно не заметить. Кроме того, надо, чтобы посланный знал Стратонику в лицо. Может, Бакха?.. Нет, и Бакх будет опознан, ибо слишком известен! Евнуха сразу видно. К тому же он незаменим как попечитель жен и наложниц. Неожиданно осенила мысль! Да, да, именно так, не иначе!

Возвратившись вечером в свою хижину, Митридат застал Гипсикратию за приготовлением жаркого. Утолив голод и выпив вина, он прищурился и молвил:

— Настало время, Гипсикратия, и тебе сослужить мне большую службу, хотя ты и сейчас служишь мне верно!

— Я готова, повелитель, прикажи — и я умру!

— Нет, умирать не надо!.. Ты должна одеться в кафтан крестьянина и отправиться туда, в наши земли! Там враги и будет опасно!

— Я не боюсь!

— Знаю, что ты смелее всякого мужчины. Потому и посылаю тебя. Так вот ты должна узнать, как и когда римляне раскрыли тайну сокровищницы в Новой Крепости! И куда девалась моя жена Стратоника... Ты хорошо знаешь ее и разыщешь, если она жива. Если погибла, узнай, где похоронена, принеси жертву на ее могиле!.. А найдешь ее живой — помоги ей добраться сюда, ко мне. Будешь служить ей, охранять ее!.. Доставишь ее ко мне любой ценой! Без этого не возвращайся!.. Возьми денег на дорогу и немедленно отправляйся с купеческим караваном на юг!

Женщина вперила в него взгляд миндалевидных глаз, ее сросшиеся брови сдвинулись как бы от внутреннего усилия.

Она упала на колени и поклонилась царю до земли.

— Все сделаю, как ты повелел, господин! Разрешить идти?

— Иди!.. Добавлю: если Стратоника будет колебаться, ехать ли ей ко мне, напомни ей, что ее сын Эксиподр со мною. Она поймет.

— Исполню волю твою!

Гипсикратия вскочила на ноги и направилась к выходу. У двери задержалась, повернула голову. Увидев, что глаза Митридата стали строгими, быстро овладела собой. Указав пальцем на вещи, сваленные в углу, сказала:

— Травы для бодрящего питья в кожаном мешке. Только не пей его больше одного фиала, а тем более на ночь. Не ложись, распотевши, на стывшее ложе, а то холод проникнет в твою грудь! Подбери хорошего телохранителя, который оберегал бы твой сон, а в битве был слева от тебя!.. Да сохранит тебя великий Агурамазда!

Она исчезла за скрипящей дверью в холодном сыром тумане. Царь почувствовал еще не испытанное раньше стеснение в груди и желание что-то крикнуть вдогонку уходящей, вернуть ее. Но вздохнул, подавил в себе этот порыв, понятный, как он думал, у людей простых, низких, но совсем неуместный у царей, которым приходится ежедневно жертвовать малым ради великого, царственного!

Митридат на протяжении ближайших суток проявлял задумчивость и не свойственную ему мягкость. По-

том встряхнулся и продолжал подготовку войск в поход. Куда? Против кого?.. Раньше он еще колебался: двинуться ли на юг, в чаянии вернуть утраченное, или пойти на север, в Тавриду, где можно заняться осуществлением давнего замысла — ударить на Рим через Скифию? Теперь окончательно утвердился в решении идти на Боспор!..

«То, что потеряно на юге, возместим на севере!» — сказал он мысленно, но не объявил об этом никому.

IX

Самоуверенный, даже веселый на людях, Митридат скорбел ночами о неудачах минувшей войны, терзался сожалениями об упущенных возможностях. Он не мог простить себе многих ошибок, а особенно позорного бегства из-под Дастир.

После отъезда Гипсикратии его хижина опустела, огонь в очаге погас, стало темно и неуютно. Казалось, мозглая приморская зима сразу приблизилась, шагнула через порог, принесла в жилье зябкость сырых туманов.

Митридат с некоторым удовольствием вспомнил, что давно не бывал в храме Кибелы, почти забыл о мирке, где десятки сердец бились для него, ожидая его появления. И впервые его временное убежище показалось ему постылым, тесным, унижающим его царское достоинство.

И хотя Трифон и молчаливый Тимофей вновь разожгли огонь в очаге, опять запахло дымом и жареной бараниной, царь встретил их брюзгливо, стал раздражителен и привередлив. Присутствие этих двух полумужчин не могло заполнить пустоты, которая образовалась с исчезновением любимой наложницы. Ему не хватало заботливой и расторопной Гипсикратии.

Верный своему пристрастию к переодеванию, царь приказал Трифону подать ему горскую папаху и бурку.

— Следуй за мной, — коротко приказал он, — возьми двадцать лучших стражей!

Они вышли из хижины и окунулись в холодную мглу зимней кавказской ночи, чувствуя, что грязь под ногами начала твердеть. Ледяной ветерок заставлял вздрагивать и крепче кутаться в войлочные плащи.

Городская стража было подняла тревогу, когда перед воротами города появилось два десятка бесшумных фи-

гур. Но по условию Митридат мог посещать город в любое время. Их пропустили через тайный ход, минуя ворота.

У храма Кибелы Трифон со стражей задержались за каменным периболом, а Митридат вошел внутрь. Он удивился, что его встретил не Бакх, а младший евнух, который распростерся ниц, узнав в ночном посетителе самого царя.

Несмотря на то, что время приближалось к третьей страже, то есть к полуночи, в храме было светло от нескольких светильников с земляным маслом, испускающих вокруг желтый колеблющийся свет. Царь вошел бесшумно, его никто не заметил. Зато он сам был оглушен шумом, криками, визгом и плачем. Два евнуха занимали дерущихся женщин, в одной из которых он узнал Клеопатру, а в другой лучшую наложницу, белокурую северянку. На полу валялись объедки яблок, куриные обглоданные кости, видимо упавшие со столов во время ужина и неубранные. Пахло нефтяной гарью, чем-то съедобным, индийским мускусом. Северянка с рыданием кинулась к лохматой собачонке, которая подыкала на полу, пронзенная игрушечной стрелой. Увидев в руках Клеопатры небольшой лук, гнутый из рога оленя, царь догадался, что не в меру озорная дочь его устроила охоту среди храма и пустила стрелу в ручную мальтийскую собачку, возможно не желая ее убить.

Это был не первый случай злого озорства со стороны Клеопатры. Она и до этого нарушала порядок в гинекее. Во-первых, ей полагалось находиться не здесь, среди жен и наложниц, а во дворецовом помещении, где собраны дочери царя и девицы, что их обслуживали. Она же любила появляться в храме во время общей трапезы и с присущей ей вертлявостью и быстротой осматривала блюда, выхватывала пальцами лучшие куски и, весело смеясь, совала их в рот. Этим шаловливая царевна подавала дурной пример младшим женам и наложницам, которые всегда чувствовали неприязнь к старшим и рады были при случае им досадить. Порядок взаимоподчинения нарушался, возникали шумные споры, которые переходили в перебранки и нередко завершались драками. Во-вторых, Клеопатра, как любимая дочь царя, не слушалась Бакха, дразнила его, показывала язык и вообще вела себя вызывающе, рассчитывая на безнаказанность.

В прошлом жены были отделены от наложниц, старшие от младших. Над всеми царила Стратоника, которая умела подчинить себе недружную компанию скучающих женщин. Война, неудобные ночлеги или вот такие остановки, как в Диоскуриаде, отсутствие требовательной Стратоники нарушили благопристойность и чопорную тишину царского гинекея. Женщины смешались в пеструю толпу, привыкли громко судачить, опростились, утратили достоинство, им подобающее.

Бывая здесь, царь обычно не вникал в мелочи повседневной жизни, предоставляя это Бакху и его подручным. Он выбирал одну, чаще белокурую северянку, и уединялся с нею в камерке, служившей до этого храмовым чуланом для хранения недорогих приношений. В камерке пахло мышами и лежалым грязным бельем. Полутемное, мрачное помещение не располагало к сохранению той атмосферы обожествления, которая всегда окружала царя и возвышала его страсти в глазах других. Обстановка напоминала не царский дворец, а римский лупанарий, предназначенный для развлечения солдат. Здесь не было тишины и томной неги, которые умел создавать Бакх в царских покоях в прошлом. Все было проще и как-то на виду. И хотя в камерке царя и его избранницу ждали взбитые перины и красивые блюда со сладостями, эти встречи не приносили Митридату иных ощущений, кроме душевной горечи и раздражения.

Да и какое может быть упоение и сладостное забвение, когда царство потеряно, сокровища разграблены, войско разбито и рассеяно, да и он сам всего лишь незванный гость у чужого очага!.. А гостеприимные хозяева, предоставив ему этот храм, ждут лишь одного — когда, наконец, минует тяжелая зима и небезопасные и прихотливые гости с их беспокойным царем уйдут!..

Сделав предостерегающий жест евнуху, Митридат вышел из храма так же бесшумно, как и вошел.

— А где Бакх? — спросил он жестко.

Евнух смутился и согнулся в подобострастной позе, опасаясь, что гроза царского гнева может поразить его первого. Высвободив из-под складчатого гиматия руку, он безмолвно указал на пристройку у задней стены перибола, окружающего храм. В узком оконце пристройки теплился огонек.

В большом металлическом зеркале довольно явственно отражалось красивое лицо юноши, его чуть хмельная улыбка и горделивые, самодовольные глаза. Он провел узкой рукой с перстнями по тщательно завитым кудрям и сказал негромко:

— Кажется, хорошо, но я что-то плохо вижу! Или зеркало запотело, или твои светильники заправлены скверным маслом, они чадят. Не так ли, Бакх?

— О прекрасный царевич! Разве может зеркало это передать твою красоту в ее подлинном блеске?.. А светильники действительно горят как-то тускло! Их затмевает твоя красота!.. Но завтра, когда ты появишься на сборе эфебов, ты будешь лебедем среди ворон! Ты и сегодня поразил всех!

— Разве много надо, чтобы удивить этих людей? Это не Синопа и не Амис! Диоскуриада — яма, темная и грязная! Но мне некуда деваться, мне скучно, Бакх! Я принужден проводить время среди неуклюжих эфебов города, у гетер, часто неграмотных и не умеющих декламировать стихи или играть на кифаре!

— О великолепный Эксиподр, ты прав, ты всегда прав! Диоскуриада — яма!.. Но я уверен, что мы здесь долго не задержимся и с началом весны покинем это глухое место!

— Ох! Опять жесткое седло и ночные костры под дождем!.. Ты вот говоришь, чтобы я соблюдал красоту одежды. Как это возможно в походе? Да и куда поведет нас отец и государь? На юг, навстречу новым поражениям?.. Или на север, в Пантикапей, который представляется мне второй Диоскуриадой? Ведь отец не говорит определенно, что задумал!

— Боги вразумили нашего государя, и то, что он решит, — воля богов! — с осторожностью ответил евнух, касаясь гребнем кудрей царевича и смотря в зеркало. — Но сейчас мы не в походе, и ты всегда можешь зайти ко мне в поздний час, я проверю, как ты одет, сохраняешь ли манеры, приличествующие сыну владыки! Правда, посещение молодыми мужчинами храмового двора строжайше запрещено!.. Но лишь для тебя я нарушаю этот запрет! Ибо сам отлучиться из гинекея не могу. Но я всегда готов сделать тебе прическу, разгладить твои

одежды, вымыть тебя в душистой ванне, умастить твое прекрасное тело благовониями!

— Я ценю твою старательность, Бакх! Твои заботы смягчают неудобства моей жизни.

— Благодарю, благодарю, о царевич!.. Покажи ладони,— не натер ли ты их поводьями и рукоятью меча, когда бываешь на военных учениях?.. Твоя мать, богоравная царица Стратоника, поручила мне следить за тобою! И она спросит меня по возвращении, почему ее сын огрубел, отчего его руки стали жесткими... Поэтому не забывай на ночь мыть руки теплой водой с той душистой глиной, которую я тебе приготовил. Смазывай кожу рук и лица мазью, ее ты тоже получил от меня. А ногти должны быть подрезанными и окрашенными в красный цвет! Это хорошо сочетается с рубиновыми перстнями!

— О, едва ли матушка-царица Стратоника вернется: ведь она в цепких руках римлян, и они не выпустят ее!

— На все воля богов!

Царевич и евнух, уединившись в каменной пристройке, были убеждены, что ни одна живая душа не проникнет сюда, ибо Бакх наказал подручным не разрешать женщинам выходить во двор. А со стороны сюда вообще проникнуть было невозможно.

Болтая, они не слышали, как бесшумно открылась дверь и человек в бурке, с посохом из черного дерева вошел и остановился, прислушиваясь.

Продолжая разглядывать себя в зеркале, Эксиподр словно в раздумье произнес:

— Как ты думаешь, Бакх, намного ли хуже моей матери там, в плену у римлян, чем нам в этой дыре?

Бакх сделал в воздухе неопределенное движение пальцами, затрудняясь ответить на слишком неосторожный вопрос. Подыскивая удачное слово, которое помогло бы ему смягчить сказанное царевичем, он поднял голову и вперил глаза в дверной проем, в квадрате которого заметил темную фигуру и сверкающие глаза, полуприкрытые лохматой шапкой.

Если бы он в этот миг увидел самого злого духа, восставшего из глубин подземного царства, он не был бы поражен больше. Ибо слишком хорошо знал этот пепелящий взгляд, чтобы ошибиться. Да и кольцо неусыпной стражи вокруг храма не могло пропустить кого-то другого! Это мог быть только он!..

Как подкошенный, в каком-то бесчувственном оцепенении евнух рухнул на пол, на котором валялись обрезки волос с головы Эксиподра. Он едва успел пролепетать невнятные слова приветствия, как тяжелый посох со свистом опустился на его спину.

Эксиподр не сразу понял, в чем дело, он скорее удивленно, чем со страхом, повернулся, стараясь понять, откуда взялся здесь совсем незнакомый человек в туземном плаще и шапке и почему он молотит палкой евнуха, а тот лежит, как мертвый, как бы не чувствуя ударов.

— Что такое?.. Откуда ты взялся? Что тебе надо?! — вскричал царевич, вскакивая с деревянной скамьи.

Но, разглядев под шапкой сухой, хрящеватый нос и встретившись глазами с обжигающим взглядом отца, он так же беспомощно опустил руки, его лицо вытянулось. Он медленно, словно во хмелю, стукнулся коленями о каменный пол и покорно опустил голову.

Резной посох Митридата продолжал свое дело, пока не сломался с треском. Царь в досаде бросил обломок и пнул грязным чувяком ничего не чувствующего Бакха.

Обратившись к юноше, скривился в презрительной гримасе. Каким ничтожным показался ему сейчас собственный сын-красавчик, который смеет римский плен сравнивать с жизнью у отца, среди войск, готовящихся сражаться за честь и независимость Понтийского царства!..

— Следуй за мной! — приказал он и вышел не оборачиваясь.

Эксиподр дрожащими руками схватил цветной плащ, подбитый белым мехом северного зверька, и, накинув его на плечи, поспешил за отцом, гадая в смятении: что теперь его ожидает?

XI

Из многочисленных сыновей Митридата в Диоскуриаду прибыло только шесть. Остальные отсеялись раньше. Одни умерли от тягот походной жизни, как это случилось с Аркафием, другие были заподозрены в измене и казнены, подобно Митридату-младшему, тезке своего жестокого отца.

После измены Махара старших сыновей оставалось двое: Артаферн, уже немолодой муж, и полный душевного кипения Фарнак. Но они настолько разнились

один от другого как внешностью, так и характерами, что их трудно было считать братьями.

Артаферн следовал за отцом с выдержкой воина, терпеливого и исполнительного. Однако не проявлял живости души и был чужд порывам доблести. Если Фарнак со всей страстью молодости был готов ринуться в огонь и воду, только бы заслужить одобрение отца, то Артаферн действовал с осмотрительностью и равнодушием, что порою раздражало Митридата, хотя он и старался до времени скрывать это.

— Фарнак способен на ошибки, ибо порывист и горяч,— говорил царь Менофану в доверительной беседе,— но он может свершить и великие подвиги, а также зажечь сердца людей!.. А вот Артаферн имеет холодное сердце, в нем нет того пыла, который необходим настоящему вождю, ибо вождь не только думает и приказывает, но должен и воспламенять своих бойцов!.. За Фарнаком войско пойдет в кровавую сечу, на смерть! А за Артаферном — едва ли. Равно остыл он, нет в нем божественного Прометеева огня!

Среди младших сыновей, имена которых сохранила история, известны Дарий, Оксатр и Ксеркс. В описываемое время они были почти юнцами. Однако, по требованию Митридата, уже изучали науку войны, хотя проявляли неравные способности.

В стороне от других держался Эксиподр, синеглазый красавец, плод любви Митридата и Стратоники.

Это было двадцать лет назад, в дни больших побед, когда еще никто не мог предполагать последующих поражений. Анатолия была в руках Митридата, римляне изгнаны или перебиты. Восемьдесят тысяч римских граждан обоего пола и разного возраста приняли смерть от руки понтийских копьеносцев. Вся земля Западной Анатолии была залита кровью.

И в это страшное время Митридат, как юноша, увлекся Стратоникой, светловолосой красавицей, встреченной им случайно в доме бедного арфиста, ее отца. Стратоника очаровала царя своей прекрасной внешностью и изумительной игрой на арфе. Она стала возлюбленной царя, а потом царицей. Царь так упивался ее любовью, что забывал о войне и о своей роли великого царя и полководца. Он окружил юную арфистку роскошью и всеобщим поклонением. И сам обожествлял ее.

Обнаженная, как Афродита, возлежала Стратоника в храме богини любви на ложе, усыпанном розами. Кругом стояли золотые курильницы. Синие слои ароматного дыма становились бирюзовыми в лучах ярчайшего каппадокийского солнца, проникающих сквозь прозрачную крышу храма. В голубых отсветах, среди облаков дурманящих курений все казалось призрачным. Он ласкал ее на священном ложе. А за широким пологом юные девы пели сладкие гимны, восхваляющие любовь властелина.

А потом они плыли по морю на праздничном корабле, среди ослепительного блеска дорогих украшений, под красными парусами. Безмолвные черные рабы подавали им пряные вина и затейливо приготовленные кушанья на золотых блюдах. Они вдвоем возлежали на пурпурном ложе и смотрели, как красивые рабыни танцевали перед ними, размахивая кисейными покрывалами.

От этой обожествленной любви величайшего из царей и красивейших из женщин родился Эксиподр. Сейчас ему двадцать лет. Он похож на мать. Зная о своей прекрасной внешности, он с большой охотой надевает золоченые доспехи и яркие плащи, любит носить осыпанное самоцветами оружие и выезжать на тонконогом арамейском скакуне в окружении разодетых юношей из лучших семей.

— Эксиподр слишком красив и, несмотря на его страсть к оружию, женоподобен! — говорил о нем Митридат. — Он ценит оружие не за то, что оно способно поражать врагов, а за его блеск и красоту. Он хватается за позолоченный меч, как избалованная девушка за ожерелье, желая украсить им себя!

Фарнак и Эксиподр оказывались наиболее видными среди царских сыновей, но совсем не походили друг на друга. В первом чувствовался воин, жаждущий сражений и побед, а во втором — артист, умеющий разыграть воина перед зрителями. Фарнак, как и Митридат, не ощущал неудобств, ночуя в дымной хижине или в походном шатре. Эксиподра всегда коробили грязь и убожество этих временных пристанищ. Его настоящее место было среди дворцовой роскоши, на блестящих полах, где сотни взоров, устремленных на него, могли оценить его необыкновенную внешность.

Украшенный драгоценностями, подаренными матерью-царицей, с навитыми золотистыми локонами, он и в Диоскуриаде вызывал всеобщее восхищение.

— Это Аполлон! Это прекрасный Нарцисс! — говорили местные греки. — Наверное, он стал бы царем после Митридата, если бы Понтийское царство не было захвачено римлянами!

Но Митридат еще раньше предрешил этот вопрос и не прочил красивого сына в наследники, несмотря на то, что это было заветной мечтой Стратоники. Он полагал, что Эксиподр страдает врожденной несерьезностью, слишком утончен, изнежен и далек от понимания действительности. Сейчас же, после утраты всех владений, вопрос о наследовании отпадал сам собой, хотя в голове Митридата продолжали роиться замыслы восстановления великого царства и даже конечного торжества над кичливым Римом.

Царь знал о привязанности Бакха к царевичу. Евнух нянчил Эксиподра, когда тот был младенцем, обучал его грамоте в отроческие годы, позже привил ему вкус к приличным манерам, красивой одежде. В этом не было чего-то необычного. Воспитание детей, даже если они родились в царской семье, всегда поручалось рабам. Бакх же был человеком незаменимым, совмещая в себе твердость и настойчивость мужчины с обходительностью женщины, был грамотен и пользовался доверием как царя, так и царицы Стратоники, которую боготворил.

Царю было известно и то, что Эксиподр продолжает и ныне пользоваться услугами Бакха как искусного цирюльника и знатока парадных облачений. И случай в храме мог бы сойти более гладко, если бы Митридат не услышал роковых слов, произнесенных сыном столь неосторожно.

Слова эти поразили царя, запали ему в сердце, как-то совместились с подозрениями в отношении Стратоники и в значительной мере предрешили судьбу Эксиподра в будущем.

XII

Митридат приказал Эксиподру жить вместе с Фарнаком и никуда не отлучаться, кроме войскового лагеря, и не заниматься ничем, кроме боевой науки.

Избитого Бакха сначала бросили в яму, прикрытую сверху решеткой, где он окоченел от холода и ослаб от недостатка пищи, ожидая смерти. Но непорядки в гине-

кее принудили царя сменить гнев на милость и выпустить евнуха на свободу, вернуть ему высокую должность и все права. Митридат понимал, что проступок евнуха небольшой и лучше его простить, чем терпеть хаос в гинекее, с которым никто, кроме Бакха, не справился бы.

Более двух недель город жил веселыми рассказами об этом происшествии, потом интерес к нему иссяк. И сам Митридат стал забывать о нем, поглощенный подготовкой к приближающейся боевой весне, которая должна была решить судьбу его царствования.

Теперь около него осталось трое приближенных — Трифон, Тимофей и Менофан. Первые двое, как доверенные евнухи, охраняли его и заботились о его удобствах. Третий — стратег, на которого полностью были возложены заботы о войске.

В обществе этих людей он коротал вечера в дымной хижине около очага, обсуждая за ужином дела войсковые. Он расспрашивал обо всем, что случилось за минувший день или было узнано о делах врага, зимующего где-то южнее, за хребтами гор. Митридат наказывал Менофану кормить бойцов вволю, добывать для их развлечения рабынь, но зато требовать от них ежедневных упражнений в рукопашном бою, умения укреплять походные лагеря и взбираться на горные кручи.

С приходом весны тревожные вести оживили будни Диоскуриады и ее окрестностей. Вновь вспыхнула война. Помпей двинулся на север со всей решительностью, полагая в короткий срок преодолеть кавказские хребты, сломить сопротивление горных племен и нагрянуть в Диоскуриаду. Его целью было добить понтийского царя в кавказской ловушке. Он был убежден, что Митридат попал в безвыходное положение, окруженный враждебными народами и неприступными горами.

В свою очередь Митридат рассчитывал на то, что его зять, царь Армении Тигран Второй, не позволит Помпею хозяйничать на Кавказе и начнет новую войну, которая, независимо от исхода, ослабит Помпея и даст выигрыш времени. Но лазутчики донесли, что после некоторого замешательства Тигран явился к Помпею и упал к его ногам, сдался на милость римского полководца.

— Он всегда был более хвастлив, чем храбр! — с презрением заметил Митридат. — Что ты думаешь об этом, Менофан?

— Думаю,— ответил стратег,— что поражение Тиграна сразу приблизило час нашей решительной битвы. Помпей получит у Тиграна продовольствие, проводников, дополнительные войска и носильщиков. И все это лишь для того, чтобы добраться до нас!

— Видимо, это так. Что делать нам?

— Сидеть в Диоскуриаде бесполезно! Надо идти поднимать колхов и албанов и вместе с ними встретить Помпея в горах или...

— Ну, что или?

— Или продолжать наше отступление на север, пробиваться на Боспор! Что прикажешь?

— Обучай войска, готовь их к походу! А куда, на юг или на север, скажу позже!

После этого разговора Митридат вдруг изменил суровой неприхотливости походной жизни, стал ежедневно ездить на охоту, устраивать пиры и увеселения, на которых вел себя так, словно праздновал победу.

Это всех изумляло и заставляло предполагать, что Митридат знает какой-то выход из трудного положения, но пускает пыль в глаза, чтобы сбить с толку возможных лазутчиков Помпея, пробравшихся в его лагерь. Как бы то ни было, а соаны и местные греки, видя, как бодр и весел Митридат, невольно проникались верой в его сверхъестественные способности разгадывать будущее и предупреждать события.

С оживлением войны на юге и наступлением весеннего тепла в лагерь Митридата опять стали проникать толпы оборванных людей, голодных, часто раненых. Гонимые ветром войны, они, как перелетные птицы, стремились на север в чаянии найти пристанище на землях, еще свободных от римского гнета. Страшась жестокого Рима, люди спешили под знамена Митридата, верили, что гордый царь воспрянет от временного унижения и упадка и вновь восторжествует над заклятыми врагами.

Один из таких пришельцев, однако, нарушил относительное равновесие царской души, заставил Митридата испытать приступ гнева и ярости.

Это был уже немолодой дандарийский царек Олтак, когда-то друг и тайный возлюбленный последней боспорской царицы. Наследственный трон в дандарийской столице Созе был им утрачен дважды. Первый раз по

злому умыслу недругов, обвинивших его в пристрастии к эллинской культуре и измене богам предков. Тогда он укрылся в Пантикапее, при царском дворе, где пользовался милостями Перисада Пятого и вошел в близкие отношения с царицей Алкменой. Он объявил свое царство подвластным Боспору и с помощью боспорских войск вернул себе власть в наследственных землях. Но в Созу не вернулся, продолжая жить в Пантикапее.

В памятную ночь восстания рабов и убиения Перисада Пятого Олтак бежал через пролив вместе с царицей Алкменой, которой помог вернуться в родную ей Фанагорию. Сам же оказался в городе Созе как полновластный монарх. Однако не смог удержаться на троне предков и принужден был спасать свою жизнь в изгнании. Он стал приживальцем у могущественного Митридата, с которым и связал свою судьбу. Он сопровождал Митридату в войнах, добился высокого положения и даже был провозглашен царем Колхиды, включая те места, где сейчас находился Митридат. После поражения понтийских войск при Дастире Олтак пропал без вести. Митридат полагал, что престарелый царь дандариев и Колхиды попал в плен к Помпею и сейчас его держат для будущего триумфа, чтобы выставить напоказ римской черни.

И вдруг этот человек с седой головой пешком преодолел кручи кавказских гор и предстал перед Митридатом. Всегда щеголеватый в прошлом, сейчас он был одет в рубище, а обут в постолы из сиромяти. Грязный и оборванный, он выглядел бродячим нищим.

Митридат всегда ценил этого человека за личную храбрость и острый ум, поэтому был рад его возвращению. Оставшись с ним наедине у пылающего очага, царь спросил:

— Что знаешь о делах там? — и кивнул головой на юг.

Олтак снял войлочный колпак, обнажив спутанные седые волосы. Поглядел на стены хижины, в которой ютился царь, и вздохнул.

— Тигран сдался Помпею и стал врагом твоим! — сказал он.

— Знаю. Дальше!

— Помпей пошел походом через реку Кирн и разбил в сражении войско царя албанов Ороза!

— Слышал и об этом.

— Теперь Помпей воюет с иберами и угрожает их царю Артоку! Достиг Фасиса!.. Но албаны опять поднялись по призыву брата Ороза Косида. В битве Косид угодил в грудь Помпею дротиком, но панцирь оказался крепок. Помпей убил Косида копьем!

— Ого, я не знал этого. Говори дальше!

— Но войско Помпея голодает, оборвалось, лазая по скалам, многие воины не могут идти — ноги изрезаны кремнями. Войско ропщет, ибо добычи нет, кругом враги и страшные горы!

— Так, так! — прогрохотал Митридат удовлетворенно, раздувая ноздри. — Боги решили унять гордыню Помпея и наказать римлян!.. Это все?

— Нет, не все. По слухам, Помпей уже покинул Фасис!

— Что? Покинул Фасис?.. И двинулся на север? — быстро поднял голову Митридат, меняясь в лице.

— Нет, великий государь, — успокоительно ответил дандарий. — Римское войско не в состоянии преодолеть перевалы, да и война с иберами и албанами только начинается!

— Молодцы горцы!.. Что же нам, идти им на помощь?

Олтак подумал, морщины на его лбу стали глубже. Он выглядел стариком.

— Горцы, великий государь, — начал он, делая жест грязной, заскорузлой рукой, на которой уже не было золотых перстней, им любимых, — сильны лишь в горах и не любят спускаться в равнины. Пойти к ним на помощь — значит надолго задержаться в их небогатых землях, где твоему войску трудно будет прокормиться. А двинуться дальше на юг — значит оказаться под ударом не только римлян, но и свежих ратей изменника Тиграна! Если ты думаешь вторгнуться в пределы своего царства, то учти, что ты уже не наберешь там новых воинов, ибо люди устали от войны, разорены и голодают... Твои города в развалинах, а твои сокровища разграблены!

— Разграблены?.. Говори, что знаешь об этом!

— Не гневись только, говорю, что слышал.

— Не бойся, говори правду!

— Известно ли тебе, что твои сокровища в Новой Крепости в руках Помпея?

— Знаю...

— А ведомо ли тебе, что тайну твоих кладов выдала жена твоя, царица Стратоника?

— Стратоника выдала? — подскочил царь, словно коснувшись раскаленного железа. — Выдала сокровища?.. Да как она посмела?.. Или ее пытали?

— Опять-таки, государь, вижу твой гнев и страшусь говорить дальше!

— Говори, ты не в ответе за чужие дела!

— Стратоника хотела этими сокровищами купить у Помпея жизнь и прощение своему сыну Эксиподру, если он попадет в руки римлян!

Возмущение и ярость обуяли Митридата. Он схватился за рукоятку меча и повернул голову, намереваясь позвать Трифона и отдать приказание. Глаза его стали страшными, рот перекосился, но он сдержал себя и... рассмеялся! Олтaк невольно схватил свой колпак и кинулся к двери. Он знал характер Митридата и что означает в таких случаях его смех.

— Подожди, Олтaк, — проговорил царь медленно, с каким-то свистом в голосе. — Подожди! Ты за эту тайну отвечаешь мне головой! Ни одна живая душа не должна знать об этом!.. Разумеешь?

— Разумею, государь, — пробормотал Олтaк.

— Теперь — каков твой совет, что нам делать?

— О великий царь, делать надо то, что указуют боги! А они указуют тебе один достойный путь — на Боспор!

— Слышал тебя. Уйди, оставь меня одного!

В этот вечер Митридат приказал подать вино, курильницу с одуряющим дымом и никого не впускал к себе в хижину. Его покой охранял Трифон с лучшими евнухами.

ХІІІ

Миновала короткая южная весна, и пришло жаркое лето. Все следили за слухами о продолжающейся войне Помпея с воинственными албанами и иберами, радовались его неудачам.

Сторонники южного похода оживились и стали смелее напоминать о себе, появляясь в хижине царя.

— О великий государь! — говорил с поклоном Тирибаз. — Ныне настал час твоего решения! Смелые кавказ-

ские племена защищаются геройски, даже наносят римлянам поражения! Сейчас самое время помочь им — и победа будет на твоей стороне!.. Поможем горцам и сообща опрокинем Помпея! Гордый полководец выдохся, его воины ропщут, изголодались, измотались в горах! Сейчас началась жара, много римлян погибло от укусов змей! И это в твою пользу! Легионеры боятся ядовитых гадов и требуют возвращения на равнины!

Но Митридат отмахивался от подобных советов и проводил большую часть времени на охоте. Советники переглядывались и недоуменно пожимали плечами, полагая, что царь теряет время и упускает благоприятный случай для победы и возвращения домой.

Шли дни и недели. Митридат продолжал пускать стрелы в горных козлов и пировать в кругу близких ему людей. На охоту выезжал с пышностью. Брал с собой Клеопатру, чему она была несказанно рада. Девушка хорошо ездила на коне, умела стрелять из лука и метать дротик. Нередко среди окровавленных туш убитых животных были и ее трофеи, чем она очень гордилась.

Бывая в лесах, в ущельях гор, они знакомились с необыкновенной кавказской страной, когда-то привлекавшей к себе сердца и корабли отважных аргонатов, искателей «золотого руна», среди которых, по преданию, были и Диоскуры, сыновья Леды и Зевса, вылупившиеся из яйца.

Проводники-греки рассказывали, что у Диоскуров — Кастора и Полидевка — были возничие спартанцы Амфит и Керкий. Они-то и основали Диоскуриаду! Они же положили начало племени гениехов, расположенному к северу.

На вопросительный взгляд Клеопатры Митридат усмехнулся и заметил:

— Если слушать греков, то все народы произошли от них! Это эллинская легенда!

В прибрежных горах проводники показали царю и его дочери ту скалу, к которой, как гласит древний миф, был прикован великан Прометей, обреченный Зевсом на вечную муку за похищение божественного огня и передачу его людям.

Митридат с задумчивостью взирал на скалу, пытаясь мысленно представить себе сказочного великана, потом

пожелал подъехать ближе, словно надеясь найти у ее подножия обрывки Прометеевых цепей.

Вертлявая Клеопатра с задорной усмешкой обратилась к отцу со словами:

— Прометея освободил Геракл! Но могучему титану надо было самому порвать цепи неволи! Это больше возвеличило бы его, чем похищение огня! Сила приносит больше славы, чем добродетель!

Митридат взглянул на дочь не то с одобрением, не то удивленно. Ничего не ответив, повернул коня и поскакал прочь. В последующие дни охотился в других местах. К Прометеевой скале больше не возвращался.

— Что задумал он? — спрашивали советники Тирибаза в доверительных беседах. — Или он хочет прогулять лето и остаться в Диоскуриаде на вторую зиму?

И словно в ответ на этот вопрос была получена поразительная весть: Помпей отказался от намерения добраться до Диоскуриады и решил спуститься с гор в равнины!

— Помпей отступает! — говорили друг другу обрадованные советники.

— Цари албанов и иберов хорошо били римлян! — весело говорил Митридат на пиру, устроенном по этому поводу. — Помпей отступил с позором! И нам не пришлось утруждать себя и воинов тем походом, на который вы меня склоняли!

Следующей ошеломляющей новостью было сообщение о том, что Помпей совсем уходит из Закавказья, оставляет завоеванное Понтийское царство! И направляется со всем войском в Сирию, воевать с непокорным царем Антиохом Восьмым. В покоренной стране оставляет лишь гарнизоны и поручает охрану римских завоеваний Тиграну, царю Армении, и Ариобарзану Каппадокийскому, ранее свергнутому Митридатом, а теперь восстановленному в своих правах на троне предков.

В Синопе Помпей оставил за себя трибуна Фавста Корнелия Суллу, сына знаменитого римского диктатора, того, что скрестил оружие с Митридатом двадцать лет назад, в первой римско-понтийской войне.

— Чудеса, да и только! — ударили в бока руками приближенные Митридата. — Это диво дивное! Ждали грозы, а туча рассеялась, не уронив и капли дождя! Вот на что рассчитывал Митридат! Воистину боги нашепты-

вают ему верные мысли! Он угадывает будущее лучше всякого оракула! Теперь, после ухода Помпея из земель наших, царю и всем нам один путь — домой, обратно в Понтийское царство!

Многие обнимались и со слезами на глазах поздравляли друг друга с предстоящим возвращением к родным очагам.

Римские перебежчики, входившие в войско Митридата и подчиненные Гаю, также оживились. После многократных поражений Митридата они считали дело понтийского царя проигранным окончательно, а потому были исполнены мрачного чувства безысходности. Диоскуриада казалась им каменным мешком, выхода из которого нет. Будущее их страшило. Многие гадали, как поступить — оставаться ли до конца в войске Митридата, или бежать в горы. Они рассчитывали найти пристанище среди местных племен, укрыться от преследований всемогущего Рима, который никогда не простит им измены. Новость об уходе Помпея в далекую Сирию произвела в лагере перебежчиков потрясающее впечатление. Диоскуриадский мешок развязался сам собою! Всеобщая подавленность сменилась бурным весельем и возрождением надежд. Воины плясали на лагерном плацу, славили Митридата. Публий, совсем было упавший духом, кинулся обнимать Гаю, который хотя и не изменил обычной сдержанности, но вздохнул с облегчением, лицо его прояснело, обмякло. Оказывается, Фортуна еще не изменила своему венценосному баловню и, кто знает, может, решила еще раз открыть перед ним ворота успеха!..

Однако задумчивость не покидала Гаю. Возможно, он, не будучи вполне убежденным в грядущем торжестве Митридата, продолжал втайне строить замыслы на случай новых неудач. И хотя был изумлен поведением Помпея, но не допускал мысли о том, что Рим так просто отступится от Митридата, предоставив ему готовить новый поход на запад.

В дружеской беседе спросил Публия как бы невзначай:

— Известен ли тебе лично Фавст Корнелий Сулла?

— Лично — нет! Но я слышал, что это муж властный и жадный до золота! А вот царь каппадокийский Ариобарзан знает меня в лицо. Я не раз бывал в его ставке с поручениями от Лукулла. Он даже наградил меня конем!

Сам Митридат был поражен отходом Помпея, противоречащим римскому правилу добиваться победы любой ценой. Он не верил в то, что горные племена оказались победителями. Видимо, были еще какие-то причины столь неожиданного поворота событий. И хотя эти причины вырисовывались перед его мысленным взором, невольно напрашивалось объяснение случившегося вмешательством богов! Хотелось верить, что не затруднения с продовольствием и не разлад в войске толкнули Помпея уйти из Закавказья, но рука небес, покровительствующих замыслам Митридата!

— Видно, боги не забыли обо мне! — с жарким чувством прошептал царь. — Они освободили меня, как Прометея от цепей, и благословляют на великий подвиг!

После чего объявил большой смотр войскам. Это означало, что предстоит выступление в поход.

За зиму войско отдохнуло, набралось сил и в то же время не отяжелело от безделья. Менофан с помощью Гая ежедневными упражнениями приучил воинов к труду. Они слаженно перестраивались, бодро вскидывали копья и шли в атаку, споро рыли лопатами каменистый грунт и умело наводили палисады.

Это были не те «несгибаемые», которые когда-то составляли костяк понтийского воинства. Соанские зипуны и постолы из сырой кожи, подвязанные ремнями поверх онуч, выглядели не очень представительно. Однако, вооруженные трофейными римскими мечами и щитами, отряды легкой пехоты были подвижны, понимали своих начальников, дружно выполняли их требования. Многие вместо войлочных колпаков и бараньих шапок, приобретенных на месте, надели сохранившиеся от прошлого медные шлемы.

Менофан, пропуская войска мимо царева ока, вопросительно заглядывал царю в лицо, пытаясь угадать его оценку. Митридат, стоя на возвышении, сложенном из дерна и камней, одетый в царский наряд, с высокой китарой на голове, смотрел прищурив глаза. Трудно было разгадать, милостив ли он или сейчас сделает недовольный жест и разразится гневом.

Даже при появлении блестящих рядов римских перебежчиков, которые сегодня выглядели особенно бодро и весело, царь не изменил брюзгливой мины, продолжая взирать на парад каким-то отчужденным взглядом.

Бравый воинский вид бывших легионеров только усугубил привередливое чувство, что закипало в глубине его широкой груди. Он мысленно сравнивал свое довольно-таки жалкое войско с когортами Лукулла и Помпея, испытывая досаду. Были и у него в прошлом рати не хуже римских! Но их было слишком мало!.. Во всех трех войнах большую часть войск составляли не они, а шумные полчища восточных кочевников да разношерстные толпы людей случайных. В том числе освобожденных рабов, способных к героическому и яростному сопротивлению, но часто недостаточно стойких в лишениях и воинских трудах.

Удивительно, что мощь и слабость понтийского воинства были как бы зеркальным отражением достоинств и недостатков самого царя. Об этом когда-то говорил Митридату бродячий маг-предсказатель. Но тогда Митридат лишь посмеялся над таким определением. Сейчас оно смутно всплывало в памяти.

В самом деле, он был порывист, суеверен, склонен не только к неожиданным проявлениям отваги и боевой страсти, но и к столь же внезапным припадкам малодушия и какого-то детского испуга. Цепенящий страх овладевал им в критические мгновения, и тогда он был способен сразу утратить свое мужество и проявить трусость, которой после стыдился. Он был неровен. Такими же были и его военачальники и все войско.

В прошлом году под Дастирами произошла глупейшая несогласованность, приведшая к разгрому понтийского войска и победе римлян.

Было это так.

Сначала спешенные конники просили выпустить их из лагеря, желая помочь передовым отрядам пехоты отбросить разведку римлян. Митридат разрешил. Конники, неуклюжие на земле, вразвалку побежали через ворота лагеря, размахивая мечами. Но натолкнулись на сильные конные разъезды римлян. Не умея по-настоящему драться пешими, они дружно, с боевыми криками кинулись обратно в лагерь, спеша сесть на коней... И это было правильно с их стороны! Но Митридат и его многоумные стратеги решили, что вылазка закончилась поражением, что понтийские воины проявили трусость и бегут, а главные силы Помпея уже у ворот лагеря... Что же получилось дальше? Во-первых, было решено не

открывать ворота перед бегущими, чтобы не допустить в лагерь их преследователей. Во-вторых, Митридат разгневался и с высоты палисадов сам повелел отступающим вернуться на поле боя и отбросить римлян. Это пешим-то всадникам!..

— Мы не отступаем! — пробовали кричать воины. — Нам надо сесть на коней!

Но их никто не слушал. Римляне использовали замешательство и ударили в пешем и конном строю на толпящихся у ворот беззащитных воинов и перебили почти всех! Это было досадно, нелепо! Царь и военачальники созерцали эту бойню с высоты палисадов, ничего не предпринимая. И вдруг Митридат повелел открыть ворота. Зачем?.. Не то для того, чтобы впустить кучку отчаянно отбивающихся пеших всадников, не то с намерением сделать вылазку и наказать дерзких римлян... Но для вылазки следовало подготовить колонну лучших воинов на конях и поставить их против ворот. Этого сделано не было, так как кони стояли на приколах и жевали сено, а всадники умирали за порогом лагеря! Нестройные толпы легкой пехоты устремились было в ворота, но их предупредили римские наездники, которые с гиком и свистом ворвались в лагерь!

Правда, это был лишь авангард передового Помпеева отряда, и его без большого труда можно было вытеснить обратно. Но началась неразбериха, повальное бегство!

Сам Митридат поддался общей панике, вмешался в толпу бегущих и бежал вместе с другими, как последний трус! И не римские мечи нанесли поражение его войску, а тот животный ужас, который охватил всех и оказался губительнее вражеского оружия!

Вот это позорное бегство огромного войска из неприступного лагеря от малых сил врага и называют теперь «последним сражением под Дастирами»! Пусть это будет последней ошибкой! Больше такого не повторится, довольно!..

Вспоминая это, Митридат кусал губы от досады и сожаления. Менофан видел его волнение и растерянно водил глазами, стараясь понять, чем не угодил.

Казалось, все было в порядке. Войска продолжали идти отряд за отрядом. Конницу сменила пехота, а за пехотой двинулись толпы добровольцев из местных племен, вооруженных по старинке и одетых по-своему.

И когда последний отряд прошел мимо, царь поднял скипетр и обратился к многолюдной толпе соратников, окруживших трибуну.

— Боги с нами! — возгласил он торжественно. — Боги с нами! Мы победим!

Общий хор голосов подхватил эти слова, все подняли оружие над головами и огласили окрестности многократным боевым кличем.

Это означало, что царь принял войско и объявляет поход... Куда?

Митридат не дал немедленного ответа на этот немой вопрос. Лишь ночью собрал военачальников и при свете еле мерцающего огня в очаге объявил кратко:

— Будьте готовы к походу на Боспор! О дне выступления скажу завтра!

XIV

Не все одинаково отнеслись к решению Митридата. Менофан только крикнул в ответ, понимая причины, толкающие царя на север, и готов был вести войска туда, куда укажет владыка.

Дандарийский царек Олтак молитвенно поднял руки, его лицо озарилось радостью. Ведь там, на севере, было его родовое царство, его трон, ныне захваченный недругами, которые тайно служат римлянам. Теперь предатели получают все сполна, ибо, двигаясь на Боспор, Митридат выйдет на южные границы дандарийских земель и поможет Олтаку восстановить свои права!

Только Тирибаз задумчиво провел холеной рукой по завитой бороде и многозначительно переглянулся с другими советниками, которые во всем были согласны с ним. Он смело поднялся с деревянной скамьи и, поклонившись царю в пояс, сказал:

— Великий государь! Я советник твой и обязан говорить тебе правду, хотя бы это грозило мне немилостью! Разреши и сейчас сказать то, что я думаю.

— Говори.

— Ты вновь хочешь попытаться преодолеть «скифские запоры» и проложить дорогу из Понта на Боспор через Кавказ! Вспомни, однако, как погибли твои воины пятнадцать лет назад, безуспешно пытаясь покорить воинственных горцев! Они погибли от мороза и засад в

снежных горах, их кости и сейчас белеют на дне ущелий!

— Было такое,— ответил Митридат спокойно.— Но гениохи уже не поднимут оружия против меня, ибо дали клятву пропустить мои войска на север!

— Так-то так! Но горцы вероломны и коварны. Может, они просто заманивают тебя в свои силки, чтобы потом нанести верный удар?

— Их цари — мои зятья! Они одарены и обласканы. А потом — как они могут нанести мне удар, если я явлюсь со всем войском? Попробуй замани барса в дом и потом свяжи его!

— Но дальше тебя ждут зиги, они не приняли твоих подарков, и неистовые ахейцы, уже видевшие кровь твоих воинов!

Митридат досадливо отмахнулся.

— Сколько времени вы будете дрожать от тех морозов и бояться тех засад, которые угрожали нам пятнадцать лет назад?! — вскричал он.— Времена изменились, тогда была зима, сейчас лето! С нами войска, которые дрались с римлянами и били их!

— Эй-ла! — раздался внезапно низкий бас Менофана.— И ведет войска не кто-то, а сам царь Митридат!.. А с Митридатом боги!

Это неожиданное добавление ударило всех, как обухом. Что можно было противопоставить ему? Советники смущенно притихли. Митридат рассмеялся звонко, как юноша, трясая седой бородой. Ему явно понравилось замечание Менофана.

Однако Тирибаз не удовлетворился таким ответом. Он вновь заговорил, в его голосе теперь прозвучали как бы умоляющие нотки:

— Может быть, тебе, государь, все же лучше пойти на юг, в родные места? Ведь твое царство на юге, а не на севере! Помпей ушел из твоих пределов в далекую Сирию, там он увязнет в новой войне. Так используй это, спеши в свои владения, к своим храмам, к могилам предков! Ты восстановишь свое царство, народы встретят тебя с великой радостью! И сразу станешь сильным и богатым, ведь не все твои сокровищницы разграблены... Ты даже сможешь послать помощь Антиоху Восьмому, чтобы Сирия лучше сопротивлялась Риму! А если Помпей посмеет опять пожаловать к твоим границам,

ты встретишь его во всеоружии! Мы наберем тебе войско большое и сильное!

Митридат терпеливо выслушал доводы Тирибаза, выжидательно склонив голову. Однако отверг сказанное.

— Придет время,— вздохнул он мечтательно,— вернемся мы на земли отцов и восстановим наше царство. Но ныне боги указуют нам одну дорогу — на север! На юге нас ожидают одни неприятности. Поля нашего царства потоптаны, пастбища опустошены, народ ограблен... А там, на Боспоре,— никем не разоренные города и селения, тучные нивы и полные житницы! Там дружественные нам племена скифов с их царем Фарзоем! Они поклялись нам в верности! Там смелые роксоланы и языги! Им достаточно пообещать богатую добычу, и они пойдут хоть в Тартар, подняв мечи! Там аорсы и аланы, которые рвутся на запад, то есть именно туда, куда нам надо! Ближе к Риму!

Последние слова, сказанные царем с большим воодушевлением, не оставляли сомнений в его дальнейших намерениях. Было очевидно, что и после столь неудачной войны, сохранив лишь остатки разбитого войска, Митридат продолжает лелеять мечту о великом походе на Рим через Скифию! Это казалось чрезмерным, непосильным даже такому богатырю, как Митридат! Куда проще и понятнее было бы думать о возвращении домой, где оставлены законные владения! Там каждый житель — подданный Митридата, каждая крепость — его сокровищница, любой город — его данник!.. И неужели Тигран посмел бы выступить против отца жены своей?

— Конечно,— несмело зароптали советники «левой руки»,— страна разорена, но это наша страна, наша родина! Там даже придорожный камень встретит нас с улыбкой. Там и солнце светит по-иному — ярче, теплее! Ведь и воины наши оставили на юге семьи и очаги, они тоже мечтают вернуться под родную смоковницу! А их посылают на север, через страшные горы, в страну гомеровских лестригонов!

Но царь прекратил этот обмен мнений жестом, означающим, что совет окончен. Воеводы и советники поднялись со своих мест и уходили из душной землянки, пятясь задом, с низко склоненными головами. Некоторые плакали.

Только Менофану было приказано задержаться. Митридат одобрительно усмехнулся, глядя на мешковатую фигуру стратега.

— Ты понимаешь меня, и я ценю это! — сказал он весело. — Тирибаз же и его свита — степные сурки с мозгами курицы. Они не видят дальше собственного носа, близоруки от рождения! Они не понимают, что мы стоим перед началом величайшего похода на Рим через Скифию! Этот поход покроет нас славой, вернет нам утерянное, вручит нам власть над миром!.. Не так ли?

— Истинно справедливо, государь!

— А теперь разыщи того боспорского беглеца, пирата Евлупора, и приведи сюда. Он нужен мне. Ступай!

XV

Узловатые, трудовые руки крошили зеленый лук и сыпали его в горячую полбяную кашу, которая пыхла в большом медном котле.

Дюжие парни в конопляных дерюгах сняли котел с огня и поставили на землю между пахучими стружками и щепьем. Старшой артели стал помешивать вкусное варево длинной ложкой, чтобы скорее остыло. В ложку попадали и кусочки баранины с жирком.

Кораблестроители еще стучали топорами и конопатками, поглядывая на котел и обмениваясь веселыми словами. К смоляному духу еловых досок и сосновых кокор примешивался сытный запах мясной еды. Все ждали сигнала, готовясь оставить работу и дружной ватагой поспешить к котлу. Многие заблаговременно доставали деревянные ложки, спрятанные в складки онуч, намотанных на ноги.

Евлупор скручивал жгуты из пакли и, обмакнув их в расплавленный воск, конопатил щели между бортовыми досками, заходящими одна за другую. Он вместе со всеми испытывал ту душевную телесную бодрость, которая сопутствует усилиям созидания, доброхотному труду без бичей и надсмотрщиков, труду артельному, веселому.

Глядя, как из рук дружной семьи загорелых умельцев рождается многовесельный корабль с палубой и скамьями для гребцов, бывший раб и воин чувствовал себя счастливым. Ему казалось, что он, влившись в это трудовое братство, нашел то, чего тщетно искал, — на-

стоящую человеческую жизнь. Он был силен, молод, смекалист. Быстро усвоил плотничью науку, сошелся с собратьями по деревянному делу, почувствовал себя дома среди душистого теса и бревен, ощутил не испытанное ранее удовлетворение.

Евлупор не пытался, да и не мог глубоко осмыслить эти переживания и их причины, но воспринимал их сердцем и отдавался им с доверчивостью, составлявшей одну из черт его характера. «Звероподобный раб», смелый воин и бывший пират был исполнен дружелюбия к людям, искал среди них взаимности и, кажется, нашел эту взаимность в кругу вольных работяг — плотников диоскуриадского пригорода.

Пригород являлся как бы своеобразным отстойником, в котором оседали люди, выпавшие из своей общины или бежавшие в поисках лучшей доли. Беглый раб, бывший пират или человек, потерявший род и племя, скрывшийся от казни или долговой кабалы, — все те, кого называли бродягами и изгнанниками, находили здесь прибежище и возможность существовать. Греки-общинники смотрели на них свысока, не считая их настоящими людьми. Впрочем, жители предместья были мало обеспокоены этим. Живя вне закона, они ютились в землянках и жалких хижинах как бы временно, случайно, по недосмотру хозяев здешних мест, пользуясь относительной свободой и возможностью оставаться самим собой. Они цепко хватались за жизнь и оправдывали свое существование в глазах «настоящих людей» своей полезностью для них. Здесь греки находили дешевые рабочие руки для грязных работ, поскольку рабский труд становился все дороже. Раба приходилось кормить независимо от того, работал он сегодня или нет, давать ему одежду и кров. А наемного «бродягу» можно было после работы выпроводить за город, вручив ему медный обол за труды. Если он получал увечье, то не становился обузой для хозяина, его просто выбрасывали за ворота, где он волен был умирать или валяться в пыли около дороги, выпрашивая у прохожих корку хлеба.

Зато эти разношерстные люди не кланялись ни городским богам, ни архонтам, жили своей жизнью где-то сбоку от узаконенных форм общества, добывая из своего бесправия и бедности, как золотой песок, крупички желанной независимости и личной свободы.

Оказавшись в предместье, Евлупор сразу почуял дух его свободолюбия, а кораблестроители, с которыми он договаривался о постройке биремы, особенно пришлись ему по душе. И когда начались работы, он не остался в роли царского подрядчика, но сам взял в руки тесло и трудился наряду со всеми. Выборный старшина артели, крепкий старик с шрамами на морщинистом лице, заметил его сноровку, силу и покладистый характер. Сказал ему с дружеской усмешкой:

— Ты вот царский воин, а труд любишь! Это хорошо. Ты не был бы лишним в нашей артели. Оставайся у нас! Внесешь одну серебряную монету, как у нас принято, и мы будем считать тебя своим. И жилье поможем построить, глядишь, и подругу найдешь! Будешь жить с нами в труде и безопасности!

— Хорошие слова говоришь, отец,— ответил Евлупор.— Нравится мне топором стучать! Но впереди война, а я царю обещал послужить с мечом в руке! Кто знает, может, и приду к вам и принесу серебряную монету, останусь с вами. Только не сейчас. Хочу кинуть жребий в кровавую реку войны!

— Молод ты, силен, и кровь в тебе играет! Хочешь большую добычу взять? Что ж, попытайся, да помогут тебе боги!.. Был и я когда-то таким, как ты! А вот стал кораблестроителем!

Теперь постройка биремы подходила к концу. Через несколько дней предполагался спуск ее на воду. Мастера были веселы в предвидении близкого расчета с царем-заказчиком. После сытного обеда все разлеглись на охапках стружек, ковыряя в зубах, многие тут же задремали.

Неожиданно появился царский воин в медной шапке, с копьём и сердитым голосом окликнул:

— А кто здесь Евлупор!.. Царь повелел предстать тебе перед ним, собирайся живо!

Все повскакивали, заговорили оживленно:

— Царь зовет к себе Евлупора! Не иначе как назначит приерархом!

— Смотри, Евлупор, не зазнавайся! — предупреждали молодые и задорные.— Будешь старшим — возьми и нас на корабль, хотим и мы добычу взять!

— Не зазнаюсь! — рассмеялся Евлупор, подвязывая онучи.— Только не ошибитесь, воевать труднее, чем тесать бревна! К тому же я строгий начальник!

За время работы его одежда, и так рваная, совсем истрепалась. Он даже смутился: можно ли в таком виде явиться к самому царю? Но воин торопил и сердито топорщил колючие усы, говоря, что царь приказал прибыть без проволочек.

XVI

Переступив порог дымной хижины, которая стала царской ставкой, Евлупор упал на колени, а затем распростерся ниц, касаясь лицом грязного земляного пола.

— Встань! — коротко приказал царь. — Некогда заниматься поклонами, впереди поход!

— Рад этому, государь, разреши и мне взять копье и идти в передовом отряде!

— Ну, построил корабль?

— Совсем готов, великий государь, через два дня будет спущен на воду!

— Хвалю за это. Так вот... забыл имя твое...

— Евлупор, о величайший!

— Рабское имя. Ты же был рабом в Пантикапее?

— Истинно так, государь, а сейчас твой вечный раб!

— Был и пиратом на море?

— Был и пиратом, государь!

— Я снял с тебя скверну рабства, простил твои пиратские дела, произвел в военачальники! Не так ли?

— Истинно так, повелитель!.. Разреши умереть за тебя!

— Умереть — дело небольшое. Я жду от тебя большего — исполнения моей воли!

— Повелевай рабом твоим!

— Сослужишь мне службу верную — сделаю тебя богатым человеком! А свободу я дал тебе раньше.

— Все сделаю, крови своей не пожалею!

— Ты хорошо знаешь Пантикапей?

— Знаю, государь.

— А Махара, сына моего и наместника боспорского, видел?

— Видел, государь!

— Мы выступаем в поход на Боспор, известно ли тебе это?

— Догадывался, государь. Но куда поведешь, мне все равно, ибо я раб твой!

— Тебе нужно проникнуть в Пантикапей тайно, раньше, чем я подступлю к нему с войском. Как это сделать — думай сам. А прибудешь в Пантикапей, проберешься тайком к Махару и передашь ему вот это... Здесь я требую бескровной сдачи города!..

Царь протянул Евлупору продолговатую шкатулку черного дерева, в которой лежала многократно свернутая белая лента из пергамента, покрытая какими-то знаками. Это была скитала, то есть тайная грамота, которую можно было прочесть, лишь намотав ленту на палку определенной, заранее условленной толщины.

Митридат закрыл шкатулку, обвязал шнурком и приложил восковую печать.

— До Боспорского пролива тебя доставит быстроходный корабль, а там пробирайся сам! — добавил царь. — Разумеешь?

— Разумею, все понял!

— Не попадайся ни Сервилию на море, ни тем, кто окружает Махара! Будет нужда — брось скиталу в море, сожги, зарой в землю! Тогда скажешь сыну устно, что я буду милостив к покорным, он поймет!.. А имя тебе да будет отныне Кир!

— Понял и это. Спешу исполнить волю твою!

Поручение было неожиданным и опасным. Выйдя из царской ставки, Евлупор-Кир вдруг почувствовал какую-то зябкость, как от холодного ветра. Он не ожидал, что царь пошлет его на такое рискованное дело туда, где его могут опознать и схватить, как беглого раба. Конечно, следом будет идти войско Митридата, оно выручит. Но Парфенокл едва ли будет медлить и сдерет с беглеца и соблазнителя кожу гораздо раньше. Однако раздумывать было бесполезно, да и выбирать не из чего. Путь к независимости и человеческим правам проходил через Пантикапей, через смертельную опасность! Только выполнив волю Митридата, он сможет рассчитывать на царскую милость, стать главой корабля или хотя бы воином, гордо несущим свое звание!..

С этими мыслями Евлупор брел в сторону предместья, ощупывая за пазухой царскую посылку. Незаметно приблизился к берегу моря. Страхнув мгновенный страх, огляделся. Место было безлюдное, каменистое. Между скалистых бугров синело море. «Да, — подумал он, — здесь надо что-то оставить на случай, если придется спасаться!»

Выбрав место около скалы, между большими камнями, постарался приглядеться к нему, запомнить. Потом достал нож, вырыл узкую ямку, вроде суслицьей норы, и опустил в нее кошелек с золотыми монетами, который достал из-под лохмотьев. Это было все, что удалось сохранить от былой добычи. Даже римские легионеры с их страстью к грабежу не отняли этого сокровища, они не могли и подумать, что оборванец может быть обладателем целого состояния.

На другое утро он опять появился на месте зарытого клада, осмотрел внимательно каждый камень, подсыпал щебня. Долго водил глазами, чтобы не забыть месторасположение скалы и больших камней. Потом ушел, гадая, как удастся ему проникнуть в Пантикапей и остаться неузнанным.

XVII

Жители Диоскуриады и окрестных селений высыпали на побережье посмотреть, как грозные рати царя Митридата тронутся в путь.

Хозяева и гости расставались мирно. Первые полагали, что они были достаточно гостеприимны и щедры, вторые — что проявили благоприличную воздержанность, не требуя лишнего.

Большая часть войск готовилась следовать сушей, меньшая — на кораблях вдоль берега. Передовой отряд возглавлял лучший сын царя — Фарнак. Остальные царевичи оказались и в той и в другой половинах войска. На суда погрузили продовольствие, запасы оружия и казну.

Храм Кибелы опустел, там остался лишь мусор и изваяние самой богини, увенчанной короной в виде крепостной зубчатой башни. В руках богини фиал, сейчас наполненный ореховой шелухой и огрызками яблок. На коленях — каменный львенок, в которого Клеопатра пускала игрушечные стрелы после того, как получила нагоняй за мальтийскую собачонку.

Недружная толпа царских жен, наложниц и дочерей была переправлена на корабли. Женщины ступали на шаткие трапы с боязливymi восклицаниями, которые достигали ушей праздных зевак и вызывали их неудержимый хохот.

— Варварский царь даже на войну не ездит без своего курятника! — острили греки.

— Лучше вместо этих баб вооружил бы лишнюю сотню бойцов!

Перед походом были принесены жертвы, вознесены моления богам. Все приметы и предсказания оказались благоприятными. В момент выступления из-за тучглянуло яркое солнце. Это было добрым знаком. И все же Тирибазу и его единомышленникам казалось, что Митридат действует вопреки разуму, уходя прочь от своего царства, упуская счастливый случай отвоевать наследственные земли, пока Помпей занят войной с сирийским царем Антиохом Восьмым.

Но Митридат был исполнен решительности и испытывал подъем духа. Он первым ступил ногой на горную тропу, уходящую в дымку ущелий. Он шел, как простой воин, подбодряя робких, подавая пример смелым. Изпод его мягких сапог сыпались камни, увлекая в провалы пыль и щебень. С ним шли его воеводы и советники, обливаясь потом. Начались крутые подъемы, которые, казалось, уходили куда-то в небо. Царю сопутствовала Клеопатра. Она с невесомой легкостью взбегала на уступы скал. Митридат утирал потное лицо и с усмешкой поглядывал на отстающую свиту.

— Вот оно, преддверие страшных скифских заповор, — говорил он дочери, показывая вперед и добавляя не то в шутку, не то всерьез: — Боги древности были щедрее теперешних! Нефела, богиня туч, с помощью Гермеса, предоставила своим детям, Фриксу и Гелле, чудесного барана, который, легко сказать, летал по воздуху, как птица, и перенес их из Беотии в Колхиду! Нам же надо попасть из Колхиды в Пантикапей, это куда ближе, но все же трудновато на своих-то ногах! Гермес не захотел дать нам барана с крыльями!

— Не кощунствуй, отец! — заметила Клеопатра с обычной смелостью. — Боги и сейчас невидимо присутствуют здесь и слышат нашу беседу! Я уверена, что они нам помогают. Нам сопутствует Зевс Фиксий, который уже помог тебе уйти от погони врага! Нет, отец, боги не отвернулись от нас, они толкают тебя на свершение великих дел! И сейчас мы беспрепятственно двигаемся через те горы, которые ты не смог преодолеть в прошлом! А страшные горные племена уже не противостоят

тебе — они готовятся встретить тебя с почетом! Это ли не рука всемогущих богов!

— Да, да, ты права, дочь моя! Голова у тебя золотая!.. Я не хотел обидеть богов. Просто мне пришло в голову, что в старину все получалось как-то лучше, боги были ближе к людям. Вспомни сказание об Ахилле! Его мать, нимфа Фетида, перенесла его тело из-под Трои на Белый остров, расположенный у скифских берегов. И он прожил на острове вторую жизнь! А мы вот ступаем по грязи и камням наряду с простыми смертными, подвязав покрепче скифские башмаки!

— И тогда, о отец мой, не все было так легко, как ты говоришь! Ведь Гелла свалилась с барана!.. Право, я не хотела бы испытать ее долю! А Ахилл был доставлен на Белый остров уже после смерти! Я же хочу, чтобы ты достиг Тавриды живым и полным сил! Таким, как ты, боги не помогают прямо, но наделяют их умом и силой, достаточными, чтобы преодолеть любое препятствие!.. Помнишь день, когда мы посетили скалу Прометея?

— Помню, дочь моя, а что?

— Еще тогда мне представилось, что ты выше Прометея, ибо сам расторгаешь узы, которыми оказался прикованным к Диоскуриаде! И вот ты расторг их, вырвался и снова стал на великую тропу борьбы за власть и счастье!

— Истинно мудрые и возвышенные слова, достойные дочери царя! — восхитился Митридат. — Как я рад, что ты унаследовала от наших предков Ахеменидов царственную ясность мысли и проницательность, недоступные не только для людей малых, но и для таких, как Тирибаз!.. Погляди, с каким неудовольствием карабкается он по склону горы! Ему надоели походы, он тоскует по утраченным богатствам и теплым баням, которые остались в руках Помпея! И он со своим убогим умом пытался отговорить меня от похода на Боспор!.. Ты отроковица, а видишь дальше его.

Поход продолжался, потянулись дни труда и пота для тысяч людей, направляемых в неизвестное волей одного властелина.

И опять понтийский царь оправдал свою славу баблоня судьбы, любимца богов. Дни стояли удивительно тихие, ясные, море не штормило. Гениохи встретили его дружелюбно, даже усилили его флот десятком утлых,

но быстрых камар. Несколько худший прием ожидал его у зигов — племени более дикого, подозрительного к иноземцам. Но и здесь золотой ключик открыл сердца горских вождей, они были обласканы Митридатом, их сокровищницы разбухли от щедрых даров понтийского царя. Проводники в рваных кафтанах повели войско горными тропами, через головокружительные перевалы. Настоящих дорог не было, воины принуждены были пробираться по каменным карнизам. Отвесные скалы падали прямо в море. Несмотря на тихую погоду, страшные волны с уханьем бились о подножие гранитных великанов.

Двигаясь на север, Митридат отсюда как бы видел своими огненными глазами уязвимые границы Рима. Перед его мысленным взором рисовались картины грядущего великого северного похода через Скифию. Грудь наполнялась жгучей уверенностью в великой победе. Вперед, вперед! Если Ганнибалу удалось обходным путем, через соседние земли, проникнуть в самое сердце римской державы, то почему это не удастся ему, царю Понта? И это будет!..

А когда падет Рим, то единственным владыкой всей ойкумены, повелителем мира останется великий и мудрый, страшный для врагов, недостижимый для смертных — царь М и т р и д а т !

С такими мыслями честолюбивый царь стремился к Боспору. Мысли эти подобно зареву пожара освещали ему дорогу, будоражили душу, распаляли его неукротимое сердце. Он не чувствовал трудностей пути, словно парил над землей на огненных крыльях своих страстей и замыслов.

Митридат выглядел как лучший из воинов — бесстрашный, выносливый, дерзкий. Его решительность и страстность действовали на войско с колдовской силой. Слыша его молодецкие окрики и колючий смех, напоминающий клекот орла, воины воспламенялись отвагой. Они штурмовали перевалы с веселыми лицами, даже шутили и пели песни, забывая об опасностях тяжелого похода. Многие с суеверным чувством считали царя-полководца и впрямь орлом, которому стоит взмахнуть крыльями и он взмоет в недостижимую высь, сравняется с солнцем, станет таким же ярким, огненным, как небесное светило!..

Приближенным были хорошо известны артистические способности повелителя. Сегодня он воин и вкушает из походного котла вместе с простыми воинами. Завтра — опять сядет на трон и устремит на всех язвительный взор, искривит недоверчиво сухие губы. И уже никто не будет уверенным, что не попадет в опалу, а то и в темницу, заподозренный в измене.

Подозрительность и жестокость царя были тем большими, чем благополучнее текла окружающая жизнь. В походных и ратных трудах он становился милостивее, проще, душевнее, вот как сейчас, среди гор!.. Но стоило настать миру, как его начинали мучить подозрения, его пугала тишина дворцовых палат, он всюду слышал шорохи, шепот заговорщиков. И находил их! И расправлялся с ними!.. Не щадил никого, не верил никому. Одних бросал в темницу, других заживо закапывал в землю, третьих сажал на еловый кол.

Велик страшный счет в прошлом! Каким он станет в будущем, когда покладистого царя-воина сменит царь-деспот, мнительный и настороженный?..

Часть V

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

I

Пантикапейский демос шумел, возбужденный новыми событиями. Сначала на рыночной площади появились купцы-навклеры, корабли которых были протаранены римскими либурнами. Они поднимали руки к небу и зывали зычно:

— Граждане пантикапейцы! Разве это справедливо — римляне опять топят наши торговые суда! Вот вам и друзья-благодетели!

— Великие боги! Мы потратили все средства, снарядили корабли, погрузили пшеницу и полбу в надежде обменять их в южных портах на вино и маслины! Все наше достояние лежит на дне морском! Товары, суда и люди погибли от руки пирата злодея Сервилия!

К ним подходили почтенные судовладельцы и торговые люди, также заинтересованные в морской торговле. Озабоченно спрашивали:

— Да не ошиблись ли вы? Может, не Сервилий, а пираты напали на ваши суда? Не могут римляне топить боспорские корабли, ведь Рим — друг и союзник царевича Махара, нашего правителя!

— Какой там союзник! Был союзник, а теперь — лютый враг! Разве вы не знаете, что Помпей разбит Митридатом и бежал из Фасиса?.. Теперь его войска с позором покидают кавказские земли и спешат в Сирию за легкой добычей! А флот Сервилия остался в нашем море и грабит нас, ибо признал нас за врагов!

— Да почему же так? Кто сказал это? Спасся ли кто из людей ваших?

— Как же, спаслись двое матросов и один гребец! Вот они, пусть поведают народу правду!

Толпа обступила троих моряков, которые рассказывали громогласно о том, как их корабль был атакован в море римскими либурнами, как они оказались в плену, а потом бежали и еле живые добрались до Пантикапея на рыбацкой лодке. Пока были в плену, многое узнали.

Число случаев потопления боспорских торговых судов нарастало, умножались и свидетели. Возмущение горожан было так велико, что напоминало бунт. Известия о вероломстве римлян передавались из уст в уста, ревущие толпы затопили площади и улицы, всюду слышались выкрики, направленные против Рима. Наиболее горячие головы требовали немедленно проклясть Помпея и Сервилия и даже пойти на мировую с Митридатом.

— Римляне нарушили клятву дружбы! Они предатели!

— Чем хуже был преславный царь Митридат? Он помог нам оборониться от скифов, он усмирил мятежных рабов и полонил Савмака, он помогал нам, а Рим оставил нас и даже вредит нам!

— Митридат разгромил Помпея! Теперь Митридат снова станет великим царем и опять поможет нам!.. Слава Митридату!

Пантикапей раскололся на два лагеря. Архонты и люди богатые поддерживали царевича Махара. Они боялись новых потрясений и недоверчиво относились к странным слухам, продолжая называть себя друзьями и сторонниками Рима. Им противостояла масса купцов, судовладельцев и ремесленников, которые сильно пострадали от нарушения морской торговли и были готовы опять склониться перед Митридатом, признать его своим «предстоятелем». Этому способствовали все усиливающиеся слухи о поражении Помпея и торжестве Митридата. Теперь понтийский царь вновь рисовался всем, как великан, потрясающий землю. Его называли и Зевсом Громовержцем и Фениксом, восстающим из пепла. Тысячи людей теснились у храмов и возглашали ему славу и просили богов помочь им примириться с великим царем, смягчить его сердце.

Потрясенный Махар метался из угла в угол, не зная, на что решиться. В горячем самоубеждении он не верил

и не хотел верить рассказам о плохих делах Помпея и новом взлете Митридата. Измученный бессонными ночами, царевич проводил долгие часы перед жертвенниками, стараясь привлечь весь пантеон греческих и восточных богов на помощь Помпею.

— Да, да! — шептал он настойчиво, как бы стараясь уверить самого себя.— Да!.. Не успеет выколоситься пшеница на боспорских полях, как Митридат и его могущество перестанут существовать! Да помогут боги Помпею! Да ниспровергнут они Митридата!.. Это будет концом великой войны, и тогда мир и благополучие воцарятся всюду!

Пожалуй, не было в то время человека на всем Боспоре, который так страстно желал бы поражения Митридата и победы римлян, как Махар. Его желание разгоралось, словно пожар, раздуваемый ветром. Этим ветром был непреодолимый страх, который испытывал царевич при одной мысли о встрече с отцом. Ему хотелось увидаться с Сервилием и узнать от него все обстоятельно. Но римский наварх пиратствовал на море и не мог появиться в пантикапейском порту, так как топил боспорские корабли, а боспорцев брал в плен и продавал в рабство. Махару это было непонятно, казалось нелепостью! Зачем потребовалось Риму опять объявить Боспору морскую войну, если Махар заключил союз еще с Лукуллом?..

Обстановка сложилась необыкновенная. Боспор вдруг оказался вне зависимости как от Митридата, так и от римлян! Первому изменил Махар, вторые изменили Махару! Совершенно неожиданно Махар стал суверенным главой государства и теперь должен был самостоятельно принимать ответственные решения. Но никакой радости от этого не ощутил. Наоборот, почувствовал себя одиноким и покинутым. Сначала он правил Боспором от имени отца, потом от имени Рима. Эти два гиганта являлись попеременно опорой его власти, ставили его вне и выше круговорота боспорских дел. Он не зависел от боспорцев и мог смотреть на них сверху вниз, как завоеватель или ставленник завоевателей. Теперь же остался глаз на глаз с вероломными греками, стал уже не представителем понтийского или римского могущества, а местным архонтом и принужден будет искать опоры и поддержки среди той толпы, которая сейчас

бушует на рыночной площади и славит Митридата. Получит ли он эту поддержку?.. Или пантикапейский демос столкнется с архонтами и жрецами и, не рискуя ничем, свергнет его власть, а его самого забросает камнями?

В распоряжении Махара была сила — набранные воины, они располагались за городом в лагерях. Но стойкой понтийской пехоты было не так уж много. А устоят ли бывшие рабы и бродяги против ополчения городов — сказать трудно. Да и что даст такая перепалка? Разрушения и смуту, которыми воспользуются таврические скифы, с целью учинить опустошительный набег.

Но это не все! Главное — в Диоскуриаде сидит его отец! Кто знает, что там произошло и что произойдет завтра...

Царевичу казалось, что боспорские архонты и жрецы, расточающие перед ним льстивые речи, как-то странно обособились от него и так же проникнуты чувством ожидания. Чего они ждут? Кто ответит на этот вопрос? Может, Неоптолем?.. Но старый вояка весь ушел в заботы о войске, плохо разбирается в тонкостях государственных дел, и если сослужит службу, то как военачальник в грозный час боевой тревоги. Или Фрасибул?.. Правда, косматый перс при всей его подозрительности и злости не обладает очень проницательным умом. Но он предан, деятелен и достаточно осведомлен о настроениях и замыслах боспорских интриганов. Его предположения иногда оказываются удачными.

II

Фрасибул вошел в дворцовую палату, опустив, по восточному обычаю, глаза и приложив руки к сердцу. Царевич сидел в раздумье за столом, на котором стояли амфора и недопитая чаша с вином.

— Скажи, Фрасибул,— начал Махар, повернув к вошедшему невеселое лицо,— почему мы ничего толком не знаем? Кто же, наконец, торжествует победу за морем? Помпей, который, как трус, внезапно отступил из завоеванных земель, или Митридат, все еще отдыхающий в Диоскуриаде?.. Была ли между ними решающая битва, и если да, то чем она кончилась?.. Почему Помпей ушел в Сирию, оставив врага недобитым? Неужели правы крикуны, что вопят на рынке о победе Митрида-

та? Если это так, то мог ли Помпей после поражения, с расстроенным войском пойти в новый поход?.. Неясно!

— К сожалению, и мне это неясно, царевич! Вот уже десять тайных людей отправлены в Диоскуриаду, но ни один не вернулся!.. Жду вестей со дня на день!

— Надо выяснить — жив ли Митридат и в каком состоянии его рати? Почему Сервилий топит наши корабли и не заглядывает в Пантикапей? Или Рим объявил нам войну?

— Это я стараюсь выяснить, преславный царевич. Возвратятся лазутчики, и все станет ясным.

— А что ты сам думаешь об этом?

— О царевич, трудно думать о делах таких людей, как Митридат или Помпей!.. Трудно разгадать их помыслы!

— Но все же?

— Есть у меня такая догадка. раз Сервилий объявил нам войну и топит наши корабли, значит, Митридат жив, еще в силе и находится в Диоскуриаде или где-то вблизи от нее! Сервилий стремится разъединить нас и Митридата, не дать Митридату возможности морем проникнуть на Боспор или получить из Боспора поддержку!

— Но у меня клятвенный союз с Римом, я сенатом признан другом и союзником Рима! Какую же поддержку может получить от меня Митридат?

— Прости, царевич, за смелые и грубые слова!

— Ничего, говори.

— Помпей вправе предположить два пути такой поддержки: первый путь — это примирение твое с батюшкой, которое сейчас крайне нужно Митридату и ради которого он не поскупился бы на обещания! Другое дело, как он поступил бы после примирения. Ему важно захватить Боспор.

— И второй путь? — с неожиданным раздражением перебил Махар, хмурясь.

— Не гневись, пресветлый царевич, я же говорил, что слова мои смелые и грубые. Второй путь — это примирение Митридата с Боспором, минуя тебя!

— То есть бунт против меня и против Рима?

Фрасибул втянул голову в плечи, развел руками и закрыл глаза.

— Хитры боспорцы, не просто узнать их тайные замыслы.

— Или ты уже узнал что-то?

— Пока ничего достоверного. Но кто знает, может, и есть в Пантикапее люди, которые не прочь тайно связаться с Митридатом. Разыскиваем таких людей, но пока безуспешно!

— Ага!.. Но скажи, Фрасибул, так ли нуждается Митридат в боспорской поддержке? Ведь для него открыты пути обратно в понтийские земли! Было бы очень странно, если бы отец не воспользовался уходом Помпея и не вернулся в свое царство!

— Думал я и над этим, царевич! Хотя мы и не знаем, почему ушел Помпей из понтийских и кавказских земель, но нужно предполагать, что он получил приказ от сената. Помпей — воин, приказано идти в Сирию — он пошел! Но, уходя, сам видишь, оставил Сервилия с флотом, с целью запереть Митридата со стороны моря! И, наверное, оставил часть войск, которые должны отрезать царю все пути на юг, в свое царство! Большие эти войска или малые, Митридату надо воевать с ними, а чтобы воевать, нужны люди, провиант, оружие! Все это он мог бы получить здесь, на Боспоре!

— По-твоему выходит, — с явной нервозностью заключил Махар, — что нам опять-таки надо ждать Митридата в гости? Что ж, поход на Рим через Скифию — его давняя мечта!

Фрасибул видел, что при одной мысли о возможном появлении Митридата с войском у стен Пантикапея Махар меняется в лице, и поспешил успокоить его:

— Едва ли Митридат располагает такими могучими ратями, которые были бы способны преодолеть скифские запоры, то есть горные перевалы, занятые враждебными племенами! Он мог бы пробраться к нам морем, но Сервилий препятствует этому. Сервилий топит боспорские корабли — это плохо, но он защищает нас от вторжения Митридата — это хорошо! Вот, по моему слабому разумению, и получается, что Митридату нет пути ни на юг, ни на север! Дни его сочтены!

— Стало быть, и Сервилий не враг мне?

— Думаю, что не враг.

— Но боспорцы кричат славу Митридату и проклинаят Рим и Помпея! Ты не думаешь, что кто-то мутит народ?

— Допускаю, что в городе могут быть тайные люди от Митридата?

— Посланцы отца? — встрепнулся Махар.

— Да, — уклончиво ответил Фрасибул, — но это лишь моя догадка.

— Надо учинить облавы на рынке и в нижнем городе! Всю рвань — на работы за город! Подозрительных — на пытку, а коли выявятся лазутчики, казнить их лютой смертью!

— Слушаю и повинуюсь, государь мой! Все будет исполнено.

— Иди, оставь меня.

Отпустив Фрасибула, Махар наливал чашу за чашей, пил вино, как воду, но хмель не брал его. От дум ломило голову. Пойдет ли Митридат на юг с целью восстановления своего царства или попытается пробраться на Боспор — разница небольшая. В том и другом случае положение остается отчаянным. Незадачливому правителю казалось, что произошло страшное недоразумение. Его ослепление римскими победами, наивная уверенность в скорой гибели отца представлялись сейчас прискорбным заблуждением. И вот он, старший и лучший сын Митридата, его опора и наследник, так нелепо и безрассудно оказался в стане врагов!.. Более того — те, что восхваляли его за измену отцу, сейчас готовы с приветственными криками встречать Митридата! Подлая и неверная община пантикапейцев!..

Думая так, Махар не делал разделения боспорцев на сохранивших ему преданность и тех, которые кричат на рынке славу Митридату. Ему казалось, что все они в сговоре — купцы, архонты, жрецы и чернь! Они лишь выгадывают время и ждут удобного часа для открытой измены! А может, уже связались с Митридатов через тайных людей!.. Боги! Да что же это такое?

Отяжелев от вина, правитель одиноко бродил по палатам дворца, уже не способный к ясному мышлению. Ему почему-то все время приходил в голову Асандр.

— Куда скрылся этот лис в образе человека?! — раздраженно вскричал Махар, останавливаясь перед окном. — Не он ли содействовал всему тому, что свершилось, называя измену «царственным» выходом из положения?

Сквозь хмельной туман вдруг пробивалась предательская мысль, от которой сразу становилось душно: а что, если помириться с отцом?.. Как все было просто

и понятно, когда он был ставленником Митридата! Попытаться вернуть это?.. Нет, отец не простит изменника сына, да и римляне не за тридевятью горами. Сирия не так далеко, а у Рима не одно Помпеево войско! Длинные руки у «вечного города». Но почему же эти руки не хотят его поддержать?..

Тяжело думать самому, искать выхода и не находить его, не знать, на кого опереться!

И неожиданно для себя сделал вывод, что пришло время вернуть опального Асандра во дворец, проявить к нему милость. В любом случае этот человек окажется кстати. Он умен и обладает способностью разгонять мрачные мысли. Он пользовался влиянием среди жрецов, он пригодится, если придется вести переговоры с отцом! Теперь его близость к дворцу уже не будет дурно истолкована кем-то. Римлян, которые могли бы косо посмотреть на основателя фиаса евпатористов, на Боспоре нет!

III

Весть о желании царевича вновь увидеть Асандра сразу облетела Пантикапей. Аристоксилиты насторожились, стараясь разгадать, что это значит. Особенно был встревожен Фрасибул, который расценил это как первый шаг Махара на пути к примирению с отцом. Фрасибул знал, что в случае такого примирения он ответит за все!.. Царь не простит ему того, что он, как советник, не только не удержал Махара от измены, но сам ездил за море к Лукуллу с венком из золотых монет, явился посредником между Махаром и римлянами! Это Митридату хорошо известно. Если он явится на Боспор, то не замедлит посадить на кол незадачливого и неверного слугу... Нет, допустить примирения Махара с отцом нельзя! Да еще при посредничестве ненавистного Асандра, который хочет обойти его, Фрасибула, возвыситься и на его гибели построить свое благоденствие! Одна мысль об этом была невыносима.

Надо действовать, пока не поздно!

Состоялась келейная беседа Фрасибула с Парфеноклом, который также ненавидел Асандра и готов был действовать с персом заодно. Но архонт не мог определить своего отношения к возможному примирению Махара

и Митридата. После беседы с Фрасибулом он направился за советом к Левкиппу.

Старый жрец выслушал его и ответил своим тягучим, проникновенным голосом:

— Примирение с Митридатом было бы несчастьем для Боспора! Тогда все мы опять окажемся игрушкой в руках безумного царя, который бросил нас, как охапку дров, в угасший ныне пожар римско-понтийской войны! Мы разделим участь гибнущего Митридата и после его окончательного падения ответим за его дела перед Римом! Ибо не одолеть Митридату Рима! Поэтому надо удержать Махара от рокового шага и не позволить ему пойти на мировую с отцом! Рим вечен, могуч, он рано или поздно наложит свою руку на Боспор!

— Что же нам делать?

— Надо ободрить Махара, поддержать его, дабы он почувствовал, что мы за него! Нужно послать к нему людей с дарами и заверить его, что Пантикапей и все города верны ему и хотят видеть его своим правителем. Это его успокоит, и он перестанет искать выхода в разрыве с Римом!

— Значит, мы будем обороняться от войск Митридата?

— Войска Митридата сюда не проникнут. С моря их не пустит Сервилий, а с суши преградят путь горные племена! Сейчас главное — не допустить, чтобы Махар сам протянул руку отцу! А дальше — боги подскажут, что делать!

— Так. Но как же быть с Асандром?.. Он завтра будет во дворце!

— С Асандром я встречусь и поговорю. Он верный сын Пантикапея и слуга его богов...

Асандр прибыл в Пантикапей верхом на лошади, в сопровождении Гиерона. Сразу же был приглашен к Левкиппу, с которым беседовал более часа. Перед уходом из храма жрец благословил его и сказал торжественно:

— Да помогут тебе боги!.. Махар не должен примириться с отцом!

Прежде чем явиться во дворец, Асандр завернул в свой городской дом. С помощью слуг привел в порядок одежду, напмадил волосы и, глядя в металлическое зеркало, старался придать своему лицу выражение беззаботности и довольства.

Когда он ступил на дворцовую лестницу, то вновь выглядел тем беспечным гулякой, каким его раньше любил видеть Махар. От него пахло благовониями и старым вином. Представ перед правителем, он протянул к нему руки с возгласом благожелательности и радости, словно не удержавшись от нахлынувших чувств.

— Приветствую тебя, господин мой! — произнес он весело и тут же про себя заметил, что царевич постарел и обрюзг.

— Ну? — встретил его Махар с некоторой колкостью. — Хотелось бы мне сейчас услышать твои предсказания, неудачный авгур и отгадчик мыслей!

— Я счастлив видеть тебя вновь, преславный царевич! Ты, к счастью моему, все так же молод, и в глазах твоих горит все тот же огонь страсти и мудрости! И шутки твои неистощимы, они острее стрел!

На эту явную лесть правитель ответил снисходительной усмешкой. Он в свою очередь заметил, что Асандр стал старше и лицо его обтянулось. Только глаза сверкали по-прежнему, в них отражались те удаль и склонность к разгулу, которые всегда нравились царевичу.

«Похоже, он не затаил на меня обиды? — подумал Махар. — Да, собственно, за что он посмел бы на меня обижаться! Бедняк, живущий подачками, маленький человек! Разве такие могут быть опасны для правителей и царей?»

«Ясно, что царевич выбит из седла и теперь ищет, на кого бы опереться, чтобы не свалиться с ног!» — в свою очередь решил Асандр, стараясь предугадать дальнейший ход их беседы.

— Известно ли тебе, как моему советнику, — начал Махар, прохаживаясь по светлице, — что римляне вдруг оказались в Сирии, а Сервилий опять топит наши корабли?

— Слышал об этом, преславный царевич!

— Тогда тебе ведомо и то, что царь Митридат пребывает в Диоскуриаде и, как говорят, полон боевого духа, здоров и мечтает перешагнуть через скифские перевалы и ступить ногой на землю Тавриды?

— Дошло до меня и это, — подтвердил Асандр с осторожностью.

— Так вот, не кажется ли тебе, что тот, кто бросает камень в облако, получает его обратно прямо в темя? А?..

Махар хотел рассмеяться, но лишь некрасиво оскалился.

Такое вступление показалось Асандру не обещающим ничего хорошего. Махар был явно подавлен и преисполнен страха перед отцом.

— Если бросающий камень стоит на горе, выше облака, то ему нечего бояться за свое темя,— ответил Боспорец как бы шутя.

— Э, друг мой, ты мастер говорить, я это знаю! Ты и раньше пытался видеть дальше всех и туманил мне голову рассказами о «царственном выходе»! Не так ли?

— Нет, не так, Махар! — с той же фамильярностью ответил Асандр, воздевая руки кверху.— Я лишь повторял вслед за тобою то, что ты задумал и решил! Ты слишком мудр, чтобы слепо следовать чьим-то советам. Не я, а ты видел так далеко, как мне и не снилось! Ты предугадал разгром Понта и победу римлян. И вовремя спас Тавриду от карающей руки Рима! Твои решения единственно правильны, ибо навеяны волей богов! Ты сделал смелый ход, ты пожертвовал своей преданностью отцу ради спокойствия государства, которым управляешь!.. Это было мудро, это было смело и достойно твоего величия! Пять лет прошло с тех пор, как ты предложил Риму дружбу. Многие государи, процарствовав спокойно пять лет, считают свое царствование удачным! Ты же управляешь Боспором в мире пятнадцать лет! Почему же ты хулишь прошлое? Разве оно себя не оправдало?

Царевич слушал уверенную и гладкую речь Асандра настороженно и жадно.

— Да,— кивнул он головой,— прошлое себя оправдало, но лишь на короткое время... Мы, сами того не зная, катились в бездну, воображая, что взлетаем к небесам! Мы мирно дремали в доме, охваченном пожаром! Это ли удача, о которой ты говоришь?

Последние слова он почти выкрикнул с неожиданной резкостью.

— Ай-ай, Махар! — ответил Асандр с мягкой укоризной.— Ты всегда восхищал меня своей мудростью и рассудительностью! А сейчас готов пойти на поводу у разгоряченного сердца! Прости, но я вижу в этом Ахемена! Да! Наследственная пылкость!.. Всему миру известна горячность твоего отца, ты такой же!.. Но, скажу

тебе, не способность к взрывам страсти сделала твоего отца сильным! Как раз наоборот! Сильным его сделало умение держать сердце в узде рассудка! И я уверен, что если мы с тобою спустимся в тот погребок, где стоят вина, и усядемся около большого пифоса, то, хлебнув из чаши и отведав шашлыка, ты сразу станешь иным!

Асандр соблазнительно чмокнул губами и зажмурился, как бы смакуя старое вино.

— Подожди,— отмахнулся Махар, чувствуя, однако, что его внезапная гневливость вдруг рассеивается, как туман при восходе солнца,— продолжай свою речь, я хочу выслушать тебя до конца!

— Ты прекрасно знаешь, что минувшие пять лет не были для всех нас бесплодными! О каком пожаре и о какой бездне ты говоришь? Да, был пожар — это война Понта с Римом! Да, катился в бездну великий царь Митридат, ибо боги предопределили его поражение! А ты благополучно управлял Боспором и добился его процветания! Ты своевременно избежал ненужной для тебя войны, ты спас жизнь и имущество целым народам и городам, ты — спас Боспорское царство! И достоин всяческого восхваления!

— Восхваления? — опять взъярился Махар.— В городе подлые люди сговариваются встретить Митридата с почетом! Это ли восхваление?.. А то, что среди знатных боспорцев есть такие, которые хотели бы схватить меня и выдать отцу, чтобы ценой моей головы выкупить себе прощение,— это тоже восхваление?

Асандр улыбался, безбоязненно смотря в глаза Махару.

— Опять заговорило твое сердце! — сказал он дружеским тоном.— А разум умолк! Сразу видно, что ты сегодня не ел шашлыка и не пил заморского! Пока ты не прочистишь души глотком вина, мы не пойдем друг друга! Ты так говоришь, словно не знаешь, что большим людям суждены и большие испытания!.. И только люди ничтожные и глупые полагают, что жизнь правителей и царей безмятежна! Нет, чем выше взлетел человек, тем больше у него врагов, ненавистников, тайных недоброжелателей! Твой отец был величайшим царем, но всю жизнь ожидал из-за угла предательского удара, боялся отравления и пресекал измену!

— Ты опять упоминаешь об отце так, будто он умер! А он здравствует!

— Говорил и повторяю: хотя Митридат еще не ушел в царство теней, как великий царь он давно мертв! И тот, кто достоин, наследует ему. Боспор в твоих руках с его людьми, городами и богатствами! Царство большое! Твой предок Митридат Третий, основатель Понтийского государства, начал с меньшего! Не так ли?

— Так-то так... Ты, Асандр, неплохо знаешь родословную понтийских царей, разбираешься и в делах государственных. Вот и скажи — что делать дальше?

— Управлять Боспором! Заметь, преславный Махар: сейчас ты уже не подданный своего отца и не зависишь от Рима! С отцом ты порвал, а Рим отрекся от тебя! Это освобождает тебя от всех обязанностей перед ними. Ты остался один на престоле! Боги знают, что делают. Они дают тебе испытания с той же целью, с какой кузнец кладет кусок железа сначала в пылающее горно, а потом в воду! Они хотят сперва закалить тебя, а затем вручить тебе судьбу Боспора! Да, возможно, и не только Боспора! Кто знает, они еще возложат на тебя великое бремя восстановления царства Митридата!.. Так покажи, чего ты стоишь в минуту затруднений! А обвинять друзей и соратников в плохих советах — в твоих ли правилах? Если бы все повторилось, разве ты не поступил бы так же, как раньше?.. Или ты выбрал бы горестный путь участия Боспора в войне, в которой сгорели бы и Боспор, и ты сам?! Нет, ты отсрочил войну на Боспоре на пять лет, и это не будет забыто ни боспорцами, ни их богами!

— Гм... Это все?

— Нет, не все! Остались вино и шашлык!.. Не вытягивай из меня, Махар, того, что тебе известно лучше, чем мне!

Махар неожиданно повеселел, рассмеялся и сказал:

— Кажется, я и впрямь возжаждал! Пойдем в погребок!

В тот же день во дворец явились представители пантикапейской общины с дарами. Они торжественно заверили Махара в своей преданности ему как правителю. И заявили, что будут по-прежнему поставлять провиант его войску, дабы оно было в состоянии отразить натиск любого врага.

Это ободрило Махара, он вновь ощутил под ногами твердую почву и увереннее глядел в будущее. Однако ночью, поразмыслив как следует, пробормотал с оттенком досады:

— Они называли меня своим правителем, но ничем не намекнули на царскую диадему!.. Ну да это дело будущего!

И, повернувшись на другой бок, уснул так крепко, как не спал уже давно.

Страшный демон неуверенности и одиночества покинул его покой.

IV

С возвращением Асандра во дворец Махар изменился, повеселел. В городе стало известно, что бывшие фиазиты-евпатористы опять устраивают шумные ночные попойки с танцами и песнями.

Но Махар понимал, что возврата назад нет. И, несмотря на льстивые заверения окружающих, был полон дурных предчувствий. Мысль о том, что Митридат готовится проникнуть на Боспор, гвоздем сидела в голове. Теперь римляне не помешают этому. Помпей далеко, Сервилий слаб... Тревога охватывала душу. Но Асандр и веселые сотрапезники славил его, курили ему фимиам лести и неумеренных похвал. И одуряющий поток сладких речей действовал. Махар успокаивался и подставлял чашу под струю терпкого кавказского вина. Асандр сам наливал ему чашу за чашей, а царевич, не считая их, пил до дна.

— Твое будущее светло и ясно, как морская даль в погожий день! — твердил Асандр. Погляди туда, за море! Все страны покорны Риму, твоему другу! Что осталось Митридату? Городок Диоскуриада?.. Но и там он окружен враждебными племенами! А с моря ему угрожает Сервилий! Своего флота у царя нет, а если бы и был, Сервилий потопил бы его корабли! А на юге — враждебный ему Тигран, да и Помпей ненадолго ушел в Сирию, он вернется!

— Но почему Помпей поступил так опрометчиво и к тому же беспечно? — бормотал царевич сквозь хмельной угар.

— Помпей не мог преодолеть перевалы, его войско утомилось, провианта не было, добычи тоже! Войско же лишь тогда сносит лишения, когда они восполняются победой и богатой добычей! А на Кавказе его ожидали лишения без побед! В Сирии римлян ждут победы и богатства, там воины Помпея нагуляют жир, насытятся грабежом и насилием! Там еще не тронутые войной области, богатые хлебом и скотом! Вот он и пошел туда!

— Но этим он дал Митридату передышку, отец опять соберет войско!

— Тогда Помпей вернется! Как мы теперь узнали, он ничего так не желает, как встретиться с Митридатом в настоящем бою! Он сказал, что Митридат в бегстве страшнее, чем на поле битвы, ибо за него воюют горы!

— Митридат попытается проникнуть на Боспор!

— Нет, Махар, этого не будет! Скифские запоры крепки! Это непроходимые горы и страшные горные племена! Не пропустят они царя с его голодной ратью через свои земли! Митридату суждено погибнуть в Диоскуриаде, об этом говорят все жертвенные гадания. Я слышал, что его люди едят человечину. Конец его близок!

— Дай-то великий Зевс! — мямлил пьяный Махар. — Да будет так!

И в приступе внезапного веселья и удали хлопал Асандра по плечу с криком:

— Эй-ла!.. Гуляй, пей!

Пиры и многоконные выезды на охоту сменялись вновь жаркими ночными кутежами в узком кругу собутельников и веселых портовых гетер, которых поставляла Евпория, теперь главная жрица Афродиты Пандемос. Она еще больше раздобрела, даже разбогатела, внесла выкуп за себя в храмовую казну и стала считаться вольной. Продолжала пользоваться покровительством Махара при снисходительно-терпеливом отношении городских властей.

О фиасе евпатористов уже не вспоминали. Все, что его облагораживало и возвышало, умерло вместе с культом Митридата. Осталось лишь беспробудное пьянство и неприкрытое сластолюбие. Махар и его компания прожигали жизнь, стараясь не думать о завтрашнем дне.

Злые и насмешливые люди в городе говорили — правда, не очень громко:

— Раньше Махар был жрецом и оргиастом, а теперь он просто пьяница и бабник!

V

Человек бросил на дощатый прилавок медную монету и получил взамен ячменную лепешку и две луковицы. Не обращая внимания на мятущуюся толпу, стал жевать, смачно хрустя луком.

Он был одет в скифские штаны и постолы из сырой воловьей шкуры. Через плечо висела старая суконная хламида. Его можно было принять за воина, отпущенного из войска после похода и теперь проедающего скудное войсковое жалованье. Широкое лицо его, небритое, заросшее колючей бородой, по самые глаза закрывали спутанные, грязно-русые волосы, выбивающиеся из-под старого войлочного колпака.

Продолжая жевать, он толкался среди разномастного люда, казалось, не интересуясь ни куплей, ни продажей. Это и понятно — у таких продавать нечего, а покупать не на что! Пантикапей был переполнен бесприютными людьми, живущими случайными заработками, однако гордыми своим званием людей свободных, которым для полного благополучия не хватало лишь какой-нибудь собственности, приносящей доход.

Однако внимательные водянисто-голубые глаза довольно осмысленно шарили по лицам сотен людей, как бы выискивая кого-то. Когда появлялись рыночные астиномы с палками в руках, он предусмотрительно избегал встречи с ними, равно как и тех вопросов, которые эти люди любят задавать. Сохраняя внешне безразличный вид, с вниманием прислушивался к крамольным крикам толпы, громогласно возвышающей славу царю Митридату, заступнику и предстоятелю Боспора.

Новые слухи о потоплении боспорских судов римлянами обострили обстановку в городе. Притихшие ненадолго боспорские граждане вновь зашумели. Атмосфера накалялась быстро, не предвещая ничего доброго.

— Надо пойти всем дружно к акрополю и просить правителя Махара примириться с отцом! Тогда и Митридат будет более милостив к нам, поддержит нас! — предлагал высокий боспорец в скифском колпаке и старом кафтане.

— Мы попросим Митридата, чтобы он полонил Сервилия и потопил его пиратские суда! — вторил ему другой, в одежде побогаче.

Более осторожные стояли поодаль или, махнув рукой, спешили уйти от крикунов и избежать беды. Но число любопытных росло, отовсюду бежали люди поглазеть и послушать, а то и принять участие в словесном бунте против Рима и его ставленников. В ответ на крамольные выкрики появились группы вооруженных людей в

железных шапках, с копьями. Они следовали за астиномами, которые с решительным видом размахивали палками.

— Кто такие? — грозно спрашивали они. — Почему шумите на рынке? Чего народ мутите?

— Граждане мы, пантикапейские общинники!

— И купцы!

— И мастеровые!

— Римляне топят наши торговые суда, пускают ко дну труды наши! Разве это закон?

Понтийские воины схватили было крикунов за руки, намереваясь увести на допрос, но толпа зашумела и стала проявлять признаки опасного возбуждения.

— Оставьте, не касайтесь свободных пантикапейцев! — закричали все разом.

Общинники Пантикапея пользовались полной свободой выражения мнений в пределах города, и правитель Махар не мог «хватать» их по своему произволу. Их судил суд общины, если в этом была нужда.

— Мы не рабы и не иноземцы, чтобы нас неволить!

В воздухе просвистел первый камень. Астиномы что-то разъясняли воинам с озабоченными лицами. Те неохотно отступили. Старший все же постарался узнать имена зачинщиков и подстрекателей уличной смуты, запомнить их лица.

Человек продолжал доедать свою лепешку. Усмешка искрилась в его прищуренных глазах. Вдруг он увидел юркую фигуру с корзиной в руке, что вынырнула из толпы. Корзина с зеленью и дешевая одежда выдавали слугу, закупающего продукты для хозяйского стола. Слуга с большим интересом взирал на мятущихся горожан и прислушивался к их разговорам.

Волосатый человек подошел к нему сзади и, положив руку на его плечо, спросил сдержанным басом:

— Гиерон, почему же ты не кричишь? За кого ты — за римлян или за царя Митридата?

Корзина выпала из рук слуги, он в изумлении оглянулся и, всмотревшись в небритое, грязное лицо незнакомца, не удержался от восклицания:

— Ой-ой! Не сплю ли я?.. Это ты, Евлупор?

— Тсс... Был Евлупор — и нет его!.. Называй меня Кир! И считай меня человеком пришлым! Воин я и намерен стать в ряды войска Махара!

— Так, так!.. Кир! Да как ты посмел сунуться сюда, волку в пасть? Тебя с твоей щетиной и светлыми глазами сразу опознают — тогда прощай твоя свобода! Или ты сошел с ума? Ты бежал из этого города и сам же вернулся обратно, в хозяйские лапы!

— Тише говори, а то и впрямь кто услышит. Я уже третий день шатаюсь здесь, в нижнем городе, сплю в порту под старой лодкой, все чаю тебя увидеть. Вот и увидел!

— Что ты хочешь делать? Может, ты соскучился по эргастерию Парфенокла и его палкам?

— Не то, Гиерон. Прибыл я морем от самого Митридата!

— От Митридата?.. Разве он жив и действует?

— Послушай, все кричат ему славу. Значит, жив! Больше того — собирается в Пантикапей!

— Вот это новость! Да как же он пройдет через эти самые, как их... через горные проходы?.. Ведь они непреодолимы.

— Для великого царя все преодолимо! Я немного обогнал его. Он послал меня с письмом к сыну Махару! Помоги мне передать письмо так, чтобы никто не знал! Ты силен на выдумки!

— Ай-ай! Боги мои, как страшно! Да ведь за это нас обоих — на кол!

— И это возможно, если ты будешь дальше расспрашивать меня посреди рынка! Устрой меня куда-нибудь в надежное место, там и поговорим!

Их прервали. Крики усилились, на площади опять появились стражи Махара и вооруженные ратники из загородных лагерей. Они стали окружать рынок, имея намерение проверить людей, которые осмелились славить Митридата, а также выловить бродяг и подозрительных крикунов, не принадлежащих к городской общине. Положение стало угрожающим.

— Схватят тебя, — опасливо промолвил Гиерон, поеживаясь в страхе.

— Надо куда-то уйти отсюда. Поспешим!.. Лучше в порт!

— Ты прав. Бежим к порту, с той стороны еще не видно стражи!

Они кинулись в дальний конец рынка и исчезли в толпе.

VI

Облава распространилась на весь «нижний» Пантикапей. Новые и новые отряды Махаровой гвардии появлялись в переулках, задерживали прохожих. Общинников тут же отпускали, а людей без роду и племени хватали, крутили руки за спину, волокли куда-то с ругательствами, подкрепляемыми пинками и ударами ножен.

Гиерон сообразил, что дело оборачивается серьезнее, чем казалось вначале. Пока он докажет, что он слуга почтенного хозяина, ему придется испытать большие неприятности. Встреча с Евлупором усугубила обстановку. Если его схватят одновременно с тайным посланцем Митридата, то обвинят в связи с врагом! А это пахнет уже не батогами и не ночевкой в той серой башне, которой все боятся, как преисподней. Его потянут на дыбу и применят пытку огнем!.. Нет, надо попытаться избежать встречи со стражей, спрятаться куда-нибудь!

Опасность и страх придали сил Гиерону. Он понуждал Евлупора бежать быстрее. Ему казалось, что они не успеют выбраться из кольца облавы.

Им удавалось юркнуть в знакомый переулок, который вел к портовой части города.

— Скорей! Скорей! — задыхался Гиерон, не привычный к долгому бегу.

— Можно не торопиться, — ответил Евлупор с мрачным спокойствием, — впереди я вижу воинов, они преградили нам путь!.. Если схватят, скажу: «Ведите меня к самому Махару!»

С этими словами он ощупал за поясом самое дорогое — скиталу царя Митридата. Гиерон схватил его за руку.

— Ого! — вскричал он. — Ты думаешь, что все так просто? Да прежде, чем тебя допустят к Махару, из тебя жилы вытянут, чтобы узнать правду! Пойдем сюда, тут есть лаз!

Оба нырнули в кусты около повалившегося забора. Наткнулись на колючую живую изгородь, но она не остановила их. Ободравшись до крови, пробрались в соседний переулок и оказались перед тенистым садом храма Афродиты Пандемос.

— Слава богине! — возликовал Гиерон, преодолевая одышку. — Она спасет нас!

Они вбежали в сад, окружающий ветхое строение храма, распугали священных кур и чуть не наступили на пьяных, храпевших под кустами.

— Стой,— прошептал Гиерон.— Теперь надо идти спокойно, а то сразу выдадим себя. Гляди весело, будто мы во хмелю и пришли поклониться богине и совершить жертвоприношение!

Обнявшись, друзья негромко затянули пьяную песню, стараясь принять вид беспечных гуляк. Проследовав по аллейке, они увидели служительниц богини и приветствовали их, потом обратили лица к храму и приложили руки к сердцу в знак уважения к Афродите.

— Вы что, хотите сделать посвящение богине? — спросила появившаяся вдруг вертлявая женщина с черными глазами. Это была младшая жрица, хорошо известная Гиерону как завистница и тайная соперница Евпории.

— Да, уважаемая Итона, да! — ответил он, беззаботно улыбаясь.

— А, это ты, Гиерон? — отозвалась Итона, вскидывая подведенные брови.— У тебя завелись деньги? Дай их мне, я передам твой дар богине!

— Спасибо, сестрица, ты очень добра! Но я и мой друг хотим поклониться богине сами! Мы вручим наш дар Евпории!

Итона досадливо повела плечом, изобразив на смазливом лице презрительную гримасу. Удаляясь, бросила испытующий взгляд на оборванца, которого Гиерон называл другом.

— Хитрая и ревнивая,— кивнул головой Гиерон,— ее опасайся!

Войдя в храм, оба были охвачены чувством безмятежности и тишины. Здесь пахло остывшим дымом ароматных курений и гнилым деревом. Увидев в сумраке усмехающуюся каменную физиономию богини, сделали вторично жест приветствия и остановились в почтительных позах. Их сердца стучали так громко, что казалось, богиня слышит их биение. Прислушались к звукам извне.

— Кажется, около храма воинов еще нет! — сказал Гиерон.

Появилась Евпория, которая выглядела как живая богиня, красивая и дородная, одетая в ниспадающие жреческие одежды, с цветком в руке.

— Евпория, Евпория! — с живостью обратился к ней Гиерон. — Ты знаешь, что на рынке облава? Хватают всех подряд! Я еле спасся. Помоги нам обоим спрятаться до темна, а потом мы уйдем отсюда! Ты же понимаешь, если я попаду в руки Парфенокла, он мне припомнит все!

— Понимаю, понимаю, — чуть сморщилась Евпория с неудовольствием, — ты любишь затруднять меня неожиданными просьбами. К тому же ты не один!

Она не очень доброжелательно оглядела с головы до ног оборванца, которому не место в храме, ибо он грязен и не имеет гроша за душой. Более того — он может что-нибудь стащить и этим разгневать богиню! Евпории к тому же не хотелось навлекать на себя подозрение в порочащих ее сан связях. Как-никак теперь она была старшей жрицей, женщиной свободной, поддерживаемой милостями Махара!.. Правда, она попала сюда не совсем почетным путем — ведь ее из дворца сплывили недруги. По их проискам Махар решил удалить ее от своей особы и нашел ей место в храме Афродиты Пандемос, где жрицей могла быть каждая красивая женщина, даже бывшая рабыня. Но все же положение хозяйки в храме было высоким и довольно независимым. Рисковать им было бы неразумно.

— Евпория, — продолжал Гиерон, видя ее колебания, — да ведь это Евлупор!.. Тот Евлупор, о котором я тебе много говорил. Он был воеводой у царя Митридата!

— Евлупор? — изумилась жрица, уставясь на странного пришельца широко раскрытыми глазами. — Да полно, он ли это? Разве воеводы ходят в лохмотьях, с грязью на щеках?

— Ходят, почтенная жрица, — ответил Евлупор, сдерживая могучее гудение своего голоса, — ходят, если не хотят, чтобы их узнали! Ты же знаешь, что я был рабом в этом городе!

— Да?.. Зачем же ты вернулся? Ведь хозяин схватит тебя и распнет на перекладине, по-римски!

— Вот потому-то мы и пришли к тебе, — вмешался Гиерон с нетерпением. — Евлупор — тайный посланец Митридата!

— Ах!..

— Да! Ему надо вручить Махару скиталу от отца. От этой скиталы зависит, быть ли Пантикапею или лежать в развалинах!

— Боги мои! Что это ты говоришь?

— Я говорю дело. Митридат с войском уже близко, хотя здесь никто этого не знает! Придет великий царь и снимет головы изменникам и врагам своим! А тех, кто ему содействовал, наградит! Он шлет письмо сыну, и надо помочь Евлупору проникнуть к Махару втайне от всех!

Евлупор достал из-под лохмотьев продолговатую шкатулку черного дерева. С замиранием сердца Евпория увидела золотой герб Ахеменидов — солнце над поверженным полумесяцем.

— Теперь веришь? — спросил Гиерон с некоторой колкостью.

— Верю, — ответила жрица, опасливо оглядываясь.

Ей пришло в голову, что Гиерон и его друг люди совсем не такие малозначительные, как это можно было подумать. А Гиерон всегда появляется у нее с каким-нибудь удивительным делом или сообщением. Ей и раньше думалось, что боги как-то влияют на поступки этого человека и ей не остается ничего другого, как следовать их тайным предначертаниям.

— Вы хотите, чтобы я спрятала вас обоих дотемна? — спросила она в раздумье.

— Да, да, Евпория, поторопись! Разве ты не слышишь, за оградой будто люди говорят и звякает оружие?

— Это очень опасно! Но да поможет нам великая богиня!

Она повернула голову к статуе Афродиты с немимым вопросом, как бы прося ее разрешения. Богиня ответила на ее вопрос все с той же, что и всегда, застывшей улыбкой.

— Богиня дала свое согласие! — торжественно молвила Евпория и жестом увлекла за собою обоих друзей в низенькую дверцу, почти незаметную для посетителей. Они оказались в кладовке, где хранились факелы, масло для светильников, разная рухлядь.

— Оставайтесь здесь, не шумите, я запру вас!

Евпория оставила их, звякнула ключом и, пройдя мимо статуи, вышла на освещенное крыльцо храма. Увидела группу воинов — они беседовали с Итоной. Младшая жрица делала быстрые жесты, указывая на двери храма.

Воины приблизились и спросили, где находятся двое подозрительных людей, о которых им сообщила Итона.

— Кого вы ищете? — спросила Евпория с достоинством.

— Смутьянов! Мы задерживаем всех, кто не имеет боспорского гражданства, рабов и бродяг, выпрашиваем, кто они, откуда. Вот молодая жрица сказала нам, что двое зашли в храм — Гиерон, раб Асандра, и какой-то оборванец. Где они?

— Гиерон приходил, он передал мне от хозяина дар для богини. Дар, золотую монету, я приняла! А второго я совсем не знаю, — это носильщик, его Гиерон будто бы нанял нести корзину с покупками!

— Где они сейчас?

— Доблестный воин! — ответила жрица довольно высокомерно. — Храм не убежище для бродяг и рабов! Каждый, кто совершил обряд и принес жертву богине, покидает храм! Он может задержаться в садике, поговорить со служительницами, отдохнуть на траве, но в храме — никогда! И если вы хотите оскорбить богиню и потом быть наказанными утратой вашей мужественной силы, идите в храм с вашими копьями и грязными чувяками!

Она с оскорбленным видом отошла от двери, как бы давая проход воинам. Те переглядывались и топтались на месте в нерешительности. Старший обратился к Итоне грубым тоном.

— Ты нам говорила о двух бродягах, так помоги найти их!

Итона встретила взглядом с Евпорией и смутилась. Как-никак Евпория была старшей над нею, а со старшими приходится считаться.

— Значит, они успели уйти, — пожалала она узкими плечами и тряхнула волосами.

— Куда они ушли?

— Мне кажется, они ушли через заднюю калитку, — спокойно ответила Евпория и удалилась под своды храма, не желая вести дальше разговор.

Воины посоветовались и направились к заднему выходу из храмового двора.

— Плохо, Итона, — сказала старшая жрица младшей после ухода стражи. — Плохо, что ты вместо служения богине гневишь ее своими неосмотрительными словами и поступками! Привлекла воинов к храму, чуть не опо-

зорила жилище богини грязными подозрениями и даже насилием этих скотов!

— Они сами пришли!

— Но не сами решили, что в храме скрываются якобы чужие люди! Какая ложь! Стыдись, Итона!

VII

Сидя в полутемной кладовке, друзья беседовали. Гиерон опять выразил удивление тому, что Евлупор решился рискнуть головой, дал согласие на опасное посланничество.

Евлупор лишь усмехнулся в ответ.

— А что мне оставалось? Ведь свобода моя в руках Митридата! Что он прикажет, то я и должен делать!

— Ты прав, у царя — все рабы, я хорошо понял это!

— Э, Гиерон, той свободы, когда человек ни от кого не зависит, не было и нет!.. Раб во власти хозяина, а пират боится как огня своего пьяного вожака! Так уж лучше служить великому государю, власть которого — от богов! Вот я и решил: пока жив, буду верен Митридату! Сейчас для меня важнее всего передать царскую скиталу Махару, и ты помоги мне!

— Думаю, тебе надо обратиться или к Евпории, она вхожа во дворец, или к Асандру, хозяину моему! Без этих людей не обойдешься!

— Подумаю над этим. Но Митридат сказал, чтобы втайне! Понимаешь?.. Видимо, он и Асандру не доверяет!

— Не знаю, кому он доверяет, но один ты не проникнешь к Махару, нужны верные люди! Вернее Евпории и Асандра не найдешь никого!

Когда настала ночь, слышались шаги и звякнул замок. Вошла Евпория с бронзовым светильником в руке. Она принесла хлеб и кувшин с водой.

Смотря, как друзья утоляют голод и жажду, добавив к хлебу луковицы из корзины Гиерона, Евпория с любопытством останавливала взор на медведеподобном царском посланце. Рассматривая его воловью шею и тяжелые сильные руки, думала, что этот может постоять за себя.

— Через час уйдем, — сказал Гиерон, продолжая жевать. — А тебе великое спасибо!

— Куда вы пойдете ночью? Всюду ходят воины, хватают каждого, кто появится в неурочное время!

— Нам надо пробраться в дом хозяина!

— Едва ли удастся. Схватят вас, и царское письмо попадет совсем не в те руки!

— Это было бы несчастьем! — ответил Евлупор. — Но Гиерон прав, оставаться здесь бесполезно, да и небезопасно. И с тебя надо заботу снять. Иначе ты окажешься в ответе за наши дела.

Евпория подумала, потом сказала:

— Если вас схватят на улице, то все равно до меня доберутся. Оставайтесь до утра. С рассветом, когда народ выходит на улицы, вы проберетесь в дом Асандра.

— А не поможешь ли ты передать Махару отцовское послание? — спросил Евлупор.

— Не знаю, как это сделать, ибо совсем редко бываю во дворце.

Она погасила светильник и оставила друзей, не заперев каморки. Пока она пробиралась к выходу, протянув руки во тьме, раньше ее из храма выскользнула бесшумная тень женщины, закутанной в покрывало. Незнакомка сбежала по ступеням и притаилась за деревянной колонной. Старшая жрица не заметила ее. Выйдя из храма, Евпория лишь притворила двери, не щелкнув ключом. Потом прошла мимо колонны, коснувшись ее рукой, и при свете мерцающих звезд направилась к своему домику по аллее храмового сада.

VIII

Среди ночи в дом Парфенокла постучался одинокий человек в рваном плаще и нахлобученном на глаза войлочном петазе. Стражи осветили его факелами и, узнав Жабу-Клитарха, хотели угостить его палками. Но тот надменно усмехнулся и заявил, что принес для архонта известие, которое стоит горсти серебряных монет.

— Достойный Парфенокл, — добавил он хриплым голосом, — не простит вам, если вы прогоните меня. А к утру птичка может улететь.

— Какая птичка?

— Та, которую Парфенокл давно мечтает поймать!

— погоди здесь.

Через полчаса Клитарх был принят архонтом. Последний выглядел заспанным и сердитым. Увидев, кто пришел, еще больше нахмурился.

— Это ты, Клитарх, недостойный гражданин, опозоривший себя связями с беглыми рабами? И ты осмелился явиться ко мне в дом, да еще в такой неурочный час? Говори, в чем дело, да поскорей!

— О почтеннейший и славнейший архонт! Я знаю, как дороги тебе слава и могущество Боспора! Ты единственный радетель и лучший человек нашего царства! — залепетал Клитарх с раболепным видом. — Идя к тебе, я был уверен, что ты еще не склонил голову на ложе, но обдумываешь, как обеспечить счастье для всех! Потому-то я и осмелился явиться к тебе ночью. Прости, если нарушил плавный ход твоих мыслей! Прояви милость, употреби свою силу и ум для справедливого решения моего дела! Помоги мне и, боги слышат, не пожалеешь об этом!

— Говори, чего хочешь от меня? — спросил Парфенокл сквозь зевоту, еще не зная, с какими новостями пришел Клитарх. Поток льстивых слов несколько смягчил его сердце.

— Тебе известно, что я пострадал и лишен гражданских прав! Теперь я живу на положении чужака-метека. Помоги мне вернуться в общину, ибо я исконный боспорец, хотя и обедневший!

— Слышал тебя. Говори, что еще?

— Ты знаешь, что моя рабыня Евпория была незаконно отнята у меня в те дни, когда я оказался в темнице по навету злых людей.

— Каких злых людей? Ты наказан поделом, за тайные связи с беглыми. Ты помог бежать моим рабам Миксту и Евлупору!

— Богам и тебе ведомо, что это неправда!

— Но ты не смог оправдаться перед судом!

— Трудно оправдаться маленькому человеку, если его обвинителем оказался всесильный архонт Боспора! Прости, дело прошлое, но это так. Ты прекрасно осведомлен о моей невинности! И знаешь, что эту историю с накидкой Микста разыграл Гиерон, негодный слуга Асандра! Оба эти человека уже тогда решили разорить меня, мою рабыню Евпорию прибрать к рукам, а тебе доставить неприятности, способствуя побегу рабов!

— Плохо помню все это, скажи точнее.

— Гиерон ограбил твоего раба Микста и передал накидку Евпории. Та подсунула ее мне и таким образом навлекла на меня ложное обвинение в помощи беглым!

— Так ли это?

— Это истинная правда! А когда меня схватили, Асандр и Гиерон освободили Евпорию от земляной работы и передали Махару. Девка была моложе и красивее, чем сейчас, а Махар, как известно, слаб к женской прелести! Она стала близка к Махару и служила Асандру как передатчица тайн царевича!

— Что еще? Говори покороче.

— Теперь Евпория, по прихоти Махара, стала жрицей Афродиты и хочет получить свободу! А я, потомственный гражданин, стал метеком! Вот я и хочу, чтобы мне вернули гражданство и всю мою собственность, в том числе и рабу Евпорию!

— Но известно, что она выкупила себя!

— У кого?

— У богини, как жрица Афродиты! Ведь Махар передал ее храму!

— Не Махар ее хозяин, а я! Выкуп должен был совершиться перед толпой свободных людей, на ступенях храма, в моем присутствии и с моего согласия! И выкупные деньги должны быть переданы мне, как хозяину!.. Этого не было, нет и свидетелей ее выкупа на волю! Махар мог забавляться с моей рабыней, но не распоряжаться ею, как собственностью!.. Слава богам, законы владения рабами не отменены!

— Пожалуй, это так, старый хорек!.. Продолжай!

— А теперь я узнал, что Евпория продолжает служить тайным замыслам Асандра и действует через посредника, этого противного, поганого Гиерона!

— Каковы замыслы, говори быстрее, не тяни! — воскликнул Парфенокл, теряя терпение. В словах Клитарха он почуял что-то важное для себя.

— А замыслы я уже разгадал: Асандр через Евпорию получает вести от Митридата и готовится сдать наш город царю, если тот приблизится к Боспору!

— Ты имеешь доказательства?

— А ты обещаешь помочь мне?

— Обещаю. Говори!

— Сейчас в храме богини живет незаконно, скрываясь от всех, твой раб Евлупор! У него письмо-скитала от Митридата, для Махара! Жрица Итона помогла мне — все подслушала, подглядела! А с Евлупором вместе — Гиерон, слуга Асандра!

Парфенокл вскочил с места и схватил Клитарха за грудь:

— Раб Евлупор в Пантикапее?.. И с письмом от Митридата?

— Истинно так!

— Если ты не врешь, помогу тебе, даже награжу! Получишь и гражданство, и рабыню! А с Евлупора я сдеру кожу! Где Итона? Я хочу допросить ее сам!

— Нет, нет, почтенный! Если ты сейчас пошлешь за Итоной, то твои слуги наделают шуму, злоумышленники все поймут и постараются скрыться. Их надо схватить внезапно. Они сидят в самом храме, под замком в камерке...

— Ай-ай! Осквернители храма! Ну, они узнают, что такое пытка огнем! А Евпория тоже хороша — изменила городу и творит тайные умыслы!

— Творит, великий архонт, творит! Она заслужила того, чтобы снова стать моей рабыней! Пойдем с воинами и схватим их всех!

— Гм... Так просто не пойдешь. Ведь Евпорию поддерживает сам Махар! Нужно раскрыть глаза царевичу, он разгневается и отдаст ее нам в руки!

— Э, почтенный, пока ты открываешь глаза царевичу, будет поздно!

— И это верно.

Парфенокл задумался. Он был трусоват и на самостоятельный шаг, могущий не понравиться Махару, не решался. Да и вторжение в храм, святыню города, без ведома совета города и жрецов было чревато неприятностями. Как бы ни был богат и знатен Парфенокл, он должен был считаться с общиной и выборными властями города, хотя и сам принадлежал к ним. Решил обратиться к Фрасибулу и обсудить с ним щекотливое дело.

IX

Новое возвышение Асандра, его примирение с Махаром, их дружеские встречи и кутежи не давали спокойно жить Фрасибулу. Он кипел от досады, чувствуя, что с появлением во дворце пронырливого боспорца его роль становится третьестепенной. Махар уже не советуется с ним, да и все окружающие не взирают на него, как на правую руку царевича, стараются избегать встречи с ним.

А тут еще неудачи его розысков и тайных предприятий. Лазутчики, посланные в Диоскуриаду, не возвращались, неведение рождало самые мрачные предположения, которые разрастались в чудовища. С каждым днем усиливалось предчувствие близости важных, возможно — роковых, событий. Обещание выловить каких-то опасных людей, что мутят пантикапейский народ, оставалось невыполненным, хотя все подвалы и темницы были забиты черным людом, захваченным во время облав на рынке и в порту.

Чувство тупика, охватившее Фрасибула, было так велико, что он, не находя ответа на мучительные вопросы, обратился к богам, стал ходить по храмам, выслушивая жертвенные гадания. Но предсказания пантикапейских авгуров были противоречивы и вызывали в душе раздражение и неудовлетворенность. Уверившись в равнодушии небожителей, косматый перс решил обратиться к тем богам, которые живут под землей и вершат дела в ночной тьме.

В сыром и глубоком подвале он преклонился перед идолами зла, подчиненными царице подземного мира Персефоне. С помощью «черных» жрецов принес им кровавую жертву — бесплодную корову. Вместе со жрецами рылся во внутренностях жертвенного животного, измазавшись в крови, но и здесь не нашел ясных ответов и желаемых откровений.

Разочарованный Фрасибул вернулся домой и, приняв ванну, хотел заснуть, но безуспешно. Бессонный и злой, ворочался на мягком ложе. Вошел доверенный раб и доложил, что у дверей стоит боспорский богач и архонт Парфенокл, а с ним какой-то бедный человек. Оба хотят видеть хозяина.

— Парфенокл? В ночное время? — удивился перс, не имея желания принимать в позднее время кого бы то ни было. Но, сообразив, что люди пришли неспроста, приказал: — Введи их в трапезную, я выйду!

И, позвав рабыню, приказал подать ему длиннополый «кандий» и расчесать волосы и бороду.

Увидев в трапезной Парфенокла в сопровождении Клитарха, посаженного в свое время в яму и осужденного за темные дела, Фрасибул почувствовал нечто необыкновенное.

«Не случайно я лишь два часа назад принес кровавую жертву всесильной богине тьмы», — подумал он.

Когда Парфенокл передал ему новости, полученные от Клитарха, Фрасибулу показалось, что боги решили вознаградить его за благочестие и терпение. Новости были как нельзя более кстати. Теперь Махар воочию убедится, что его любимец Асандр предатель! Фрасибул возликовал душой, почувствовав, что в его руках оказалось начало той связующей нити, которая тайно протянута между Пантикапеем и Диоскуриадой. И одновременно был поражен тем, что обвинения, которые он неоднократно возводил на Асандра и которым сам в душе не верил, так неожиданно и блестяще подтвердились!

«Вот оно что! — сказал он мысленно, озаренный догадкой. Выходит, боги незримо руководили мною, внушая мне мысли и подозрения, а я не всегда был убежден, что это так... А теперь, после обильной жертвы в подземном храме, боги решили завершить свой замысел и отдать в мои руки злейшего врага!»

Суеверный перс проникся мистическим одушевлением. Ему показалось, что он стал вдруг сильнее, чувства тяжести как не бывало, сознание безысходности враз сменилось уверенностью в успехе и ощущением собственной значимости. «Боги не помогают людям малым, — подумал он с самодовольством, — очевидно, они уже избрали меня орудием своей воли!»

Он уставился блестящими черными глазами в заросшее бородой, неумытое лицо Клитарха и вдруг почувствовал смущение. Мелькнула мысль, что этот пьяница и низкий человек, который сидел в темнице и был осужден судом города, не совсем подходящая фигура, чтобы быть вестником богов... Он нахмурился, лицо его стало суровым, лохматые брови сдвинулись, большой нос навис над смоляными усами и бородой.

— Если все это ты выдумал, — произнес он медленно, но зловеще, — я посажу тебя в подвал с крысами, пусть они обгложут твои кости! Поклянись, что все сказанное тобою правда!

Клитарх поднял обе руки и, потрясая ими, призвал в свидетели всех богов, как небесных, так и подземных. Фрасибул сморщился и отвернулся, не желая видеть его грязных ладоней и обтрепанных рукавов.

— Хорошо, я верю тебе, ответил он. — Пойдешь со мною. И ты, Парфенокл, тоже! Ибо тебе, как члену

совета, приличнее первому войти в храм, принадлежащий городу, нежели мне! Сейчас я кликну воинов!

— Как? Сейчас? Не посоветовавшись с царевичем?! — опасно воскликнул Парфенокл. — Не разгневается ли он?

— Сейчас, только сейчас! Иначе мы там никого не захватим. Ничего, ты, Парфенокл, постарайся завтра успокоить совет и жрецов города, а я возьму на себя труд уговорить Махара! Лучшим доказательством нашей правоты будут захваченные злоумышленники!

— Это так. Только ты не взял во внимание еще одной стороны.

— Какой?

— Народ волнуется и проявляет склонность к Митридату. Если общинники узнают, что мы ворвались в храм, да еще преследуя Митридатова посланца, — начнутся беспорядки!

— Надо разослать тайных людей и распространить слух о том, что Евпория оскорбила богиню и осквернила храм связями с пиратами! И хотела помочь пиратам разграбить Пантикапей!.. А Евлупор — известно — пират!

— Господин, господин! — вмешался Клитарх с подобострастным выражением лица. — Это поручи мне! Я много бываю среди людей и растолкую всему городу о преступнице и ее целях!

— Гоже! Но помни, Клитарх: если ты проболтаешься обо всем, что слышал здесь, — горе тебе!

Х

— Самое правильное — довериться Асандру! — убеждал Гиерон. — Без него тебе не пробраться к царевичу. Сам видишь, Евпория бывает во дворце очень редко!

Евлупор смотрел напряженно в узенькое оконце. В ночном небе мигали белесые звезды. Поручение, ради которого он пробрался в Пантикапей, оказалось далеко не легким. Он колебался, обратиться или нет к Асандру, но и сидеть в храмовом чулане не хотел. Ему мерещилась какая-то опасность именно здесь, под сводами храма. Хотелось действовать, не теряя дорогого времени.

— Нечего нам валяться в этой мышеловке, — наконец решил он, ощупывая стены их убежища. — Будем пробираться к твоему хозяину. Скажешь ему, что я прибыл в Пантикапей по своим делам и могу рассказать

ему кое-что новое. А насчет скиталы я еще подумаю. Недолго, конечно. Время летит, мы медлим, а Митридат грядет!

Добравшись до невидимой во тьме дверцы, он с удовлетворением убедился, что она не заперта. «Жрицато с головой»,— одобрительно подумал он.

Шагая тихо, с опаской, они покинули сначала чулан, а потом храм и оказались среди садика, еле освещенного звездами. Гиерон хорошо знал расположение храмовой ограды и места, где обычно дремали не очень бдительные сторожа.

Не выходя на широкие аллеи, они миновали храмовой перибол и прислушались. Было тихо. В конце города лаяли собаки. Соблюдая предосторожности, чтобы не наскочить на ночной вооруженный обход, они скользили от дома к дому, готовые и к бегству и к отчаянной схватке. Добрались до дома Асандра именно в то время, когда более сотни воинов бесшумно окружили храм Афродиты Пандемос и перекрыли его выходы, не зная, что тех, кого они ищут, здесь уже нет.

Ночная тревога началась с того, что один из сторожей проснулся и издал крик, почувствовав, как чьи-то сильные руки схватили его сзади.

Евпория еще не спала. Услышав крик, она поспешно вышла во двор со светильней в руке.

— Кто кричит? — окликнула она.— Эй, сторожа!

— Тише, тише, почтенная жрица! — раздались голоса рядом.

Испуганная женщина в страхе увидела, что ее окружают серые тени воинов с копьями.

— На помощь! — крикнула она, но ее схватили и зажали рот.

Ошеломленных сторожей сбивали с ног и крутили им руки за спину. Девушкам, которые с воплями выбегали из своих келий, давали тумака и угрожали, что, если они будут поднимать шум, их потащат в башню!

Фрасибул и Парфенокл спешили, подгоняя воинов негромкими, но внушительными окриками.

— Скорее к храму, они там! — горячился Фрасибул.

Не зажигая факелов, оба метнулись к храмовой двери. Остановились перевести дух. Одновременно подумали, что злоумышленники могут оказать сопротивление, а потому войти в храм не отважились.

— Давайте огня, больше огня! — потребовал Фрасибул.

Когда факелы вспыхнули и осветили полураскрытую дверь, все решили, что внутри кто-то есть. По знаку перса воины ворвались в храм, но никого не нашли, только богиня встретила их насмешливой улыбкой!

— За пьедесталом богини, — подсказал Клитарх, прячась за спины вооруженных латников, — есть дверца в кладовку! Злодеи там!

Кинулись к дверце, которая легко открылась, осветили факелами небольшую конурку, заваленную рухлядью, но преступников не нашли. Не было и каких-либо следов их пребывания.

— Никого! — произнес ошеломленный Фрасибул. — Никого нет!

— Они бежали! — предположил Парфенокл.

— Или их здесь и не было! — отозвался с досадой перс, бросая угрожающий взгляд в сторону Клитарха.

— Как не было? — жалобно протянул тот, поеживаясь от страха перед обещанным наказанием. — Ведь Итона не могла соврать!

— Где Итона, где она?

В храмовых помещениях Итоны не оказалось.

Евпория услышала, что ищут Итону, и все поняла. Было очевидно — Итона пронюхала, где скрываются оба мужчины, и донесла властям. Что ж, от нее этого следовало ожидать!

— Злодеи бежали! — слышался противный, плачущий голос Жабы-Клитарха. — Но они были здесь!

«И Клитарх вмешался, этот ком грязи!» — подумала Евпория и вспомнила, что в последние дни он частенько появлялся около храма, беседовал с Итоной.

Собравшись с силами, старшая жрица спросила спокойно, но с оттенком негодования:

— Скажи, почтенный Парфенокл, и ты Фрасибул, с каких пор вы ночами нападаете на храмы города! И кого вы ищете в жилище богини?.. Вы осквернили храм!

— Это ты осквернила храм! — вскричал в бешенстве Клитарх. — Ты приютила в храме врагов города!

Он размахнулся, намереваясь ударить ее, она увернулась и ответным толчком сильной руки повергла его на пол.

— Облезлый кобель! — вскричала она, раздувая ноздри от волнения. — Да как ты смеешь возводить напраслину на меня, жрицу богини!

— Я хозяин твой, подлая! Ты подняла руку на хозяина! Ты оскорбила меня!

В словах Клитарха был свой резон. Независимо от выкупа, бывшая рабыня или раб до конца дней своих оставались в зависимости от хозяина, обязаны были служить ему, уважать его и даже переносить побои при случае. Поэтому поступок Евпории не понравился Парфеноклу и Фрасибулу.

— Какую напраслину? — вдруг взъярился Парфенокл. — Разве в храме не ночевали двое бродяг?

Евпория поняла свой промах и ответила с поклоном:

— Почтенный Парфенокл! Кто же может ночевать в жилище богини, кроме нее самой?.. Клитарх зол на меня, и он ответит перед общиной за то, что привел сюда воинов и обманул вас, таких мудрых и больших людей!

Фрасибул и Парфенокл переглянулись, не зная, что предпринять. Неужели Клитарх выдумал всю эту историю с целью насолить старшей жрице?

— Ну, Клитарх, — сказал Фрасибул, — или ты сейчас докажешь, что не солгал, или тебе придется ответить за все!.. Не забудь о подвале с крысами!

— Итона говорила! Если она солгала, ей и отвечать! — слезливо оправдывался Клитарх, оглядываясь в надежде увидеть Итону. Но ее не было.

— Итона мстит мне за то, что я заняла место старшей жрицы, — пояснила Евпория. — И добивается моего смещения!

В душе она испытывала чувство признательности к Евлупору и Гиерону за то, что они не остались в храме и своевременно ушли. Несомненно, Гиерон обладает даром предвидения!.. Он предчувствовал опасность и избежал ее! Он не пропадет!.. Да и она, глядишь, вывернется из беды. Уверенность и спокойствие возвратились к ней.

Но тут слышались шум и крики. В освещенное факелами место у входа в храм ворвалась полураздетая женщина. Это была Итона. Она упала к ногам представителей высшей власти и завопила:

— Я выследила их, выследила!.. Я видела, как они покинули храм, и шла за ними, пока они не укрылись в доме Асандра! Идите туда и схватите их!

— Спасибо, спасибо тебе, Итона! — вскричал Клитарх, помогая младшей жрице встать на ноги. Он, как и жрица, обливался слезами. — А меня уже хотели схватить за ложь и выдумку! Нет! Есть правда на земле, есть боги на небе!.. А ты, Евпория, змея и подлая тварь! Теперь ты ответишь за дела свои и опять будешь моей рабой!

XI

Дом Асандра являл собою подобие крепости, охраняемой вооруженными людьми. Его запоры были крепки. И проникнуть внутрь дома было совсем не просто.

Парфенокл и Фрасибул знали это. Но они знали и другое: после грубого вторжения в святилище города им надо чем-то оправдать этот поступок, а потому нельзя останавливаться на полпути. Оставив храм и его жриц, они с поспешностью устремились по ночным улицам к дому Асандра. Фрасибул послал за подкреплением и отдал приказ оцепить дом Асандра так, чтобы оттуда не смогла бы выскочить даже собака.

Асандр вернулся поздно с гулянки из загородной виллы царевича. Когда они разъезжались, Махар сказал, тупо смотря охмелевшими глазами:

— Завтра выедем в море на прогулку. Я приказал приготовить суда!

Пройдя во внутренний двор, где вповалку спало около трех десятков вооруженных «ледовых братьев», Асандр приказал Антигоне подать холодного питья и приготовить постель. Хотел приказать Гиерону вычистить к утру одежду, но того не оказалось.

— Где он в такую позднюю пору? — удивился хозяин.

— Пошел на рынок еще днем и не вернулся, — ответила Антигона, держа в руках сосуд с питьем.

— Ах, бездельник, опять загулял с портовыми гетерами! Избаловался! Вот уже вернется, поговорю с ним по-свойски!

С этими словами он принял из рук рабыни фиал и, подув на прохладную брагу, жадно вытянул ее до дна. Почувствовал приятное облегчение после винного угара. Однако отдохнуть ему не удалось. Вошел сторожевой воин и доложил, что явился Гиерон с каким-то дружкой, похоже, рыночным бродягой.

— Пьян, подлец?

— Будто и не пьян, но что-то встревожен.

— Зови сюда обоих!

Устроить допрос слуги и выгнать его дружка за двери не удалось. На улице внезапно загрохотали сапогами и огласили ночную тишину криками какие-то люди, неизвестно откуда появившиеся. Запылали отсветы многих факелов, яркие блики забежали по потолку, окна осветились снаружи.

— Еще что такое? — с неудовольствием сморщился Асандр, подавляя зевоту.

Вбежал другой страж, с обнаженным мечом.

— Хозяин! — вскричал он. — У порога дома стоят архонт Парфенокл и понтиец Фрасибул, оба с сильной охраной! Требуют тебя к ответу!

— Меня к ответу?.. Они с ума сошли, что ли?

Выйдя на верхнюю галерею дома, Асандр был изумлен при виде оживления, царившего на улице. Сотни факелов освещали улицу, как днем. Встревоженные соседи выглядывали из слуховых окон.

— Эй! — крикнул Асандр. — Чего вам? Или вы потеряли рассудок?

— Именем богов и закона, — ответил Фрасибул, мы пришли за тем вражеским лазутчиком, который нашел убежище в твоём доме!

— Какого лазутчика?.. Вы пьяны, не иначе!

— Не пьяны мы, Асандр! А какого лазутчика, ты хорошо знаешь! Того, который прибыл от пиратов, врагов города!.. Он выдает себя за посланца Митридата. При нем тайное письмо! Если не хочешь отвечать за измену, выдай этого человека!

Асандр был озадачен и рассержен. О каких пиратах и о каком лазутчике идет речь!.. Хотел задать вопрос Фрасибулу, но тот с угрозой в голосе заявил, что разговаривать некогда и сейчас воины начнут ломать двери дома.

— Нас много, Асандр! — добавил Парфенокл своим высоким голосом. — Не доводи до кровопролития, тебе не устоять!.. Повинись, выдай врага государства! Мы тебя не тронем, ты ответишь перед Махаром, он решит твою судьбу! А пиратского лазутчика возьмем!

— Господин, — слышался голос сзади, — выслушай меня!

— Кто это?.. А, это ты, Гиерон! Может, ты знаешь, что все это значит?

— Знаю, господин. Это значит, что царь Митридат уже на подступах к Фанагории, а здесь его посланный Кир! Он послан царем к Махару со скиталой! А насчет пиратов — это выдумка. Ее цель — одурачить воинов!..

— Посланный Митридата?.. Кир?..

Асандр оторопел и не знал, что говорить. Неожданная новость оглушила его как обухом. При свете факелов он увидел в проходе человека, который стоял на лестнице и лишь на голову возвышался над дощатым полом галереи.

— Кто ты такой?

— Гонец я, — ответил тот решительно и спокойно, — от царя Митридата! Привез царевичу известие — его отец скоро будет здесь с великим войском!

— Митридат будет здесь?.. Да как ты смеешь говорить это? Или хочешь так просто обмануть меня?

— Не обманываю я, говорю чистую правду! А еще — помоги мне вручить царевичу скиталу, и как можно скорее! Иначе разгневается великий государь!

— Подожди! Асандр потер лоб ладонью, размышляя. — А где скитала?

— Вот она!

В руках незнакомца оказалась черная шкатулка с золотым гербом Ахеменидов. Осмотрев шкатулку, Асандр убедился, что человек не врет. Вглядевшись в небритое лицо, узнал его.

— Так это ты, Евлупор? Боги мои, а сказано — Кир!.. Зачем же ты морочишь мне голову?

— Кир — это мое новое имя, данное самим Митридатом!

— Почему же ты, Кир, с таким громом прибыл сюда? Разве не мог тайно и сразу зайти ко мне? Или кто помешал?

— Задержались мы в храме у Евпории, где скрывались от облавы! А жрица Итона выдала нас. Вот мы и прибыли к тебе, спасаясь от преследователей!

Голова Асандра лихорадочно работала. Он понял обстановку с полуслова. Если Митридат в самом деле намеревается проникнуть на Боспор, то ему важно склонить Махара к примирению. И он послал верного человека с письмом! Это было просто и ясно. Но это

означало, что настают новые времена и гончарный круг судьбы готов повернуться на полный оборот! Выиграет тот, кто сумеет предугадать стечение обстоятельств и не окажется под колесом событий! Сейчас готово совершиться то, что Асандр смутно предчувствовал, о чем задумывался, чего опасался.

— Ай, Кир-Евлупор, и ты, Гиерон! — сказал он с укоризной, неожиданно мягким тоном. — Разве не очевидно, что прямая дорога от Митридата к Махару проходит через мой дом? Надо было сразу явиться ко мне, и скитала была бы уже в руках Махара! Ведь я жрец и глава евпатористов! Я и пострадал за это, был изгнан из Пантикапея, ибо, как слуга великого царя, был против союза Махара с римлянами. Но плохие люди свернули царевича с правильного пути! Только я говорил Махару правду, но он не слушал меня!.. Не так ли, Гиерон?

— Так, именно так, господин! — с жаром подтвердил Гиерон. Сметливый слуга сразу сообразил, о чем сейчас надо молчать и о чем говорить. Ибо грядет тот, кто рассудит всех и воздаст каждому по делам его!

Приняв решение, Асандр сказал Евлупору и Гиерону:

— О приближении Митридата молчите! Об этом раньше других должен узнать Махар! По всему видно, что Парфенокл и Фрасибул ничего не ведают. Будем сопротивляться! Тебя, Евлупор, я не выдам и помогу тебе, как гонцу бога живого и великого царя, выполнить его волю!

ХII

Обратившись к Фрасибулу и Парфеноклу, Асандр крикнул:

— За произвол будете отвечать перед царевичем Махаром! Он не простит вам этого!

— Слушай, Асандр! — ответил Фрасибул увещательным тоном. — Перед царевичем мы все в ответе и не боимся сказать ему правду! Но выдай лазутчика, и тогда мы оставим тебя в покое. А завтра во дворце, перед лицом правителя, все разъясним! Кто прав, тот будет оправдан!

— Пусть сам царевич Махар прибудет сюда. Только его я впущу в свой дом и только ему позволю осмотреть каждый угол! Если он найдет лазутчика, он его и возьмет!

Фрасибул изругался в ярости и, обратившись к Парфеноклу, сказал:

— Как раз этого и нельзя допустить! Если царевич явится сюда, то Асандр своими мерзкими чарами повлияет на него и склонит на свою сторону! Кроме того, неизвестно — кому царь посылает скиталу и что в ней написано. Это послание не должно миновать моих рук!

Парфеноклу объяснения Фрасибула показались туманными. Но он не стал возражать, ибо сам неясно представлял, что надо делать. Ненависть к Асандру пересилила, и он решился довериться Фрасибулу, стороннику решительных действий.

— Что ж, почтеннейший, — сказал он, — тогда вели начинать! Что будет... Но если мы не захватим лазутчика, нас обвинят в святотатстве, ночном разбое и самоуправстве!

— Ничего, теперь отступать нельзя!

Штурм дома начался. Воины Фрасибула принесли бревно и начали его раскачивать. С силой нанесли удар по дубовым дверям, окованным медью.

Бум! — разнеслось по городу, который уже начал просыпаться от необычного шума и криков. Из-за каменной стены ограды посыпались стрелы и увесистые камни. Послышались озлобленные выкрики и ругательства. Раздался стон боли и мягкий звук падения тела.

— Воины! — кричал Фрасибул. — Схватим изменников, накажем Асандра за тайные связи с пиратами! Рим вознаградит нас!

— Копье тебе в печень! Ты сам разбойник и пират! — ответили ему из окон дома.

Обе стороны старались подбодрить своих воинов. Но хотя осажденные были полны боевого задора, их было мало. Двери не выдержали ударов тарана и рухнули. Нападающие с факелами ворвались в дом вместе с клубами дыма и пыли. Началась свалка. Асандр размахивал мечом, порывался сразиться с Фрасибулом и Парфеноклом. Но те стояли посреди улицы и руководили боем издали.

— Труссы! — в негодовании вскричал Асандр.

Однако сам принужден был отступить после отчаянной, но кратковременной схватки. Перевес сил нападающих был слишком велик. Они потоком вливались в дом, сбивали с ног его немногочисленных защитников,

одних вязали, других оставляли умирать на земляном полу с пронзенными внутренностями.

В разгаре схватки Гиерон заметил, что Евлупор вооружился мечом и с яростью отбивается от нападающих панцирных гоплитов. Евлупор любил рукопашные схватки, они наполняли его жгучей страстью, ему казалось, что, сражаясь, он делается сильнее всех и в кровавой борьбе побеждает не только врагов, но и судьбу, становится не рабом ее, но творцом! И сейчас забыл о царском поручении, стремясь одолеть хорошо вооруженных противников. Ему удалось свалить одного, другой отступил, намереваясь вернуться с подкреплением. Сбоку подскочил Гиерон и сделал знак рукой, как бы давая сигнал к бегству.

— Поспешим! — произнес он, задыхаясь от напряжения.

— Куда? — спросил Евлупор, разгоряченный боем.

— Надо покинуть дом, иначе ты попадешь в руки Фрасибула вместе со скиталой! Я знаю тайный выход из дома!

— Но здесь Асандр, как мы его оставим?

— Асандр с людьми еще продержится, пока мы поднимем народ! Простой люд поддержит Асандра!

Оба друга исчезли в суматохе из дома и, пользуясь прикрытием ночного мрака, через полчаса оказались в нижнем городе. Здесь они уже не старались прятаться, — наоборот, громко топали по мостовым и кричали истошными голосами: «Тревога!.. Тревога!..» Стучали рукоятками мечей в двери домов и на глухие вопросы хозяев отвечали, что приближается царь Митридат, что Асандр друг царя и только он спасет Пантикапей от кары страшного Митридата.

— Вставайте! — взывали они. — Довольно спать! Пора, пора! Иначе проспите свою судьбу и будете в ответе за дела Парфенокла и Фрасибула, которые продали Боспор Риму!

В те тревожные времена любой призыв к оружию заставлял всех подниматься с ночного ложа. Пантикапейцев спланивала постоянная опасность набега степных племен, а также неуверенность в своем повседневном благополучии. Боязнь появления тиранов из среды честолюбивых сограждан, грубого насилия одного рода над другим, а главное — опасность рабских возмущений — вот мотивы военной активности горожан, их постоянной

готовности к самозащите. И кто бы ни призывал к оружию, поднимались все без исключения и брались за мечи. Выбегая на улицу, перекликались и становились в боевые ряды, готовые грудью отстоять свои права, достояние, семьи, очаги.

И когда Гиерон и Евлупор взбудоражили население нижнего города, то в короткое время оказались перед толпой суровых мужей со щитами и копьями, готовых к действию.

— Кто такие? Чего кричите? — слышались сердитые окрики. — Что случилось?

— Граждане! — взывал Гиерон. — Граждане!.. Послушайте, что я скажу! Только что прибыл от царя Митридата гонец, вот он, рядом со мною! Он сказал, что великий царь перешагнул через горы и спустился в равнину! Скоро он будет в Фанагории, а оттуда начнет переправу своих войск на наш берег! И он заверяет пантикапейцев, что проявит милость, если ему не будет оказано сопротивления! Но Фрасибул и Парфенокл боятся Митридата, они держат руку Рима! Они узнали, что царский посланец в доме Асандра, лучшего гражданина нашего! И напали на дом Асандра, они сейчас громят его, а самого Асандра хотят убить, чтобы угодить Риму!.. Посмотрите!

Все повернули головы и действительно увидели зарево от факелов в той стороне, где стоял дом Асандра.

— А почему ты здесь? И посланец тоже? — недоверчиво и придирчиво спрашивали горожане.

— Бежали из осажденного дома! Решили просить народ помочь Асандру! Митридат не простит городу, если Асандр погибнет от руки филоромеев! Да и царское письмо надо вручить Махару! Помогите!

— А посланец чем докажет, что его послал Митридат?

Выступил Евлупор, поклонился народу.

— Я был военачальником у Митридата. И Асандр знает меня! А в подтверждение того, что я послан Митридатом, я покажу вот эту скиталу. В ней Митридат требует от Махара проявить сыновнюю покорность и не подвергать Пантикапей опасности разрушения... Ибо римляне бежали в Сирию, а великий царь собрал большое войско и приближается к Фанагории. Теперь на его стороне сила, великие боги помогают ему!

При свете факелов шкатулка блеснула золотым гербом. Все ахнули и готовы были поверить, что оборванец не врет.

— О чем же ты хочешь просить народ?

— Надо освободить Асандра, его, наверное, уже схватили. А потом всем миром пойти ко дворцу царевича, и там я лично, из рук в руки, передам ему эту шкатулку. Иначе филоромей не дадут мне это сделать, они боятся примирения отца с сыном и кары за измену Митридату!.. А когда царевич сам убедится, что отец-государь готов простить его,— он встретит Митридата с почестями и никакого ущерба Пантикапею не будет! Вы опять признаете Митридата царем и предстоятелем своим, жизнь наладится, всем будет много дела и доходов!

Эти слова отвечали настроениям нижнего города, население которого было раздражено римскими поборами и нарушением морской торговли. Все были согласны, что с Митридатом надо примириться, а главное — избежать войны с ним. Только как это сделать? И можно ли довериться ночному гонцу, все ли в его словах правда?

Вооруженный народ разделился на кучки, в которых шли горячие споры.

XIII

Наряду с другими защитниками дома Асандр оказался схваченным и был грубо повергнут на пол. Дюжие воины скрутили ему руки. Он лежал на земляном полу и сыпал проклятиями, отплевываясь кровью. Появились Фрасибул и Парфенокл.

— Мы говорили тебе: выдай лазутчика — и мы не тронем тебя! Теперь поздно, ты оказал сопротивление царским воинам, пролита кровь их, есть убитые!.. Ты понесешь за это наказание!

— Нет у меня никакого лазутчика!.. А за насилие ответите!

Ликование победителей оказалось преждевременным. Правда, они схватили своего недруга и могли бы сейчас прикончить его. Это было заманчиво, но опасно. Асандр был в милости у Махара, да и община едва ли простила бы этот произвол. Лазутчика, из-за которого загорелся сыр-бор, в доме не оказалось, так же как и Гиерона, этого проныры и хитреца, достойного своего хозяина!

«Или они сумели скрыться, или все это выдумки Итоны!» — подумал с досадой Фрасибул. Он уже испытывал тревогу за то, как ему удастся расхлебать кровавую кашу, которую он сам заварил. «Ничего,— решил он,— не один я в ответе! Со мною Парфенокл! Он богат, знатен и властен, ему поверят! Он возьмет на себя большую часть вины!»

— Надо разыскать лазутчика,— сказал он в сердцах.— Если бы он попал в наши руки, все было бы как нельзя лучше!.. А так...

Он не договорил. Вошел воин и заявил, что нижний город полон огнями, толпы людей бегут по улицам с криками, размахивают факелами и оружием.

— Чего они хотят? — спросил Фрасибул, неприятно пораженный.

— Они славят Митридата! И кричат, что Асандр верный слуга города и друг Митридата, он один может спасти боспорский народ от гнева великого царя!

— Какого царя? Митридат умер в Диоскуриаде, войско его разбежалось!..

Удалив воина, Фрасибул обратился к Парфеноклу:

— Люди сошли с ума! Но мы справимся с бунтом черни! Надо поднять войска и ввести в город!

— Что ты! — схватил его за рукав перепуганный архонт.— Зачем войска? Уж не собираешься ли ты воевать с боспорским демосом?.. Остановись!

Увидев, что Парфенокл растерян и явно струсил, Фрасибул криво усмехнулся.

— А знаешь ли ты, друг мой, что этот бунт кстати?

— Бунт кстати?.. Что ты говоришь? Нас обвинят в том, что мы своим самоуправством раздражили народ и вызвали беспорядки в городе!

— Пойми, почтенный архонт, теперь никто не посмеет отрицать, что в городе орудует шайка смутьянов, подосланных Митридатом! И центр смуты — дом изменника Асандра! Ясно — восстание подготавливалось тем же Асандром уже давно!.. Если мы и не поймали лазутчика, нам есть чем доказать нашу правоту! Мы первые раскрыли заговор и первые подняли войска в защиту порядка и царевича!.. Не так ли?

Перс хитро прищурился, глядя в упор на пантикапейского архонта. Тот вздохнул, его лицо расправилось, озарилось светом надежды.

— Дай-то великий Зевс, чтобы это оказалось хотя бы так,— ответил он без большой уверенности, прислушиваясь одновременно к отдаленному шуму толпы, нарастающему, как гул морского прибоя.

— Надо немедленно уйти отсюда! — добавил он поспешно, сообразив, что из нападающих они скоро станут обороняющимися.

Фрасибул приказал воинам нести связанного Асандра на руках. При этом сделал нетерпеливый жест рукой, понуждая их не терять времени.

XIV

Ночное предприятие Фрасибула и Парфенокла было ударом грома, за которым разыгралась гроза, охватившая весь Пантикапей.

Общинники победнее и черный люд вооружились и, образовав огромное полчище, затопили улицы. Они двигались по направлению к акрополю с криками: «Митридат! Митридат!»

Потрясенному Махару, которого подняли с постели, сообщили, что в городе мятеж, подготовленный заранее тайными поджигателями.

— Боги! Да верно ли это? — прохрипел правитель, протирая глаза. Он чувствовал себя скверно, хмель разламывал голову, его тошнило, слабость разлилась по телу.— Где Фрасибул?

Ему доложили, что Фрасибул ночует в городском доме, а послать за ним невозможно, так как ночная стража отступает к акрополю, теснимая толпами возбужденных горожан.

— А войска где, войска?.. Позвать Неоптолема!

Неоптолем оказался в акрополе. Теперь его редко вызывали к царевичу, он больше находился у себя дома, где лечил застарелые недуги скифской паровой баней. Обучением войск занимались сотники, а прочие лагерные дела наварх вершил через расторопного Митрааса, которого опять приблизил к своей особе. Узнав, что в городе начались волнения среди мелкого люда, старый воевода, кряхтя и охая, облачился в боевые доспехи. Озабоченный тем, что беспорядки могут перерасти в настоящий бунт, в котором примут участие и рабы, он приказал Митраасу немедленно отправиться за

город и поднять войска. А сам поспешил во дворец. Обстановка ночной тревоги подхлестнула его, он предстал перед Махаром с уверенной осанкой бывалого военачальника.

— Успокойся, царевич,— проскрипел он надтреснутым голосом,— войска вот-вот войдут в город! Прикажи — и мы отбросим смутьянов и перехватаем зачинщиков!

— Не спеши, Неоптолем, дай мне обдумать!

Махар схватился за голову, пытаясь сообразить, как поступить дальше, но мысли плохо ворочались в мозгу, отравленном винными парами. Он не понимал: что происходит, кто, собственно, поднял восстание и возглавил его? Может, это сделали сами архонты, тот же Парфенокл и Атамб, сговорившись с хитрыми жрецами? Или народ поднялся самочинно?.. Почему славят Митридату и предрекают его скорое прибытие на Боспор? Откуда это известно?

— Надо преградить путь мятежным толпам,— сказал он с усилием,— но кровопролития не начинать! Может, мне самому выйти на стены и обратиться к народу, спросить, чего он хочет?

— Что ты, прекрасный царевич! Зачем тебе унижать свое величие? Что ты скажешь этим взбесившимся полускифам? Они оскорбят тебя ругательствами. Упаси боги, еще кинут камнем да ранят тебя... Нет, прикажи мне действовать, я наведу порядок, а ты не волнуй свою кровь!

В это время тысячная толпа народа подступила к самому холму, на котором стоял акрополь, и здесь остановилась. Увидев, что по освещенным факелами улицам движутся плотные колонны воинов, которых вел щеголеватый Митраас, люди встретили их яростными выкриками. Появился Неоптолем с сильной охраной и прерывающимся голосом от имени царевича потребовал разойтись по домам, не доводя дело до оружия.

— Чего вам надо? — спросил он.— Приходите завтра, да не все, а пришлите выборных, лучших людей! Они поклонятся царевичу и получают ответ на все вопросы! А теперь — по домам!

— Нам надо увидеть царевича Махара и вручить ему письмо от его батюшки, царя Митридаты! — кричала сотня глоток.— Царевича окружили изменники, они обманывают его, не говорят ему, что царь идет на нас с великим войском!

— Что? удивился Неоптолем.— Письмо от Митридата? Дайте его мне, я сейчас же отнесу его царевичу!

— Нельзя! вскричал Евлупор своим громоподобным басом.— Царь приказал передать вот эту скиталу прямо в руки царевичу! И только ему, а не изменникам, которые его окружают... А если помешаете нам сделать это, с вас спросит сам Митридат!

— Сам Митридат! Сам Митридат!

Это имя, словно шум ночного ветра, пронеслось по смущенным рядам воинов, которые раньше входили в войско Митридата, а теперь оказались в числе его врагов. Им усиленно толковали, что великого царя нет в живых, и большинство было убеждено в этом.

— Откуда Митридат? — спрашивали воины один другого. Разве он не умер от голода в Диоскуриаде? Может, он жив?..

— Молчать! — раздались окрики военачальников.— Митридат давно умер и похоронен! С того света не возвращаются!

В ответ слышался язвительный смех со стороны горожан.

— Митридат не умер! — заявили многие из них. — Он живет и здравствует! Великий царь прогнал римлян, а теперь идет на Боспор!

Верно! — слышался могучий голос Евлупора.— Верно! Грядет всесильный владыка и скоро будет здесь! Преданных он наградит, изменников накажет!

Смятение проникло в сердца простых воинов и даже коснулось Неоптолема, который в измене Махара участия не принимал и втайне скорбел о том, что это случилось. Ему казалось, что сыну следовало оставаться верным государю-родителю до конца.

Прокашлявшись, он сипло, но достаточно громко обратился к толпе, стараясь разглядеть Евлупора, в руках которого виднелось что-то блестящее.

— Хорошо, сказал он.— Если это действительно послание от Митридата, то ты, верзила, иди сюда, мы вместе с тобой пройдем к царевичу и ты сам передашь ему эту коробку!

— И этого нельзя! — вскричал Евлупор, обращаясь к толпе.— Ибо не к царевичу поведет меня старый воевода, а прямо в башню! Там у меня скиталу отнимут и

царевичу не покажут! Пусть царевич сам выйдет сюда, я отдам ему письмо при народе!

Неоптолему не удалось продолжить этот спор. Появился Фрасибул в разорванном кафтане. При свете факелов была видна кровь на его лице. Он слышал последние слова Евлупора и грубо оттолкнул Неоптолема в сторону со словами:

— Ты из ума выжил, старик! Бунтовщики хотят обмануть тебя, а ты развесил уши! Никакого письма от Митридата нет и быть не может, нет и самого Митридата — он почил и похоронен в Диоскуриаде! Тризна на его могиле справлена, после чего все его люди разбежались кто куда! Вот и к нам проникли, хотят народ смутить и захватить власть в Пантикапее! А посланец тот — беглый раб Парфенокла и пират! Кому вы верите, боспорцы!

Обратившись к воинам, что стояли понурив головы, он закричал, брызгая слюной:

— Один у нас повелитель — Махар, пресветлый и щедрый! Ему мы служим, его защищаем, его милостями живем! А Митридата нет в живых! Кто еще помянет Митридата — того забью палками! Или продам в рабство!

Фрасибул был возбужден и говорил так решительно, что воины встряхнулись, приободрились. Озадаченный Неоптолем не знал, что ответить, но понял, что Фрасибул вырвался из какой-то перепалки.

— Ты спал, наварх, — продолжал Фрасибул гневно. — А я с вечера был на улицах с людьми, ибо узнал о готовящемся восстании!.. Мы захватили дом изменника Асандра, который метит в тираны! И самого Асандра скрутили! Но глупая чернь подалась на уговоры смутьянов и освободила нечестивого Асандра!.. Надо действовать, а ты мирно беседуешь с толпой!

И, обратившись к народу, перс потребовал, чтобы все разошлись по домам. Он убедительно говорил о том, как тайные злоумышленники решили погубить город, разграбить его. И призывал не верить беглому рабу, который показывает какую-то шкатулку, выдавая ее за письмо Митридата! Не мог же царь написать с того света?..

Теперь пришла очередь смущаться боспорцам. Шум и крики свидетельствовали о том, что в толпе произошло расслоение. Одни поддерживали Евлупора, другие поглядывали на него с недоверием. Фрасибул использовал это.

— Послан ли этот проходимец мертвым царем, я не знаю,— продолжал он свои речи.— Он не Орфей, который спустился в Аид! А что он осквернил храм Афродиты Пандемос, ночевал там и завел шашни с жрицей Евпорией, это мне известно доподлинно и он отрицать этого не посмеет!

Послышались возмущенные голоса. Пантикапейцы, всегда очень чувствительные к нарушениям их религиозных обычаев, посчитали себя оскорбленными. Фрасибул торжествовал и уже прикидывал в уме, как лучше окружить Евлупора и не дать ему скрыться, когда толпа начнет расходиться по домам. Но тут произошло неожиданное. Появился Асандр в окружении своих людей, вооруженных мечами.

— Вот он, изменник! — завопил перс в исступлении.— Хватайте его, он хочет призвать на город скифов и пиратов и с их помощью стать тираном!.. Хватайте предателя!

Но Асандр, не обращая внимания на неистовство Фрасибула, что-то растолковывал людям, показывая рукой на восток. Все оборачивали головы, многие гасили факелы, чтобы они не слепили глаза. За проливом, на фанагорийском берегу, полыхали отсветы многочисленных огней.

— Что это? Что за огни? — спрашивали друг друга воины, защищая глаза ладонями от ближнего света.

Фрасибул остановился на полуслове, пораженный не менее других зловещим заревом, и не знал, что ответить.

— Это царь Митридат разводит костры на том берегу пролива! — раздался зычный голос Асандра.— Прибыл великий государь, которого Фрасибул хотел было похоронить! Знайте это все, люди из города и воины! С восходом солнца войска Митридата начнут переправу через Боспор!.. Слава Митридату! Встретим царя достойно, да минует нас его гнев, да смягчат боги сердце его!

XV

Задолго до рассвета через пролив переправились первые вестники грядущих событий, пантикапейские купцы-навклеры, которые закупали в Фанагории кавказские вина.

Купцы изнемогали от усталости, так как гребли сами. Их рабы-гребцы взбунтовались и гуртом бежали к

царю-воителю, в чаянии стать его воинами и свободными людьми. Поспешные рассказы купцов оказались неутешительными. Они поведали, что грозный царь пребывает в великом гневе и угрожает карами сыну Махару за то, что тот долго не отвечает на его запрос, а также пантикапейским властям, которые не удосужились прислать к нему встречных гонцов с уведомлением о покорности. Говорили, что Митридат усиливает свои войска фанагорийскими головорезами, меотами, дандариями и горцами, которые уже показывают грязными пальцами через пролив и скалят зубы в надежде разграбить Пантикапей и взять великую добычу.

— Сам царь будет пребывать в Фанагории, ибо утомился от горных переходов. А войска его двинутся через пролив и займут Пантикапей и другие города! Воины злы и жаждут крови! Горе Пантикапею, горе царству Боспорскому!

Навклеры стояли перед возбужденными горожанами, издавая вопли и вскидывая руки к ночному небу. Левкипп призвал всех лучших людей немедленно явиться в храм Зевса Спасителя для совета. И не успела зардеться заря на востоке, как у подножия истукана собрались встревоженные «лучшие люди» — владельцы промыслов, пшеничных полей и эргастериев с тысячами рабов.

— Великие боги! Такого затруднения мы давно не испытывали!.. Что же нам делать? — спрашивали друг друга греки, протирая заспанные глаза и хватаясь за спутанные бороды.

Левкипп внимательно следил за входящими, заметив про себя, что нет главы одного из сильнейших родов — Атамба. Он знал, что последний уже более недели находится «во власти Диониса», то есть пьет, а потому решил начать совет без него.

Зато Парфенокл прибыл одним из первых, в сопровождении сильной охраны. Он еще не оправился после волнений первой половины ночи, еле успел скрыться от разъяренной толпы, которая освободила Асандра, а теперь был потрясен столь неожиданным поворотом событий. Голова шла кругом. Однако он упорно пытался удержаться на ногах во всей этой чехарде и даже рассчитывал использовать необычайные обстоятельства в свою пользу.

— Во всем виноваты те, кто колебался, не зная, как поступить! — веско доказывал он окружающим. — Надо

было не уговаривать Махара оставаться верным Риму, как это делал Асандр, а примирить заранее отца и сына! Тогда мы встретили бы Митридата хлебом-солью и не дрожали бы за свои головы!

— Подожди, Парфенокл,— возражали ему.— Ты обвиняешь Асандра в склонности к Риму, тогда почему же сейчас в городе народ восстал и кричит славу Митридату вместе с Асандром? Асандр — во главе народа! Может, есть два Асандра — один за Рим, другой за Митридата?

— Хитрит! — воскликнул Парфенокл.— Хитрит, пройдоха! Вчера он говорил одно, нынче другое!.. Вот схватить его сейчас и спросить, за кого он на самом деле!

— Ого! — слышался смех.— Попробуй схвати Асандра. Он сегодня самый сильный человек в городе! Вокруг него тысячи вооруженных босяков и простых людей! Они поверили ему и пошли за ним!

Говорили разное, наперебой. И не было мудрого и проницательного человека, который внес бы ясность в головы пантикапейцев. Левкипп стоял, освещенный неверным светом бронзовых ламп, опираясь на пьедестал Зевса. Он был задумчив, но внимательно вслушивался в путанные речи сограждан.

— Каков же совет твой? — обратился он к Парфеноклу, который говорил больше других.

— Надо схватить Махара, Фрасибула и Асандра и выдать всех троих Митридату! Царь смилуется над нами и пощадит город!

Двери храма заскрипели, полыхнули огни факелов, произошло неожиданное замешательство. Все повернули головы и раскрыли рты в мгновенном оцепенении. Клубы розового дыма от многих факелов заволокли своды храма. Сотни ног загрохотали гулко, ослепительно вспыхивали отблески огней на обнаженных мечах и в широко раскрытых глазах распаленных мужей, ворвавшихся в храм. Раздался язвительный смех, и все увидели Асандра, возглавляющего это самовольно собравшееся войско. Некоторые пришли в себя и схватились за мечи, готовясь защищаться.

— Не спешите, оставьте ваше оружие в покое! — произнес внушительно Асандр, поднимая руку.— Храм окружен вооруженными людьми, они признали меня

своим вожаком и требуют примирения с Митридатом!.. Люди эти — пантикапейцы!

— Чего ты хочешь, Асандр? — спросил Левкипп, трясая старческой головой.

— Отвечу тебе, почтенный жрец! Я хочу свободы и процветания Боспорского царства и Пантикапея, его первого и лучшего города! Вот чего я хочу и чего добиваюсь!

— Для этого не надо врываться в храм с толпой вооруженных парней! Здесь идет совет архонтов и жрецов, и ты должен уважать городские власти и святыни!

— Подслушал я, стоя в дверях, как Парфенокл собирается выдать меня Митридату и этим откупиться! Парфенокл нашкодил, как маленький ребенок, и боится наказания! Что ж, схватите меня и выдайте, если только мои воины позволят вам сделать это!.. Эй, ребята, вы позвольте Парфеноклу схватить меня?

В ответ поднялась волна яростных криков и проклятий, которая из-за спины Асандра хлынула на «лучших людей» и заставила Парфенокла попятиться за пьедестал Зевса. Но он не сдавался и издали вскричал:

— Асандр вознамерился впустить в город войско Митридата, он хочет, чтобы фанагорийцы и варвары изнасиловали наших жен и разбили наши сундуки!

— Помолчи, Парфенокл, — ответил Асандр спокойно, — ты глуп и болтлив, как рыночная торговка! Ты виноват в том, что народ перестал верить совету архонтов!

Левкипп, что стоял опустив голову, поднял глаза и спросил ворчливо:

— Кому же верит народ?

— Сегодня народ верит богам и мне, почтенный жрец! Все сильные и смелые люди вышли на улицы и готовы мечами поддержать меня! Почему?.. Потому, что, кроме меня, нет человека, который смог бы договориться с Митридато и найти выход из ловушки, в которую попал Пантикапей! Народ требовал расправы с Парфеноклом и другими членами совета, но я удержал его! Ибо хочу блага Боспору, а не распри и крови! Власть в Пантикапее в моих руках, судьба всех вас тоже! Но я не демагог и не тиран! И говорю вам: если хотите сохранить в целости город и свое достоинство, вручите мне судьбу Пантикапея и всего Боспора! И ни

Митридат, ни его войско не коснутся очагов ваших! Не согласитесь — дело ваше! Тогда в храм войдут все те, кто против вас, разговаривайте с ними без меня! А я уйду, ибо был верным сыном города, верным и остаюсь! Решайте сейчас — через полчаса будет поздно!

— Ты надеешься, что Митридат будет милостив к тебе, а народ послушает тебя? — продолжал свои вопросы Левкипп.

— Народ уже послушал меня и послушает впредь! А Митридат знает меня, я уже долгие годы служу ему, как богу! И только я смогу защитить вас от его гнева! Так же, как и от гнева народа!

— Чего же ты требуешь? — опять спросил Левкипп.

— Для блага города и его храмов, для блага Боспора в тяжелый час испытаний — хочу возложить на себя тяжелое бремя — стать законно избранным стратегом города и первым среди архонтов города! Если вам дороги храмы и очаги боспорские, вы согласитесь на это! Если не дороги — пеняйте на себя! Сейчас надо действовать, а не говорить!

Такое сочетание благонамеренности с угрожающим гоним, уверенный и звонкий голос Асандра, его твердый взгляд, а главное — стена копий и мечей за его спиной и зловещий шум толпы за пределами храма заворожили всех присутствующих. «Лучшие люди» после короткого колебания прониклись убеждением, что иного выхода нет и кормило судьбы сейчас в руках этого человека. Он оказался единственной силой, способной сдержать стихию народного возмущения и договориться с понтийским владыкой. Стоит ему уйти — и чернь ворвется в храм и совершит насилие над самыми богатыми и уважаемыми гражданами, осквернит жилище великого бога. И если не перебьет городских властедержателей, то выдаст их Митридату как сторонников Рима!

Каждый понимал, что Асандр рвется к власти и хочет поймать крупную рыбу в том мутном водовороте, который готов затопить Пантикапей. Но боги явно снисходительны к нему, поставили его во главе событий и вручили ему пучок молний, которыми он может сразить противников и защитить друзей. Большинство горожан и беднота сплотились вокруг него, Митридат — его бог и благодетель! Противопоставить ему некого, да и едва ли нужно. Ясно, что боги избрали его орудием своей

воли и он, как опытный кормчий, проведет боспорский корабль между Сциллой и Харибдой невредимым!.. Асандр — это хват! Человек с золотым мозгом и стальной рукой! В крайние минуты он не теряет ни разума, ни мужества!

Греки сдержанно зашумели, разводили руками, советовались накоротке, бросая на смелого мужа взгляды, в которых первоначальное изумление, досада и страх все более уступали место уважению и надежде. Парфенокл умолк, чувствуя себя побежденным. Он смотрел на свои сандалии со смешанным чувством, в котором было и невольное доверие к Асандру, и изумление его неожиданного взлета, и зависть к его удивительным способностям.

Левкипп, прищурившись, бегал взглядом по толпе «лучших людей» и видел, как весы Фемиды решительно склонились в сторону Асандра.

— Скажи, Асандр, — раздался голос жреца, — что ты предпримешь прежде всего, если мы утвердим тебя народным стратегом и главой города?

— Запру ворота города и выведу на стены войска!

Все присутствующие ахнули от неожиданности.

— Выходит, ты намерен сразиться с Митридатом?.. Говорят, у Митридата огромное войско! — не выдержал Парфенокл, поднимая голову.

— Кто очень глуп и не проспался после вчерашней пьянки, получит мои разъяснения позже! Остальные, я думаю, не забыли, что сильному всегда больше почета, чем слабому! Но долго разговаривать некогда! Ближе к делу!

— Это верно! — заметил жрец в раздумье. — А как ты поступишь с Махаром и его войском?

— Махара надо схватить! — выкрикнул Парфенокл.

— Махара не трогайте, предоставьте его мне! А если вы попытаетесь схватить его, горе вам!

— Что мы будем делать, если Митридат подступит под стены? Воевать?

— А кто сказал, что мы должны валяться перед ним в пыли? Мы вольные люди и достаточно сильны и многочисленны, чтобы говорить стоя, а не на коленях!

Все обратили вопросительные взоры к Левкиппу и увидели, что тот усмехнулся с явным одобрением.

— Жрец! — обратились к нему. — Скажи свое слово!

Левкипп склонил голову, продолжая размышлять, потом решительно поднял сухую руку, как бы приглашая всех обратиться к Зевсу.

— Асандр — достойный муж! — сказал он негромко, но внятно. — Без таких доблестных людей Пантикапей и царство наше существовать не могут!

— Ай-ай, — пробормотал в небывалом волнении Парфенокл, — какая честь этому человеку!

Жрец продолжал держать руку протянутой в сторону статуи Зевса.

— Боги, зримо и незримо присутствующие здесь, — произнес он вещим тоном, — изрекли истину! Смотрите!

И, к изумлению всех собравшихся, в тот же миг произошло знамение. В верхнее окно храма проник первый розовый луч утреннего солнца и осыпал золотыми искрами суровый лик большого бога. Казалось, Зевс проснулся и сейчас поведет очами на смертных, а потом громовым голосом изъавит свою волю.

Суеверные пантикапейцы схватились за головы. Левкипп выждал минуту и объявил:

— Поспешим, поспешим, почтенные мужи! Времени осталось мало!

Воинство Асандра, заполнившее половину храма, расступилось и образовало проход, по которому архонты и жрецы вышли из храма. Боспорские властители оказались перед мятущейся толпой, освещенной первыми лучами солнца. Асандр протянул руку и показал всем на многочисленные красные паруса Митридатовых бирем, которые преодолевали водную преграду, отделяющую Фанагорию от Пантикапея.

Глашатаи потребовали тишины и внимания. Была объявлена общегородская экклезия, наспех, без принесения жертв богам. Левкипп заверил, что он все предвидел, жертвы принесены заранее и боги сказали свое слово.

— Они указали нам на сильного мужа, — заявил он, выступив вперед, — способного возглавить народное ополчение и отразить врага, если кто-либо посмеет подступить к воротам священного города нашего! Асандр — доблестный и мудрый гражданин Пантикапея! Он своим разумом превзошел многих, а главное — снискал поддержку богов... Да будет он стратегом города и его первым архонтом! Такова воля богов!

Были произнесены краткие речи, и Асандр после единодушного поднятия рук — хиротонии — был объявлен главой города, ему была вручена судьба Пантикапея.

В этот час Асандр оказался выброшенным волною событий на самую вершину власти. Обстановка сложилась так, что он стал правителем не только Пантикапея, но и всего Боспорского царства на тот краткий промежуток времени, который образовался между концом правления Махара и прибытием Митридата. Это был блестящий взлет на фоне грозовой тучи, нависшей с востока.

— Асандр,— шептали за спиной более робкие из «лучших людей»,— тебе не удастся ни остановить, ни смягчить Митридата. Ты ввергнешь Пантикапей в войну! Разве мы готовы сопротивляться Митридату? У него большое войско, а в загородных лагерях тысячи воинов, которые сразу же примкнут к нему, едва он появится на нашем берегу!

— Не пугайтесь,— ответил Асандр,— не будьте малыми детьми!

Более дальновидные, как Левкипп, понимали острую игру Асандра и говорили одобчительно.

— Асандр смел и предусмотрителен! К тому же умная и хитрая бестия! Он один не растерялся в грозный час и действует наверняка!

Ворота города были немедленно закрыты. На стенах показались сотни движущихся копий. Весь город был на ногах. Рабы несли охапки стрел, катили камнеметы, наливали в котлы смолу и разжигали под котлами огонь.

На высоких башнях вспыхнули зловещие сигнальные огни, поднялись столбы черного дыма, оповещавшие другие города о вторжении врага. Отсюда было видно, как такие же дымные колонны появились на далеких башнях Мирмекия и Нимфея. Вековая слаженность Боспорского царства, поколебленная в последнее время, вдруг сказала в час опасности. Боспор забывал свои внутренние споры и неурядицы, доставал меч и щит и вооружался для отпора врагу. Не впервые в истории внешний враг служил на пользу единению сплоченности народа.

И удивительное дело — все, кто час назад выкрикивал славу Митридату, с великим рвением натягивали жгуты камнеметов и готовили луки и стрелы, говоря

при этом, что так повелел новый стратег города Асандр, а он знает, что делает!.. Да ведь и не одно и то же царь Митридат и те шайки грабителей из Фанагории и ее окрестностей, которые, по слухам, примкнули к войску царя и изъявили готовность первыми ворваться в ворота богатого Пантикапея, где есть что взять на меч!

— Эй, Асандр! — спрашивали простые люди. — Сразу отвечать на стрелы врагов или выжидать?

— Выжидать, обязательно выжидать! — отвечал весело Асандр. — Когда начинать метание стрел, я скажу!

Всем казалось очевидным: если царь Митридат явился с миром, то и войны не будет, а если ему хочется разграбить Пантикапей, то он узнает, как остры мечи и копья простых людей Пантикапея!

XVI

Утро застало Махара в состоянии странного оцепенения. Он тупо глядел на то, как спальники натягивают на его ноги козловые сапожки, расшитые желтыми и зелеными нитками, и послушно протягивал отяжелевшие руки, чтобы попасть ими в рукава персидского полукафтанья.

Таким его увидел вошедший Фрасибул, которого поразили вялость и равнодушие правителя в это грозное утро.

И царевич, подняв голову, заметил, что его советник не такой, как обычно, выглядит помятым, к богатой одежде пристала грязь, серо-смуглое лицо осунулось, только выпуклые глаза горели тревогой и ожесточением.

— Ну что? — усталым голосом спросил Махар. — Восстание глухих пантикапейцев подавлено или продолжается?

— Хуже, великий правитель, хуже! — вскричал Фрасибул осипшим голосом. — Одевайся скорее!

— Но в чем дело? Разве мало тех войск, которые Неоптолем ввел в город?.. Надо поднять остальные!

— Не то, не то, преславный царевич! Царь Митридат в Фанагории с великим войском! И уже начал переправу на нашу сторону! Море зачервонело от алых парусов!

— Что?..

Лицо Махара сразу стало более осмысленным, он недоуменно замигал глазами и болезненно сморщился, как бы стараясь проглотить большой кусок. В этот миг ему показалось, что на него смотрит не Фрасибул, а сам отец, прищурив язвительно-насмешливые глаза.

С неожиданной прытью он вскочил на ноги, растолкал слуг и схватил Фрасибула за грудь.

— Ты пьян или шутишь? Откуда взял такое?.. А где люди, Неоптолем, Асандр?..

— Неоптолем с войском охраняет акрополь, а Асандр во главе взбесившихся пантикапейцев намеревается открыть ворота города и пасть ниц перед Митридатом! Он хочет примирения города с царем за счет тебя и против тебя, Махар!.. Вот какова цена твоему дружку, которому ты доверился!

Вывхватив из рук слуги кубок с вином, Махар стал жадно пить, стуча зубами о край посуды. Бросив опорожненный кубок на пол, сказал возбужденно:

— Я хочу сам увидеть корабли Митридата!

— Для этого далеко ходить не надо, подойди к окну!

Махар выглянул в окно и ахнул от изумления и ужаса. Он увидел сотни бирем с разноцветными парусами, медленно приближающихся к Пантикапею.

— Что же делать? — растерянno спросил он, хватаясь за голову.

— Бежать, и немедленно, пока выход в море не закрыт. Ты заказывал корабли для увеселительной прогулки. Они готовы и ждут тебя!

Вся свита царевича трепетала от одной мысли о том, что придется предстать перед Митридатом. Каждый был уверен, что независимо от того, простит Митридат сына или нет, им придется испить горькую чашу расплаты. И лучше попытать счастья на морских просторах, чем добровольно идти навстречу мучительной смерти. Бежать, как можно скорее бежать!

Иначе думал седой человек в воинских доспехах, который вдруг появился во дворце. Он грубо оттолкнул приближенных Махара и упал на колени. Это был Неоптолем. Он задыхался от небывалого волнения, лицо его налилось синюшной кровью.

— Царевич! — завопил он старческим голосом. — Царевич! Спешь навстречу отцу своему и пади ему в ноги! Повинную голову меч не сечет!

— Ошалел, старый! — взревел вне себя Фрасибул, бросаясь на старика с кулаками. — Да ты знаешь или нет, что Митридат гневен и поклялся предать смерти всех, кто изменил ему? Не иначе — ты хочешь царевичу смерти, а нам пытки на дыбе!

— Царевич, отец простит тебя! — убеждал Неоптолем.

— Нет! — покачал головой Махар с выражением горести на лице. — Никогда отец не простит меня! Надо бежать!

— Верно, о мудрый, верно! — поддержали окружающие. — Мы на быстроходных судах двинемся на запад и достигнем берегов, где власть в руках Рима! Римский сенат оценит твою решительность и твердость! Он посадит тебя на трон отца там, в Понте! А здесь тебе оставаться нельзя!

— Смирись, царевич! — еще громче зывал Неоптолем, стоя на коленях и протягивая корявые руки.

Он даже хотел обнять колени Махара, но тот, словно ужаленный, отскочил и ударил старого наварха ногой в грудь. После этого царевич преодолел оцепенение, охватившее его душу, почувствовал лихорадочную жажду действовать.

— Скорее, скорее в порт! Надо спешить! Мы успеем выйти в море, у отца рыбацкие суда и биремы, они не очень резвы!

Он нервно расхохотался, оглядывая верных слуг и соратников.

— Если пантикапейцы вздумают задержать нас, пробьемся! Вперед!

— Остановись, царевич! — плачущим голосом увещевал его Неоптолем. — Я видел в руках посланца царскую скиталу, якобы письмо тебе от отца! Царь хочет простить тебя и предлагает явиться к нему с повинной:

— Ложь! — взвизгнул Фрасибул, вне себя. — Ложь! Я узнал, что скитала подложная! Это выдумка Асандра, он хотел заманить тебя прямо к отцу в руки!.. Уж не подкуплен ли ты Асандром, старик, а?

Дворец зашевелился, как потревоженный улей. По коридорам забегали люди, которые тащили охапки пестрой рухляди, расшитые покрывала и дорогую посуду. Стража грохотала ногами по каменным лестницам, воины собирались во дворе в походную колонну. Фрасибул

приказал им быть готовыми к рукопашному бою. Махара нарядили в блестящий панцирь и шлем. Но попытка опоясать его боевым мечом не увенчалась успехом. Махар сам не помнил, когда в последний раз надевал это снаряжение. Наборный пояс никак не сходился на разбухшем, жирном животе. Царевич приказал нести меч Фрасибулу, причем заметил, что важнее не забыть сундук с драгоценностями и золотую утварь, которые теперь составляли его последнее достояние.

Ворота акрополя распахнулись, нестройная рать беглецов устремилась вперед, исполненная решимости проложить себе путь в гавань мечами и копьями. Но улицы пустовали, народ находился в большинстве своем у храма Зевса Спасителя, продолжая обсуждать события. Там же строились боевые отряды городского ополчения. Было видно, как на стенах города шевелятся копья и сильно чадят костры, на которых кипят котлы со смолою.

— Похоже, город хочет обороняться? — заметил изумленный царевич.

— Что ты, великий Махар, какая оборона! — поспешил разуверить его Фрасибул. — Я всю ночь отбивался от толпы мятежников, они кричали славу Митридату и требовали твоей смерти! А Асандр со своими головорезами подзуживали чернь на беспорядки, надеясь твоей головой расплатиться с Митридатом! Не задерживайся, времени мало!

Следом за царевичем и его приближенными, охраняемыми тесным кольцом личной охраны, тянулся длинный хвост из слуг и людей, оказавшихся случайно в окружении правителя. Все в страхе и растерянности бежали к порту. Несли узлы, ящики, мешки с провизией и бутылки с вином. Беглецы трепетали перед гневом страшного царя, зная, что он не помилует тех, кто служил его сыну-изменнику. Однако находились и такие, что, оглянувшись, задерживали шаг, перешептывались и исчезали в боковых переулках. Это были те, кто не пожелал связать свою судьбу с незадачливым правителем Боспора. Глядя на них, и другие колебались, не зная, как им лучше поступить.

Это странное шествие разношерстной толпы, покинувшей акрополь, было замечено с высоты городских стен архонтами города, среди которых находился и Асандр.

— Ты совершаешь ошибку, Асандр,— возгласил Парфенокл, обводя вокруг многозначительным взглядом.— Митридат не простит тебе того, что ты упустил Махара! Еще не поздно, действуй!

— Пока власть в моих руках,— ответил Асандр,— я действую, как велят боги и разум! Никто не посмеет преградить путь Махару! Пусть он поступает так, как хочет!

В порту без ведома Асандра, самочинно, собрались собственники кораблей и горячо обсуждали то, что готово было свершиться. Они пронюхали о предстоящей попытке Махара бежать морем и опасались, что их корабли будут захвачены. Вооруженные как попало, они высыпали навстречу Махару, оглашая порт угрозами и ругательствами. Воины Махара легко отбили их сумбурное нападение. Ратники-понтийцы, которым было обещано возвращение домой, проявили преданность и помогли Махару спуститься в лодку и достичь борта наиболее быстроходного из кораблей. Фрасибул, не теряя времени, посадил за весла самых дюжих воинов.

Всего было загружено пять судов, принадлежащих властям города. Судовладельцы начали было успокаиваться, видя, что их собственность остается в гавани. Но взволновались пуще прежнего, когда предусмотрительный Фрасибул громко приказал забросать остальные суда просмоленной паклей и поджечь. Это было сделано проворными моряками на подсобных лодках.

Толпа бесновалась на берегу, но ничего не могла предпринять, осыпаемая с кораблей градом стрел и свинцовых шаров.

Глава фиаса судовладельцев рвал на себе одежду и вопил в иступлении:

— Поглядите, поглядите! Царевич бежит от отца и сжигает наши корабли! Да проклянут его верхние и нижние боги! Что же делает новый стратег города, если не препятствует этому?..

Яркое пламя разгоралось от свежего утреннего ветра, его полыхающие языки взвивались к небу, соперничая в яркости с лучами восходящего солнца.

Махар с палубы корабля угрюмо взирал на огни пожара и толпу людей на берегу. Рядом с ним стоял Фрасибул, который, наоборот, больше поглядывал в сторону пролива, где все яснее вырисовывались Митридастовы биремы.

— Гребите сильнее! — нетерпеливо покрикивал он на гребцов.

Корабли готовы были повернуть на юг, в сторону открытого моря, еловые весла пенили уже не мутную воду гавани, а зеленые волны Боспорского пролива.

Махар облегченно вздохнул, убедившись, что вырвался из клещей, которые угрожали его ухватить. Здесь произошло нечто странное. Неожиданно какой-то человек выпрыгнул из палубного люка и устремился к царевичу, держа в руке небольшой предмет. Махар в мгновенном ужасе предположил, что это убийца, посланный отцом и укrywшийся здесь заблаговременно. Хотел схватиться за рукоять меча, но меча не было.

— Стой! — закричал Фрасибул, заметив неизвестного. Но тот оказался очень проворным и сильным. Столкнувшись с персом, одним ударом отбросил его. Фрасибул тяжело упал на палубный настил.

— Великий царевич! — вскричал незнакомец, широко раскрывая рот, обросший клочковатой бородой и колючими усами. — Твой отец, царь Митридат, послал меня к тебе вот с этой скиталой! Твои помощники не допустили меня к тебе. Но я пробрался на корабль и спрятался до твоего прихода. И сейчас вручаю тебе послание твоего родителя-государя!

Всунув в руки опешившего Махара черную шкатулку с золотым гербом, странный посланец отскочил в сторону, заметив, что Фрасибул поднялся на ноги и намеревается сразить его мечом. Только теперь перс узнал ночного бродягу, которого безуспешно пытался схватить.

— Это ты, проклятый обманщик! — взревел он в ярости. — Не верь ему, царевич, это Асандр подослал его убить тебя! Эй, люди, хватайте его!

Фрасибул размахивал мечом, но в решительную схватку не вступал, зная, что Евлупор силен и мастер драться даже без оружия.

Но бородатый посланец, сумевший передать Махару скиталу, сразу почувствовал себя легко и свободно, на душе его стало ясно, как никогда. Не обращая внимания на Фрасибула и воинов, он разбежался, сделал прыжок, который оказал бы честь даже горному барсу, и перемахнул через борт. Он исчез в белоснежной пене, потом его голова зачернела среди волн. Легкими взмахами рук он отдалялся от корабля, направляясь к берегу.

Стреляйте в него! — приказал Фрасибул, пылая яростью. Эй, лучники, чего оторопели? Сразите его в воде!

Махар разглядывал скиталу, потом обратил взор на море, где боролся со стихией бесстрашный гонец, который, видимо, хочет явиться к своему повелителю и доложить о свершенном. Повелитель этот — Митридат!

— Нет, нет! — возразил он, подстегнутый внезапной мыслью. — Не убивайте его! Скитала эта верная, и убивать посланца нельзя! Жизнь его неприкосновенна, пусть плывет!

Лучники опустили луки, ослабили тетивы и вложили стрелы обратно в колчаны.

Все смотрели, как смело плывет человек, и качали головами одобрительно.

— Отважен муж! — пронеслось по кораблям. — Не боится пучины! Такого жаль было бы убить! Да и Посейдон не простил бы нам, сейчас пловец под его покровительством!

XVII

Те, кто утверждал, будто Митридат утомлен и намерен отдыхать в Фанагории, пока его войска переправляются через пролив, просто не знали характера неугомонного царя. Он вступил в Фанагорию совсем не для того, чтобы за ее стенами найти покой после трудного похода. Здесь он задержался всего на одну ночь, которая целиком ушла на подготовку кораблей для переправы.

Царь бегло осмотрел город, который ранее представлялся ему захолустной эллинской колонией, бог знает когда основанной теосцем Фанагором среди топей и болот, затерявшейся в непролазных зарослях камыша. Он не ошибся, болот и камышей здесь было немало. И сам облик города сохранил отпечаток седой старины. Но был удивлен многолюдством и величиной Фанагории, обстроенной храмами и двухэтажными домами, имеющей большой торгово-ремесленный пригород.

Здесь были святилища всех богов, среди которых особо выделялся храм Афродиты Апатуры — Обманчивой, покровительницы Фанагории. Митридат принес жертву этой лукавой богине, осмотрел ее изваяние. Афродита сидела на троне со скипетром в одной руке и шаром в другой. Рядом с нею стоял мраморный Эрос,

шаловливый бог любовных встреч. Жрецы Апатуры выглядели важными и откормленными, благо на них гнули спины за городом сотни обездоленных тружеников — пелатов, которые мало чем отличались от рабов. Пелаты трудились на полях храма, жили в землянках, получая за свой труд всего лишь шестую часть урожая, почему их звали также «шестидольщиками».

Митридат заглянул в деревянный акрополь, построенный очень давно, его башни покосились и явно требовали замены. Проехал на коне вдоль городских стен, внизу сложенных из обомшелых камней, а выше рубленых из почерневших сосновых бревен. Заметил про себя, что такие укрепления боятся огня. Обратил внимание на множество ворон, круживших над стенами с протяжным карканьем. «Трусливые и лукавые птицы, под стать фанагорийцам!» — подумал царь, который с первой встречи убедился в двоедушии этих людей, прославившихся своими хитростями.

Посетив морской порт Фанагории, а затем речной, с их оживлением и сотнями грузовых судов, Митридат уяснил себе, что не камышовые заросли и не болота привлекли сюда греческих поселенцев, а сказочно богатая торговля, как с заморьем, так и с племенами, живущими вверх по реке Гипанис. Недаром Фанагория считалась столицей азиатской части Боспорского царства и всегда соперничала с Пантикапеем.

В ответ на царские речи фанагорийские полуварвары, считающие себя чистокровными эллинами, кланялись низко. При этом усердно били комаров у себя на щеках и затылках — занятие общепринятое в этой местности, изобилующей летающим гнусом.

Увидев, что и Митридат так же начинает шлепать себя по шее, отгоняя назойливых летунов, они принесли жаровню с сухим коровьим пометом, зажгли его, устроив дымокур, от которого царь закашлялся.

Фанагорийские ораторы выступали с туманными речами, в которых восхваляли понтийского царя и сыпали заверениями в своей вечной преданности ему.

Но Митридат доверял лишь стратегу города Кастору, которого подкупил ранее через тайных людей и который подготовил город к мирной сдаче.

Царь не сомневался в том, что и Кастор имеет фанагорийскую душу, изменчивую и коварную. Но стратег

обуреваем жадностью к золоту и честолюбивым стремлением стать первым в городе. Ради утоления этих страстей он готов был служить понтийскому повелителю, пока тот в силе и возвеличен богами. Этот благообразный и статный муж с русой бородою хотел получить из рук Митридата власть и золото, то есть те блага, в которых ему отказали вчерашние покровители города — римляне.

Кастора поддерживали богатые фанагорийцы, которые готовы были любой ценой сохранить целостность города и собственное достояние. Вчера они искали поддержки у всемогущего Рима, сегодня склонились перед Митридатом, понимая, что он раздавит их, если они его плохо примут. И старались заверить грозного царя в своей готовности быть его вечными подданными. А дальше, думали они, будет видно! Кто победит, тот и хозяин, тому и почет и низкие поклоны! Сегодня же надо помочь беспокойному гостю переправиться в Тавриду вместе с его прожорливыми ратями, которые в одну ночь съели почти все хлебные запасы города.

Были в Фанагории и явные филоромеи, такие, как трапезит Архидам, разбогатевший благодаря связям с Сервилием, пиратствующим на море. Этому вообще нельзя было встречаться с Митридатом из опасности угодить на кол.

Архидам и еще сотня горожан, открыто служивших Риму, снарядили несколько речных судов. Погрузили на них свои накопления и пожитки и вместе с семьями бежали по реке Гипанису в глубь страны, надеясь найти убежище у тамошних племен.

Кастор, предполагая, что Митридат задержится в Фанагории, готовил для него развлечение — охоту на диких кабанов в камышовых зарослях. Удовольствие острое, достойное мужчины, так как клыкастые секачи яростно бросаются на охотника, если тот преграждает им путь. Чтобы подкрасться к стаду, нужно бесшумно брести по горло в мутной воде, а потом бить зверя копьем под переднюю лопатку.

Но Митридат отказался от кабаньего полевания. Еще не алела утренняя заря, а войско уже начало посадку на корабли. Загремели цепи якорей, извлекаемых из воды. Митридат, исполненный боевого задора, пытался разглядеть во тьме огни Пантикапея, куда он так стре-

мился и где предполагал начать, не теряя времени, усиленную подготовку к новой схватке с Римом. Он проявлял нетерпение и торопил стратегов и навархов с отплытием. «Вперед, вперед» — стучало его неугомонное сердце. — Скорее в столицу северных эллинов, богатую, многолюдную!.. Там все начнется сызнова!.. Вперед, к грядущей победе!»

Рассвет застал корабли среди пролива. Первые лучи солнца осветили берег Тавриды, окрасили его в пурпурные тона попеременно с искрометным золотом. Стройные стены и башни пантикапейских укреплений, корона акрополя на высоком холме и белые ярусы домов, сбегające к морю, загорелись красками небывалой красоты. Воеводы и ратники взирали на дивный город в изумлении. Он казался им ожившей сказкой, чем-то наподобие дворца великанов, построенного из золота и драгоценных камней-самоцветов.

Вспыхнувшим взглядом смотрел на эту жемчужину севера Митридат. Около него на передовом корабле стояли ближайшие соратники, также испытывая подъем духа. Среди них был и Кастор, сопровождающий Митридата как правитель Фанагории, царский политарх, назначенный на эту должность прошлой ночью. Он снарядил десять кораблей за счет города, посадил на них фанагорийских гоплитов и горских удалцов в лохматых шапках. Те и другие всегда мечтали о разграблении богатого Пантикапея. Военственные горцы распевали свои дикие песни и с гоготанием показывали один другому мешки для добычи и ремни для связывания пленников, которых они продадут в рабство за хорошие деньги.

Пожар в порту и появление пяти кораблей, которые с поспешностью вышли в пролив и направились к югу, вызвали оживленные замечания.

— Кто-то бежит из города, — просто ответил Кастор на вопросительный взгляд Митридата. — Это те, кто боится кары за службу Риму! Они подожгли остальные суда, дабы избежать погони. Прикажи, я попытаюсь догнать их на быстроходных камарах!

— Не надо, — нахмурился царь, упрямо склонив голову. Он, как и все, хорошо знал, кто может так поспешно покидать Пантикапей.

Над городом выросла колонна черного дыма, увенчанная в высоте бурым облаком. Такие же дымы пока-

зались в разных местах на берегу, к северу и к югу от столицы.

— Что это такое? — спросил царь Кастора.

— Это, государь, — ответил тот с поклоном, — сигнальные огни, их зажигают, когда надо поднять все города против врага! Это сигналы войны!

— Неужели они намерены сопротивляться? — с досадой молвил Митридат, обращаясь к окружающим. — Осада города не желательна! Пантикапейцы должны принести свою покорность и встретить меня как законного государя, а не как завоевателя!.. Эй, Менофан!

— Я здесь, великий государь! — отозвался стратег, выступая вперед.

— Нужно выяснить, в чем дело! Поспешь на десяти кораблях вперед и растолкуй боспорцам, зачем я прибыл. Потребуй, чтобы горожане выслали лучших людей навстречу мне, для переговоров!

— Спешу!.. Исполняю!..

Менофан немедленно перешел на другое судно. Заиграли рожки, на мачтах появились сигнальные щиты. Десять кораблей ударили веслами по волнам и быстро оказались впереди, взбудоражив утреннюю гладь пролива.

XVIII

За действиями Митридатовой флотилии следили тысячи глаз со стен Пантикапея. Видя, что авангард из десяти кораблей быстро приближается, все зашевелились, стали готовить оружие. Асандр приказал воинам и их начальникам ни в коем случае не метать стрел и камней самовольно и не выкрикивать оскорблений. Он наблюдал за высадкой отряда Менофана, а вскоре узнал и его самого.

Стратег Митридата, сопровождаемый воинами, приблизился к стенам города и сделал знак рукой. Голосистые глашатаи подбежали к городским воротам и заявили, что законный повелитель Боспора, царь Митридат прибыл в свои владения и удивлен, почему город вооружился и закрыл ворота... Царь повелевает архонтам и военачальникам явиться к нему для ответа! Никто не будет наказан беспричинно!

— А за какие проступки царь будет наказывать? — спросили со стен.

— За измену! — ответил Менофан кратко и внушительно. — Кто изменил царю, тот умрет!.. Такова воля царя!

Между зубцов стены появился Асандр в блестящем шлеме. Он крикнул:

— Изменил Митридату один царевич Махар! Но он бежал из города! Город царю не изменял!

— А если не изменял, то почему вы вооружились и закрыли ворота? — спросил Менофан брюзгливо.

— Повторяю — изменил отцу Махар. Но он с друзьями уже далеко в море. А город всегда закрывает ворота, если приближаются войска, хотя бы и дружественные!

— Подтверждаете ли вы присягу на верность царю Митридату?

— Подтверждаем, ежели городу будут сохранены его свобода и обычаи, а гражданам — неприкосновенность! Мы не хотим отвечать за проступки Махара!

Асандр имел зычный голос, и его слова были слышны далеко. Воинственный пыл пантикапейцев, поддерживаемый опасениями за целостность своих очагов и храмов, несколько поостыл, когда они увидели, как плотные колонны царских войск начали дружную высадку на берег. Сотни воинов и рабов с криками тащили на сушу огромные камнеметы и тараны с бронзовыми головами. Стало очевидно, что Митридат явился сюда не как беглец, но возглавляет сильное войско. И было бы лучше обойтись без кровопролития. И в то же время каждый пантикапейский ополченец готов был драться насмерть, если придется защищать свой очаг. Надежда была на Асандра, на его мудрость, на его опыт в общении и Митридатом, умение вести хитрые переговоры. Он найдет выход!..

— Кто возглавляет оборону? — спросил Менофан.

— Волею богов и народа — я, Асандр!

— Если так, то тебя и других архонтов города царь требует к себе! Остерегитесь промедлить, дабы не вызвать гнева государя!

Опасная игра вступила в решающую фазу. Асандр понимал, что его жизнь стала в этой игре разменной монетой. Друзья прямо говорили, что если он пойдет к Митридату, тот посадит его на кол, так как хорошо осведомлен о его дружбе с изменником сыном.

— А если я не пойду к Митридату? — возражал Асандр. — Тогда царь разгневается и начнет приступ! Он проломит ворота города, и его воины совместно с

фанагорийцами учинят грабеж и насилие! И никакой царь не удержит их, таков закон войны!

— Беги в Танаис,— посоветовал Панталеон.

— Нет! — громко ответил Асандр.— Моя судьба еди-на с судьбой Пантикапея! Я сын города и лучше умру, но не допущу его разгрома! И явлюсь к Митридату, хотя бы там меня ждали дыба и смерть!

Он пошел в свой дом, надел лучшие одежды, расчесал и умастил волосы, привесил сбоку блестящий меч и оглядел себя в металлическое зеркало.

— Я полагаю, сказал он с достоинством,— что всем членам совета покидать город не следует. Пантикапей не может остаться без власти!

— Верно! — хором ответили архонты, которых страшила встреча с Митридатом.

— Пойду я один с немногими людьми. И скажу, что совет города готовит торжественную встречу, потому и задержался!

После чего с тем же достойным видом проследовал к городским воротам, сопровождаемый криками толпы:

— Асандр — истинный сын Боспора! Асандр — вождь народа!.. Слава ему!

Многие, восхищенные его смелостью и благородством, устремились за ним вслед, распевая хвалебные гимны. Пока он дошел до выхода из города, толпа разрослась и превратилась в бурную человеческую реку. Люди пели, кричали, возглашали здравицу Асандру.

— Асандр идет на смерть за свой город!

— Асандр уговорит грозного царя не штурмовать город!

Когда ворота распахнулись, огромная масса молодежи последовала за Асандром. Молодые эфебы заявляли громогласно:

— Если царь Митридат вздумает казнить Асандра, то пусть казнит и нас всех!

XIX

Появление шумной толпы, которая смело, с воинственными криками, устремилась к берегу пролива, вызвало замешательство среди воинов Менофана, прикрывавших высадку остальных войск и самого царя. По общему сигналу началось поспешное построение в бое-

вую фалангу. Но Митридат уже стоял на берегу и внимательно наблюдал за происходящим. Он сделал Менюфану знак не применять оружия.

Оглянувшись на свиту приближенных, сказал с усмешкой:

— Если славного гражданина Боспора, военачальника Асандра так торжественно и пылко сопровождает население города, значит, народ верит ему и любит его!

Свита зашумела одобрительно. Только доверенный евнух Трифон подскочил к царю с поклоном.

— Но,— приговорил он вполголоса,— известно, что именно Асандр уговорил Махара изменить тебе! Разрешите — я схвачу его и брошу к твоим ногам!

Трифон сжал костлявый кулак, его глаза стали жестокими, как у ястреба. Но царь сделал движение рукой, и евнух отошел в сторону, продолжая угодливо кланяться.

Митридат приказал встретить смелого грека с почетом и провести его в наспех разбитый шатер, где уже стоял стол с угощениями и винами. Посуда сверкала золотом и самоцветами.

Асандр знал свое место. Он приблизился к царю с видом почтительным и скромным, намереваясь пасть ниц. Но, всмотревшись в облик, ранее знакомый ему, не удержался от жеста изумления. С усилием овладел собою и, сложив руки на груди, упал на колени. Он не узнал в первый миг великого Митридата, которого видел в последний раз десять лет назад. Сейчас перед ним стоял широкоплечий, высокий старик, еще маститый и величественный, но уже опаленный временем. Сине-мраморная кожа обтянула хрящеватый нос и была испещрена на скулах багровыми пятнами. Его лицо напоминало театральную маску, застывшую в одном внутреннем усилии. Только глаза, по-прежнему пронзительные, горели неугасаемым пламенем, они стали даже острее, пристальнее.

— Что, Асандр? — скривившись в усмешке, спросил царь.— Видно, ты не узнал меня?.. Или я постарел?

— Не то, не то, великий повелитель! — поспешно ответил смущенный боспорец.— Глаза мои, как и тогда, в прошлом, были ослеплены светом, идущим от тебя!

Приближенные, стоявшие за спиной царя, сдержанно зашумели. Царь задумчиво оглядел согбенную в поклоне фигуру боспорского стратега и приказал ему встать.

— Почему закрыли ворота и вышли на стены? — спросил он без гнева.

— Не знали, что ты сам здесь! — ответил Асандр, забыв слова подготовленной пышной речи. — Думали, что пришли твои сатрапы и хотят за проступки Махара разрушить город!

— И вы стали бы сопротивляться моим воеводам?

Асандр смело поднял глаза и ответил с твердостью:

— Да, великий царь, стали бы драться до последнего воина! Уже подняли другие города, они спешат помочь нам! Даже к скифам послали за подмогой!

— Ну, а теперь что будете делать, когда убедились, что я сам здесь?

— Великий и мудрый царь! — воскликнул Асандр, опять падая на колени. — Только тебе и только в твои руки вверяет Пантикапей свою судьбу! Ибо верит в твою справедливость и ждет от тебя милости! Пантикапей не изменял тебе! Он не восстал против твоего сына Махара, но и не преклонился перед римлянами! Народ кричал на площадях славу тебе, ждал тебя... Так подтверди свои обещания не подвергать город мести и наказанию, подтверди и наши старинные привилегии! А пантикапейцы воздадут тебе преданностью и любовью!

— Слышу тебя. Скажи, ты основал фias евпатористов?

— Истинно так, государь!

— Что же теперь, фias распался?

— Нет, великий царь! Фias, поклоняющийся тебе, не может распасться! Так же, как не может померкнуть твоя слава! Он продолжает молиться тебе и курить благовония твоему гению!

— Много ли боспорцев стали евпатористами?

— Сотни лучших людей, государь! Ты наш живой бог, ты наш покровитель, тебе служим и будем служить всегда!

— А воевать с врагами моими будете? С римскими легионами?

— Всегда готовы, великий владыка! Только будь милостив к Пантикапею!

— Ну, а против моего стратега Менофана тоже дрались бы?

Оба взглянули на воеводу. Тот стоял, как обычно, на широко расставленных ногах, с опущенными глазами. Услышав свое имя, вскинул голову, как боевой конь

при звуке сигнальной трубы. Уставился на Асандра вопросительно.

— Чтобы сохранить свободу Пантикапея,— тряхнул волосами Асандр,— дрались бы и против Менофана!

Менофан густо побагровел и угрожающе зашевелил усами. Свита опять зашумела, осуждая дерзость малого человека. Трифон схватился за кинжал. Все смотрели на царя выжидающе.

— Это евпатористы-то? — спросил царь не то язвительно, не то с притворным удивлением.

— Евпатористы!

Неожиданно царь рассмеялся. Все вздохнули облегченно. Только Трифон с ворчанием оставил свой кинжал, как бы сожалея, что не удалось пустить его в дело.

Асандр поднялся на ноги по знаку Митридата, который взирал на самоуверенного пантикапейца с миной снисходительности. Трудно было сказать, что в словах Асандра царь принял за истину и что счел той «ложью кстати», которая ценится не сама по себе, но как удачный ход в словесном состязании, когда каждая из сторон за острыми фразами скрывает свои подлинные цели и замыслы.

— Люблю северян! — весело изрек царь с той воинственной лихостью, которой умел подкупать сердца простых воинов.— Они смелы и готовы защищать свою свободу! Хотел бы я увидеть римлян, сраженных боспорским мечом, и, уверен, увижу их!.. Римляне хотели поработить боспорцев, но этого не будет! Я сам, о боспорцы, возглавлю вашу борьбу против Рима!.. Я пришел не разорять города ваши, а защищать их от коварного врага! А за измену Махара — вы не в ответе! За свое преступление он сам и ответит! Откройте ворота, не бойтесь! Мои войска не войдут в город! А кто обидит хоть одного боспорца или посягнет на его имущество — умрет на колу! Я сказал!

Асандр принял поданную виночерпием чашу с вином и осушил ее медленно, с достоинством. Понял, что страшное позади, грозный царь проявил милость, опасность разгрома Пантикапея предотвращена. С поклоном принял от царя дарственный меч и вместе со всеми вышел из шатра.

В последние минуты встречи с Митридатом он стал свидетелем знаменательной сцены. К царю приблизился

седой человек без оружия, в разорванной, испачканной грязью одежде, что свидетельствовало о его скорби и раскаянии. Он хромал, спотыкался на слабых ногах и, наверное, не смог бы прийти сам, если бы его не поддерживал рослый воин, в доспехах, но тоже безоружный.

В трех шагах от царя старик, а за ним и его провожатый распростерлись ниц, уткнувшись лицами в грязь.

— Кто это? — брезгливо сморщился царь и отвернулся.

— Это я, о великий государь! Раб и слуга твой, преданный тебе до смерти Неоптолем!

— А, это ты, неисправный, обленившийся старик? Ты, которому я поручил заботы о царевиче и который не оправдал моего доверия!.. Как же ты остался в Пантикапее? Или ты не успел сесть на корабль вместе с изменниками и трусами, или места не нашлось для тебя?

— И в мыслях не держал намерения бежать от тебя! Ибо жил радостной надеждой лицезреть тебя! И сейчас чувствую себя воскресшим, удостоившись твоего внимания! И скажу тебе, что Махар изменил тебе не сам!.. Люди подговорили его, отуманили его голову! Главный среди этих людей — Фрасибул!

— Еще кто?

— Было время — и Асандр склонял царевича к измене, но... видно, одумался и вот ныне предстал перед тобою!

— Как же ты позволил кому-то склонить царевича к измене? Почему не уберег его от злых советов?

— Увещевал царевича многократно! Но вначале царевич пребывал в опасном ослеплении и не желал слушать меня, а позже его обуял страх перед твоим гневом!

— Чем ослеплен был царевич?

— Римскими посулами, мощью римской. Поверил в твою гибель и преклонился перед Римом!

Неоптолем старался говорить правду, но он был неискусен в словопрении. Его речи казались той «правдой некстати», которая очень низко ценилась в царском окружении. Всем стало очевидно, что старый наварх рубит сплеча, не предугадывая воздействия своих слов на Митридата. Действительно, царь помрачнел, лицо его заострилось, стало язвительно-жестоким.

— Римскими посулами и моей гибелью? — переспросил он с каким-то свистом в голосе. — Не хочу слу-

шать тебя, ты говоришь как раб, который пытается спасти свою шкуру от кнута! Известно ли тебе, что я послал царевичу тайное послание, получил ли он его?

— Сегодня ночью стало известно! Видят боги, хотел я помочь твоему гонцу вручить Махару письмо, да Фрасибул помешал мне!

— Выходит, царевич не прочел моего письма?

— Не ведаю, государь! Утром Махар не захотел говорить со мною. Он пнул меня, как собаку, а потом бежал в порт! Я же остался и вот лицезрею тебя!

Митридат с трудом сдержал приступ ярости, кровь ударила в голову, рука сжимала рукоять меча. Он был взбешен открытыми разоблачениями неприглядных поступков Махара, а также беспомощностью, проявленной Неоптолемом во всем этом деле. Наварх стоял на коленях, с поникшей головой, ожидая рокового решения. Он надеялся на царскую милость, ибо полагал, что он меньше чем кто-либо повинен в происшедшем.

Послышались крики. К царю спешили два дюжих воина, они вели за руки странного человека, с которого стекала вода. Лица его нельзя было разглядеть под мокрыми космами волос. Воины повергли его к ногам царя.

— А это кто? — поднял глаза Митридат.

— Это я, великий государь! — взревел громогласно задержанный. — Раб твой недостойный, имя мое Кир!

— Где скитала? — коротко спросил царь, стараясь выглядеть спокойным.

— Вручена в собственные руки царевича там, на корабле!

— И царевич прочел ее?

— Не знаю, ибо на корабль я пробрался как вор и как вор бежал с него! Спасался от гнева Фрасибула!

Узнав, как было дело, царь задумался с угрюмым видом.

«Казнь для меня придумывает лютую за то, что опоздал я», — подумал Евлупор.

Но Митридат неожиданно смягчился, поднял глаза на Евлупора.

— Что ж, Кир, — сказал он сурово, но без гнева, — приказ мой ты выполнил — доставил скиталу Махару, не щадя жизни своей! Значит, ты ни в чем не виновен... Встань!

Когда Евлупор-Кир поднялся на ноги, сам не свой от радости, что спасен, подошла торжественная процессия

городских архонтов и жрецов во главе с Левкиппом. В городе уже узнали об успехе Асандра и поспешили вслед за ним поклониться Митридату.

Парфенокл шествовал чинно, в богатых одеждах. Он всмотрелся в человека, который стоял перед царем и даже удостоился царского внимания. Лицо боспорского архонта стало красным, глаза угрожающе загорелись. Сердце рабовладельца не выдержало, он сразу забыл, как ему подобало держаться в столь ответственный момент. Вне себя, Парфенокл закричал во весь голос:

— Великий царь! Не верь ничему, что говорит этот подлый человек! Это же мой раб — беглый Евлупор! Как он смеет стоять перед тобою!.. Вели передать его мне, и я сдеру с него кожу!

Митридат поглядел на Парфенокла долгим взглядом. Ему пришлась не по душе невыдержанность боспорского представителя. Но он подавил вспышку гнева и ответил многозначительно:

— Не знаю ни тебя, крикливый человек, ни рабов твоих! А если ты плохой хозяин и рабы твои разбежались, то сам и лови их, а мне недосуг! Тот же, кто тебе показался беглым рабом, — не раб, а свободный человек, мой воин, и я беру его в свои телохранители! Имя ему Кир! Да не назовет его никто иначе!

— Воля твоя — закон! — хором ответили присутствующие.

Евлупор-Кир не чуял ног под собою, ему казалось, что сами боги невидимо присутствуют здесь и способствуют его успеху. Он отошел в сторону, продолжая смотреть на царя увлажненным взором, в котором восторг и преданность слились воедино.

От его разума был скрыт истинный смысл царской милости. Для него было достаточно того, что Митридат дал отпор его жестокому хозяину и всенародно снял с него скверну рабства. Чего же больше?..

Бывший раб, провозглашенный свободным человеком и воином, готов был растерзать каждого, кто посмел бы сказать хоть одно слово против его благодетеля. Если бы сейчас Митридат немедленно потребовал от него смертельно опасного подвига, он не задумываясь кинулся бы в огонь и сечу, отдал бы жизнь ради того, чтобы доказать свою верность! Митридат опять обратил

взор на склоненного в поклоне Неоптолема, поддерживаемого в этой позе воином. Сдвинул брови.

— Ты стар, мне жаль тебя,— сказал он,— но ты виновен!

— Казни меня, государь,— скрипучим голосом отвечал наварх,— но знай, что я никогда не изменял тебе и не был посвящен царевичем в его тайные замыслы!

— Что ты изменник, ты этого отрицать не смеешь! Ты не остановил царевича от ложного шага и не донес мне об измене своевременно! Это так! Более того — ты, лукавый и подлый, продолжал нести службу в пользу Рима и спать на мягком ложе, полученном от римлян, как получает собака ее подстилку! Был бы ты моложе, я посадил бы тебя на раскаленные уголья, а потом на кол! Но ты стар и жалок и, я думаю, сам поймешь, как тебе поступить! Встань и уйди с глаз моих!

Словно невзначай бросил вопрос воину, сопровождавшему наварха:

— Кто ты?

— Митраас, о великий государь! — ответил тот звучным голосом, падая на колени.— Воин и раб твой!

— Раб мой, а служил римлянам?.. Что ж, будь рабом, если так! Наденьте на него ошейник и прикуйте к обозной колеснице! В помощь быкам!

Стоявший рядом Фарнак взгляделся в статную фигуру новообращенного раба, который, услышав позорное определение своей судьбы, сразу пожух. На его лице появилось что-то страдальческое. Казалось, смертный приговор так не поразил бы его. Царевич помнил этого бравого придворного щеголя и фехтовальщика, у которого он и другие подростки из знатных семей учились владеть мечом. Они даже подражали его манерам, видя в нем образец мужественности и внешнего совершенства. И сейчас казалось жестоким и неправомерным решение великого государя приковать доброго малого к оглобле и обречь на беспросветную жизнь двуногого скота.

Царевич помаялся, но перечить отцу в столь суровый час не посмел.

«Играет людьми, как альчиками,— думал Асандр, наблюдая за поступками царя,— рабов освобождает, свободных делает рабами!»

Митридат помрачнел и насупился, словно от внутренней боли. Как бы разгадав мысли боспорца, взгля-

нул на него сухо и надменно. Его колючий взор, казалось, хотел пронзить насквозь изворотливого грека, который был одним из главных действующих лиц в совершенной измене. «Сейчас прикажет схватить меня!» — воскликнул тот мысленно, с замиранием сердца.

— Почему не воспротивился побегу Махара, не задержал его? — спросил царь.

— Ничего не знаю, не ведаю о побеге правителя! Махар волен поступать так, как найдет нужным!.. А помешать его отплытию мог бы лишь тот, кто поставил его управлять Боспором!

— От чьего имени ты здесь и кто назначил тебя правителем взамен Махара?

— Здесь я от имени общины Пантикапея, ею и поставлен, по законам предков, на место стратега и первого архонта города! Не заменял я Махара и не посягал на его власть! Цель моя — защита города, как я уже сказал. А Махар был и остается правителем Боспорского царства по воле твоей! Прикажи — и мы поклонимся ему, ибо ты наш владыка и слово твое закон для нас! Благословляем и славим тебя, поставленного богами!

После короткого раздумья Митридат поднял руку и изрек:

— Возвращайтесь в город!.. Передайте гражданам Пантикапея — я принимаю их покорность и утверждаю совет города, избранный народом! Обещания свои подтверждаю, имеющие уши — да слышат!

XX

С прибытием заморского царя в Пантикапее сложилась необычная обстановка. Новые, небывалые чувства волновали боспорцев. И никто не мог сказать с уверенностью — радоваться ли великой чести, оказанной им Митридатом, или горевать? Что готовит грядущее — торжество и победу или поражение и горькую расплату?

Все увидели, что войско Митридата выглядит сильным, оно многолюдно, хорошо вооружено. А немалый отряд римских перебежчиков во главе с Гаем и Публием так сверкал начищенными шлемами, что горожане были смущены. Им показалось, что к ним пожаловал не Митридат, а Сервий с морской пехотой.

Въезд Митридата в Пантикапей был великолепен. Ворота города были широко распахнуты, дорога усыпана розами. Все полагали, что Митридат вступит в город на боевой колеснице, как когда-то Махар. Но увидели всадников на белых конях. Первым ехал сам Митридат в зеркальных доспехах, высокой, сияющей китаре и багряной мантии, свисающей до земли пышными складками. В руке он держал высоко поднятый скипетр с мигающими на солнце алмазами. Он вступал в столицу северных эллинов верхом на коне, желая этим польстить чувству людей, полжизни проводивших в седле.

— Глядите, это он! — слышались возгласы в толпе. — Это сам Митридат, да хранят его боги!

— Он накажет вероломного Сервилия за потопленные корабли!

Тут же находились люди недоверчивые и осторожные, которые предвидели потрясения. Они пожимали плечами и, оглянувшись с опаской, говорили негромко:

— Рим силен, его победить невозможно! А с прибытием Митридата мы стали врагами Рима! Хорошего в этом мало. Если не вернется Помпей, то другой полководец пожалует к нам, и тогда Таврида разделит участь Понтийского царства — станет ареной страшной войны!

По-разному мыслили и чувствовали и те, кто следовал непосредственно за царем. Справа и сзади от него ехал Менофан, сутулый, коротконогий. Он трясся в седле, позвякивая золотыми гривнами на шее, отличающими его, главного стратега, от других военачальников. С другой стороны по-молодецки гарцевал Фарнак, одетый в пурпурное с золотым, как сын и наследник царский.

Следом двигался отряд евнухов, личная охрана Митридата, возглавленная Трифоном. Жестокий евнух шарил вокруг желтыми глазами, словно пернатый хищник, выслеживающий добычу. В его костлявой руке сверкал обнаженный меч.

Пантикапейские девушки и юноши встречали царя приветственными кликами и пением гимнов. Они бросали под копыта его коня душистые цветы, лили молоко и вино из кувшинов. Его славил как великого повелителя, встречали как любимца богов, обласканного Никой — богиней победы.

Нет, не беглецом явился гордый царь на Боспор, а

властелином, объединившим под своей короной сказочные гиперборейские страны!

— Велик, велик царь Митридат! — говорили пораженные советники, сопровождавшие царя нестройной гурьбой, кто верхом или в экипажах, а кто и пешком. — И мы смели думать, что он просто бежит от врага, надеясь найти прибежище в дымных юртах скифов и сарматов!.. А он привел нас в новое, прекрасное царство, даже большее, чем то, которое осталось в руках римлян! Опять в его власти богатые города и многолюдные земли! И вот такой прекрасный город, как Пантикапей, возлагает к его ногам свою покорность и свои дары!..

Олтак находился среди царских советников. Он улыбался широко, взирая на столь знакомые места, в которых прошла его молодость. И уже предвкушал сладость мести врагам, захватившим его трон. Он мечтал пролить много, много крови, уничтожить изменников, их детей и родичей!

Только Тирибаз, крайне обиженный тем, что не попал в число первых в этом триумфальном шествии, пребывал в угрюмой задумчивости. Лежа на коврах в крытой повозке, он грыз лакированные ногти и старался предугадать ход событий. Но и он был поражен величием Пантикапея и той удачей, которая сопутствовала Митридату в северном походе. Все казалось сказкой после страшных поражений недавнего прошлого и унылого сидения в Диоскуриаде.

«Видимо, боги еще не отвернулись от Митридата!» — с суеверным чувством думал бывший сатрап, испытывая внезапную робость перед тем, кому он не однажды осмеливался перечить. Известно, что Митридат злопамятен и мстителен, не забывает обид и не терпит строптивых.

Сам царь был доволен. Пантикапей принес ему покорность без сопротивления. Вступая на земли Тавриды, Митридат вновь обрел трон и подданных, взял уверенной рукой бразды правления над Тавридой и всем северным побережьем Понта Эвксинского!

Если кому-то здесь или за морем казалось, что он доживает последние дни своего могущества, похоронив в Диоскуриаде славу и честь, то теперь все видели, что звезда его счастья засияла с новой силой и осветила все вокруг ярчайшим светом!

Митридату мнилось в этот час, будто молодость и былое величие полностью вернулись к нему. Он жадно раздувал ноздри, вдыхая широкой грудью ароматы цветов, устилающих его путь, и испытывал упоение от приветственного шума, которым встречал его Пантикапей.

— Слава Митридату! Да любят боги великого царя вечно! — кричали боспорцы с таким подъемом, словно не они до этого уже изменяли ему и на протяжении ряда лет служили его врагам.

Встревоженные голуби стаями поднимались в голубую пустоту неба, купаясь в прозрачных струях солнечных лучей. Возможно, и они по-своему праздновали победу Митридата.

XXI

Пестрая, недружная толпа царских жен и наложниц, окруженная рабынями и евнухами, вселилась во дворец Спартокидов. После тесного и холодного храма в Диоскуриаде, а особенно после изматывающей качки на море всем почудилось, что возвращаются лучшие времена. Многоколонный дворец боспорских царей напоминал о таких же дворцах в Синопе или Амисе, где жизнь текла в роскоши и неге.

Бакх хлопотал неустанно. Надо было отделить старших жен от младших, где-то поселить наложниц, устроить жилье для дочерей царя, особо угодить своенравной Клеопатре, которая доставляла немало хлопот своими капризами. Ему же была поручена Метея, стройная смуглянка, что стала супругой Фарнака во время похода. Митридат поженил их по государственным соображениям. Метея была дочерью царя меотов, с которым нужно было скрепить союз. Муж и жена не понимали друг друга, ибо говорили на разных языках. И поклонялись разным богам.

Евнух спустился на кухню, где его встретил льстивый Дракон, пропахший запахами соусов и печений. Повар показал противни с обжаренными перепелами, рыбные студни, булочки с изюмом и медовые лакомства в красивых вазах.

— Это все для гинекея великого царя! — прошептал он проникновенно, прижимая пухлые руки к необъятному животу.

— Питье, питье не забудь! Женщины-южанки любят кисло-сладкий шербет с ягодами. Умеешь ли ты его готовить?

— Я все умею, почтенный господин! И не раз делал такой напиток для царевича Махара, тоже южанина!

Поднявшись в женские спальни, Бакх осмотрел мягкую рухлядь и белье. Покрутил носом недовольно. Приказал вынести все пуховики, кошмы, цилиндрические подушки во двор и выбить из них пыль и дурные запахи.

Утомленный суетой, он решил перекусить и малость отдохнуть в угловом покое, рядом со спальнями старших жен. Он облюбовал это укромное место, откуда через окно было хорошо видно, что делается перед входом во дворец. Со вздохом удовлетворения улегся на узорчатый ковер и сделал повелительный жест рукой.

Две красивые рабыни внесли низенький восточный столик, накрытый белой салфеткой. Уставили его сладкими печеньями, фруктами и винами. Медленно, жмурясь и мурлыкая, как кот, евнух приложился к серебряному кубку. Он был почти счастлив от сознания, что все походные неудобства позади.

Но его благодушное настроение было внезапно нарушено. словно удар хлыстом заставил его вскочить и сморщиться в досаде. Это был приказ государя явиться тотчас же. Быстро надев парадное платье и опоясавшись по-восточному шалевым поясом, евнух поспешил предстать перед повелителем, гадая на ходу, что его ожидает.

Он застал у Митридата желтолицего Трифона. «Значит, дело важное», — подумал в тревоге. Трифон все больше входил в доверие царя, становясь одним из сильных людей в царском окружении.

Бакх пал ниц и оставался в таком положении, пока Митридат не повелел ему встать.

Не тратя лишних слов, царь сказал, что поручает им тайное безотлагательное дело — догнать Махара и атаковать в море. Если же тот успеет добраться до Херсонеса, потребовать у херсонесцев выдачи изменника.

— Не щадите ни себя, ни гребцов, ни воинов, — добавил он жестко. — Без удачи не возвращайтесь!

— Слушаем и повинемся! — разом ответили евнухи.

— Твое дело, Трифон, военное, ты должен догнать изменника, одолеть его охрану!.. А ты, Бакх, возьми его! Тебя облакаю правами моего посланца!

— О великий государь,— спросил Бакх,— а если херсонесцы вступятся за Махара?

— Они не сделают этой глупости! Ты, Бакх, скажешь херсонесцам, что я столь же суров с изменниками, сколь милостив к верным мне! Если они выдадут Махара живым, или даже... мертвым, я подтверждаю их вольности и не введу в их город своих воинов! Потребую лишь того, что вправе потребовать законный царь и господин!.. Если же херсонесцы окажутся глупцами и ввяжутся в ссору со мною ради Махара, ты, Трифон, закроешь их гавань своими судами и не позволишь выйти в море кораблям изменников. А ко мне пошлешь быстроходное судно с вестями! Тогда вам на помощь я вышлю большой флот, а сушей двину многоконное войско! Скифский царь Фарзой пропустит мою конницу через свои земли, ибо тоже клялся мне в верности! Тогда херсонесцы узнают, как умеет штурмовать города Митридат! И — горе Херсонесу!

Отпустив Трифона, Митридат остался наедине с Бакхом и дал ему дополнительные указания.

XXII

Немало дней ушло на размещение войск в окрестностях города, причем были заселены ранее построенные лагеря.

Одновременно Митридат устраивался сам во дворце, принимал пантикапейских архонтов и представителей других городов, явившихся с дарами и заверениями в своей вечной преданности.

Во всех храмах шли моления и приносились жертвы богам с участием царя. И когда царь убедился, что бразды правления Боспорским царством в его руках, он, как бы в знак своей милости, решил устроить большой праздник. Он сам пировал не во дворце с людьми знатными и богатыми, а на площади, на глазах у народа и при его участии.

Страшный царь умел казаться милостивым и доступным каждому. С изумлением и жадным любопытством смотрели пантикапейцы на того великана, который всегда мерещился им как огнедышащая гора, возвышающаяся где-то за морем. Митридат представлялся простым людям как богочеловек, необыкновенный во всех своих

поступках. И вдруг божество снизошло с небес и ступило ногой на боспорскую землю. Божество оказалось выше среднего человеческого роста, имело вид костистого старика с хищным носом, покрытым синими пятнами. Оно вкушало от блюд, приготовленных местными поварами, и пило вино из скифского рога, наполненного из общей бочки.

Тот ли это неумолимый и жестокий деспот? — вот вопрос, который задавали себе сейчас многие, видя, как непринужденно беседует и шутит Митридат, как он с удовольствием слушает музыку и пение, смотрит на танцы девушек. Он широко раскрывал зубастый, как у юноши, рот, когда хохотал над проделками скоморохов, что устроили потешный бой среди столов. И богато одарил поэтов, посвятивших ему стихи, а также остроумцев, победителей в словесном состязании.

Шум, крики, восторженные рукоплескания волнами перекатывались с одного конца площади в другой. Боспорцы всех возрастов и состояний теснились вокруг царского стола, опьяненные не столько вином, сколько сознанием близости к великому царю.

После многочасового пребывания «в низах» Митридат проследовал в акрополь, где его ждали ближайшие соратники и лучшие люди города. Они приветствовали его общим поклоном, стоя за столами, украшенными дорогой посудой, винами и яствами.

Как артист, покинувший сцену, царь вдруг стал угрюмым, настороженным, оставив на площади размашистые жесты и раскатистый смех. Он опустился на пиршественное ложе, приготовленное для него, и обвел глазами присутствующих.

Дума о незаконченном деле с поимкой изменника сына помешала ему продолжить пир. Один взгляд на угодливые лица боспорских архонтов, вдохновителей и соучастников предательства, взбудоражил его беспокойную душу.

С внезапным раздражением он отодвинул чашу. Ощутил то раздвоение мыслей и чувств, которое и раньше ослабляло его. То ему казалось, что надо было приказать Бакху доставить царевича в цепях, но обязательно живого! То его пугала мысль: а вдруг Махар в самом деле согласится вернуться по своей воле, надеясь вымолить прощение? Сердце отца пыталось противоречить

холодному разуму государя. Отец боялся, что государь будет слишком жесток к блудному сыну; государь противился слабости отцовской, опасаясь, как бы она не толкнула его на ложный путь всепрощения! «Но ведь он сын твой!» — взывало сердце. «Он изменник и враг твой!» — возражал рассудок.

Царь испытующе оглядел знатных гостей за столами, опасаясь, что мгновенное смятение души отразилось на его лице и замечено всеми. Быстро поднялся с пиршественного ложа.

— Пиру длиться! — отрывисто сказал он и, сделав успокаивающий жест рукой, удалился в свои покои в сопровождении близких евнухов. Руководить пиром оставил Менофана.

— Что случилось? Царь разгневан чем-то? — перешептывались пирующие.

— Пиру длиться! — возгласил весело Менофан, поднимая чашу. — Так сказал государь! Все слышали, все внимали! А что шепнули боги на ухо государю, нам не узнать! Много забот у великого царя, и одни боги ведают, какая из них отвлекла его от пира! Но он сказал: «Пиру длиться!» Налейте чаши, и возблагодарим богов и государя за их щедрость и милость!

Лишь к утру стали утихать пиршественные клики и песнопения. Смоляные бочки догорели, глиняные пифосы были осушены, всюду на улицах храпели упившиеся боспорцы из тех, кто победнее. Богатых отнесли на носилках верные слуги и уложили спать на мягкие подушки. Человеческое море перестало бушевать, только, подобно утихающим волнам, покачивались и исчезали ватаги завзятых гуляк. Но и они изрядно утомились, их песни и смех становились невнятными, ослабевали и наконец умолкли.

А Митридат, трезвый и взвинченный одновременно, смотрел в окно дворца, чуждый сну и покою. Мысли острые как ножи, образы, сотканые из пламени, чувства более едкие, чем дым пожара, отравляли его тело и душу.

Он думал об изменнике сыне, но не только о нем.

Прошрое, настоящее и будущее являлись перед ним в каком-то фантастическом единстве, подобно сказочной трехглавой гидре, то готовой служить ему, пожирая его врагов, то угрожающей ему тройной огнедышащей пастью.

Он вновь переживал счастье побед и горечь поражений, видел себя в ореоле славы и мерзости позора!

И, задавая вопрос судьбе, что она уготовила ему, чувствовал холодное дыхание той бездны, через которую решил перешагнуть.

Звуки ночного пира доносились до его ушей, но близость тысячной толпы, которая славит его и пьет за его успехи, сейчас не согревала его сердца. Наоборот, он острее ощущал свою обособленность от всех этих мелких, недалеких, по его мнению, людей, то страстно преданных ему, то лукавых и неверных. Они могут стать силой лишь в совокупности, но ничтожны и слепы каждый в отдельности, думал он с пренебрежением.

Это он призван богами объединить простых смертных, собрать их воедино, как собирают колосья в плотные снопы, способные противостоять непогоде. А потом — возглавить их в великом походе туда, на запад, где его ждет неслыханная победа и власть над миром! Вот она, заветная цель его жизни! Воспарить к небесам!.. Или... упасть в пучину небытия, как упал Икар, не рассчитав своих сил и крепости крыльев!

Сознание собственной исключительности, богоизбранности и непревзойденного превосходства над всеми никогда не оставляло Митридата. Он верил в свою звезду, преодолевал неудачи и преодолевал препятствия, питая огонь своей души убежденностью в конечном торжестве. Даже неизбежную смерть представлял как нечто величественное, подобное вознесению на Олимп, где богами уже уготовано ему достойное место.

Менофан застал его бодрствующим и напряженным, как туго натянутый лук, когда вошел на цыпочках, придерживая рукою меч.

Близилось утро, на лицо царя падали отблески ранней зари. Он сверкнул глазами в сторону верного соратника.

— Чего тебе?

Узнав, что в гавань вошли суда, отправленные в погоню за Махаром, царь в волнении приказал доставить во дворец обоих евнухов и царевича. Он был уверен, что Махар внял убеждению и явился с повинной.

Ожидая прибытия сына, Митридат опять ощутил, что отцовские чувства овладевают им. И постарался подавить их, утвердиться в подобающей ему царственной суровости и непреклонности. Он еще не решил, какой каре подвергнет Махара, когда тот предстанет перед ним, а посланцы уже прибыли во дворец.

— Ну? — жестко и нетерпеливо спросил он евнухов, упавших к его ногам.

Первым поднял голову Бакх, его бабье, расплывшееся лицо подергивалось, глаза блуждали, он хотел что-то сказать, но, встретившись взглядом с царем, опять стукнулся лбом о каменный пол.

— Где Махар? — почти вскричал царь, раздраженно ткнув длинным жезлом в спину слуги.

— Великий государь, — пролепетал Бакх, опять вскинув голову, — царевич там... в крытой повозке!

— Он жив? — выдохнул царь, стараясь скрыть свое волнение.

— Нет... Царевич не захотел вернуться и выпил яд, — почти беззвучно ответил Бакх, еле шевеля морщинистыми губами.

Он не знал, получит ли награду за содеянное или будет посажен на еловый кол.

Что-то опустилось в душе Митридата, словно померкло. И одновременно он почувствовал как бы облегчение. Все кончено, никаких решений принимать не придется, изменник сам покарал себя!.. И умер без страданий!

Царь приказал рассказать все подробно и слушал заплетающуюся речь Бакха и сухие пояснения Трифона не перебивая. Изредка отвечал кивком головы.

Все было сделано с большой ловкостью. Махар уже успел достичь Херсонеса и намеревался отплыть в Ольвию и дальше, в направлении Боспора Фракийского. Но, по настоянию Бакха, херсонесцы не выпустили из гавани ни одного из пяти кораблей беглого царевича.

Встретившись с евнухом и убедившись, что херсонесцы его не поддержат, Махар понял, что игра проиграна. Бакх предложил ему вернуться к отцу в чаянии помилования. Но он горестно покачал головой и ответил, что Митридат уже не одного из сыновей умертвил, хотя их вина была куда меньшей, чем его, Махара.

Тогда Бакх предложил ему чашу с отравленным вином. Он согласился принять смерть.

— Прочел он скиталу, полученную от меня? — угрюмо спросил царь.

— Прочел, но сказал, что не верит в возможность прощения. Добавил со слезами, что и сам не смог бы жить и пребывать около отца и государя после содеянной измены!

— Это все?

— Все, государь.

Бакх стал успокаиваться, понимая, что ничего страшного не последует,— может, царь даже проявит милость.

Только Трифон был не совсем доволен, так как ему не представилось возможности показать свои таланты в расправе над неугодными. Фрасибул и ближайшие спутники царевича были схвачены самими херсонесцами и сейчас находились в трюме корабля, закованные в цепи. Трифон завидовал Бакху, герою дня, заранее предугадывая, как щедро будет тот награжден за хитрость и распорядительность. Но Митридат, выслушав обоих, лишь кивнул головой небрежно, в знак поощрения.

— Идите,— сказал он, отвернувшись.

Бакх, поднявшись на ноги после заключительного поклона, спросил с робостью:

— Куда его? Внести во дворец?

— Нет, нет! — почти с испугом ответил царь, подверженный суеверному чувству боязни мертвых.— Отправить обратно в порт! Огласить, что царевич умер после раскаяния в содеянном. И похоронить с почетом, как царского сына!

Он так и не взглянул на труп Махара. И не показавшись вне дворца на другое утро, когда город провожал в страну теней своего недавнего повелителя. В это же время без огласки были пытаемы и казнены все, кто окружал Махара при жизни и разделил с ним позор измены. Умер и Фрасибул, которого истязали особенно жестоко. Митридат не забыл, что именно Фрасибул отвез Лукуллу золотой венок и письмо Махара с клятвенными заверениями в верности Риму. Царь знал толк в мучительстве и сам дал указания о пытках.

Но казнены были лишь понтийские приближенные Махара. Все друзья и советники из числа боспорцев получили прощение. В том числе и Асандр. Это была не милость, как поняли рассудительные люди, а расчет. Митридат не хотел портить отношений с боспорцами и проявил к ним не свойственную ему снисходительность.

Не был судим и Неоптолем, ибо его не оказалось в живых. После встречи с царем на берегу пролива он уединился в своем доме, потом его видели в храмах, приносящим жертвы богам. В день, когда стало извест-

но о смерти Махара, он приказал рабам приготовить вино и теплую ванну. Рабы на допросе говорили, что господин лег в ванну, выпил несколько ритонов цельного, крепкого вина. После приказал принести острый нож. Взяв в руки нож, попробовал пальцем остроту лезвия и жестом удалил перепуганных рабов. Через полчаса рабы заглянули тайком в ванную и увидели, что хозяин плавает уже не в воде, а в крови. С криками они собрались вокруг и извлекли Неоптолема из ванны, уже бездыханного.

— Он сам вскрыл себе жилы и изошел кровью!.. Но разве нам поверят? — в ужасе говорили рабы, зная, что их ожидают страшные пытки и казнь.

— О боги! — рыдали служанки-рабыни. — Что нам делать? Ведь нас обвинят в его смерти!

Но ничего не произошло. Явились посланные царя в черных одеждах, осмотрели труп, обшарили все покои дома. С деловым и строгим видом сложили в мешки золотые вещи, дорогое оружие и посуду и отправили во дворец на плечах носильщиков-рабов, под охраной каппадокийских латников, вооруженных ксифосами — остроконечными прямыми мечами.

Всю рабскую челядь согнали во внутренний двор, дом опечатали, а верным слугам Неоптолема приказали:

— Обмойте и умастите тело господина, нарядите его в лучшие одежды и подготовьте к погребению.

Неоптолем был похоронен одновременно с Махаром. Были соблюдены все обычаи, принесены жертвы богам, воскурены ароматные смолы из дерева стиракс. Никто из рабов не был наказан. Все они перешли под власть дворца и отныне стали царскими рабами.

В доме Неоптолема поселился Тирибаз со своими приближенными и слугами. Это был удобный и просторный дом, и Тирибаз угадал в этом заботу Митридата. Вообще после казней и пыток царь становился необыкновенно милостив.

Фарнак воспользовался этим временным настроением отца и, поклонившись, попросил отдать ему поработавшего воина Митрааса как гопломаха, который будет обучать молодых воинов рукопашному бою.

Царь задумался и сказал милостиво, но многозначительно:

— Мягкая у тебя душа, Фарнак! Будущему царю это непростительно. И придет время, ты пострадаешь от

этой слабости! Но не хочу обижать тебя, возьми раба, может, ты и не расскаешься в этом. Скажу лишь, что прощенный изменник — изменит вновь!

Облобызав край царской одежды, Фарнак направился в войсковой обоз, где и нашел Митрааса прикованным цепью к дышлу большой телеги. Он сидел на голой земле в пеньковом рубище, с обгорелыми на солнце обнаженными руками. Увидев царевича, распростерся перед ним на земле. Тот сказал весело:

— Тебе повезло, Митраас! Я беру тебя в свой отряд! Люди, раскуйте воина!

Когда с Махаром и его окружением было покончено, на сердце у старого царя стало холодно и пусто. Он втайне рассчитывал на раскаяние Махара. Ему казалось даже, что он нашел бы в себе силы простить его. Правда, сместил бы с высокого поста, к тому же и нужды в наместнике теперь не было. Возможно, Махар был бы назначен на должность начальника одного из передовых отрядов, дабы иметь возможность в битве искупить вину свою. Но теперь эти запоздалые сожаления не имели смысла.

Часть VI

НИЗВЕРЖЕНИЕ КРОНОСА

I

Тысячная рать на ретивых конях, сопровождаемая десятком боевых колесниц, показалась в скифских степях Тавриды.

Митридат с сыновьями и полководцами во главе лучших конных отрядов выехал на большое полевание. Этим он хотел показать, что считает скифские равнины своими и волен разъезжать по их просторам, не спрашивая позволения у скифского царя.

Более того — он послал в Неаполь гонцов с вестью, что пожалует сам в столицу Скифии как гость и как владыка. Известно, что царей-властелинов не приглашают, они сами решают, куда пожаловать и зачем.

Фарзой, царь скифский, был встревожен и уязвлен. Но царица Табана, его уже престарелая и недужная супруга, поднялась с одра болезни и, совершив жертвенное гадание, получила откровение богов. Небожители поведали ей, что сейчас не время противоречить Митридату, ибо не случайно он выехал на охоту во всеоружии и не задумается с ходу осадить Неаполь.

Поэтому Митридат был принят в Неаполе как повелитель.

Фарзой встретил его перед воротами города пешим, с обнаженной головой, выражая этим покорность. Скифский царь преклонил колена и громко повторил клятвенные слова, подтверждающие его верность понтийскому царю и готовность платить условленную дань.

Высокий гость и повелитель, однако, не заставил

Фарзоя следовать за хвостом своего коня, но спрыгнул с седла с легкостью юноши, обнял скифского царя на глазах всего войска и народа и поцеловал в уста, что по восточным понятиям означало самую высокую честь. Все слышали, как он назвал Фарзоя братом и с улыбкой говорил, что счастлив видеть его и вкусить от его яств за общим столом.

Они вместе взошли на боевую колесницу и обнявшись въехали в город под крики толпы и грохот, с которым воины ударяли в щиты древками копий. Неапольцы дивились, увидев стройных заморских коней, сказочно богатые одежды всадников из царской свиты, блестящие доспехи и добротное оружие Митридатова воинства.

Митридат перед выездом окрасил бороду в иссиня-черный цвет и стал как бы моложе. На его голове, подобно золотой башне, возвышалась большая китара, переливающаяся огнями самоцветов.

Люди толпились по сторонам и показывали пальцами то на двух царей, то на сыновей Митридата, которые следовали за царской колесницей на белоснежных арамейских жеребцах. Особенно поражались красоте и наряду Эксиподра, украсившего собою царский кортеж не менее всех драгоценных камней, вместе взятых. Черноглазую подвижную Клеопатру тоже приняли за царского сына. Она так уверенно и невесомо гарцевала на горячем скакуне, что выглядела лихим наездником и снискала восхищение конелюбивых степняков.

Куда скромнее и проще были одежды и вооружение Фарнака, сурового витязя, который крепость доспехов и остроту меча ставил выше их позолоты. Он с любопытством приглядывался к снаряжению степного воинства, то слишком легкого, годного лишь для лихих налетов, то громоздкого, состоящего из сарматских катафракт и увесистых копий.

«Сплочения и выучки — вот чего недостает этим воинам, так же как и тем вооруженным племенам, что кочуют за морем!.. Лихости, как видно, много, а стойкости нет!»

Так думал царевич-воин, который, зная о далеко идущих планах отца, пытался представить, во что обойдется победа над Римом, если боги будут милостивы. Нужно еще увидеть и оценить самобытные рати роксо-

ланов и аланов, которые, как говорят, более грозны, нежели скифские.

Прежде чем начать пиры и шумные выезды на травлю степного зверья и состязания в силе и ловкости, Митридат принес скифским богам щедрые жертвы, а потом отправился навестить болящую царицу Табану. Он был достаточно наслышан об этой умной и дальновидной женщине, владеющей даром прорицания. Бывшая агарская княгиня, она в свое время принесла скифскому царю в виде приданого союз с агарами и роксоланами, благодаря которому Скифия окрепла и вот уже три десятилетия не вела войн и не утратила ни одной пяди своих земель. Но годы, а особенно недуги сразили ее раньше, чем Фарзоя, который, несмотря на седину волос, выглядел молодцом, лихо ездил верхом, смело прикладывался к чаше и любил мясную еду.

Когда-то скифский царь побывал в Элладе и славился как человек высокой культуры, последователь греческого образа жизни. Но, видимо, это осталось в прошлом. Не утратив внешней щеголеватости и некоторых замашек, усвоенных среди эллинов, Фарзой в остальном уступил обычаям и привычкам степных соотечественников. Возможно, в этом был свой расчет. Чтобы считаться подлинно скифским царем и стяжать любовь и преданность народа, ему пришлось отказаться от слишком усердного подражания заморским манерам. Иначе он рисковал попасть в положение легендарного скифского царевича Анахарсиса, который изменил богам и обычаям родины, за что и пострадал. Фарзой «оскифился» весьма основательно, так же как и его дворец, построенный на эллинский образец еще при Скилуре.

Митридат, оказавшись во внутреннем дворике дворца, не мог не заметить следы усиливающейся варваризации, которая вытесняла внешние признаки эллинской культуры, занесенной сюда в былые годы. Он усмехнулся в бороду, увидев около испорченного фонтана несколько кобыл с жеребятами и десяток кур, роющихся в навозе. Рабыни доили кобылиц и сливали молоко в глиняные чаши, поглядывая на окно, в квадрате которого виднелось чье-то угрюмое лицо. Это было обрюзгшее, серо-блеклое лицо старухи, обрамленное седыми космами и увенчанное сверкающей диадемой, казалось, нацепленной наспех в ожидании высокого гостя.

При появлении понтийского царя рабыни пали ниц, расплескивая молоко, куры подняли крик, кобылы повернули добродушные морды, продолжая жевать свежескошенную траву. Митридат вошел под низкие своды покоев царицы, почуяв сразу и запахи лекарственных трав и спертый дух мало проветриваемого помещения.

На пышном ложе возлежала царица Табана, изможденная, прикованная болезнью к постели. Отечной рукой, украшенной браслетами, она гладила пушистого белого котенка, который мурлыкал, сладко щурясь и расправляя когти на одеяле алого цвета. От былой красоты Табана сохранила лишь темные, без блестящих точек, глаза, такие внимательные, казалось — проникающие в душу собеседника. Царь заметил, что морщинистые, землистые щеки ее никак не гармонируют с этими живыми, глубокими глазами. Можно было подумать, что в полумертвом теле, под пергаментной, сухой кожей, таилось некое совсем иное существо, исполненное молодой силы и желаний.

«Ясно, она колдунья! — подумал Митридат. — Возможно, даже настоящая ведьма, ночами летает в поднебесье и водится с духами зла!»

Ему представилось, как это нестареющее существо иногда покидает немощую оболочку, чтобы во тьме ночи резвиться с рогатыми друзьями и насылать порчу на людей. Он мысленно произнес заклятье против духов, решив сегодня же совершить очистительный обряд.

После взаимных приветствий Митридат лично вручил болящей бутыл с териаксом собственного изготовления, составленным из шестидесяти веществ, и пучок той травы, возбуждающий отвар которой пил сам. Потом слуги внесли дары — греческие вазы и индийские ткани дивной расцветки.

Пожелав царице скорейшего выздоровления и восстановления сил, Митридат вышел из покоя и с облегчением вдохнул струю свежего ветра. Несоответствие между Фарзоем и его супругой было столь очевидно, что Митридат уже прикидывал мысленно, как это обстоятельство можно использовать в своих целях.

Случайно или нет, в горячее время возбуждающих скачек по полынным степям, когда дикие козлы — колосы, — обезумев от ужаса, мчатся, спасая жизнь, рядом с гикающим Фарзоем оказалась Клеопатра. Их кони

были одинаково хороши и пошли вровень. Царевна раскраснелась, ее обнаженная, как у Артемиды, тонкая рука размахивала метательным копьем. Царевна была легче и обогнала скифского царя с звонким смехом. Она сверкнула черными глазами, чем и приковала к себе его внимание. После скачки они возвращались к становищу рядом, их кони притомились, потемнели от пота, но сами всадники были веселы и, беседуя, смеялись.

Достойная Табана хотя и не участвовала, как это бывало раньше, в молодецких заездах, но была прекрасно осведомлена о них во всех подробностях. Она ворожила на шерсти жертвенных ягнят и жгла на углях скрипун-траву, пытаясь разгадать будущее. И размышляла о настоящем. Если Митридата поразила ее внешняя немощь, под которой угадывалась еще не утраченная душевная сила, то и Митридат явился перед нею не таким, каким она представляла его.

Понтийский царь рисовался в ее воображении как уравновешенный и упрямый, жестокий и властный монарх, не лишенный известной доли личного обаяния. Но, взглядевшись в его лицо, исписанное мраморными узорами и болезненными пятнами, она уловила выражение душевной тревоги, неустойчивости чувств. Удивительная сухость царского лица, обтянутость и истонченность кожи, напряженный изгиб бровей и неестественный, мерцающий блеск уже несвежих, часто мигающих глаз изумили ее.

«Это ли Митридат?» — спрашивала она себя в недоумении. И хотя царь сохранил гордую осанку и могучую широту плеч, он выглядел в глазах Табаны молодящимся стариком, которому возбужденность заменяет подлинную страсть и силу. Нелепая черно-синяя, крашеная борода лишь усиливала это впечатление.

«И это тот богатырь, который угрожает Риму и стремится к господству над всеми народами?» Царица невольно усмехнулась от такой мысли. Многое, что ей казалось неясным до встречи с Митридатом, сейчас обрисовалось с поразительной отчетливостью. Сразу после ухода высокого гостя она приказала подать помойное ведро и сама вылила в него царский териак и бросила целебную траву. После чего вымыла руки очищающей морской водой, которую ей привозили в бурдюках из Прекрасной гавани.

Выслушав сбивчивые рассказы тайных соглядатаев из числа участников полевания, царица пыталась представить мысленно вертлявую амазонку, которая сейчас охотится в степи вместе с мужчинами. Охотится? За какой дичью? На кого она хочет накинуть невидимую сеть своих чар?..

Табане был понятен замысел Митридата. Щедрый царь почти всех дочерей раздарил князьям разбойничьих племен на Кавказе, дабы обеспечить себе беспрепятственный проход через «скифские запоры». И, конечно, не без тайного расчета прихватил с собою в Неаполь эту большеротую чернавку, которая если не блещет красотой, зато имеет одно огромное преимущество перед скифской царицей — молодость, свежесть юности! К тому же она дочь великого царя! И если Фарзой прельстится ею и возьмет ее в жены, она едва ли удовольствуется скромным положением младшей среди царских жен! Митридат совсем не для того хотел бы породниться с Фарзоем, стать его тестем, как он стал тестем Тиграна, царя Армении. Если его замыслы осуществляются, то главной в Неаполе станет уже не Табана!

Да и судьба Скифии сольется с судьбой этого старика, который уже скатился с вершины бывшего могущества и продолжает падать все ниже, увлекая за собою народы и царства!.. А Фарзой прост, ой как прост! Страшно подумать, как он будет управлять Скифией, когда она, Табана, умрет?.. Он сегодня, возможно, уже ничего не видит, кроме черноглазой наездницы, и ничего не слышит, кроме распаленных речей безумного старика!

Сотворяя молитвы, скифская царица предприняла встречные меры. К роксоланам и агарам поскакали всадники с ее посланиями. В Пантикапей, Фанагорию и дальше были направлены тайные люди. Они должны были видеть и слышать все и доставлять вести в Неаполь. Замыслам и действиям великого заморского царя невидимо и незаметно были противопоставлены хитрость и решительность недужной телом, но сильной умом и духом женщины.

Фарзою, увлеченному шумными празднествами и ристаниями, шепнули сквозь веселый гомон молодецкого пира, что прекрасная и мудрая Табана ждет его к себе. И хотя скифскому царю не очень понравилось, что его тревожат в час разгула, он не замедлил появиться у

ложе супруги при свете чадающих плошек, испускающих запах горелого сала. Неровный свет волнами ходил по закопченным сводам царицына покоя. Больная ворочалась с трудом, дубовая кровать скрипела. Белая кошечка, внезапно разбуженная, соскочила на пол бесшумно и выгнула спину колесом.

Устроившись на ложе поудобнее, Табана жестом руки удалила всех слуг. Уставилась глазами на разгоряченного Фарзоя, который принес сюда запахи вкусных яств и крепких вин, сдобренных острым душком конского пота, пропитавшего его одежду во время конной охоты.

— Как чувствует себя моя супруга, царица Скифии? — спросил он.

В раздумье пожевав втянутыми морщинистыми губами, Табана ответила глухим голосом:

— Слава богам и тебе, мой повелитель! Я чувствую себя не намного хуже, чем твой гость царь Митридат, на лице которого я узрела обреченность! Он жив и деятелен, но тень судьбы уже легла на него. Увы! Мне нечему позавидовать у этого человека! И если мой факел почти догорел, но еще тлеет, то факел Митридата пылает, чтобы погаснуть сразу. Таково откровение свыше. И тебе надо знать это, как пастырю своего народа, его вождю и избраннику!

— Это ты и хотела сказать мне?

— И это, и другое, хотя и этого достаточно, чтобы задуматься. А задуматься есть над чем! Митридат сегодня силен, собрал немалое войско, которое предано ему. Это надо помнить!.. Но у Митридата нет завтрашнего дня, ибо он одинок, как в поле дуб, и сила только в нем самом!.. За его спиной нет народов, которые считали бы его своим отцом и богоданным владыкой, он растерял их!.. А под его ногами нет питающей земли, в Тавриде он всего лишь пришелец, беглец, преследуемый врагами!.. Да, Митридат — дуб, только вырванный из земли ураганом! Он еще зеленеет, но уже валится долу и при падении грозит многих раздавить. Твоя забота, как бы такого не случилось со Скифией!

— Но, сердце мое, ведь Митридат признанный царь Боспора и всей Тавриды, и мы данники его! Все народы слушают его голос! Он прикажет — и все племена пойдут в поход!..

— Народы его слушают, ты прав, но в поход едва ли пойдут! Не решатся покинуть родные пределы, могилы отцов и дедов, не рискнут оставить беззащитными селения и очаги свои ради дальнего похода! Вот пришлое войско пойдет, ибо ему деваться некуда и терять нечего! А языги или аланы, а тем более роксоланы и, как я думаю, скифы своих земель не бросят!

— Что же ты советуешь, дорогая супруга?

— Пока кланяйся Митридату, обещаю все, что он потребует! Но запомни: ты велик лишь как царь Тавриды! Идти тебе отсюда некуда!

— А если царь Митридат потребует?

— Это будет не так скоро. К тому времени боги скажут свое слово!

— Победит ли Митридат спесивых римлян?

Табана рассмеялась, стали видны ее желтые зубы.

— Рим велик и могуч! Он прислал для войны с Митридатом сначала Суллу, потом Лукулла и Помпея!.. И все они били Митридата, отняли у него власть, прогнали его на чужбину! Завтра Рим пришлет еще десять таких же полководцев, которые побеждают не потому, что они богатыри, а потому, что за их плечами стоит всесильный Рим! Нет, Фарзой, если Митридату не удалось одолеть римлян там, за морем, то здесь, повторяю, он всего лишь беглец!.. А беглецу Рима не повергнуть!

— Что еще ты хотела сказать мне?

— А то, что я скоро умру! И знаю — тебе будет нужна другая на мое место!

— Никто не займет твоего места, Табана!

— Пока я жива — никто! Боги не допустят этого! Но после моей смерти так будет!.. Из моих рук получил ты союз с агарами и роксоланами и мир на северных рубежах! Что ты получишь от Митридаевой дочери? Аркан, которым она свяжет тебя с Митридатом?.. Тогда ты станешь врагом римлян, а это совсем плохо!.. Может, твоей женой станет Сатеник, аланская царевна?.. Тоже не очень хорошо. Она поссорит тебя с роксоланами и поможет укрепиться аланам! Аланы же хотят сожрать и роксоланов и скифов!.. Подумай над всем этим, Фарзой! Не спеши с решениями!

— Боги знают, что ты говоришь, любезная жена! Ты жива и будешь долго жить по милости богов! И никакой другой царицы в Неаполе не увидят!

— Спасибо на добром слове. Я устала, иди к гостям, а на досуге подумай о нашем разговоре!

II

Митридат показал свои способности. Общась со скифскими князьями, он стал появляться уже не в греческом хитоне и не в персидском кандии. Он облачился в скифские шаровары и замшевый кафтан, расшитый варварской мишурой. Его бородатая физиономия, нависшие брови, хищный нос и огненный взор поразили воображение степного народа.

Царь не гнушался шатрами малых князей, одаривал их жен, вкушал от домашних блюд, пахнущих дымом костра, приносил жертвы мечу, воткнутому в кучу хвороста. Он был великолепен, когда появлялся на ристалище перед народом. Его умение скакать верхом на диком жеребце, появляться на грохочущей колеснице, держа в могучих руках красные вожжи шестнадцати взбешенных скачкой коней, напоенных заранее дурманящим зельем, выглядело как артистическое представление.

Умение царя рубить мечом, сыпать стрелами на скаку восхищало скифских витязей. Он завладел их душами, покорил их, увлек за собою. Казалось, еще не было в степи такого богатыря со времен легендарного Атея. Все удальцы скифские выглядели перед ним увальнями, не могли сравниться с ним в силе, ловкости и особенной мужественной красе! Одно появление Митридата верхом на коне приводило в восторг толпы степного воинства.

Мало кто знал, что царь поит своих коней дурманящим зельем. Еще большим секретом было то, что и сам царь все охотнее и чаще пользуется бодрящим питьем.

Как истый актер, он скрыл предательскую седину под слоем краски. А перед выездами на охоту и появлением на пирах пил отвар возбуждающей травы, оставленной ему Гипсикратией. Но преданная рабыня знала меру этому снадобью. Теперь напиток готовил Тимофей, он заваривал траву на глазок, сколько попало под руку. И, наливая в чашу, не предупреждал царя о крепости отвара, ибо не знал силы его. В результате царское сердце начинало стучать, как после быстрого бега, появлялась непроизвольная размашистость движений и вспыльчивость.

Чувство перевозбуждения переходило к концу дня в странную оглушенность, спутанность мыслей и ощущений. Тогда царь старался уединиться и требовал у Тимофея другой настой — из макового семени. Расходившееся сердце успокаивалось, прекращалась пляска мыслей, царь засыпал.

Многие видели лихорадочную взвинченность Митридата, неестественность его пылающего взора, но объясняли это тем, что царь находился в состоянии божественного вдохновения, в котором скрыта тайна его обаяния и успехов. И, пожалуй, самым восторженным поклонником его оставался царевич Фарнак, который видел в отце недостижимый образец обожествленного воителя и государя. Но и Фарнак приходил в изумление, пораженный неутомимостью отца, видя, как тот от восхода до заката солнца, а часто и ночи напролет, проводит среди людей. И уверенно руководит их гигантским хороводом, приводя в движение все, что так или иначе способно двигаться и выполнять его волю.

В степных охотах и шумных пирах Митридат проводил дни и недели, собирая воедино кочевые племена, заключая с ними союзы. Он одаривал царьков и князей, связывал их клятвами, увлекал за собою громкими обещаниями вечной дружбы и неслыханной добычи в предстоящем походе. Скифам он обещал укрепление их царства в Тавриде, а роксоланам — западные земли за Борисфеном. Аланам открывал двери еще дальше на запад, в страну богатую, где народы не дружны и не смогут оказать сопротивления.

Дело собирания северопонтийских земель и приведения скифо-сарматских племен под высокую руку Митридата шло полным ходом и довольно успешно. В те знаменательные дни на просторе северных степей складывалась непреоборимая сила, которая могла бы сломить хребет гордому Риму, если бы мечты и замыслы Митридата осуществились. Остаток лета и осень ушли на встречи с вождями кочевых племен. Все они обязывались платить дань для снаряжения и содержания царского войска и клялись выставить многотысячные рати конных воинов для участия в великом походе на запад.

После чего Митридат, уверенный в себе и удовлетворенный вернулся в Пантикапей.

III

С каждым днем войско Митридата росло и множилось за счет пришлого люда. В порту появлялись суда и гребные лодки, с которых сходили на берег отощавшие пришельцы, вооруженные ржавыми мечами и дубинками. Они выглядели как разбойники, это тревожило пантикапейцев. Но Митридат приказал встречать их хорошо, кормил и поил их и зачислял в войско. Были тут и пираты, которые жаждали добычи, беглые рабы и просто бездомные скитальцы, искатели приключений и легкой жизни. Возвращались и воины из разбитых римлянами царских ратей.

Такого пестрого сброда еще не видывали на Боспоре. Все эти люди спешили стать под знамена Митридата, приносили клятву верности и заявляли о готовности идти в поход и драться насмерть с любым врагом. Их размещали в лагерях, предусмотрительно построенных еще при Махаре, ставили и новые лагеря к западу от Пантикапея. Здесь кишели люди, получающие кров и пищу бесплатно, в счет будущих ратных трудов. Многие из них мало беспокоились о предстоящем походе, да и кто мог сказать, когда он начнется!.. А пока были довольны тем, что могут жить в шатрах, есть до отвала царскую баранину и даже пить вино, распевая песни и не печалась о будущем.

Боспорцы вскоре почувствовали, какое тяжелое бремя возложил на них Митридат и сколь сомнительны были те выгоды, которые сулила будущая война.

Пришла невеселая осень, а за нею зима. Хлеба собирали немало, но он почти весь пошел на прокормление прожорливых полчищ. Единственным выходом из положения представлялось скорейшее начало похода, когда эта масса нахлебников уйдет на запад. Но это могло быть лишь весной. А пока запасы продовольствия уничтожались, подвоз все уменьшался, торговля замерла, рынки опустели. Все громче раздавались голоса, предвещающие к весне повальный голод. Недавние восторги быстро сменились разочарованием и всеобщим ропотом.

Митридат не вникал в затруднения боспорских жителей. Зато его требования становились все настойчивее и жестче. Ему нужно было не только продовольствие. Требовались мечи и копья, тугие луки и дальнобойные

камнеметы. Все это он хотел получить от боспорских оружейников — частью за наличные деньги, а больше в счет будущих трофеев. Это вызвало большое недовольство среди мастеров железа и стали.

Трифон рассылал тайных людей во все концы города, на рынок и в порт, подслушивать и подглядывать. И доносил царю, что боспорцы ропщут, жалуются на ухудшение жизни и не желают работать даром. К тому же сомневаются в успехе дальнего похода, говорят, что им не с руки покидать родные места и оставлять очаги без надежной защиты. Да и побаиваются, что голодные рабы и обиженные крестьяне опять учинят бунт.

— Торгаши и мелкие дельцы! — язвительно осуждал их царь. — Эти люди не способны к восприятию высших радостей — радостей победы! И не могут понять моей борьбы за величие и власть! Они хотят копаться в своих мастерских и спать с женами, набив брюхо чечевичной кашей! Только отважные и смелые, с огнем в душе, рвутся туда, где их ждет великая слава!.. И они не ошибутся! Герои получают города с их сокровищами и людьми, станут моими наместниками и властителями областей! Они поселятся в мраморных дворцах, будут отдыхать в садах Рима, наслаждаться южными фруктами и дорогими винами! Их будут ласкать девы — прекрасные и покорные!.. А рожденные слепыми, с куриным мозгом в голове повинны работать на них!.. Пусть об этом подумают лучшие из боспорцев, пока не поздно! Надо смотреть не под ноги, а вперед и стремиться к победе, славе и богатству! Но для этого мало сидеть у очагов и шептаться в храмах! Надо вооружаться, готовить коней к походу, обучать воинов и запасать провиант на дорогу! Боги готовят для нас великое торжество! Так поспешим же!..

В устах кого-либо другого подобные речи могли показаться бредом, безумным, горячечным. Но это говорил и повторял перед соратниками и воинами богочеловек, одно имя которого внушало почтение и страх. И его речи увлекали людей молодых и отважных, взвинчивали их воображение, рождали честолюбивые желания и пылкие мечты.

— А рабского бунта опасаться нечего, — добавлял царь, — ибо времена Савмака миновали!.. Лучшие из рабов тоже пойдут в поход!

IV

Весна не принесла Боспору желанного облегчения, ибо поход не состоялся в намеченные сроки. Трудности на пути создания великого войска оказались большими, чем предполагал Митридат. Еще не были готовы суда, которые предназначались для переброски воинов морским путем в устье Истра. Лес поступал с кавказского берега очень плохо. Сервилий обнаглел и таранил корабли, груженные бревнами. Аланы и роксоланы все больше затягивали ответ на требование Митридата выставить многотысячные рати, пугаясь необычно дальнего похода. А западные племена бастарнов и придунайских населенцев были встревожены вестью о предстоящем появлении на их землях враждебных ратей восточных соседей, с которыми они были всегда в состоянии войны.

Только кельты сделали дружественный жест, прислали в Пантикапей сотню белокурых молодцов, хорошо вооруженных. Их возглавлял сын кельтского вождя Битоит, муж суровый и бесстрашный, который, преклонив колена перед Митридатом, принес ему клятву верности. Царь был доволен рослыми кельтскими юношами и даже залюбовался статным Битоитом, его словно высеченным из мрамора, красивым лицом и широкой грудью, закованной в панцирь.

— Вот богатыри, с которыми мы пройдем до самого Палатинского холма! — весело сказал царь стоящему рядом Менофану.

Он приказал включить кельтскую фалангу в состав своей охраны. И это было не случайно. Царь окружал себя людьми, которые будут ему преданы в случае измены менее стойких наемников или капризных боспорцев, проявляющих все большее недовольство.

Разросшееся войско буквально пожирало Боспор. Голод принял размеры всеобщего бедствия, улицы Пантикапея были заполнены толпами голодающих. Изможденные и озлобленные люди, не боясь плетей и копий царских воинов, с воплями и жалобными стенаниями стремились к дворцу с хватающей за душу просьбой:

— Хлеба! Хлеба!..

Распространялись слухи о зловещих приметах и знамениях, о странных указаниях жертвенных гаданий.

Все говорили о приближении еще бóльших испытаний, свидетельствующих о гневе богов.

Митридат повелел воинам принять участие в полевых работах в опасении, что если к осени не созреет богатый урожай, то и войско кормить будет нечем.

— Потерпеть надо, потерпеть! — отмахивался он, когда Менофан докладывал ему о бедствиях, испытываемых народом. — Все страдания окупятся грядущими победами! Надо ускорить подготовку к войне!

И добавлял решительно:

— Этой осенью выступим!.. Сразу после праздника Деметры! Послать гонцов к скифам, роксоланам и аланам, чтобы к осени их рати были готовы!

Продолжая с neodолимым упорством умножать и вооружать свое войско, он не замечал уклончивости степных племен. И не снисходил до нужд Боспорского царства, считая последнее всего лишь орудием для осуществления задуманного.

Среди жаркого лета повелел оснастить запасные луки и все крутильные камнеметы тетивами и закрутками из бычьих жил. Ему говорили, что это лучше сделать позже, когда начнется осенний забой скота. Но это возражение лишь взъярило его.

— Вы хотите, чтобы я ждал до осени и перед самым походом начал обучать людей стрельбе и камнеметанию? Это равнозначно измене! Нужно немедленно оснастить оружие и начать большие учения!

Начался забой скота ради добывания сухожилий. Быков забивали без счета, где попало. Воины появлялись в деревнях и выпрягали из плугов рабочих волов, перерезали им горло, вытягивали сухожилия, а мясо бросали. Что не успевали съесть или закоптить и засолить голодающие поселяне, растаскивали собаки и волки, которым помогали стервятники, вороны, появившиеся вдруг в неслетном множестве. Солнце померкло от летающих чернокрылых стай. Это тоже было истолковано как явный признак близкого конца всего сущего. Зато камнеметы были оснащены и дружно щелкали на учебных полях, где шло обучение воинов по римскому образцу, под руководством римских же перебежчиков, возглавленных Гаем и Публием.

Приближался праздник сбора урожая, посвященный Деметре. Митридат намеревался устроить великое гу-

лянье народа у Священного дуба, с соревнованиями в силе и ловкости, с раздачей призов победителям и с угощением народа. На празднике должны были показаться во всей мужественной красе и всеоружии отряды понтийского воинства и вновь набранные рати наемников и местных ополченцев. С целью поразить воображение званых гостей было велено лучшим отрядам надеть красные хламиды и гребнистые римские шлемы. Митридат предполагал начать празднование большими пирами и охотами, после чего собрать военный совет и клятвенно обязать всех к немедленному выступлению на запад. Были приглашены цари и князья степных народов.

— Близок час нашего торжества! Отпразднуем — и в поход! Дальше откладывать нельзя! — говорил с самодовольной усмешкой Митридат, смотря в металлическое зеркало. Евнухи затягивали на его животе скифский пояс с кинжалом и кружкой для питья. Это было очередное переодевание «под скифа».

Настроение испортил Менофан, который появился с предупреждением, что народные гулянья у Священного дуба едва ли состоятся. Туда хлынули несметные толпы нищего и разоренного люда, изголодавшиеся поселяне и горожане, в надежде получить кусок с царского стола. Людей в праздничных одеяниях совсем не видно.

— Голодные намерены встретить тебя плачем и мольбами о лучшей жизни, — докладывал Менофан с обычной прямоотой. — Какие уж тут гулянья!

Митридат почувствовал раздражение и с досадой оглядел мешковатую фигуру воеводы. Ему показалось унижительным и зазорным отменить праздник и отсрочить поход из-за толпы оборванцев, которые по лености и недомыслию остались без пропитания.

— Как же ты допустил, чтобы этот сброд бездельников и нищих испортил наш праздник? — спросил он едким тоном.

— Что делать, государь, — развел руками Менофан. — Тут надо все войско выставить, и то не удержишь! Голодает чуть не весь простой народ!

— Плохо, Менофан, очень плохо, — сдвинул царь крашенные брови. — Я не верю, что у боспорцев нет хлеба! А тебе порицание за неумение сдержать толпу!

— Да и гостей из степей не будет! — в довершение добавил Менофан.

— Как не будет?.. Ты получил известие? Чего же молчишь?

— Не молчу я, государь! — ответил невозмутимо Менофан.— Но говорю по порядку. Прискакал гонец и сообщил, что Фарзой сказался больным и приехать на празднование не может. И роксоланы с языгами будто направлялись к тебе в гости, но среди степи имели встречу с Фарзоем, после чего повернули назад!

— Так это Фарзой двоедушничает и других мутит? — вспыхнул царь.— Какой лукавый скиф!.. Млекоед несчастный! Или он забыл, как мой воевода Диофант разгромил Скилура и Палака, а его самого посадил на цепь? Уж не думает ли он, что я не столь решителен, как Диофант?.. Он скоро убедится, что это не так!

— Великий царь,— решительно возразил Менофан,— сейчас ссориться с Фарзоем не время! Боспорские города не надежны, опереться на них нельзя! А война со степью, если ее затеять, пожрет все наши запасы и людей, которые предназначены тобою для похода на Рим!

— Что же ты советуешь?

— У Фарзоя есть умная жена — Табана! Она все дела вершит, Фарзой послушен ей. А Табана в обиде на тебя, ибо полагает, что ты вознамерен на ее место посадить свою дочь Клеопатру. Вот она и настроила мужа против тебя!..

— Табана? — нахмурился царь в гневном раздумье.— Табана! Да как она осмеливается замышлять против меня? Лежит на одре смерти, встать не может, но, подыхая, успевает жалить, как змея под копытом лошади! Что ты думаешь об этом?

— Думаю, что Табана сильна не только своей хитростью, но и дружбой с агарами, а через агаров — с роксоланами! Пока она жива, с нею нужно ладить!.. Пошли ей подарок! А остальное не моей головы дело!.. Ты, государь, велик умом, тебе и думать над этим! А мое дело — готовить войско к походу. Не силен я в хитростях!

— Я подумаю. А если степняки не приедут, не великое горе! — загремел Митридат раскатистым голосом, желая скрыть досаду.— Они еще пожалеют, что оскорбили меня! А в поход я заставлю их выступить!

— А если они все же не выступят?.. Быть ли великой войне с Римом?

— Быть, Менофан, обязательно быть! Переправим наши шестьдесят отрядов морем к устью Истра, ибо не идти же нам степями такую даль. А там поладим с князьями фракийских народов, союз с ними заключим!.. И пожалуем в Рим на великое столованье!.. Только вместо вина будет литься кровь врагов наших!

— Ну, а праздник Деметры у Священного дуба' будет ли?

— И праздник будет, так как праздники отвлекают народ от печалей! Готовьте угощение, жертвенные алтари и награды сильным и ловким! Сразу после торжества — в поход!

«Выходит, он уже не рассчитывает на поддержку скифов и сарматов! — подумал Менофан. — На кого же он думает опереться? Ведь фракийские племена изменили ему, перекинулись к римлянам, остались лишь наемные отряды да понтийская пехота!.. Не мало ли?»

Пригородное войско, разношерстное и разноязыкое, показалось трезвому воеводе слишком шаткой основой предстоящего похода. Сможет ли оно противостоять стальным когортам Рима? Однако противоречить не стал, отметив про себя, что Митридат ослеплен величественными замыслами и не замечает, как быстро ухудшается обстановка.

V

Царь закончил одевание и был готов отправиться за город, дать сигнал начала праздника и великого смотра всех войск. Увидев вошедшего Фарнака, приветствовал его мановением руки. Положив широкие ладони на плечи сына, вперил в его лицо странно воспламененный взор.

— Сын мой, — сказал он в присутствии Менофана, — настал великий час! Мы вынули из ножен меч и скоро двинемся на кровавый пир к римлянам! Там наше величие, наша победа! Все божественные откровения гласят одно — мы победим! Ты будешь навархом передовой флотилии! Мы двинемся на кораблях по голубым дорогам, и пусть птица Алкион совет гнездо на волнах Понта Эвксинского!.. Зимовать будем на берегах Истра полноводного!

— Вперед, к победе! — ответили враз Фарнак и Менофан, поднимая вверх правые руки, как для удара мечом.

— Эй, принесите дорогого вина! Мы выпьем, дабы веселее выглядеть на пиру! Это будет пир перед походом, после пира весь народ боспорский выйдет провожать нас! Первая остановка — в Херсонесе. Там заберем дополнительные войска и корабли... А скифы и сарматы одумаются, когда узнают о наших первых трофеях, и поспешат за нами на кровавое веселье!

Стоя перед отцом, Фарнак заметил, что, помимо скифского наряда, в который был облачен старый царь, даже борода его была всклокочена на скифский манер. Это было сделано с целью угодить вкусам приглашенного скифского царя и сарматских князей. Но скифы и сарматы отказались прибыть на праздник Деметры и не спешат в дальний поход! Это знали уже все! И царь остался в своем облачении, как артист, подготовившийся к выходу на сцену и вдруг уведомленный, что публика в театр не явилась.

Впервые царевич испытал странное чувство неловкости. Маскарадный наряд не только не достигал цели, более того, он словно подчеркивал очевидный просчет его царственного отца. Артистические способности Митридата, умение стоять выше действительности, увлекать людей и направлять по своей воле события сейчас выглядели как отрешенность от жизни, непонимание подлинного положения в окружающем мире, подмена трезвого разума горячечными фантазиями.

Сейчас царь предстал перед взором сына-наследника не в ореоле таинственного сияния хварно. Это был старик с бугорчатым от кожной болезни лицом, с возбужденно-сосредоточенным, будто остановившимся взглядом когда-то огненных, а сейчас лихорадочно вспыхивающих глаз. Да и устремлен этот взгляд куда-то в пространство, мимо и выше стоящих впереди людей.

«О боги! — мысленно воскликнул Фарнак, словно очнувшись. — Отец не видит правды жизни, он спит с открытыми глазами. Он готов выступить в поход без поддержки сильных и воинственных племен, без опоры на верность боспорских городов. Он спешит бросить против могучего Рима пестрый сброд из пиратов, бродяг, беглых рабов и римских перебежчиков, воображая, что эта горсть своевольных наемников способна сразить римского великана!»

Фарнак был уже не юноша, понимал кое-что в военном деле, верил, что Митридат мог бы затеять большую

войну, возглавив все народы северопонтийских степей. И тогда заставил бы Рим считаться с собою, мог бы получить признание как сильный монарх, даже добиться благоденствия до конца своих дней. Но идти на приступ к границам Римской державы с отрядом добровольцев — все равно, что атаковать небо! Царевич тряхнул головой, прогоняя предательские сомнения. Он пытался улыбнуться, но лишь скривился от внутреннего усилия.

— Ты победишь, государь,— молвил он полупшепотом, опуская глаза.

Ему казалось, что отец прочел его мысли. Но тот ничего не заметил, объятый пламенем величавых грез. Возбужденный от выпитого утром бодрящего питья царь чувствовал нечто подобное опьянению. Сердце стучало, а впереди рисовались с поразительной отчетливостью грядущие сражения и небывалые победы.

Евнух Тимофей принес золотые чаши, два раба следовали за ним с амфорами старого вина. И вот когда аромат виноградной лозы распространился под мрачными сводами царского дворца, случилось невероятное.

Рука царя повисла в воздухе, он не дотянулся до сосуда с веселящим напитком. Поднос и чаши полетели на пол, вино струями разлилось по каменным плитам. Поколебались мраморные колонны, страшный гул послышался под ногами, стены треснули, раздались своды, щебень посыпался на головы царя и приближенных. Все почувствовали, как земная твердь дрогнула, зашаталась устои дворца. Люди валились с ног с перекошенными от испуга лицами, не понимая, что происходит.

Второй удар потряс здание, из трещин в полу вырвались струи удушливого сернистого дыма. В окнах потемнело, потом полыхнуло кровавым огнем. Золотая статуэтка Ники, богини победы, упала на пол и сломалась. Приближенные в страхе бросились к выходу, оставив царя позади. Только Менофан и Фарнак оказались рядом, взяли государя под руки и вывели во двор. Здесь Митридат обвел вокруг встревоженным взором и увидел, что дворец покосился и был частично разрушен. Середина двора осела и превратилась в яму, из которой шел дым.

— Что это?.. Что случилось?..— повторял царь, еле переводя дыхание.

Менофан с его трезвым рассудком и непоколебимым присутствием духа раньше всех пришел в себя и обрел способность работать головой. Он поднял квадратную ладонь, как бы готовясь долго говорить, и спокойно ответил:

— Это — сотрясение земли, великий государь!.. Не волнуй свою душу!

— Трясение земли, трясение земли...— повторял за ним Митридат, делая усилие, чтобы овладеть собой.— Но почему? Почему сейчас?.. Что означает?

Царь провел рукой по лицу, чувствуя, что самообладание не сразу возвращается к нему. Нечто зловещее чудилось в странном совпадении стихийного бедствия с началом похода. Мелькнула мысль, что неведомые силы хотят преградить ему путь к славе и могуществу и что народ и войско воспримут это как дурное предзнаменование.

Он напряг волю и принял уверенный вид, желая показать себя не таким, как другие, которые бегут в ужасе и падают, спотыкаясь о камни рухнувших зданий. Не заметил, что Фарнак стоит рядом с потемневшим лицом, в каком-то тяжелом раздумье, как бы стараясь понять происшедшее, угадать его скрытый смысл.

— Это гнев богов, государь! — вдруг сказал Фарнак с необычной смелостью.

Обернувшись, Митридат взгляделся в лицо сына — тот смотрел на него, не опуская глаз. Казалось, он хотел сказать еще что-то, но сдержался.

— Гнев богов? — переспросил царь, почувствовав раздражение, которое сразу придало ему сил.— Возможно!.. Надо только выяснить, на кого они гневаются — на нас или на врагов наших?

VI

Землетрясение, эта нервная судорога земли, охватило мгновенно пространство по обе стороны пролива. В Пантикапее попадали статуи богов, обрушились храмы, многие здания превратились в кучи щебня. На поверхности моря вздыбились огромные волны, они хлынули на прибрежные селения, смывая хижины рыбаков, виноградники и поля. Историк так и повествует, что за подземными толчками последовало «страшное разрушение городов и полей».

Но больше других пострадала Фанагория. Небывалое бедствие ошеломило фанагорийцев, привело их в ужас. Как и следовало ожидать, все тотчас же связали его с предстоящим походом Митридата на Рим, увидели в нем неодобрение богов. Весть о бедствии пронеслась и по соседним степям, всюду рождая суеверный ужас и тревогу. Противники замыслов царя Митридата не замедлили использовать случившееся для разжигания страстей народных. Они призывали к неповиновению Митридату, требовали отказа от антиримской войны.

Фанагория до этого готовила для участия в походе дружину из молодых и лучших воинов, снаряжала несколько быстроходных кораблей. Исполнителем воли Митридата был Кастор, ныне наместник царский — политарх — и фактический единоправитель города.

Когда земля заколебалась, Кастор находился в порту. На его глазах море взыграло, поднялись волны-горы и обрушились на берег, выкидывая на камни боевые корабли, превратив их мгновенно в груды обломков. Грузы продовольствия и запасы одежды и оружия частью разметало по песчаным отмелям, частью унесло в море. И многие недели после этого жители бродили по берегу, собирая выброшенные волнами суконные плащи и добротную обувь.

Фанагорийский правитель едва остался жив, когда земля под ногами треснула, расселась и он провалился по грудь, чувствуя, как скользит все глубже в страшную бездну. Его обдало жаром подземного огня, густой дым и клубы пепла застлали свет.

— Боги, помогите мне, не дайте погибнуть! — взмолился Кастор, цепляясь за края ямы.

С невероятным усилием он выбрался на ровное место, долго лежал в изнеможении, отравленный сернистым газом. Никто не помог ему. Рабы, грузившие на корабли припасы, вопили в непреодолимом страхе. Стражи-воины разбежались, бросая оружие. Он медленно поднялся на ноги, огляделся. Ему показалось, будто города нет, остались лишь кучи серого щебня и дымящихся бревен. Многие строения пылали. И только через некоторое время, когда ветер развеял завесу дыма и пыли, стали видны полуразрушенные стены города и люди, которые метались в паническом страхе. На призыв правителя помочь ему они не обратили внимания.

Кастор чувствовал себя как в сильном опьянении. Неровными шагами он прошел в город и споткнулся о трупы погибших. Развороченные стены обнаружили внутренность домов с их убранством и очагами. Дети с криками искали родителей.

Толпы нищих и голодных спешили в торговые ряды, где рухнули склады. Там дрались за куски хлеба, разбивали амфоры и жадно пили вина, пока не валялись на землю одурманенные, бормоча несвязные речи.

С трудом проникнув в акрополь, Кастор нашел здесь членов совета города и жрецов, которые были заняты беспорядочными спорами, не зная, что предпринять. Они встретили правителя упреками и требованиями немедленно отказаться от вовлечения Фанагории в пагубную войну.

А к вечеру перед воротами акрополя скопилось много народа, взывающего к властям города и к самому царскому наместнику.

Когда Кастор вышел на стену и показался между зубцами деревянной стены, его встретили воплями, обвинениями и даже угрозами.

— Горе нам, горе нам! — завывали женщины с распущенными волосами. — Кастор, ты видишь, что конец света настал?

— Да, да, горе нам! — визгливо вторил им маленький остробородый человек, в котором Кастор узнал трапезита Архидама, вернувшегося из добровольного изгнания. — Горе нам! Ибо мы изменили богам города, пренебрегли их откровениями, а теперь наказаны за это!

— Горе! Горе!.. — рыдали вокруг, протягивая руки в сторону акрополя. — Ты погубил Фанагорию, о Кастор!

— Мы продались Митридату! — продолжал во весь голос Архидам. — Восхитились его обещаниями — воспылали пагубным огнем стяжания и жаждой добычи! Мы обещали Митридату покинуть храмы и очаги ради той войны, которую затеял безумный царь, охваченный кощунственным намерением уподобиться богам. Он хочет стать владыкой мира, хотя есть лишь один владыка над всеми — великий Зевс! И второй после него — Аполлон, чтимый нашим городом! Митридат кощунствует и этим восстановил против себя богов! Ты видишь, Кастор, боги гневаются и за поступки и нечестивые действия Митридата готовы покарать нас всех!

— Уже покарали! — пронесся жалобный, негодующий вопль народа.

Кастор высунулся из бойницы, желая быть услышанным всеми, и громким голосом возразил Архидаму:

— Это стихии, о люди! Разве не бывало в Фанагории и раньше подземных ударов и сотрясения земли?.. Для Фанагории это бедствие не редкость! При чем тут Митридат?.. Вспомните, города Пирра и Антисса стояли на берегу Меотиды!.. Они были поглощены морем, хотя войны тогда не было! Архидам же неправ, он забыл, что существуют стихии! Землетрясение — буйство стихий!

— Буйство стихий?! — завизжал в исступлении Архидам, подбегая к самой стене и грозя кулаками. — Не будь нечестивым, Кастор! Подземные стихии — это оружие богов! Это по велению богов духи Аида прорвали плоть земли и изрыгнули на нас огонь и удушливый дым! Эти огонь и дым — из кузницы самого Гефеста! Зевс и Аполлон приказали Гефесту, и тот ударил снизу молотом, ибо и ему противны наши прегрешения! Пирра и Антисса тоже забыли богов и за это низвергнуты в страшную бездну!.. Ждите и вы, о люди, окончательной расплаты!.. Еще один удар — и мы окажемся там, где в вечном мраке пребывают злосчастные жители Пирры и Антиссы!

— О! — взревели фанагорийцы, разрывая на себе одежды. — Да минует нас эта участь!

— Минует, минует, если мы откажемся помогать Митридату и не дадим ему ни войска, ни продовольствия! Мы голодаем, а Митридастовы пираты объедаются нашим хлебом!

— Верно!.. Верно!..

— Скажи, Кастор, — обратился к правителю осмелевший Архидам, — почему Митридат убивает близких ему людей? Он отравил мать свою, велел казнить жен и сестер, родных сыновей, словно демон зла... Он держит при себе оборотня, принявшего образ скопца Бакха, который питается кровью младенцев! О люди, и этот царь-убийца властвует над нами! Горек удел наш, ибо мы оказались привязанными к окровавленной колеснице царя-безумца... И боги напомнили нам ныне, что они гневаются и конец наш близок!

— Близок! — как эхо отозвались возбужденные слушатели. — Мы гибнем из-за Митридата!

— Да, да, Митридат погибнет сам и увлечет нас в могилу! Не допустим этого!

Возбуждение народа усиливалось, и Кастор не рискнул возражать. К тому же и окружающие городские архонты и жрецы смотрели на него с нескрываемым осуждением.

Подумав, он объявил народу, что будет совещаться с богами. Ответит на вопросы позже. Обратившись к членам совета, предложил им спуститься вниз и в тишине храма обсудить положение.

Кастор испытывал затруднение, не знал, на что решиться. С одной стороны, было очевидно, что ему не удержать народ в подчинении Митридату. С другой — он предвидел гнев Митридата и суровую кару за измену. Да и не хотелось сразу лишиться поддержки всемогущего царя, от которого он получил власть, большие права и доходы.

Его попытка уговорить и даже припугнуть властных людей города натолкнулась на бурю возражений. Своды храма дрогнули от нестройного хора голосов. Заговорили все, размахивая руками и широко раскрывая рты. Смысл речей был один:

— Остановить, остановить царя Митридата, пока не поздно! Нужно уговорить Митридата отказаться от похода! Он должен внять велению богов! Богам не угодны его замыслы!

Кастор под напором большинства и при криках народа, которые были слышны даже в храме, принужден был согласиться на поездку в Пантикапей совместно с выборными фанагорийской общины. Целью этого посольства было объявить Митридату об отказе Фанагории участвовать в войне и по возможности отговорить самого царя от немедленного выступления в поход.

VII

Из всех пантикапейских храмов здание храма Афродиты Пандемос было самым ветхим. Построенное из таврской сосны, оно за долгие годы почернело и покосилось. Архитекторы города говорили, что храм насквозь прогнил и угрожает рухнуть. Его надо снести и построить новый.

Однако отцы города из года в год тянули это дорогостоящее дело, тем более что храм и в его теперешнем

убогом виде продолжал пополнять городскую казну не только медью, но и серебром, а то и золотыми монетами.

Два десятка смазливых прислужниц богини, обученных пению и танцам, а также манерам, воспаляющим мужскую страсть, привлекали внимание молодых и старых. Моления и жертвы здесь уживались с винной бочкой, пряными закусками и свободой нравов, освященной присутствием богини.

Евпория, вступив в должность старшей жрицы этого доходного предприятия, сразу заметила, что храм сотрясается, когда его наполняет толпа молящихся, желающих взглянуть на кумир богини любви и увидеть толпу легко одетых девушек, танцующих у его пьедестала. При сильном ветре балки храма надсадно скрипели, сверху сыпалась гнилая труха, а потревоженные крысы бегали по полу. Даже благовония сжигаемой бензойной смолы не могли заглушить запаха древесного тления.

Совет города плохо прислушивался к просьбам новой жрицы, назначенной к тому же не постановлением общины, а властью наместника, что противоречило обычаю. И в ответ на свои ходатайства Евпория получала очень туманные обещания что-то сделать, если она, Евпория, сумеет увеличить доходность храма.

— Как же увеличить доходность в таком тесном помещении, — возражала жрица, — к тому же еще и гнилом? Того и гляди, потолки рухнут, придавят жриц и богомольцев, а главное — могут повредить и самой богине!

— Богине можно молиться и не входя в ее жилище, — отвечали архонты, — что же касается опасности для самой статуи, то Афродита Пандемос защитит себя, не позволит раздавить ее обломками бревен!

Евпория переживала странное чувство. Она была далеко не чужда суеверного преклонения перед каменным идолом. Верила в то, что он живет своей таинственной жизнью, все видит и запоминает, а к тому же как-то связан с небесами, откуда черпает свою силу. И в простоте души старалась угодить ему. Сейчас же ей показалось, что отцы города больше всего заинтересованы в доходах храма любви, а не в благоволении богини. Оставляя Афродиту в ветхом помещении, они не проявляли страха перед ее немилостью и даже, когда Евпория об этом напоминала, насмешливо щурились.

«Они не трепещут перед гневом богини!» — думала она в изумлении. И тут же ловила себя на том, что и она с каждым днем все меньше переживает те волнение и трепет, с которыми сама раньше входила в храм. Она стала испытывать невольное смущение при виде того, как легковерные прихожане протягивали руки к статуе и возлагали посильные пожертвования к ее ногам — связанных кур, свежее испеченные хлеба или медные деньги. Одни просили богиню устроить счастливый брак, другие — подарить им новорожденного, третьи — восстановить мужскую силу или приворожить возлюбленную.

Доверчивые люди затаив дыхание прислушивались к унылому скрипению гнилых стен, улавливая в нем божественное откровение. Но жрица в этом скрипе слышала лишь постоянное напоминание о скором разрушении обветшалого сруба, еле удерживающего дырявую крышу. А когда ветер проникал через щели и шевелил покрывало на плечах каменного изваяния, то посетители замирали в умилении: им казалось, что это шевелится сама богиня. В религиозном рвении они по-своему толковали то вопиющее безобразие, каким в глазах Евпории являлась запущенность старого храма.

И вот в час землетрясения произошло неизбежное — храм рухнул до основания. Но по странной случайности статуя богини осталась целой. Она стояла среди развалин, невредимая, лишь осыпанная пылью и гнилушками. Это было сочтено чудом и вызвало у горожан подъем религиозных чувств. Напуганные землетрясением суеверные люди обратились к богам и спешили умилоствовать их жертвами и мольбами. Оставляя свои полуразрушенные дома, горожане бежали толпами к месту бывшего храма Афродиты Пандемос, спеша поглядеть на чудом уцелевшую богиню, поклониться ей.

— Смотрите, смотрите! — слышались возгласы. — Храм развалился, а богиня стоит и улыбается как ни в чем не бывало!

Какие-то юркие люди использовали это событие и шныряли в толпе, распространяя возбуждающие слухи. Они утверждали, будто храм рухнул неспроста, а потому, что в нем засела нечестивая Евпория, которая принимала дружков за спиной богини и тратила на их угощение храмовые деньги. Теперь Жаба-Клитарх мог вы-

полнить обещанное Парфеноклу — он обливал грязью Евпорию, всюду рассказывал о ней небылицы, которые принимались на веру благочестивыми горожанами и вызвали их возмущение. Он ссылался на добродетельную младшую жрицу Итону, которая может выступить перед народом и дать свидетельские показания о проступках Евпории.

— Евпория развратница, она расточала храмовые деньги на любовников! — кричали горластые оборванцы, стараясь заработать у Клитарха обещанный обол.

Храм Афродиты Пандемос, посвященный физической любви, не был таким заведением, в котором осуждались бы любовные встречи жриц с богомольцами. Но одно дело, если эти встречи приносят храму доход, и совсем другое, когда сластолюбивый прихожанин, ничего не заплатив, оказывается под крылышком жрицы, более того — ест и пьет за счет храма!

Это ложилось тяжким обвинением на Евпорию. Святотатство, присвоение храмового добра или обман богов считались самыми страшными преступлениями. «Не диво, что храм оказался в развалинах!» — говорили, качая головами, прихожане. Слухи росли и умножались, падая на благодарную почву панических настроений, порожденных землетрясением. Клитарх проявил талант поджигателя и распространителя волнующих слухов. К вечеру того же дня многие были убеждены, что и само землетрясение произошло по той же причине. Выходило, что в стихийном бедствии, постигшем все Боспорское царство, виновата чуть ли не одна нечестивая и развратная Евпория!..

— Это из-за нее, паскудницы, мы испытали гнев богов! — кричали поджигатели, возглавляемые Клитархом.

И толпа верила этим нелепым утверждениям, словно забыв, что только утром она же обвиняла в разрушениях царя Митридата, поход которого неугоден богам. Взъяренные отцы семейства, женщины с рыночными сумками и просто уличные завсегдатаи окружили развалины храма и громко требовали расправы над неугодной жрицей.

Среди толпы появилась и Итона, которая пронзительно взывала:

— Забейте ее камнями, подлую!.. Она стала жрицей против воли богов! Ее место в эргастерии, среди рабынь, а не в храме!

Евпория, сама не своя, пряталась в уцелевшем дворовом сарайчике. Сидя в углу, ждала смерти, ибо знала нравы пантикапейского демоса. И плохо пришлось бы ей, если бы не прибыла неожиданная помощь.

Трифон узнал о волнениях народа, скопившегося возле бывшего храма, и направил туда отряд воинов во главе с Евлупором-Киром. Наказал ему не обижать без нужды горожан, но постараться восстановить порядок без пролития крови.

Евлупор спустился в нижний город и уже приблизился к развалинам храма, окруженным возбужденной толпой. Его первым побуждением было оттеснить народ, узнать, в чем дело, и приказать всем разойтись по домам. Но тут он увидел озабоченного Гиерона. Слуга рассказал ему о той опасности, в которой оказалась Евпория.

— Не забывай, Евлупор, она пострадала из-за нас! Так надо выручить ее, как она выручила нас!

По знаку Евлупора воины устремились к развалинам храма, разгоняя орущую толпу. Евпория вышла из временного убежища, зябко кутаясь в покрывало. Шум и крики усилились, особенно бесновался Жаба-Клитарх. Воины окружили обвиненную жрицу плотным кольцом и повели в сторону царского дворца.

— Вот они, дружки ее! — до хрипоты кричал Клитарх. — Вот они! С ними она блудила и на них тратила храмовые деньги! Они разгневали богов, а мы в ответе! Из-за них наши жилища разрушены, наше достояние пошло прахом!

Оба друга, выручая Евпорию, полагали сделать это без особого шума, но все получилось иначе. Сотни возбужденных людей с истошными воплями бежали вслед за ними, требовали выдачи Евпории, бросали грязь и булыжники в царских воинов. Последние начали терять терпение и отвечали сначала ругательствами, а потом ударами и древками копий и рукоятками мечей. Назревала свалка.

Евлупор приказал ускорить шаг и успел ввести отряд в акрополь. Воины почти вбежали под своды ворот, сопровождаемые проклятиями и дождем камней. Рабы-привратники еле успели закрыть ворота, как дубовые створки дрогнули от ударов булыжника и палок.

Скандал оказался серьезным. Митридату доложили, что толпа пантикапейских греков штурмует ворота акро-

поля, требуя выдачи развратницы, которая нашла убежище в царском жилище. Люди кричали, что Митридат защищает не богов города, а какую-то гетеру, прогневившую богов блудом и расточительством храмовой казны.

— Кто посмел вмешаться в это дело? — спросил Митридат Трифона, нахмутив брови. — И кто эта шалая жрица?

— Вмешался, именем твоим, Евлупор-Кир с воинами, — доложил евнух, падая на колени. — А шалая жрица — Евпория, та, которая укрывала в храме Евлупора, когда он тайно пребывал в Пантикапее по твоему приказу!

— Да, воин Кир выполнял мое поручение, он верен мне и был освобожден мною от рабства!.. А жрица, если она укрывала его, тоже служила мне! Не так ли?

— Служила не по сознанию и верности тебе, а просто из бабьего блуда, случайно! Если ты возьмешь ее под свое покровительство, ты выразишь неуважение к богам города и его храмам! Да и народ будет в обиде!.. Надо примерно наказать Кира-Евлупора за самоуправство и превышение прав воина! А девку выдать на суд толпы!

Трифон по-своему был прав. Сейчас, после землетрясения и всеобщего народного смятения, разумно было как-то ублаготворить толпу. Не ссориться же с городом и его жрецами из-за глупой женщины и самонадеянного воина, ее возлюбленного, каким был сочтен Евлупор.

— Прикажи, великий, и я сейчас выброшу девку за ворота, а Евлупора-Кира забью палками до смерти! — кланялся Трифон.

Но Митридат был упрям, и не в его правилах было идти на поводу у рыночной толпы, хотя бы она и выражала мнения и чувства пантикапейского демоса. Да и не хотелось казнить одного из лучших воинов, человека преданного и надежного, перед самым походом.

— Невелика их вина, Трифон, — ответил он, подумав, — но, чтобы не ссориться с городом, выйди к народу и объяви мою волю. Девку выдадим, но не сейчас, нужно сперва допросить ее и выяснить, в чем ее вина. А Евлупора-Кира из десятников перевести в простые воины, но оружие отобрать и самого его поставить к воротам вместе с рабами! Пусть поживет и поработает с рабами-привратниками, а там видно будет!

— А палками наказать?

— Наказать, но в меру!

Это означало фактическое возвращение в рабское состояние на неопределенное время, может — и на всю жизнь. Рабы-привратники жили и умирали у ворот, исполняя одно дело — открывать и закрывать тяжелые створки.

Толпа все еще шумела, когда вышел Трифон и объявил решение царя.

— Зачем царь укрывает нечестивицу? — вскричал задорно Клитарх.

— Не укрывает он ее, а приказал бросить в темницу, дабы после судить всенародно!

— Выдай ее нам, мы сами осудим и накажем ее! Евпория — осквернительница святыни!

— Слово царское крепко и дважды не повторяется! Не гневите государя! Молитесь богам и разоидитесь по домам! Царь Митридат сейчас готовит жертвы богам города! Готовьте и вы!

Толпа в неудовольствии стала редеть и вскоре разошлась. На другой день совет города утвердил в должности старшей жрицы Афродиты Пандемос прекрасную лицом и благонравную Итону, уже прославившуюся страстностью в служении богине любви. Говорили, будто Итона близка к Парфеноклу, он и поддерживает ее.

Парфенокл проявил необычную щедрость, взяв на себя литургию по содержанию жриц и прислужниц Афродиты до восстановления храма. Они были помещены в особом здании недалеко от порта и поручены заботам Клитарха, назначенного их опекуном и экономом.

А Евпория, на радость недоброжелателей, оказалась заключенной в подвал рядом с дворцовой кухней, куда бросали кости и мусор. Там, в обществе крыс, бывшая жрица коротала время в печали и унижении. Она обдумывала свою судьбу и все глубже проникалась убеждением, что теперь ей уже не жить среди людей. И если ее не съедят ночью крысы, то завтра она будет отдана на растерзание пантикапейской черни или окажется во власти противного и подлого врага и хозяина своего — Жабы-Клитарха.

Старший повар злорадствовал больше других. Он видел в падении Евпории руку тайственных Эриний, которым неоднократно приносил жертвы, прося ото-

мстить за него. И его моления услышаны, ненавистная девка не только пострадала, но оказалась здесь, под надзором его самого, кухонного властелина, которому подвластен и этот подвал!

Дракон с подручными приходил к узенькому оконцу и бросал узнице гниющие остатки пищи, предлагая подкрепиться. И выкрикивал со смехом всякие мерзкие слова. Помощники вторили ему гоготанием. Есть и пить ей не давали ничего, кроме отбросов и помоев. И только одна рука протянула в окно хлеб и кувшин с водой. Это была рука безоружного привратника, избитого палками,— Евлупора. Застав здесь зубоскалов, которые издевались над узницей, он разогнал их увесистыми кулаками. И обещал свернуть шею каждому, кто посмеет обидеть ее.

VIII

Помимо разрушений и всеобщего падения гражданского духа у населения Боспора, землетрясение повлекло за собою и ряд других последствий.

Метея, жена царевича Фарнака, разрешилась от бремени дочкой, хотя сам Фарнак, как и всякий мужчина, ждал мальчика.

Но как бы то ни было, появилась на свет не простая смертная, а дочь наследника престола, внучка великого Митридата.

Совсем слабая, Метея еле поднялась с постели и, став на колени, разостлала на холодном полу кусок пурпурной ткани, на которую положила новорожденную. Склонив голову, она замерла в этой позе, когда в дверях показался Митридат, сопровождаемый Фарнаком и многолюдной свитой, хвост которой затерялся в полутемных переходах дворца.

Митридат был раздражен и рассеян, он испытывал какое-то горение во всем теле, необычное беспокойство и дрожание рук. Ему с утра казалось, что приближенные воровато прячут глаза при встрече с ним, словно хотят что-то утаить от него. Это разжигало обычную подозрительность царя, взвинчивало его, усиливало гневливость. Поэтому его заостренное лицо и горящие глаза показались Метее особенно пугающими.

Поза и смиренный вид женщины выражали самоунижение и сознание вины. Она ждала от грозного

свекра и мужа суда за содеянное, готовая принять беспрекословно их приговор. Ибо за рождение девочки, а не мальчика или за недостатки у младенца она отвечала, как отвечает рабыня за дурно выполненную работу. Известно, что из благородного царского семени не могло возрасти что-либо порочное, и если оное обнаружилось, то ответ за него полностью держала мать.

Митридат и Фарнак остановились перед склоненной Метеей и устремили взоры на маленькое голое тельце, синее от холода. Девочка унаследовала черные глаза матери и вьющиеся, пушистые волосы, напоминающие кавказскую шапочку. Она оживленно двигала руками и ногами. Потом издала крик, видимо недовольная своим положением, и начала громко икать.

Лик Митридата смягчился, он сделал движение рукой. Фарнак склонился к жене. Та послушно взяла ребенка и перевернула спинкой кверху. Девочка издала громкий крик. Здесь Митридат увидел на шее новорожденной, ниже края волос, расплывчатое красное пятно — знак, с которым появлялись на свет все Ахемениды.

Взор царя стал менее острым, в нем отразилось нечто вроде молчаливого одобрения. Фарнак понимающе улыбнулся и склонил голову.

— Именем богов! — произнес Митридат громко, чтобы все слышали. — Признаю рожденную, как помеченную божественной благодатью, дочерью сына моего Фарнака и внучкой своей! Царственная кровь Ахеменидов в жилах ее! Девочка живая, жизнеспособная, в ней горит наследственный огонь! Да будет имя ей Динамия!

— Динамия! — словно эхо пронеслось по коридорам, покатилося из дворца в город и стало достоянием всех пантикапейцев. Через полчаса на рынке города бедные женщины с сумками говорили одна другой:

— Царевна родилась. Имя ей Динамия!

Метей, чувствуя, что испытание кончилось и ее дитя отныне признано царем и всем царским окружением, не выдержала, упала ниц и со слезами ловила край царского одеяния, целовала его и что-то быстро говорила на родном языке, непонятном большинству. Лишь Митридат знал язык меотов достаточно, чтобы ответить ей одним словом, услышав которое меотка разразилась потоком еще более невнятных гортанных звуков вперемежку со слезами радости.

Обратившись к Фарнаку и свите, Митридат усмехнулся и произнес многозначительно:

— В грозный час родилась царевна, когда стихии гневались. Видимо, много увидит и прочувствует она в жизни!.. Кто-то с перепугу говорил, что землетрясение — это конец всему живущему! Будто боги решили погубить людей!.. Ан и нет! В час подземной бури рождаются Ахемениды, а это значит, что боги за них!.. Полагаю, немало младенцев родилось в городе за это время. Разыскать их и одарить каждого, будь то мальчик или девочка! Чтобы все знали, что появилась на свет моя внучка, и благословляли ее! Рождение Динамии — добрый знак, он говорит о бессмертии династии и о нашем будущем торжестве!

Митридат явно хотел истолковать появление на свет внучки в свою пользу. Противопоставить его унылым слухам о божественном гневе, которые распространились в народе и даже в войсках. Окружающие поддерживали его речь обычными восклицаниями восторга и одобрения. Однако многие приняли сказанное всерьез, усмотрев в нем откровение свыше, ибо устами царей говорят боги. И в более поздние времена, когда Динамия выросла и стала участницей удивительных событий на Боспоре, вспомнили слова Митридата, признали их вещими. Асандр находился в свите царя и хорошо запомнил сцену осмотра ребенка. Но тогда он не мог и предполагать, какую роль сыграет эта маленькая царевна в его собственной судьбе.

Готовясь покинуть покои Метей, Митридат прошелся по светлице, осмотрел ее убранство в кавказском вкусе, случайно остановился перед бронзовым зеркалом ольвийской работы и, взглянув в него, остановился. Теперь он понял, почему все избегают смотреть ему в лицо и опускают глаза с выражением фальшивого смирения. Проступила старая болезнь!.. Царь отшатнулся от собственного отражения, увидев, как некрасиво испещрен его лик мокнущими пятнами, словно обрызганный красным вином.

Раздосадованный и раздраженный, он покинул покои невестки и уединился в наиболее тихой половине дворца, приказав евнухам никого не впускать к нему.

— Гони всех в шею! — сказал он Трифону.

— А если будут настаивать?

— Тогда палками их, палками! — устало отмахнулся царь.

К вечеру его знобило, а лицо сплошь покрылось кровоточащими пятнами. Он требовал укрыть его потеплее, всю ночь бормотал несвязные слова, угрожал кому-то, вскакивал, дико озираясь, и шарил рукой оружие.

IX

В течение нескольких дней Митридата никто не видел. Даже первый стратег и ближайший исполнитель воли царя Менофан не мог добиться приема.

Общее положение обострилось и требовало решительных мер. Напуганные землетрясением воины волновались, на учения ходить отказывались, прекословили старшим. Многие уже разбежались из лагерей и присоединились к шайкам разбойников, вместе с которыми с великой жестокостью грабили и убивали местных жителей. Последние взялись за оружие, создали отряды самообороны и устремились на грабителей, защищая свои очаги и достояние. В окрестностях Пантикапея происходили настоящие сражения.

Рабы осмелели, участились случаи групповых побегов и даже убийства хозяев, с поджогами эргастериев. Толпы голодной бедноты и пришлых из деревень разоренных поселян переполнили город и уже разбили несколько складов, где хранился провиант для предстоящего похода.

Даже более состоятельные греки-общинники дружно вышли на площади с требованием отмены похода. Жрецы всех храмов приносили искупительные жертвы разгневанным богам. Из соседних городов поступали тревожные вести. Города не желали платить военный налог, отказывались направлять отряды молодежи в царское войско. Ссылались при этом на необходимость защиты собственных домов от банд злоумышленников. Начались поварьные болезни.

И в довершение всего на границах Боспора появились отряды конных скифских удальцов, они грабили селения и уводили в полон боспорских граждан.

В последний раз, когда Менофан появился во дворце, к нему вышел Тимофей. Почти не шевеля тонкими губами, евнух сухо сказал, что царь молится богам и

приказал не тревожить его. С противоречивыми чувствами и мыслями воевода повернул к выходу. В воротах акрополя его внимание привлекли крики и шум. Оказалось, что прибыл из-за пролива стратег Кастор в сопровождении свиты знатных людей Фанагории. Фанагорийский правитель настойчиво требовал пропустить его к царю.

Начальник стражи кельт Битоит не знал, как поступить, и обратился к подошедшему Менофану. Тот решил не вмешиваться, поскольку сам был почти в таком же положении.

— Обратись к лекарю Тимофею или к Трифону,— ответил он,— и получи от них указание... Только они вхожи к государю.

Битоит направился было во дворец, но Кастор уже отстранил копья стражи и прошел вперед. Стражи не посмели воспротивиться и пропустили его, зная, что он близок к царской особе и, по-видимому, прибыл с вестями чрезвычайного значения.

В портале дворца разгоряченный фанагориец столкнулся с Трифоном и десятком чернобородых воинов-иноземцев. Все держали мечи наголо, смотрели решительно и враждебно.

— Я спешу предстать перед государем и сказать ему важное! — смело, даже заносчиво заявил Кастор.— Я стратег фанагорийский и, волею царя, политарх! Посему имею право беспрепятственного входа во дворец!

— Знаю, знаю,— проскрипел Трифон, раздраженно скаля желтые лошадиные зубы.— Ты имеешь право входить, если нет царского запрета. А сейчас вход всем заказан, не только тебе. Ты же нарушил закон охраны царской особы, прорвал цепь стражи! Воины пропустили тебя и будут наказаны! А тебе говорю: уйди прочь, царь молится богам и повелел не мешать ему! Занят он, внимает голосу богов!

— Но я прибыл из-за пролива по царскому делу! Я не могу уйти, не сказав царю важного!

— Еще раз говорю: уйди, не принуждай меня принять меры!

— Иди доложи государю о моем приходе!

— Нет нужды! Я имею повеление не впускать никого!

Кастор был горд и вспыльчив. Он хотел оттолкнуть раба-евнуха и проникнуть внутрь дворца. Но по знаку

Трифона был оттеснен чернобородыми стражами, а когда начал выкрикивать угрозы и обзывать евнуха оскорбительными словами, то был схвачен и обезоружен.

Трифон скривился в гримасе, его коричневые губы изобразили нечто напоминающее усмешку.

— Забыл, забыл, фанагорийский петушок, что ты не к боспорским архонтам пришел, а к владыке мира, к царю царей, богоравному Митридату! — протянул он с издевкой. — Здесь не заезжий двор, а дворец царя! Кто нарушит покой владыки, тот попадет на кол! Будь он хоть самым царем Армении!

По приказу евнуха Кастора грубо потащили куда-то в темное помещение, там сорвали с него одежду при свете факела, повалили на сырой пол и, отвесив ему двадцать ударов тупым концом копья, вывели за ворота. Получив толчок в спину, преславный стратег и правитель фанагорийский упал в пыль, полуголый, с кровотокащими ссадинами на спине.

Увидев Кастора, стоящего на четвереньках, безоружного, избитого и в неприличной наготе, фанагорийские представители ахнули, не поверили глазам своим. Кинулись поднимать его, накрыли хламидой и поспешно увели под руки, направляясь к гавани, где их ожидало судно, на котором они приплыли.

Только ступив на борт корабля, Кастор пришел в себя, словно проснулся от тяжелого сна. Оглядевшись вокруг широко раскрытыми влажными глазами, повернулся в сторону пантикапейского акрополя. Сжав кулаки, прорычал, сдерживая ярость, что бушевала в груди:

— Теперь вы узнаете, кто такой Кастор и как он умеет мстить!

Происшедшее было грубой ошибкой, о которой Митридат так и не узнал. Жестокий, но недалекий Трифон чересчур буквально понял волю царя — гнать всех в шею, да еще и палками!.. Опрометчивый поступок слишком усердного евнуха переполнил чашу фанагорийского терпения, ускорил окончательный разрыв Фанагории с Митридатом.

Х

Больной царь ужинал один. Прислуживал Тимофей, а Трифон стоял в углу, неподвижный, как статуя, в ожи-

дании приказаний. Он уже доложил, что фанагорийцы беспокойны.

Митридат медленно пережевывал куриное мясо, прикладываясь к кубку. Его глаза гноились, язвы на носу и щеках рдели, выделяя жидкую сукровицу, стекающую каплями по крашеной бороде и усам. Тимофей смазывал болячки каким-то составом, но повязки не накладывал, говоря, что эти восточные язвы лучше заживают открытыми.

— Фанагорийцы испугались стихии,— хриплым голосом произнес царь,— это очевидно. Пусть пошумят немного. Они слишком трусливы и не решатся на прямое предательство!

— О великий государь, ты прав, они трусливы,— подобострастным шепотом отозвался Трифон.— Но я доподлинно знаю, изменник и сторонник римлян трапезит Архидам уже вернулся в Фанагорию, а с ним тайные посланцы Рима! Он призывает народ изменить тебе и грозит гневом богов и римского сената!

— Да, да, мне это ведомо!.. Фанагорийские греки прислушиваются не столько к ударам молота хромого Гефеста, сколько к нашептываниям римских лазутчиков! Но там у меня Кастор, верный человек.

При упоминании о Касторе Трифон невольно опустил глаза. Он имел основания усомниться в верности фанагорийского стратега после тех палок, которые тот получил утром. Но, сообразив, что потерянного не вернешь, решил молчать и не говорить царю об этом происшествии. Тем более что действовал строго по указанию самого Митридата.

Царь отвлекся от ужина, поставил на стол кубок и после минутного раздумья изрек:

— Повелеваю!

Трифон и Тимофей упали ниц, как подкошенные.

— Повелеваю тебе, Трифон!.. Завтра отправляйся в Фанагорию на праздничном корабле!

— Слушаю и повинуюсь, о великий!

— Да...— в раздумье продолжал Митридат,— одного многовесельного корабля достаточно, иначе они подумают, что я боюсь их!.. И отряд подбери небольшой, но сильный!

— Внимаю, великий, спешу исполнить твою волю!

— Подожди, это не все! На корабле должны быть подарки для лучших людей, а для народа — хлеб и

вино, угощение от царя Митридата! Устроишь праздник в знак благодарности богам за избавление от гибели во время трясения земли! Принесешь жертвы богам! Пригласишь степных князей, одаришь их от моего имени! Эх, я сам нагрязнул бы в Фанагорию, жаль — не могу!

— Да вернут тебе боги здоровье и продлят твою мощь и успехи на долгие годы!

— Поедешь не один, ибо ты всего лишь раб и энарей! И цена тебе, и почет как рабу! Меня заменят мои дети. Артаферн будет старшим, ему надо привыкать повелевать людьми, как царскому сыну! Но отвечать за успех будешь ты один! С тебя спрошу!

— Счастлив выполнить твою волю, о богоравный!

— Опора твоя в городе — Кастор и верные мне люди. Вкупе с ними твой отряд составит немалую силу. Никто не посмеет поднять головы! В конце праздника надо схватить Архидама! Пусть это сделает Кастор!

— Архидам будет взят и закован в цепи!

Тень озабоченности вновь прошла по лицу Трифона. Он все более убеждался, что расправа его с Кастором была чрезмерной. Но сожалеть было поздно. Нужно приготовить для Кастора дорогой подарок, дабы загладить утреннюю обиду. Кастор жаден, тщеславен, он обрадуется царской щедрости и забудет обо всем!

— С тобою на корабле будут сыны мои. Кроме Артаферна Дарий, Ксеркс и Оксатр!.. Гм... Ну, и дочери. Пусть прогуляется эта непоседа Клеопатра — ей скучно в гинекее. И Эвпатра — она слишком много спит и ест, располнела не по возрасту. Ей тоже надо проветриться. Пускай сыновья мои приглядятся к дочерям степных князей, а царевны покажут себя их княжичам. У меня замысел породниться со степняками, как я породнился с меотами и горцами! Объединить их, чтобы они угрожали Фанагории и не позволяли фанагорийским умникам шипеть против меня и мутить воду исподтишка!.. Иди отдай распоряжения. Да запомни: хоть едешь на праздник, держи ухо востро!

— Понял, государь!

Широкие жесты были в духе Митридата. К тому же он старался всегда поступать не так, как предполагали другие. И нередко выигрывал там, где все были уверены, что он проиграет. Не так ли получилось в прошлом году, когда многим казалось, что царь, двигаясь на се-

вер, делает промах! А он перешагнул через горы и обрел новое царство, создал великое войско и опять угрожает Риму!.. Так и сейчас — окружающие втайне изумились, узнав о намерении царя послать чуть ли не всех детей в ненадежную Фанагорию, что стояла на грани измены. Но возражать не посмели.

Только один человек, из числа усомнившихся, осмелился обратиться к царю с противным мнением. Это был царевич Фарнак, который с недоумением воспринял решение отца об увеселительной поездке за пролив, законно сомневаясь в ее целесообразности. Да еще после того, как было отказано в приеме фанагорийским представителям, глава которых Кастор оскорблен и унижен телесным наказанием.

Фарнак поспешил во дворец и упал к ногам отца.

— Встань, сын мой, — молвил царь, — говори, я слушаю!

— Великий государь! Известно мне, что Фанагория ненадежна, близка к бунту! Ее надо припугнуть войсками, а не ублажать праздниками! Ты посылаешь туда Артаферна, слаб он! Он не сумеет защитить братьев и сестер в случае опасности!

Митридат слегка нахмурился и уперся глазами в лицо сына, словно впервые видел его.

— Ты не веришь в правильность моих решений?

— О государь! Не мое дело судить о твоих решениях и поступках! Я пришел просить тебя — поручи это мне! Я возьму не один, а пять кораблей, высажу на том берегу тысячу воинов и займу Фанагорию! А тогда можно и праздник устроить в безопасности!

Лицо Митридата разгладилось.

— Ага! Ты, я вижу, соскучился по ратному делу! Играют в тебе молодые силы, это хорошо. Но, имея могучую руку, ты еще не научился правильно думать!.. Укротить, разгромить, наказать — все это мы успеем сделать! Надо попытаться решить дело миром, привлечь сердца фанагорийцев подарками и празднованиями. Не все же хотят изменить мне! Мы стоим перед великим походом, и затевать малые наскоки на боспорские города не время! Вот если фанагорийцы вздумают упрямитесь, откажутся нести свои повинности или посмеют проявить неуважение к тем, кого я посылаю, тогда я пошлю тебя к ним с тысячей воинов!.. А пока иди!

Фарнак удалился покорный, но не убежденный. Он хмуро взирал, как многоярусный корабль принял на борт блестящую толпу царских детей и отплыл на ту сторону пролива.

Многие сотни людей толпились в порту. Хоры юношей и девушек пели гимны в честь царя. Играла музыка.

XI

Митридатов гинекей, расположившийся в богатом и просторном дворце бывших боспорских царей, и здесь оставался той «золотой клеткой», в которой, одуревая от скуки и безделья, томились жены и дочери царя.

И вот на долю двух царевен — Эвпатры и Клеопатры — выпал жребий ехать на праздник в Фанагорию. Им почти все завидовали.

Эвпатра, уже перезрелая девица, тучнотелая и вялая, отнеслась к предстоящей поездке сдержанно. Она еще не забыла фанагорийских комаров, что искушали ее в недалеком прошлом, пока она вместе с другими ждала переправы на пантикапейский берег. После мытарств походной жизни она должным образом оценила удобства царского дворца, где имела возможность спать большую часть суток, просыпаясь, чтобы поесть или принять ванну. Тащиться на корабле через пролив, взирать на праздник, не принимая в нем никакого участия, казалось малопривлекательным.

Зато Клеопатра с восторженными выкриками плясала на одной ноге, радуясь возможности развлечься. Она прыгала и вертелась, затрудняя рабыням труд причесать и одеть ее.

— Не ликуй очень, сестрица, — говорила Эвпатра с ленивой усмешкой, — не иначе как государь решил отдать нас в жены варварам с целью укрепить дружбу с ними! Я слышала, степные князья тоже будут на празднике.

— Почему ты так думаешь?

— А потому, что из нас, пятерых оставшихся сестер, три не просватаны — ты, я да Орсабарис. Орсабарис молода, ее отец-государь решил приберечь до следующего случая, а нас посылает сейчас! Митридатис и Нисса остаются, ибо имеют женихов — одна египетского, другая критского царей! Не знаю, станут ли они царицами,

давность прошла, женихи, не иначе, забыли о них!.. Но как бы то ни было, они ждут и на праздник с нами не едут. А вот нам придется поехать,— глядишь, там найдем свою долю в юртах, около бурдюков с кобыльим молоком!

— Что ж, на все воля богов и государя! — ответила Клеопатра не задумываясь.

Царевич Артаферн взошел на палубу как старший, он был опоясан мечом и выглядел очень внушительно в пурпурном плаще и золотом шлеме с оранжевыми перьями. Он получил от отца наказ, как действовать, и поглядывал на Трифона свысока. Впрочем, ему было известно, что на евнуха возложены все заботы и ответственность за безопасность и успех экспедиции. Но не смущался этим, считая вполне закономерным, что он, как царский сын, лишь венчает собою всю затею, придает ей вес и значительность, этого достаточно. Всеми делами должен заниматься человек более низко стоящий, хотя бы и раб, каковым и являлся Трифон.

Поэтому, взойдя на палубу, царевич не поинтересовался ни оснащением корабля, ни численностью воинов, ни подробностями предстоящего праздника. Он полагал, что после нескольких фраз, сказанных отцом, ему не о чем говорить или советовать с рабом. Поглядев надменно на Трифона, он лишь сказал своим бесцветным, глухим голосом:

— Смотри, Трифон, велика твоя забота! Ибо на корабле четыре царских сына и две царевны!

Трифон поклонился в пояс, заметив мысленно, что от царевича идет густой винный дух. Ответил раболепным тоном, как было принято в общении с царственными особами:

— Внимаю и повинуюсь, многославный царевич! Ты будешь доволен мною.

— Смотри, я не помилую, если что не так будет!

Отвернувшись, Артаферн стал смотреть равнодушными глазами на ослепительные всплески волн, вздымаемых посеребренными веслами.

Плавание через пролив было благополучным. Артаферн был удивлен, что восточный берег оказался безлюдным. У причалов на сонных волнах, словно забытые, покачивались рыбацьи суда, а у самой песчаной отмели, подобно скелетам морских чудовищ, лежали разбитые корабли. «Землетрясением разбило,— подумал царевич,— но почему никого нет?»

Их не встречали сторожевые ладьи, не приветствовала толпа, не приглашали сойти на берег фанагорийские архонты. Пробежала собака с поджатым хвостом и скрылась за полуразрушенным строением. Дальше возвышались покосившиеся стены города, видны были распахнутые ворота. Кружились вороны. И всюду ни души.

Приблизился озабоченный Трифон, с поклоном показал рукой на это безлюдье.

— Не пойму,— сказал он, пожимая плечами,— куда девались жители города? Неужели разбежались, испугались нашего появления? Думаю, что не так. Опасаюсь засады!

— Засады? — рассмеялся царевич, выпрямляясь с воинственным видом.— Ты боишься засады, Трифон?.. Не знал я, что душа у тебя заячья! Фанагория сильно пострадала от землетрясения, народ перепуган, архонты сидят в своих домах, как сурки! Какая может быть засада!.. Вот мы войдем в город с пением и ударами копий в щиты заставим их очнуться!

Трифон перед этим разговором видел, как раб приносил царевичу чашу с вином. Сейчас, слушая его запальчивые речи, подумал, что вино было, по-видимому, не разведенное. Однако прямо перечить не посмел.

— Многославный царевич,— сказал он почтительно,— ты говоришь мудро, а главное — мужественно! Сразу видно — твоя душа полна отваги. Но разреши мне с воинами сделать разведку — я пойду в город и все разузнаю, заставлю трусливых архонтов выйти навстречу тебе с подарками и речами! Они обязаны оказать достойный прием тебе, царскому сыну и посланному!

То, что говорил евнух, было вполне разумно и диктовалось осторожностью. Но именно это и пробудило в душе Артаферна беса строптивости. Неужели советы евнуха закон для него? Ведь не Трифон представляет здесь царскую особу, а он, Артаферн! Значит, ему и решать! Оглядев Трифона с головы до ног, он ответил не спеша, как это делал Митридат:

— Ценю твои преданность и заботу! Но фанагорийцы примут такой поступок за нашу боязнь, и это возвысит их в собственных глазах! Чего доброго, они еще возгордятся и возомнят, что Митридат слаб, а они сильны!

— Что же будем делать?

— Сойдем с корабля и двинемся в город, как я ска-

зал. Если кто из горожан проявит дерзость — накажем его! Воинов у нас достаточно.

— Да будет так!

Приказание царевича ненамного расходилось с царскими указаниями, и Трифон согласился. Однако оставил на корабле верных людей и наказал им на всякий случай быть настороже.

Странное безлюдье царило по-прежнему. Блестящий отряд воинов с копьями и щитами сопровождал еще более блестящую толпу царских детей с их свитой, за которой шли вереницей рабы с амфорами и грузом присланных царем угощений.

Первым в ворота города вступил Трифон с лучшими воинами. Ему казалось, что их ожидает какая-то неприятность. «Подвох, подвох!» — повторял он мысленно, испытывая беспокойство. Было очевидно, что Кастора в городе нет или он, после палочного угощения, задумал какое-то вероломство.

Ждать долго не пришлось. Как только колонна гостей миновала ворота и углубилась в улицы города, обстановка резко изменилась. Неожиданно из переулков высыпала масса воинов. Это были юноши, горевшие жаждой подвига. Их возглавлял сам Кастор, исполненный одним стремлением — отомстить за полученное оскорбление. Теперь он уже не колебался, с кем быть, и решительно поддержал призыв Архидама к восстанию. При этом рассчитывал на поддержку Сервилия, который обещал прибыть на помощь со всем флотом.

— Энарей и раб Трифон! — вскричал он, размахивая копьем. — Сами боги позаботились, чтобы ты не избежал моей мести! Ты явился сам на суд правый! Смерть ждет тебя!

С этими словами он метнул копье в грудь царскому подручному. Тот, охваченный одной мыслью — как уберечь царских детей, не успел уклониться и был сражен. Падая, почувствовал, что ранен смертельно. Его последним побуждением была забота о царевичах и царевнах. Он хотел подать совет опешившему Артаферну, как действовать, но не успел. Кровь хлынула из раны, заливая праздничный наряд. Верный евнух свалился бездыханный под ноги воинов.

С криками: «Эй-ла!» — молодые воины кинулись на людей Трифона. Их поддержали зрелые мужи в полном

снаряжении. Со всех сторон сбегались вооруженные горожане. Отряд прибывших был окружен, началась неравная сеча. Однако воины Митридата, потеряв вожака, ожесточились и проявили стойкость. Они стали сплошной стеной, прикрылись щитами и отразили беспорядочную атаку фанагорийских бунтарей.

— Назад, на корабль! — вскричал Артаферн, размахивая мечом. Его лицо побледнело и покрылось каплями пота. Во рту пересохло. После гибели Трифона он видел в бегстве единственное спасение.

— Нет! — прозвучал металлический голосок Клеопатры. — Нет! Пока мы доберемся до корабля, нас перебьют стрелами и камнями! Да и ворота закрыты, путь назад отрезан. Воины, вперед, в акрополь!

Звонкий голос смелой девушки прозвучал куда убедительнее, чем приглушенный, неуверенный призыв Артаферна. Ее слова дошли до сознания воинов, и те, сомкнувшись плечом к плечу, с боем устремились по улицам в направлении акрополя. Ни Кастор, ни Архидам не предвидели этого. Они направили основные силы к воротам города, намереваясь отрезать прибывшим обратный путь в гавань. Стремительное продвижение царского отряда внутрь города оказалось неожиданным. Дальние улицы были почти безлюдны, а ворота акрополя не закрыты. Быстроногая Клеопатра легко бежала впереди всех. По пути к ним присоединилось до сотни фанагорийских рабов, которые заявили, что хотят стать воинами Митридата.

Перед носом взъяренных преследователей ворота акрополя захлопнулись.

— На стены! На стены! — продолжала призывать девушка. — Будем обороняться стрелами, камнями, копьями!.. Эй, рабы, покажите, что вы достойны стать воинами великого царя! Митридат пришлет помощь и выручит нас!

— Надо послать гонца к отцу, — заявил Артаферн, задыхаясь после бега.

— Кажется, это уже сделано! — ответила Клеопатра, показывая мечом на берег моря. — Погляди!

С высоты стены была видна гавань. У причалов толпились люди, размахивая оружием. Корабль медленно уходил в море.

— Те, что остались на корабле, изменили! — вскричал Артаферн. — Они покидают нас!

— Полноте, братец. Наоборот, они избежали пленения и спешат к отцу за помощью! Трифон все предусмотрел.

XII

Кастор понимал — действовать надо решительно и быстро. Убедившись, что из Пантикапея прибыли четыре сына и две дочери Митридата, он усмотрел в этом милость богов. Грозный царь сам посылал фанагорийцам дорогих заложников. Нужно только суметь схватить их, не дать им вернуться на корабль.

— Мы полоним детей Митридата, — говорил Кастор, — и этим докажем Риму, что порвали с Митридатом! Если же мы дадим им уйти, горе нам! И Рим не оценит наших усилий, и Митридат не помилует нас!

Энергия и ум Кастора вновь привлекли к нему сердца горожан, убедившихся, что он всерьез ополчился против Митридата, перестал быть его слугой. Он чувствовал это, и его опасения, что впоследствии ему напомнят о его стараниях в пользу понтийского царя, стали рассеиваться.

Сразив Трифона, он был уверен, что дело сделано. Но гости оказались расторопнее и отважнее, чем он предполагал. Обстановка осложнилась с изменой группы сильных рабов, которым Митридат представлялся благодетелем и отцом свободы. С их помощью засевшие в акрополе успешно отразили все наскоки горожан, среди которых опытных и бывалых воинов оказалось мало.

Столь решительное сопротивление озадачило и раздражило Кастора. Он громко ругал вооруженных отцов семейств и их сынков, обвинял их в недостаточной сплоченности и трусости. Даже те, кто с таким азартом бросились в сечу у ворот, получив отпор, охладели.

Потеряв терпение, Кастор заявил жрецам и архонтам:

— Если мы до вечера не справимся с осажденными и не полоним детей Митридата, то завтра придут войска царя, они займут Фанагорию, а мы будем спасаться в камышах!

— Согласны с тобою, Кастор, — отвечали те, — но ты воевода, тебе лучше знать, как это сделать!.. При чем здесь мы?

— Да, да! — вскричал Архидам, который успевал всюду, но в осаде не участвовал. — Тебя город поставил

вперед войска, так воюй! А не можешь — скажи, тебя заменят другим, более способным!

— Заменяйте хоть сейчас, я не радуюсь своему месту! Кому весело водить в бой таких трусов, как ваши сыны. Они не хотят обдирать ногти о стены акрополя, многие пугаются одного вида крови!

— Что же делать?

— А вот что! — вскричал разгоряченный Кастор. — Акрополь-то деревянный! Зачем же разбивать об него головы наших людей? Следует обложить стены сухим камышом и поджечь! Едва ли Митридатовы сынки захотят быть изжаренными живьем! Понюхают дыму и сдадутся!

Все подняли головы.

— Сжечь акрополь? — ахнул Архидам, известный своим благочестием. — А что скажут боги? Не раскроют ли они вновь земные недра с целью погубить нас?

— Ай, ай, — зашумели жрецы, — допустимо ли это? Подумал ли ты, Кастор, прежде чем говорить?

— Я воевода, и мое дело — воевать! А думать — это ваша забота, благо вас вдохновляют сами боги! Вы умеете угадывать замыслы богов! Я же разгадал замысел Митридата — он всех нас посадит на кол!

— Ох!..

— А после нас другие будут водить наши рати и служить городским богам! Уже не вы будете решать судьбы города! Акрополь и без вас отстроят заново, чем и привлекут милость богов! Его давно надо перестраивать, пора возвести новый акрополь — каменный, как в Пантикапее! За это и боги восславят вас. Выбирайте — смерть или победа.

Через час сотни горожан, женщин и рабов несли в город вязанки сухого камыша. Воины, прикрываясь щитами от губительных стрел, кидали вязанки под стены. Другие тащили глиняные кувшины с земляным маслом и разбивали их о деревянные срубы стен. Осажденные разгадали намерение врагов и сыпали стрелами, разворотили настил двора и метали сверху камни, пытаясь сорвать замысел Кастора. Но дым уже застилал глаза, слепил, камни и стрелы летели зря.

— Эй, вы! — кричал Кастор, приложив ладони ко рту. — Сдавайтесь, всех пощадим, даже рабов-изменников! А не сдадитесь — сгорите в пламени!

Осажденные разделились на два лагеря. Одни говорили, что надо драться до конца, уповая на скорую выручку от Митридата. Другие доказывали, что воевать с огнем бессмысленно, нужно сдаться, дабы избежать смерти. А когда придут войска из-за пролива, они все равно заставят фанагорийцев выдать пленников! И все будут спасены!

Первых возглавляла более решительная и бесстрашная Клеопатра. Она словно выросла и повзрослела в обстановке смертельной опасности. Стоило поглядеть, как она, сверкая глазами, возражала оробевшим братьям, даже стыдила их за малодушие.

Сторонниками сдачи в плен оказались все царевичи и Эвпатра. Тучная царица валилась с ног от волнения и слабости, заливалась слезами. Она в ужасе взидала на жаркие языки пламени и черный дым, застеливший небо.

Братья-царевичи стояли, опершись на мечи, и исподлобья, угрюмо поглядывали то на горящие стены акрополя, то на разгоряченную Клеопатру, которая казалась им взбалмошной девчонкой, способной в запальчивости погубить и себя и других. Дальнейшее сопротивление считали безумием. Артаферн раскис и показал свою неспособность к роли боевого вожака. Остальные также не проявили ратной доблести, оставаясь за спинами сражающихся воинов и рабов-перебежчиков, которые кровью добывали желанную волю.

Дело было не только в малодушии. Угодив так глупо в фанагорийскую ловушку, они втайне обвиняли Митридата в легкомыслии, полагая, что стали жертвой мгновенной прихоти отца-государя. Митридат многократно показал, как мало ценит своих детей, играя их судьбами или используя в качестве разменной монеты в торге с царями других народов. И ныне без сожаления и заботы бросил их в фанагорийский костер, как бросают пучок сухой, негодной травы. С какой целью? И за что они должны сражаться? За право вернуться к отцу-деспоту, чтобы завтра опять оказаться жертвой его очередного каприза?..

Артаферн и братья давно разуверились в непобедимости Митридата и непогрешимости его поступков. Его замыслы победить Рим силами наемников и степных пастухов представлялись им пагубными. Будущая война казалась катастрофой, в которой погибнет и Митридат,

и они вместе с ним. Поэтому сдача в плен фанагорийцам пугала их не больше, чем грядущие испытания. Выручит их отец — хорошо, не выручит — тоже не так плохо. Их, как детей Митридата, наверняка переправят к римлянам, где они будут находиться на положении царственных пленников, а может, даже получают какие-то привилегии и вознаграждения за отход от отца, за измену ему.

— Сдаваться нельзя! — вне себя взывала Клеопатра. — Только жалкий трус ждет милости от врага! Кто за мною — вперед! Мы прорвемся сквозь огонь и выйдем к берегу моря! Я уверена, великий государь уже послал в помощь нам корабли и войско! Если они не успеют, мы спасены и будем прославлены! Если нет — погибнем, но не утратим чести! Ибо мы — дети царя! Воины, Митридат вознаградит вас! Рабы, вас ждет свобода!

XIII

Разгневанный Митридат вызвал Менофана, решив отправить в Фанагорию все быстроходные биремы с воинами и освободить детей. Наконец Менофан получил возможность предстать перед Митридатом и открыть ему глаза на продолжающийся развал войска и недовольство боспорцев. Он вошел не спеша, солидно поклонился, приложив короткопалую руку к сердцу. Лицо царя, обезображенное болезнью, напоминало пугающую маску.

— Фанагорийцы обнаглели! — загремел Митридат. — Они посмели поднять руку на царских сынов и дочерей! Этим они определили день и час своей гибели!.. Повелеваю — Фанагорию взять приступом и разрушить до основания! Жителей продать в рабство, зачинщиков бунта доставить живыми сюда! Они после допроса и пытки будут казнены всенародно! Отправляйся.

Попытка Менофана поведать царю о том, что не одна Фанагория противится его замыслам, что и остальные города стоят на грани мятежа, была безуспешной. Митридат ни о чем, кроме наказания Фанагории, не хотел слышать. Даже узнав, что в войске существует заговор бывших пиратов и рабов, которые хотят захватить корабли и бежать в море, ответил запальчиво:

— Не может быть бунта в моем войске! Просто воинам надоело безделье, вот и шумят, рвутся к настоящему делу!.. Кто шумит, того и посылай, пусть они в Фанагории разомкнутся, кое-какую добычу возьмут, кровь прольют, потешатся!

— Но если царевичи и царевны в плену, то фанагорийцы объявят их заложниками! Этим они свяжут нам руки. Как быть?

— Не в плену они, засели в акрополе и отбиваются! Надо поспешить им на помощь!..

— Разреши действовать! Кому вести корабли и войска?

— Кому вести? — Царь задумался, прищурившись. Мухи садились на мокнувшие язвы, но он не замечал этого. Потом, поглядев на стратега, повелел: — Пусть возглавит этот малый поход Тирибаз! Он тоже засиделся и тоже скулит, как пес взаперти! Завидует военачальникам, их власти!.. Вот ему и бранное дело, есть где показать свои таланты! А в помощь ему назначь Асандра с евпатористами, это люди более надежные!

И здесь случилось обыкновение царя поступать неожиданно и наперекор всем. Он послал за пролив не мужественного Фарнака или опытного Менофана, но мало сведущего в ратном деле, изнеженного Тирибаза. Менофан поразился этому назначению, но перечить не стал, ибо видел, что царь страдает от своей болезни, уязвлен неудачей фанагорийского празднования. И едва ли будет сговорчивым. Поклонившись, стратег произнес:

— Ты, как всегда, мудр, и решения твои выше моего понимания! Да любят тебя боги!.. Дозволь идти?

— Поспеши, поспеши! И готовь войско к выступлению в дальний поход!.. С Фанагорией покончим и двинемся на запад!

Повеление царя разгромить Фанагорию вызвало в войсках необычайное оживление. Желающих участвовать в походе за пролив оказалось больше, чем требовалось. Бывшие пираты и рабы, наемники и понтийские воины — все хлынули к берегу, толкали друг друга, стремясь скорее взойти на корабли. Но корабли занимали не беспорядочно, а словно по уговору. Одни оказались заполненными воинами с берегов Термодонта, другие пиратами, которые плавали когда-то вместе, третьи рабскими артелями. В этом не было ничего странного,

каждый старался быть с друзьями и искал таких же, каким был сам.

Царь из-за болезни не мог выйти к войскам и смотрел на погрузку из окна дворца. Увидев, что его разношерстное войско отправляется в малый поход с большим воодушевлением, повеселел, вздохнул облегченно.

— Менофан мрачно настроен,— сказал он стоящему рядом Тимофею,— ему чужды заговоры и бунты. А войско — дружно, как одна семья! Все хотят первыми ворваться в Фанагорию и получить награду за освобождение моих сынов и дочерей!

— Истинно! — подхватил Тимофей, кланяясь.— Истинно, государь! Вот так они будут и в большом походе обгонять друг друга, спеша проломить ворота Рима. Кому не хочется урвать первый и жирный римский кусок!

— И урвут!.. В жажде добычи и славы — сила моих ратей. Они получают то и другое!

Изнеженный и обленившийся Тирибаз, который давно оторвался от живого дела, взирая со стороны на ход событий, оказался во главе многовесельной флотилии. Он не представлял, как будет осуществлять управление кораблями и буйными отрядами разноязыкого войска.

Поддерживаемый под локти друзьями и слугами, он взошел на палубу лучшего корабля, не понимая, почему воины так смело и с нескрываемой насмешкой разглядывают его, переговариваясь и скаля зубы. Он объяснил это ошибками самого Митридата, который слишком прост в обращении с воинами и не приучил их к молчаливому, безропотному послушанию, почтительности к старшим.

— Не удивляйся, почтенный Тирибаз,— говорили ему друзья,— ведь это, собственно, не войско, а сброд разбойников и беглых рабов! Но они способны к рукопашному бою, прикажи им штурмовать Фанагорию, и ты убедишься в этом! Жажда добычи толкает их навстречу опасности! А пока — вели отчаливать, махни платком!

Рука с тонкими пальцами и крашеными ногтями взмахнула белоснежным платком. Корабли зашевелились, весла блеснули на солнце, вода зашумела. Флотилия стала отдаляться от берега, вышла из гавани на простор пролива.

Было красиво смотреть, как десятки судов, полных вооруженными головорезами, заняли видимую поверхность моря, устремившись на восток, подобно стае плавающих птиц. Флотилия выглядела так внушительно, что если бы фанагорийцы могли видеть ее в час выступления из гавани, они исполнились бы ужаса.

Но произошло нечто неожиданное.

Достигнув середины пролива, флотилия вдруг лишилась внутренних взаимосвязующих сил и стала рассеиваться по водной пустыне. Большинство кораблей повернуло круто на юг, в сторону открытого моря. И, словно в насмешку, на многих были подняты на мачты сигнальные щиты, слышались звуки труб, как перед сражением. На палубах стояли стеной люди, ухали враз, по-пиратски, и размахивали хламидами, как это делают моряки, прощаясь с берегом. Были случаи перестрелки между кораблями, нарочитых или случайных таранов с потоплением судов. Те, что остались верными Митридату, вступили в перепалки с изменниками, шли на абордажные схватки, топили одни других.

Корабль наварха Тирибаза также был захвачен изменниками, которые окружили и схватили незадачливого флотоводца, перебили его охрану, а советников и друзей побросали в волны моря. Тирибаз с хохотом и глумлением заперли в каюту. Он был не столько испуган, сколько изумлен, не понимая, что, собственно, происходит. Против кого бунтует это сборное войско?.. Или оно проявило вероломство к своему благодетелю Митридату, или не хочет подчиняться ему, Тирибазу, как бывшему сатрапу, безжалостному к рабам?.. Среди восставших он заметил лица его собственных рабов, взятых Митридатом в войско.

Пять кораблей Асандра, заполненных евпатористами и молодыми пантикапейскими эфебами, вышли из гавани несколько позже других, а потому оказались в стороне от происходящего. Панталеон усмотрел в этом предусмотрительность Асандра и усмехнулся одобрительно.

— Выходит, ты предугадал все это? — кивнул он головой вслед удаляющимся судам.

— Не предугадал, но просто опасался этого, — ответил Асандр. — Смотри, Панталеон, такое не часто увидишь, разбегаются воины великого войска, угоняют корабли Митридата! Это конец его могуществу и всей затее с войной против Рима!

— Что же нам делать? Попытаться спасти Тирибаза?

— Нет, наше дело наблюдать. Откуда ты знаешь, что Тирибаз не с ними?

— Погляди — верные царю корабли заворачивают обратно!

— Обратно нельзя! Митридат не простит нам этого. Надо сперва выручить царских детей!

— Но мы остались одни с нашими людьми. Справимся ли?

— Почему одни?.. Кораблей, которые не изменили, не так мало!.. Дай им сигнал, сообщи, что именем царя теперь я наварх флота и приказываю — все должны следовать за мною к тому берегу пролива! Ослушники будут наказаны, как за измену!

— Слушаю, исполняю!

Панталеон начал размахивать горящим факелом по правилам морской сигнализации.

XIV

По песчаной полосе берега, замусоренной морскими водорослями, бежали вооруженные люди. Их было больше полусотни. Одни выглядели богато в блестящих шлемах и красных хламидах, другие не имели на плечах ничего, кроме лохмотьев. Впереди легко подпрыгивала на девичьих тонких ногах Клеопатра, вооруженная остроконечным мечом — ксифосом.

Все со страстной надеждой смотрели на море, ожидая помощи, но ее не было.

— Надо продержаться еще немного! — кричала царица пронзительно звонким голосом. — Государь уже знает, что произошло! Он поможет!.. Воинов наградит, а рабам даст свободу!

Всем казалось, что погоня должна настигнуть их по сухопутью. Но фанагорийцы, узнав, что среди тех, кто прорвался сквозь огонь и бежал из пылающего акрополя, находится любимая дочь царя, спохватились, поняли, что самую ценную заложницу упустили. И послали быстроходные ладьи вдоль берега, дабы настичь беглецов с моря.

Клеопатра первая заметила, что со стороны враждебного города быстро движутся весельные ладьи.

— Может, это помощь? — предположил один из воинов.

— Это не помощь, о великие боги! — с горечью ответила царевна. — Это погоня! Поспешим, воины, уйти в глубь камышей, там спрячемся!

Кастор, стоя на носу передней лодки, увидел беглецов и указал на них рукой.

— Вот она, дочь Митридата! — торжествующе вскричал он. — Теперь она не уйдет от меня!.. Поворачивайте к берегу!

Торжество оказалось преждевременным. На глади пролива показались большие биремы, весла которых взлетали и опускались, напоминая крылья серебристых чаек. Их увидели и преследователи и беглецы.

— Вот это помощь! — воскликнула Клеопатра и заплясала на песке от радости. — Эй-ла! Воспряньте, воины, мы спасены!

Однако фанагорийцы были ближе, они уже повернули к берегу, явно намереваясь схватить беглецов до подхода царских судов.

— Стратег! — с тревогой говорили фанагорийские воины. — Успеем ли мы?.. Ведь кораблей много, они отрежут нам путь назад!

— Ничего! — ответил распаленный преследованием Кастор. — Мы проворнее Митридатовых воинов и наши ладьи быстрее этих черепах! Гребите сильнее!.. Высаживайся!

Он прыгнул прямо в воду и, разбрызгивая прибрежные волны, устремился к берегу. За ним поспешили воины, они без труда нагнали утомленных беглецов и скрестили с ними оружие.

Лучшие из Митридатовых ратников окружили царскую дочь, прикрыли ее щитами и не пускали в сечу, хотя она воинственно размахивала мечом.

— Куда ты, госпожа?! — говорили они, восхищаясь смелостью девушки. — Они же мужчины и сильнее тебя, сразу полонят! Тогда и нам не поздоровится!.. Оставайся за нашими спинами, помощь уже близка!

Лязгали мечи, яростно вскрикивали сражающиеся. Кастор решил взять Клеопатру своими руками, но натолкнулся на стену щитов и гребенку копий. К его досаде, все получалось не так быстро, как хотелось. Уже слышались боевые сигналы на пантикапейских кораблях и голоса вражеских военачальников.

Высадка воинов произошла стремительно. Волна эфебов с молодым задором хлынула на фанагорийцев,

за ними устремились тяжеловооруженные гоплиты-евпатористы в полном снаряжении.

Теперь пришлось спасаться Кастору и его вооруженным горожанам. Они не выдержали натиска противника и были отброшены в камыши, где оказались по колена в болотной грязи, падали, пронзенные стрелами, тонули в зловонной жиже.

Только сейчас Асандр убедился, что здесь не все сыновья и дочери Митридата. Вместо четырех царевичей и двух царевен он увидел одну Клеопатру в грязном, разорванном хитоне, с опаленными волосами. На худой шее запеклась кровь.

Девушка переоценила свои силы. И внезапно почувствовала страшную усталость. Перевозбуждение сменилось слабостью, она упала на песок, меч выпал из бессильной руки. Воины хотели поднять ее. Но Асандр опередил их, взял бесчувственную воительницу на руки, не переставая испытывать изумление перед ее мужеством.

— Именем государя — все на корабли! — приказал он громко. — А где же остальные дети государя?.. Погибли в схватке или пленены?

— Ни то, ни другое! — ответил хриплым голосом пожилой воин; стараясь удержать кровь, что брызгала из раны, он рвал рубаху и обматывал ею поврежденную руку.

— А что же? Продолжают сражаться?.. Сейчас двинемся им на выручку!

— Нет нужды!.. Четыре сына Митридата и дочь его Эвпатра сдались на милость фанагорийцев! Не захотели сгореть в запаленном акрополе!

Истина раскрылась перед глазами Асандра. Стало ясно, что город восстал, Кастор изменил, дети царские стали заложниками, а эта вот черноволосая девчонка, царская дочь, оказалась единственным настоящим воином среди других! Она возглавила вылазку и отступление верных воинов к берегу.

— Скажи, Асандр, — подбежал Панталеон, — фанагорийцы спасаются в камышах — будем ли преследовать их?..

Асандр отрицательно покачал головой:

— Нет, пусть демоны вязнут в этих болотах, а не мы! Я сказал — всем на корабли!

— Двинемся в гавань Фанагории?..

— Тоже нет!.. Фанагорийцы имеют дорогих залож-

ников и, если мы посмеем штурмовать город, будут угрожать их казнью! Дело обычное!

— Значит, обратно в Пантикапей?

— Да, повезем Митридату его лучшую дочь!.. А как выручить остальных, пусть ломает голову сам царь!

Асандр обратил взор на свою ношу. И невольно смутился. На него смотрели два внимательных карих глаза. Девушка пришла в себя, но не спешила стать на ноги. Она слышала разговор своих освободителей. И разглядывала Асандра с наивным любопытством.

— О госпожа, да хранят тебя боги,— сказал он поспешно,— ты ранена?

— Нет, смелый витязь, я не ранена!

— Но я вижу кровь!

— Думаю, это кровь врага!

— Ты подлинная Афина Паллада! — произнес Асандр в изумлении.— Ты достойна стать царицей! Я же готов быть твоим телохранителем!

— Ты и так телохранитель! Ты спас меня, отец вознаградит тебя!

— Я уже вознагражден, прекрасная царевна, тем, что увидел тебя вблизи и даже держу тебя на руках!.. Ты — живая богиня Ника, ибо тебе сопутствует военная удача!

— Пусти, я пойду сама!

Став на песок босыми ногами, Клеопатра оправила подол разорванного хитона и закинула назад растрепанные волосы. Асандр снял с плеча хламиду и закутал ее.

— А теперь в лодку — и на корабль! Мы должны поспешить к царю Митридату!

— И пускай он сам ломает голову, как выручить своих пятерых детей! — добавила Клеопатра с озорным смешком, чем заставила бывалого боспорца опять почувствовать смущение.

— Или ты велишь плыть в гавань Фанагории? — спросил он с видом покорного подданного.

— Нет, вас слишком мало, и вы угодите в такую же засаду, в какую попали мы! Надо поспешить к государю, он решит, что делать!

XV

Есть слухи, которые распространяются с быстротою ветра. Весть о восстании Фанагории, осмелившейся бро-

сильный вызов Митридату и взять заложниками его сыновей и дочь, сразу стала достоянием всего населения Боспора. Она проникла во все уголки царства, прокатилась, как перекасти-поле, по полынным степям и достигла дымных юрт кочевых племен. Не менее волнующей новостью оказалась и неожиданная массовая измена значительной части воинов-пиратов, а с ними и бывших рабов, которые бежали в море на царских боевых кораблях.

— Крысы бегут с обреченного судна! — изрекли люди рассудительные, пожилые. — Боги явно гnevаются на Митридата, они не одобрили его намерения воевать против Рима.

Вторым после Фанагории отпал от Митридата как всегда задорный Нимфей, за ним последовала торговая Феодосия, сильно пострадавшая от упадка морской торговли. Пришло известие, что херсонесцы разоружили Митридатов гарнизон, предварительно напоив воинов допьяна крепким вином. И объявили Херсонес самостоятельным полисом, городом-государством, каким он был всегда, на протяжении веков.

Гоплиты из местных греков, на которых Митридат возлагал надежды как на стойкую пехоту, стали толпами уходить из лагерей, поспешая возвратиться в свои города.

Оставшиеся в лагерях наемники, бывшие пираты и освобожденные рабы почуяли приближение конца. Окрыленные примером тех, кто успел бежать в море и угнать царские суда, они стали сговариваться и все смелее учинять групповые побеги, кто морем, кто сушей. Число мятежных кораблей, рыскающих по просторам Понта Эвксинского в поисках добычи, возросло. Умножились и шайки грабителей на дорогах Боспорского царства. Насилие царило всюду, жизнь становилась невыносимой. Возле храмов слышались стенания и вопли молящихся, убежденных, что наступает конец света.

И хотя великая рать, созданная Митридатом столь дорогой ценой, распадалась на глазах, упрямый царь был, пожалуй, единственным человеком, который не разделял общих настроений. Он не принадлежал к тем малодушным, которые падают духом в случае неудач. Его распаляли неудачи.

Выслушивая доклады Менофана о развале войска, он жестоко смеялся, его лицо становилось страшным. Сжав кулак, он грозил изменникам, говоря:

— Пускай бегут слабые и трусливые, нам с ними славу не делить! Придет время — они за все получат сполна! А боспорских греков, этих двуличных и хитрых торгашей, я накажу уже сейчас!.. Я заставлю их вернуться в лагерь и пойти за хвостом моего коня!.. Слава богам, есть у нас друзья!.. Обратимся к скифам, они не откажутся припугнуть боспорян, своих вечных врагов!

Это означало, что царь замыслил ввести в пределы Боспорского царства скифские полчища, дабы с их помощью восстановить свое могущество, смирить города и удержать вкупе распадающееся войско. Весть об этом облетела всех.

Обычно терпеливые и осторожные греки, пораженные такими намерениями Митридата, вдруг воспылали боевой страстью и торопливо создавали отряды ополчения, теперь уже для отражения варварского нашествия.

— Братья! — призывали ораторы на площадях. — Вооружайтесь! Царь Митридат вознамерился призвать степняков против нас для поддержания своей власти!.. Готовьтесь к обороне!

Пребывая во дворце по причине болезни, Митридат слышать не хотел о том, что творится вокруг. Одержимый одной мыслью о походе на запад, он был убежден, что стоит ему стать на дорогу войны и дать войнам первые победы и первую добычу, как все вновь сплотятся вокруг него, а дымные факелы сомнений погаснут.

Он верил в таинственные предначертания своей судьбы и предопределенность грядущей победы. Ему представлялось, что как только он высадится с пехотой в устье Истра, римляне впадут в панику. И тогда сенат с поспешностью отзовет войско Помпея из Сирии для защиты римского государства. Это явится сигналом к восстанию для всех анатолийских народов. Они поднимутся на великую войну против римлян-рабовладельцев и призовут его, Митридата, опять на престол предков.

Он обласкал оставшихся сынов и дочерей, восхищался мужеством Клеопатры, ставил ее в пример другим.

— Жаль, что ты не родилась мужчиной, — говорил он, — ты смогла бы отличиться в той войне, которая нам предстоит! Скоро, скоро выступаем мы в великий поход против нашего врага — Рима!

XVI

Только самые близкие к царю люди, его преданные евнухи, видели, как терзается Митридат от горького сознания, что мятежный город Фанагория держит в плену его пятерых детей. Фанагорийцы заявили: если он попытается вновь применить силу против них, они умертвят всех царевичей и царевну Эвпатру.

Связанный по рукам этой угрозой, царь не раз впадал в ярость. Демон мести вселился в него, и с каждым днем он становился свирепее. Не будучи в состоянии наказать фанагорийских изменников, он испытывал жажду крови, которая мучила его днем и ночью. Нужно было сорвать на ком-то злость, излить на кого-то пену ярости, показать всем, что он еще всевластен, и убедить себя в собственном могуществе. И хотя он стал появляться на людях (язвы на лице подсохли) и даже выглядел уверенным и внешне спокойным, его горящие глаза скользили по лицам приближенных, словно выискивая жертву.

В эти злосчастные дни в порту Пантикапея сошли с торгового судна две женщины, охраняемые вооруженным рабом. Они скрывали лица и старались не привлекать к себе внимания случайных встречных. Прошли к воротам акрополя. Одна приподняла покрывало, затеняющее ее лицо, и что-то сказала стражам. Те вызвали старшего. После короткого опроса пришедших начальник стражи ушел, потом вернулся в сопровождении Битоита. Последний, не меняя выражения окаменевшего лица, провел женщин внутрь дворца. Открыв двери царских покоев, он пропустил незнакомок вперед, а сам остался в коридоре.

Женщины, увидев стоящего перед ними Митридата, повалились на пол.

— Встаньте,— коротко молвил царь.

Когда они поднялись, он приказал обеим откинуть покрывала.

Это были Гипсикратия и Стратоника. Обе исхудавшие, со следами загара на лицах. Они настолько изменились, что Митридату показалось, будто перед ним другие женщины.

Гипсикратия с ее черным пушком на верхней губе выглядела совсем мужчиной, утратив последние черты женственности и мягкости. Видно было, что долгие

странствия под личиной мужчины, неудобные ночлеги, зной и холод, случайная грубая пища не способствовали сохранению женственной красоты. Выполнив царский приказ, она заплатила за это ценою своей внешности.

Царь смотрел милостиво и вместе испытующе. Думал при этом, что Гипсикратия не только огрубела в скитаниях, но и осквернена общением с людьми низкими, может быть и близостью с ними. Ее тело впитало в себя много такого, что сделало ее уже непригодной для царского ложа. Кто знает, возможно, тайные болезни, полученные от нечистого питья и непроваренной пищи, а также от тех людей, с которыми свела ее судьба, гнездятся в ее крови, готовые выступить на коже в виде сыпи или язв. Нет, наложница, которая скиталась невесть где больше двух лет, годится лишь в кухонные прислуги, но не в подруги к царю царей!.. И тут же решил отлучить ее от собственной особы навсегда.

— Ты, Гипсикратия, показала себя верной и исполнительной рабой! — сказал он милостиво. — И заслужила покой и отдых! Иди отдыхай, вот тебе награда!

Он протянул ей ларец, в котором переливалось всеми цветами радуги ожерелье из скифских самоцветов. Награда немалая, целое состояние! Но женщина сразу поняла: этот подарок — все, что она заслужила! Это прощальный дар, на большее она претендовать не может.

Взяв в руки ларец, Гипсикратия склонила голову, думая при этом, что царь стал совсем другим. Вместо могучего и любвеобильного Митридата перед нею предстал старик с обтянутым пестрым лицом, расписанным болезнью. «Видно, опять проступила его давняя хворь, — вздохнула она тайком, — его утомили заботы и великие дела!.. Кто позаботится о нем?» Вспомнилась хижина в Диоскуриаде и то возбуждающее питье, которое она варила ему на очаге.

— Благодарю тебя, о господин мой! — сказала она, упав на колени.

— Иди, ты свободна!

Оставшись наедине со Стратоникой, Митридат почувствовал, как искры тщетно подавляемого гнева опалили его сердце. Он задышал глубже, ноздри дрогнули, глаза зажглись мерцающим огнем.

Стратоника стояла перед ним в дорожном платье, уже не молодая, но еще красивая, способная воспламе-

нить мужскую страсть. Возможно, она так и расценила явное волнение своего царственного супруга. Она откинула с плеч грубый плащ и осталась в красном хитоне до колен. Протянув обнаженные руки, заговорила с чувством, в котором выражалась еще не смелая, с трудом сдерживаемая радость желанной встречи:

— Мой супруг, повелитель и бог, величайший, непобедимый и несравненный!.. Кто измерит мое счастье, мое ликование? Кто, кроме тебя, способен услышать песню сердца моего, увидеть огонь души моей?.. Сбылось то, о чем я дни и ночи молила богов,— я увидела тебя, нашла тебя во всем великолепии, во всей мужественной красе твоей, в окружении божественного сияния!.. Прими рабу твою, позволь ей найти радость жизни у ног твоих!

С этими словами Стратоника опустилась на пол, распростерлась ниц на каменных плитах, ожидая, что сейчас сильные руки поднимут ее и она услышит слова милости и признания ее любимой супругой, старшей в гинекее, царицей! И одновременно, с непередаваемым томлением представила свою встречу с любимым сыном, который где-то здесь, недалеко, дорогой, желанный!.. «О, Эксиподр, сын мой!» — в упоении кричало ее сердце.

Но прошли два-три мгновения, бесконечно коротких в любви и счастье, сейчас же показавшихся женщине веками. И то молчание, которое было ответом на ее слова, отзывалось в ее груди тревожным предчувствием, как перед началом грозы.

Она робко подняла голову и вздрогнула, встретившись с пронзительным, насмешливо-жестоким взглядом царя.

— Ты ползаешь у моих ног, как змея, готовая укунить своими ядовитыми зубами! — зловещим шепотом произнес он.

Лицо его, и без того страшное, исказилось, потемнело, судорога молнией прошла по щеке. Костлявая рука сжимала рукоять кинжала. Трудно передать, что творилось в этот миг в душе Митридата. Он хотел тут же, немедленно, убить изменницу. И уже потянул из ножен отравленный клинок. Вот она, та жертва, которая должна принять на себя его ярость!.. Но, представив Стратонику мертвой, в луже крови, он почувствовал, что этого мало, это слишком просто! Убить одним ударом за та-

кую страшную измену — значит оказать милость! Нет, надо придумать что-то другое!.. И он придумал.

«Да, да,— шептал он, беззвучно шевеля бескровными губами,— мало убить эту хитрую змею! Надо заставить ее пережить больше, чем пережил я, когда узнал о ее вероломстве!»

— О государь! — с трудом произнесла подавленная Стратоника.— За что ты встречаешь меня гневом? Чем я провинилась перед тобою?

— Забыла? — с ядовитым смехом отозвался царь.— Забыла? Но я-то не забыл! Неужели ты думала, что меня можно обмануть? Или ты не знала, что самые хитрые козни врагов я разгадываю, как детскую загадку? И решила, что твоя измена не дойдет до ушей моих?.. О боги!.. Ты отдала сказочное сокровище лютому врагу моему Помпею, открыла тайники и вручила ключи от них жадному римлянину! И все это лишь за одно ничем не подтвержденное обещание — помиловать твоего сына, слюнявого красавчика Эксиподра, буде он попадет в плен!.. Не так ли?

— О государь!.. Ведь Эксиподр и твой сын! Он дитя любви нашей!

— Так почему же ты вверила судьбу нашего сына злому недругу Помпею? Или ты заранее похоронила меня, утвердилась в мысли, что я побежден, и поспешила переметнуться в стан врагов?.. Какая низость, Стратоника, какой позор для царицы! И теперь ты лжешь мне, говоря, что молила богов о встрече со мною!

— О великий, но я же прибыла к тебе, не осталась там, в завоеванных римлянами пределах!

— Это я заманил тебя, как лисицу в силочку! И ты попала на приманку! А приманка — твой сын Эксиподр! Не ради меня ты возвратилась, а ради него! Ибо я сказал Гипсикратии — не вернется Стратоника, Эксиподр умрет!

— Я вернулась! Я вернулась! — почти закричала женщина.— Выслушай меня! И накажи, если я виновата!.. Я выдала сокровища Помпею не потому, что не верила в твою победу, а потому, что эти сокровища уже бесполезны для тебя! Если ты вернешься на трон Понтийского царства, то не благодаря тому, что у тебя есть тайники, а благодаря своим силе и уму! После победы над Римом ты получишь сокровища куда большие, чем клад Новой Крепости!.. Я же хотела одного — сохра-

нить жизнь сына, если бы он в юношеской запальчивости вдруг попал в плен к врагу!.. Вот и все! Неужели жизнь твоего прекрасного сына не стоит этого мертвого богатства? Ведь есть еще тайники, в других местах. И, наконец, победив Рим, ты получишь эти богатства обратно вместе с трофеями!..

— Ты отдала врагам сокровища, о которых и Крёзу не мечталось! На них можно было снарядить стотысячную рать!.. И все же дело не только в этом. Главное — ты изменила мне, продала мою тайну врагу, озолотила ненавистного Помпея! И пришла не с раскаянием, но с обманом, думая, что я ничего не узнаю! Ты готова была жить рядом со мною, убедившись, что я опять силен и властен! И, конечно, опять изменила бы при случае! Но ты знаешь, мой обычай: изменникам одна награда — смерть!

— Я готова умереть, — с покорностью склонила голову Стратоника.

— И здесь ты хитришь, — язвительно усмехнулся царь. — Говоришь одно, а думаешь другое! Хочешь отвести мой гнев на себя и обеспечить покой сыну своему!

— А при чем сын мой? — с живостью и тревогой отозвалась женщина. — Не он изменил тебе, а я, хотя и я душой принадлежала тебе, когда отдавала этот бесполезный клад!

— Немалый подарок врагу! Но, повторяю, не в кладе дело, а в твоём вероломстве! Ты ответишь за него. Эй, люди!

— Но, великий повелитель, я еще не видела сына своего, разреши перед смертью встретиться с ним?

— Встретишься, встретишься! — со злорадным ликованием ответил Митридат, жестом руки приостанавливая вбежавшую стражу. — Только не сейчас, а немного позже!

Стратоника вдруг поняла, что ее участь была решена задолго до этого дня, — видимо, еще тогда, когда Митридат направлял к ней Гипсикратию. Неожиданно она почувствовала приступ тоски и жалости к себе, рыдания произвольно потрясли ее тело, она уронила голову на холодные плиты пола, обливая их слезами.

XVII

Хор девушек дружно исполнял приветственный гимн под звуки нескольких кифар.

Синяя дымка ароматных курений затянула своды «чертога любви», как его пышно именовали. Два раба внесли стол, накрытый тонкими яствами и старыми винами. Сам хозяин и устроитель встречи поспешил по персидскому ковру навстречу высокому гостю, держа пухлыми пальцами чашу, наполненную до краев.

Хозяин был толст и в цветном хитоне выглядел принарядившимся сатиром. Это был преуспевающий Клитарх, прозванный Жабой. Его обнаженные руки, обросшие черными волосами, и эллинские сандалии на кривых ногах казались принадлежностью комического актера. Впрочем, он и не возражал быть таким в жизни. Вел себя игриво, подмигивал певицам, как бы поощряя их, пританцовывал на ковре, действительно напоминая собою прыгающую жабу.

Гость появился в сиянии многих светильников, испускающих дрожащий свет и запах горелого масла. Пение усилилось, громче задребезжали жильные струны. Клитарх расплылся в улыбке и протянул чашу.

Царевич Эксиподр ответил на радушный прием веселым смехом, взял из рук хозяина чашу и, кивнув девушкам, как старым знакомым, вытянул ее до дна. Клитарх повел бровью, и девушки, подобно стайке пестрых птиц, вспорхнули и окружили гостя со смехом и возгласами радости. Самые красивые взяли его под руки и провели к столу.

Клитарх приблизился бочком и, прикрыв широкий рот волосатой рукой, что-то шепнул царевичу на ухо, указав глазами в сторону окна. Там стояла в застенчивой позе смуглянка, одетая в ниспадающие эллинские одежды.

— Это она? — спросил Эксиподр со смешком.

— Она самая; нетронутый цветок, весенняя зорька! Имя ее Зариада! Лишь вчера сошла с корабля, не знает иного языка, кроме родного керкетского!.. А поет — фэ!..

Клитарх сложил пальцы в пучок и поднес к губам.

Вошла Итона, как всегда быстрая и гибкая, одетая в облегающий тело восточный наряд, напоминая собою жрицу Астарты. Она ударила в гонг и возглавила общий танец. Царевич, угощаясь сладостями и винами, любовался танцовщицами, поглядывая на Зариаду.

Потом все расступились, дали место дочери горного Кавказа. Та взяла лютню и, проведя по ее струнам ру-

кой, запела что-то тягучее, грустное, напоминающее о приволье тех гор, где она выросла и откуда была продана в рабство.

— Ты видишь, преславный царевич,— живо зашептал Клитарх,— девушка одна, у нее нет покровителя!.. Она станет твоею тенью, если ты согласишься утешить ее!

— Да, да,— ответил Эксиподр,— я готов утешить ее... Но на каком языке я скажу ей слова утешения?

— На языке любви,— быстро нашлась Итона, стоявшая около.— Этот язык понятен всем, а девушкам особенно!

Сегодня царевич не стал играть в прятки и жмурки с поцелуями, как обычно. Ему не терпелось остаться наедине с новенькой и испытать свои способности утешителя.

Он поднялся из-за стола, покрасневший от вина и волнения.

— Как он красив, наш царевич! — переговаривались девушки.

— Я доволен тобою, Клитарх,— сказал он хмельным голосом,— возьми вот это!

Хозяин на лету подхватил золотую гривну с самоцветом.

— А это вам за пение и танцы!

Девушки с визгом и смехом кинулись собирать монеты, раскатившиеся по полу.

С торжественным пением гостя и Зариаду повели в опочивальню. Девушки подбежали к столу и стали хватать с тарелок сладости.

— Не наедаться! — скоро предупредил Клитарх.— У нас еще будет важный гость!.. Идите в нижний покой и не перепутайте, кому что говорить!

Что-то вспомнив, он поднял руку и щелкнул пальцами. По этому условному знаку все девушки поспешили отдать хозяину подобранные на полу деньги.

— Второго гостя встретишь ты, Итона, будь внимательна! — сказал он. После чего оставил «чертог любви» и направился в большое здание во дворе, откуда слышались пьяные песни и грубый смех. Там развлекались воины, для которых угощение и вина были подешевле, а девушки попроще, они не блистали богатыми нарядами и хорошими манерами. Здесь он забрал холщовую кису с деньгами и, уединившись в каморке, стал подсчитывать выручку дня.

— Медь, больше медь,— бормотал он,— деньги воинов и матросов! А вот и серебрушки от горожан!.. А это...

Придвинув светильник, Клитарх внимательно оглядел дар Эксиподра. Вещь дорогая, все видели, когда он ее получил, видела и Итона — око и ухо Парфенокла. Такую драгоценность не утаишь! Вздохнув, он положил гривну в шкатулку вместе с несколькими золотыми и серебряными монетами. Парфенокл сам решит, что должно быть передано в городскую казну. Гривну, наверное, возьмет себе! Что ж, это его право, он подлинный хозяин веселого дома, а Клитарх всего лишь управитель, эконо́м, у которого забот много, а доходы мизерные!..

Но в душе Клитарх благословлял судьбу, ибо кончились его невзгоды, он нашел надежного покровителя в лице Парфенокла, доходное место и получил признание городских властей, которые оценили его скрытые таланты. Он не ограничился скромной ролью доверенного эконо́ма, но быстро наладил дело, к которому всегда чувствовал склонность.

Жаба-Клитарх отменил обрядовые моления и жертвоприношения, так как ему некому было молиться и приносить жертвы. Богиня осталась среди развалин храма, овеянная ветрами и обсыпанная уличной пылью. Пока решался вопрос о восстановлении храма, Клитарх создал нечто вроде римского лупанария, где каждый мог развлечься по средствам. Для избранных предназначались «чертоги любви» — уютные уголки, куда рядовым воинам и людям черным доступа не было. Завсегдатаями «чертогов» были не только богатые горожане, но и знатные военачальники и советчики Митридата. За короткое время веселый дом стал известен далеко за городской чертой. Угощения, вина, смазливые женщины по доступной цене привлекали к нему сотни посетителей. Вместо расходов на содержание служительниц Афродиты женский дом стал приносить прибыли, которые превзошли прежние храмовые доходы, окупили щедрость Парфенокла и потекли неиссякаемым ручьем в городскую казну.

Бывал здесь и Эксиподр. Он искал в веселом заведении убежища от подозрительных взоров отца и евнухов, отдыхая в обществе шаловливых гетер. Непринужденность, праздничная обстановка «чертогов любви» яв-

ляли собою приятный контраст с мрачными буднями царского дворца, где витал дух суровости и тревожных ожиданий.

Царевич жил сегодняшним днем, стараясь не думать о трудах и лишениях предстоящего похода. Он с шиком растрачивал то, что оставила ему мать, — деньги и драгоценности, зачастую не зная их истинной цены. Для Клитарха и тех, кто стоял за ним, такой посетитель был сущим кладом. И царевичу устраивались приемы, напоминающие театральные представления. Его ублажали всеми способами, льстили ему, восхищались им. Затрат не жалели, зная, что они окупятся.

Клитарх закрыл шкатулку и зевнул. Думая вздремнуть часок, прилег не кушетку. Но едва Гипнос осенил его своим крылом, послышался стук в дверь, а за ним встревоженный голос Итоны:

— Клитарх! Клитарх!.. Выйди скорее, тебя ищут!

Вскочив на ноги, Клитарх подумал, что пожаловал Парфенокл, который любил нагрянуть в неурочное время и проверить дела и кассу эконома. Со скрытой досадой он протер глаза и вышел из каморки во двор, освещенный факелами. Его встретила Итона, закутанная в черное покрывало. Она с многозначительным видом прошептала:

— Царские люди!.. Они стали ломиться в двери, когда я с девушками исполняла танец нереид! Мы едва успели накинуть покрывала!

— Ого, что им надобно?

Почувяв недоброе, Клитарх поспешил на кривых ногах к «чертогам любви», у дверей которых пылали факелы, поблескивали шлемы воинов, слышались грубые голоса. Он попытался принять достойный вид, но оторопел, когда перед ним выросла фигура Битоита, царского стража, человека с деревянным лицом и железным сердцем, как о нем говорили.

— Я слушаю тебя, достойный витязь! — обратился он к царскому телохранителю с поклоном.

— Именем государя, мне нужен царевич Эксиподр! Где он?

— Гм... Он отдыхает, почтенный витязь! Там, на втором этаже!

— Веди меня к нему!.. Торопись!

Десятки тяжелых сапог загрохотали по лестнице.

XVIII

Царевич, утомленный строптивостью горянки, пытался что-то объяснить ей жестами, но она, сжавшись в комок, сидела в углу. Ее глаза горели в полутьме, как у рассерженной кошки, которая намерена защищаться.

— Пойми же,— говорил Эксиподр, сидя на богатом ложе,— ты рабыня, а я царский сын! Захочу — и отпущу тебя домой, в горы!.. Но ты должна быть поласковее!

Он с досадой смотрел на царапины на своих холеных руках, и ему казалось, что у девушки глаза такие же колючие, как и ногти. Она не понимала его речей и жестов, так же как и того, что невольнице, купленной за деньги, царапаться бесполезно.

Вскочив на ноги, он направился к ней, протянув руки вперед и изобразив на лице улыбку. Но грохот шагов в коридоре заставил его остановиться и прислушаться. Кто-то толкнул двери с такой силой, что с потолка посыпалась сухая известь. Послышался невнятный говор, потом дрожащий голос Клитарха:

— Царевич, открой, за тобою пришли!

— Кто смеет?! — вскричал было Эксиподр в раздражении, но двери с треском рухнули, обдав его волной воздуха и пыли.

Свет и дым факелов ударили в лицо. В опочивальню ворвались царские воины, возглавленные Битоитом, лицо которого в неверном освещении выглядело пугающе бесстрастным. По знаку царского телохранителя царевича схватили за руки и тут же сковали их золотой цепью.

— Волею великого государя! — отчеканил металлическим голосом Битоит.

Ошеломленный, подавленный Эксиподр недоуменно обвел вокруг широко раскрытыми глазами. Почувствовав, что происходит нечто страшное для него, спросил Битоита еле слышным голосом:

— Скажи доблестный воин, в чем моя вина, почему я схвачен, как вор или враг? Я всегда был покорен воле великого государя, родителя моего!

Но не получил ответа. Звеня блестящей цепью, покрытой позолотой (привилегия царственных узников), он направился в окружении стражи прочь из уютной опочивальни, обиженный дважды — сначала строптивостью молодой рабыни, потом гневом отца. Пытаясь ос-

мыслить происшедшее, не заметил, как шагал по ночным улицам и оказался в мрачном подвале дворца, где остановился перед входом в темницу, о существовании которой даже не подозревал. Он словно очнулся от своих путаных раздумий, когда со скрежетом распахнулась черная дверь и навстречу потянуло запахом сырости и гнили. Что это?

Машинально шагнув через порог, он невольно вздрогнул, услышав, как дверь узилища захлопнулась за его спиной. Приглядевшись в полутьме, увидел соломенную подстилку на холодном полу, рядом кувшин с водой и ячменную лепешку, а выше узкую прорезь окна, в которое зябко веет предутренний гиперборейский ветер.

Все было так внезапно, непривычно, странно, что казалось сном. И вместе рождало в душе еще не испытанное чувство унижения, оскорбленного самолюбия. Плесень на стенах, сырой дух подземелья, грязь и гнилая труха на полу вызывали брезгливость. Долго ли отец продержит его в этом стойле, куда и лошадь хорошую поставить было бы жаль? А главное — за что, за какую вину?..

Следуя задуманному, Митридат не собирался оставлять Эксиподра в длительном неведении. Опять заскрипела дверь, вошел Тимофей и глухим голосом объявил, что великий царь решил казнить его за измену.

— Казнить?.. За измену? — вскричал изумленный Эксиподр. — Я не изменял государю!.. Я и в помыслах не держал чего-либо противного делам и замыслам отца-государя!.. Невиновен я!

Тимофей повернулся и вышел, заскрежетала дверь, звякнул замок. Оставшись один, узник упал на пол и заплакал, как ребенок. Хотя он вырос в условиях постоянного страха, тревог и кровавых расправ, он всегда верил, что его царственному родителю невольно приходится быть суровым, даже жестоким. Врагов много; чтобы благополучно царствовать, надо уметь разгадать их тайные замыслы и немедленно принять крутые меры. И когда слышал, что кто-то пострадал невинно, не верил этому. Ибо не считал отца каким-то зверем, жаждущим крови. Тем более не допускал, что сам станет жертвой подозрительности Митридата. И вот невероятное случилось! Он тоже оказался в числе предателей и изменников! Но ведь он не предавал и не изменял! Разве он хотел стать царем кол-

хов, как Митридат-младший? Или намеревался перекинуться в лагерь римлян, как это сделал Махар? Он не говорил и крамольных речей, подобно Метродору Скепсийцу, царскому воспитателю и правой руке Митридата!.. Вспомнилось, как Метродор был направлен с посольством к армянскому царю Тиграну и в беседе с последним сказал нечто не отвечающее замыслам Митридата. Этого было достаточно, чтобы обвинить его в измене и лишить жизни.

Утром опять появился Тимофей и досказал то, о чем вчера умолчал. Он сказал, что царица Стратоника вернулась из плена и тоже заключена в тюрьму за измену, ибо передала сокровища царские Помпею за обещание пощадить Эксипода, когда тот попадет в его руки!

Узнав горькую правду, Эксиподр почувствовал приступ ярости, направленной против матери. Против той, которая любила его больше собственной жизни и совершила проступок ради его спасения. Но в своей заботе о благополучии сына она постаралась отвести от него удар очень далекий, хотела выстлать весь путь его жизни золотом из сокровищ Новой Крепости!.. И по женской близорукости подставила его голову под меч того, кто стоит рядом и от которого ничего не скроешь!

В отчаянии и страхе юноша проклял мать свою, упав на колени посреди темницы. Он громко произнес страшные слова, протянув руки к мрачным сводам узилища. Эти слова были услышаны стражами и переданы Митридату. Тот произнес с удовлетворением:

— Вот теперь настало время, когда Стратоника увидит сына, услышит его голос и допьет свою горькую чашу!

Он устроил им свидание. Женщина метнулась было к дорогому детищу, но сын оттолкнул ее. Весь в слезах, он стал упрекать ее, бросать ей в лицо обвинения и оскорбительные слова.

— Видишь! — кричал он вперемежку с рыданиями, потрясая перед нею позолоченными цепями. — Видишь — я узник, обреченный на смерть! Это ты по своей глупости погубила меня, так же как и себя!.. Кто просил тебя об этом? Ты изменила государю, предала его, и пусть боги проклянут тебя за это!

Эксиподр был в отчаянии, не владел собою, держался не мужественно и явно старался в присутствии Мит-

ридата обвинить мать, рассчитывая на помилование. Но царь стоял в стороне и молчал. Поведение Эксиподра вызвало в нем чувство презрения, которое изгнало из сердца остатки снисходительности. Он видел, как ничтожен юноша, как мелка душа его.

Помолчав, царь обратился к Стратонике с язвительным прищуром:

— Он прав, не я гублю твоего сына, это ты погубила его! Ты отдала врагу богатство, которое стоит полцарства, а своего любимчика не спасла! А если бы ты этого не сделала,— он продолжал бы вести веселую жизнь царского сына, а в будущем я поставил бы его царем или правителем одной из завоеванных земель!.. Но глупость — сестра измены! Ты сама убедилась в этом. Родной сын проклял тебя, а повелитель и супруг отверг тебя! Да и твой благодетель Помпей, в победе которого ты была так уверена, что-то не спешит выручить тебя. Он бежал с позором в Сирию, надеясь победами над более слабым врагом покрыть свои неудачи!

Обезумевшая от горя женщина в отчаянии кидалась то к сыну, который отвернулся от нее, то к царственному супругу, но тот смеялся страшным смехом и на ее мольбы лишь отрицательно крутил головой.

— Я виновата, государь, только я одна! — взывала она, ломая руки.— Это я предала тебя! Я и сейчас обманывала тебя! Не спасти сына пыталась я, нет, этого не было! Просто я хотела сохранить свои женские украшения, по бабьей глупости. И ради них открыла Помпею тайну!.. А о сыне я тогда и не думала! Да подтвердят это всесильные боги!.. Только я виновата,— значит, и отвечать мне одной! Пытай меня, жги огнем мое тело, убей меня! Я все это заслужила. Но при чем здесь мой мальчик, сын твой и мой?.. Дитя любви нашей! Не в чем его винить, и прощать ему нечего! Ибо он ни в чем не провинился перед тобою! Он нежный голубь, детище твое, второй, после Фарнака, царевич! Больше нет у тебя сыновей, так сохрани этих, последних!.. Разве можно казнить мальчика за то, что его мать глупа?.. Боги осудили бы тебя за такой поступок, подумай, о великий!

Она говорила это с умоляющим и вместе доверчивым видом, как бы убедившись, что сердце отца смягчилось и он готов проявить милость.

Но Митридат рассмеялся, проведя по бороде рукой, блистающей перстнями. При этом глаза его горели холодным огнем, в них отражались коварство и свирепое наслаждение мучительством.

Видя, что женщина ползет к нему по полу, намереваясь обнять его ноги, он брезгливо отстранился и отбросил ее ударом мягкого скифского чувяка.

— Хватит! — отрезал он. — Ты прочувствовала, что значит изменить понтийскому царю! Теперь каждый получит свое!

И вот она стоит на излучине берега, у самого моря, куда ее доставили в крытом экипаже. Она все еще надеялась, что Митридат будет милостив к Эксиподру. Ее сердце хотело выскочить из груди, когда напротив, за полосой спокойного моря, образующего заливчик, показалась другая карета, из которой вышел сам Митридат в сопровождении Битоита и евнуха Тимофея.

По знаку царя воины вытащили из кареты скованного Эксиподра и вывели его на песчаную полосу, замусоренную ракушками и морскими водорослями. Было утро, откуда-то доносились крики петухов и лай собак. Свежий ветер развеивал мягкие кудри ее сына. Но он не смотрит в сторону матери, он сердится, он ненавидит ее!.. И в эти последние мгновения Стратоника убеждала себя, что Митридат хочет казнить ее на глазах у сына для острастки. Но не тронет ни в чем не повинного Эксиподра! Но что это?..

Стратоника вдруг поняла, что сейчас произойдет страшное. Она метнулась вперед с криком отчаяния и ужаса, стражи едва удержали ее. Митридат стоял в стороне, словно любясь происходящим. Его лицо было искажено, как у злобного финикийского бога, имя которому Молох... Он поднял руку. Воины направили копья в спину царевича. Царь опустил руку.

Пронзенный несколькими стальными остриями, Эксиподр упал, окрасив песок алой кровью. Стратоника кричала, рвалась, совсем обезумела. Она кинулась бы в воды залива, чтобы оказаться около тела сына, но ее крепко держали. Она попыталась выкрикнуть убийце слова проклятья, но спазмы сжали горло.

Царь повернулся спиной и вошел в экипаж, поддерживаемый приближенными. А обезумевшую мать увели, не позволив ей приблизиться к телу сына. Оно должно

было оставаться непогребенным на морском берегу, пока хищные птицы не расклюют его.

XIX

Бессмысленная жестокость, с которой был умерщвлен Эксиподр, потрясла всех. Казалось поразительным, что после бесславной утраты пятерых детей Митридат не только не стал более внимательным к остальным, но из одного мстительного чувства к Стратонике убил на ее глазах ни в чем не повинного Эксиподра!.. Это было чудовищно! Теперь никто не сомневался в том, что Митридат пребывает во власти кровожадных духов ночи. И каждый приближенный мог задать себе вопрос: не моя ли следующая очередь напоить своей кровью вампира в образе царя?

С особой остротой этот вопрос вставал перед Фарнаком, теперь единственным и последним царским сыном. Тем более что Фарнак уже чувствовал себя виновным в еретических мыслях, растущем неверии в замыслы отца и в их тайном осуждении.

Его сближение с некоторыми боспорцами едва ли осталось неизвестным отцу! И кто знает, может быть, отец-государь уже решил судьбу своего последнего сына! Ведь он всеведущ, ибо распознает заговорщиков с помощью демона-покровителя!

Фарнак так проникся чувством обреченности, что стал необычно богомольным. Тайком приносил жертвы всем богам, умоляя их отвести от него гнев отца. Вместе с тем в нем крепло убеждение, что действия отца ошибочны, а замысел завоевать мир — граничит с безумием. Видимо, боги отвернулись от Митридата, а злые демоны полностью овладели им! Они вселились в его тело; это они выглядывают из его глаз, толкают его на жестокости, имея одну цель — погубить его самого, а вместе с ним и его близких и подданных!

Предчувствие близкой катастрофы было усилено гаданиями Левкиппа, у которого Фарнак бывал по совету Асандра. Он просил старого жреца спросить судьбу о грядущих испытаниях. Левкипп коптил зеркала, рассекал тушки жертвенных кур и ягнят, всматривался в полет священных голубей, кричал в глубокие колодцы и слушал отзвуки собственного голоса.

И во всех случаях говорил, что боги ждут появления «мужа, сильного духом», который нашел бы правильный путь, им угодный. Боги помогли бы ему остановить крушение всего сущего, восстановить равновесие между людьми, богами и стихиями.

— Ныне такое равновесие нарушено,— говорил жрец проникновенным тоном,— хотя мне далеко не ясно, кто, собственно, виновен в этом? Но нарушение очевидно! Люди пребывают в смятении и разброде, порядка нет, насилие гуляет по дорогам, льется кровь невинных, царство Боспорское распадается, а варварские полчища собираются, как градовая туча, намереваясь совершить всеуничтожающий набег на священные земли наши! Стихии восстали — землетрясение разрушило здания и стены городов! Ураганы вырывают с корнями деревья, страшные засухи сменяются не менее страшными ливнями, уничтожающими посевы!.. Ясно, что боги гневаются, а духи зла и разрушения резвятся у порогов домов и храмов наших!

— Скажи о грядущем походе против Рима! — нетерпеливо вопрошал Фарнак.

— Прости, пресветлый царевич,— уклончиво отвечал Левкипп,— но ведь гадания не говорят ни о чем прямо. Ясно одно — поход против Рима, может быть, и угоден богам, но, как видно, время для него еще не наступило! Что-то мешают этому великому делу! А что — рука тех же богов!.. И, пожалуй, спешат с этим походом именно духи зла! Они хотят оставить Боспор беспомощным перед натиском варваров! И это будет, если сыны и мужи наши уйдут на запад! Получится, что мы потеряем очаги и земли наши, а обречем страшную войну, в которой уже не на что будет опереться, ибо позади будут лежать лишь развалины и трупы наших близких!

С каждым посещением храма Зевса Спасителя Фарнак укреплялся в дерзновенной мысли, что, если не помешать отцу-государю в его предприятии, он погибнет сам и ввергнет всех в пучину безнадежной войны. И, уже потеряв Понтийское царство, оставленное за морем в развалинах, Митридат также потеряет и боспорские владения. Сам же превратится в бродячего воителя, у которого ничего нет, кроме наемного войска и шатра, где он ночует. Чем же он будет отличаться от пирата? Царь без царства, живущий войной и грабежом!.. Одна мысль об этом приводила

Фарнака в состояние небывалой душевной тревоги. Он не спал ночами, все думал, как предотвратить неизбежное. Обращаясь к богам, подолгу беседовал с ними, заявлял, что готов следовать их указаниям, пусть только они поддержат и вразумят его! В чем поддержать — не говорил, ибо старался не уточнять того, о чем и подумать было страшно.

Между тем Митридат действовал. Оказавшись перед лицом всеобщего развала своего сборного войска и восстания городов, он решил ускорить осуществление рискованного замысла — призвать на помощь полчища скифских кочевников, под внешним предлогом пополнения ратей перед походом. При этом рассчитывал улучшить взаимоотношения со степью, привлечь сердца степных главарей. Даже предполагал перенести точку опоры своего могущества из малонадежного Пантикапея в гущу кочевых воинственных племен.

Были собраны богатейшие подарки, невиданные заморские ткани, седла, обтянутые узорчатой цветной кожей, позолоченное оружие и украшения из серебра и слоновой кости с самоцветами.

Как проигравшийся игрок, царь бросал в игру последнее, что имел, рассчитывая этим спасти свое положение и укрепить власть.

— Но этого мало,— качал головою Митридат, думая, что сейчас кстати было бы породниться с царем Фарзоем и его лучшими князьями. И приказал привести к нему Клеопатру.

Когда та, после земного поклона, поднялась на ноги, он ласково сказал:

— Ты уже невеста, дочь моя. И пора тебе стать женой достойного! Ты запала в сердце скифского царя еще тогда, на охоте! Теперь все узнали о твоей смелости, признали тебя бесстрашной воительницей, а у скифов и особенно сарматов это ценится превыше всего! Думаю, что, став женой царя Фарзоя, ты укрепишь мой союз со Скифией и поможешь мне скорее собрать войско для выступления на запад, против Рима!

Клеопатра безмолвно склонила голову, зная, что никаких возражений отец не потерпит и ни с какими ее просьбами не посчитается.

— Не одна поедешь,— добавил Митридат, словно угадывая мысли девушки,— с тобою поедет Орсабарис!..

Она молода и игрива, хотя, как и ты, не блещет красотой! Она будет подругой самому большому князю из рода веоря, это второй по силе род в Скифии, после царского!

Так неожиданно определилась судьба Клеопатры и Орсабарис. Обе царевны должны были войти в сумму дорогих подарков, предназначенных Митридатом для привлечения сердец скифских вожакон.

Об этой новости сначала узнал царский гинекей, а за ним весь двор и город. Боспорские архонты и жрецы сразу встревожились, понимая, что означает для Боспора направление царских дочерей в стан воинственных кочевников.

Левкипп встретился с Асандром, как с главой города, в потайном помещении храма, где они долго беседовали. Жрец питал некоторые сомнения в том, насколько Асандр будет согласен с ним. Ибо первый архонт и стратег пользовался доверием и поддержкой Митридата, благодаря которому и укрепился на вершине власти, захваченной им в обстановке всеобщего замешательства. Но Асандр спокойно и без заносчивости заявил, что он был и остается радетедем успеха и благополучия Пантикапея, ради чего и возложил на себя бремя власти и забот.

Просветлевший Левкипп с удовлетворением закивал головой, говоря, что боги поддерживают преданных родине и восславят Асандра, если тот интересы города поставит выше всего.

— Я всегда служил интересам своего города, богам его и ратовал за целостность и могущество Боспорской державы! — подтвердил Асандр.

— Так принеси жертвы и вознеси моления Зевсу!

Совершив жертвенный обряд, заговорили о делах. Левкипп перешел к самому главному из дел, не теряя времени на второстепенные.

— Если царское посольство с подарками и невестами достигнет Неаполя, Фарзой может соблазниться дорогими подношениями и двинет войска на Боспор! — горячо говорил он. — Фарзой же давний враг наш, недаром он был другом рабского царька Савмака! Он не упустит случая пограбить Боспор! Это может стать концом нашей свободы!

— Как же ты, почтенный отец, думаешь воспрепятствовать этому?.. Вразуми меня!

— Митридат охвачен духом безумия, боги отняли у него разум!.. Он погибнет сам и погубит нас! Надо привлечь на нашу сторону Фарнака, он достоин занять место отца, дабы удержатъ всех нас у края бездны!

— Понимаю, сам думал об этом. Не так просто сделать это. Царевич горд, не любит, когда ему навязывают волю со стороны! Вот если бы он сам решился, тогда другое дело!

— Ты был смелее, когда склонял Махара на измену отцу!

— Тогда Митридат был далеко, а сейчас — в Пантикапее! Он нынче лют, как голодный волк! Так и смотрит, кого бы посадить на кол! Сына убил!.. И если мы сделаем один неверный шаг, нам придется занять высокое, хотя и не очень удобное место на колу! Я видел, у царских палачей заготовлена целая куча кольев!

— Ух!.. Страшные слова ты говоришь, да пронесется их влияние мимо, как порыв ветра!.. Но время не ждет, надо действовать! Фарнак склонен к богам города, душа его в смятении. Попробуй побеседовать с ним! А пока — готовь отряд верных людей! Нужно перехватить царский караван, как только он выйдет из города!..

— А если Фарнак не пойдет против отца?..

— Будем действовать без него! Другого выхода нет!.. Дерзай, сын мой, иначе будет поздно!.. Да помогут тебе боги!

Их разговор был прерван шумом в храме. Послышались голоса, топот ног. В потайную келью заглянул иеродул и, приложив ко рту ладонь, сообщил с гримасой, долженствующей изображать тайну:

— Почтенный Левкипп! В храм вбежал царевич Фарнак, бледный, не в себе! Он упал перед лицом Зевса и молится!

— Да? — переспросил жрец, многозначительно поглядев на Асандра. — Молится?.. Это хорошо, если человек обращается за советом и помощью к богу!.. Иди, не мешай нам и ему!

Обратившись к Асандру, Левкипп сделал рукой магический жест, говоря:

— Добрый знак, добрый знак!.. Зевс явно споспешествует нам!.. Остаься здесь и подожди! Этот приход царевича как нельзя кстати!..

Левкипп приосанился, принял вид, достойный глав-

ного жреца, и вышел в просторную целлу храма. Здесь увидел стоящего у колонны Фарнака, который протягивал к идолу руки и громко вопрошал:

— Великий Зевс, я жду твоего указания: как поступить?.. Я готовлюсь принести тебе великие жертвы, только не откажи мне в помощи! Ты видишь поступки моего отца-государя, он почти всех дочерей раздал князьям малых племен, как кобыл, обрек царевен на положение наложниц!.. О великий!.. Он казнит сыновей и подданных, как андрофаг, питающийся человеческой кровью! Его разум затемнен, безумие вселилось в его сердце!.. Вчера он казнил Эксиподра, сегодня отдает двух дочерей в дар скифскому царю, как рабынь! Скажи, что делать мне и не моя ли следующая жертва — сложить голову по капризу отца-демона?.. Вразуми!

— Зевс услышал тебя! — раздался мягкий и вкрадчивый голос жреца.

Фарнак вздрогнул и опустил руки, смущенный своим душевным порывом, которому не мог противостоять. Жрец слышал его роковые слова и теперь разгадал его тайну!..

— Не тревожься, достойный сын царя, ты уже замечен богами, они возлюбили тебя! Сегодня я приносил утреннюю жертву и вопрошал бога. Он ответил...

— Что ответил он? — быстро вскинул голову царевич.

— Он ответил, что время раздумий прошло, настала пора великих дел!

— Что это означает?

— А вот что! — С этими словами Левкипп взял Фарнака за руку и с ласковой умиротворяющей улыбкой повел в глубь храма. Царевич, смелый в боях, робел перед лицом высшего бога, верил в его прямое участие в делах людей. Сейчас ему показалось, что Зевс смотрит на него одобрительно из полутьмы храма. Он почувствовал себя увереннее и доверчиво последовал за жрецом, перед которым приоткрыты тайны будущего.

XX

Как уже говорилось, Фарнак и Клеопатра были детьми одной матери — царицы Береники, которая была умерщвлена вместе с сестрами Митридата и его совсем молодой женой, красавицей Монимой.

Тогда, после разгрома под Кабирами, Митридат бежал налегке, однако успел отдать приказание Бакху предать смерти весь гинекей, чтобы женщины не попали в плен к Лукуллу.

Береника, получив из рук Бакха сильный яд, поделилась им с собственной родительницей, старухой, которая не захотела оставаться живой после смерти дочери. Уменьшенное количество яда оказалось недостаточным, чтобы умертвить обеих. Они упали на пол в судорогах, оглашая своды дворца душераздирающими воплями. Бакху пришлось собственноручно придушить их.

Фарнак и Клеопатра знали о трагической судьбе матери, но винили в ее смерти не отца, а римлян. К тому же им говорили, что Береника отравилась сама, еще до прибытия Бакха. И только сейчас, спустя шесть лет после этого злосчастного события, полупомешанная Стратоника разгласила его страшные подробности, известные ей из уст того же Бакха. Дошли они и до ушей Фарнака, который ныне воспринимал поступки отца с другими чувствами, нежели раньше. Узнав правду о смерти матери, он еще больше укрепился в тайной решимости противостоять отцу.

Клеопатру он любил, испытывал к ней нежность старшего брата. Он не очень волновался, когда отец раздавал других дочерей варварским царькам и князьям. Даже не пожалел по-настоящему о пленении Артаферна и других с ним, более того, почувствовал к ним презрение. Но сейчас, узнав, что после опрометчивой фанагорийской затеи Митридат так же наудачу посылает в Неаполь Клеопатру и Орсабарис, был возмущен. Так отдают лишь рабынь в подарок, но не царских дочерей!

«У Фарзоя есть старшая жена — Табана, значит, Клеопатра не может стать царицей Скифии,— думал он.— Выходит, что дочь великого Митридата и Береники станет одной из наложниц престарелого скифа! А когда умрет Табана, то царицей будет другая,— возможно, аланка Сатеник, о чем уже ходят слухи! А Клеопатра так и останется наложницей!»

Сначала он вознамерился броситься отцу в ноги и умолять его не посылать Клеопатру в Скифию. Но внутренний голос говорил, что это бесполезно. В смятении он направился в храм Зевса, надеясь получить откровение великого бога. И здесь выдал свою душевную тайну

жрецу, думая, что его слышит лишь один бог. Однако исполнился доверия к Левкиппу, который своим проникновенным голоском напомнил ему о судьбе самого Зевса:

— Молись великому богу, он поймет тебя! Ибо сам пережил испытания, прежде чем вознестись на Олимп!

Фарнаку был известен миф о том, как Зевс стал верховным богом, свергнув Кроноса, отца своего. Но слушал внимательно, стараясь представить мысленно мохнатого бога-людоеда, который глотал собственных детей, дабы некому было претендовать на его трон. Он и Зевса, лучшего сына, намеревался пожрать, но мать, богиня Рея, подсунула ему кусок скалы, завернутый в пеленки. Зевс остался живым, вырос и низверг кровавого отца, а сам занял его место. И поныне правит миром по справедливости, не требуя от людей человеческих жертвоприношений, как это было в недобрые времена его свирепого родителя!..

Потом разговор коснулся судьбы Клеопатры и Орсабарис, направляемых в Скифию в обмен на войска, которые по желанию Митридата должны вторгнуться в пределы Боспорского царства. И оба пришли к выводу, что это грозит Боспору гибелью! Нужно действовать и предотвратить несчастье!

Как бы случайно появился Асандр, беседа затянулась и стала принимать характер настоящего заговора. Однако, соглашаясь на ограбление каравана, Фарнак полагал, что этого будет достаточно, чтобы Митридат отсрочил свои намерения на неопределенное время. Чувствовалось, что царевич еще не созрел душой для открытого восстания против отца, а может, не был уверен в его успехе. Переглянувшись, боспорцы не стали настаивать, ограничились туманными намеками, полагая, что сам ход событий подтолкнет Фарнака на более решительный шаг.

Выйдя из храма и простившись с жрецом, оба, царевич и боспорский архонт, поглядели друг на друга многозначительно, как люди, связанные общей тайной.

— Тебе, преславный царевич, самому не следует участвовать в этом деле,— сказал Асандр с почтительным поклоном.— Ты выдели в подмогу сотню хороших всадников из своего отряда!.. Остальное доверь мне!

— Но я узнал, что отец дает триста всадников для сопровождения каравана!.. Справишься ли?..

— Боги помогут!.. А после удачного налета мы укроемся в священной роще за Железным холмом. Туда царские люди пойти не посмеют. Нам же дано разрешение от богов через жреца Левкиппа! Там спрячем и царевен, и те сокровища, которые отобьем у царских провожатых! И будем ждать твоей выручки!

— Да?.. Все-таки отец прав, говоря, что измена проникла всюду! Но сейчас это кстати. Действуй, Асандр! Смотри только, чтобы сестры мои не пострадали при схватке! Ты выручил Клеопатру из фанагорийской ловушки, теперь выручай из скифской!

— Постараюсь. А ты не забудь слова и советы Левкиппа! Молись Зевсу Спасителю!

— Буду молиться!

— Да услышит главный бог твои моления. Так кого же ты даешь в подмогу?

— Сотню всадников с военачальником — Митраасом! Он человек верный, предан мне!

— Выбор хороший. Митраас не изменит тебе, ты спас его от черного рабства!

Готовясь к рискованному предпрятию, Асандр шел на смертельный риск. Выступая с оружием в руках против Митридата, он не мог рассчитывать на снисхождение в случае провала тайного дела. Однако надеялся, что все пройдет шито-крыто и на первых порах будет расценено как дерзость тех разбойничьих шаек, которыми кишели ныне боспорские земли. Встретившись с Панталеоном Асандр поведал ему о предполагаемом налете на караван.

— Дело кровавое, Асандр,— заметил тот в раздумье.— К тому же неясно: что дальше?

— Видно будет. Важно не пропустить Митридатовых посланцев к скифскому царю!.. В игру вошел Фарнак, как наследник Митридата!

— Все это моему уму не под силу. Но друг, зачем ты самолично ввязываешься в это рискованное дело?.. Подозреваю, что ты делаешь это не только на пользу Боспору, но и добиваешься чего-то для себя!..

— О чем ты говоришь?

— Ты ранен черными глазами этой длинноногой козы — царевны Клеопатры! И втайне надеешься получить ее в жены! Неплохой ход в борьбе за власть, если Фарнак станет царем, а ты его родственником!.. Или я неправ?

Асандр сперва нахмурился, потом рассмеялся.

— Ты проницателен, Панталеон, но сейчас малость не угадал! Я действую только во спасение священного города нашего и Боспорского царства! Ибо вижу дальше и лучше других!.. Время Митридата прошло, он безумен, так нельзя же безумцу позволить вершить судьбы Боспора! Это главное, что движет мною, поверь!

— Преклоняюсь перед тобою, ты великий человек! Все же скажи, что ты предусмотрел на случай неудачи?.. Побег?..

— Побег!.. Чтобы не попасть на еловый кол!

— Куда же бежать и как?

— Это будет зависеть от тебя.

— Готов на все! Я хочу сопровождать тебя и принять участие в схватке!

— Нет, Панталеон, не то! Скажи, где наш корабль?.. В бухточке?..

— Там, на приколе... И люди скучают без дела.

— Подготовь корабль к отплытию, запасись хлебом и водою!

— Все готово, плыви хоть сейчас!

— Это очень хорошо. Так вот, в эту ночь поспеши на корабль с надежными людьми!.. Жди меня, будь наготове! Если дело не выйдет, я буду отступать к берегу! Мы бежим на корабле в море!

— Считаю, что все сделано! Только как же это — ты будешь головой рисковать, сражаться, а я — сидеть в каюте и пить вино?

— Да, таков тебе мой приказ! Зато я буду спокоен, зная, что мне есть куда скрыться от царской погони.

— Ты и девиц того... на корабль доставишь?

— Это будет видно, может, и их!

— Куда же мы поплывем, где будем спасаться?

— В открытом море. А дальше решим особо. Действуй!

— Повинуюсь, Асандр! Будь же осторожен, не напорись на копье при схватке-то! А главное — не упусти живыми царских посланных! В таких делах чем больше крови, тем лучше!

— Боги помогут!

XXI

После гибели Трифона ближайшими наперсниками и доверенными слугами царя оставались два евнуха — ле-

карь Тимофей, который когда-то вылечил царю рану, нанесенную кинжалом римского убийцы, и Бакх, блюститель царских жен и страшный исполнитель тайных поручений.

На них-то и пал выбор царя, когда он решал, кому ехать в Неаполь, к царю Фарзою. И когда евнухи явились пред царские очи, Митридат изрек:

— Повезете дочерей моих Клеопатру и Орсабарис как невест для скифских правителей, а также возглавите караван вьючных коней с дорогими подарками царю Фарзою и его князьям! И будете просить помощи войсками немедленно. Вернетесь обратно вместе со скифской ратью, не иначе!

— Слушаем и повинемся, о повелитель и господин наш! — ответили евнухи.

— Ты, Тимофей, отвечаешь за охрану каравана и доставку дорогих подарков! А ты, Бакх, за дочерей!.. Хотел я послать Битоита, воина доброго, но не годится он для таких дел! Ибо слишком робеет перед женщинами, преклоняется перед ними! Здесь же нужно не только это!

И, обратившись к Бакху, царь сказал ему в присутствии Тимофея:

— Тебе, преданный раб, даю наказ: если моим дочерям будет угрожать вражеский плен или другое несчастье, которое оскорбит и унижит мою царственность, ты должен поступить так же, как и раньше! Мои дочери не должны попасть в руки врагов, как попали четыре царевича и Эвпатра!.. Ты понял?

— Понял и исполню все по твоему повелению, о великий!

Сам факт посылки с таким важным поручением двух евнухов говорил о многом. Прежде всего о том, что круг преданных царю людей становился все уже. Оказавшись перед необходимостью обратиться к скифскому царю за помощью, Митридат не нашел никого, кому мог бы доверить это дело, кроме двух рабов.

Безмерно увеличилась и подозрительность Митридата, его недоверие к приближенным и соратникам. Он был убежден, что самый близкий из них не упустит случая предать его, если это окажется выгодно, а главное — безопасно.

Более устойчивым оставалось его доверие к евнухам,

и не без основания. Они проявляли подлинное рвение в служении ему. И во многих случаях именно эти безбородые рабы выручали его в затруднительных обстоятельствах.

Так, после поражения под Кабирами Митридат оказался оставленный всеми. Он был полураздет и угодил в толпу панически бегущих воинов, которые увлекли его, как бушующий горный поток. Его обгоняли, толкали, словно простого смертного. Преданный евнух Птолемей случайно оказался рядом, он сидел на добром коне и вел за повод мула с поклажей.

Увидев, что богоподобный царь превратился в игрушку толпы отступающих трусов, евнух ужаснулся. Соскочив с седла, пробился к царю и крикнул:

— Государь! Вот твой конь, садись и спеши, враги за спиною!

Царь с помощью верного слуги взобрался на седло и отдал повод. Но толпа оказалась такой плотной, что лошадь лишь прыжками пробиралась среди человеческого скопища, давя и калеча тех, кто не успевал увернуться из-под ее копыт. А римские легионеры были уже близко, царю грозил позорный плен или бесславная смерть!..

Птолемей видел это и решил пожертвовать мулом с вьюками, в которых находились драгоценности царских жен и золотые монеты. В суматохе отступления он не забыл захватить это царское достояние, предполагая зарыть его в землю до лучших времен.

Следуя мгновенному побуждению, он вывел мула навстречу римлянам, спутал ему ноги и, когда тот упал, ударом ножа вспорол вьюки. Золото и самоцветы хлынули прямо на дорогу. Это и спасло Митридата, но погубило преданного раба. Римские воины были ослеплены сверкающим потоком драгоценностей, забыли о преследовании врага, кинулись грабить, передрались между собой, попутно убили и Птолемя. В это время конная фигура Митридата уже исчезла в облаке пыли. Пользуясь замешательством преследователей, царь ускользнул от страшной судьбы.

Но как был оценен этот самоотверженный поступок Птолемя?.. Вспомнил ли Митридат добрым словом преданного слугу, отдавшего за него жизнь?.. Едва ли! Митридат не привык дорожить людьми, беречь и ценить

их. Он мог возвысить и наградить того, кто послужил ему хорошо. Но не колеблясь посылал этого ценного человека на верную смерть, если не подвернулся под руку кто-то другой.

В стремлении к победе над врагами и укреплению могущества своего царства и собственной власти, Митридат без сожалений жертвовал не только тысячами жизней воинов и рабов, но и друзьями, и кровными родственниками.

— У государя нет друзей и дорогих ему людей,— говорил он в доверительных беседах.— У него есть подданные, которые должны быть готовы в любой час пожертвовать собою для славы своего царя! И сам царь не вправе забывать, что он прежде всего владыка, ставленник богов, призванный богами править людьми, а посему должен стоять выше людей и их слабостей!.. Царь не может позволить себе оказаться во власти чувств, он выше любви, выше ненависти, выше жадности!.. Милость царя — высшая награда, гнев его — голос богов!

Евнух, как и всякий раб, человеком не считался. Он был одушевленной вещью и ею оставался в любом случае. Его преданность считалась не заслугой, а проявлением собачей привязанности к хозяину, она составляет единственный смысл и содержание его жизни. Евнух не просто раб, он ниже раба! Ведь раб может так или иначе освободиться и стать если не полностью свободным человеком, то подобным ему. Евнуху не нужна свобода, ибо он не в состоянии воспользоваться ею! Изуродованный физически, он не мог иметь семью, детей!.. Ни мужчины, ни женщины не примут его в свой круг, они презирают его. Куда же ему деваться?.. Его единственное место — у ног хозяина! Он, как пес, предан господину, его держат за неподкупность и поощряют куском хлеба. Если же он погибнет, защищая хозяина или выполняя хозяйский приказ, о нем пожалеют не больше, чем об издохшей собаке!.. И ничего больше.

Поэтому, отправляя с опасным поручением двух наиболее необходимых и надежных слуг, Митридат не тревожился, как он обойдется без их каждодневных забот. Царь решал неотложную и важнейшую для него задачу укрепления собственной власти. И полагал, что при успешном ее решении в преданных слугах и ревностных исполнителях его воли недостатка не будет.

Караван с невестами и подарками выступил из города в первую половину ночи, дабы не привлекать внимания горожан.

Перед рассветом стража у ворот города была потревожена одиноким всадником, который именем государя потребовал, чтобы его пропустили в город. Старшой стражи было воспротивился, но, узнав, кто прибыл, поспешно загремел ключами.

Так же беспрепятственно ночной гость проник в акрополь и царский дворец. Охране он показался пьяным, так как шатался и еле передвигал ногами. И, лишь услышав его стон, а потом разглядев при свете факела влажные следы его чувяков, стражи переглянулись.

— Кровь,— тихо сказал один другому.

— Тсс...— отозвался тот,— какое нам дело! Главное — он знает царское тайное слово, и мы повинны были пропустить его!

Митридат, как всегда, почивал на своем ложе один. Он вскочил, услышав шорох тяжелых занавесей и чьи-то шлепающие шаги. Казалось, вошедший попал под проливной дождь и не успел переодеться. Сжимая в руке кинжал, Митридат всматривался в полумрак опочивальни, еле освещенной чадающим светильником. Увидев неясную фигуру, почувствовал биение сердца и уже раскрыл рот, намереваясь позвать стражу.

Но тот, кого царь принял за лихого человека, упал на колени и застонал. Откинул с лица капюшон. Теперь хорошо было видно искаженное, как бы старушечье лицо.

— Бакх?! — воскликнул Митридат не столько с удивлением, сколько в гневе.— Ты вернулся так скоро? Где мои дочери и караван?.. Что случилось?.. Или вас не пропустили сторожевые отряды, или на вас напали злоумышленники и ты трусил, бежал?.. Говори скорее, отвечай!..

— Погоди, великий царь, гневаться! — с трудом, но без обычного подбострастия ответил евнух.— Да, я вернулся! Выслушай меня, ибо я чувствую, что силы покидают меня, я теряю ясность мыслей... Ты можешь не узнать тайны!

— Где дочери?! — вскричал Митридат, пиная раба босой ногой.— Говори, пока жив! Или я вырежу тебе язык вот этим кинжалом!

Бакх не успел договорить, Митридат в слепой ярости ударил его по голове рукояткой кинжала и разразился неприличными ругательствами, которым научился еще в те далекие времена, когда находился в изгнании и странствовал по дорогам Анатолии в одежде слугителя при караване.

В коридорах забежали, слышались возгласы тревоги, лязг оружия. В дверях показались воины с обнаженными мечами. Это были преданные кельты, среди них Битоит. Вбежали заспанные евнухи с кинжалами.

Увидев Бакха, валяющегося в луже собственной крови, Битоит и евнухи переглянулись, несколько успокоенные. Подобные расправы с неугодными рабами были не редкостью в покоях Митридата. Ясно, что царь разгневался и собственноручно поразил провинившегося слугу.

Теперь следовало переждать приступ царской ярости, не подвернуться под его расходившуюся руку. Битоит сделал безмолвный жест и вместе со всеми удалился в коридор. Там остановился, прислушался. Его тонкое ухо уловило как бы предсмертный хрип, потом что-то заклокотало, раздался слабый голос умирающего:

— Злые люди напали на нас! Мы оборонились бы, но большая часть воинов изменила! Они убили Тимофея и ранили меня! Я ударил Клеопатру кинжалом, а Орсабарис не успел. Свалился с коня в кусты!.. Они искали меня, но я притаился, и они прошли мимо... По голосу я распознал Асандра... а с ним людей Фарнака... Митраас!..

— А Фарнак? Был с ними Фарнак? — нетерпеливо перебил царь.

Опять слышались хлопанье и стон. Потом ночную тишину дворца рассек яростный рык Митридата:

— Эй, люди, сюда!.. Эй, кто там?!

Битоит с воинами и евнухами, толкая один другого, вбежали в опочивальню. Царь стоял над умирающим Бакхом с перекошенным лицом, напоминая собою в слабом свете коптилки страшного духа мести. Он схватил Битоита за плечи и толкнул к двери.

— Взять!.. Взять немедленно Фарнака! — прохрипел он. — И разыскать этого двуличного пройдоху Асандра!.. Обоих в кандалы до разбора!.. Поднять верную стражу, окружить акрополь войсками! Людей Фарнака обезоружить!.. Митрааса на кол!..

Все сразу пришло в движение. Грохот ног и окрики начальника стражи разбудили всех. Вспыхнули факелы, загремели запоры, дворец готовился к возможной обороне.

А в темных коридорах шептались евнухи, которые до этого стояли ниже Тимофея и Бакха и терпели от них обиды. Смерть двух последних безбородых фаворитов могла означать многое.

— Теперь великий царь будет нуждаться в верных слугах и возвысит нас, поставит на место погибших! Да помогут нам боги!..

XXIII

— Вот они, дурные сны и зловещие предзнаменования! — прошептал Фарнак, когда тяжелая дверь тайного узилища захлопнулась за его спиной.

Царевич унаследовал от отца как его решительность, так и суеверие. И сейчас готов был признать, что не все боги отвернулись от Митридата, который не утратил былой мертвой хватки в борьбе с заговорами и изменой. А может, ему так усердно служат злые демоны, что питаются человеческой кровью?

На Фарнака были возложены те же самые позолоченные цепи, в которых когда-то умер Митридат-младший, бывший колхидским царем, а совсем недавно томился перед казнью ни в чем не повинный Эксиподр.

Осмотревшись, Фарнак заметил на полу блесстку, наклонился и поднял перстень с голубым сапфиром. «Что это?» — подумал он, невольно вздрогнув. Он узнал перстень Эксиподра. Брат как-то говорил, что перстень мал и жмет ему палец. Но он носит эту драгоценность, так как это талисман, подаренный матерью. О боги, значит, и Эксиподр находился в этом гнусном подвале?.. Здесь он провел ночь перед казнью! И, видимо, узнав, что мать виновна в его осуждении, снял перстень и бросил на пол тюрьмы!

Оглядев заплесневелые своды, Фарнак горько усмехнулся. Сейчас он с особой остротой ощутил как бы близость казненного брата. Ему показалось, что тот здесь, присутствует невидимо и что-то хочет сказать посиневшими устами.

Да, это она самая, темница обреченных на смерть!.. Значит, и он, последний сын Митридата, обречен!.. При-

шла в голову жена-меотка и маленькая Динамия. Какая судьба ждет их?

— Последний сын, царский наследник,— шептал он словно в недоумении.— И — царь-отец, истребляющий своих детей! Отец-андрофаг!.. Страшный Кронос!

Это звучало чудовищно, противоестественно. И Фарнаку еще раз представилось, как лохматый демон вселился в отца, превратил тело царя в свою одежду и теперь его устами изрекает приговоры детям царским!..

Водворению узника в темницу предшествовала встреча с отцом при единственном свидетеле, который молча стоял поодаль. Это был стратег Менофан, озабоченный ночным происшествием. Отец кричал в неистовстве, вращая налитыми кровью глазами, и стучал по полу заостренным жезлом, как бы намереваясь пронзить им преступного сына.

— Неблагодарный! — гремел царь на весь дворец.— Ты дерзнул стать мне поперек дороги! Ты унивился до ночного грабежа совместно с разбойниками и людьми недостойными, один из них — Асандр!.. Где Клеопатра? где Орсабарис?.. Куда скрылся предатель Митраас?..

Фарнак, скрученный ремennыми путами, лежал на полу в неудобной позе и чувствовал, как немеют перетянутые руки и ноги. «Ого,— подумал он, услышав вопрос,— значит, налет Асандра удался! Асандр не схвачен, Митраас скрылся... Царевны, видимо, с ними!.. Это уже хорошо!»

Их взоры скрестились. Однако Фарнак не опустил глаза перед пепелящим взглядом Митридата. С обычной смелостью и присутствием духа он ответил:

— Ты всеведущ, государь, тебе лучше знать, где твои дочери! Ведь не со мною ты отправлял их в дар скифскому царю! Почему же спрашиваешь меня?

— Не пытайся обмануть меня!.. Мне все известно, твои люди опознаны среди разбойников!

— Мои люди? — не моргнул глазом Фарнак.— Я никуда не посылал их. Если они тайно занялись грабежом, то винюсь перед тобою — не углядел! Прикажи допросить их, если они схвачены, кто послал их,— я буду рад узнать правду!

Он сказал это с хорошо разыгранным недоумением и простосердечием, чем озадачил Митридата. Менофан не удержался от одобрительного жеста, видя, как уверенно

и достойно ведет себя царевич. Уловив в облике царя намек на колебание, он воспользовался этим и горячо вмешался:

— Вот видишь, государь, царевич в неведении о происшедшем! Нападение совершено без его ведома и согласия!.. Иначе он не говорил бы так смело! А войны от безделья шалют, учиняют грабежи на дорогах!.. Надо поспешить с выступлением в поход, дать им настоящее дело!

Замечание попало в цель. Царь знал, что беспорядки в войсках зашли далеко, неподчинение охватило все отряды, стало невозможно отличить война от грабителя с большой дороги. Не диво было, что и люди Фарнака творили неприглядные дела без ведома своего начальника. Трудно было винить в этом одного царевича, все были виноваты.

— Так ты в грабеже не участвовал и людей на грабеж не посылал? — переспросил Митридат придиричиво, но несколько снизив тон.

— Нет! — твердо ответил Фарнак.

— Это твое последнее слово?

— Если ты приговорил меня к смерти, то последнее! — бесстрашно отвечал сын.

По мановению царской руки узника поставили на ноги и увели. Митридат был озадачен спокойной уверенностью Фарнака. Он угрюмо поглядел на Менофана, который заметил, что яростные штрихи на царском лице обмякли, сменились выражением раздумья. Стратег решил, что настало время решительно поддержать Фарнака.

— Великий государь, — начал он, широко расставив квадратные ладони, — ты убедился, что твой царственный сын не мог участвовать в ночном нападении! Да и зачем ему, наследнику твоей диадемы, нападать на караван отца и похищать собственных сестер?.. Бакх что-то перепутал! Кого он там мог разглядеть в ночной тьме!

— Он опознал Асандра по голосу! Тот скрылся из города, чем и подтвердил свою вину!.. И этого двойного предателя Митрааса тоже опознал!.. Митраас — в бегах, это ли не улика?.. Жаль, я пощадил его раньше!

— По голосу в темноте трудно узнать человека. Но даже если это так, то пусть Асандр и Митраас отвечают за свои дела! А при чем здесь Фарнак?.. Ты видел, государь, ясные глаза своего сына? Разве такие глаза

могут лгать?.. О великий государь, смягчи свой гнев и не направляй сердце на ложный путь! Освободи и возвеличь Фарнака — он пострадал незаслуженно!.. Он наследник твой, больше нет у тебя сыновей! Кто продлит династию Ахеменидов? Войско и народ спросят об этом!

Перелом произошел не сразу. Митридат не любил следовать чьим-то советам и не привык отказываться от принятого решения, хотя бы в душе и признавал его ошибочным. Но волна ярости отхлынула, сменилась желанием остаться одному и обдумать все заново. Пораженный самообладанием Фарнака, он все же понимал, что этого мало, чтобы убедиться в безвинности сына. И в то же время испытывал нечто подобное родительской гордости. «Вот это подлинный Ахеменид,— думал он,— этот сумеет встретить смерть достойно, без слез и самоуничтожения!»

В это время молчаливые тюремщики сопровождали царевича во дворцовый подвал, где заменили ременные путы на золотые цепи и оставили узника в темнице. Фарнак слишком хорошо знал нрав и обычаи Митридата, чтобы льстить себя надеждой на прощение. К тому же он в самом деле был виновен, оказался втянутым в заговор, и его верные люди участвовали в нападении! Если Митридату сейчас что-то не ясно, то через короткое время он узнает все путем волхвования!

Однако Фарнак не жалел о содеянном и испытывал какую-то злую радость, что помешал отцу, вырвал из его рук обеих царевен и предотвратил его намерение призвать скифскую орду противу собственных подданных! Царевич полагал, что такое дело было недостойно царя!.. Рачительный хозяин не поджигает собственного дома и не открывает двери грабителям!.. А Митридат ослеплен пагубной мечтой повалить Рим. Он ни во что не ценит такую жемчужину, как Боспорское царство, видит в нем лишь ступеньку той лестницы, по которой он взберется на Олимп и станет владыкой мира, вторым Зевсом Громовержцем! А ведь Боспор, если отбросить величавые бредни, единственная и последняя опора его царственности. За пределами боспорских земель он уже не может называться царем... Об этом и Левкипп говорил, и Асандр тоже.

Фарнак и до этого прекрасно понимал, чего хотят от него боспорцы. Но его противодействие отцу еще не

зашло так далеко, как им хотелось бы. Его вера в непогрешимость Митридата была потрясена, но полностью не исчерпана. К тому же, ему казалось, боги вмешаются и доделают то, на что он не мог решиться сам.

Только в момент, когда грубые руки стражей схватили его, он понял, насколько все серьезнее, чем ему представлялось. И почувствовал, что между ним и отцом возникла преграда, которую не преодолеть! А когда его бросили к ногам отца-государя, то даже не ощутил боли. Он по-новому взглянул на Митридата, уже без душевного трепета, увидел на его лице печать обреченности. Теперь он был полностью согласен с Левкиппом, который утверждал, что Митридат идет против воли богов, катится в бездну, но, прежде чем погибнуть, в безумном ослеплении погубит многих!..

Правда, от внимательного взора царевича не ускользнуло некоторое смягчение в глазах царя. Но он принял это за проявление мимолетной слабости, которая его не спасет.

И словно в подтверждение этой мысли опять заскрежетал замок и тоскливо запела черная дверь. Фарнак напрягся, сердце застучало тревожно. Ему показалось, что пришли палачи удавить его.

Вошел Менофан в сопровождении тюремщиков, он смотрел открыто и добродушно.

«Нет, Менофан не может быть убийцей,— подумал в волнении царевич,— ведь он просил отца помиловать меня!»

— Еще раз — мир тебе, пресветлый царевич! — весело прогудел воевода, кланяясь.— Я к тебе с доброй вестью от всемилостивейшего и всемудрейшего родителя твоего, государя и благодетеля нашего!.. Эй, ключарь, делай свое дело!

Тюремщик в красном колпаке и персидском халате, с лицом угрюмо-равнодушным и серым, как глыба камня, угодливо поклонился и разомкнул золотые, «царские» цепи. Они тяжело рухнули на каменный пол, издавая тусклый лязг.

Менофан сделал широкий жест рукой, указывая на открытые двери:

— Свобода и счастье ждут тебя за порогом темницы! Волею и милостью великого государя ты освобожден от цепей и неволи!

С чувством странного душевного окаменения узник оглядел Менофана и тюремщиков, словно пытаюсь убедиться в истинности сказанного. Потом прошел в низкий, сырой дромос, ведущий на волю. Здесь было дымно, но светло — в стенных кольцах горели смолистые факелы.

Ему хотелось скорее покинуть мрачные своды, почувствовать себя на свободе, опять ощутить теплоту солнечных лучей, вдохнуть полной грудью запаха морского ветра.

Он считал свое освобождение временным. Был убежден, что царь-отец выпустил его из темницы отнюдь не из родительских чувств. Было бы наивно поверить в искренность такой милости! Это освобождение — ловушка, цель которой узнать истину, выявить пособников, прощупать корни измены! А потом... безжалостно вырвать все дерево целиком!

«Так оно и есть,— думал Фарнак, шагая по каменному коридору,— тетереву дают взлететь, чтобы удобнее и вернее пустить в него стрелу!»

Выйдя из зловещей тюрьмы и увидев голубое небо, царевич воспламенился жаждой жизни и, вопреки мрачным мыслям, почувствовал прилив телесных и душевных сил. Молодая кровь забушевала, дыхание стало глубоким, как перед боем, в сердце проснулись дерзновение и жажда борьбы!

XXIV

Умиравшая Клеопатра лежала на подстилке из мягких трав, покрытой чепраком. Ее глаза были полужакрыты, но Асандр чувствовал ее взгляд. Девушка слабыми движениями пальцев прикоснулась к его руке. Это была ласка.

«Как странно,— думал он,— вот уже вторая женщина на моем пути умирает, еле связав со мною свою судьбу».

Ему почудилось, что между Клеопатрой и Икарией было нечто общее,— кажется, они даже внешностью схожи. Хотя та была белокура и нежна, а эта будто обожжена лучами южного каппадокийского солнца.

Было досадно, что все так получилось. Ведь если бы он не вмешался в ее жизнь и не попытался вырвать ее

из рук Бакха, она благополучно добралась бы до Неаполя Скифского и, по-видимому, стала бы одной из жен старого Фарзоя. Это было бы оскорбительно для дочери царицы Береники, но она осталась бы живой! А теперь — отравлена кинжальным ядом и медленно умирает!

В низкой землянке было душно, пахло бензойным дымом от курильницы, которую царевна приказала поставить рядом. Ароматное курение не могло заглушить сладковатого духа разлагающейся раны. Говорят, такие раны излечивают агарские жрецы-целители, но агары отсюда далеко!.. Асандр чувствовал собственное бессилие что-либо предпринять и терзался душой.

Клеопатра впала в беспамятство, бормотала что-то невнятное, быстро шевеля запекшимися губами.

Вошла рабыня, что сопровождала царевне в ее путешествии и сейчас продолжала служить своей госпоже. Она принесла кубок, в котором дымилось подогретое вино, смешанное с соком целебных трав. С трудом удалось влить в рот умирающей несколько капель этой смеси. «Ничто не поможет, — с горечью думал Асандр, — кинжал был отравлен индийским ядом!»

Тут же приходили в голову события минувшей ночи. Сначала царский отряд стойко оборонялся, и неизвестно, чья была бы победа. Но Митраас начал выкрикивать имена воинов, которых знал, и призывал их переходить на сторону тех, кто не хочет гибнуть вместе со старым царем, осужденным богами... Митрааса воины знали и раньше, а теперь им было известно, что он в почете у самого наследника престола, и если сейчас говорит так смело, то по поручению Фарнака!

Почуввав веяние ветра больших перемен, наиболее смекалистые сразу опустили оружие. Произошло замешательство, защитники каравана разделились, передрались, значительная часть их перешла к нападающим. Остальные решили отступить, но, сообразив, что царь не помилует их за трусость и неспособность отстоять караван, тоже присоединились к Митраасу. Сейчас они тут все, расположились в общем лагере.

Когда выяснилось, что Бакх, ранив царевну, сумел бежать, Асандр был крайне встревожен. Митраас вызвался проникнуть в город в крестьянском платье, разыскать Фарнака и, если потребует, помочь ему добраться до

заповедной рощи, где скрывались участники ночного нападения.

Митраас отбыл в сопровождении двух переодетых воинов. Прошло полдня — он не возвращался. Тогда в город направился Гиерон, который обещал разузнать все и вернуться без замедления со свежими вестями. Но вот день на исходе, а никого нет! Возможно, лазутчиков поймали!

Появился сторожевой воин, придерживая ножны меча и стараясь не топтать ногами. С простодушным сочувствием взглянул на царевну. Приложив грубую ладонь ко рту, обратился к Асандру.

— Что? — переспросил тот, поднимаясь с сиденья. — Вернулся Гиерон?.. Зови его сюда!.. Нет, постой, я сам выйду!

Указав рабыне глазами на умирающую, он вышел из землянки и сразу же столкнулся с запыленным, но бодрым Гиероном, одетым как мирный горожанин. Слуга только что сошел с седла, передав лошадь воинам.

— Новости, хозяин, плохие вести! — выпалил он на ходу. — Митридат все разведal, тебя разыскивают как изменника и врага государева!.. Фарнак был закован в цепи, потом отец помиловал его! Думаю, это он-то и выдал тебя!

— погоди, не все сразу! — схватился за голову Асандр, чувствуя, что почва заколебалась под его ногами.

— некогда ждать, выйди на бугор и увидишь — с юга приближаются какие-то войска! Я видел пыль и блеск оружия. Через полчаса они будут здесь!

— Может, Митраас возвращается?..

— Митраас поехал в город с двумя воинами, а к нам движется немалый отряд! Откуда он у Митрааса?.. К тому же я слышал, кого-то схватили у заставы, — наверняка его!.. Нет, это царские люди едут за нашими головами!

— Боги!.. Неужели Фарнак получил прощение отца ценою наших голов?

— А чего еще можно ждать от царского сына?.. Ему своя голова дороже, он ее для диадемы бережет! Испугался, что с ним поступят, как с Эксиподром!

— Но мы на священной земле. Сюда никто не смеет ступить ногой! Его ждет проклятие!

— Не очень цари боятся проклятий! Если Митридату известно, что ты скрылся здесь, он не испугается гнева богов!.. Он не только в священную рощу, но и в любой храм ворвется, лишь бы схватить тебя!

— Это верно.

Взойдя на скалистый холм, оба, прикрывая глаза ладонями, стали вглядываться в мглистую даль. Вскоре заметили, как из низины вынырнула внушительная кавалькада, которая широким галопом приближалась к священной роще.

— Видно, знают, куда едут! — заметил Гиерон.

— И все же их не так много — меньше сотни! Мы ударим внезапно из засады и сомнем их!

— А потом?

— Будем отступать к бухте, где нас ожидает Панталеон. Людей отпустим, а сами сядем на корабль!

— Ой, ой!.. Опять море и качка! — скривился Гиерон, который и так мучился чувством безысходности, считая, что они впутались в безнадежное дело, а теперь схватился за живот, ощутив приступ морской болезни.

Асандр поспешил к лагерю, где несколько сот воинов пребывали в ожидании, пасли коней на сочных лужайках священной рощи. По его сигналу воины зашевелились, начали подтягивать подпруги и садиться в седла, быстро строясь в колонну. Асандр вскочил на коня и возглавил войско. Бросил взгляд на холм, где продолжал наблюдение Гиерон. Тот замахал рукой и стал поспешно спускаться вниз. Подбежав к хозяину, доложил, тяжело дыша от непривычного бега:

— Воины остановились, спешили, не доехав до рощи! Один направляется сюда, — видимо, их главный!

— Без охраны?

— Без охраны!

Подумав, Асандр приказал Гиерону сесть на коня и с двадцатью всадниками встретить гостя. Если тот прибыл как посланец Митридата, то сопроводить его не к месту их стоянки, а к развалинам древнего храма, расположенным в стороне.

Гиерон с важностью заправского военачальника повел конный разъезд извилистыми тропами между вековых деревьев и встретил неизвестного на поляне, покрытой поздними цветами. И не мог удержаться от возгласа изумления. Только теперь он узнал Митрааса, который

успел сменить крестьянское платье на богатые доспехи и медный шлем с красными перьями. Он красовался на добром коне и выглядел богато, как римский центурион.

— Где и когда он так преобразился? — пробормотал пораженный Гиерон и покрутил носом, ощутив запах дешевых благовоний, к которым Митраас всегда питал слабость.

— Ого! — воскликнул он. — Да это ты, Митраас, откуда?

— Ге-гей! — ответил не без важности Митраас. — Мне надобно видеть не слугу, а господина!

— Полегче, Митраас! Я не слуга, а старшой отряда и послан встретить тебя!.. Хотя и нет нужды в такой чести! Ты нарядился, как на свадьбу, и мы издали не узнали тебя. Похоже, ты вернулся не с добром!

— Ну-ну, Гиерон, не дерзи, я не просто вернулся, я прибыл как представитель государя!

— Так я и думал! Выходит, Митридат простил тебе двойную вину?.. Как это получилось?

— После узнаешь, время не терпит, я спешу к Асандру!

— Сдай меч и следуй за мною!

Среди воинов оказались и те, которые знали Митрааса и ночью находились под его началом. Они запротестовали, говоря, что Митраас не может быть изменником и лишать его меча не следует. Гиерону, дабы не уронить своего достоинства, пришлось согласиться.

— Хорошо, пусть меч будет при тебе!

Асандр ожидал их у развалин храма, за которыми скрыл войско. Увидев Митрааса, был удивлен, мгновенно решив, что Митраас предал их и прибыл с отрядом царской стражи.

— Как ты оказался во главе немалого отряда? — спросил он. — Ты же уехал из лагеря в крестьянском одеянии и с двумя воинами!

— Явился к тебе, почтенный Асандр, по повелению государя!

— Что, Митридат простил тебя?.. Или ты и раньше втайне служил ему?

— Я и сейчас служу, только не Митридату, а молодому царю Фарнаку, который благополучно пребывает в лагерях с верными войсками! Ему все рати присягнули!

Асандр опешил от этих слов и недоверчиво уставился глазами в самодовольную физиономию Митрааса.

— Так ли это, Митраас? Думаешь ли ты, что говоришь?.. Не к месту шутики!

— Правду говорю, Фарнак восстал против отца!

— Поклянись, если не лжешь!

— Клянусь богами и верхними и нижними! Да обрушат они на меня гнев свой! Фарнак намерен двинуться со всеми войсками к стенам Пантикапея!

— Великий Зевс! К стенам Пантикапея?.. А что же Митридат, готовится к обороне?

— Видимо, готовится, если ему донесли о восстании сына. Фарнак повелел мне увидеть тебя и сказать, чтобы ты присоединился к нему со своими людьми... А тех воинов, что я ночью возглавлял и которые перешли на нашу сторону, я поведу! Так приказал государь. Он верит мне. Но надо поспешить, а то опоздаем к самому интересному — когда войска Фарнака ворвутся в город!

— Ворвутся в город? — с тревогой переспросил ошеломленный Асандр, голова которого пошла кругом. Ему показалось, что посланец шутит.

— Ну да, ведь Митридат не сразу откажется от власти. Видимо, неизбежен штурм Пантикапея. Надо спешить, почтенный стратег!

— Да, да, ты прав, надо спешить, — ответил Асандр, пытаюсь осмыслить услышанное.

Он представил мысленно несметные толпы гикающих и воющих лагерников, которые не остановятся перед насилием и грабежом, если им удастся проломить ворота города! А это вызовет ответные действия пантикапейцев. Все они окажутся на стороне Митридата, стремясь предотвратить разграбление своих очагов!.. Можно ли допустить такое?

Он лихорадочно соображал, озадаченный столь стремительным ходом событий, не допуская, что после клятвы Митраас может оказаться обманщиком.

— Поведай, как все случилось, — попросил он.

Митраас подробно рассказал, как Фарнак после освобождения из темницы, вместо того чтобы поспешить к отцу и упасть перед ним ниц в слезах благодарности, направился в свой городской дом. Здесь они и встретились, Митраас поджидал его. Царевич прямо заявил, что решил восстать против отца. Митраас ответил клятвой верности и готовности умереть за него.

— Я сразу же посоветовал ему отправиться сюда, в священную рощу, к преданным людям,— продолжал Митраас,— но царевич, подумав, покачал головой и заявил, что, уединившись в священном лесу, он окажется в ловушке! На мой вопрос, что же делать, он ответил: «Мой путь один — в лагерь, к Гаю, который должен поддержать меня!» После чего мы тайно покинули город, сели на коней и в сопровождении двух воинов отправились в лагерь римлян!

— И Гай поддержал его? — спросил в волнении Асандр.— Неужели царевич не боялся, что Гай доставит его к отцу?

— Думаю, что боялся. Но по дороге говорил: если боги решили помочь ему, они не допустят этого! Иного же пути к великой цели нет! Зевс поможет!.. И в самом деле — на общей сходке все римские воины поддержали его, признали царем и присягнули ему!

— И Гай присягнул?

— И Гай, и Публий, тот даже упал перед царевичем ниц на трибуне из дерна, на виду всего войска!

— А другие лагеря? «Медные щиты», заморские ратники, пираты, кавказцы?

— Все пошли за ним!

Асандр был поражен прытью и дерзостью, проявленными Фарнаком. «В самом деле, у этого полуперса в крови огонь Ахеменидов!» — воскликнул он мысленно с невольным уважением и одновременным чувством тревоги. Но разве не этого они добивались от царевича там, в храме? Левкипп и он, Асандр, в несколько завуалированных выражениях склоняли Фарнака к захвату власти, отстранив Митридата силой. И вот Фарнак внял их увещаниям и приступил к делу!..

Однако Асандру ранее все представлялось по-иному. Сначала он полагал, что после удачного налета на караван он вернется в город «с охоты» и продолжит встречи с Фарнаком. Тот перестанет колебаться и обратится к нему и Левкиппу за помощью, а следовательно, окажется в зависимости от них. Переворот будет содеян руками пантикапейцев, после чего лагерные войска окажутся перед совершившимся фактом. И присягнут новому царю, которого он, Асандр, введет во дворец и посадит на отцовский трон! После того как был упущен Бакх и все тайное начало всплывать на поверхность, Асандр до-

пускал, что Фарнак бежит из города опять-таки к нему и они начнут совместный поход против Митридата!

Все получилось не так. Молодой Ахеменид действительно бежал из города, но обратился прямо к войскам и сейчас выступает как хозяин положения. Правда, это лишь начало, первый шаг. Неизвестно, какая часть войск стала на сторону молодого царя и какая сохранила верность старому... Но борьба началась, две силы готовы столкнуться и превратить Пантикапей в арену сражения!.. Город ждет, что скажет его первый архонт и стратег — Асандр, какое участие примет он в этой борьбе и какое место займет около трона!.. Как предотвратить разграбление города и сохранить целостность и самоуправление пантикапейской общины?..

Эти вопросы огнями вспыхивали в мозгу Асандра, они требовали размышления, на которое не оставалось времени. Сейчас надо было действовать, смело идти на поддержку Фарнака против Митридата, который так просто власть из рук не выпустит. Возможна и неудача. Тогда... Перед глазами предстала та укромная бухточка, в которой стоит наготове корабль. Там Панталеон и верные друзья!

Асандр вернулся в землянку и, подойдя к умирающей царевне, устремил на ее маскообразное лицо долгий взгляд. Наклонился и несмело прикоснулся губами к мраморному лбу, покрытому холодным потом.

— Прощай,— прошептал он.

Сказав несколько слов рабыне, обратился к Гиерону:

— Ты останешься здесь. Охраняй царевну и сокровища каравана!

— Как? Один? — испугался слуга.

— Нет, под твоим началом будет пятьдесят воинов! Это люди верные.

После чего, дав слуге подробные указания, как действовать дальше, Асандр выехал из лагеря в сопровождении Митрааса и колонны панцирных всадников, которых набиралось до полутысячи. Его путь лежал к Фарнаку, навстречу необыкновенным событиям.

XXV

Странно, что Митридат, отпуская сына из темницы, не учинил за ним тайного надзора, как он имел обыкновение делать в таких случаях. Простив Фарнака, он

испытывал душевное умиротворение и был преисполнен чувством благости совершенного.

Менофан ожидал от царя приступа ярости и крутых повелений в ответ на ночное нападение на караван. Было очевидно, что в этом деле замешаны архонты города, что существует некий заговор против Митридата. Но царь лишь приказал послать конные отряды по всем дорогам для розыска Асандра и дочерей. И ни словом не упомянул о дорогих дарах, оказавшихся в руках злоумышленников.

И это в какой-то мере отражало артистическое стремление царя поступать наперекор и на диво всем, сбивая с толку приближенных или вызывая их восхищение. Сегодня, чувствуя на себе вопросительные, испытующие взгляды ближайших соратников, он делал вид, что ночная неприятность слишком незначительна, чтобы поколебать его душевное равновесие. К вечеру созвал в трапезный зал самых больших воевод и советников и велел подать сладкие яства и душистые вина.

— Я хотел бы видеть сына моего, Фарнака,— сказал он,— позовите его!

Посланные вернулись через короткое время и доложили, что Фарнак направился в бани и, по словам рабов, находится там. Но где эти бани, рабы не знают!

— О молодость, молодость! — усмехнулся царь, как бы со вздохом сожаления об ушедших годах.— Едва освободившись от цепей, молодой мужчина идет в термы, желая умастить свое тело руками прекрасных рабынь!.. Он хочет смыть с себя позор неволи, отдохнуть от пережитого! Я его понимаю!.. Не тревожьте моего сына и наследника, я его увижу завтра!

И приказал налить себе и всем лучшего заморского вина. Менофан, Олтак и все присутствующие давно не видели Митридата в таком праздничном настроении и справедливо объясняли это благополучным решением дела царевича, который оказался вне подозрений. Государь пил под возгласы сотрапезников и говорил о будущем так уверенно, словно уже сокрушил Рим, разбил его полководцев и теперь отдыхает на ложе из победных лавров.

Около царя сидели две царевны — Митридатис и Нисса,— обе просватанные за заморских царей, но увядшие в гинекее в ожидании своих суженых. Царь гладил

их по волосам попеременно, как любящий отец. И при всех одарил их ожерельями из самоцветов.

«Удивительный человек! — воскликнул мысленно Менофан. — Как он умеет скрывать свои подлинные переживания! Или он в самом деле не видит печальной действительности?.. Он всегда только царь, богоизбранный владыка, и витает в облаках своей царственности, далекий от забот и будничных дел!» Стратег, несмотря на привычку меньше рассуждать и больше делать, сегодня испытывал странное состояние, не то раздумья, не то гнетущего ожидания чего-то.

Это ощущение усилилось, когда он вспомнил, какие люди раньше пировали с царем и как поредела и измельчала толпа придворных. Вспомнилась вереница соратников Митридата, полководцев, мудрых советников, жен, сыновей, дочерей. Все они обрели покой по обочинам той кровавой дороги, которой прошел этот великолепный и страшный человек! Вся жизнь царя-воителя была освещена отблесками пожаров, окрашена в багряные цвета крови!..

И вдруг показалось, что люди собрались не на пир, а на печальную тризну. Хотелось стряхнуть это далеко не праздничное чувство. Менофан, подавив невольный вздох, протянул руку к чаше.

Митридат заметил этот жест и приветливо кивнул головой.

— Я хочу выпить с тобою, Менофан, — сказал он задумчивым тоном, — мой верный воевода! Немало мы пережили ратных успехов и неудач. Но все они будут казаться нам маленькими и ничтожными, когда мы свернем шею римскому быку и сядем на его тушу передохнуть! Вот это будет истинно великое жертвоприношение всем богам и гениям!

Они обменялись чашами, и каждый пил, глядя в глаза другому. Присутствующие вскочили и громко возгласили здравицу царю, предрекая ему победу.

Оторвавшись от чаши, чтобы перевести дух, Менофан с обычной для него миной, изображающей немое восхищение словами царя, ответил, почтительно кланяясь:

— Великий царь и великий полководец! Твои воины сейчас спят в лагерях. Они уснули с мыслью, что завтра на заре услышат звуки труб, зовущих на войну!.. Они готовы вскочить на ноги, сесть на коней, взойти на

корабли! И сушей ли, морем ли — двинуться на запад, к новым победам!.. Прикажи — и мы не будем ждать утра, тронемся сейчас же и к восходу солнца будем далеко!

— Понимаю твое нетерпение и ценю твое рвение! — кивнул головой Митридат с милостивой усмешкой. — Однако надо держать сердце в руке разума! Мы должны утром направить новых послов с новыми дарами к царю Фарзою!

При этих словах все насторожились, замерли, внимая царской воле.

— Пора Фарзою двинуть свои рати через Тафры и соединиться с полчищами роксоланов, как было уговорено, скреплено клятвой!.. Вот когда Фарзой выйдет за пределы Тавриды и вкупе с сарматами устремится на запад, мы сразу тронемся по морю к устью великого Истра! Это будет скоро, друг мой, но не завтра!

Слова царя означали многое, и прежде всего отказ от замысла призвать скифов в пределы Боспорского царства, а также отсрочку великого похода на неопределенное время. Менофан уже прикидывал мысленно, кого послать в Неаполь, но одурманенный хмелем мозг плохо работал.

— А пока — пиру конец! — возгласил царь, зевая. — Идите, отдыхайте, впереди много трудов!

Ночь была на исходе, за проливом наливалось краской алое сияние утренней зари.

XXVI

Приблизившись к римскому лагерю, Асандр и Митраас стали свидетелями необычайного оживления, царившего здесь. К воротам лагеря прибывали группы всадников, в которых нетрудно было узнать воинов и военачальников других отрядов. Воины спешили и оставались за воротами, а старшие проходили внутрь.

Митраас соскочил с седла и, подойдя к воротам, обратился к начальнику стражи. Тот кивнул головой и беспрепятственно пропустил обоих.

— Наш молодой государь времени не теряет! — удовлетворенно и с гордостью сказал Митраас. — Погляди, ему продолжают присягать отряды царского войска. Вон «медные щиты», а вот и наемники, и пиратов немало!

Увидев Фарнака в блестящем панцире и высоком шлеме, Асандр сразу не узнал его. Казалось, это был другой человек. Он словно переродился, приобрел царственную осанку и подобающие манеры. Около с почтительным видом стояли Гай и Публий, одетые в парадные воинские доспехи. Тут же внимали его речам понтийские военачальники с курчавыми бородами. В их глазах можно было прочесть удивление и любопытство. Меотские князья, увешанные посеребренным оружием, что-то лопотали на своем языке и щелкали языками. Может, они были довольны, что теперь царицей будет меотка?..

Степенные соаны держались гордо и смотрели на нового царя выпуклыми глазами, затененными железными козырьками кованых шлемов.

Это была красочная и грозная толпа людей, которые связали свою судьбу с боевыми трудами и походами, отказавшись от утех и радостей мирной жизни. Для них смена царей была сменой военачальников. Если не будет похода на запад, будут другие походы, ибо великие цари без войны не живут. А кому царствовать — решают боги!.. Старый царь был велик, но счастье изменило ему, войска перестали ему верить, и управлять ими стало трудно. Новый царь восстановит порядок, умилостивит богов, возьмет в руки строптивые боспорские города. Войску найдет достойное дело, а военачальников наградит за поддержку его в грозовой час захвата власти. И все пойдет как и раньше. Почему же не присягнуть Фарнаку Ахемениду, естественному преемнику отцовской диадемы и доброму воину, каким его знало все войско!.. А Митридату место там, в таинственном мире теней, куда уходят все после земной жизни!.. Возможно, он попадет в сонм богов и будет из-за облаков взирать на царствование сына, попивая божественный нектар и заедая его амброзией!

Гай и Публий рассчитывали на многое. Прежде всего — на возвышение в царстве Фарнака и на великие награды. А затем и на благосклонность Рима, который оценит их участие в свержении Митридата и откроет для них двери родины. Они уже успели обменяться письмами с наместником Помпея в Синопе Фавстом Корнелием Суллой и каппадокийским царем Ариобарзаном, врагом Митридата. Они умоляли помочь им получить прощение и вернуться на родину. Ответы были

краткими, но исчерпывающими — прощение возможно в обмен на... голову Митридата. Неожданное восстание Фарнака оказалось кстати, оно в случае удачи приближало их к желанной цели.

Подойдя ближе, Асандр остановился и преклонил колена. Вынул из ножен меч, положил его на землю. Остался в такой позе, склонив молча голову.

Это означало полную покорность и преданность, что Фарнаку пришлось по душе. Он окинул взглядом толпы римлян, стоявших стеной, и свиту военачальников, желая убедиться в произведенном на них впечатлении. Теперь никто не может сомневаться в его успехе, если стратег и первый архонт Пантикапея от имени мощной и вольнолюбивой общины этого города склонился перед ним.

Выждав мгновение, Фарнак шагнул навстречу боспорцу и протянул руки, намереваясь поднять его на ноги. Тот легко вскочил. Царевич обнял его, назвал другом и соратником.

— Я рад, Асандр, что мы опять вместе!

— Приказывай, государь, разреши мне и всему ополчению пантикапейскому стать твоими воинами и принести тебе клятву верности!

— Ты уже принес ее! Принимаю твою присягу и верю ей! Назначаю тебя военачальником над всем пантикапейским ополчением, стратегом города, моим наместником! Но,— улыбнулся он,— велика власть, велик и спрос за нее!

— Сознаю это и готов быть оружием в руках твоих!

— Да помогут нам боги!

Царевич обнял Асандра за талию и увел в землянку Гая и Публия, ныне освобожденную для его особы. Оставшись наедине, они разговорились непринужденно, по-приятельски.

— Я не сомневался в твоей решительности,— сказал Асандр с той дружеской задумчивостью, которая нравилась Махару, а ныне должна была покорить его более счастливого брата.— Но мне казалось, что ты упускаешь время! Теперь убеждаюсь, что это не так! Твоя мудрость и дальновидность оказались выше моих догадок. Сейчас все увидели, что ты подлинный Ахеменид и унаследовал от отца глубину замыслов, непостижимую для простых людей! Слава и трон ждут тебя!

— Да будут твои слова залогом нашей дружбы! Сколько у тебя людей?

— С теми, которых ты подчинил Митраасу, около полутысячи! Но город весь станет за тебя, ибо боспорцы ждут твоего воцарения и преданы тебе! Все убеждены, что ты принесешь счастье и могущество Боспорскому царству! Но не медли, сейчас дорога каждая минута!

— В Пантикапей нас не пустят воины Митридата! Отец и Менофан предусмотрительны. Они будут обороняться и попытаются привлечь на свою сторону боспорцев!.. Скажи, если начнется осада, будут ли твои воины сражаться со своими братьями и штурмовать собственный город?

— Город штурмовать не будут, а Митридата — да! Ты говоришь о том, о чем я думал всю дорогу! Надо сделать так, чтобы осадить Митридата не в городе, а в акрополе!

— Но для этого нужно проникнуть в город!

— Верно!.. Однако если горожане увидят, что в город рвутся пираты и бывшие рабы, они сразу окажутся на стороне Митридата! В город должны войти лишь надежные войска — римляне, «медные щиты»! А вся шваль пусть остается за стенами!.. И главное — необходимо успокоить горожан, убедить их, что никто не будет грабить их дома!

— Ого!.. Пока мы этим занимаемся, отец проводит о заговоре и примет меры!.. Мне было откровение — боги дают мне время от полуночи до утра! С рассветом Митридат узнает все, и тогда начнется война! А войну мы можем проиграть!

— Да, да! Надо спешить!.. Только в город следует войти не осадой, а хитростью!

— У тебя есть мысль, как сделать это?

Подумав, Асандр ответил:

— Кажется, боги вразумили меня!

XXVII

Царь Митридат выпил больше обычного и спал крепким сном без сновидений.

Никто не разбудил его и не доложил, что к западу от городских стен дороги ожили, закурились пылью. Было почти светло, когда отряд конницы показался в облаках пыли перед глазами заспанных стражей, кутающихся в хламиды на утреннем ветру, особенно свежем и зябком на высоте приворотных башен.

— Э-гой! — крикнул страж другому, на соседней башне.— Что это за войско? Оно появилось на римской дороге!

— От понтийского лагеря тоже двигается войско. О великие боги, это государь сегодня хочет осмотреть войска перед городом!.. Не иначе — скоро пойдет в дальний поход!

— Да так ли это?.. Надо трубить тревогу!

— Успеем!.. Кому идти-то на нас?

— А разбойный Асандр?

— Не посмеет!.. Не спеши, как бы не получить па-лок! Ворота закрыты, бояться нечего. Посмотрим, что будет!

— Нет, ты неправ. Надо разбудить сотника!

Сотник был вечером пьян и, проснувшись, чувствовал себя разбитым. Он очумело смотрел на дежурного стража, который почтительно сообщил о приближении каких-то вооруженных отрядов.

— М-мм... А ну, подай кувшин.

Взяв из рук воина сосуд с хмельной брагой, сотник пил долго, не отрываясь.

— Некому идти на нас! — изрек он, утирая рот.— Ступай на башню, я сейчас буду.

К воротам подскакали всадники. Это были понтийские конники на скифских лошадях.

— Открывай, именем государя! Пойман Асандр с его дружками — разбойниками с большой дороги! Веле-но немедленно представить всех пред царские очи!

Подскакали еще понтийцы. Они говорили то же. Сторожевые поверили единоплеменникам, с которыми имели общую родину за морем.

— А где Асандр-то? — все же спросил сотник, зевая и потягиваясь.

Подвели коня, на котором сидел опутанный веревками Асандр. Он был без шапки, помят, окровавлен.

— Это он! — засмеялся успокоенный сотник.— Попался волк в западню! Быть тебе на колу, пантикапейский воевода! А что там, еще едут конные? Кто такие?..

— Открывай, не задерживай!.. Государь разгневае-ся! Это едут остальные, ведут пленных, сопровождают караван с царскими подарками и дочерьми!.. Спускайся к воротам!

— Иду, иду!.. Эй, друзья, когда получите царскую

награду, не забудьте пригласить меня на чашу вина!.. Обещайте, иначе ворота не открою!

Это была молодецкая шутка, которую внизу встретили веселым смехом. Задорные голоса пообещали не забыть. Хитрость Асандра удалась. Сотник спустился со стены и уже гремел засовами городских ворот с помощью десятка рабов. За короткое время отряд всадников вырос и превратился в немалую рать. Когда ворота были приоткрыты, то сотник в испуге увидел направленные на него острые копья.

— Что это? Откуда так много? — изменившимся голосом переспросил он, почуяв предательство.

Хотел захлопнуть ворота, но створки были тяжелые, а петли ржавые, они еле ворочались под усилиями дюжих невольников. Конные и пешие ворвались в город, сбили с ног сотника, заткнули ему рот, скрутили руки. Войска сплошным потоком хлынули через распахнутые ворота.

— Ворота охранять! — приказал Асандр, сбрасывая веревки и вытирая с лица кровь зарезанного для этой цели петуха.— Стражу снять, обезоружить, но не учинять ненужной резни!

Разрыв между передовым отрядом Асандра и основными силами повстанцев был невелик. Асандр встретил Фарнака с ключом от городских ворот.

— Благодарю тебя,— кивнул головой царевич.— А теперь займись городом! Ты стратег и первый архонт! Привлеки городских жителей к осаде акрополя!

Фарнак приказал войскам окружить акрополь сплошным кольцом. Грохот копыт, крики военачальников, лязг оружия и гомон массы воинов разбудили весь город. Люди выбегали на пороги домов, полураздетые, с испуганными лицами, и взывали истошно:

— Горожане, к оружию!.. Тревога!.. В городе враги!..

Поднялась суматоха. Тайное стало явным, скрытое проявило себя внезапно с потрясающей силой, подобно землетрясению.

Лучи солнца брызнули из-за пролива и осветили кипящий Пантикапей.

XXVIII

Акрополь был уже в движении, отряды исавров и кельтов заняли места на стенах и у ворот. Они готови-

лись отразить неожиданного врага, еще не понимая, что происходит. А Митридат продолжал храпеть на пурпурном ложе, хотя обычно вставал рано и любил смотреть на восход солнца.

Вся ответственность за безопасность царской особы легла на Битоита, начальника дворцовой охраны, который заменил на этой должности погибшего Трифона. Расставив людей у бойниц каменной стены и отдав распоряжения десятникам, он появился на боевом помосте над воротами, где ему стало наконец ясно, в чем дело.

С бьющимся сердцем, исполненный чувством тревоги, Битоит спустился вниз и бегом поспешил в спальняный покой Митридата, попутно расталкивая полусонных евнухов. Нарушая все правила, он один проник к ложу царя и стал тормозить его, повторяя многократно:

— Государь, государь!.. Проснись, измена!

Митридат открыл глаза и непонимающим взглядом уперся в необычно оживленное лицо твердокаменного кельта. Его сознание медленно возвращалось в мир действительности; все еще чувствовался пьяный угар. Слово «измена» подействовало на него как удар хлыста. Почувствовав недоброе, он стремительно поднялся на ноги, сбросив покрывало. В руке сжимал рукоятку кинжала с отравленным клинком.

— Что случилось? — спросил он хрипло, пронзая взором взволнованного телохранителя.

— Великий государь! Акрополь окружен войсками, мы изготавились к отражению штурма!

— Какими войсками? Какого штурма?.. — изумленно переспросил царь, откашливаясь по-старчески и часто мигая глазами. Увидев за краем занавеса испуганные лица евнухов, жестом руки приказал им одеть себя.

— Все восстали против тебя, — продолжал Битоит. — Римляне и понтийцы, «медные щиты», горожане, наемники — все взбунтовались! И флот, как я услышал, уже издает клики в честь нового царя!

— Тьфу!.. Не иначе — ты спросонок не разобрался! Разве мои войска могут восстать против меня?.. Ну, город — возможно! А войска — никогда! Они верны мне... Да и о каком новом царе может идти речь, если нет иного царя, кроме меня, посаженного богами на трон предков!

— Все, что я говорю, государь, верно!.. Я не пьян.

А новый царь, за которым пошло войско,— твой сын Фарнак!

— Фарнак?..

Митридат замер на мгновение, лихорадочно обдумывая ошеломляющую новость. Пытался как можно скорее связать концы разорванной цепи событий, пока истина не предстала перед ним с исчерпывающей ясностью.

— Никогда изменника нельзя миловать,— пробормотал он.— Однажды я позволил себе эту слабость, и вот... Эй, принесите лучшие одежды, расчешите мне волосы и наденьте на меня большую китару с драгоценными камнями! Нарядите меня, как для большого царского выхода!

Он хотел кликнуть Бакха, мастера по царским облачениям, но, вспомнив, что его нет, досадливо нахмурился.

Евнухи забегали, шлепая по полу босыми ногами.

— Скажи, Битоит, почему восстали войска? Чего им надобно?

— Твои лучшие рати, государь, поддались обольщению!

— Чьему? Фарнака?

— Думаю, Фарнака, ибо он во главе мятежников!

— Может, они испугались римского похода? Или соскучились по войне?

— Слышал я выкрики — они требуют, чтобы ты уступил власть сыну!.. А чего еще хотят, не ведаю!

Митридат вспомнил, как горячо упрашивал его Менофан смириться и простить Фарнака. Остро кольнула сердце догадка, что стратег в сговоре с сыном-предателем! С язвительно-жестким выражением лица спросил Битоита:

— Где же Менофан, этот старый лис?

— Не знаю. После пира он пьяный был унесен на носилках в свой городской дом!

Митридат был облачен в царские ризы и выглядел очень внушительно. Он выпил чашу вина и приосанился с величественным видом, стараясь преодолеть странное оупение, которое, подобно многолетней усталости, вдруг опустилось на его сердце, обволокло душу.

— Пойдем на стены, я обращусь к войскам и прикажу им повиниться, а изменника-сына — схватить и представить мне живым для суда праведного!

— Остерегись, государь! — послышался голос в дверях. Это появился Олтак, наспех одетый в доспехи, как для битвы.

— Остерегись, великий Митридат! — продолжал дандарийский царь. — Мятежники стоят у самых стен. Как бы кто не направил в тебя стрелу!

— Это ты, верный мне Олтак?

— Я, государь, хочу сражаться с бунтовщиками, пока в силах держать меч!

— Хорошо, я знал, что ты не изменишь мне! Пойдем на стену вместе! Ни одна рука не поднимется против богами поставленного государя!

Митридат произнес это с таким величавым спокойствием, что окружающие поверили его словам и дружно вскричали ему здравицу на долгие годы.

XXIX

Царь Митридат взошел на стену и появился перед войсками, окружившими акрополь. Неясный ропот пронесся по рядам смущенных воинов, которые были как бы пришиблены одним видом богоравного владыки. Стоявшие ближе невольно попятись назад, страшась, что на них упадет гневный взгляд. Многие готовы были поднять над головой оружие и по привычке приветствовали царя боевым кличем.

Минуту назад повстанцы думали, что владычество Митридата кончилось и сам он превратился в полоумного старика, одержимого страстью к величию, но уже беспомощного, одинокого.

Сейчас это казалось заблуждением, ошибкой. Все сразу стало на свое место. Кто мог усомниться в силе и могуществе легендарного прославленного царя и полководца?.. Вот он стоит между зубцами стены, величественный и спокойный!.. Его глаза сверкают, как самоцветы!.. Его высокая китара, пурпурная мантия и бриллиантовый скипетр испускают сияние!

— Хварно! Хварно!.. — пронесся испуганный и вместе восхищенный ропот.

Нет, Митридат не сошел с ума и не утратил таинственного влияния на людей! Он полон внутреннего огня. Он великолепен, как бог войны, сошедший с Олимпа, чтобы поразить души людей своей блестящей и вместе

устрашающей внешностью... Казалось, он вопрошал соколиным взором: «Кто смеет не подчиниться мне?»

Фарнак восседал на белом коне, окруженный свитой богато одетых и вооруженных всадников. Утренний ветер развеивал его красный плащ, отблески солнца играли на блестящем шлеме и золотых фибулах. Всадник был красив мужественной посадкой, он уже привлек сердца тысяч воинов и повел их за собою, как новый царь и воевода.

Но с появлением Митридата воинственный блеск войск и горделивая фигура царского сына как-то потускнели, пожухли, стали обыденными, не способными поражать воображение людей. Лишь он один, обоженный Митридат Евпатор, был и оставался властителем царств и народов, любимцем богов, баловнем судьбы, кумиром войск и грозой для врагов!

Отец и сын встретились взорами. Но Фарнак не опустил выпуклых персидских глаз перед огненным взглядом отца. Он казался внешне спокойным, только грудь стала вздыматься выше да дрогнули ноздри орлиного носа, как перед рукопашной схваткой.

Митридат отвел взор от сына и разглядел Менофана, который стоял рядом с конем Фарнака. Старый полководец был без шлема, ветер шевелил его седые волосы.

— Вот он, виновник всего! — прошептал с горячностью Олтак из-за спины царя. — Это он совратил Фарнака на дерзкий путь!

— Нет, не то, — ответил тихо Митридат. — Иначе он не стоял бы с непокрытой головой! Ясно, что Менофан пленник! Он не изменял мне!

— Тогда — Асандр!

— И не Асандр, ибо я не вижу его рядом с Фарнаком! Но Асандр виновен в другом, за что я сдеру с него кожу! Тут иное — гнев богов, их неисповедимые пути! Богов надо просить смилостивиться над нами! А винить всех этих людей бесполезно, они слепы и идут за каждым, кого ухватили за край плаща!

— Но я вижу, что воины растерянны, они не убеждены — правильно ли поступили!

— Ты прав, Олтак. Многие колеблются. И я вижу это!

Откашлявшись, Митридат поднял голову, его трубный голос, такой знакомый воинам, вызвал у большин-

ства чувство дрожи. Даже Фарнак ощутил мурашки на спине.

— Верные воины,— начал царь, вскидывая скипетр, словно для удара,— верные воины-понтийцы, мои нестигаемые, которых я хотел вернуть к домашним очагам богатыми и вольными людьми!.. Верные воины-римляне, спасенные мною от руки Лукулла и Помпея, нашедшие у меня убежище и достойную жизнь! Вы пришли ко мне в неурочный час!.. Что беспокоит вас, чего вы хотите?

Опять странный шум пронесся по рядам войск. Воины опустили головы, многие готовы были признать, что поспешили встать на сторону нового царя, когда старый еще мудр и продолжает заботиться об их судьбе. Они ошиблись, променяв испытанного вождя и владыку на неопытного царевича! Вот он молчит, ибо чувствует себя провинившимся отроком, ожидающим наказания!

И удивительно — стоящие рядом с Фарнаком Гай и Публий, а также воеводы понтийские молчали, опустив глаза, словно им нечего было сказать. Каждый боялся, что за сказанное дерзкое слово получит первым еловый кол.

Митридат внутренне торжествовал, чувствуя, что перевес на его стороне. Он окинул всех пылающим взором и добавил уверенно, с величественным жестом:

— Волею богов я ношу эту золотую китару и остаюсь царем вашим!.. И как царь повелеваю всем военачальникам — отвести войска в лагеря и предоставить им утреннюю пищу и отдых! Я сам прибуду в лагеря и буду говорить с воинами об их нуждах. А сыну моему Фарнаку приказываю явиться во дворец, где я выслушаю его и решу, кому после меня быть царем!.. Ибо время смены царей еще не наступило! Так сказали мне боги сегодня ночью!

— О! — единодушно выдохнули воины, узнав, что их великий царь так запросто общается с богами.

Странно, что Фарнак не нашелся, что возразить отцу, смущенный и подавленный. Все происшедшее казалось ему удивительным сном!.. И в то же время он сознавал, что возврата не может быть. С усилием стряхнув душевное оцепенение, он сделал глубокий вдох, как бы готовясь говорить, но опять встретился глазами с огненным взглядом отца и ощутил комок в горле.

Словно замороженный смотрел он на отца-государя и не находя сил ответить ему. Никогда до этого он не испытывал подобного состояния, хотя неоднократно бывал в обстановке смертельной опасности. Но в битве его выручали боевая сметка и твердая рука. Сейчас же он с жгучей остротой почувствовал необходимость поддержки со стороны, подобно человеку, сраженному вражеской стрелой. Кто подхватит его под локоть в этот решающий миг, не даст ему осрамиться бесславно в бескровном поединке с отцом? Кто поможет преодолеть колдовские чары, исходящие из глаз Митридата?

Воеводы, которые принесли ему клятву верности и отважились двинуть войска против Митридата, явно утратили живость мысли и силу воли. Они опешили перед лицом законного государя и оторопело смотрели вниз, понуря головы и испытывая почти то же, что и Фарнак.

Расталкивая воинов, к стене вышли двое — Асандр в богатом воинском наряде и белобородый Левкипп в его простом жреческом одеянии. Асандр был встревожен, ибо понял, что сейчас может произойти непоправимое. Он обратился к Фарнаку и голосом звучным, как охотничий рог, выкрикнул:

— Молодой царь Фарнак! Разреши жрецу Левкиппу ответить твоему отцу от имени богов олимпийских, городов боспорских, всех общин эллинских и всех воинов, у которых отважное сердце!

— Пусть говорит! — передохнул Фарнак с облегчением, чувствуя, как с его рук и ног вторично пали золотые цепи, на этот раз невидимые. Нашелся человек, которого не отуманили речи и внешнее величие Митридата.

Одновременно словно очнулись воеводы, зашевелилось войско, странная скованность, охватившая всех, стала ослабевать.

— Говори!.. Говори!.. — слышались голоса.

Жрец Левкипп смело и без тени подобострастия протянул руки к Митридату.

— Бывший царь Митридат! — громко возгласил он. — Зачем гневишь богов и обманываешь воинов? Мы, жрецы всех храмов, узнали через откровение свыше, что ты отвергнут богами и давно связался с лохматыми демонами зла, которые думают за тебя, действуют в твоём облике и питаются кровью твоих невинных жертв!..

Ты был царем, а теперь ты раб демонов-андрофагов! Ты продался им за обещание помощи в походе на Рим!.. Но они обманули тебя, ибо только боги, а не демоны в силах ниспровергнуть Рим! Напрасно ты убиваешь детей своих, чтобы их кровью утолить жажду твоих ночных господ и друзей — демонов! А сейчас хочешь обмануть войско, рассчитывая втайне послать его на гибель... Вот, думаешь ты, будут рады демоны-кровопийцы, когда кровь польется рекой и они будут купаться в ней!.. Воины, не слушайте старого безумца, одержимого злыми духами!

— Замолчи, старый осел! — вскричал Олтак, высываясь из-за плеча Митридата. — На колени перед истинным царем, или сейчас получишь стрелу в горло!

Битоит по знаку Олтака выхватил из рук телохранителя лук и приготовился пронзить стрелой смелого жреца.

— Не тронь слугителя Зевса! — предупредил Асандр, выставя вперед щит. — Иначе боги опять накажут всех землетрясением! Страшная бездна поглотит города и людей!

Упоминание о землетрясении как наиболее очевидном и грозном свидетельстве гнева богов заставило воинов усомниться в божественности Митридата и правоте его слов и поступков. Да и речь Левкиппа прозвучала так страстно и убедительно, что войска заволновались. Послышались возмущенные возгласы:

— Опустит стрелу, несчастный кельт! Не гневи богов!

Сотни рук с копьями, мечами и натянутыми луками вскинулись в сторону Митридата и его свиты. Битоит опустил лук.

— Так-то лучше! — рассмеялся Асандр язвительно. — Пусть сегодня демоны пьют воду, крови им не будет!.. Воины! Было откровение — боги не желают вашей смерти, так же как и гибели Боспорского царства! Но боги разгневаны злыми деяниями Митридата, который не жалеет ни жизни, ни крови вашей! Неужели вы поверили, что он намерен заботиться о вас, когда он и о близких людях не печалится! Всех лучших соратников он убил, отравил родную мать, умертвил сына Ариарата, казнил наставника Метродора Скепсийца, своего воспитателя!.. Он лишил жизни сыновей — Митридата Колхидского и Махара, повелел пронзить копьями Эксиподра на глазах у матери, предал в руки врагов четырех сыновей и дочь Эвпатру!.. И последнее его преступле-

ние — он убил дочь свою, невинную девицу, смелую воительницу, царевну Клеопатру! Она была ранена по его приказу отравленным кинжалом и умерла в муках!.. Ее погубил тот же отец-людоед!

В подтверждение своих слов Асандр сделал жест рукой. Ряды воинов расступились, и перед воротами акрополя показалась печальная процессия. Десять сильных рабов несли черные носилки, на которых в пурпурном одеянии лежало тело Клеопатры.

— Вот она, жертва отца-безумца!

Всеобщий крик возмущения был ответом. Произшел мгновенный и решительный поворот в настроениях воинов. Они зашумели, стали угрожать Митридату оружием, выкрикивая оскорбления.

— Более того,— со зловещим видом продолжал Асандр, когда шум приутих,— Митридат стал игрушкой в руках скопцов-энареев! Вон, смотрите, их желтые морды видны за спиной царя! С ними-то он и колдует, вызывает ночами злых духов!.. Нет, друзья воины, если вы хотите жить по закону богов, а не демонов, и видеть солнце, а не вечный огонь Аида, вы должны устранить старого царя-безумца, царя-людоеда, царя-демона, а вознести на его место нового, уже благословенного богами царя Фарнака!

Все ожило, воины встряхнулись, сбросили с себя невидимый гнет, под которым держал их Митридат. Тысячи глаз обратились к Фарнаку, и тысячи глоток приветствовали его как царя.

Асандр и Левкипп с жрецами и военачальниками окружили Фарнака. Тот сошел с коня. Левкипп, под песнопения и выкрики воинов, увенчал голову царевича стеблем вьющегося растения и объявил всем:

— Боги повелели мне поступить так — венчать на царство Фарнака вот этим растением! Отныне он царь и повелитель наш, а Митридат с его демонами — низложен!..

— Слава, слава царю Фарнаку!

Митридат хотел что-то сказать, поднял скипетр, рассчитывая на внимание. Но ему не дали ответить на обвинения. Крики негодования заглушили его слова. В воздухе пропела стрела. Олтак и Битоит поспешно выставили вперед щиты, прикрывая царя. Митридат понял, что дальнейшие речи излишни. Бросив последний

взгляд на возбужденные войска, он презрительно скривился и, медленно повернувшись, удалился с высоко поднятой головой.

Крики усилились, старого царя провожали улюлюканьем, нового приветствовали боевым кличем. Однако торжествовать было рано. На месте, где только что стоял Митридат, появились вооруженные воины, личная охрана Митридата. На требования повстанцев присягнуть царю Фарнаку и открыть ворота они ответили стрелами и маттиобарбулами, пущенными из пращей. Послышались стоны раненых и угрожающие вопли взъяренных сторонников молодого царя.

Фарнак приказал проломить ворота акрополя и взять штурмом последний оплот власти упрямого отца-государя, не пожелавшего избежать бессмысленного кровопролития.

XXX

Скорбное шествие с телом Клеопатры возглавлял Гиерон. Он появился в условленное время, по знаку Асандра, когда разыгрывался последний акт драматических событий.

Оказавшись у стены акрополя, как раз против Митридата, он почувствовал невольный страх. Ему показалось, что царь сейчас направит на него демонический взгляд, которым пронзит его, как стрелой. Он и так был потрясен всем происшедшим за короткое время и чуть не утратил обычной уверенности в себе перед накалом страстей, что бушевали здесь, под стенами.

Всеобщий гомон усиливался истошными воплями добровольных плакальщиц, набежавших со всех сторон к телу царевны. Женщины рвали на себе одежды, расцарапывали ногтями щеки и, распустив волосы, падали на землю в рыданиях. Они оплакивали сестру нового царя по обычаю, с присущей женскому полу чувствительностью, а также из желания угодить молодому царю и попасть к нему в милость. Гиерон хотел было отогнать слишком многочисленных плакальщиц, но Асандр остановил его.

— Чем больше слез и криков,— сказал он,— тем скорее боги обратят внимание на злодеяния Митридата и благословят нового царя!

К Гиерону приблизилась бедно одетая женщина, лицо которой было закрыто растрепанными патлами нечесанных волос. Она, рыдая, причитала низким, почти мужским голосом и притопывала босыми измазанными глиной ногами.

— Куда ты, замарашка? — окликнул ее Гиерон. — Оплакивай умершую, а не меня!

Но тут он заметил крупные, узловатые кисти рук, какие редко можно встретить у женщин, а главное — ее ноги с широкими вывороченными ступнями. Странная догадка мелькнула в голове.

Женщина перестала причитать, откинула волосы и показала свое лицо.

— Это ты, Дидона? — удивленно воскликнул Гиерон, узнав бывшую служанку Евпории. — Ты что-то хочешь сказать мне?

— Где моя госпожа, почтенная Евпория?

— Все еще томится в темнице по приказанию Митридата! Вот ворвемся в акрополь и освободим ее!

— О Гиерон, озверевшие воины плохие освободители для женщин! Ты знаешь это! А потом — стоит Евпории появиться в городе, ее забьют камнями, так как Клитарх и Итона разжигают народ, они хотят зла моей госпоже! Кто защитит ее?

— Я защищу ее! — решительно ответил Гиерон, воинственно вращая глазами. — Мой господин друг нового царя, он поможет!

— Я знаю, Гиерон, ты бесстрашен и удачлив! Может, и господин твой не откажет!.. Но слишком много стало врагов у Евпории, вы просто не успеете ей помочь! Это надо сделать сейчас, а не тогда, когда воины будут грабить акрополь и творить насилие!

— Как же это можно сделать? Ведь акрополь обороняют верные стражи Митридата, они закрыли все входы!

— Слушай, что я скажу! До того, как вы с Евлупором увели Евпорию в акрополь, мне удалось встретиться с нею! Она успела передать мне сверток, в котором было вот это...

Она достала из-под лохмотьев бронзовый стержень, изогнутый как змея.

— Что это?

— Это ключ от тайной двери, что ведет в акрополь...

— И ты знаешь, где эта дверь?

— Знаю, я даже ходила через нее с госпожой Евпорией, когда та жила во дворце при царевице Махаре. Сейчас я могу провести тебя с верными людьми, без меня ты не нашел бы этой двери!.. Пойдем, освободим мою прекрасную госпожу Евпорию и выведем ее тайно из акрополя!

— Великие боги!.. У тебя золотая душа, Дидона! Ты верна своей госпоже. Но я не могу оставить хозяина в этот страшный час!.. Да и тело Клеопатры под моим надзором!

— Тогда моя госпожа погибнет!

Вне себя от нахлынувших мыслей, Гиерон хотел было сразу обратиться к Асандру и сказать ему, как можно ввести войска в акрополь и захватить Митридата врасплох. Но воздержался, подумав, что Евпория и впрямь угодит в лапы разнузданных воинов. Что делать?.. Вот сейчас хорошо было бы иметь рядом верного дружка, такого, как Евлупор!.. Но тот стал полурабом-привратником и сам нуждается в помощи. Может, после сражения удастся разыскать его, а пока... «Эх, была не была!» — вдруг решил он с замиранием сердца. В нем проснулась та дерзость, которая заменяла ему храбрость в решительные минуты. Схватив Дидону за руку, он заговорил с поспешностью, как бы не желая терять ни минуты времени:

— Веди меня одного, Дидона, ибо верных людей у меня нет!

Неожиданно ворота акрополя заскрипели и приоткрылись. Оттуда на рысях выехали всадники, но боевого клича не издали и копий не склонили. Воины-повстанцы в первый миг решили, что Митридат делает вылазку, и вступили в драку. Многие были убиты, пока старшие не разобрались, что всадники выехали не для сечи, но решили покинуть старого царя и перейти к новому.

Попытка использовать этот случай и ворваться в акрополь через ворота не удалась. Верных Митридату защитников акрополя поддержала группа рабов-привратников, возглавленных волосатым демоном, перед дубиной которого повстанцы отступили. Навстречу им посыпались камни, сопровождаемые яростными криками. Когда подоспел Битоит, то ворота оказались уже надежно запертыми. У ворот распаленные битвой рабы-привратники, впереди них — Евлупор с дубовым колом в руке.

— Вы проявили преданность великому царю и заслужили его милость, — сказал кельт. — Вы достойны

стать воинами великого государя! Я буду просить его об этом. А тебе, Евлупор, возвращаю оружие. Иди в свой отряд и покажи в бою, на что ты способен!

В это время группа перебежчиков упала в ноги молодому царю и была помилована им. Фарнак сморщился, узнав, что толпа рабов отбила атаку у ворот. Он испытал чувство досады, когда ему сказали, что рабов возглавлял Евлупор. Бывший пират не хотел признать его, Фарнака, царем, сохраняя верность Митридату!.. И повелел ускорить штурм.

Все пришло в движение, загрохотали тысячи ног, воинственные крики смешались со звоном оружия, в воздухе замелькали стрелы и метательные шары. Гиерон поспешил отойти в тыл и приказал рабам-носильщикам отнести тело царевны в ближайший двор, где и охранять его до конца битвы.

Гиерон предполагал воспользоваться всеобщей суматохой и вместе с Дидоной попытаться выполнить рискованный замысел. Оба уже готовы были нырнуть в толпу горожан, которые сгрудились вокруг и криками подбадривали атакующих. Но властный голос Асандра привоздил обоих к тому месту, где они стояли.

— Гиерон! Бегом спустись к морю и найди бухту, где укрылся мой корабль! Скажи Пантелеону — он и все его люди нужны мне! Пусть, не теряя времени, покинут корабль и спешат сюда во всеоружии!.. Ступай, не задерживайся!

Слуга стушевался в первый миг, но, сообразив, что приказ хозяина как нельзя более отвечает его намерениям, ответил с готовностью:

— Бегу, господин, не щадя ног!.. Спешу исполнить твое повеление!

И, толкнув Дидону вперед, он поспешил оставить небезопасное место около своего господина, предоставив ему и Фарнаку штурмовать акрополь, тем более что сам не имел большого желания участвовать в этой братоубийственной драке.

XXXI

Сойдя со стены, Митридат собрал в дворцовом зале оставшихся с ним преданных людей.

Тут были Олтак и Битоит, дочери Нисса и Митрида-

тис, заморские князья и толпа личных слуг-евнухов, которым некуда было деваться, их все ненавидели.

Митридат объявил:

— Верные друзья и слуги мои! Кто из вас хочет служить новому царю, тоже Ахемениду, сыну моему Фарнаку, не бойтесь, идите, я не задержу вас! И не осужу строго, ибо то, что свершается ныне,— воля богов!

И тут же часть князьков-исавров, а за ними и согбенные вороватые фигуры нескольких евнухов исчезли из зала. Там во дворе уже складывались силы измены. Ибо многие царские стражи поняли, что час Митридата пробил и ему наследует сын Фарнак. И полагали резонным признать нового властелина, не учиняя ненужного кровопролития.

— Вот и хорошо,— кивнул головой Митридат.— Теперь со мною остались лишь самые преданные!.. С вами, друзья мои, я не расстанусь!.. Мы потребуем у Фарнака, сына нашего, беспрепятственного выхода из акрополя! Мы покинем Пантикапей и направимся в Скифию, к царю Фарзою! Он предан мне и примет меня как своего законного повелителя!.. С его помощью мы восстановим нашу власть в Тавриде, нам подчинятся обширные земли и кочевые народы к северу от Тавриды! Скифы, сарматы, а за ними греческие города пойдут за мною!.. На западе нас ждут дружественные кельты, в союзе с которыми мы начнем наш великий поход и низвергнем Рим. Фарнак же сам вернется под руку отца своего и припадет к стопам моим, умоляя о прощении!

«О боги верхние и нижние!» — мысленно воскликнул Олтак, пораженный речью царя, который в эту роковую минуту, покинутый войсками, продолжал лелеять планы злосчастного похода. И с каким-то совсем новым чувством стал всматриваться в лик царя, как бы желая лучше узнать и понять его. «Нет, видно, боги и впрямь отняли у него разум!» — решил Олтак, ощутив близость конца и всю безнадежность собственного положения. Захотелось перенестись отсюда подальше, за пролив, в Созу, город предков. Но он лишь горько покачал головой. Там тоже засели враги, они были бы рады его появлению, чтобы разделаться с ним навсегда! Нет, конец всему!..

Митридат послал к Фарнаку одного из свиты с требованием пропустить его в степи. Посланный не вернулся. Царь послал еще нескольких, но и те обратно не пришли.

— Мы прорвемся! — решительно заявил Митридат и приказал Битоиту готовить коней.

Тот вышел, замешкался, и можно было подумать, что и он бежал. Но храбрый кельт возвратился возбужденный и сообщил, что часть исавров и даже некоторые кельты открыли ворота и вывели всех коней, в том числе и любимого боевого коня самого Митридата.

— А ворота? — спросил царь.

— Удалось отстоять и вновь запереть!

Послышались удары тарана, боевые крики, зловеющий грохот. Мятежное войско пошло на приступ, выкрикивая славу молодому царю.

— Сдавайся, Митридат! — зывали передовые. — Новый царь помилует тебя!

Обороняющиеся стали отбивать напор врагов, не задумываясь над тем, что последует за этим сражением. Они привыкли служить Митридату не думая, исполнять приказы без колебаний, презирая опасность и тех, против кого обнажали мечи. Им и сейчас казалось, что победа может быть только на их стороне, так как с ними богоравный повелитель.

— Слава царю Митридату! — кричали они дружно, стоя на стенах.

— Слава царю Фарнаку! — отвечали им противники, подкрепляя свои слова стрелами и взмахами метательных пращей.

Когда были проломлены ворота и плотные толпы осаждающих устремились вперед и с торжествующим гиком и присвистом, это не значило, что акрополь пал. Царский дворец защищали обомшелые башни, соединенные зубчатыми стенами, сложенными из тяжелых каменных квадратов. Римские перебежчики атаковали главный дворцовый вход, украшенный галереей колонн. Выбив двери, они захватили передние палаты, но были остановлены достойным противником — фалангой рослых кельтов, возглавленных Битоитом. После жаркой схватки наступающие оказались вытесненными во двор, оставив под сводами дворца более десятка трупов.

Евлунор в числе младших воинов царской охраны защищал левое крыло дворца, за которым скрывался

хозяйственный дворик с кухней и подсобными складами. Дубовая дверь, покрытая медными полосами, не выдержала ударов бронзовой головы ручного тарана, упала с треском. Начальник младших воинов оказался лицом к лицу с Митраасом, который, стремясь делом подтвердить свою преданность новому царю, сам возглавил атакующих, надеясь, что его рвение будет вознаграждено царской милостью. Митраас чувствовал себя на подъеме, полагая, что боги заметили его и уготовили ему необыкновенную судьбу. Он мечтал выдвинуться в число ближайших сподвижников, а может, и друзей Фарнака. И уже видел себя в ореоле власти и богатства, окруженный роскошью и красивыми женщинами. На драку в акрополе смотрел как на случай, могущий способствовать осуществлению его честолюбивых чаяний.

Несмотря на то, что старшой обороняющихся был опытный воин, он не устоял перед Митраасом, мастером гопломахии, и после нескольких мгновений борьбы оказался сраженным насмерть. Победитель возликовал душой, считая, что и здесь не обошлось без участия богов, охраняющих его незримо.

— Вперед! — крикнул Митраас весело, обращаясь к своим воинам. — Молодой царь наградит нас!

Защитники ступали назад и стали отступать в дальние покои дворца. Митраас уже намеревался послать воина к Фарнаку с вестью о победе, но обстановка изменилась. Ему преградил путь волосатый детина, что вынырнул из-за колонны. Он размахивал тяжелой секирой и издавал устрашающие крики.

Они схватились в смертельном поединке, быстротечном и страшном в своем ожесточении. Митраас держался смело, уверенный в поддержке богов. Но капризные небожители проявили непоследовательность и коварство. Они явно склонились на сторону волосатого варвара, придали его ударам неотразимую силу и точность. Митраас, чувствуя его превосходство, хотел кликнуть на помощь своих воинов, но не успел. Отточенная секира противника со свистом опустилась на римский шлем. С раздробленным черепом Митраас упал на выщербленные плиты пола, в лужу собственной крови.

Увидя смерть начальника, наступающие оторопели. Евлупор громовым голосом, потрясающим каменные

своды, стал призывать защитников дворца сплотиться и дать отпор врагам.

— Эй, братья! — кричал он. — Ударим дружно на этих разбойников! Ведь мы защищаем правого царя Митридата, а за ним боги!.. Мы победим!

Бойцы знали Евлупора, доброго воина, многие даже находились в его подчинении раньше, до его последнего грехопадения. Увидя, как он сразил Митрааса, ободренные его голосом и замешательством врагов, они в молчаливом согласии признали его старшим. Сплотившись, устремились за ним и принудили сторонников Фарнака поспешно отступить. Весть о неудаче первого приступа дошла до Фарнака. Ему сказали, что обороной дворца руководит Битоит, а Евлупор опять выдвинулся в число первых. Бывший раб и пират сразил Митрааса и отбросил повстанцев из левой половины дворца.

— Евлупор убил Митрааса? — гневно переспросил Фарнак, раздосадованный затяжкой осады. И повелел двинуть в бой запасные отряды «медных щитов». — А Евлупора, — добавил он, — надо схватить!.. Предложите его воинам помилование, если они сложат оружие и выдадут Евлупора живым или мертвым!

Обороняющиеся заперлись во дворце, завалили входы рундуками и мебелью, разворотили полы, используя камни как метательные снаряды, отстреливались через окна из луков и пращей. Евлупор поддерживал дух бойцов бодрыми окриками и личной отвагой. Он был полон страстной решимости защитить великого царя и был убежден, что Митридат уже придумал способ, как отразить мятежников и вырвать корни измены.

Для Евлупора было очевидным, что прав Митридат и боги помогут ему, как помогали много раз в прошлом. Победит старый царь — и восстановит верного ему воина в правах своего телохранителя и свободного человека!.. Не будет Митридата — и он, Евлупор, опять станет лишь беглым рабом, человеком без роду и племени! А новый царь, если ему удастся восторжествовать, едва ли помилует тех, кто проявил излишнюю преданность отцу-государю, ибо уже изрек, что тот, кто не сложит вовремя оружия, примет смерть!..

— Сдавайтесь! — кричали с вражеской стороны. — Царь простит вас, если вы принесете ему голову Евлупора! Не сдадитесь — умрете по закону войны!

Битоит показался около на короткий миг, увидел, что Евлупор стал во главе отряда и бьется насмерть, удовлетворенно кивнул головой в помятом шлеме, а уходя сказал:

— Покажи свою смелость в борьбе со смутьянами!.. Я замолвлю за тебя слово перед великим царем!.. Ты достойный воин, хотя и провинился!

XXXII

На кухне и под навесами заднего дворика сгрудились дворцовые рабы, в страхе прислушиваясь к приближающимся звукам сражения.

— Царь Митридат победит смутьянов! И все будет хорошо! — говорили одни.

— Только боги могут спасти Митридата, — отвечали другие дрожащими голосами. — Ведь дворец окружен и все войско перешло на сторону Фарнака!

— Кроме Битоита и его кельтов!

— Ох-ох! Надо бы куда-то убежать, скрыться и переждать! А когда уляжется потасовка — выйти и каждому заняться своим делом, разжечь очаг и готовить пир для победителей!

— Далеко уходить нельзя — сочтут за беглого и на кол!..

Ближайшие подручные окружили главного повара и шептали ему на ухо:

— Почтенный, ты же имеешь ключ от тайного выхода! Выпусти нас и сам выйди! Да и вынести надо бы кое-что!

— Сломался ключ! — отвечал Дракон раздраженно, не желая признаться, что ключа у него давно нет. Его самого грызла досада, что он не может использовать необычайные события и смену людей во дворце. Он уже переполовинил посуду, подготовил к отправке в город десятки амфор с дорогим вином и сосуды с ценными соусами. И если бы у него сейчас был ключ от секретного выхода, он без большого риска и шума переправил бы все это в город, к Жабе-Клитарху, с которым вошел в тайный сговор по части хранения и сбыта краденого. Да и сам переждал бы в безопасном месте дворцовую заваруху, не рискуя получить клинок в толстый живот.

Но ключа не было. Это распаляло гнев Дракона против узницы, сейчас находившейся в его руках. Имея ключ, он мог бы вывести ее тайно из акрополя и передать Клитарху, чего тот так рьяно добивается, мог бы и убить ее за пределами акрополя. А после объяснить как ее пропажу, так и смерть бесчинством и жестокостью воинов побежденной стороны. Во время войны грабежи и убийство дело обычное!

Однако потайная дверь была на запоре, и все намерения Дракона оказывались тщетными. Он неоднократно появлялся у оконца, заплетенного грязной паутиной, и говорил с сердцем:

— Губишь, проклятая, и себя и меня! Был бы ключ, вывел бы тебя из акрополя и отпустил бы на все четыре стороны! На кой демон ты мне нужна?.. А так — пропадай, пусть победители потешатся над тобою, поглумятся!.. Я-то не боюсь, так как выйду навстречу воинам с бочонком вина! А ты — погибнешь! Я сам укажу им: вон, мол, сидит баба в подвале, берите ее и забавляйтесь!

Евпория понимала, повар говорит это в надежде получить ключ. Он думает, что ключ спрятан ею где-то здесь. И, чувствуя опасность, молчала. Из слов Дракона уловила суть происходящего. И ничего хорошего не ждала от смены царей, а тем более от кровопролития, которое шло в дворцовых переходах.

Будут ли над нею издеваться пьяные победители, или она окажется в городе, где ее поджидает Жаба-Клитарх, встретится ли с фанатичными горожанами, которые забьют ее камнями, — все равно конец один: позор, мучения или смерть!.. Бежать?.. Но это дело немыслимое! Да и куда бежать? Где оно, то убежище, в котором бывшая рабыня, бесправная узница, преследуемая всеми за не совершенные ею преступления, могла бы почувствовать себя в безопасности?

Отчаяние стискивало грудь, слезы лились из глаз, на душе было гадко, так же как и в этом подвале, среди отбросов и шмыгающих крыс.

И в столь тяжкий момент утраты всякой надежды чья-то тень заслонила оконце. Видимо, вернулся повар, с целью продолжить свои домогательства. Она хотела зажать уши ладонями, не желая слышать противного хрипения Дракона.

Но другой, негромкий голос позвал ее:

— Евпория, Евпория! Ты здесь?.. Это я, Гиерон, пришел спасти тебя! Я прошел через тайный ход и хочу вывести тебя из этой ямы!

Это был голос спасения, нежданного и негаданного, явившегося в последний миг, когда в груди узницы угасала последняя надежда.

Евпория вскочила и, спотыкаясь в полутьме о кучи мусора, кинулась к оконцу.

— Гиерон, друг!..— прошептала она, задыхаясь от волнения.— Ты явился!.. Ты всегда приходишь, чтобы выручить меня, спасти меня!.. О боги!.. Но как я выйду отсюда? Ведь повар держит меня за стальным замком!

— Я потребую именем нового царя, и Дракон откроет двери подвала!

— Не послушает он тебя, да и неизвестно еще, какой царь победит! А Дракон ненавидит меня и не выпустит из своих рук!.. Много ли у тебя людей?

— Я один. Но я могу уйти и вернуться с воинами!

— Один?.. Боги, какая оплошность! А где ключ от двери?

Гиерону не пришлось ответить на этот вопрос. Он услышал топот многочисленных ног и хриплый голос Дракона.

— Спасайся, Гиерон! — с горечью в голосе произнесла Евпория.— Сейчас они схватят тебя!

Первым заметил Гиерона раб-уборщик, туповатый малый, который выносил из очагов золу и ссыпал ее в кучу недалеко от подвала, где томила Евпория. Он сообразил, что представляется случай выслужиться у всесильного владыки, главного повара. Найдя Дракона в окружении льстецов и приспешников, поклонился низко и сообщил, что через двор проследовал какой-то посторонний человек в хорошей одежде, безоружный.

— Откуда человек? — встревожился повар.— И где он сейчас?

— Откуда — не знаю,— пожал плечами раб, разводя грязными руками,— а где он сейчас, скажу... Он через окно беседует с преступной девкой Евпорией!

— Чего же ты тянешь, болван! — взревел повар, награждая несообразительного слугу оплеухой.— Эй, люди, за мною!

Словно подстегнутый, Дракон вскочил и, отдуваясь, побежал во двор, грозно вращая глазами. За ним поспешили рослые кухонные работники с железными вертелами — оружием весьма внушительным, особенно в сильных руках.

— Схватить человека, который пробрался к нам неизвестно как и зачем! — приказал он, увидя фигуру незнакомца, стоявшего у подвала.

Но тот уже заметил, откуда угрожает опасность, и, следуя наставлениям Дидоны, хорошо знакомой с внутренним устройством дворца, скрылся в боковом коридоре, через который выносили грязную посуду из пиршественного зала. Преследователи поспешили за ним в полутемные переходы дворца, но приближающийся грохот сражения остановил их. Не желая привлекать внимания обороняющихся, дабы не быть принятыми за врагов, кухонные рабы опустили вертела и возвратились к Дракону.

— Ну что? — встретил их грозный вопрос.

— Там идет битва, куда же нам лезть в эту кипящую кашу!

— Ага! — Повар прищурил один глаз, как бы соображая. Потом изрек: — Кто бы ни был этот человек, его дело плохо! Если он из стражи старого царя, то погибнет вместе с другими. Если сторонник Фарнака, то обороняющиеся проткнут его копьями. Подождем, посмотрим!..

Однако задумался. Следуя неясной догадке, кинулся в заветный угол к потайной дверце, но при первом осмотре ничего не нашел. Дверь была по-прежнему закрыта наглухо, запылена и замаскирована кустарником. Ее окованная медью поверхность выглядела очень древней, позеленела и почернела от времени. Вот и скважина для ключа!.. О! Тут он заметил, что края скважины блестят, словно от недавнего применения бронзовой змеи.

Он прошел здесь, — прошептал повар с замиранием сердца и в страхе оглянулся. Несомненно, человек проник через эту дверь! Действительно, где же ему удалось бы пробраться в осажденный акрополь иным путем?.. Это, очевидно, один из дружков Евпории, которому она оставила ключ-змею. Он явился с целью освободить ее и вывести на волю тайным ходом. Сейчас он укрылся во дворце и обязательно вернется сюда, будет пытаться совершить задуманное!

Кликнув рослых рабов с вертелами, Дракон, преодолевая одышку, направился к подвалу и, приказав всем быть настороже, отомкнул замок. Евпория забилась в угол, решив что повар пришел убить ее. Тот нетерпеливо спросил:

— Кто был у окна? С кем говорила?

— Никого не было, ни с кем, кроме тебя, не говорила!

— Будешь запираяться?.. Ну, да теперь все равно. Выходи, получено приказание перевести тебя в другое место!

Она робко вышла из подвала, щурясь от непривычно яркого вечернего солнца. Теперь она явственно услышала леденящий душу грохот сражения, от которого сотрясаясь весь дворец.

— Иди, иди! — бесцеремонно подтолкнул ее Дракон.

Не имея другого надежного помещения, он запер ее временно в чулане со съестными припасами около кухни. Оказавшись в полумраке среди бочек с маслом и кувшинов с медом и соусами, Евпория облегченно вздохнула. Здесь не было того спертого воздуха, что в подвале. Пахло вкусной смесью столовых приправ.

— Сиди тут и молчи, — сказал повар жестко. — Не пытайся убежать или подавать голос! Замечу — убью!..

С этими словами он захлопнул дверь и задвинул засов.

XXXIII

Перебегая из одной сводчатой палаты в другую, Евлупор почувствовал близость конца. Враги уже захватили половину дворца, загнали его защитников в задние покои. Дальше отступать было некуда. Да и как можно говорить об отступлении, если вон за той дверью находится сам великий Митридат!

— Заваливай этот коридор, тащи все что попадетсЯ под руку, — хрипло приказал он, тщетно пытаясь выиграть время, найти выход из положения, придумать военную хитрость. Но в голову лез одуряющий кровавый туман, который обволок все, настоящее и будущее, потопил остатки надежды и готовился захлестнуть красными волнами самую жизнь. В громе сражения слышалось лишь одно, жестокое и страшное: смерть, смерть, смерть!.. Что тут можно придумать?.. Он побежал по боковому ходу, почти не освещенному, намереваясь выяснить, куда он ведет. И хотя твердо решил умереть перед дверью царско-

го убежища, все же хотел найти путь к спасению для тех воинов, которые останутся в живых.

Он догадывался, что коридор выведет его к хозяйственному дворику, где он бывал неоднократно, только ходил туда окольным путем, вдоль стены, минуя дворцовые палаты. И сейчас рассчитывал разведать этот путь, которым его воины могли бы ускользнуть от противника, пробраться на общий двор, там рассыпаться поодиночке или даже смешаться с людьми Фарнака.

Услышав неясный гомон впереди, остановился, прислушался, подумав, не враги ли уже заняли дворик и теперь намереваются ударить с тыла. Потом ему почудились женские голоса и звон посуды. «Это кухонные рабы!» — догадался он, несколько успокоившись. Однако крики усиливались, смешались с топотом многочисленных ног. Казалось, толпа людей бежала по гулкому коридору навстречу ему.

Одновременно сзади усилился шум сражения, слышались удары ручного тарана, треск дверей. Боевые выкрики воинов заглушили другие звуки. Евлупор понял, что битва разгорается и ему надо поспешить назад, к своему отряду. Он уже намеревался повернуть обратно, когда при слабом свете, падающем из узких слуховых отверстий под потолком, увидел темную фигуру, которая появилась из-за поворота внезапно, как призрак.

«Ага, это кстати, — решил воин, — сейчас я узнаю, что происходит впереди!»

Выждав мгновение, он с быстротой рыси кинулся к неизвестному и ударом кулака повалил его на каменный пол.

— Ни звука, иначе убью! — сказал воин угрожающим тоном, наступив пленнику на грудь коленом. — Кто ты и что здесь делаешь?

— Боги мои! — прохрипел несчастный, ошеломленный внезапным нападением. — Да это ты, Евлупор!.. Или демон в твоем облике!.. Ни у кого нет таких тяжелых лап! Отпусти, задыхаюсь!

— Великий Зевс! Это ты, Гиерон?.. Откуда? — воскликнул пораженный воин, испытывая подобие суеверного испуга. — Ты же на той стороне, как же оказался во дворце?

Он помог другу подняться на ноги. Тот, кряхтя и охая, встал и прислушался.

— Кажется, они отступили!.. Гнались за мной!.. О-ох!.. Я пробрался сюда тайным ходом!

— Тайным ходом?.. Разве есть такой?

— В том-то и дело, что есть! Но я не рассчитывал встретить тебя, ведь ты у ворот, далеко отсюда!

— Был у ворот, но вот милостью государя опять боец и даже старшой отряда! Сражаемся с бунтовщиками!

— С бунтовщиками?.. Теперь уже не разберешь, кого считать бунтовщиком. Фарнак побеждает, скоро нас, защитников старого царя, перебьют! Слушай, Евлупор, сами боги свели нас, бросай безнадежное дело, следуй за мною! Мы выйдем из акрополя, я проведу тебя прямо к царю Фарнаку, ты упадешь ему в ноги. Он ценил тебя в прошлом и будет милостив ныне!.. Поспешим!.. Вдвоем мы пробьемся сквозь толпу кухонных рабов... Это они гнались за мною!.. О-ох! Ты наполовину убил меня!

— погоди, друг, дай собраться с мыслями!.. Нет, после того, как я сразил многих людей Фарнака и уложил насмерть его подручного Митрааса, он не помилует меня... Моя голова оценена!

— Тогда ты спасешься бегством! Ускользнешь из акрополя незаметно!

Евлупор поглядел на друга с мгновенной надеждой. Возможность спасения ослепила его, озарила ярким светом сумерки мрачного коридора и того смертельного тупика, в котором он оказался. Усилием воли он подавил соблазнительную мысль о побеге. Бежать — значит изменить великому Митридату, покинуть сражение, подобно трусу, оставив друзей-воинов умирать!..

— Не могу я оставить царя, — ответил он, — сложу голову, но предателем не стану!.. Митридат — благодетель мой!..

— Хорош благодетель, попотчевал тебя палками, на цепь посадил!

— Я заслужил это и не обижаюсь!.. Иди, Гиерон, спасайся, я пришлю к тебе несколько воинов, проводи их через тайный ход, они молоды, пускай живут, а я умру, защищая царя!

— Но я хотел спасти Евпорию с твоей помощью!.. Надо сломать замок ее темницы, разогнать кухонных рабов, подручных дракона, и выйти вместе с нею через потайную дверь!

— Повторяю — с тобою пойдут воины, смелые парни. Они и замок сломают, и повару разобьют голову, если потребуется! Спаси Евпорию и попроси Асандра защитить ее от народного гнева!.. А я остаюсь!

— Это твое твердое слово?

— Тверже камня!.. Иди, ты и так задержал меня!

— Пойдем вместе, я покажу тебе выход и оставлю ключ от него!.. Когда все будет кончено, ты еще успеешь бежать!

Евлупора вдруг осенило, он схватил друга за плечи железными руками и так встряхнул, что тот подумал, не наступил ли его последний час.

— Чего ты? — с трудом спросил Гиерон, пытаюсь освободиться.

— О боги! — вскричал неестественно веселым голосом Евлупор. — Бежать надо, бежать сейчас же!.. И как можно скорее! Боги просветили мою голову!

— Ну вот, — рассмеялся Гиерон, — наконец ты одумался! Конечно, надо бежать, пойдем заберем с собою твоих ребят, они нам понадобятся!

— Да, да! — подтвердил Евлупор с лихорадочной дрожью в голосе. — Я одумался, ты прав! Мы выведем воинов из этого пекла!.. И не только воинов, с нами пойдет сам Митридат Евпатор, царь царей! Мы проведем его через твой ход в город, там достанем коней и бежим в степи!.. Вперед, не медли!

Гиерон даже застонал от неожиданности. Ничего подобного он не ожидал. Ему показалось, что он вдруг свалился в какой-то водоворот, который подхватил его и повлек в пучину вместе с Евлупором и Митридатом, со всеми, кто оказался «на этой стороне». Предприятие, так внезапно задуманное Евлупором, грозило перерасти в катастрофу, из которой никому не выйти живым!..

Но спорить с Евлупором, возражать ему было бесполезно. Смелый воин сверкал в полумраке глазами и говорил, показывая в глубь дворца:

— Поспешим к нему!.. То-то он возликует!.. Он близко, надо пройти этот проход и свернуть вправо! А где ключ от тайной двери? У тебя?

— Нет, ключ у Дидоны! Она ждет меня между двумя дверями, под стеной!

— И откроет выход?

— Да, мы условились. Когда она услышит слова:

«Афродита возлюбила тебя», то сразу распахнет двери настежь!

— Хорошо! Мы спасем его!.. Мы спасем царя Митридата, и благо будет нам!..— как в бреду, повторял Евлупор, увлекая друга за рукав в глубь темного коридора, навстречу несмолкающему шуму сражения.

XXXIV

Окружающие Митридата верные люди еще более поредели. Взъяренные сторонники нового царя, раздосадованные большими потерями, распаленные битвой, не щадили никого, разили насмерть всех, кто попадался под удар, не обращая внимания на вопли о пощаде и желании сдаться в плен.

— Бей!.. Бей!.. Не щади!..— слышались выкрики совсем близко, сквозь грохот и треск ломаемых дверей.

Теперь Митридат оказался в просторной опочивальне, унаследованной им от бывших царей, боспорских Спартокидов. Около него осталось несколько человек. В страхе, с перекошенными лицами, сидели в углу Митридатис и Нисса. Они уже не плакали, оцепенение ужаса охватило их. Несколько евнухов торопливо надевали панцири и шлемы, вооружались мечами.

— Бесполезно! — мрачно изрек Митридат.— Если меня не защитили воины, то вам, спальникам моим, ничего не остается, как покинуть меня!.. Это конец!.. Отпускаю вас, прячьтесь по чердакам, после битвы падете в ноги новому царю!..

— Мы не оставим тебя, государь! — вскричали евнухи, не очень, однако, дружно.— Мы будем служить тебе до конца!

— Вы уже не нужны мне,— ответил царь.— Фарнаку я не сдамся, ибо он выдаст меня римлянам. Но я великий царь, враг Рима, я пятьдесят лет ношу большую китару и умру в ней! Мой час настал!

Опочивальня опустела, остались лишь сам Митридат и две царевны, которым некуда было бежать. Для них отец был все тем же живым богом, и им казалось, что только около него они могут чувствовать себя в безопасности. Они верили, или хотели верить, что свершится чудо, мятежники будут наказаны, а законный владыка восторжествует.

Услышав последние слова отца, они начали ломать руки и громко взывать к нему, как бы спрашивая: что будет с ними?

— Вас никто не тронет, ибо царь Фарнак — ваш брат!

Девушки поняли, что сейчас произойдет нечто страшное, так как увидели, что отец-государь отделил от рукоятки своего драгоценного меча головку и достал из тайника небольшой пузырек с ядом. Сам налил в чашу вина, потом влил туда яд. Пальцем смешал его с вином и готовился выпить, уверенный, что этот особо сильный яд мгновенно сразит его.

— Нет, нет, отец!.. Ты должен жить и царствовать! — кинулись к нему дочери.

Он отстранил их со словами:

— Умираю стоя, с китарой на голове, как царь Понта и Боспора и враг Рима!

— Отец! — вскричала Митридатис. — Я не хочу жить после тебя, дай и мне глоток отравы!

— И мне! — подхватила Нисса. — Я тоже уйду с тобою в мир снов!

Топот бесчисленных ног, крики и яростные ругательства слышались все ближе. Удары мечей, предсмертные стоны и звуки падения сраженных на каменный пол слились в сплошной нарастающий гул. Надо спешить! Время не ждет!.. Еще несколько мгновений — и последняя кучка защитников будет смята и сюда ворвутся озверелые мятежники!.. О боги, где же вы?..

Митридат дал дочерям хлебнуть из чаши смерти. И обе через миг, сделав руками конвульсивные движения, зашатались и упали замертво на пол. Митридат выпил остальное. Но шли минуты, а яд не действовал. То ли его мало осталось в чаше, то ли царский организм был невосприимчив к нему...

Много лет царь принимал яды в малом количестве с целью стать нечувствительным к ним. И добился своего. Он перестал бояться, что его отравят через пищу. Но не предполагал, что его неуязвимость вдруг обернется против него самого. Теперь, когда он жаждал скорее оставить этот мир и перенестись в мир иной, — смерть отвернулась от него!.. Шум битвы потрясал стены, враги были где-то в соседних палатах, а Митридат продолжал ходить из угла в угол, пытаясь ускорить действие яда, но безуспешно!

— Да! — с горечью и душевной мукой воскликнул царь. — И яд изменил мне!.. Я нашел в своем теле противоядия против любой отравы, но не смог найти средства от предательства близких! Я уничтожал изменников, но не мог выкорчевать самой измены! Измена, как прилипчивая болезнь, передавалась тем, кто оставался около трона, и делала свое губительное дело! И вот последний сын, наследник и надежда моя, оказался удачливее других, он избежал кары за измену, был прощен!.. И за эту милость отплатил ударом в спину родному отцу и государю!.. О боги, как вы жестоки!.. Но придет время, Фарнак, и ты пожнешь на ниве власти горькие плоды! Мое проклятие будет тяготеть над тобой, и твоя измена обернется против тебя самого и поразит тебя, как змея, когда наступаешь ей на хвост!

Царь остановился и вздрогнул, даже схватился за меч, услышав позади скрип дверей, ведущих в покои дворца, еще не занятые врагами. Он увидел стоящего во весь рост, всклокоченного и помятого в битве Евлупора-Кира, который держал в руке окровавленный топор. «Вот еще один предатель! — подумал царь мгновенно. — Он пришел убить меня!»

Но вместо того, чтобы выхватить меч и встретить внезапного противника как подобает воину, Митридат вновь ощутил приступ странного безразличия, даже какого-то умиротворения при мысли о близкой смерти. Что ж!.. Удар топора — и конец всему!.. А главное — он не станет пленником собственного сына и не будет выдан ненавистному Помпею или другому римскому воеводе! Если не могущество и не власть, то только смерть, но не унижительный плен!

Однако тот, кого Митридат счел за убийцу, упал на колени и положил топор на каменный пол. Он протянул к царю руки с выражением мольбы на бородатом лице и сказал голосом хриплым и прерывистым, выдававшим его физическое и душевное перенапряжение:

— Великий Митридат, государь и живой бог! Поспешите за мною, ибо через миг сюда ворвутся враги!.. Ты слышишь треск — это взламывают последнюю дверь!.. Твои преданные кельты падают, как трава под косой! Поспешите!

— Куда? — с изумлением поднял голову царь, испытующе разглядывая облик бывшего раба. Ему почуди-

лось, что это уловка врага, который хочет выманить его отсюда и схватить живым с целью передать его Риму.— Куда, Кир?.. Кто послал тебя? Кому ты служишь?.. Сыну моему?..

— Тебе служил и служу! — с жаром вскричал Евлупор. В глазах его отразилось столько искренности, что Митридат невольно поверил ему.— А за дверями нас ждет Гиерон, получивший от тебя свободу! Он проведет тебя тайным ходом за стены акрополя, а там ты скроешь лицо плащом, и мы поможем тебе бежать в скифские степи или переправиться через пролив к горным племенам, с которыми ты дружен! Там ты наберешь новое войско и отомстишь за себя!.. Поверь мне, рабу твоему, моя жизнь в твоих руках!.. Не веришь — убей меня!

На мгновение старческие глаза сверкнули былым огнем. Митридат выпрямился с гордым видом, ему показалось, что боги не оставили его и открывают перед ним таинственные врата спасения... Но вспышка оказалась мимолетной, взор погас, голова опустилась. Митридат прислушался к шуму сражения и с какой-то совсем не привычной мягкостью произнес:

— Честный и отважный воин!.. Ты последний из тех, кто остался верен мне, и я ценю это!.. Ты служил мне преданно, воевал за мое дело, исполнял мои поручения! Ты был мною наказан, но не озлобился душой и не соблазнился сладостью измены! И вот ты хочешь помочь мне бежать!.. Если бы ты сказал это раньше, до того, как я умертвил дочерей и сам выпил яд, я последовал бы за тобою и сделал бы тебя своей правой рукой! Но жребий брошен и возврата нет! Уже никакие благожелатели в степях Скифии и в горах Кавказа не помогут мне, ибо чаша моей судьбы — пуста!.. Я допил ее до дна, и теперь мне осталось лишь умереть!

— О великий царь!.. Зачем тебе умирать? Ты могуч, ты любимец богов! Встряхнись и следуй за мною, впереди тебя ожидают новые победы!

— Нет, впереди меня уже ничто не ожидает!.. Разве позорный плен... Ты знаешь, что они сделают со мною? Они поведут меня за колесницей Помпея через весь Рим, и римские плебеи будут бросать в меня грязью!.. Это в Митридата-то!

— Спешి, государь, спеши! Времени остается совсем мало!

— Да, времени мало!.. Для живущих — это так!.. Но для тех, кто уходит из жизни, впереди вечность! И я хочу скорее покончить расчеты с жизнью!.. Но принятый яд бессилен свалить меня! Боги сжалялись, послали тебя, сильного и честного! Ты — посланец богов и действуешь по их указанию!.. И я прошу тебя — не медли, спеши выполнить волю богов, возьми мой меч, вот он... И этим мечом, одним ударом, умертви меня!.. Избавь от унижений и страданий, мой удел завершен!

Евлупор отшатнулся от этих слов, не веря своим ушам. Послышались крики, приближающийся топот ног. Грубые голоса перекликались. Искали царя. Митридат вскричал, топнув ногой:

— Если ты предан мне и не хочешь, чтобы я назвал тебя предателем, торопись!.. Повелеваю тебе убить меня! Исполни или берегись моего проклятия!

Как во сне увидел Евлупор стоящего на коленях великого Митридата. Царь бережно снял корону-китару и склонил для удара львиную голову, ту голову, которая не склонялась ни перед кем.

Преданному воину показалось, что сейчас грянет гром, рухнут своды дворца и мир перестанет существовать, не переживет унижения величайшего из царей и солнце уже не будет освещать своими лучами землю.

— Спеш! — прорычал Митридат. — Спеш, или я прокляну тебя!

В это время еще одни двери с треском рухнули, в глубине смежных покоев показались отступающие последние защитники Митридата. Некоторые тут же падали и оставались недвижимы, другие зажимали кровоточащие раны, пытались защищаться. Их преследовали римские воины-перебежчики.

— Руби! — умоляюще простонал Митридат.

Евлупор схватил царский драгоценный меч и, описав им в воздухе сверкающий полукруг, опустил наточенный клинок на шею Митридата. Царская голова отскочила от туловища и покатилась по полу. Обезображенное тело грузно осело и повалилось набок, орошая черной кровью плиты пола.

Словно в сильном опьянении огляделся исполнитель последней царской воли, не веря происшедшему. Случилось нечто неслыханное и невероятное, после которого все остальное сразу теряло свой смысл и значение. Хо-

телось стоять, вперив глаза в мертвую голову, и смотреть долго, вопрошающе, с мучительным ожиданием. Должно произойти чудо, мертвые глаза вновь блеснут жизнью, обескровленные губы зашевелиятся и ответят на вопрос: что ж будет дальше?.. И возможно ли дальнейшее?..

В странном оцепенении воин стоял с мечом в руке, ошалело переводя взгляд затуманенных глаз с мертвого тела на дверь царской опочивальни, к которой приближались враги. Они через несколько мгновений будут здесь, они не пощадят цареубийцу!.. Кто убил царя, должен умереть, таков закон!.. Странно, почему боги еще не испепелили его небесным огнем!..

В душевной простоте Евлупор не мог воспринять совершившееся как-то по-иному, ибо продолжал верить, что только боги решают судьбы таких великих людей, как Митридат, и не простят ему, человеку ничтожному, вмешательства в их дела!..

Он не знал, что именно в этой опочивальне такой же раб, как он, по имени Савмак, в страшную ночь рабского восстания отсек голову последнему боспорскому царю Перисаду. И боги допустили это неслыханное дело!.. А если бы и знал, то едва ли смог бы понять причины такого попустительства со стороны богов. Он лишь проникся бы суеверным трепетом, тщетно пытаясь разгадать скрытый смысл столь разительного совпадения.

Кто-то нетерпеливо дернул его за рукав. Это был Гиерон, бледный, дрожащий, с выпученными от страха глазами.

— Воин, чего ты раскрыл рот и некстати задумался? Смерть пред тобою!.. — зашептал он побелевшими губами. — Ты сразил его, выполнил его приказ. Но все равно тебе никто не поверит и не простит!.. Бежим, бежим скорее! Теперь нам одна дорога — бежать за пролив!.. Панталеон перевезет нас на ту сторону, а там видно будет!.. Только надо выручить Евпорию, захватить ее с собою!..

Едва они скрылись в полутьме дворцового лабиринта, торопясь воспользоваться тайным выходом, как в Митридатово убежище вбежал окровавленный Битоит. Он хромотал, лицо было перекошено, меч иззубрен, покрыт свежей кровью.

— Государь! — кричал он на ходу.— Государь! Мы окружены, наши люди пали, сейчас ты будешь схвачен мятежниками!

Увидев обезглавленный труп того, кто был для него божественным повелителем, государем, кельт остановился, пораженный. Он не понимал, что произошло. Осознал лишь, что сражался за мертвое тело и теперь лишился самого смысла той борьбы насмерть, которую готов был продолжать до конца. А сейчас?.. Что сейчас?..

— Хватай его! — грянул громовой голос.— Вот он!..

— Митридат убит! — в изумлении отозвался другой.— Его убил Битоит!.. Митридат мертв!..

Битоит с устрашающим криком кинулся навстречу врагам. Это были римские перебежчики с Гаем и Публием во главе. Они остановились перед страшным взглядом и сверкающим мечом кельтского витязя. Этим мгновенным замешательством Битоит и воспользовался. Он отскочил в дальний угол опочивальни и, бросив прощальный взгляд на отрубленную голову царя и валяющуюся в пыли золотую китару, символ великой власти, повернул меч в свою сторону и упал на него грудью. Окровавленный клинок вышел между лопаток.

Римляне окружили трупы царя, его дочерей и верного телохранителя. Гай подошел ближе и поднял с пола золотую китару, осыпанную драгоценными камнями. Обтер с нее кровь и бережно завернул в край плаща.

Публий поспешил завладеть не менее драгоценными ножнами царского меча, о которых было известно, что цена им — четыреста талантов!.. Подражая Гаю, он так же обтер свой трофей, потом спрятал под полу плаща, пробормотав:

— Странно, ножны здесь, а меча нет!

— К трупам царя и его дочерей не прикасаться и ничего тут не брать! — внушительно обратился Гай к войнам.— Идите в другие покои и ищите там добычу!

Воины рассыпались по соседним коридорам и залам, спеша поживиться царским добром.

Гай переглянулся с Публием и сказал, прищурив глаза:

— Фавст Корнелий Сулла не устоит перед таким богатством! За эти вещи мы сможем купить себе прощение, если нашего участия в штурме дворца окажется недостаточно!

— Я больше рассчитываю на помощь царя Ариобарзана. Ему и преподнесу эти дорогие ножны!.. Жаль, меча не оказалось.

Шум и крики отвлекли их. В опочивальню ввалилась толпа «медных щитов» и остановилась, оторопев при виде обезглавленного трупа грозного царя. Многие поспешили криками передать всем потрясающую новость.

— Митридат мертв! — выкрикивали воины истошно, в каком-то исступлении.

— Митридат мертв! — подхватывали другие и несли эту новость по коридорам дворца, за стены акрополя и дальше, на улицы города. — Митридат мертв!.. — Да живет и здравствует молодой и мудрый царь Фарнак!

XXXV

С исчезновением Евлупора сопротивление защитников старого царя стало ослабевать, воины все чаще стали оглядываться назад, больше думая о возможности отступления, чем о победе. Их осталось не так много. Израненные и помятые, они испытывали жажду, но не находили глотка воды.

С трудом отбросив повстанцев и соорудив еще один завал перед дверью, они заперлись в полутемном коридоре, получили небольшую передышку.

— Нет Евлупора!.. Убит или пленен! — говорили воины, тяжело дыша.

— Наверное, он переметнулся на сторону молодого царя, а нас покинул! — отвечали им другие с досадой.

— Что делать нам?.. Выйти и сдаться — нас перебьют! Не простят большой крови, пролитой нами!

— Сдаваться нельзя, мы со старым царем клятвой связаны!

— Боги не простят!

— Надо держаться до победы!

Удары тарана заставили всех вздрогнуть, схватиться за оружие. Сейчас рухнет временная преграда и начнется последний бой. Изготовившись к рукопашной схватке, они опять вспомнили Евлупора. Даже проклинали его за измену.

— Не верю я, что Евлупор мог изменить! — в сердцах отозвался старый воин. — Он погиб, это вернее!

— Все-таки он предал нас, твой Евлупор! — огрызнулся молодой воин с разрубленной бровью, сильно кровоточащей.

— Жив я и не предавал вас! — загремел знакомый бас откуда-то сзади.

Из-за поворота коридора появился потерянный вожак в сопровождении незнакомого человека мирного вида.

— Евлупор!.. Где ты был? — раздалось сразу несколько голосов, в которых прозвучали и раздражение и надежда.

— Где я был, там меня уже нет!.. Скажу только, что дело наше проиграно, ибо Митридата нет в живых! Умер он, и сражаться нам не за кого!.. Сдаваться тоже нельзя, мы последние защитники покойного царя и с нами поступят по праву войны!

— Что же делать?.. Скажи, Евлупор!

Воины обступили старшего и ждали ответа, одновременно слушая, как таран сокращает их передышку ухающими ударами. В их глазах отражались разноречивые чувства — страх, подозрительность, ожесточенность. Среди них были понтийцы из бывших ратей Митридата, греки из Диоскуриады, соблазненные добычей, свирепые исавры с южных гор Анатолии, соаны, которые пошли в поход за царское жалованье и в чаянии грабежа. Теперь все они чувствовали себя погибшими и горько сожалели, что покинули родные места.

— Что делать — скажу!.. Только поклянитесь мне быть верными до конца!.. Я хочу вывести вас из акрополя и помочь вам бежать из города, может даже — в родные края!

— В родные края?! — ахнули все. — Мы готовы поклясться тебе всеми богами, если это правда!

— Но скажу прямо — впереди борьба!.. Кто сомневается или колеблется, пусть сразу отойдет в сторону и ищет милости у нового царя!..

Несколько человек отошли в сторону. Остальные подняли руки и поклялись в верности своему вожаку до смерти. Евлупор неожиданно зажег для них факел надежды, от которого пахло дымом родных очагов.

— Приказывай нам, Евлупор, — вскричали они дружно, — только выведи нас из дворца, здесь мы все погибнем бесславно!

Удары тарана и шум за дверями вдруг прекратились. После короткого затишья слышались торжествующие крики:

— Митридат мертв!.. Митридат мертв!.. Да живет долгие годы прекрасный царь Фарнак!.. Слава, слава!..

Эти выкрики волной прокатились всюду и достигли ушей молодого царя, который находился за пределами акрополя и лично в штурме не участвовал. Услышав, что Митридата уже нет в живых, он вздрогнул и в то же время вздохнул облегченно. Сделав молитвенный жест, который видели все, он возликовал в душе, ибо только теперь поверил в победу. Кончилось опасное двоецарствие, всякая борьба сторон становилась бессмысленной. Боспор, потеряв старого властелина, обрел нового вместе с новыми надеждами. Рим избавился от сильнейшего врага, а народы лишились талантливого вождя в их борьбе против Рима.

Начинались новые времена, в истоке которых стоял Фарнак, хотя и не великан, как его отец, но тоже Ахеменид. Унаследованная от предков жажда власти и всеподчинения впоследствии привела его на ту же тропу антиримской борьбы, которая была проторена ранее ратями Митридата. Но это произошло много позже. Сейчас же всякий знал, что молодой царь хочет мира и дружбы с великой державой Запада.

Победа Фарнака была отмечена новым взрывом ликования и разлитым морем заздравных криков как среди войска, так и со стороны боспорских граждан, заполонивших все соседние улицы. Выслушав приветствия с подобающим достоинством, Фарнак спросил приближенных:

— Какой смертью почил мой родитель?

Среди окружающих никто этого не знал. Притащили захваченных во дворце евнухов, но те от страха не могли говорить и еле стояли на ногах, ожидая лютой смерти. Потом привели еще одного пленника, мужа престарелого, с седой головой. Его обнаружили в царской модельне. Это был дандарийский царь Олтак, последний приближенный Митридата. Он упал на колени перед Фарнаком и бормотал что-то невнятное.

... — Дарую тебе жизнь, Олтак! — произнес царь. — Скажи, ты присутствовал при кончине моего отца? Как он умер?

— Евнухов спроси! — простонал Олтак, начиная приходить в себя.— Они видели и рассказали мне, что государь принял яд, но тот не подействовал! Тогда царь стал метаться по опочивальне с криками: «Смерти хочу я, смерти!.. Убейте меня!» В это время евнухи увидели Битоита с мечом, а за ним преследователей из римлян-перебежчиков. И бежали в безопасное место, где их и нашли. Верны ли их слова, не знаю, сам я ничего не видел!

Евнухи кивали головами в подтверждение, хотя покинули Митридата значительно раньше, чем к нему вбежал Битоит.

Затем Фарнак выслушал Гая и Публия, которые поведали ему, что Битоит умертвил царя, отсек ему голову. А воины, защитники Митридата, ограбили его тело, воспользовались несколькими мгновениями до того, как вбежали римляне, которые уже ни китары, ни меча не обнаружили! Пропали самые дорогие знаки царской власти, символы мудрости и силы.

— Кто их взял? Может быть, кельты?

— Нет, кельты большей частью перебиты, остальные перевязаны, у них ничего не обнаружено! — ответил Гай.

— Так кто же?

— Там, государь, остается еще отряд, который дерется лихо, его возглавляет Евлупор!.. Думаю, что он ограбил царское тело!

Глаза Фарнака вспыхнули. Опять Евлупор! Бывший раб смеет становиться поперек дороги царю Боспора!.. Несомненно, что он дерется не за старого царя, ибо того уже нет, но рассчитывает отбиться и ускользнуть с большой добычей!.. А добыча немалая, она даст ему возможность стать пиратским вожаком! Можно ли оставить в его грязных руках священные предметы, знаки царского могущества?.. Нет, боги не простили бы этого!

— И они продолжают сопротивление? — спросил молодой царь.

— Продолжают, государь, умело строят преграды и отбиваются!

— Предлагали им сдачу?

— Предлагали, отказываются!

— Сломить и уничтожить! — повелел Фарнак жестоко.— Китара и меч Митридата должны быть возвращены!

Подумав, он приказал поднять тело отца, обмыть его, одеть в царские одежды и положить на пурпурное ложе.

Фарнак уже сейчас твердо решил отправить труп отца вместе с богатыми подарками и личным посланием за море, к Помпею, как свидетельство искренности его осуждения антиримской борьбы Митридата. И просить великий Рим признать его, Фарнака, другом римлян и царем Понта и Боспора, включая сюда все земли по обе стороны Понта Эвксинского, ранее составлявшие владения отца.

XXXVI

Евлупор и его воины пробирались по кривым коридорам дворца, следуя за проводником Гиероном. Почти все были ранены, изнурены, лишь надежда на спасение придавала им силы.

Вскоре они оказались в пиршественном зале. Предприимчивые кинулись грабить, но ничего, кроме бронзовых кубков и пестрых скатертей, не нашли. Драгоценная столовая утварь хранилась не в трапезной, а в особой сокровищнице, за семью замками. Поэтому и добыча оказалась жалкой, если не считать Митридатова меча, который имел рукоятку, украшенную золотом и самоцветами. Евлупор нес меч как священный дар, врученный ему самим Митридатом. Клинок меча был окровавлен, но воин не решался стереть кровь величайшего из царей, обожествленного при жизни.

Всего за Евлупором пошло около тридцати человек — отряд немалый, которому трудно было пробраться через город незамеченным. Надежда была на приближающуюся ночь. В коридорах было почти темно, двигались, держась друг за друга. Навстречу тянуло чем-то съедобным, что вызывало у воинов сосущее чувство голода.

— Приготовиться к драке! — негромко, но веско приказал Евлупор. — Тут дворцовые рабы могут оказать нам сопротивление, разгромим их!

Выход из коридора в хозяйственный дворик оказался заваленным разной рухлядью, и воинам пришлось разбирать это препятствие. Когда преграда рухнула, навстречу блеснул свет, но вместе с его лучами посыпались камни, даже горшки с горячей золой и угольями.

Это ожесточило наступавших, они с криками ярости ворвались во дворик, убивая всех, кто подвертывался под руку.

Во дворике было еще светло, вверху, между каменных стен, виднелось вечернее небо с красными клочками облаков. Гиерон и Евлупор поспешили к подвалу с целью освободить Евпорию, но нашли подвал пустым.

— Опоздали, хитрый повар посадил ее в другую нору!.. — с досадой сказал Гиерон.

Дракон уже знал о кончине Митридата и сейчас лихорадочно соображал, что делать дальше. Увидев, что его кухонная гвардия потерпела урон в первой стычке и готова разбежаться в панике, он приложил ладони к толстым губам и, стараясь перекрычать шум продолжающейся драки, вскричал:

— Чего трусили? Или вы не видите, это беглецы, остатки разбитой охраны мертвого царя?.. Они хотят разграбить наши склады, а потом новый царь всех нас посадит за это на кол! Скажет: «Это вы грабители!..» Дадим отпор насильникам, позовем подмогу и всех перевяжем! Вот награда-то будет нам от царя Фарнака!

— Чего вам надо? — хрипло спросил Евлупор. — Мы же не воюем с вами... Мы по приказу нового царя пришли забрать узницу, бывшую жрицу Евпорию! Грабить никого не собираемся, склады нам не нужны! Выдайте узницу — и мы уйдем!.. Берегитесь, вам угрожает немилость царя Фарнака за неподчинение его воле!..

— Врет, врет! — завизжал в ярости повар, брызгая слюной. — Этот и другой с ним — дружки Евпории! С ними она творила блуд!.. О каком приказе нового царя он говорит, если я знаю, что Евлупор воин и бывший телохранитель Митридата!.. Чего вы боитесь, остолопы? Хватайте их, они ранены и утомлены, мы сильнее их!.. Эй, дураки, бросайте в них камнями!

Опять посыпались булыжники и черепки. Рабов было много, народ сильный, вооруженный вертелами, ухватами, топорами для колки дров и увесистыми камнями, они пошли в атаку и оттеснили воинов в угол двора, принудив их образовать из щитов заслон, нечто вроде «черепахи», как это делают римские легионеры. Повар руководил военными действиями с немалой расторопностью и смекалкой. Он приказал женщинам принести в кувшинах кипяток из котла и поливать им врагов. Евлупор был почти

ослеплен струей горячей воды, но успел прикрыть лицо, отделавшись ожогами. Гиерон упал от удара булыжником и еле поднялся, чтобы не быть затоптанным своими же. Дракон хохотал, держась руками за отвислый живот:

— Попались, как перепела в тенета!.. Тут вам и конец, мои мальчики!

XXXVII

На кухне собралась толпа рабынь, которые спешили наполнить кипятком бронзовые кувшины.

— Мы вышпарим грабителям глаза! — кричали они в боевом азарте. — Если мы не защитим царского имущества — нас всех казнят!..

— Не грабители они, — возразила молодая рабыня, — это друзья Евпории, они пришли ее освободить! Вот и все!.. Но наш повар сердит на Евпорию за то, что она не захотела стать его любовницей! Вот он и не желает выпустить ее из подвала!

— Ее уже нет в подвале!

— Нет в подвале — сидит в другом месте, у того же Дракона под замком!.. А посадил ее старый царь за святотатство. Теперь старого царя нет! Дракон мог бы без кровопролития передать ее в руки друзей. Разве она нужна новому царю? Он и не спросит о ней!

— А если спросит? Святотатство не прощают!

Евпория слушала эти громкие разговоры, сидя рядом в кладовке. С биением сердца уловила из них, что друзья уже здесь и во дворе идет драка. Она расковыряла щелку в двери и увидела одним глазом внутренность кухни. Женщины вбегали, черпали кипяток и торопились к выходу. Та, которая ей сочувствовала, показалась знакомой. «Это Крато! — воскликнула она мысленно. — Бывшая возлюбленная Дракона! Она обижена им. И одета в самую плохую, рабскую дерюгу из конопли!»

Крато задержалась на кухне с целью подложить в огонь дров и долить водою котел. Евпория выждала время, когда остальные вышли, приложила губы к щелке и попыталась вполголоса привлечь к себе внимание рабыни:

— Крато! Крато!

— Ой, кто это? — испугалась та, оглядываясь. Она готова была подумать, что заговорил из-за печи домовый, который живет здесь.

Но Евпория успокоила ее:

— Не бойся, Крато, это я, Евпория! Тебе не за что сердиться на меня, ведь мы никогда не были соперницами!

— Ой, где же ты, Евпория?

— Я здесь, в чулане. Подойди и скажи мне, что там, во дворе, делается?

— Кто тебя сюда посадил?

— Дракон.

— Тогда я бегу прочь! Если он узнает, что я с тобою говорила, он сживет меня со свету!.. Он ненавидит меня!

— Но он же был твоим другом! Неужели у него не осталось хотя бы капли жалости к тебе?

— Какая жалость у этого борова! Сначала он избил меня из-за ключа, а потом приблизил к себе молодую девку... Меня же заставил мыть горшки и топить печи!.. Все ты виновата!

Она всхлипнула по-бабьи, вытирая нос фартуком.

— Не я виновата, а ты сама! Зачем вмешалась в это дело с ключом от потайной двери?.. Хотя я и благодарна тебе, ты раскрыла эту тайну!.. Но Дракон-то каков! Ты за него в драку лезла, а он наградил тебя палкой и сменял на другую, как собак меняют! Использовал случай, чтобы отделаться от тебя! Не любил он тебя, не ценил твоей красоты и погубил тебя!

— Это верно!

— Так отомсти ему! Или ты трусиха?

— А как же я отомщу ему?.. Он убьет меня!

— Послушай, Крато! Выпусти меня из чулана, никто не догадается, что это сделала ты! А я освобожусь и помогу тебе отомстить!

— Ой, боюсь! Зачем ты хочешь опять подвести меня под удар его жестокой руки?

— Хочу помочь тебе! Ты будешь благодарить меня, право!.. Послушай, я отдам тебе бусы из кораллов, которые мне привезли из-за моря. Они с наговором и приносят счастье!

— Бусы, что ты носила?

— Я и сейчас ношу их!

Соблазн был велик. Подстегнутая возможностью получить дорогое украшение, Крато выбежала из кухни, огляделась, нет ли кого вблизи, и вернулась обратно.

— Выпусти меня, Крато, не пожалеешь! — умоляла Евпория.

— А бусы?..

— Ты их получишь сейчас же!

С бьющимся сердцем, полная страха перед гневом всесильного повара, рабыня отодвинула засов. Евпория вышла из чулана с поспешностью, боясь, как бы ее освободительница не передумала. Евпория хорошо знала расположение кухонных помещений и сразу направилась к небольшой дверце за очагом, откуда ей было легче присоединиться к Евлупору и Гиерону.

— Евпория, подожди!.. А бусы-то, забыла?

— Вот они. Лови!

Евпория сорвала с шеи нитку кораллов и бросила их Крато. Подумала при этом с замиранием сердца: «Опять-таки подарок Гиерона оказался не случайным! И тут рука богов!»

Через мгновение она была во дворе и сразу убедилась, что присоединиться к друзьям не так просто. Повар расставил своих людей поперек двора с целью не пропустить противников к заветному выходу. Евпория оказалась в тылу кухонного воинства, и, конечно, тут же была замечена.

— Евпория выбралась из кладовой! — доложил повару раб-уборщик, надеясь на этот раз заслужить похвалу.

— Как выбралась? — побагровел повар. — И ты не задержал ее?.. Ах ты чурбан этакий!

— Опять не угодил, — с душевной горечью поник головой раб.

— Ловите, ловите ее, не давайте ей присоединиться к остальным грабителям!.. Ах, мерзавка!

Дракон сам кинулся преследовать беглянку. Та, спасаясь от врагов, метнулась было во дворцовый коридор, но он оказался заваленным дровами и камнями. «Боги, вразумите, что мне делать?» — взмолилась женщина в отчаянии. Ускользнув от погони, она оказалась среди кустов шиповника, вблизи потайной двери. И вздрогнула от неожиданности, увидев перед собою женскую фигуру, которая протягивала к ней руки.

— Кто ты и откуда? — с суеверным страхом спросила жрица.

— Это я, Дидона!.. Я спряталась между дверьми по-

тайного выхода! Услыхала крики, вышла посмотреть... Поспеши, госпожа, а то нас схватят!..

Взявшись за руки, обе женщины устремились по дорожке меж кустов к стене, где чернел открытый выход.

Преследователи отстали от них на один миг. Когда они, размахивая вертелами, подбежали к стене, то наткнулись на обитую медью, наглухо закрытую дверь.

— Поймали? — спросил повар, появляясь за их спинами. Он задыхался от быстрого бега.

— Нет! — ответил уборщик, который бежал впереди других, желая поймать беглянку своими руками.

— Как нет, болван?.. Куда же она девалась?

— А вот куда — ума не приложу!..

Дракон подбежал к двери и от ярости и досады чуть не лопнул. Ему стало ясно, что ключ был у Евпории и она воспользовалась им.

— Эх, дурак я, дурак! — заголосил он по-бабьи.— Это Гиерон передал ей ключ, и она держала его при себе!.. А я не обшарил ее одежду!.. Ай-ай!..

Произошло замешательство, которого было достаточно, чтобы Евлупор и его воины оправились и перешли в наступление. Теперь рабы оказались в обороне. Но, прижатые к стене, они вдруг набрались решительности и дрались с таким отчаянием, что Евлупор стал сомневаться в успехе. Его воины были измучены и голодны, покрыты ранами. Он оглянулся назад, ожидая удара в спину. Люди Фарнака могли нагрянуть внезапно и решить сражение в свою пользу.

— Пропустите нас к тайному выходу! — обратился он к Дракону.— Мы уйдем в город и не тронем никого!.. Только выдайте нам узницу Евпорию!.. Не отдадите — мы побьем вас!

— Ого! — нагло рассмеялся повар.— Наши люди побежали за подмогой, и воины царя Фарнака уже спешат сюда!.. Они переколют вас, как свиней!

— Скажите, за что вы сражаетесь, чего вам надо?.. Пропустите нас, мы отдадим вам ключ от тайного выхода!..

— Ключа у вас нет, он у Евпории!

— Почему же ты не взял его у Евпории?

— Как не взял? — расхохотался повар.— Ключ у меня, а подлая блудница сидит под замком!

— Неправда, неправда! — раздался голос Евпории.— Ключа у меня не было, нет его и у Дракона!.. А выход закрыт, как всегда!

Все устремили взоры на бывшую узницу, которая вышла из-за кустов шиповника и бесстрашно стояла перед врагами.

— Если сюда придут люди Фарнака,— продолжала она,— я сама расскажу, как Дракон с друзьями грабили царские кладовые!.. И ныне собирались вынести в город дорогую посуду и вина! Это мне рассказала Крато, она все знает!.. Дракон и все вы будете распяты на крестах или посажены на колья! А Дракона ждут еще муки на дыбе, ибо он главный вор!

— Где Крато?! — взревел Дракон, чувствуя, что почва уходит из-под его ног. Ему показалось, что все подчиненные смотрят на него подозрительно, с упреком.

— Крато в безопасности! — ответила Евпория.— И даже если вы схватите или убьете меня, она упадет к ногам царя Фарнака и все расскажет ему!.. Она за дверью тайного хода!

— Слушай, Евпория,— неожиданно смягчился повар, лихорадочно соображая,— действительно, зачем нам поднимать шум и вредить друг другу?.. Открой выход, пропусти друзей, пройди сама! А потом — оставь ключ мне, ведь тебе, как беглой, он не понадобится! А мне он вручен царем для сохранения! И с меня новый царь взыщет за его потерю!

Последние слова Дракон произнес особенно громко и внушительно, дабы все слышали и убедились, что он доверенный царский и добивается возвращения ключа не в личных целях.

— Соглашайся, Евпория! — вскричал Гиерон в нетерпении.— Демон с ним, с ключом!.. Да и какое нам дело до того, что Дракон задумал ограбить царскую кухню!

Он уже сообразил, что Дидона не сидела праздно в безопасном убежище, но сумела помочь Евпории и всем им. «Молодец девка! А я всегда считал ее глупой!» — подумал он.

— Хорошо, я согласна! Отойдите от дверей и дайте проход воинам! — сказала Евпория.

— Поклянись, что отдашь ключ! — домогался недоверчивый повар.

— Клянусь Афродитой Пандемос, жрицей которой являюсь!

Дракон сделал знак рукой, рабы расступились. Евпория провела друзей к заветной двери.

— Открывай, Евпория, торопись,— сказал Евлупор.

Жрица протянула руки и произнесла условленную фразу:

— Афродита возлюбила тебя!..

Раздался скрежет замка, потом скрип двери, которая медленно распахнулась. Все ахнули, еще не понимая, в чем дело. Но, заметив на пороге Крато и незнакомую женщину, поняли, что в этом случае обошлось без колдовства. Воины устремились в проход, последними за ними следовали Евлупор, Гиерон и Европия. Сзади, отдуваясь, трусил Дракон.

— Европия! — вскричал он хрипло.— Стой!.. Ты клялась отдать ключ!.. Так держи свое клятвенное слово!

Он нагнал жрицу под сводами прохода. Та повременила, пока выйдут все, и протянула повару бронзовую змею.

— Бери, да не вздумай учинить за мной погоню! Никто за стенами кухни не должен знать, что мы прошли этим ходом, пока мы не будем в безопасности! Поймают нас — мы выдадим все твои дела! Не забудь — Крато с нами!

— Что ты, Евпория, разве я враг самому себе?

Он с жадностью ухватился толстыми пальцами за драгоценный ключ. Уже наступили сумерки, и воины казались серыми тенями, бесшумно удаляющимися вслед за вожаком.

— Помни, Дракон,— слышался голос уходящей Евпории,— ты обнаглел и намеревался при помощи ключа продолжать свои делишки!.. Теперь вся кухня знает о них, и к утру твои же люди предадут тебя! Ты не избежишь пыточного застенка!

— Беги, Евпория, беги,— ответил Дракон злорадно.— И помни — от длинной руки хозяев никуда не скроешься!

— Это мы еще посмотрим! — отозвалась Евпория, привычным движением ощупывая шею. Ей захотелось прикоснуться к кораллам, подарку Гиерона. Вспомнив, что отдала их Крато, издала возглас сожаления, так как

считала, что кораллы имеют магическую силу. Крато шла рядом и поняла, в чем дело.

— Они здесь, у меня, Евпория! — отозвалась она с живостью. — Возьми эти бусы, они дороги тебе!

— Нет, нет! — поспешно ответила Евпория. — Раз они ушли от меня, значит, так надо!.. Они уже сослужили мне службу, пусть теперь принесут тебе счастье!

Повар с досадой смотрел в темноту, вслед беглянкам. Его подмывало направить по их следу царских воинов, но боязнь пострадать за свои проделки остановила его.

— Каждая женщина — змея, — прошептал он в сердцах. — И Крато такая же — предала меня, подлая! Может, и другие... предадут?.. Впрочем, этого не будет, вся кухня у меня вот где!

Он сжал кулак и погрозил им кому-то в сгущающуюся темноту. Вздохнув с сожалением, что не предусмотрел всего, он возвратился через потайной вход, у которого толпились преданные ему люди. Многие были с узлами и корзинами. Они ожидали его разрешения вынести эти подозрительные ноши из акрополя под прикрытием ночи.

XXXVIII

В укромной бухточке у самого берега покачивалось на волнах судно, удерживаемое якорем и канатом, протянутым к столбу, вкопанному в прибрежный песок.

Это был большой баркас, подобие греческой униремы с одним рядом весел, с надстройкой на корме и узкими мостками посредине, чтобы можно было пройти между рядами гребцов.

Под мостками были навалены бочонки с пресной водой и плетеные корзины с копченой рыбой. У подножия мачты лежал свернутый парус, конец которого свесился с борта и купался в море.

На таких судах можно плавать далеко, придерживаясь прибрежных вод, с расчетом укрыться в естественных гаванях от губительных штормов.

Панталеон сидел в рубке и пил кислое вино, заедая его стручками соленого перца, которые извлекал пальцами из глиняного горшка. Он пыливо поглядывал в оконце на серые скалы в глубине берега и пытался представить, как обернулось дело в Пантикапее. Уда-

лось ли Асандру разграбить царский караван и освободить двух царевен или нет?.. Он и думать не мог о том, что всесильного — Митридата уже нет, вместо него воцарился новый владыка — Фарнак! «Нет хуже ожидать,— думал моряк,— куда лучше было бы действовать совместно с Асандром!.. Может, он нуждается в помощи?» Панталеон был душой предан Асандру и волновался за его жизнь.

Миновал день, а за ним ночь, потом еще день. Море было все так же спокойно, и ритмические покачивания судна, вкупе с глотками вина, вызывали сонливость. И только в начале следующей ночи чуткое ухо сторожевого матроса уловило скрежетание гальки под подошвами многочисленных ног, торопливо шагающих по берегу. Послышались неясные возгласы и как бы звяканье оружия.

Сторожевым был Флегонт, который уже несколько раз заглянул к Панталеону — приложиться к кружке, причем уверял, будто вино бодрит его, прогоняет сон.

— Пей, пей,— ворчал Панталеон,— да дело разумеи! Не усни!

Едва выйдя, Флегонт вдруг вернулся с настороженным лицом.

— Чего тебе?.. Не успел усы обсушить — да опять за кружку?.. Хорош часовой!

— Не то!.. Какие-то люди на берегу! Похоже, много, спешат и вооружены!

— А, это они! — оживился Панталеон, вскакивая на ноги.— Больше тут быть некому!

— Поднять людей надо бы! А вдруг измена какая! — предложил недоверчивый Флегонт.— У меня с вечера что-то сердце ноет! Не к добру!..

— Экий ты, братец! Тебе не воином быть, а предсказателем! Что ж! Поднимай людей, а я выйду на берег!

— Меч-то возьми, время ночное!

Панталеон опоясался мечом и со спокойной душой оказался на мостках. Потом с ловкостью медведя спустился по трапу, немного не достигающему суши, и побрел по колено в воде к берегу. Теперь стало видно, что на берегу стоит толпа людей, которые сгруппировались, как бы совещаясь.

— Угу-угу! — негромко заухал Панталеон, довольный возвращением друзей.

Это был условленный сигнал, и Асандр сейчас ответит на него. Однако вместо голоса Асандра Панталеон услышал визг стрелы, пущенной во тьме наугад. И сразу нечеткие тени людей одновременно кинулись навстречу. Панталеон выхватил из ножен меч и стал отбивать удары копий. «Чужие люди, разбойники!» — мелькнуло в голове.

— Э-го-гой! — закричал в полный голос Панталеон, повернув голову.— Измена!.. К оружию, братья!

И в два прыжка, оторвавшись от лихих гостей, вновь оказался на трапе.

— Руби канаты! — громко приказал он, понимая, что единственно правильное решение сейчас — отчалить от берега и спастись бегством в море.

На судне замелькали огни, потом показались вооруженные, еле проснувшиеся матросы. Это были евпатористы и «ледовые братья», люди верные, преданные Асандру. Но враги были уже на трапе, их было много, напали они с яростью бойцов, привычных к схваткам. Тогда Панталеон еще не знал, что имеет дело с шайкой опытных пиратов из числа сборного Митридатова войска. Пользуясь суматохой, пока шла потасовка в акрополе, они совершили грабежи и теперь бежали вдоль побережья с тюками награбленного. Они уже знали о смерти старого царя. Неожиданная встреча с судном, стоящим у берега, была для них находкой. После короткого совета пираты дружно атаковали судно, полагая без большого труда перебить находящихся на нем рыбаков.

Отпор оказался достойным, и злоумышленники были озадачены, стоит ли продолжать драку. Но их главарь думал иначе. Он был моряк и полагал, что, выйдя в море даже на такой утлой посудине, они окажутся в большей безопасности, чем на суше.

— Не отступайте, судно будет нашим! — вскричал он.

Схватка усилилась. Пираты оказались уже на мостках, разили не разбирая, с криками и яростными ругательствами. Панталеон был ранен, его правая рука повисла без движения, он отмахивался левой, чувствуя, что долго не продержится. Глухо шлепали сбрасываемые в воду трупы. Стало очевидно, что враги многочисленны и через несколько жарких мгновений все будет кончено.

Получив удар по голове, Панталеон упал на сиденья гребцов, сейчас пустующие, ушибся, но сознание потерял не сразу. Более того — уловил сквозь шум сражения условленное уханье, что донеслось с берега. Это было подражание крику совы.

— Асандр!.. Это Асандр! — прошептал беззвучно Панталеон и, собравшись с силами, ответил на сигнал таким же совиным уханьем. Почувствовав тошнотворное головокружение, он свалился на дно униремы бездыханным.

Очнувшись от жгучего ощущения во рту. Открыл глаза и зажмурился, ослепленный светом факелов. Подумал, что находится на том свете и зрит огни Аида. Открыв глаза еще раз, увидел Гиерона, который вливал ему в рот вино.

— Жив!.. Жив!.. — слышались вокруг возгласы облегчения. — Живуч старый моряк!.. Вставай, дружище, враги побиты, разогнаны!

Преодолевая слабость и тупую боль в отяжелевшей голове, Панталеон приподнялся. Теперь он разглядел Евлупора в доспехах царского воина, а вокруг него таких же шлемоносных царских стражей. Асандра не было, как не было и людей, кроме Гиерона. Мелькнула тревожная мысль, что все рухнуло, Асандр схвачен, а Евлупор с воинами послан сюда забрать их, как участников заговора!.. А Гиерон?.. А Гиерон или изменник, или привел воинов по принуждению, как проводник. Теперь Митридат расправится с ними, приверженцами Асандра!

— Что ты оглядываешься, Панталеон? — рассмеялся Гиерон, протягивая флягу. — На, хлебни еще на здоровье. Кажется, ты не узнал меня?

— Ты привел царских стражей, — с укоризной покачал головой моряк. — Они спасли нас от кинжалов разбойников, зато поведут на суд к Митридату, не так ли?

Гиерон расхохотался, Евлупор усмехнулся в ответ на эти слова.

— Какая царская стража, друг?! — воскликнул Гиерон весело. — Какой Митридат?.. Нет уже Митридата, боги забрали его в царство теней! Умер Митридат!

— Великие боги! — раскрыл глаза Панталеон. — Да не лжешь ли ты, Гиерон, или насмехаешься?

— Ни то, ни другое!

— Почему нет Асандра и его людей? Схвачены или погибли?

— Наш господин и Асандр свободен и благополучен! Он сейчас в почете у нового царя и стал его правой рукой!

— У какого нового царя?

— Ах, Панталеон, ты отстал от жизни! Теперь, когда умер Митридат, царем стал молодой и храбрый Фарнак! Да споспешествуют ему боги! И пришел он к власти благодаря стараниям Асандра! Да!.. Если бы не ум и смелость нашего хозяина, никогда не быть бы ему царем!

— Тьфу ты, Гиерон, какие новости... Поддержи меня, я встану, и помоги мне осмотреть руку, цела ли кость... Дай сообразить. Что же теперь делать?

— А вот за этим-то я и явился, по приказанию Асандра! Тебе и твоим людям здесь, на корабле, больше нечего делать! Асандр хочет видеть тебя, ты нужен ему!.. Вставай и вместе с евпатористами спеши в акрополь! Асандр ожидает вас с нетерпением. Дела много!.. Жаль, ты помят и ранен!

— А судно? — спросил Панталеон, вставая на ноги и морщась от боли.— Кажется, я не только ранен, но и повредил колено!

— Судно?.. Гм...— Гиерон переглянулся с Евлупором многозначительно.— Судно приказано передать Евлупору, мужу достойному, с его людьми! И груз, какой есть, тоже! А куда он поплывет и зачем, не твоя забота!.. Он получил повеление.

Панталеон был тугодум и не сразу сообразил, что и как. Необыкновенные известия совсем сбили его с толку, он растерялся и не знал, как поступить. Однако, рассудив, не мог допустить, что Гиерон изменник и поступает вопреки интересам Асандра.

— Так, так! — произнес он неопределенно, водя глазами по лицам стоящих перед ним людей.

— Поспеш с раздумьями, Панталеон,— торопил Гиерон, помогая ему сойти на берег, где уже толпились воины Евлупора и люди из команды корабля, те и другие потрепанные в схватке, поредевшие.— Заметь, Панталеон: Евлупор и его воины кровью своей защитили тебя и судно от нападения лихих людей!.. А люди эти — беглые Митридастовы воины!.. Погляди!

Гиерон показал на труп одного из нападавших, который при свете факелов казался спящим на песке. Он был одет и вооружен, как пеший гоплит.

— Благодарю тебя, Гиерон, и тебя, Евлупор,— вы спасли жизнь мне и моим людям! И хоть мне не совсем ясно, как и почему, Евлупор, ты попал сюда, я молчу!.. Может, и ты такой же беглец, как эти убитые. Но слово моего хозяина и друга Асандра — закон для меня! А Гиерону я верю, тем более что он своей головой ответит перед Асандром, если что не так!.. Эй, люди, все на берег, оставляйте корабль! Ничего не брать! Захватите лишь мой глиняный кувшин с вином! У меня пересохло во рту!

XXXIX

Нельзя сказать, что команда евпатористов с большой охотой сошла на берег. На корабле хорошо спалось, имелись питье и еда. Теперь, когда разбойники были побиты или отогнаны, всем, кто уцелел после битвы, казалось более безопасным оставаться на судне, нежели тащиться в город, где, как стало известно, происходили необыкновенные и кровавые события.

Но Панталеон, несмотря на малый рост, не любил противоречий и умел настоять на своем. Он прикрикнул на матросов и заявил, что рассуждать не их дело, а кто будет ворчать, получит палкой по заду.

Евпатористы не спеша, вразвалку сошли на ночной берег, успев, однако, ограбить трупы врагов и снять с них оружие и одежду, что получше. Своих убитых собирали и опустили в песчаную яму, вырытую наспех. Панталеон поднес факел к лицу одного из павших и вздохнул, узнав в нем Флегонта.

— Кажется, друг, на этот раз твое сердце ныло на зря! — произнес он с чувством сожаления. — Не обижайся, что хороним тебя не по обычаю!.. Клянусь вернуться в ближайшем будущем с друзьями для поминальной тризны и принесения жертв!

И приказал зарыть трупы. Когда все было кончено, сотворил заклинание и, приняв от матросов глиняный сосуд, сделал возлияние на могилу. Остальное было допито вкруговую.

Новые хозяева уже стучали пятками по палубным мосткам и весело переговаривались, освещая факелами

бочонки с водой и продовольственный груз. Все были радостно настроены, несмотря на усталость и потрясения минувших событий. Люди были привычны к дракам и не пугались пролитой крови. Сейчас, не прерывая оживленной переклички, они выбрасывали за борт тела убитых, не разбирая, чьи они — врагов или друзей. Их бодрило счастливое сознание благополучно избегнутой опасности. Кровавые сражения остались позади, чувства отчаяния и безысходности как не бывало. Впереди грезилась родина, при одном воспоминании о которой сердце каждого трепетало и на глазах наворачивались невольные легкие слезы.

— Домой! Домой! — таков был клич всех сердец в эту минуту, клич беззвучный и в то же время слышимый всеми и близкий каждому.

Располагаясь на судне, бывшие царские защитники выражали одобрение Евлупору, убедившись, что он муж достойный и необыкновенный. Он чудом вывел их из акрополя, вырвал из когтей смерти или рабства, а теперь предоставил им корабль, на котором под его водительством они преодолеют все опасности морского плавания и достигнут родных берегов!

Евлупор и его друзья стояли в стороне на песчаном берегу, еле освещенные звездами и отблесками волн.

— Кажется, пора, — сказал Евлупор. — Надо ценить время, что дано нам богами! Оно может внезапно кончиться!.. Зови, Евпория, Дидону и Крато, взойдем на корабль и возблагодарим богов!.. Здесь нам делать нечего. Умер Митридат — умерла и моя вера в царей! Митридату я верил, как богу, а он обманул меня!

— Как обманул? — спросил удивленный Гиерон.

— А так. Я считал его непобедимым, а он оказался побежденным! Я видел в нем мудрейшего из мудрых, а он сделал так много ошибок!.. Я хотел драться за него до последнего дыхания, а он оказался малодушным и поспешил уйти из жизни, испугался новой борьбы и лишений!.. Я открывал перед ним двери свободы — он же предпочел ворота Аида! Он оказался человеком, таким же, как и другие, — со слабой душой!.. После Митридата я уже не смогу поклоняться, как богу, другому царю, тем более Фарнаку, даже если бы он и помиловал меня! Поэтому — бегу от царей и их блеска, холодного и обманчивого, как огонь на болоте! Я бегу из Пантикапея, прокля-

того города господ и рабов! Здесь правят жестокие люди, хозяева, господа,— я не хочу быть их рабом!.. Здесь все враги мне — новый царь Фарнак, и Парфеннокл... Подальше от них! Бежим, друзья, бежим! Найдем свободное племя, которое нас усыновит. Будем работать, трудиться, но уже не на хозяев и не на царей... Мы будем людьми среди других людей. Как ты думаешь, Гиерон, и ты, Евпория?

— Я думаю так же, как и ты! — ответила Евпория с волнением.— Мне здесь не жить. Если меня схватят, то отдадут в руки противного Жабы-Клитарха или толпа забьет меня камнями! Новый царь едва ли защитит меня. Поспешим, я готова!..

Гиерон вздохнул, ничего не говоря, Евлупор положил ему на плечо тяжелую руку.

— Чего печалишься, дружище? Ведь подлинный герой сегодняшней ночи — ты! Это твоя золотая голова, твоя находчивость победили! Чего грустить?.. Сядем на корабль и бросим жребий иной судьбы! Будем искать счастье в других краях!.. Скажу вам — там, на дальнем берегу, у меня кое-что есть, закопано в землю!.. Значит, с голоду не умрем! А главное — станем свободными!

— Свободными? — в печальном раздумье молвил Гиерон.— Свободными?.. А ведь свободы нет нигде, ты не раз говорил это, да и я сам в этом убедился! И за морем — цари, хозяева и рабы!.. А после смерти Митридата все возьмет в свои руки Рим, владыка жестокий. От него не скроешься, не убежишь!..

Он с сожалением взгляделся в едва различимые черты лица Евпории, выступающие в призрачном отблеске ночного неба. Подумал об их многолетней дружбе. И добавил:

— Я на море страдаю головокружением и тошнотой... Буду обузой для вас!

— Так что же ты? Не хочешь ли сказать, что остаешься?! — удивленно воскликнули оба.— Бежим, друг, здесь тебя ждут новые испытания!

— Нет! Не могу оставить хозяина... Сейчас времена трудные, и я еще понадоблюсь ему! Да и Пантикапей — моя родина... А вы — плывите, не теряйте времени!

— Это твое последнее слово?

— Последнее, Евлупор! Мне за морем искать нечего, я уже был там и еле остался жив!

— Подумай, брат! — воскликнул Евлупор. — Ведь тебя могут обвинить в тайном содействии нам, Митрида-
товым защитникам! Выдадут тебя!

— Кто выдаст? Дракон, толстый повар?.. Он и рта не раскроет, ибо знает, что тогда ответит за все свои темные дела! Нет, этого я не боюсь!

— Тогда Панталеон выступит против тебя! Ведь ты ему сказал, чтобы он по приказу Асандра корабль передал нам!.. Это же неправда! И хозяин взыщет с тебя за ложь и за потерю судна! Опять сделает тебя рабом!..

— И этого не боюсь!.. Неужели спасение жизни Панталеона и всей команды не стоит этой гнилой барки?.. Это всего лишь небольшая оплата того ратного труда, которым вы спасли их! Если бы не ты, Евлупор, пропали бы и корабль, и вся артель евпатористов! Панталеон кормил бы рыб своим телом... Нет, я не боюсь! Асандр поймет и оценит!

В это время из тьмы вынырнула фигура Панталеона, который приблизился, хромая.

— Чего ты медлишь, Гиерон? — спросил он с хрипотой в горле. — Вижу, и тебе хочется отправиться в плавание?

— Что ты, Панталеон, я не переносу качки! Я просто задержался с друзьями перед их отплытием!.. Иди, я догоню тебя!

Друзья обнялись. Прежде чем ступить на трап вслед за Евпорией, Евлупор протянул Гиерону обнаженный царский меч, на рукояти которого горели тысячи звезд.

— Возьми это и отдай Асандру, а он передаст Фарнаку! Это меч Митридата и принадлежит его наследнику! А мне царских подарков не надо!

Отплывающие взошли на борт судна, теперь их было лучше видно на фоне зарождающегося утреннего сияния. Гиерон вздохнул надсадно.

— Прощай, Гиерон! — слышался голос Евлупора. — Спасибо тебе за дружбу и великую помощь! Вечно буду поминать тебя перед богами!.. Если соберешься бежать из этого города лжи и рабства, ищи меня около Диоскуриады! Встречу тебя как брата!.. Прощай!..

— Прощай, Гиерон! — продолжила Евпория. — Ты хороший друг и человек, но сердце у тебя мягкое! Ты проживешь с хозяином, благо он ценит тебя как слугу! Ты нашел около Асандра свое место в жизни!.. А я

искала свободы и счастья без хозяев, да так и осталась рабой!.. Ты получил вольную от Митридата!.. Я же попытаюсь найти волю в чужом краю! Если утону в море — не обидно, погибну свободной!.. Прощай, друг!..

В ее голосе прозвучали нотки былой нежности и ласки.

Канаты были выбраны. Судно покачивалось на волнах, отдаляясь от берега. Воины сели за весла, уключины закрипели, вода забурлила, и в предутреннем воздухе звучно разнесся плеск десятков весел, загребаяющих воду. Потянул ветерок, с моря двинулся туман, который скоро поглотил корабль. Слышались мерные всплески весел, потом затихли.

Постояв некоторое время в одиночестве, Гиерон еще раз вздохнул и, поеживаясь от утренней прохлады, снял накидку и завернул в нее драгоценный меч. Потом бросил последний взгляд на пробуждающееся море и не спеша побрел в сторону города, вслед за людьми Панталеона.

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Повествование обрывается на событиях, происшедших в столице Боспорского царства Пантикапее в шестьдесят третьем году до нашей эры. Оно было бы неполным, если бы мы не рассказали кратко о дальнейшей судьбе некоторых персонажей романа и Боспора в целом.

Неукротимого Митридата не стало. Рим вздохнул облегченно, узнав о его смерти, и объявил десятидневные торжества по случаю избавления от одного из наиболее опасных врагов. Но история не закончилась со смертью царя-полководца. Цари приходят и уходят, а народы остаются и продолжают борьбу за существование. На смену одним вождям выдвигаются другие, которые в ходе истории возносятся на гребень событий и в свою очередь так или иначе сами влияют на исторический процесс, вносят в него черты собственной индивидуальности.

Митридата сменил его сын Фарнак, который сразу после захвата власти поспешил выдать труп отца римлянам и заверить Помпея в своей преданности Риму и готовности быть верным исполнителем его воли. В стремлении укрепиться на отцовском троне любой ценой молодой царь не поскупился и на подарки римскому полководцу. В их числе оказались драгоценный меч Митридата в ножнах стоимостью в четыреста талантов и не менее дорогая золотая китара — головной убор бывшего царя.

Гаю и Публию не удалось использовать эти бесценные реликвии царской власти в своих целях. Фарнак вернул похищенное, выявил похитителей и «наказал их», как об этом свидетельствует историк. Однако остается неизвестной мера этого наказания, равно как и последующая участь римских перебежчиков. Заслуги Фарнака были признаны. Как-никак, разделившись с отцом, он вынул из тела римской империи болезненную занозу, каковой являлась многолетняя борьба Митридата против Рима.

Но, признав Фарнака царем, Рим оставил под его властью лишь Боспор и Херсонес, очевидно не желая восстанавливать обширного Митридатова царства, которое могло бы стать ареной подготовки новой антиримской войны. Как видно, Фарнаку полностью не доверяли.

Даже Фанагории в поощрение за ее противодействие Митридату была предоставлена автономия, а ее прави-

тель Кастор провозглашен «другом римского народа», на равных правах с Фарнаком.

Фарнак, претендовавший на власть над землями по обе стороны Понта Эвксинского, а тем более над Фанагорией, проглотил горькую римскую пилюлю без возражений, удовольствовался малым, затаив претензии на большее до лучших времен.

Братья Фарнака, плененные фанагорийцами, а также сестры Эвпатра и Орсабарис и другие близкие Митридату люди, в том числе и дандарийский царь Олтак, угодили на пышный триумф, устроенный в Риме в честь Помпея, и в качестве живых трофеев шествовали по римским площадям под улюлюканье и обидные выкрики толпы.

Все фамильные драгоценности Митридата, оказавшиеся в руках Помпея, также были выставлены напоказ римскому плебсу. Здесь оказались — статуя царя, отлитая из чистого золота, золотое ложе, на котором, по преданию, возлежал сам Дарий Гистасп, царь Персии, предок Митридата, и другие предметы, включая меч и китару, упомянутые выше.

Фарнак царствовал на Боспоре шестнадцать лет. Его подчинение Риму в значительной мере являлось номинальным. Раздираемый междоусобными распрями, «вечный город» не находил времени и средств для удержания в покорности далекой «гиперборейской» страны. И не вступился за преданную ему Фанагорию, когда Фарнак, выждав удобный момент, огнем и мечом разделался с ее автономией и с жестокостью завоевателя включил все земли по ту сторону пролива в состав своих владений.

Окрыленный успехом, рассчитывая на внутреннюю слабость Рима и силу антиримских настроений среди народов Южного и Северного Причерноморья, властолюбивый царь вознамерился предпринять следующий решительный шаг — силой вернуть себе корону Понтийского царства как наследственного владения отца.

И вот в сорок седьмом году до нашей эры этот достойный преемник своего воинственного родителя испросил благословение богов и ступил на роковую для него тропу новой антиримской войны!

Он сколотил сборное войско, в котором наряду с боспорской пехотой было много скифо-сарматских конных отрядов. Историк упоминает, в частности, о конных ратях аорсов и сираков, что кочевали в низовьях Дона и южнее.

Мы не знаем, как далеко простирались замыслы Фарнака. Но, появившись с немалым войском на южных берегах Понта Эвксинского, он показал себя незаурядным полководцем. Война началась блестящими победами и захватом обширных земель бывшего Понтийского царства, включая его столицу Синопу.

Отвоевав отцовские владения, Фарнак готовился двинуться на запад, в сторону Эгейского моря,— возможно, намереваясь принудить римлян к почетному для него миру или вытеснить их с Анатолийского полуострова совсем. Но честолюбивый царь переоценил свои силы.

Около города Зелы, расположенного южнее Синопы, войско его было остановлено римскими легионами, возглавленными Юлием Цезарем. Произошла битва, в итоге которой Фарнак был разбит наголову и вынужден был бежать в Синопу, под прикрытия крепостных стен.

Победа прославленного римского полководца над смешанным, многоплеменным войском не столь уж могущественного боспорского царя, казалось, не могла украсить лавры Цезаря больше, чем его победы в Галлии. Но Цезарь нашел уместным послать в Рим известие, состоящее из трех горделивых слов: «Пришел, увидел, победил!». Это является своеобразным свидетельством того, насколько римляне были обеспокоены вспышкой антиримской борьбы восточных народов и какое значение они придавали разгрому войск нового их вождя — Фарнака!

Беда не приходит одна. Отбывая за море на войну, Фарнак оставил за себя наместником царства и хранителем трона Асандра, которому всецело доверял, как верному другу и соратнику. Асандр же, втайне убежденный в неуспехе антиримского похода Фарнака, как видно, решил, что настал и его черед добиться желанного, осуществить честолюбивую мечту. Еще до роковой битвы при Зеле боспорский архонт и стратег провозгласил царя низложенным и взял в свои руки всю полноту власти.

Нужно думать, что Фарнак был извещен о предательстве Асандра и захвате им власти, но отложил расправу с изменником до благополучного окончания войны, вернее — до исхода той решающей битвы с войсками Юлия Цезаря, которая должна была определить победителя.

Победил Рим, а Фарнак оказался на положении «царя без царства». Последней его попыткой удержаться от окончательного падения было бегство из осажденной Си-

нопы с горсткой воинов. Он пересек на корабле Понт Эвксинский и высадился в Феодосии с твердым намерением вернуть себе боспорский трон и покарать изменника.

Используя связи с кочевниками, он наспех собрал отряды скифских и сарматских удальцов и выступил с ними против Асандра. Последний встретил бывшего друга и государя во всеоружии и после недолгой кровавой борьбы одержал победу.

Фарнак, вторично разбитый на поле боя, умер от полученных ран.

Трудно поверить, что захват власти на Боспоре был всего лишь дворцовым переворотом, совершенным честолюбивым Асандром на свой страх и риск. Несомненно, он явился еще одним «зигзагом» в политике Боспора, который, лавируя в интересах собственной самостоятельности и безопасности, поспешил отмежеваться от незадачливого государя, предугадав его неудачу. И этим еще раз предотвратил перенос губительной войны с южного берега Понта Эвксинского на берега Тавриды. Асандр же оказался наиболее внушительной фигурой для осуществления смелого замысла.

Приход к власти Асандра означал восстановление проримской политики Боспора. Однако новый самочинный правитель на первых порах не удостоился признания Рима. Более того — Цезарь направил в Пантикапей своего ставленника, некоего Митридата Пергамского, якобы побочного сына покойного Митридата VI.

Новый претендент на боспорский трон двинулся против Асандра через Кавказ с большим войском. Но и ему не повезло. Решительный Асандр одолел его, то есть дерзнул выступить против Рима, показав этим, что он не одинок, его поддерживает весь боспорский народ, опираясь на который он готов постоять за себя перед любым врагом. Таким образом, устранив Фарнака и разделившись с римским ставленником, Асандр укрепил свое положение как глава государства. Этому способствовало и то, что со стороны Рима ответной акции на боспорские дела не последовало.

Возможно, Цезарю, занятому кровопролитной борьбой с политическими соперниками, было недосуг снаряжать экспедицию в далекую Тавриду, да еще после неудачи, постигшей Митридата Пергамского. Не исключены и опасения римских властителей увязнуть в войне с многолюд-

ными воинственными племенами Северного Причерноморья, среди которых были еще живы антиримские настроения и которые могли прийти на помощь Асандру.

Как бы то ни было, Асандр продолжал управлять Боспором. Понимая, что его спорное родство с угасшей династией Спартокидов мало весомо в глазах боспорских городов, а тем более в среде сопредельных народов, сохраняющих память о Митридате, он решил упрочить свою власть династическим браком. И шестидесяти трех лет от роду женился на шестнадцатилетней дочери Фарнака Динамии, внучке великого Митридата.

В год смерти Цезаря Асандр провозгласил себя царем Боспора и благополучно царствовал на протяжении двадцати семи лет, пользуясь признанием Рима. Он сумел подобрать преданных людей, которые верно служили ему. Среди них известно имя Панталеона, получившего звание наварха, начальствующего над флотом.

Сведений о царствовании Асандра сохранилось очень мало. Однако есть указания, что он был энергичным правителем и предпринял ряд мер против морского пиратства, с целью восстановления торговли с заморьем. Ограждая боспорские владения от набегов соседних скифских племен, он построил на западной границе царства земляной вал с башнями, протяженностью в 360 стадиев (около 64 км). Есть основания предполагать, что он укрепил централизованную царскую власть на Боспоре, значительно урезав права местных общин, в том числе и пантикапейской, из которой вышел сам.

Асандр имел от Динамии сына Аспурга, который также царствовал несколько позже под именем Рескупорида.

Уже стариком, девяноста трех лет от роду, Асандр сам ушел из жизни. Престарелый царь покончил самоубийством, то ли утомившись жизнью, то ли не будучи в силах противостоять каким-то новым претендентам на верховную власть. Сохранились свидетельства, что один такой претендент, Скрибоний, все же сумел потеснить вдовую царицу Динамию, вырвать из ее рук власть и стать во главе государства. Властвовал он недолго, признания Рима не получил и был убит боспорцами в целях примирения с Римом. После него правила Динамия, потом — римский ставленник Полемон, далее опять Динамия, которая царствовала самостоятельно около шестнадцати лет.

Динамия оказалась очень изворотливой женщиной и цепко держалась за свое высокое положение! Мы знаем, что она была женой Скрибония, затем Полемона, а после гибели последнего добилась у Рима признания как единовластная царица Боспора. Имея более семидесяти лет от роду, на восьмом году нашей эры, она передала власть в руки сына — энергичного, уже немолодого Аспурга-Рескупорида. Описание всех обстоятельств жизни этой честолюбивой правительницы и перечисление династических раздоров в Пантикапее заняло бы много места. Да и нужды в этом нет. Не судьбы боспорских правителей и не дворцовые интриги определяли в конечном итоге ход развития древней крымской державы.

Опуская подробности последующих событий, отметим лишь главную черту в характеристике боспорской политики. Это очевидное стремление Боспора сохранить свое обособленное положение, свою самостоятельность, остаться в стороне от римских дел. При этом попытки совсем стряхнуть с себя римскую опеку чередовались с заверениями в неизменной преданности Риму.

В заключение следует сказать, что хотя римляне несколько позже и ступили ногой на землю Тавриды, они ее так и не подчинили себе полностью. Ни Боспорское царство, ни Таврида в целом не стали римской колонией или провинцией. Римляне лишь сдерживали активность ее свободолюбивых народов, опасаясь их объединения против Рима. Призрак Митридатových войн преследовал римских властедержателей. И на протяжении долгих лет они неоднократно вводили в Тавриду войска, держали в городах гарнизоны, пока не вынуждены были уйти из Северного Причерноморья навсегда.

Боспорское царство просуществовало еще четыре столетия после описанных событий и нашло свой конец в обстановке кризиса рабовладельческого хозяйства, являвшегося основой его экономики. К тому времени народы, обитавшие в причерноморских степях, — скифы и сарматы — также исчезают со страниц истории, поглощенные волной гуннского нашествия.

Наступали времена иных народов и царств.

Ознакомление с эпохой убеждает в том, что история древней Тавриды, равно как и всего Северного Причерноморья, не была частью истории Эллады, Понтийского царства или Рима. Народы этой обширной страны упор-

но сохраняли свои самобытность и обособленность, несмотря на воздействие античной цивилизации и военно-политическое давление из-за моря.

С упадком древних античных государств — Греции и Рима — судьбы причерноморских племен все более втягиваются в орбиту иного центра тяготения. Центр этот находился не за морем и не на западе, а на славянском севере, связи с ним прослеживаются во все последующие века, несмотря на всю сложность и противоречивость исторического процесса. Может быть, эти связи были вначале непрочными, неоднократно прерывались, но они были обусловлены устойчивыми факторами — экономическими, географическими и другими, — а потому возникали вновь, крепили и умножались с течением времени. Они, эти связи, имели будущее, предопределив собою объединение южных и северных народов сначала в пределах Русского государства, а потом и в братской семье народов — Союзе Советских Социалистических Республик.

Времена Боспора и Скифии отделены от современности двумя тысячелетиями, на протяжении которых одни народы сменяли другие, возникали и рушились царства, менялись исторические эпохи. Но времена эти неотделимы от истории нашей Родины, так как тогда зарождалась общность ее отдельных частей. Эта общность выдержала испытание временем, пройдя через века, преодолела все невзгоды и препятствия, которые преграждали ей путь, тормозили ее развитие.

Наука и советская общественность проявляют неизменный интерес к эпохе Скифии и Боспора, воспринимая ее как яркую страницу предыстории нашего государства, ознакомление с которой помогает лучше представить и осмыслить настоящее в его развитии, понять его историческую обусловленность.

Прошлое — фундамент настоящего.

Роман «Митридат», так же как и предшествующие ему две книги романа «У Понта Эвксинского», знакомого читателям, является попыткой воссоздать древнюю эпоху если не во всей полноте, то в образно воспринимаемой форме, живописать жизнь древних людей и отношения между ними, помочь читателю представить события, происшедшие когда-то давно на территории современного Крыма и Кавказа и частично по ту сторону Черного моря.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Авгуры (*лат.*) — жрецы-предсказатели.

Агары — скифское племя, населявшее степи по сев.-зап. берегу Азовского моря. Находились в союзе с роксоланами.

Агурамазда — верховный бог древних персов. Изображался в виде небесного царя на фоне крылатого солнечного диска.

Аид (*греч. миф.*) — 1) подземный мир, куда отправляются души умерших (отсюда более позднее — ад); 2) бог, повелитель этого мира. У римлян — Плутон.

Акрополь — центральная, обычно возвышенная, укрепленная часть древнегреческого города. В акрополе Пантикапея находились главные храмы и царский дворец.

Аланы — см. сарматы.

Албаны — древнее кавказское племя. Царство албанов располагалось в пределах современного Азербайджана.

Алкион (*греч.*) — мифическая птица. Вила гнездо на волнах спокойного моря (символ благополучного плавания).

Альчики — кости для детской игры, бабки.

Альфа и омега — первая и последняя буквы греческого алфавита. Символизировали начало и конец какого-либо явления.

Амброзия (*греч. миф.*) — пища богов.

Амис — античный портовый город Понтийского царства. Находился на южном берегу Черного моря, восточнее Синопы. Колония греков-фокейцев.

Амфора (*греч.*) — глиняный сосуд с узким горлом и двумя вертикальными ручками.

Амфориск (*греч.*) — небольшой сосуд.

Анатолия — малоазийский полуостров. Ныне азиатская часть Турции.

Андрофаг (*греч.*) — людоед.

Аорсы — см. сарматы.

Аполлон (Феб) — у древних греков бог солнца, света, покровитель искусств.

Арес — древнегреческий бог войны. У римлян — Марс.

Аргонавты (*греч. миф.*) — легендарные мореплаватели, искатели золотого руна. На корабле «Арго» достигли Колхиды, где похитили золотое руно, и возвратились в Грецию.

Архонты — в древней Греции высшие должностные лица.

Аспазия — см. Перикл.

Астарта — восточная богиня любви и земного плодородия.

Астиномы (*греч.*) — здесь государственные надсмотрщики в местах общественного пользования, блюстители порядка.

Атей — один из выдающихся древнескифских царей. Жил в IV веке до н.э.

Афина (*греч.*) — богиня мудрости, а также богиня-воительница. У римлян — Минерва.

Ахеи — пиратское племя, проживавшее на Кавказском побережье, в районе современного г. Туапсе.

Ахемениды — династия древнеперсидских царей, правившая в Иране с 558 по 330 г. до н.э.

Ахилл — герой древнегреческой поэмы «Илиада».

Ахиллий — боспорское селение, пункт переправы через пролив. Располагалось на Таманском полуострове, у начала Сев. Косы.

Афродита (*греч.*) — богиня любви и красоты. Афродита Пандемос (Всенародная) — покровительница любви простых людей.

- Бастарны** — воинственное племя, проживавшее севернее нижней части р. Дунай.
- Бирема** (греч.) — морское судно с двумя ярусами весел.
- Боспор** (греч.) — 1) пролив Боспор Киммерийский — ныне Керченский пролив, Фракийский — совр. Босфор, соединяющий Черное и Мраморное моря; 2) краткое название Боспорского царства, располагавшегося по обе стороны Керченского пролива, включая часть Прикубанья и восточное побережье Азовского моря. Боспорское царство существовало свыше 800 лет.
- Борисфен** — Днепр.
- Барвары** — так древние греки и римляне называли все другие народы.
- Вифиния** — эллинистическое царство на сев.-зап. Малой Азии.
- Галаты** — см. кельты.
- Галлы** — см. кельты.
- Ганнибал** (род. ок. 247, ум. 183 г. до н.э.) — карфагенский полководец, враг Рима. Со сотысячным войском вторгся в пределы римского государства, одержал ряд побед. Позже потерпел поражение.
- Гелла и Фрикс** (греч. миф.) — брат и сестра, бежавшие верхом на златоуном баране из Беотии (Греция) в Колхиду, спасаясь от преследования мачехи.
- Гении** (лат.) — духи-покровители, якобы сопутствующие человеку, направляющие его поступки (добрые и злые гении).
- Гениохи** — прибрежное кавказское племя, занимало территорию севернее современного г. Сочи.
- Геракл** — греческий мифический герой, сын Зевса, полубог. Обладал огромной физической силой, совершил много подвигов. У римлян — Геркулес.
- Гетера** (греч.) — здесь женщина, торгующая собою.
- Гефест** (греч.) — бог подземного огня, покровитель рудного и кузнечного дела. Изображался хромым кузнецом с молотом и клещами в руках. У римлян — Вулкан.
- Гиматий** (греч.) — широкий плащ.
- Гинекей** — женская половина древнегреческого дома.
- Гипанис** — современная р. Кубань, а также Южный Буг.
- Гиперборейский** (греч.) — относящийся к северным странам.
- Гипиос** (греч.) — бог сна и сновидений.
- Гомер** — легендарный поэт Греции. Автор поэм «Илиада» и «Одиссея».
- Гоплит** (греч.) — тяжеловооруженный воин. Его вооружение — щит, тяжелое копье и меч. Защитные доспехи — шлем, панцирь, поножи.
- Гопломахия** (греч.) — искусство рукопашного боя, фехтование.
- Горгона** (греч.) — мифическое крылатое чудовище женского пола. Один вид его убивал человека.
- Даки** — фракийское племя, обитавшее на территории между Дунаем и Карпатами.
- Дандарии** — северокавказское племя. Занимало земли в районе современного г. Темрюка, на берегу Азовского моря до берегов Кубани. Было подчинено Боспорскому царству.
- Демагоги** — в древней Греции общественные деятели, пытающиеся приобрести популярность среди народа ложными обещаниями.
- Деметра** (греч.) — богиня, покровительница сельского хозяйства. У римлян — Церера.

Демон (*греч.*) — низшее божество, доброе или злое, оказывающее влияние на жизнь людей.

Демос — широкие слои народа в древнегреческих государствах, в отличие от богатой аристократии. Рабы в демос не входили.

Дионис — у древних греков бог вина и растительных сил природы.

Диоскуриада — античный город, милетская колония на месте современного г. Сухуми.

Диофант Синопеец — полководец Митридата. Воевал в Тавриде против скифов, затем подавил восстание боспорских рабов, взял в плен их предводителя Савмака (107 г. до н.э.).

Дифр (*греч.*) — небольшой стул, иногда складной.

Дромос (*греч.*) — здесь вход в подземелье, наподобие коридора.

Зевс — верховный бог в древнегреческой мифологии. Зевс Фиксий считался покровителем беглецов.

Земляное масло — нефть.

Зиги — одно из прибрежных кавказских племен, располагавшееся рядом с ахеями, южнее современного г. Туапсе.

Иеродулы (*греч.*) — рабы обоого пола, принадлежавшие храмам.

Исавры — воинственное племя, проживало на юго-востоке Малой Азии (южные склоны Тавра).

Истр — Дунай.

Кабирь (*греч.*) — 1) низшие боги плодородия, близкие к культу Деметры; 2) крепость на юго-востоке Понтийского царства.

Каппадокия — область Малой Азии, а также царство, подчиненное Митридату, затем Риму.

Катафракта (*греч.*) — защитная одежда тяжеловооруженных всадников.

Кельты (у римлян — галлы) — древние племена, широко распространенные в Западной Европе, проникшие через Балканы в Малую Азию (галаты). Здесь речь идет о кельтах, осевших на землях по верхнему и среднему Дунаю.

Кербер (Цербер) — в греческой мифологии свирепый трехголовый пес, охраняющий вход в царство мертвых.

Керкеты — северокавказское племя. Жило на побережье Черного моря, южнее Кубани.

Кибела — фригийская богиня плодородия, «мать богов». Культ Кибелы получил распространение в древней Греции и Риме.

Кизик — античный город на южном берегу Мраморного моря.

Киликия — область Малой Азии, прилегающая к побережью Средиземного моря. Пользовалась дурной славой, как пристанище пиратов.

Кири — современная река Кура в Закавказье.

Китара — головной убор персидских царей.

Кифара — струнный щипковый музыкальный инструмент древних греков.

Когорта — тактическое подразделение римского легиона численностью 360—600 воинов.

Колхида — греч. название западной части Грузии. Существовало Колхидское царство, подвластное Митридату.

Кратер (*греч.*) — большая чаша с широким отверстием и двумя ручками. Употреблялась для смешивания вина с водой за столом и при жертвенных возлияниях.

Крез — лидийский царь (560—546 гг. до н.э.), прославился своим богатством.

Ксантиппа — по преданию, сварливая супруга греческого философа Сократа.

Легион — высшая боевая единица римского войска численностью от 3 до 10 тысяч человек. **Легионер** — римский воин.

Левка (Белый остров) — ныне остров Змеиный на Черном море.

Легаты — в древнем Риме должностные лица, назначаемые сенатом. Являлись помощниками полководцев и правителей провинций. Позже, при Цезаре, командовали легионами, назначались наместниками провинций.

Лестригоны — мифический причерноморский народ, упоминаемый в «Одиссее» Гомера.

Либурны — римские боевые корабли, построенные из кипарисового дерева, прошитые медными гвоздями и обмазанные воском. Отличались быстроходностью.

Литургия — вид денежной или натуральной повинности в древней Греции.

Логограф (греч.) — здесь секретарь, составитель бумаг и речей для хозяина.

Медимн — греческая мера сыпучих тел, равная приблизительно 52 литрам.

Меотид — Азовское море.

Меоты — родственные племена, населявшие восточное побережье Азовского моря, правобережье Кубани.

Меркурий — у римлян бог торговли, красноречия, вестник богов. У греков — Гермес.

Метеки — чужеземцы, проживающие в древнегреческом государстве. Были ограничены в правах. Освобожденные рабы также становились метеками.

Мим (греч.) — скоморох, бродячий актер.

Мирмекий — боспорский городок. Располагался на берегу пролива, в 4 км к сев.-вост. от Пантикапея.

Митра — бог света, духовной чистоты, правды в религиях Древнего Востока. Культ Митры был распространен в Малой Азии, Риме.

Наварх (греч.) — начальствующий над флотом.

Навклеры (греч.) — купцы-судовладельцы.

Неаполь Скифский — столица Скифского государства. Располагался близ современного г. Симферополя.

Нектар (греч. миф.) — напиток богов.

Нереиды — в мифологии древних греков духи морских вод, имеющие образ девушек.

Нимфей — боспорский город. Располагался в 15 км южнее г. Керчи.

Новая Крепость — одна из сильных крепостей Митридата на востоке его царства, в Малой Азии.

Обол — греческая мелкая монета, одна шестая часть драхмы.

Ойкумена (греч.) — совокупность областей земного шара, заселенных человеком.

Олимпийцы — греческие боги, обитавшие якобы на горе Олимп.

Опистодом (греч.) — заднее помещение в храме.

Орфей (греч. миф.) — певец, спустившийся в подземное царство мертвых с целью вернуть умершую жену.

Палак — скифский царь во II веке до н.э. Сын Скилура (см.). Был побежден в войне с полководцем Митридата Диофантом.

Палестра — гимнастическая школа в древней Греции.

Пандора (греч. миф.) — женщина, открывшая из любопытства за-

- претный ящик, наполненный бедствиями, болезнями и пороками, получившими с той поры распространение среди людей.
- Пантеон** (*греч.*) — общее наименование богов, относящихся к одному культу.
- Пантикапей** — столица Боспорского царства. Располагался на месте современного г. Керчи.
- Папирус** — растение, листья которого использовались для письма (предшественник бумаги).
- Парфений** — боспорское селение, располагалось на современном мысе Ени-Кале. Пункт переправы через пролив (см. Ахиллий).
- Парфяне** — ираноязычная народность. Парфянское царство располагалось в пределах совр. Ирана.
- Пентера** — древнегреческий военный корабль с пятью рядами весел.
- Перибол** (*греч.*) — храмовая ограда.
- Перизома** (*греч.*) — род одежды.
- Перикл** (ок. 490—429 гг. до н.э.) — выдающийся деятель Афин, вождь рабовладельческой демократии. Его жена Аспазия прославилась красотой, умом, образованностью, способствовала развитию науки и искусства.
- Персефона** — древнегреческая богиня подземного царства, олицетворяла силы земли. У римлян — Прозерпина.
- Петаз** — род шляпы у древних греков.
- Пирей** — порт в древней Греции, близ Афин.
- Пирр** (319—272 гг. до н.э.) — царь Эпира (сев. Греция), выдающийся полководец эллинистической эпохи.
- Пифос** (*греч.*) — глиняный бочонок.
- Плебеи** (плебс) — преобладающее большинство «простых», незнатных, чаще малоимущих граждан древнего Рима.
- Понт**, **Понтийское царство** — рабовладельческое эллинистическое государство в Малой Азии (301—64 гг. до н.э.). Основное население — каппадокийцы. Господствующий класс — персы. В городах — греки-колонисты. При Митридате VI было расширено (подчинены сопредельные области, а также Колхида, Боспорское царство). Пало в войне с Римом.
- Понт Эвксинский** («Гостеприимное море») — древнегреческое наименование Черного моря.
- Посейдон** — в древнегреч. мифологии бог морей. У римлян — Нептун.
- Прекрасная гавань** — портовый город на западном берегу Крыма, на месте совр. г. Черноморское (бывш. Ак-Мечеть). Владение Херсонеса.
- Проксен** — покровитель приезжих иностранцев в древнегреческих государствах, из числа местных граждан. Оказывал проезжим гостеприимство, помогал в делах и торговле.
- Прометей** (*греч. миф.*) — титан, богоборец. Похитил с неба огонь и передал его людям. За это Зевс приковал его к скале на Кавказе. Был освобожден Гераклом (см.).
- Пропонтида** — Мраморное море.
- Проревс** — должность на древнегреческом корабле. Проревс следил за погодой, измерял глубину моря, предупреждал об опасности, помогал капитану в управлении кораблем.
- Простат** (*греч.*) — здесь — рабовладелец, покровительствующий бывшему рабу. У римлян — патрон.
- Ритон** (*греч.*) — рог для питья.

Ритуальный — относящийся к религиозной обрядности.

Роксоланы — см. сарматы.

Савмак — раб, предводитель восстания рабов на Боспоре (107 г. до н.э.). Возглавлял государство рабов. Был побежден войсками Диофанта (см.), попал в плен и отправлен в Синопу.

Сарматы — собирательное название ираноязычных кочевых племен, населявших в древности прикаспийские и причерноморские степи. Среди них известны роксоланы, аланы, языки, аорсы, сираки и др. Разгромлены гуннами.

Сатиры (греч.) — мифические лесные духи. Изображались в виде людей с рогами и козлиными ногами. Спутники бога Диониса.

Сатрапы — у древних персов правители областей.

Сенаторы — члены сената, госуд. органа верховной власти в древнем Риме. Являлись представителями правящей аристократии.

Серторий Квинт (ок. 123—72 гг. до н.э.) — римский полководец. В 83—81 гг. до н.э. управлял Испанией. Возглавил антиримское восстание иберийских племен, объединил противников господствующего в Риме диктаторского режима. Убит заговорщиками.

Сирена (греч. миф.) — птица с головой и грудью женщины. Существо, враждебное людям.

Скилур — скифский царь во II веке до н.э. Стремился подчинить колонии в древнем Крыму.

Скифы — кочевые и оседлые ираноязычные племена. Населяли большую часть древнего Крыма и степи севернее Перекопского перешейка. Родственны сарматам.

Соаны — древнее наименование грузинской народности сванов.

Сократ (ок. 469—399 гг. до н.э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Спартак — вождь крупнейшего восстания римских рабов, выдающийся организатор и полководец. Пал в бою в 71 г. до н.э.

Спартокиды — династия боспорских царей. Последний Спартокид Перисад V был свергнут и казнен восставшими рабами, возглавленными Савмаком.

Стадий (греч.) — мера длины. Аттический стадий — 178 м.

Стикс — в древнегреческой мифологии река в подземном царстве мертвых.

Стратег (греч.) — военачальник, одно из высших должностных лиц в античных государствах.

Сулла, Луций Корнелий (138—78 гг. до н.э.) — полководец и государственный деятель древнего Рима. Возглавил римскую армию в первой войне с Митридатом, окончившейся победой Рима (в 84 г. до н.э.).

Сцилла и Харибда (греч.) — мифические существа, обитавшие на скалах. Нападали на корабли внезапно с двух сторон.

Тавры — древнее племя, обитавшее в горах Крыма.

Талант — самая крупная весовая и денежная единица в древней Греции.

Танаис — 1) древнее название р. Дон; 2) боспорский город-колония, основанный греками в устье Дона.

Тантал (греч.) — мифический царь, осужденный Зевсом на муки голода и жажды.

Тафры — Перекопский перешеек с одноименным городом-крепостью.

Тенедос — остров в Эгейском море, у берегов Малой Азии.

Термодонт — река в Малой Азии. Нынче р. Терме-чай.

- Термы (лат.) — античные общественные бани.
- Трапезит (греч.) — ростовщик, меняла.
- Триера (греч.) — трехъярусное гребное судно, возглавляемое триерархом.
- Фаворит — любимец высокопоставленного лица. Здесь раб, пользующийся расположением хозяина.
- Фаланга (греч.) — сомкнутый строй тяжеловооруженной пехоты. В переносном значении — вооруженный отряд, группа войск.
- Фанагория — город Боспорского царства на Таманском полуострове (в 3 км от современной станицы Сенной).
- Фасис — 1) древнегреческая колония, город (на месте современного г. Потти); 2) древнее название р. Риони.
- Фемида — у древних греков богиня правосудия. У римлян — Юстиция.
- Феникс — в древнегреческой мифологии птица, возрождающаяся из собственного пепла.
- Фиал (греч.) — чаша для питья.
- Фиас (греч.) — религиозное объединение, имеющее бога-покровителя, особый устав, ритуал, общую кассу. Были фиасы обожествленных царей (например, евпатористы).
- Фибула (лат.) — металлическая застежка для одежды.
- Филоромей (греч.) — люди, преклоняющиеся перед Римом и римским образом жизни.
- Филэллины (греч.) — приверженцы греческой культуры и греческого образа жизни.
- Фортуна — римская богиня счастья, удачи, судьбы.
- Фракийские племена — населяли области Балканского полуострова, включая и низовья Дуная.
- Фригия — область Малой Азии.
- Халибы — племя в Малой Азии. Халибы были известны как хорошие рудокопы, кузнецы.
- Халкедон — вифинский город у Мраморного моря.
- Херсонес Таврический — древнегреческий город-государство. Располагался близ совр. г. Севастополя. Основан в V веке до н.э. гераклейцами. Существовал около 2 тыс. лет.
- Хитон — основная нательная одежда древних греков, длиною до колен и ниже, иногда с рукавами. Подпоясывался с напуском.
- Хламида — короткий плащ. Древние греки носили его в военных походах, путешествиях, на охоте.
- Центурион — начальник центурии (сотни) в древнеримском войске.
- Целла (лат.) — святилище храма, где стояла статуя божества.
- Экзомида (греч.) — род хитона, одежда бедняков и рабов. Укреплялась на левом плече, оставляя правую руку и часть тела обнаженными.
- Экклезия — народное собрание, высший орган власти в древнегреческом демократ. государстве. В Пантикапее права экклезии были ограничены в пользу царской власти.
- Электр — 1) сплав золота и серебра; 2) янтарь.
- Эллада — Греция.
- Эллины — греки.
- Энарей (греч.) — мужчина-евнух, скопец.
- Эпикур (341—270 гг. до н.э.) — древнегреческий философ-материалист. Последователь Демокрита.
- Эранисты (греч.) — члены добровольного общества взаимной помощи.
- Эргастерий (греч.) — мастерская, в которой работали рабы.

Эргастул (лат.) — тюрьма для рабов, в которой рабы выполняли особо тяжелые работы.

Эриннии (греч. миф.) — богини-мстительницы, обитавшие в подземном мире.

Эрос, или Эрот (греч. миф.) — крылатый бог любви, вооруженный луком и стрелами. У римлян Амур, а также Купидон.

Эфебы (греч.) — юноши от 18 до 20 лет, проходившие военное обучение. Эфебы несли службу в крепостных гарнизонах и на границе.

Янус — в древнеримской мифологии бог времени, «начала и конца» вообще. Изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. Фиас евпатористов	5
Часть II. «Хварно! Хварно!..»	85
Часть III. Янус двуликий	175
Часть IV. У Прометеевой скалы	257
Часть V. Между Сциллой и Харибдой	311
Часть VI. Низвержение Кроноса	401
Краткое послесловие автора	561
Пояснительный словарь	569

Полупуднев В. М.
П 53 Митридат. Исторический роман.— Екатеринбург, «Посылторг», 1994. 576 с.

ISBN 5—85464—103—8

ББК 84Р7

Виталий Максимович Полупуднев

МИТРИДАТ

Ответственный за выпуск С. Семухина
Художники В. Шибает, А. Мареев
Технический редактор Н. Батюченко

ЛР № 040498 от 20.07.92

Сдано в набор 14.01.94. Подписано в печать 25.03.94. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 32,47 Тираж 45 000 Заказ № 516.

АО «Уральский торговый дом «Посылторг».
620068, г. Екатеринбург, ул. Учителей, 38.

ИПП «Уральский рабочий».
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

серия
ИСТОРИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

